

Н. М. КАРАМЗИНЪ.

ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА РОССИЙСКАГО

Томъ VI.

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ ПРИЛОЖЕНІЕ

КЪ ЖУРНАЛУ

„СѢВЕРЪ“.

за

ІЮНЬ.

Печатано подъ наблюденіемъ проф. П. Н. Полевого

—
—
—
—
—

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Издание Евг. Евдокимова.

1892.

316615

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 30 мая 1892 года.

Tipografija E. Evdokimova, B. Italskaya, № 11.

ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА РОССИЙСКАГО.

Томъ VI.

ГЛАВА I.

Государь, Державный Великий Князь Иоаннъ III
Васильевичъ.

Г. 1462—1472.

Вступлениe. Князь Рязанскій отпушенъ въ свою столицу. Договоръ съ Князьями Тверскимъ и Верскимъ. Дѣла Псковскія. Ахматъ возстаетъ на Россію. Всеобщая мысль о скоромъ преставленіи свѣта. Кончина супруги Иоанновой. Избрание нового Митрополита. Походы на Казань. Война съ Новынгородомъ. Явленіе Кометы. Завоеваніе Перми. Нашествіе Ахмата на Россію. Смерть Юрія, Иоаннова брата.

Отсель Исторія наша пріемлетъ достопицтво истинно го- Г. 1462.
сударственнай, описывая уже не безсмысленный драки Княже-
скія, но дѣянія Царства, приобрѣтшаго независимость и вѣ-
личіе. Разновластіе исчезаетъ вмѣстѣ съ нашимъ подданствомъ;
образуется Держава сильная, какъ бы новая для Европы и
Азіи, которая, видя оную съ удивленіемъ, предлагаютъ ей
знаменитое мѣсто въ ихъ системѣ политической. Уже союзы
и войны наши имѣютъ важную цѣль: каждое особенное пред-
пріятіе есть слѣдствіе главной мысли, устремленной ко благу
отечества. Народъ еще коснѣеть въ невѣжествѣ, въ грубо-
сти; но Правительство уже дѣйствуетъ по законамъ ума про-
свѣщенаго. Устроются лучшія воинства, призываются Искус-
ства, нужнѣйшія для успѣховъ ратныхъ и гражданскихъ;
Посольства Великокняжескія спѣшатъ ко всѣмъ Дворамъ зна-

менитымъ; Посольства иноземныхъ одно за другимъ являются въ нашей столицѣ: Императоръ, Папа, Короли, Республики, Царя Азіатскіе привѣтствуютъ Монарха Россійскаго, славнаго побѣдами и завоеваніями, отъ предѣловъ Литвы и Новагорода до Сибири. Издыхающая Гречія отказываетъ намъ остатки своего древняго величія: Италія даетъ первые плоды рождающихся въ ней художествъ. Москва украшается великолѣбными зданіями. Земля открываетъ свои нѣдра, и мы собственными руками извлекаемъ изъ оныхъ металлы драгоценныя. Весь содержаніе блестящей Исторіи Ioanna III, который имѣлъ рѣдкое счастіе властствовать сорокъ-три года, и былъ достоинъ онаго, властствуя для величія и славы Россіянъ.

Ioannъ на двѣнадцатомъ году жизни сочетался бракомъ съ Mariю, Тверскою Княжною; на осьмнадцатомъ уже имѣлъ сына, именемъ также Ioanna, прозваниемъ *Младаго*, а на двадцать-второмъ сдѣлался Государемъ. Но въ лѣта пылкаго юношества онъ изъявлялъ осторожность свойственную умамъ зрѣлымъ, опытнымъ, а ему природную: ни въ началѣ, ни послѣ не любилъ дерзкой отважности; ждалъ случая, избралъ время; но быстро устремлялся къ цѣли, но двигался къ ней размѣренными шагами, опасаясь равно и легкомысленной горячности и несправедливости, уважая общее мнѣніе и правила вѣка. Назначенный Судьбою возстановить Единодержавіе въ Россіи, онъ не вдругъ предпріялъ сіе великое дѣло и не считалъ всѣхъ средствъ дозволенными. Московскіе Намѣстники

г. 1464. управляли Рязанью; малолѣтній Князь ся, Василій, воспитывался въ нашей столицѣ: Ioannъ однимъ словомъ могъ бы присоединить его землю къ Великому Княжению, но не хотѣлъ того, и послалъ шестнадцати-лѣтняго Василія гостепріимствовать въ Рязани, выдавъ за него меньшую сестру свою, Анну (¹). Призналъ также независимость Твери, заключивъ договоръ съ шуриномъ, Михаиломъ Борисовичемъ, какъ съ братомъ и равнѣмъ ему Великимъ Княземъ (²); не требовалъ для себя никакого старѣйшинства; далъ слово не вступаться въ Домъ Святаго Спаса, не принимать ни Твери, ни Кашмина отъ Хана; утвердилъ границы ихъ владѣній,

Быть
Рязан-
скій от-
пушон-
ь свою
столи-
цу.

догово-
ръ съ Кна-
зами.

какъ онѣ были при Михаилѣ Ярославичѣ. Зять и шурины условились дѣйствовать за-одно противъ Татарь, Литвы, Польши и Нѣмцевъ; второй обязывался не имѣть никакого сношенія съ врагами первого, съ сыновьями Шемяки, Василія Ярославича Боровскаго, и съ Можайскимъ; а Великій Князь обѣщалъ не покровительствовать враговъ Тверскаго. Михаилъ Андреевичъ Веревскій по договорнымъ грамотамъ уступилъ Ioаниу нѣкоторыя мѣста изъ своего Удѣла и призналъ себя *младшимъ* въ отношеніи къ самимъ меньшимъ его братьямъ; впрочемъ удержалъ всѣ старинныя права Князя Владѣтельнаго (³).

Псковитяне оскорбили Ioanna. Василій Темный не за-долго ^{дѣла} Псковскія до кончины своей далъ имъ въ Намѣстники, безъ ихъ воли, Князя Владимира Андреевича: они приняли его, но не любили и скоро выгнали: даже обругали и столкнули съ крыльца на Вѣчѣ. Владіміръ поѣхалъ жаловаться въ Москву, куда въ слѣдь за нимъ прибыли и Бояре Псковскіе. Три дни Великій Князь не хотѣлъ ихъ видѣть; на четвѣртый выслушалъ извиненія, простилъ и милостиво дозволилъ имъ выбрать себѣ Князя. Псковитяне избрали Князя Звенигородскаго, Ивана Александровича: Ioаннъ утвердилъ его въ семъ достоинствѣ, и сдѣлалъ еще болѣе: прислалъ къ немъ войско, чтобы наказать Нѣмцевъ за нарушеніе мира: ибо жители Дерпта посадили тогда нашихъ купцовъ въ темницу. Сія война, какъ обыкновенно, не имѣла важныхъ слѣдствій. Нѣмцы съ великимъ стыдомъ бѣжали отъ передового отряда Россійскаго; а Псковитяне, имѣя у себя нѣсколько пушекъ, осадили Нейгаузенъ, и посредствомъ Магистра Ливонскаго скоро заключили перемиріе на девять лѣтъ, съ условiemъ, чтобы Епископъ Дерптскій, по древнимъ грамотамъ, заплатилъ какую-то дань Великому Князю, не утѣсняя въ семъ городѣ ни жителей Русской слободы, ни церквей нашихъ (⁴). Воевода Ioанновъ, Князь Феодоръ Юрьевичъ, возвратился въ Москву, осыпанный благодарностю Псковитянъ и дарами, которые состояли въ тридцати рубляхъ для него и въ пятидесяти для всѣхъ бывшихъ съ нимъ Бояръ ратныхъ.

Г. 1464-
1465.

Новогородцы не взяли участія въ сей войнѣ, и даже явно доброжелательствовали Ордену: въ досаду имъ Псковитяне отложились отъ ихъ Архіепископа, хотѣли имѣть своего особеннаго Святителя, и просили о томъ Великаго Князя. Еще Новгородъ находился въ дружелюбныхъ сношеніяхъ съ Москвою и слушался ея Государя: благоразумный Ioannъ отвѣтствовалъ Псковитянамъ: „Въ дѣлѣ столь важномъ я долженъ „узнать мнѣніе Митрополита и всѣхъ Русскихъ Епископовъ. „Вы и старшіе братья ваши, Новогородцы, моя отчина, жа- „луетесь другъ на друга; они требовали отъ меня Воеводы, „чтобы смирить васъ оружиемъ: я не велѣлъ имъ мыслить о „семь междусобіи, ни задерживать вашихъ Пословъ на пути „ко мнѣ; хочу тишины и мира; буду праведнымъ судію „между вами (⁵)“. Сказавъ, совершилъ дѣло миротворца. Псковитяне возвратили церковныя земли Архіепископу Ioанну и взаимными клятвами подтвердили древній союзъ братскій съ Новогородцами. Чрезъ нѣсколько лѣтъ Духовенство Псковскоѳ, будучи весьма недовольно правленіемъ Ioаны, обвиняемаго въ беспечности и корыстолюбіи, хотѣло безъ его вѣдѣнія рѣшить всѣ церковныя дѣла по Номоканону, и съ согласія гражданскихъ чиновниковъ написало судную для себя грамоту; но Великій Князь вторично вступился за древнія права Архіепископа: грамоту уничтожили, и все осталось, какъ было.

Три года Ioannъ властвовалъ мирно и спокойно, не сложивъ съ себя имени данника Ордынскаго, но уже не требуя милостивыхъ ярлыковъ отъ Хана на достоинство Великокняжеское и, какъ вѣроятно, не платя дани, такъ, что Царь Ахматъ, повелитель Волжскихъ Улусовъ, рѣшился прибѣгнуть къ оружію; соединилъ всѣ силы и хотѣлъ итти къ Москвѣ (⁶). Но счастіе, благопріятствуя Ioannу, воздвигло Орду на Орду: Ханъ Крымскій, Ази-Гиргей, встрѣтилъ Ахмата на берегахъ Дона: началася кровопролитная война между ими, и Россія осталась въ тишинѣ, готовясь къ важнымъ подвигамъ.

Кромѣ вышнихъ опасностей и непріятелей, юный Ioannъ долженъ быть внутри Государства преодолѣть общее уныніе сердца, какое-то разслабленіе, дремоту силъ душевныхъ. Истѣ-

кала седьмая тысяча лѣтъ отъ сотворенія міра по Греческимъ Хронологамъ: съевѣріе съ концемъ ея ждало и конца міру. Сія несчастная мысль, владычествуя въ умахъ, вселяла въ людей равнодушіе ко славѣ и благу отечества (⁷); менѣе стыдились государственного ига, менѣе плѣнялись мыслю независимости, думая, что все не на-долго. Но печальное тѣмъ сильнѣе дѣйствовало на сердца и воображеніе. Затмѣнія, мини-
мыя чудеса ужасали простолюдиновъ болѣе, нежели когда ни-
будь. Увѣряли, что Ростовское озеро прѣляя двѣ недѣли
страшно было всякою ночи, и не давало спать окрестнымъ
жителямъ (⁸). Были и важныя, дѣйствительныя бѣдствія: отъ
чрезвычайного холода и морозовъ пропадалъ хлѣбъ въ поляхъ;
два года сряду выпадалъ глубокій снѣгъ въ Маѣ мѣсяцѣ (⁹). Язва, называемая въ лѣтописяхъ *желѣзомъ*, еще искала жертвъ
въ Россіи, особенно въ Новогородскихъ и Псковскихъ владѣ-
ніяхъ, гдѣ, если вѣрить исчисленію одного Лѣтописца, въ два
года умерло 250,652 человѣка; въ одномъ Новѣгородѣ 48,402,
въ монастыряхъ около 8,000 (¹⁰). Въ Москвѣ, въ
другихъ городахъ, въ селахъ и на дорогахъ также погибло
множество людей отъ сей заразы (¹¹).

Огорчаясь вмѣстѣ съ народомъ, Великій Князь сверхъ
того имѣлъ несчастіе оплакать преждевременную смерть юной,
нѣжной супруги, Маріи. Она скончалась внезапно: Иоаннъ на-
ходился тогда въ Коломнѣ: мать его и Митрополитъ погребли
ее въ Кремлевской церкви Вознесенія (гдѣ со временемъ Васи-
лія Димитріевича начали хоронить Княгинь). Сію неожидае-
мую кончину приписывали дѣйствію яда, единствено потому,
что тѣло умершей вдругъ отекло необыкновеннымъ образомъ.
Подозрѣвали жену Дворянина Алексея Полуевкта, Наталью,
которая, служа Маріи, однажды послала ея поясъ къ какой-
то ворожѣ. Доказательства столь невѣрныхъ не убѣдили Ве-
ликаго Князя въ истинѣ предполагаемаго злодѣйства; одна-
ко жъ Алексей Полуевкты шесть лѣтъ не смѣлъ показы-
ваться ему на глаза (¹²).

Къ горестнымъ случаямъ сего времени Лѣтописцы при-
числяютъ и то, что Первосвятитель ѡеодосій, добродѣтельный,

Всеоб-
ща л
мысль
о скоп-
ровіи
проста-
вленіи
свѣта.

Г. 1466-
1467.

кончи-
на суп-
руги
Иоанно-
вой.

ревностный, оставилъ Митрополію. Причина достопамятна. Нажность, питаемая мыслю о скоромъ преставлениі свѣта, способствовала неумѣренному размноженію храмовъ и Священнослужителей: всякой богатый человѣкъ хотѣлъ имѣть свою церковь. Празднолюбцы шли въ Діаконы и въ Попы, соблазня народъ не только грубымъ нравѣствомъ, но и развратною жизнію. Митрополитъ думалъ пресѣчь зло: еженедѣльно собиралъ ихъ, училъ, вдовыхъ постригалъ въ Монахи, распутныхъ лишалъ сана и наказывалъ безъ милосердія. Слѣдствіемъ было, что многія церкви опустѣли безъ Священниковъ. Сдѣлался ропотъ на Феодосія, и сей Пастырь строгій, но не весьма твердый въ душѣ, съ горести отказался отъ правленія. Великій Князь призвалъ въ Москву своихъ братьевъ, всѣхъ Епископовъ, духовныхъ сановниковъ, которые единодушно избрали Суздальскаго Святителя, Филиппа, въ Митрополиты; а Феодосій заключился въ Чудовѣ монастырѣ, и взялъ въ келлію къ себѣ одного прокаженнаго, ходилъ за нимъ до конца жизни, самъ омывая его струны (¹³). Россіяне жалѣли о Пастырѣ столь благочестивомъ, и страшились, чтобы Небо не казнило ихъ за оскорблениѣ святаго мужа.

Избрание по
ваго
Митрополита.

Похо-
дъ на
Казань.

Сентябрь 14.

Наконецъ Иоаннъ предпріялъ воинскими дѣйствіями разсвѣть свою печаль и возбудить въ Россіянахъ духъ бодрости. Царевичъ Касимъ, бывъ вѣрнымъ слугою Василія Темнаго, получилъ отъ него въ Удѣль на берегу Оки Мещерскій городокъ, названный съ того времени *Касимовыムъ*; жилъ тамъ въ изобилії и спокойствіи; имѣлъ сношенія съ Вельможами Казанскими, и тайно приглашенній ими свергнуть ихъ новаго Царя, Ибрагима, его пасынка, требовалъ войска отъ Иоанна, который съ удовольствіемъ видѣлъ случай присвоить себѣ власть надъ опасною Казанью, чтобы успокоить наши восточные границы, подверженныя нападеніямъ ея хищнаго, воинственнаго народа (¹⁴). Князь Иванъ Юрьевичъ Патрекеевъ и Стрига-Оболенскій выступили изъ Москвы съ полками: Касимъ указывалъ имъ путь, и думалъ внезапно явиться подъ стѣнами Ибрагимовой столицы; но многочисленная рать Казанская, предводимая Царемъ, уже стояла на берегу Волги,

и принудила Московскихъ Воеводъ итти назадъ. Въ семъ неудачномъ, осеннемъ походѣ Россіяне весьма много претерпѣли отъ несчастья и дождей, тонули въ грязи, бросали до-спѣхи, уморили своихъ коней, и сами, не имѣя хлѣба, Ѳли въ постъ мясо (что могло случиться тогда единствено въ ужасной крайности). Однако же возвратились всѣ живы и здоровы. Царь не смѣлъ гнаться за ними, а послалъ отрядъ къ Галичу, гдѣ Татары не могли сдѣлать важнаго вреда: ибо Великій Князь успѣль взять мѣры, занявъ воинскими дружинами всѣ города пограничные: Нижній, Муромъ, Кострому, Галичъ (¹⁵).

Немедленно другая рать Московская съ Княземъ Симеономъ Романовичемъ пошла изъ Галича въ Черемисскую землю (въ нынѣшнюю Вятскую и Казансскую Губернію) сквозь дремучіе лѣса, уже наполненные снѣгомъ, и въ самые жестокіе морозы. Повелѣніе Государя и надежда обогатиться добычью дали воинамъ силу преодолѣть всѣ трудности. Болѣе мѣсяца г. 1468. шли они по лѣснымъ пустынямъ, не видя ни селеній, ни пути предъ собою: не люди, но зѣфири жили еще на дикихъ берегахъ Ветлуги, Усты, Кумы. Вступивъ въ землю Черемисскую, изобилую хлѣбомъ и скотомъ—управляемую собственными Князьями, но подвластную Царю Казанскому—Rossiане истребили все, чего не могли взять въ добычу; рѣзали скотъ и людей; жгли не только селенія, но и бѣдныхъ жителей, избирая любыхъ въ плѣнники. Наше право войны было еще древнее, варварское; всякое злодѣйство въ непріятельской странѣ считалось законнымъ. — Князь Симеонъ доходилъ почти до самой Казани, и безъ битвы проливъ множество крови, возвратился съ именемъ побѣдителя. — Князь Иванъ Стрига-Оболенскій выгналъ Казанскихъ разбойниковъ изъ Костромской области. Князь Даиниль Холмскій побилъ другую шайку ихъ близъ Мурома: только не многіе спаслисѧ бѣгствомъ въ дремучіе лѣса, оставивъ своихъ коней. Муромцы, Нижегородцы опустошили берега Волги въ предѣлахъ Ибрагимова Царства.

Іоаннъ еще хотѣлъ подвига важнѣйшаго, чтобы загладить первую неудачу, и смирить Ибрагима; собраль всѣхъ

Князей, Бояръ, и самъ повелъ войско къ границѣ, оставивъ въ Москвѣ менышаго брата, Андрея. По древнему обыкновенію нашихъ Князей онъ взялъ съ собою и десятилѣтнаго сына своего, чтобы заблаговременно пріучить его къ ратному дѣлу. Но сей походъ не совершился. Узнавъ о прибытіи Литовскаго, Казимира Посла, Якова Писаря, то есть Секретаря Государственнаго, Иоаннъ велѣлъ ему быть къ себѣ въ Переяславль и ѿхать назадъ къ Королю съ отвѣтомъ; а самъ, неизвѣстно для чего, возвратился въ Москву (¹⁶), пославъ изъ Владимира только малый отрядъ на Кичменгу, гдѣ Казанскіе Татары жгли и грабили села. Оставилъ намѣреніе лично предводительствовать ратію, Иоаннъ далъ повелѣніе Воеводамъ итти къ берегамъ Камы изъ Москвы, Галича, Вологды, Устюга и Кичменги съ Дѣтьми Боярскими и Козаками. Главными начальниками были Руно Московскій и Князь Иванъ Звенецъ Устюжскій. Всѣ соединились въ землѣ Вятской, подъ Котельничемъ, ишли берегомъ рѣки Вятки, землею Черемисскою, до Камы, Тамлуги и Переезова Татарскаго, откуда повернули Камою къ Бѣлой Воложкѣ, разрушая все огнемъ и мечемъ, убивая, плѣняя беззащитныхъ. Настигнувъ въ одномъ мѣстѣ 200 вооруженныхъ Казанцевъ, Полководцы Московскіе устыдились дѣйствовать противъ нихъ всѣми силами, и выбрали охотниковъ, которые истребили сю толпу, взявъ въ плѣнъ двухъ ея начальниковъ. Иныхъ битвъ не было: Татары, привычные ко впаденіямъ въ чужія земли, не умѣли оборонять своихъ. Перехвативъ на Камѣ множество богатыхъ купеческихъ судовъ, Россіяне съ знатною добычею возвратились черезъ Великую Пермь къ Устюгу и въ Москву (¹⁷).— Съ другой стороны ходилъ на Казанцевъ Воевода Нижегородскій, Князь Федоръ Хрипунъ Ряполовскій, съ Московскою дружиною, и встрѣтивъ на Волгѣ отрядъ Царскихъ тѣлохранителей, побилъ его на голову. Въ числѣ плѣнниковъ, отосланныхъ къ Иоанну въ Москву, находился знаменитый Князь Татарскій, Хозюмъ Бердей (¹⁸).

Но Казанцы между тѣмъ присвоили себѣ господство надъ Вяткою: сильное войско ихъ, вступивъ въ ся предѣлы, такъ

устрашило жителей, что они, не имѣя большаго усердія къ Государямъ Московскмъ, безъ сопротивленія объявили себя подданными Царя Ибрагима⁽¹⁹⁾. Сіе легкое завоеваніе было не прочно: Казань не могла бороться съ Москвою.

Въ слѣдующую весну Ioанип предпріялъ нанести важнѣйшій ударъ сему Царству. Не только дворъ Великокняжескій съ Боярскими Дѣтьми всѣхъ городовъ и всѣхъ Удѣловъ, но и Московскіе купцы вмѣстѣ съ другими жителями столицы вооружились подъ особеннымъ начальствомъ Князя Петра Васильевича Оболенскаго-Нагаго. Главнымъ предводителемъ былъ назначенъ Князь Константип Александровичъ Беззубцевъ, а мѣстомъ соединенія Нижній Новгородъ. Полки сѣли на суда въ Москвѣ, въ Коломнѣ, въ Владимірѣ, Суздалѣ, Муромѣ. Дмитровцы, Можайцы, Угличане, Ростовцы, Ярославцы, Костромичи плыли Волгою; другіе Окою, и въ одно время соплися при устьѣ сихъ двухъ величественныхъ рѣкъ⁽²⁰⁾. Такое знаменитое судовое ополченіе было зреющимъ любопытнымъ для Сѣверной Россіи, которая еще не видала подобныхъ.

Уже главный Воевода, Князь Константип, сдѣлавъ общія распоряженія, готовился итти далѣе; но Ioанип, вдругъ перемѣнивъ мысли, написалъ къ нему, чтобы онъ до времени остался въ Нижнемъ Новгородѣ, и только легкими отрядами, составленными изъ охотниковъ, тревожилъ непріятельскую землю на обѣихъ сторонахъ Волги. Лѣтописцы не скаживаютъ, что побудило къ тому Ioанна; но причина кажется ясною. Царевичъ Касимъ, виновникъ сей войны, умеръ: жена его, мать Ибрагимова, взялась склонить сына къ дружбѣ съ Россіею, и Великій Князь надѣялся безъ важныхъ усилий воинскихъ достигнуть своей цѣли, и смирить Казань. Случилось не такъ.

Воевода объявилъ Князьямъ и чиновникамъ волю Государеву: они единогласно отвѣтствовали: „мы всѣ хотимъ казнить невѣрныхъ“, и съ его дозвolenія немедленно отправились, по тогдашнему выражению, *искать ратной чести*, имѣя болѣе ревности, нежели благоразумія; подняли парусы, снялись съ якоря, и пристань скоро опустѣла. Воевода остался

въ Нижнемъ почти безъ войска, и даже не избралъ для нихъ главнаго начальника. Они сами увидѣли необходимость сего: приплывъ къ мѣсту Старого Нижняго Новагорода, отпѣли тамъ молебенъ въ церкви Преображенія, роздали милостыню, и въ общемъ совѣтѣ выбрали Ивана Руна въ предводителя. Имъ не велѣно было ходить къ Казани; но Руно сдѣлалъ по своему: не теряя времени, спѣшилъ къ Царской столицѣ⁽²¹⁾, и передъ разсвѣтомъ вышелъ изъ судовъ, стремительно ударилъ на ея посадъ съ крикомъ и трубнымъ звукомъ. Утренняя заря едва освѣтила небо: Казанцы еще спали. Россіяне безъ сопротивленія вошли въ улицы: грабили, рѣзали; освободили бывшихъ тамъ плѣнниковъ Московскихъ, Рязанскихъ, Литовскихъ, Вятскихъ, Устюжскихъ, Пермскихъ, и зажгли предмѣстіе со всѣхъ сторонъ. Татары съ драгоценнымишими своимъ имѣніемъ, съ женами и дѣтьми запираясь въ домахъ, были жертвою пламени. Обративъ въ пепель все, что могло сгорѣть, Россіяне усталые, обремененные добычею, отступили, сѣли на суда и пошли къ Коронническому острову, гдѣ стояли цѣлую недѣлю безъ всякаго дѣла: чѣмъ Руно навлекъ на себя подозрѣніе въ измѣнѣ. Многіе думали, что онъ, пользуясь ужасомъ Татаръ, сквозь пламя и дымъ предмѣстія могъ бы войти въ городъ, но силою отвѣль полки отъ приступа, чтобы тайно взять окунуть съ Царя⁽²²⁾. Но крайней мѣрѣ никто не понималъ, для чего сей Воевода, имѣя славу разума необыкновеннаго, тратить время; для чего не дѣйствуетъ или не удалается съ добычею и плѣнниками?

Легко было предвидѣть, что Царь не будетъ дремать въ своей, кругомъ обожженной столицѣ: наконецъ Русской плѣнникъ⁽²³⁾, выбѣжавъ изъ Казани, принесъ вѣсть къ нашимъ, что Ибрагимъ соединилъ всѣ полки Камскіе, Сыплинскіе, Констанціе, Бѣловолжскіе, Ватацкіе, Башкирскіе, и готовится въ слѣдующее утро наступить на Россіянъ конною и судовою ратію. Воеводы Московскіе спѣшили взять мѣры: отобрали молодыхъ людей и послали ихъ съ большими судами къ Ирпихову острову, не велѣвъ имъ ходить на узкое мѣсто Волги; а сами остались на берегу, чтобы удерживать непріятеля, ко-

торый дѣйствительно вышелъ изъ города. Хотя молодые люди не послушались Воеводы и стали какъ бы нарочно въ узкомъ протокѣ, гдѣ непріятельская конница могла стрѣлять въ нихъ: однакожъ мужественно отбили ее. Воеводы столь же удачно имѣли бой съ лодками Казанскими, и прогнавъ оныхъ въ городу, соединились съ своими большими судами у Ирихова острова, славя побѣду и Государя.

Тутъ прибылъ къ нимъ главный Воевода, Князь Константина Беззубцевъ, изъ Нижняго Новагорода, свѣдавъ, что они въ противность Ioannovу намѣренію, подступили къ Казани. Доселъ успѣхъ служилъ имъ оправданіемъ: Константинъ хотѣлъ еще важнѣйшаго: отправилъ гонцевъ въ Москву, съ вѣстю о происшедшемъ, и въ Вятку съ повелѣніемъ, чтобы ея жители немедленно шли къ нему подъ Казань (²⁴), Онъ еще не зналъ ихъ коварства. Ioannъ, пославъ весною главную рать въ Нижний, въ тоже время приказалъ Князю Даніилу Ярославскому съ отрядомъ Дѣтей Боярскихъ и съ полкомъ Устюжанъ, а другому Воеводѣ, Сабурову, съ Вологжанами плыть на судахъ къ Вяткѣ, взять тамъ всѣхъ людей годныхъ къ ратному дѣлу и съ ними ити на Царя Казанскаго. Но Правители Вятскихъ городовъ, мечтая о своей древней независимости, отвѣтствовали Даніилу Ярославскому: „Мы сказали Царю, что не будемъ помогать ни Великому Князю противъ него, ни ему противъ Великаго Князя; „хотимъ сдержать слово, и остаемся дома“. У нихъ былъ тогда Посолъ Ибрагимовъ, который немедленно далъ знать въ Казань, что Россіяне изъ Устюга и Вологды идутъ къ ея предѣламъ съ малыми силами. Отказавъ въ помощи Князю Ярославскому, Вятчане отказали и Беззубцеву, но выдумали только иной предлогъ, говоря: „когда братья Великаго Князя пойдутъ на Царя, тогда и мы пойдемъ.“ Около мѣсяца тщетно ждали полковъ Вятскихъ, не имѣя вѣсти отъ Князя Ярославскаго, и начиная терпѣть недостатокъ въ сѣйственныхъ пропасахъ, Воевода Беззубцевъ пошелъ назадъ къ Нижнему.

На пути встрѣтилась ему вдовствующая Царица Казанская, мать Ибрагимова, и сказала, что Великій Князь отпустилъ ее съ честію и съ милостію; что война прекратится, и

что Ибрагимъ удовлетворить всѣмъ требованіямъ Іоанновымъ. Успокоенные ея словами, Воеводы наши расположились на берегу праздновать Воскресный день, служить обѣдию и пировать (²⁵). Но вдругъ показалась рать Казанская, судовая и конная. Россіяне єдва успѣли изготовиться. Сражались до самой ночи: Казанская суда отступили къ противному берегу, гдѣ стояла конница, пуская стрѣлы въ нашихъ, которые не захотѣли биться на сухомъ пути, и ночевали на другой сторонѣ Волги. Въ слѣдующее утро ни тѣ ни другіе не думали возобновить битвы; и Князь Беззубцевъ благополучно доплылъ до Нижнаго.

Не столь счастливъ былъ Князь Ярославскій. Видя не послушаніе Вятчанъ, онъ рѣшился итти безъ нихъ, чтобы въ окрестностяхъ Казани соединиться съ Московскою ратью. Увѣдомленный о походѣ его, Ибрагимъ заградилъ Волгу судами и поставилъ на берегу конницу. Произошла битва достопамятная мужествомъ обоюднымъ: хватались за руки, сѣклись мечами. Главные изъ Вождей Московскихъ пали мертвые; другіе были ранены или взяты въ плѣнъ; но Князь Василій Ухтомскій одолѣвалъ многочисленность храбростю: сѣплялся съ Ибрагимовыми судами, разилъ непріятелей ослопомъ, итопилъ ихъ въѣкѣ. Устюжане, вмѣстѣ съ нимъ оказавъ рѣдкую неустрашимость, пробились сквозь Казанцевъ, достигли Новагорода Нижнаго и дали знать о томъ Іоани, который, въ знакъ особенного благоволенія, приспалъ имъ *две золотыя денеги* и нѣсколько кафтановъ. Устюжане отдали *денеги* своему Ерею, сказавъ ему: „молись Богу за Государя и православное воинство; а мы готовы и впредь такъ сражаться“ (²⁶).

Обманутый льстивыми обѣщаніями Ибрагимовой матери, не довольный и нашими Воеводами, Іоани предпріялъ новый походъ въ эту осень, вручивъ предводительство своимъ братьямъ, Юрію и Андрею. Весь Дворъ Великонижнскій и всѣ Князья *Служивые* находились съ ними. Вѣчислѣ знатнѣйшихъ Воеводъ Лѣтописцы именуютъ Князя Ивана Юрьевича Патрикеева. Даніилъ Холмскій велъ передовой полкъ (²⁷); многочисленная рать шла сухимъ путемъ,

другая плыла Волгою; обѣ подступили къ Казани, разбили Татаръ въ вылазкѣ, отняли воду у города, и принудили Ибрагима заключить миръ на *всей земле* Государя Московскаго: то есть, исполнить всѣ его требованія. Онъ возвратилъ свободу нашимъ плѣнникамъ, взятымъ въ теченіе сорока дѣтъ⁽²⁸⁾.

Сей подвигъ былъ первымъ изъ знаменитыхъ успѣховъ государствованія Ioannova: второй имѣлъ еще благопріятнѣйшія слѣдствія для могущества Великокняжескаго внутри Россіи. Василій Темный возвратилъ Новогородцамъ Торжекъ; но другія земли, отнятыя у нихъ сыномъ Донскаго, Василіемъ Димитревичемъ, оставались за Москвою: еще не утвержденные въ твердости Ioannova характера, и даже сомнѣваясь въ ней по первымъ дѣйствіямъ сего Князя, означенованнымъ умѣренностью, миролюбіемъ, они вздумали быть смѣлыми, въ надеждѣ показаться ему страшными, унизить гордость Москвы, возстановить древнія права своей вольности, утраченныя излишнею уступчивостію ихъ отцевъ и дѣдовъ. Съ симъ намѣреніемъ приступили къ дѣлу: захватили многіе доходы, земли и воды Княжескія; взяли съ жителей присягу только именемъ Новагорода; презирали Ioannовыхъ Намѣстниковъ и Пословъ; властью Вѣча брали знатныхъ людей подъ стражу на Городище, мѣстѣ не подлежащемъ народной управѣ; дѣлали обиды Москвитянамъ⁽²⁹⁾. Государь не сколько разъ требовалъ отъ нихъ удовлетворенія: они молчали. Наконецъ пріѣхалъ въ Москву Новогородскій Посадникъ, Василій Аナンьинъ, съ обыкновенными дѣлами земскими; но не было слова въ отвѣтѣ на жалобы Ioannovy. „Я нечего не знаю“, говорилъ Посадникъ Боярамъ Московскімъ: „Великій Новгородъ не даль мнѣ никакихъ о томъ повелѣній“. Ioannъ отпустилъ сего чиновника съ такими словами: „Скажи Новогородцамъ, моей отчинѣ, чтобы они, признавъ вину свою, исправились; въ земли и воды мои не вступалися, имя мое держали честно и грозно по старинѣ, исполняя обѣтъ крестный, если хотятъ отъ меня покровительства и милости; скажи, что терпѣнію бываетъ конецъ, и что мое не продолжится“.

Великій Князь въ то же время написалъ къ вѣрнымъ ему Псковитянамъ, чтобы они, въ случаѣ дальнѣйшей строптивости Новогородцевъ, готовились вмѣстѣ съ нимъ дѣйствовать противъ сихъ ослушниковъ. Намѣстникомъ его во Псковѣ былъ тогда Князь Феодоръ Юрьевичъ, знаменитый Воевода, который съ Московскою дружиною защитилъ сю обласъ въ послѣднюю войну съ Нѣмцами: изъ отмѣнного уваженія къ его особѣ Псковитяне дали ему судное право во всѣхъ *дѣнадцати* своихъ пригородахъ; а дотолѣ Князя судили и рядили только въ *семи*: прочие зависѣли отъ народной власти (³⁰). Бояринъ Московскій, Селиванъ, вручилъ Псковитянамъ грамоту Іоаннову. Они сами имѣли разныя досады отъ Новогородцевъ (³¹); однакожъ, слѣдяя внушеніямъ благоразумія, отправили къ нимъ Посольство съ предложеніемъ быть миротворцами между ими и Великимъ Княземъ. „Не хотимъ „клапаться Іоанну, и не просимъ вашего ходатайства“, отвѣтствовали тамошніе Правители: „но если вы добросовѣстны „и намъ друзья, то вооружитесь за насть противъ самовластія Московскаго (³²)“. Псковитяне сказали: „увидимъ“ — и дали знать Великому Князю, что они готовы помочь ему всѣми силами.

Г 1470.

Между тѣмъ, по сказанію Лѣтописцевъ, были страшныя знаменія въ Новѣгородѣ: сильная буря сломила крестъ Софійской церкви; древніе Херсонскіе колокола въ монастырѣ на Хутынѣ сами собою издавали печальный звукъ; кровь являлась на гробахъ, и проч. (³³). Люди тихіе, миролюбивые, трепетали и молились Богу: другое смыкались надъ ними и мпимыми чудесами. Легкомысленный народъ болѣе нежели когда нибудь мечталъ о прелестяхъ свободы; хотѣлъ тѣснаго союза съ Казимиромъ, и принялъ отъ него Воеводу, Князя Михаила Олельковича, коего братъ, Симеонъ, господствовалъ тогда въ Кіевѣ съ честю и славою, подобно древнимъ *Князьямъ Владимира* *племени*, какъ говорятъ Лѣтописцы (³⁴). Множество Пановъ и витязей Литовскихъ пріѣхало съ Михаиломъ въ Новгородъ.

Въ сіе время скончался Новогородскій Владыка Іона: народъ избралъ въ Архіепископы Протодіакона Феофила, коему

не лъзя было ѿхать въ Москву для поставленія безъ согласія Іоанова (³⁵): Новогородцы чрезъ Боярина своего, Никиту, прошли о томъ Великаго Князя, мать его и Митрополита. Іоанъ далъ *опасную грамоту* для пріѣзда Щеофилова въ столицу, и мирно отпуская Посла сказалъ ему: „Щеофиль, вами избранній, будетъ принять съ честію и поставленъ въ Архіепископы; не нарушу ни въ чемъ древнихъ обыкновеній, и готовъ васъ жаловать, какъ мою отчину, если вы искренно признаете вину свою, не забывая, что мои предки именовались великими Князьями Владимірскими, *Новагорода и всєя Руси*“.^{Г. 1471.} Посоль, возвратясь въ Новгородъ, объявилъ народу о милостивомъ расположениі Іоанновомъ. Многіе граждане, знатнѣйшии чиновники и нареченный Архіепископъ Щеофиль хотѣли воспользоваться симъ случаемъ, чтобы прекратить опасную расприю съ Великимъ Княземъ; но скоро открылся мятежъ, какого давно не бывало въ сей народной Державѣ.

Вонреши древнимъ обычаямъ и нравамъ Славянскимъ, которые удаляли женскій полъ отъ всякаго участія въ дѣлахъ гражданства, жена гордая, честолюбивая, вдова бывшаго Посадника Исаака Борецкаго, мать двухъ сыновей уже взрослыхъ, именемъ Мареа, предирѣяла уѣшть судьбу отечества. Хитрость, велерѣчие, знатность, богатство и роскошь доставили ей способъ дѣйствовать на Правительство. Народные чиновники сходились въ ея великолѣпномъ (³⁶) или, по тогдашнему, *чудномъ* домѣ пировать и совѣтоваться о дѣлахъ важнѣйшихъ. Такъ Св. Зосима, Игуменъ монастыря Соловецкаго, жалуясь въ Новгородъ на обиды Двинскихъ жителей, въ особенности тамошнихъ прикащиковыхъ Боярскихъ, долженъ былъ искать покровительства Мареи, которая имѣла въ Двинской землѣ богатыя села. Сперва, обманутая клеветниками, она не хотѣла видѣть его; но послѣ, узнавъ истину, осыпала Зосиму ласками, пригласила къ себѣ на обѣдъ вмѣстѣ съ людьми знатнѣйшими и дала Соловецкому монастырю земли (³⁷). Еще не довольная всеобщимъ уваженiemъ и тѣмъ, что Великій Князь, въ знакъ особенной милости, пожаловалъ ея сына, Димитрія, въ знатный чинъ Боярина Московскаго (³⁸), сія гордая жена хотѣла освободить

Новгородъ отъ власти Ioannovoy, и, по увѣренію Лѣтописцевъ, выйти замужъ за какого-то Вельможу Литовскаго, чтобы вмѣстѣ съ нимъ господствовать, именемъ Казимирамъ, надъ своимъ отечествомъ. Князь Михаилъ Олельковичъ, служивъ ей иѣсколько времени орудіемъ, утратилъ ея благосклонность и съ досадою уѣхалъ назадъ въ Кіевъ, ограбивъ Русу (³⁹). Сей случай доказывалъ, что Новгородъ не могъ ожидать ни усердія, ни вѣрности отъ Князей Литовскихъ; но Борецкая, открывъ домъ свой для шумныхъ сонмищъ, съ утра до вечера славила Казимира, убѣждая гражданъ въ необходимости искать его защиты противъ утѣсненій Ioannovыхъ. Въ числѣ ревностныхъ друзей Посадницы былъ Монахъ Пименъ, Архіепископскій Ключникъ: онъ надѣялся заступить мѣсто Ioаны и сыпалъ въ народъ деньги изъ казны Святительской, имъ расхищенной. Правительство свѣдало о томъ, и заключивъ сего коварнаго Инона въ темницу, взыскало съ него 1000 рублей пени (⁴⁰). Волнуемый честолюбіемъ и злобою, Пименъ клеветалъ на избраннаго Владыку їеофila, на Митрополита Филиппа; желаль присоединенія Новогородской Епархіи къ Литве, и лаская себя мыслю получить сань Архіепископа отъ Григорія Кіевскаго, Исидорова ученика, помогалъ Мареѣ совѣтомъ, кознями, деньгами.

Видя, что Посольство Боярина Никиты сдѣлало въ народѣ впечатлѣніе противное ея намѣренію и расположило многихъ гражданъ къ дружелюбному сближенію съ Государемъ Московскімъ, Мареа предиріяла дѣйствовать рѣшительно. Ея сыновья, ласкатели, единомышленники, окруженные многочисленнымъ сонмомъ людей подкупленныхъ, явились на Вѣчѣ и торжественно сказали, что настало время управляться съ Ioанномъ; что онъ не Государь а злодѣй ихъ; что Великій Новгородъ есть самъ себѣ Властелинъ; что жители его суть вольные люди и не *отчина* Князей Московскихъ; что имъ нуженъ только покровитель; что симъ покровителемъ будетъ Казимиръ, и что не Московскій, а Кіевскій Митрополитъ долженъ дать Архіепископа Святой Софіи. Громогласное восклицаніе: „не хотимъ „Ioanna! да здравствуетъ Казимиръ!“ служило заключенiemъ ихъ рѣчи. Народъ восколебался. Многіе взяли сторону Борецкихъ

и кричали: „да исчезнетъ Москва“! Благоразумнѣйшіе сановники, старые Посадники, Тысячскіе, Житые люди хотѣли обра-зумить легкомысленныхъ согражданъ и говорили: „Братья! что „замышляете? измѣнить Руси и православію? поддаться Ко-“ ролю инонлеменному и требовать Святителя отъ еретика Ла-“тинскаго? Вспомните, что предки наши, Славяне, добровольно „вызвали Рюрика изъ земли Варяжской; что болѣе шести сотъ „льть его потомки законно княжили на престолѣ Новогород-“скомъ; что мы обязаны истинною Вѣрою Святому Владиміру, „отъ коего происходитъ Великій Князь Іоаннъ, и что Ла-“тичество донынѣ было для насъ ненавистно.“ Единомышленники Мареины не давали имъ говорить; а слуги и наемники ся бросали въ нихъ каменьями, звонили въ Вѣчевые колокола, бѣгали по улицамъ и кричали: „хотимъ за Короля!“ Другіе: „хотимъ къ Москвѣ православной, къ Великому Князю Іоанну „и къ отцу его, Митрополиту Филиппу!“ Нѣсколько дней го-родъ представлялъ картину ужаснаго волненія. Нареченный Владыка ѡеофилъ ревностно противоборствовалъ усиливъ Мареинихъ друзей и говорилъ имъ: „или не измѣняйте православію „или не буду никогда Пастыремъ отступниковъ: иду назадъ „въ смиренную келлю, откуда вы извлекли меня на позорище „мятежа.“ Но Борецкіе превозмогли, овладѣли правленіемъ и погубили отечество, какъ жертву ихъ страстей личныхъ (⁴¹). Совершилось, чего издавна желали завоеватели Литовскіе, и чѣмъ Новгородъ страшалъ иногда Государей Московскихъ: опь поддался Казимиру добровольно и торжественно. Дѣйствіе без-законное: хотя сія область имѣла особенные уставы и вольно-сти, данные сій, какъ известно, Ярославомъ Великимъ; однакожъ составляла всегда часть Россіи и не могла перейти къ инонлеменникамъ безъ измѣны или безъ нарушенія коренныхъ государственныхъ законовъ, основанныхъ на Естественномъ Правѣ. Многочисленное Посольство отправились въ Литву съ богатыми дарами и съ предложніемъ, чтобы Казимиръ быль Главою Новгородской Державы на основаніи древнихъ уста-вовъ ея гражданской свободы. Онъ принялъ всѣ условия, и написали грамоту слѣдующаго содержанія:

„Честный Король Польский и Князь Великий Литовской
„заключил дружественный союзъ съ нареченнымъ Владыкою
„Ѳеофиломъ, съ Посадниками, Тысяческими Новогородскими,
„съ Боярами, людьми Житыми, купцами и со всѣмъ Вели-
„кимъ Новынгородомъ; а для договора были въ Литвѣ По-
„садникъ Афанасій Евстафіевичъ, Посадникъ Димитрій Иса-
„ковичъ (Борецкій)... отъ людей Житыхъ Панфиль Селифон-
„товичъ, Кириллъ Ивановичъ... Вѣдать тебѣ, честному Королю,
„Великій Новгородъ по сей Честной грамотѣ и держать на
„Городищѣ своего Намѣстника Греческой Вѣры, вмѣстѣ съ
„Дворецкимъ и Тіуномъ, коимъ имѣти при себѣ не болѣе пя-
„тидесяти человѣкъ. Намѣстнику судить съ Посадникомъ на
„дворѣ Архіепископскомъ, какъ Боярѣ, Житыхъ людей, Млад-
„шихъ гражданъ, такъ и сельскихъ жителей, согласно съ прав-
„дою, и не требовать ничего, кромѣ судной законной пошлины;
„но въ судѣ Тысяческаго, Владыки и монастырей ему не всту-
„паться. Дворецкому жить на Городищѣ во дворцѣ и собирать
„доходы твои вмѣстѣ съ Посадникомъ; а Тіуну вершить дѣла
„съ нашими приставами. Если Государь Московскій пойдетъ
„войною на Великій Новгородъ, то тебѣ Господину, честному
„Королю, или въ твое отсутствіе Радѣ Литовской дать намъ
„скорую помошь.—Ржева, Великія Луки и Холмовскій по-
„гостъ остаются землями Новогородскими; но платить дань тебѣ,
„честному Королю—Новогородецъ судится въ Литвѣ по ва-
„шимъ законамъ безъ всякаго притѣсненія... Въ Русѣ будешьъ
„имѣть десять соляныхъ варницъ; а за судѣ получаешьъ тамъ
„и въ другихъ мѣстахъ, что издревле установлено. Тебѣ, че-
„стному Королю, не выводить отъ насъ людей, не купить ни
„соль, ни рабовъ, и не принимать ихъ въ даръ, ни Королевъ,
„ни Панамъ Литовскимъ; а намъ не таинъ законныхъ пошлинь.
„Послать, Намѣстникамъ и людямъ твоимъ не брать подводъ
„въ землѣ Новогородской, и волости ея могутъ быть управлямы
„только нашими собственными чиновниками.—Въ Лукахъ бу-
„деть твой и нашъ Тіунъ: Торонецкому не судить въ Но-
„вогородскихъ владѣніяхъ. Въ Торжкѣ и Волокѣ имѣй Тіуна;
„съ нашей стороны будетъ тамъ Посадникъ.—Купцы Литов-

„скіе торгуютъ съ Нѣмцами единственно чрезъ Новогородскихъ.
„Дворъ Нѣмецкій тебѣ не подвластенъ: но можешь затворить
„его.—Ты, честный Король, не долженъ касаться нашей пра-
„вославной Вѣры: гдѣ захотимъ, тамъ и посвятимъ нашего
«Владыку (въ Москвѣ или въ Кіевѣ); а Римскихъ церквей
„не ставить нигдѣ въ землѣ Новогородской.—Если примиришь
„насъ съ Великимъ Княземъ Московскимъ, то изъ благодарно-
„сти уступимъ тебѣ всю народную дань, собираемую ежегодно
„въ Новогородскихъ областяхъ; но въ другіе годы не требуй
„оной.—Въ утвержденіе договора цѣлуй крестъ къ Великому
„Новугороду за все свое Княжество и за Раду Литовскую *въ*
„правду, безъ изъята; а Послы наши цѣловали крестъ *Но-*
„*вогородскою душою* къ честному Королю за Великій Нов-
„городъ”⁽⁴²⁾.

И такъ сей народъ легкомысленный еще желалъ мира съ Москвою, думая, что Іоаннъ устрешится Литвы, не захочеть кровопролитія и малодушно отступится отъ древнѣйшаго Княжества Россійскаго. Хотя Намѣстники Московскіе, бывъ свидѣтелями торжества Маренихъ поборниковъ, уже не имѣли никакого участія въ тамошнемъ правленіи, однакожъ спокойно жили на Городищѣ, увѣдомляя Великаго Князя о всѣхъ проишествіяхъ. Не смотря на свое явное отступленіе отъ Россіи, Новогородцы хотѣли казаться умѣренными и справедливыми; твердили, что отъ Іоанна зависить остаться другомъ Святой Софії; изъявляли учтивость его Боярамъ, но послали Сузdalьскаго Князя, Василья Шуйскаго-Гребенку, начальствовать въ Двинской землѣ, опасаясь, чтобы рать Московская не овладѣла сею важною для нихъ страною.

Еще желая употребить послѣднее миролюбивое средство, Великій Князь отиравилъ въ Новгородъ благоразумнаго чиновника, Ивана Федоровича Товаркова, съ такимъ увѣщеніемъ⁽⁴³⁾: „Люди Новогородскіе! Рюрикъ, Св. Владиміръ и Великій Всеvolодъ Юрьевичъ, мои предки, повелѣвали вами; я на-
„слѣдовалъ сіе право: жалую васъ, храню, но могу и казнить
„за дерзкое ослушаніе. Когда вы бывали подданными Литвы?
„Нынѣ же работѣствуете иновѣрнымъ, преступая священные

„обѣты. Я ничѣмъ не отяготилъ васъ, и требовалъ единственно „древней законной дани. Вы измѣнили мнѣ: казнь Божія надъ „вами! Но еще медлю, не любя кровопролитія, и готовъ миловать, если съ раскаяніемъ возвратитесь подъ сѣнь отечества“. Въ то же время Митрополитъ Филиппъ писалъ къ нимъ: „Слышу о мятежѣ и расколѣ вашемъ. Бѣдственno и единому „человѣку уклониться отъ пути праваго: еще ужаснѣе цѣлому „народу. Трепещите, да страшный серпъ Божій, видѣнійный „Пророкомъ Захарію, не сидеть на главу сыновъ послушныхъ. Вспомните реченное въ Писаніи: *быши грѣха яко ратника; быши отъ прелести, яко отъ лица зміна.* „Сія прелестъ есть Латинская: она уловляетъ васъ. Развѣ „примѣръ Константинополя не доказалъ ея гибельного дѣйствія? Греки царствовали, Греки славились во благочестії: „соединились съ Римомъ, и служить нынѣ Туркамъ. Доселѣ „вы были цѣлы подъ крѣпкою рукою Ioanna: не уклоняйтесь „отъ святой, великой старины, и не забывайте словъ „Апостола: *Бога бойтесь, а Князя чтите.* — Смиритесь, „и Богъ мира да будетъ съ вами (⁴⁴)!“ — Сіи увѣщанія остались безполезны: Марфа съ друзьями своими дѣлала, что хотѣла въ Новѣгородѣ. Устрашаemые ихъ дерзостію, люди благоразумные тужили въ домахъ и безмолвствовали на Вѣчѣ, гдѣ клевреты или наемники Борецкихъ вошли: „Новгородъ „Государь нашъ, а Король покровитель!“ Однимъ словомъ, Лѣтописцы сравниваютъ тогдашнее состояніе сей народной Державы съ древнимъ Іерусалимомъ, когда Богъ готовился предать его въ руки Титовы. Страсти господствовали надъ умомъ, и Совѣтъ Правителей казался сонмомъ заговорщиковъ.

Посолъ Московскій возвратился къ Государю съ увѣренiemъ, что не слова и не письма, но одинъ мечъ можетъ смириТЬ Новогородцевъ. Великій Князь изъявилъ горесть: еще размышляя, совѣтовался съ матерью, съ Митрополитомъ, и призвалъ въ столицу братьевъ, всѣхъ Епископовъ, Князей, Бояръ и Воеводъ. Въ назначенный день и часть они собралися во дворцѣ. Ioannъ вышелъ къ нимъ съ лицемъ печальнymъ: открылъ Государственную Думу, и предложилъ сей на

судъ измѣну Новогородцевъ. Не только Бояре и Воеводы, но и Святители отвѣтствовали единогласно: „Государь! возьми „оружіе въ руки!“ Тогда Иоаннъ произнесъ рѣшительное слово: „да будетъ война!“ и еще хотѣлъ слышать мнѣніе Совѣта о времени благопріятнѣйшемъ для ея начала, сказавъ: „Весна „уже наступила: Новгородъ окружены водою, рѣками, озерами „и болотами непроходимыми. Великіе Князья, мои предки, „страшились ходить туда съ войскомъ въ лѣтнее время, и когда „ходили, то теряли множество людей“. Съ другой стороны посѣщенность обѣщала выгоды: Новогородцы не изготовились къ войнѣ, и Казимиръ не могъ скоро дать имъ помощи. Рѣшились не медлить, въ надеждѣ на милость Божію, на счастіе и мудрость Иоаннову. Уже сей Государь пользовался общую довѣренностью: Москвитяне гордились имъ, хвалили его правосудіе, твердость, прозорливость; называли любимцемъ Неба, Властителемъ Богоизбраннымъ; и какое-то новое чувство государственного величія вселилось въ ихъ душу (⁴⁵).

Иоаннъ послалъ *складную грамоту* къ Новогородцамъ, объявляя имъ войну съ исчисленiemъ всѣхъ ихъ дерзостей, и въ ^{Maia 23.} нѣсколько дней устроилъ ополченіе: убѣдилъ Михаила Тверскаго дѣйствовать съ нимъ за-одно, и велѣлъ Псковитянамъ ити къ Новугороду съ Московскимъ Воеводою, Княземъ Феодоромъ Юрьевичемъ Шуйскимъ; Устюжанамъ и Вятчанамъ въ Двинскую землю подъ начальствомъ двухъ Воеводъ, Василья Федоровича Образца и Бориса Слѣпаго Тютчева (⁴⁶); Князю ^{июня 6.} Даниилу Холмскому съ Дѣтыми Боярскими изъ Москвы къ Русѣ, а Князю Василю Ивановичу Оболенскому-Стригѣ съ ^{июня 13.} Татарскою конницею къ берегамъ Мсты.

Сіи отряды были только передовыми. Иоаннъ, слѣдя обыкновенію, раздавалъ милостыню и молился надъ гробами Святыхъ Угодниковъ и предковъ своихъ; наконецъ, принявъ благословеніе отъ Митрополита и Епископовъ, сѣлъ на коня и повелъ главное войско изъ столицы. Съ нимъ находились всѣ ^{июня 26.} Князья, Бояре, Дворяне Московскіе и Татарскій Царевичъ Даниль, сынъ Касимовъ. Сынъ и братъ Великаго Князя, Андрей Меньшій, остались въ Москвѣ: другіе братья, Князья

Юрій, Андрей, Борисъ Васильевичи, и Михаилъ Верейскій, предводительствуя своими дружинами, шли разными путями къ Новогородскимъ границамъ; а Воеводы Тверскіе, Князь Юрий Андреевичъ Дорогобужскій и Иванъ Жито, соединились ^{июна 29.} съ Иоанномъ въ Торжкѣ. Началось страшное опустошеніе. Съ одной стороны Воевода Холмскій и рать Великокняжеская, съ другой Псковитяне, вступивъ въ землю Новогородскую, истребляли все огнемъ и мечемъ (¹⁷). Дымъ, пламя, кровавыя рѣки, стонъ и вопль отъ Востока и Запада неслися къ берегамъ Ильменя. Москвитяне изъявляли остервененіе неописанное: Новогородцы измѣнники казались имъ хуже Татаръ. Не было пощады ни бѣднымъ земледѣльцамъ, ни женщинамъ. Лѣтописцы замѣчаютъ, что Небо, благопріятствуя Иоанну, изсушило тогда всѣ болота; что отъ Маія до Сентября мѣсяца ни одной капли дождя не упало на землю: зыби отвердѣли; войско съ обозами вездѣ имѣло путь свободный, и гнало скотъ по лѣсамъ, дотолѣ непроходимымъ.

Псковитяне взяли Вышегородъ. Холмскій обратилъ въ пепель Русу. Не ожидавъ войны лѣтомъ и нападенія столь дружного, сильного, Новогородцы послали сказать Великому Князю, что они желаютъ вступить съ нимъ въ переговоры и требуютъ отъ него *опасной грамоты* для своихъ чиновниковъ, которые готовы щѣхать къ нему въ станъ. Но въ то же время Марѣа и единомышленники ея старались увѣрить согражданъ, что одна счастливая битва можетъ спасти ихъ свободу. Спѣшили вооружить всѣхъ людей, волею и неволею; ремесленниковъ, гончаровъ, плотниковъ одѣли въ доспѣхи и посадили на коней: другихъ на суда. Шѣхотѣ велѣли плыть озеромъ Ильменемъ къ Русѣ, а конницѣ, гораздо многочисленнѣйшей, итти туда берегомъ. Холмскій стоялъ между Ильменемъ и Русою, на Коростынѣ: иѣхота Новогородская приближалась тайно къ его стану, вышла изъ судовъ, и не дожидалась коннаго войска, стремительно ударила на оплошныхъ Москвитянъ. Но Холмскій и товарищъ его, Бояринъ Федоръ Давидовичъ, храбростю загладили свою неосторожность: положили на мѣстѣ 500 непріятелей, разсѣяли остальныхъ, и съ жестоко-

.сердіемъ, свойственнымъ тогдашнему вѣку, приказавъ отрѣзать плѣнникамъ носы, губы, послали ихъ искаженныхъ въ Новгородъ (⁴⁸). Москвитяне бросили въ воду всѣ латы, шлемы, щиты непріятельскіе, взятые въ добычу ими, говоря, что войско Великаго Князя богато собственными доспѣхами и не имѣть нужды въ измѣнническихъ.

Новогородцы приписали сіе несчастіе тому, что конное ихъ войско не соединилось съ пѣхотнымъ, и что особенный полкъ *Архіепископскій* отрекся отъ битвы, сказавъ: „Владыка „Феофиль запретилъ намъ поднимать руку на Великаго Князя, „а велѣлъ сражаться только съ невѣрными Псковитянами (⁴⁹)“. Желая обмануть Иоанна, Новогородскіе чиновники отправили къ нему втораго Посла, съ увѣреніемъ, что они готовы на миръ, и что войско ихъ еще не дѣйствовало противъ Московскаго (⁵⁰). Но Великій Князь уже имѣлъ извѣстіе о побѣдѣ Холмскаго, и ставъ на берегу озера Коломны, приказалъ сему _{юла 9.} Воеводѣ ити за Шелонь на встрѣчу къ Псковитянамъ, и вмѣстѣ съ ними къ Новугороду: Михаилу же Верейскому осадить городокъ Демонъ. Въ самое то время, когда Холмскій думалъ переправляться на другую сторону рѣки, онъ увидѣлъ непріятеля столь многочисленнаго, что Москвитяне изумились. Ихъ было 5,000, а Новогородцевъ отъ 30,000 до 40,000: ибо друзья Борецкихъ еще успѣли набрать и выслать нѣсколько полковъ, чтобы усилить свою конную рать. Но Воеводы Иоанновы, сказавъ дружинѣ: „настало время послужить Государю; „не убоимся ни трехъ сотъ тысячъ мятежниковъ; за насть правда „и Господь Вседержитель“, бросились на коняхъ въ Шелонь, _{юла 14.} съ крутаго берега, и въ глубокомъ мѣстѣ; однакожъ никто изъ Москвитянъ не усомнился слѣдовать ихъ примѣру; никто не утонулъ; и всѣ, благополучно перѣѣхавъ на другую сторону, устремились въ бой съ восклицаніемъ: *Москва* (⁵¹)! Новогородскій Лѣтописецъ говоритъ, что соотечественники его бились мужественно и принудили Москвитянъ отступить, но что конница Татарская, бывъ въ засадѣ, нечаяннымъ нападеніемъ разстроила первыхъ и рѣшила дѣло (⁵²). Но по другимъ извѣстіямъ Новогородцы не стояли ни часу: лошади ихъ, язви-

мыя стрѣлами, начали сбивать съ себя всадниковъ; ужасъ объяль Воеводъ малодушныхъ и войско неопытное; обратили тыль; скакали безъ памяти и топтали другъ друга, гонимые, истребляемые побѣдителемъ; утомивъ коней, бросались въ воду, въ тину болотную; не находили пути въ лѣсахъ своихъ, тонули или умирали отъ ранъ; иные же проскакали мимо Новагорода, думая, что онъ уже взятъ Іоанкомъ. Въ безуміи страха имъ вездѣ казался непріятель, вездѣ слышался крикъ: *Москва! Москва!* (⁵³)! На пространствѣ двѣнадцати верстъ полки Велиокняжескіе гнали ихъ, убили 12,000 человѣкъ, взяли 1700 плѣнниковъ, и въ томъ числѣ двухъ знатнѣйшихъ Посадниковъ, Василія-Казимера съ Дмитріемъ Исаковымъ Борецкимъ (⁵⁴); наконецъ утомленные возвратились на мѣсто битвы. Холмскій и Бояринъ Феодоръ Давидовичъ, трубнымъ звукомъ возвѣстивъ побѣду, сопли съ коней, приложились къ образамъ подъ знаменами и прославили милость Неба. Боярскій сынъ, Иванъ Замятнія, спѣшилъ извѣстить Государя, бывшаго тогда въ Яжелбицахъ, что одинъ передовой отрядъ его войска рѣшилъ судьбу Новагорода; что непріятель истребленъ, а рать Московская цѣла. Сей вѣстникъ вручилъ Іоанну договорную грамоту Новогородцевъ съ Казимиромъ, найденную въ ихъ обозѣ между другими бумагами, и даже представилъ ему человѣка, который писалъ оную (⁵⁵). Съ какою радостію Великій Князь слушалъ вѣсть о побѣдѣ (⁵⁶), съ такимъ негодованіемъ читаль сію законопреступную хартію, памятникъ Новогородской пzmѣни.

Холмскій уже нигдѣ не видаль непріятельской рати, и могъ свободно опустошать села до самой Наровы или Нѣмецкихъ предѣловъ (⁵⁷). Городокъ Демонъ сдался Михаилу Вейрскому. Тогда Великій Князь послалъ *опасную грамоту* къ Новогородцамъ съ Бояриномъ ихъ, Лукою, соглашаясь вступить съ ними въ договоры; прибылъ въ Русу и явилъ примѣръ строгости: велѣль отрубить головы знатнѣйшимъ плѣнникамъ, Боярамъ Дмитрію Исакову, Марениу сыну, Василью Седезеневу Губѣ, Кипріяну Арбузѣеву и Геремію Сухоцоку, Архіепископскому Чашнику, ревностнымъ благопріятелямъ Литвы;

Василія-Казимера, Матвія Селезенева и другихъ послалъ въ Коломну, окованныхъ цѣпями; нѣкоторыхъ въ томницы Московскія; а прочихъ безъ всякаго наказанія отпустилъ въ Новгородъ⁽⁵⁸⁾, соединяя милосердіе съ грозою мести, отличая главныхъ, дѣятельныхъ враговъ Москвы отъ людей слабыхъ, которые служили имъ только орудіемъ. Рѣшивъ такимъ образомъ участъ пленниковъ, онъ расположился станомъ на устьѣ ^{Июля} Шелони.

27.

Въ сей самый день новая побѣда увѣличала оружіе Великокняжеское въ отдаленныхъ предѣлахъ Заволочья. Московскіе Воеводы, Образецъ и Борисъ Слѣпый, предводительствуя Устюжанами и Вятчанами, на берегахъ Двины сразились съ Княземъ Василіемъ Шуйскимъ, вѣнчнымъ слугою Новогородской свободы. Рать его состояла изъ двѣнадцати тысячъ Двинскихъ и Печерскихъ жителей: Ioannova только изъ четырехъ. Битва продолжалась цѣлый день съ великимъ остервененіемъ. Убивъ трехъ Двинскихъ запаменоносцевъ, Москвитяне взяли хоругвь Новогородскую, и къ вечеру одолѣли врага. Князь Шуйскій раненный едва могъ спастися въ лодкѣ, бѣжалъ въ Колмогоры, оттуда въ Новгородъ; а Воеводы Ioannovy, овладѣвъ всю Двинскою землею, привели жителей въ подданство Москвы⁽⁵⁹⁾.

Миновало около двухъ недѣль послѣ Шелонской битвы, которая произвела въ Новогородцахъ неописанный ужасъ. Они надѣялись на Казимира, и съ нетерпѣніемъ ждали вѣстей отъ своего Посла, отправленного къ нему черезъ Ливонію, съ усильными требованіемъ, чтобы Король спѣшилъ защитить ихъ; но сей Посоль возвратился, и съ горестю объявилъ, что Магистръ Ордена не пустилъ его въ Литву⁽⁶⁰⁾. Уже не было времени имѣть помощи, ни силъ противиться Ioannu. Открылась еще внутренняя измѣна. Нѣкто, именемъ Упадышъ, тайно доброхотствую Великому Князю, съ единомышленниками своими въ одну ночь заколотилъ желѣзомъ 55 пушекъ въ Новгородѣ: Правители казнили сего человѣка⁽⁶¹⁾; не смотря на все несчастія, хотѣли обороняться: выжгли посады, не жалѣя ни церквей, ни монастырей; учредили безсмертную стражу: день

и ночь вооруженные люди ходили по городу, чтобы обуздывать народъ; другіе стояли на стѣнахъ и башняхъ, готовые къ бою съ Москвитянами. Однакожь миролюбивые начали изъявлять болѣе смѣлости, доказывая, что упорство безполезно; явно обвиняли друзей Мареы въ приверженности къ Литвѣ, и говорили; „Іоаннъ передъ нами; а гдѣ вашъ Казимиръ?“ Городъ, стѣсненный Великокняжескими отрядами и наполненный множествомъ пришельцевъ, которые искали тамъ убѣжища отъ Москвитянъ, терпѣль недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ; дороговизна возрастила; ржи совсѣмъ не было на торгу: богатые пытались шпеницею; а бѣдные вошли, что Правители ихъ безумно раздражили Іоанна и начали войну, не подумавъ о слѣдствіяхъ⁽⁶²⁾. Вѣсть о казни Димитрія Борецкаго и тварищей его сдѣлала глубокое впечатлѣніе какъ въ народѣ, такъ и въ чиновникахъ: доселѣ никто изъ Великихъ Князей не дерзалъ торжественно казнить первостепенныхъ гордыхъ Боярь Новгородскихъ. Народъ разсуждалъ, что времена перемѣнились; что Небо покровительствуетъ Іоанна и даетъ ему смѣлость вмѣстѣ съ счастіемъ; что сей Государь правосуденъ: караестъ и милуетъ; что лучше спастися смиреніемъ, нежели погибнуть отъ упрямства. Знатные сановники видѣли мечь надъ своею головою: въ такомъ случаѣ рѣдкіе жертвуютъ личною безопасностію правилу или образу мыслей. Самые усердные изъ друзей Мареиныхъ, тѣ, которые ненавидѣли Москву по ревностной любви къ вольности отчества, молчаніемъ или языкомъ умѣренности хотѣли заслужить прощеніе Іоанново. Еще Мареа силилась дѣйствовать на умы и сердца, возбуждая ихъ противъ Великаго Князя: народъ видѣлъ въ ней главную виновницу сей бѣдственной войны; онъ требовалъ хлѣба и мира.

Холмскій, Пековитяго и самъ Іоаннъ готовились съ разныхъ сторонъ обступить Новгородъ, чтобы совершить послѣдній ударъ: не много времени оставалось для размышленія. Сановники, граждане единодушно предложили нареченому Архіепископу Феофилу быть ходатаемъ мира. Сей разумный Иночъ со многими Поядниками, Тысяческими и людьми Житыми всѣхъ

пяти Концевъ отправился на судахъ озеромъ Ильменемъ къ устью Шелони, въ станъ Московскій. Не смѣя вдругъ явиться Государю, они пошли къ его Вельможамъ и просили ихъ заступленія: Вельможи просили Ioannovыхъ братьевъ, а братья самого Ioanna. Чрезъ нѣсколько дней онъ дозволилъ Посламъ стать предъ лицемъ своимъ. Theофиль вмѣстѣ со многими духовными особами и знатнѣшими чиновниками Новогородскіе, вступивъ въ шатерь Великокняжескій, пали ницъ, безмолвствовали, проливали слезы. Ioannъ, окруженный сонмомъ Бояръ, имѣлъ видъ грозный и суровый. „Господинъ, Князь Великій!“ сказалъ Theофиль: „утоли гнѣвъ свой, утиши ярость; „попади на насъ, преступниковъ, не для моленія нашего, но „для своего милосердія! Угаси огнь, палящій страну Новогородскую; удержи мечъ, ліющій кровь ея жителей (⁶³)!“ Ioannъ взялъ съ собою изъ Москвы одного ученаго въ лѣтописяхъ Дьяка, именемъ Стефана Бородатаго, коему надлежало перчислить передъ Новогородскими Послами всѣ древнія ихъ измѣны (⁶⁴); но Послы не хотѣли оправдываться, и требовали единственно милосердія. Тутъ братья и Воеводы Ioannовы ударили челомъ за народъ виновный; молили долго, неотступно. Наконецъ Государь изрекъ слово великодушнаго прощенія, Акт. 11 слѣдуя, какъ увѣряютъ Лѣтописцы, внущеніямъ Христіанскаго человѣколюбія и совѣту Митрополита Филиппа помиловать Новогородцевъ, если они раскаются (⁶⁵); но мы видимъ здѣсь дѣйствие личнаго характера, осторожной Политики, умѣренности сего Властителя, коего правиломъ было: *не отвергать хорошаго для лучшаго*, не со всѣмъ вѣрнаго.

Новогородцы за вину свою обѣщали внести въ казну Великокняжескую 15, 500 рублей или около осьмидесяти пудъ серебра, въ разные сроки, отъ 8 Сентября до Пасхи; возвратили Ioannу прилежащія къ Вологдѣ земли, берега Пинеги Мезены, Немьюги, Выи, Поганой Суры, Шильи горы, мѣста уступленныя Василію Темному, но послѣ отнятыхъ ими; обязались въ назначенные времена платить Государямъ Московскімъ *черную* или народную дань, также и Митрополиту судную пошлину; клялися ставить своихъ Архіепископовъ только

въ Москвѣ, у гроба Св. Петра Чудотворца, въ Дому Бого-матери; не имѣть никакого сношенія съ Королемъ Польскимъ, ни съ Литвою; не принимать къ себѣ тамошнихъ Князей и враговъ Иоанновыхъ: Князя Можайского, сыновей Шемяки и Василія Ярославича Боровскаго; отмѣнили такъ называемыя Вѣчевые грамоты; признали верховную судебную власть Государя Московскаго, въ случаѣ несогласія его Намѣстниковъ съ Новгородскими сановниками; обѣщались не издавать впредь судныхъ грамотъ безъ утвержденія и печати Великаго Князя, и проч. Возвращая имъ Торжекъ и новыя свои завоеванія въ Двинской землѣ, Иоаннъ по обычаю цѣловалъ крестъ, въ увѣреніе, что будегъ править Новынгородомъ согласно съ древними уставами онаго, безъ всякаго насилия. Сіи взаимныя условія или обязательства изображены въ шести, тогда написанныхъ грамотахъ, отъ 9 и 11 Августа, въ коихъ юный сынъ Иоанновъ именуется также, подобно отцу, Великимъ Княземъ всей Россіи (⁶⁶). Помиривъ еще Новгородъ съ Исковитянами, Иоаннъ увѣдомилъ своихъ Полководцевъ, что война прекратилась; ласково угостиль єеофила и всѣхъ Пословъ; отпустиль ихъ съ милостію, и въ слѣдъ за ними велѣль Фхать Боярину єеодору Давидовичу, взять присягу съ Новгородцевъ на Вѣчъ. Давъ слово забыть прошедшее, Великий Князь оставилъ въ покой и самую Марею Борецкую, и не хотѣль упомянуть обѣ пей въ договорѣ, какъ бы изъ презрѣнія къ слабой женѣ. Исполнивъ свое намѣреніе, наказавъ мятежниковъ, свергнувъ тѣнь Казимиrowу съ древняго престола Рюрикова, онъ съ честію, славою и богатою добычею возвратился въ Москву. Сынъ, братъ, Вольможи, воины и купцы встрѣтили его за 20 верстъ отъ столицы, народъ за семь, Митрополитъ съ Духовенствомъ передъ Кремлемъ на площади.

сент. 1. Всѣ привѣтствовали Государя какъ побѣдителя, изъявляя радость (⁶⁷).

Еще Новгородъ остался Державою народною; но свобода сего была уже единственно милостію Иоанна и долженствовала исчезнуть по мановенію Самодержца. Нѣть свободы, когда пѣть силы защитить ее. Всѣ области Новгородскія, кромѣ

столицы, являли отъ предѣловъ восточныхъ до моря зрешище опустошенія, произведенаго не только ратю Великокняжескою, но и шайками вольницы; граждане и жители сельскіе въ теченіе двухъ мѣсяцевъ ходили туда вооруженными толпами изъ Московскихъ владѣній грабить и наживаться. Погибло множество людей. Къ довершенню бѣдствія, 9,000 человѣкъ, призванныхъ въ Новгородъ изъ Уѣздовъ для защиты онаго, возвращаясь осенью въ свои дома на 180 судахъ, утонули въ бурномъ Ильменѣ (⁶⁸). Зимою Священоинокъ Феофиль съ духовными и мѣрскими сановниками прїѣхалъ въ Москву и былъ поставленъ въ Архѣископы (⁶⁹). Когда сей торжественный обрядъ совершился, Феофиль на амвонѣ смиренno про-клонилъ выю предъ Ioannomъ и молилъ его умилосердиться надъ знатными Новгородскими пѣтниками, Василиемъ-Казимеромъ и другими, которые еще сидѣли въ Московскихъ темницахъ: Великій Князь даровалъ имъ свободу, и Новгородъ принялъ ихъ съ дружелюбiemъ, а Владыку своего съ благодарностю, легкомысленно надѣясь что время, торговля, мудрость, Вѣча и правила разумнѣйшей Политики изцѣлять глубокія язвы отечества.

Въ исходѣ сего года явилась Комета, въ началѣ слѣдующаго другая (⁷⁰); народъ трепеталъ, ожидая чего нибудь ужаснаго. Ioannъ же, не участвую въ страхѣ суевѣрныхъ, спокойно мыслилъ о важномъ завоеваніи. Древняя славная Біармія или Пермь уже въ XI вѣкѣ платила дань Россіянамъ, въ гражданскихъ отношеніяхъ зависѣла отъ Новагорода, въ церковныхъ отъ нашего Митрополита, но всегда имѣла собственныхъ Властителей, и торговала съ Москвитянами какъ Держава свободная. Присвоивъ себѣ Вологду, Великіе Князья желали овладѣть и Пермью, однакожъ дотолѣ не могли: ибо Новгородцы крѣпко стояли за оную, обогащаясь тамъ мѣною Нѣмецкихъ суконъ на мѣхѣ драгоценные и на серебро, которое именовалось Закамскимъ и столь прельщало хитраго Ioanna Калиту (⁷¹). Въ самомъ Шелонскомъ договорѣ Новгородцы включили Пермь въ число ихъ законныхъ владѣній (⁷²); но Ioannъ III, подобно Калитѣ дальновидный и гораздо его силь-

Г. 1472.
Излечение
Кометы.

Завоеваніе
Перми.

иѣйшій, воспользовался первымъ случаемъ исполнить намѣреніе своего пращура безъ явной несправедливости. Въ Перми обидѣли иѣкоторыхъ Москвитянъ: сего было довольно для Иоанна: онъ послалъ туда Князя Феодора Постраго съ войскомъ, чтобы доставить имъ законную управу.

Полки выступили изъ Москвы зимою, на Фоминой недѣлѣ пришли къ рѣкѣ Черной, спустились на плотахъ до мѣстечка Айфаловскаго, сѣли на коней и близъ городка Искоря встрѣтились съ Пермскою ратью. Побѣда не могла быть сомнительною, Князь Феодоръ разсѣялъ непріятелей; плѣнилъ ихъ Воеводъ, Еача, Бурматы, Мичкина, Зырана; взялъ Искорь съ иными городками, сжегъ ихъ, и на устьѣ Почки, владающей въ Колву, заложилъ крѣпость; а другой Воевода, Гаврило Нелидовъ, имъ отраженный, овладѣлъ Уросомъ и Чердынью, схвативъ тамошняго Князя Христіанской Вѣры, именемъ Михаила. Вся земля Пермская покорилась Иоанну, и Князь Феодоръ прислалъ къ нему, вмѣстѣ съ плѣнными, 16 сороковъ черныхъ соболей, драгоценную шубу соболью, 29 поставою Нѣмецкаго сукна, 3 панцыря, шлемъ и двѣ сабли булатныя. Сіе завоеваніе, коимъ владѣнія Московскія прислонились къ хребту горъ Уральскихъ, обрадовало Государя и народъ, обѣщаю важныя торговыя выгоды, и напомнивъ Россіи счастливую старину, когда Олегъ, Святославъ, Владиміръ, брали мечты чуждая земли, не теряя собственныхъ. — Вѣроятно, что Пермскій Князь Михаилъ возвратился въ свое отчество, гдѣ послѣ господствовалъ и сынъ его, Матоей, какъ присяжникъ Иоаниновъ. Первымъ *Rossiiskimъ* Намѣстникомъ Великой Перми былъ въ 1505 году Князь Василій Андреевичъ Коверъ (⁷³).

Намѣстникъ
Ахматъ.

Доселѣ Великій Князь еще не имѣлъ дѣла съ главнымъ врагомъ нашей независимости съ Царемъ Большой или Золотой Орды, Ахматомъ, коего толпы въ 1468 году нападали единственno на Рязанскую землю, не дерзнувъ ити далѣе: ибо въ упорной битвѣ съ тамошними Воеводами потеряли много людей (⁷⁴). Благоразумный Иоаннъ, готовый къ войнѣ, хотѣлъ удалить ее: время усиливало Россію, ослабляя могу-

щество Хановъ. Но другой естественный врагъ Москвы, Казимиръ Литовскій, употреблялъ всѣ способы подвигнуть Ахмата на Великаго Князя. Дѣдъ Ioаниовъ, Василій Дмитріевичъ, купилъ въ Литвѣ одного Татарина, именемъ Милюря, Витовтова пѣнника, котораго внука, Кирей, рожденный въ холопствѣ, бѣжалъ отъ Ioanna въ Польшу, и снискалъ особенную милость Казимиrowу (⁷⁵). Сей Государь хотѣлъ употребить его въ орудіе своей ненависти къ Россіи, послалъ въ Золотую Орду съ ласковыми грамотами, съ богатыми дарами, и предлагалъ Ахмату тѣсный союзъ, чтобы вмѣстѣ воевать наше отечество, Кирей имѣлъ умъ хитрый, зналъ хорошо и Татарь и Москву: доказывалъ Хану необходимость предупредить Ioanna, замыслияющаго быть Самовластителемъ независимымъ; подкушалъ Вельможъ Ордынскихъ, и легко склонилъ ихъ на свою сторону: ибо они недоброжелательствовали Великому Князю за его къ нимъ презрѣніе или склонность. Уже Москва не удовлетворяла ихъ алчному корыстолюбію; уже Послы наши не пресмыкались въ Улусахъ съ мѣшками серебра и золота. Главный изъ Вельможъ Ханскихъ, именемъ Темиръ, всѣхъ ревностнѣе помогалъ Кирею; но цѣлый годъ миновалъ въ однихъ переговорахъ. Междуусобія Татаръ не позволяли Ахмату удалиться отъ береговъ Волги, и въ то время, когда Посоль Литовскій твердилъ ему о древнемъ величиї Хановъ, знаменитая ихъ столица, городъ Сарай, основанный Батыемъ, не могъ защитить себя отъ набѣга смѣлыхъ Вятчанъ: приплывѣ Волгою и слыша, что Ханъ кощуетъ верстахъ въ пятидесяти оттуда, они въ расплохъ взяли сей городъ, захватили всѣ товары, иѣсколько пѣнниковъ, и съ добычею ушли назадъ, сквозь множество Татарскихъ судовъ, которыя хотѣли преградить имъ путь (⁷⁶). Наконецъ Ахматъ, взявъ мѣры для безопасности Улусовъ, отправилъ съ Киреемъ собственного Посла къ Казимиру, обѣщаю немедленно начать войну, и чрезъ иѣсколько мѣсяцевъ дѣйствительно вступилъ въ Россію съ знатными силами, удержавъ при себѣ Московскаго чиновника, который былъ посланъ къ нему отъ Государя съ мирными предложеніями (⁷⁷).

Великій Князь, узнавъ о томъ, отрядилъ Боярина Феодора Давидовича съ Коломенскою дружиною къ берегамъ Оки; за нимъ Даніила Холмскаго, Князя Оболенскаго-Стригу и братьевъ своихъ съ иными полками; услышалъ о приближеніи Хана къ Алексину, и самъ немедленно выѣхалъ изъ столицы въ Коломну, чтобы оттуда управлять движеньями войска. При немъ находился и сынъ Касимовъ, Царевичъ Даніарь, съ своею дружиною: такимъ образомъ Политика Великихъ Князей вооружила Моголовъ противъ Моголовъ. Но еще сильно дѣйствовалъ ужасъ Ханскаго имени: несмотря на 180,000 воиновъ, которые стали между непріятелемъ и Москвою, занявъ пространство ста-пятидесяти верстъ (⁷⁸); несмотря на общую довѣренность къ мудрости и счастію Государя, Москва страшилась, и мать Великаго Князя съ его сыномъ для безопасности уѣхала въ Ростовъ (⁷⁹).

Ахматъ приступилъ къ Алексину, гдѣ не было ни пушекъ, ни пищалей, ни самострѣловъ (⁸⁰); однажды граждане побили множество непріятелей. На другой день Татары сожгли городъ вмѣстѣ съ жителями; бѣгущихъ взяли въ плѣнъ, и бросились цѣльными полками въ Оку, чтобы ударить на малочисленный отрядъ Москвитянъ, которые стояли на другомъ берегу рѣки. Начальники сего отряда, Петъ Федоровичъ и Семенъ Беклемишевъ, долго имѣвъ перестрѣлку, хотѣли уже отступить, когда сынъ Михаила Верейскаго, Князь Василій, прозваніемъ Удалый, подоспѣвъ къ нимъ съ своею дружиною, а скоро и братъ Ioанновъ, Юрій. Москвицы прогнали Татаръ за Оку и стали рядами на лѣвой сторонѣ ея, готовые къ битвѣ рѣшительной: новые полки не-престанно къ нимъ подходили съ трубнымъ звукомъ, съ распущенными знаменами. Ханъ Ахматъ внимательно смотрѣлъ на нихъ съ другаго берега, удивляясь многочисленности, стройности оныхъ, блеску оружія и доспѣховъ. „Ополченіе наше „(говорятъ Лѣтописцы) колебалось подобно величественному „морю, ярко освѣщеному солнцемъ“. Татары начали отступать, сперва тихо, медленно; а ночью побѣжали, гонимые однимъ страхомъ: ибо никого изъ Москвитянъ не было за

Обою. Сие нечаянное бѣгство произошло, какъ сказывали, отъ жестокой заразительной болѣзни, которая открылась тогда въ Ахматовомъ войскѣ (⁸¹).— Великій Князь послалъ Воеводъ своихъ въ слѣдъ за непріятелемъ: но Татары въ шесть дней достигли до своихъ Катуновъ или Улусовъ, откуда преждешли къ Алексину шесть недѣль: Россіяне не могли или не хотѣли нагнать ихъ, взявъ нѣсколько илѣнниковъ и часть обоза непріятельского; а Великій князь распустилъ войско, удостовѣренный, что Хань не скоро осмѣлится предпріять новое вторженіе въ Россію. Между тѣмъ Казимиръ, союзникъ Моголовъ, не сдѣлалъ ни малѣйшаго движенія въ ихъ пользу; имѣя важную распрю съ Государемъ Венгерскимъ и занятый дѣлами Богеміи, сей слабодушный Король предалъ Ахмата такъ же, какъ и Новогородцевъ. Иоаннъ возвратился въ Москву съ торжествомъ побѣдителя.

Апр. 23.

Смерть
Юрія
Іоаннова
брати-
та.

Скоро послѣ того онъ и всѣ Москвитяне были огорчены прежде временною кончиною Князя Юрія Васильевича. Меньшіе братья его и самъ Великій Князь находились въ Ростовѣ, у матери, тогда поздоровой. Митрополитъ Филиппъ не смѣлъ безъ повелѣнія Іоаннова хоронить тѣла Юріева, которое, въ противность обыкновенію, четыре дня стояло въ Церкви Архангела Михаила. Великій Князь пріѣхалъ оросить слезами гробъ достойнаго брата, не только имъ, но и всѣми искренно любимаго за его добрыя свойства и за ратное мужество, коимъ онъ славился.— Юрій скончался холостымъ на тридцать-второмъ году жизни, и въ духовномъ завѣщаніи отказалъ свое имѣніе матери, братьямъ, сестрѣ, Княгинѣ Рязанской, поручивъ имъ выкупить разныя, заложенные имъ вещи, серебряные, золотые, и даже сукна Нѣмецкія: ибо на немъ осталось болѣе семисотъ рублей долгу (⁸²). О городахъ своихъ—Дмитровѣ, Можайскѣ, Серпуховѣ—онъ не упоминаетъ въ духовной. Иоаннъ, присоединивъ ихъ къ Великому Княженію, досадилъ завистливымъ братьямъ; но мать благоразумнымиувѣщаніями прекратила ссору, отдавъ Андрею Васильевичу мѣстечко Романовъ: Великій Князь уступилъ Борису Вышегороду, а меньшему Андрею Торусу, утвердивъ грамотами наследственные Удѣлы за ними и за дѣтьми ихъ (⁸³).

ГЛАВА II.

Продолжение государствованія Іоаннова.

Г. 1472—1477.

Бракъ Іоанновъ съ Греческою Царевиою. Посольства изъ Рима и въ Римъ. Заключеніе Ивана Фрязина и Тревизана, Посла Венецианскаго. Прѣніе Легата Папскаго о Вѣрѣ. Слѣдствія Іоаннова брака для Россіи. Выѣзжие Греки. Братья Софіини. Посольства въ Венецію. Зодчій Аристотель строитъ въ Москвѣ храмъ Успенія. Строеніе другихъ церквей, палатъ и стѣнъ Кремлевскихъ. Лытъ пушки, чеканять монету. Дѣла съ Ливониєю, съ Литвою, съ Крымомъ, съ Большою Ордою, съ Персіею. Посолъ Венецианскій Контарини въ Москвѣ.

Бракъ Іоанновъ съ Греческою Царевиою. Посольства изъ Рима и въ Римъ. Заключеніе Ивана Фрязина и Тревизана, Посла Венецианскаго. Прѣніе Легата Папскаго о Вѣрѣ. Слѣдствія Іоаннова брака для Россіи. Выѣзжие Греки. Братья Софіини. Посольства въ Венецію. Зодчій Аристотель строитъ въ Москвѣ храмъ Успенія. Строеніе другихъ церквей, палатъ и стѣнъ Кремлевскихъ. Лытъ пушки, чеканять монету. Дѣла съ Ливониєю, съ Литвою, съ Крымомъ, съ Большою Ордою, съ Персіею. Посолъ Венецианскій Контарини въ Москвѣ.

Въ сіе время судьба Іоаннова ознаменовалась новымъ величиемъ посредствомъ брака, важнаго и счастливаго для Россіи: ибо слѣдствіемъ онаго было то, что Европа съ любопытствомъ и съ почтеніемъ обратила взоръ на Москву, дотолѣ едва извѣстную; что Государи и народы просвѣщенійшіе захотѣли нашего дружества; что мы, вступивъ въ непосредственныя сношенія съ ними, узнали много нового, полезнаго какъ для вѣнчаней силы государственной, такъ и для внутренняго гражданскаго благоенствія.

Послѣдній Императоръ Греческій, Константинъ Палеологъ, имѣлъ двухъ братьевъ, Димитрія и Фому, которые, подъ именемъ Деспотовъ господствуя въ Пелопоннесѣ или въ Морѣ, ненавидѣли другъ друга, воевали между собою и тѣмъ довершили торжество Магомета II: Турки овладѣли Пелопоннесомъ. Димитрій искалъ милости въ Султанѣ, отдалъ сму dochь свою въ Сераль и получилъ отъ него въ удѣль городъ Энъ во Фракіи; но Фома, гнущаясь невѣрными, съ женою, съ дѣтьми, съ знатнѣшими Греками ушелъ изъ

Корфу въ Римъ, гдѣ Папа, Пій II, и Кардиналы, уважая въ немъ остатокъ древнѣйшихъ Государей Христіанскихъ, и въ благодарность за сокровище, имъ принесенное: за главу Апостола Андрея (съ того времени хранимую въ церкви Св. Петра) назначили сему знаменитому изгнанику 300 золотыхъ ефимковъ ежемѣсячнаго жалованья (⁸⁴). Отома умеръ въ Римѣ. Сыновья его, Андрей и Мануилъ, жили благодѣяніями новаго Папы, Павла II, не заслуживая оныхъ своимъ поведеніемъ, весьма легкомысленнымъ и соблазнительнымъ; но юная сестра ихъ, дѣвица, именемъ Софія, одаренная красотою и разумомъ, была предметомъ общаго доброжелательства. Папа искалъ ей достойнаго жениха, и замышляя тогда воздвигнуть всѣхъ Государей Европейскихъ на опаснаго для самой Италии Магомета II, хотѣлъ симъ бракомъ содѣйствовать видамъ своей Политики. Къ удивленію многихъ, Цавелъ обратилъ взоръ на Великаго Князя Ioanna, по совѣту, можетъ быть, славнаго Кардинала Виссаріона: сей ученый Грекъ издавна зналъ единовѣрную Москву и возрастающую силу ея Государей, извѣстныхъ и Риму по дѣламъ ихъ съ Литвою, съ Нѣмецкимъ Орденомъ, и въ особенности по Флорентійскому Собору, гдѣ Митрополитъ нашъ, Исидоръ, представлялъ столь важное лицо въ церковныхъ прѣніяхъ. Огданность, благопріятствуя баснословію, рождала слухи о несмѣтномъ богатствѣ и многочисленности Россіянъ. Папа надѣялся во-первыхъ чрезъ Царевну Софію, воспитанную въ правилахъ Флорентійскаго Соединенія, убѣдить Ioanna къ принятію оныхъ и тѣмъ подчинить себѣ нашу Церковь; во вторыхъ, лестнымъ для его честолюбія свойствомъ съ Палеологами возбудить въ немъ ревность къ освобожденію Гречії отъ ига Магометова. Въ слѣдствіе сего намѣренія Кардиналь Виссаріонъ, въ качествѣ нашего единовѣрца, отпра- вилъ Грека, именемъ Юрія, съ письмомъ къ Великому Князю (въ 1469 году), предлагая ему руку Софіи, знаменитой до-черн Деспота Морейскаго, которая будто бы отказалася двумъ женихамъ, Королю Французскому и Герцогу Медіоланскому, не желая быть супругою Государя Латинской Вѣры (⁸⁵).

Вместѣ съ Юріемъ пріѣхали въ Москву два Венеціянинна, Карль и Антонъ, братъ и племянникъ Ивана Фрязина, дежнника или монетчика, который уже давно находился въ службѣ Великаго Князя, переселясь къ намъ, какъ вѣроятно, изъ Тавриды, и принялъ Вѣру Греческую.

Сие важное Посольство весьма обрадовало Ioanna; но слѣдя правиламъ своего обыкновенного, хладнокровнаго благоразумія, онъ требовалъ совѣта отъ матери, Митрополита Филиппа, знатнѣйшихъ Бояръ: всѣ думали согласно съ нимъ, что самъ Богъ посыаетъ ему столь знаменитую невѣсту, отрасль царственнаго древа, коего суть поконила нѣкогда все Христіанство православное, нераздѣленіе; что сей благословенный союзъ, напоминая Владіміровъ, сдѣлаетъ Москву какъ бы новою Византію, и дастъ Монархамъ нашимъ права Императоровъ Греческихъ.—Великій Князь желалъ чрезъ собственаго Посла удостовѣриться въ личныхъ достоинствахъ Софіи, и велѣлъ для того Ивану Фрязину Фхать въ Римъ, имѣя довѣренность къ сему Венеціянскому уроженцу, знакомому съ обычаями Италіи. Посолъ возвратился благополучно, осыпанный ласками Павла II и Виссаріона;увѣрилъ Ioanna въ красотѣ Софіи, и вручилъ ему живописный образъ ея (⁸⁶), вмѣстѣ съ листами отъ Папы для свободнаго проѣзда нашихъ Пословъ въ Италію за невѣстою: о чемъ Павель особенно писалъ къ Королю Польскому, именуя Ioanna любезнѣйшимъ сыномъ, Государемъ *Московіи*, Новагорода, Пскова и другихъ земель (⁸⁷).—Между тѣмъ сей Папа умеръ, и слухъ пришелъ въ Москву, что мѣсто его заступилъ Калистъ: Великій Князь въ 1472 году, Генваря 17, отправилъ того же Ивана Фрязина со многими людьми въ Римъ, чтобы привезти оттуда Царевну Софію, и далъ ему письмо къ новому Папѣ. Но дорогого узили Послы, что преемникъ Павловъ называется Сикстомъ: они не хотѣли возвратиться для переписанія грамоты; вычистивъ въ искимя Калиста, написали Сикстово, и въ Маѣ прибыли въ Римъ.

Папа, Виссаріонъ и братья Софіны приняли ихъ съ отмѣнными почестями. 22 Маѣ, въ торжественномъ собраніи

Кардиналовъ, Сикстъ IV обьявилъ имъ о Посольствѣ и сватовствѣ Иоанна, Великаго Князя *Бѣлой Россіи*⁽⁸⁸⁾. Нѣкоторые изъ нихъ сомнѣвались въ православіи сего Монарха и народа его; но Папа отвѣтствовалъ, что Россіяне участвовали въ Флорентійскомъ Соборѣ и приняли Архіепископа или Митрополита отъ Латинской Церкви; что они желаютъ нынѣ имѣть у себя Легата *Римскаго*, который мог бы изслѣдовать на мѣстѣ обряды *Вѣры ихъ* и заглуждающимся указать путь истинный; что ласкою, кроткотѣю, снисхожденіемъ надобно обращать сыновъ ослѣпленныхъ къ нѣжной матери, т. е. къ Церкви; что законъ не противится бракосочетанію Царевны Софіи съ Иоанномъ.

25 Мая Послы Иоанновы были введены въ Тайный Собрѣтъ Папскій, вручили Сиксту Великокняжескую, написанную на Русскомъ языке грамоту съ золотою печатью и поднесли въ даръ шестдесятъ соболей. Въ грамотѣ сказано было единственно такъ: „Сиксту, Первосвятителю Римскому, Иоанну, Великій Князь Бѣлой Руси, кланяется и просить вѣрить „его Посламъ“. Именемъ Гоударя они привѣтствовали Папу, который въ отвѣтъ своемъ хвалилъ Иоанна за то, что онъ, добрый Христіанинъ, не отвергаетъ Собра *Флорентійскаго*, и не принимаетъ Митрополитовъ отъ Патріарховъ Константинопольскихъ, избираемыхъ Турками; что хочетъ совокупиться бракомъ съ Христіанкою, воспитанною въ столицѣ Апостольской, и что изъявляетъ приверженность къ Главѣ Церкви. Въ заключеніе Святый Отецъ благодарилъ Великаго Князя за дары.—Тутъ находились Послы Неаполитанскіе, Венеціанскіе, Медіоланскіе, Флорентійскіе и Феррарскіе. 1 Юля Софія въ церкви Св. Петра была обручена Государю Московскому, коего лице представлялъ главный изъ его повѣренныхъ, Иванъ Фрязинъ.

1 Юля 12 собралися Кардиналы для дальнѣйшихъ переговоровъ съ Российскими Послами, которые у说服али Папу о ревности ихъ Монарха къ благословенному соединенію Церквей. Сикстъ IV, такъ же какъ и Павелъ II, имѣя надежду изгнать Магомета изъ Царяграда, хотѣлъ, чтобы Го-

сударь Московскій склонилъ Хана Золотой Орды воевать Турцію. Послы Іоанновы отвѣтствовали, что Россіи легко воздвигнуть Татаръ на Султана; что они своимъ несмѣтнымъ числомъ могутъ еще подавить Европу и Азію; что для сего нужно только послать въ Орду тысячу десять золотыхъ ефимковъ и богатые, особенные дары Хану, коему удобно сдѣлать впаденіе въ Султанскія области чрезъ Паннонію; но что Король Венгерскій едва ли согласится пропустить столь многочисленное войско чрезъ свою Державу; что сіи въроломные наемники, въ случаѣ неисправнаго платежа, бывають злѣйшими врагами того, кто ихъ нанялъ; что побѣда Татаръ оказалась бы равно бѣдственна и для Турковъ и для Христіанъ. Однимъ словомъ, Послы Московскіе старались доказать, что неблагоразумно искать помощи въ Ордѣ, и Папа удовольствовался надеждою на собственныя силы Іоанна, единовѣрца Грековъ и естественнаго непріятеля ихъ утѣшителей (89).

Такъ говорятьъ церковныя лѣтописи Римскія о Посольствѣ Московскому. Дѣйствительно ли Великій Князь манилъ Папу обѣщаніями принять уставъ Флорентійскаго Собора, или Иванъ Фрязинъ клеветалъ на Государа, употребляя во зло его довѣренность? или Католики, обманывая самихъ себя, не то слышали и писали, что говорилъ Посолъ нашъ? сіе остается неяснымъ.—Папа далъ Софіи богатое вѣно и послалъ съ нею въ Россію Легата, именемъ Антонія, провождаемаго многими Римлянами; а Царевичи Андрей и Мануиль отправили Посломъ къ Іоанну Грека Дмитрія. Невѣста имѣла свой особенный Дворъ, чиновниковъ и служителей: къ нимъ присоединились и другіе Греки, которые надѣялись обрѣсти въ единовѣрной Москвѣ второе для себя отечество. Папа взялъ нужныя мѣры для безопасности Софіи на пути, и вѣлъ, чтобы во всѣхъ городахъ встрѣчали Царевицу съ надлежащею честію, давали ей сѣбѣстные припасы, лошадей, проводниковъ, въ Италіи и въ Германіи, до самыхъ областей Московскихъ. 24 Іюня она выѣхала изъ Рима, Сентября 1 прибыла въ Любекъ, откуда 10 числа отправилась на луч-

шемъ корабль въ Ревель; 21 Сентября вышла тамъ на берегъ и жила десять дней, пышно угощаемая на иждивеніе Ордена. Гонецъ Ивана Фрязина спѣшилъ изъ Ревеля черезъ Псковъ и Новгородъ въ Москву съ извѣстіемъ, что Софія благополучно перѣѣхала море. Посоль Московскій встрѣтилъ ее въ Дерптѣ, привѣтствуя именемъ Государя и Россіи (90).

Между тѣмъ вся область Псковская была въ движеніи: Правители готовили дары, зачасть, медъ и вина для Царевны; разсыпали всюду гонцевъ; украшали суда, лодки, и 11 Октября выѣхали на Чудское озеро, къ устью Эмбаха, встрѣтить Софію, которая со всѣми ся многочисленными спутниками тихо подѣѣждала къ берегу. Посадники, Бояре, вышедши изъ судовъ и наливъ виномъ кубки, ударили челомъ своей будущей Великой Княгинѣ. Достигнувъ наконецъ земли Русской, гдѣ Провидѣніе судило ей жить и царствовать; видя знаки любви, слыша усердныя привѣтствія Россіянъ, она не хотѣла медлить ни часу на берегу Ливонскомъ: Степенный Посадникъ принялъ ее и всѣхъ бывшихъ съ нею на суда. Два дня плыли озеромъ; ночевали у Св. Николая въ Устьяхъ, и 13 Октября остановились въ монастырѣ Богоматери: тамъ Игуменъ съ братію отпѣлъ за Софію молебень; она одѣлась въ Царскія ризы, и встрѣченная Псковскимъ Духовенствомъ у городскихъ воротъ, пошла въ Соборную церковь, гдѣ народъ съ любопытствомъ смотрѣлъ на Папскаго Легата, Антонія, на его червленную одежду, высокую Епископскую шапку, перчатки, и на серебряное, литое распятіе, которое несли передъ нимъ. Къ соблазну нашихъ Христіанъ правовѣрныхъ, сей Легать, вступивъ въ церковь, не поклонился святымъ иконамъ; но Софія велѣла ему приложитьсь къ образу Богоматери, замѣтивъ общее негодованіе. Тѣмъ болѣе народъ плѣнился Царевною, которая съ живѣйшимъ усердіемъ молилась Богу, наблюдая всѣ обряды Греческаго Закона. Изъ церкви повели ее въ Великокняжескій дворецъ. По тогдашнему обыкновенію гостепріимство изъявлялось дарами: Бояре и купцы поднесли Софіи пятьдесятъ рублей деньгами, а Ивану Фрязину десять рублей. Признательная къ усердію Псковитянъ, она

чрезъ пять дній выѣзжая оттуда, сказала имъ съ ласкою:
„Спѣшу къ моему и вашему Государю; благодарю чиновни-
ковъ, Бояръ и весь Великій Пековъ за угощеніе, и рада
„при всякомъ случаѣ ходатайствовать въ Москвѣ по дѣламъ
„вашимъ“. — Въ Новѣгородѣ была ей такая же встрѣча отъ
Архіепископа, Посадниковъ, Тысяческихъ, Бояръ и купцовъ;
но Царевна спѣшила въ Москву, гдѣ Иоаннъ ожидалъ ее съ
нетерпѣніемъ (⁹¹).

Уже Софія находилась въ пятнадцати верстахъ отъ столицы, когда Великій Князь призвалъ Бояръ на совѣтъ, чтобы рѣшить свое недоумѣніе. Легатъ Папскій, желая имѣть болѣе важности въ глазахъ Россіянъ, во всю дорогу ѿхадъ съ Латинскимъ *крыжемъ*: то есть, предъ нимъ въ особенныхъ саняхъ везли серебряное распятіе, о коемъ мы выше упоминали. Великій Князь не хотѣлъ оскорбить Легата, но опасался, чтобы Москвитяне, увидѣвъ сей торжественный обрядъ иновѣрія, не соблазнились, и желалъ знать мнѣніе Бояръ. Нѣкоторые думали, согласно съ нашимъ Посломъ, Иваномъ Фрязиномъ, что не должно запрещать того изъ уваженія къ Папѣ; другіе, что доселъ въ землѣ Русской не оказывалось почестей Латинской Вѣры; что примѣръ и гибель Исидора еще въ свѣжей памяти. Иоаннъ отнесся къ Митрополиту Филиппу, и сей старецъ съ жаромъ отвѣтствовалъ: „Буде ты позволишь „въ благовѣрной Москвѣ нести крестъ передъ Латинскимъ „Епископомъ, то онъ внидетъ въ единныя врата, а я, отецъ „твой, изъиду другими вонъ изъ града. Чтить Вѣру чуждую „есть унижать собственную“. Великій Князь немедленно послалъ Боярина, Феодора Давидовича, взять крестъ у Легата и спрятать въ сани. Легатъ повиновался, хотя и съ неудовольствіемъ: тѣмъ болѣе спорилъ Иванъ Фрязинъ, осуждая Митрополита. „Въ Италіи (говорилъ онъ) честили Пословъ „Великокняжескихъ: слѣдственно въ Москвѣ надобно честить „Папскаго“. Сей Фрязинъ, будучи въ Римѣ, тапль перомъну Вѣры своей, сказывался Католикомъ, и въ самомъ дѣлѣ, принялъ Греческій Законъ въ Россіи только для мірскихъ выгодъ, внутренно исповѣдывалъ Латинскій, считая нась сущ-

вѣрами. Но Бояринъ Феодоръ Давидовичъ исполнилъ повѣдѣніе Государя.

Царевна вѣхала въ Москву 12 Ноября, рано по утру, при стечениі любопытнаго народа. Митрополитъ встрѣтилъ ее въ церкви: принялъ его благословеніе, она пошла къ матери Ioannovoy, гдѣ увидѣлась съ женихомъ. Тутъ совершилось обрученіе: послѣ чего слушали обѣднью въ деревянной Соборной церкви Успенія (ибо старая каменная была разрушена, а новая недостроена). Митрополитъ служилъ со всѣмъ знатѣйшимъ Духовенствомъ и великолѣпіемъ Греческихъ обрядовъ; наконецъ обѣщалъ Ioanna съ Софию, въ присутствіи его матери, сына, братьевъ, множества Князей и Бояръ, Легата Antonія, Грековъ и Римлянъ ⁽⁹²⁾. На другой день Легатъ и Посоль Софіиныхъ братьевъ, торжественно представленные Великому Князю, вручили ему письма и дары.

Въ то время, когда Дворъ и народъ въ Москвѣ праздновали свадьбу Государя, главный пособникъ сего счастливаго брака, Иванъ Фрязинъ, вмѣсто чаемой награды заслужилъ оковы. Возвращаясь въ первый разъ изъ Рима чрезъ Венецию и называемъ Великимъ Бояриномъ Московскимъ, онъ былъ обласканъ Дожемъ, Николаемъ Троно, который, узнавъ отъ него о тѣсныхъ связяхъ Россіянъ съ Моголами Золотой Орды, вздумалъ отправить туда Посла чрезъ Москву, чтобы склонить Хана къ нападенію на Турцію. Сей Посолъ, имея имъ Иванъ Батистъ Тревизанъ, действительно прїехалъ въ нашу столицу съ грамотою отъ Дожа къ Великому Князю и съ прозьбою, чтобы онъ велѣлъ проводить его къ Хану Ахмату; но Иванъ Фрязинъ уговорилъ Тревизана не отдавать Государю ни письма, ни обыкновенныхъ даровъ; обѣщалъ и безъ того доставить ему все нужное для путешествія въ Орду, и примирился съ нимъ къ Великому Князю, назвавъ сего Посла купцемъ Венеціянскимъ, своимъ племянникомъ. Ложь ихъ открылась прибытиемъ Софіи: Легатъ Папскій и другое изъ ся спутниковъ, зная лично Тревизана — знали также, съ чѣмъ онъ посланъ въ Москву — сказали о томъ Государю: Ioannъ, взыскательный, строгій до суровости, въ гнѣвѣ своемъ

Заключеніе
Ивана
Фрязи-
на и
Треви-
зана,
Посла
Венеці-
янска
го.

за дерзкій обманъ велѣлъ Фрязина оковать цѣпями, сослать въ Коломну, домъ разорить, жену и дѣтей взять подъ стражу, а Тревизана казнить смертію. Едва Легатъ Папскій и Греки могли спасти жизнь сего послѣдняго усерднымъ за него ходатайствомъ, умолявъ Государя, чтобы онъ прежде обослся съ Сенатомъ и Дожемъ Венецианскимъ (⁹³).

Ласкаемый въ Москвѣ, Посолъ Римскій, согласно съ даннѣмъ ему отъ Папы наставленіемъ, домогался, чтобы Россія приняла уставъ Флорентійскаго Собора. Можетъ быть, Іоаннъ, во время сватовства искалъ благосклонности Папы, давалъ ей надежду словами двусмысленными; но будучи уже супругомъ Софіи, не хотѣлъ о томъ слышать. Лѣтописецъ говоритъ, что Легатъ Антоній имѣлъ прѣнія съ нашимъ Митрополитомъ Филиппомъ, но безъ малѣйшаго успѣха; что Митрополитъ, опираясь на особенную мудрость какого-то Никиты, Московскаго книжника (⁹⁴), ясно доказалъ истину Греческаго Исповѣданія, и что Антоній, не находя сильныхъ возраженій, самъ прекратилъ споръ, сказавъ: „нѣть книги со мною“. Пробывъ одиннадцать недѣль въ Москвѣ, Легатъ и Посолъ Софіныхъ братьевъ отправились назадъ въ Италію съ богатыми дарами для Папы и Царевичей отъ Великаго Князя, сына его и Софіи, которая, по извѣстію Нѣмецкихъ Историковъ, обѣщавъ Сиксту IV наблюдать внушенные ей правила Западной Церкви, обманула его и сдѣлалась въ Москвѣ ревностною Христіанкою Вѣры Греческой (⁹⁵).

Приѣда
Легата
Папскаго о
Вѣрѣ.

Г. 1473,
Генеза
рии 26.

Слѣд-
ствія
Іоанно-
на для
Россіи.

Главнымъ дѣйствиемъ сего брака (какъ мы уже замѣтили) было то, что Россія стала извѣстнѣе въ Европѣ, которая чтила въ Софіи племя древнихъ Императоровъ Византійскихъ, и, такъ сказать, провождала ее глазами до предѣловъ нашего отечества; начались государственные сношенія, пересылки; увидѣли Москвитянъ дома и въ чужихъ земляхъ; говорили объ ихъ странныхъ обычаяхъ, но угадывали и могущества. Сверхъ того многое Греки, прїехавши къ намъ съ Царевною, сдѣлялись полезны въ Россіи своими знаніями въ художествахъ и въ языкахъ, особенно въ Латинскомъ, необходимомъ тогда для вѣнчанихъ дѣлъ государственныхъ; обогатили спасенными

отъ Турецкаго варварства книгами Московскія церковныя библиотеки и способствовали велѣнію нашего Двора сообщеніемъ ему пышныхъ обрядовъ Византійскаго, такъ, что съ сего времени столица Ioannova могла дѣйствительно именоваться по-вѣтъ Царемградомъ, подобно древнему Кіеву. Слѣдственно на-деніе Грекій, содѣйствовавъ возрожденію Наукъ въ Италии, имѣло счастливое влияніе и на Россію. — Нѣкоторые знатные Греки выѣхали къ намъ послѣ изъ самаго Константиноополя: Выѣзжіе Греки. на примѣръ, въ 1485 году, Ioannъ Палеологъ Рало (⁹⁶), съ женой и съ дѣтьми, а въ 1495 Бояринъ Феодоръ Ласкиръ съ сыномъ Димитріемъ. Софія звала къ себѣ и братьевъ; но Братья Софіи-ны. Мануилъ предпочелъ Дворъ Магомета II, уѣхалъ въ Царь-градъ, и тамъ, осыпанный благодѣяніями Султана, провелъ остатокъ жизни въ изобилии: Андрей же, совокупившись бра-комъ съ одною распутною Гречанкою, два раза (въ 1480 и 1490 году) прїѣзжалъ въ Москву и выдалъ дочь свою, Ма-рию, за Князя Василія Михайловича Верейскаго; однакожъ возвратился въ Римъ (гдѣ лежать кости его подлѣ отцевскихъ въ храмѣ Св. Петра). Кажется, что онъ былъ не доволенъ Великимъ Княземъ: ибо въ духовномъ завѣщаніи отказалъ свои права на Восточную Имперію не ему, а иновѣрнымъ Го-сударямъ Кастилліи, Фердинанду и Елизаветѣ (⁹⁷), хотя Ioannъ, Новый гербъ Россіи. по свойству съ Царями Греческими, принялъ и гербъ ихъ, орла двуглаваго, соединивъ его на своей печати съ Московскими: то есть, на одной сторонѣ изображался орелъ, а на другой всадникъ попирающій дракона, съ надписью: „*Вели-
кий Князь, Божію милостію Господарь всѧ Руси*“ (⁹⁸).

Въ слѣдъ за Легатомъ Римскимъ Великій Князь послать въ Венецию Антона Фрязина съ жалобою на Тревизана (⁹⁹), велѣвъ сказать Дожу: „кто шлетъ Посла чрезъ мою землю „тайно, обманомъ, не испросивъ дозвolenія, тотъ нарушаетъ „уставы чести“. Дожъ и Сенатъ, услышавъ, что бѣдный Тре-визанъ сидѣтъ въ Москвѣ подъ стражею окованый цѣпями, приѣхали къ ласковымъ уображеніямъ, прося, чтобы Вели-
кий Князь освободилъ его для общаго блага Христіанъ и от-
правилъ въ Хану, снабдивъ всѣмъ нужнымъ для сего путеш-

шествія, изъ дружбы къ Республике, которая съ благодарностію заплатить сей долгъ. Иоаннъ умилостивился ⁽¹⁰⁰⁾, освободилъ Тревизана, далъ ему семдесать рублей, и вмѣстѣ съ нимъ пославъ въ Орду Дьяка своего возбуждать Хана противъ Магомета II, уведомилъ о томъ Венецианскаго Дожа. Сие новое Посольство въ Италію особенно любопытно тѣмъ, что главою онаго былъ уже не иноземецъ, по Россіянинъ, именемъ Семенъ Толбузинъ, который взялъ съ собою Антона Фрязина въ качествѣ переводчика, и сверхъ государственного дѣла имѣлъ порученіе вывезти оттуда искуснаго зодчаго.

Здѣсь въ первый разъ видимъ Иоанна искущагося о введеніи художествъ въ Россію: означеній величіемъ духа, истинно Царскимъ, онъ хотѣлъ не только ся свободы, могущества, внутренняго благоустройства, но и вѣнчанія великолѣпія, которое сильно дѣйствуетъ на воображеніе людей, и принадлежитъ къ успѣхамъ ихъ гражданскаго состоянія. Владимира Святаго и Ярославъ Великій украсили древній Кіевъ памятниками Византійскихъ Искусствъ: Андрей Боголюбскій призывалъ оныя и на берега Клязьмы, гдѣ Владимірская церковь Богоматери еще служила предметомъ удивленія для сѣверныхъ Россіянъ; но Москва, возникшая въ вѣки слезъ и бѣствий, не могла еще похвалиться ни однимъ, истинно величественнымъ зданіемъ. Соборный храмъ Успенія, основанный Св. Митрополитомъ Петромъ, уже иѣсколько лѣтъ грозилъ паденіемъ, и Митрополитъ Филиппъ желалъ воздвигнуть новый по образцу Владимірскаго. Долго готовились; вызывали отовсюду строителей; заложили церковь съ торжественными обрядами, съ колокольнымъ звономъ, въ присутствіи всего Двора; перенесли въ оную изъ старой гробы Князя Георгія Даніловича и всѣхъ Митрополитовъ (самъ Государь, сынъ его, братъ, знатнѣйшіе люди несли мощи Св. Чудотворца Петра, особеннаго покровителя Москвы). Сей храмъ еще не былъ достроенъ, когда Филиппъ Митрополитъ, скоро послѣ Иоанпока бракосочетаніе, престанілся, испуганный пожаромъ, который обратилъ въ пепель его Кремлевскій домъ; обливаясь слезами надъ гробомъ Св. Петра, и съ любопытствомъ утыкаемый Великимъ Княземъ Филиппъ почув-

ствовалъ слабость въ рукѣ отъ паралича; велѣлъ отвезти себя въ монастырь Боголюбенскій, и жилъ только одинъ день, до послѣдней минуты говоривъ Иоанну о совершеніи новой церкви⁽¹⁰¹⁾. Преемникъ его Геронтій (бышій Коломенскій Епископъ), избранный въ Митрополиты Соборомъ нашихъ Святителей) также ревностно цекся обѣ ея строеніи; но едва складенная до сводовъ, она съ ужаснымъ трескомъ упала, къ великому огорченію Государя и народа⁽¹⁰²⁾. Видя необходимость имѣть лучшихъ художниковъ, чтобы воздвигнуть храмъ достойный быть первымъ въ Российской Державѣ, Иоаннъ послалъ во Псковъ за тамошними каменщиками, учениками Нѣмцевъ, и велѣлъ Толбузину, чего бы то ни стоило, съскать въ Италіи Архитектора опытного для сооруженія Успенской Кафедральной церкви. Вѣроятно даже, то сіе дѣло было главною виною его Посольства. Уже Италия, пробужденная зарею Наукъ, умѣла цѣнить памятники древней Римской, изящной Архитектуры, презирая Готическую, столь несоразмѣрную, неправильную, тяжелую, и Арабскую, расточительную въ мелочныхъ украшеніяхъ. Образовался новый лучшій вкусъ въ зданіяхъ, хотя еще и несовершенный, но Итальянскіе Архитекторы уже могли называться провосходицкими въ Европѣ.

Принятый въ Венеціи благосклонно отъ нового Дожа, Зодчай
Аристо-
толъ-
строите-
ль въ
Москвѣ
храмъ
Успен-
нія. Марчелла, и взявъ съ Республики семь сотъ рублей за все, чѣмъ снабдили Тревизана въ Москвѣ изъ казны Великокняжеской, Толбузинъ нашелъ тамъ зодчаго, Болонского уроженца, именемъ Фюравенти—Аристотеля, котораго Магометъ II звалъ тогда въ Царьградъ для строенія Султанскихъ палатъ, но который захотѣлъ лучшей ѿхать въ Россію, съ условіемъ, чтобы ему давали ежемѣсячно по десяти рублей жалованья, или около двухъ фунтовъ серебра. Онъ уже славился своимъ искусствомъ^(*) такъ, что Правительство съ трудомъ отпустило его, въ угоденіе Государю Московскому Прибывъ въ столицу нашу, сей художникъ осмотрѣлъ развалины новой Кремлевской цер-

(*) Здѣсь въ прежнихъ изданіяхъ было сказано: построивъ въ Венеціи большую церковь и ворота, отмѣнилъ краснова. Сіи слова, рукою исторіографа, исключены изъ собственнаго его экземпляра.

ки: хвалилъ гладкость работы, но сказалъ, что извѣстъ наша не имѣеть достаточной вязкости, а камень не твердъ, и что лучшее дѣлать своды изъ плиты. Онъ ѿздѣлъ въ Владіміръ, видѣлъ тамъ древнюю Соборную церковь, и дивился въ ней произведенію великаго искусства; далъ мѣру кирпича; указалъ, какъ надобно обжигать его, какъ растворять извѣстъ; нашелъ лучшую глину за Андроньевымъ монастыремъ; машиною, неизвѣстною тогдашнимъ Москвитянамъ и называемою *бариномъ*, разрушилъ до основанія стѣны Кремлевской церкви, которая уцѣлѣла въ се паденіи; выкопалъ новые рвы, и наконецъ заложилъ великолѣпный храмъ Успенія; донынѣ стоящій предъ нами, какъ знаменитый памятникъ Греко-Италіанской Архитектуры XV вѣка, чудесный для современниковъ, достойный хвалы и самыхъ новѣйшихъ знатоковъ Искусства, своимъ твердымъ основаніемъ, расположениемъ, соразмѣрностю, величиемъ (¹⁰³). Построенная въ четыре года, сія церковь была освящена въ 1479 году, Августа 12, Митрополитомъ Геронтиемъ съ Епископами.

Чтобы представить Читателямъ въ одномъ мѣстѣ все сдѣланное Иоанномъ для украшенія столицы, описанѣе здѣсь и другія зданія его времени. Довольный столь счастливымъ опытомъ Аристотелева искусства, онъ разными Посольствами старался призывать къ себѣ художниковъ изъ Италии (¹⁰⁴): создалъ новую церковь Благовѣщенія на своемъ дворѣ, а за нею—на площади, гдѣ стояла теремъ—огромную палату, основанную Маркомъ Фрязиномъ въ 1487 году и совершенную имъ въ 1491 съ помощью другаго Италіанскаго Архитектора, Петра Антона (¹⁰⁵). Она долженствовала быть мѣстомъ торжественныхъ собраний Двора, особенно въ случаѣ Посольствъ иноzemныхъ, когда Государь хотѣлъ являться въ величинѣ и блескѣ. сѣдя обычаю Монарховъ Византійскихъ. Сія палата есть такъ называемая *Грановитая*, которая въ теченіи трехъ-сотъ двадцати лѣтъ сохранила всю цѣлостность и красоту свою: тамъ видимъ и нынѣ тронъ Вѣнценосцевъ Россійскихъ, съ коего они въ первые дни ихъ царствованія изливаютъ милости на Всѣможѣ и народѣ. — Дотолѣ Великіе Князья обитали въ деревянныхъ зданіяхъ: Иоаннъ (въ 1492 году) велѣлъ разо-

Строеніе другого храма:
церкви въ Кремль, позже
и стѣны Кремля
и въ сущности

Вверху: — домъ богатаго московскаго боярина въ городѣ Москвѣ (видъ со двора). Внизу:—способъ передвиженія по рѣкамъ въ древней Руси (бачевая тяга).

брать ветхій дворецъ и поставить новый на Ярославскомъ мѣстѣ, за церковю Архангела Михаила; но не долго жиль въ ономъ: сильный пожаръ (въ 1493 году) обратилъ весь городъ въ пепель, отъ Св. Николая на Пескахъ до поля за Москвою рѣкою и за Срѣтинскою улицею: Арбатъ, Неглинную, Кремль, гдѣ сгорѣли дворы Великаго Князя и Митрополитовъ со всѣми житницами на Подолѣ, обрушилась церковь Иоанна Предтечи у Боровицкихъ воротъ (подъ косю хранилась казна Великой Княгини Софіи), и вообще не осталось ни одного цѣлаго зданія, кромѣ новой палаты и Соборовъ (въ Успенскомъ обгорѣлъ олтарь, крытый Нѣмецкимъ желѣзомъ). Государь перебѣхаль въ какой-то большой домъ на Яузу, къ церкви Св. Николая Подкопаева, и рѣшился соорудить дворецъ каменный, заложенный въ Маѣ 1499 года Мѣдіоланскимъ Архитекторомъ, Алевизомъ, на старомъ мѣстѣ, у Благовѣщенія; глубокіе погребы и ледники служили основаніемъ сего великолѣпнаго зданія, совершенного черезъ девять лѣть и нынѣ имѣнuemаго *дворцемъ теремнымъ*. Между тѣмъ Иоаннъ жиль на свое мѣсто Кремлевскомъ дворѣ въ деревянныхъ хоромахъ, а иногда на Воронцовѣ полѣ. Угождая Государю, знатные люди также начали строить себѣ каменные дома: въ лѣтописахъ упоминается о палатахъ Митрополита, Василія Федоровича Образца и Головы Московскаго, Димитрія Владимиrowича Ховрина (¹⁰⁶).

Величественныя Кремлевскія стѣны и башни равномѣрно воздвигнуты Иоанномъ: ибо древнійшія, сдѣланыя въ княжествѣ Димитрія Донскаго, разрушились, и столица наша уже не имѣла каменной ограды. Антонъ Фрязинъ въ 1485 году, Іюля 19, заложилъ на Москвѣ рѣкѣ стрѣльницу, а въ 1488 другую, Свибловскую, съ тайниками или подземельными ходомъ; Итальянецъ Марко построилъ Беклемишевскую; Петръ Антоній Фрязинъ двѣ надъ Боровицкими и Константино-Еленскими воротами, и третью Фроловскую; башня надъ рѣчкою Неглинною совершена въ 1492 году неизвѣстнымъ Архитекторомъ. Окружили всю крѣпость высокою, твердою, широкою стѣною, и Великій Князь приказалъ сломать вокругъ не только всѣ дворы, но и церкви, уставивъ, чтобы между сю и городомъ

скимъ строеніемъ было не менѣе ста-девяти саженей⁽¹⁰⁷⁾). Такимъ образомъ Иоаннъ украсилъ, укрѣпилъ Москву, оставивъ Кремль долговѣчнымъ памятникомъ своего царствованія, едва ли не превосходнѣйшимъ въ сравненіи со всѣми иными Европейскими зданіями пятаго-наадесять вѣка. — Послѣднимъ дѣломъ Итальянского зодчества при семъ Государѣ было основаніе новаго Архангельскаго Собора, куда перенесли гробы древнихъ Князей Московскихъ изъ ветхой церкви Св. Михаила, построенной Иоанномъ Калитою, и тогда разобранный⁽¹⁰⁸⁾. —

Льготъ
пушки,
чека-
ниять
монету.

Кромѣ зодчихъ, Великій Князь выписывалъ изъ Италии мастеровъ пушечныхъ и серебренниковъ. Фразинъ, Навель Дебосисъ, въ 1488 году сплавъ въ Москву огромную Царь-пушку⁽¹⁰⁹⁾.

Въ 1494 году выѣхалъ къ намъ изъ Медіолана другой художникъ огнестрѣльного дѣла, именемъ Петръ. Итальянскіе серебренники начали искусно чеканить Русскую монету, выѣзжая на оной свое имя: такъ на многихъ деньгахъ Иоанна Василіевича видимъ надпись: Aristoteles⁽¹¹⁰⁾: ибо сей знаменитый Архитекторъ славился и монетнымъ художествомъ (сверхъ того лиль пушки и колокола). — Однимъ словомъ, Иоаннъ, чувствуя превосходство другихъ Европейцевъ въ гражданскихъ искусствахъ, ревностно желалъ заимствовать отъ нихъ все полезное, кромѣ обычаевъ, усердно держась Русскихъ; оставлять Вѣрѣ и Духовенству образовать умъ и нравственность людей; не думать въ философическомъ смыслѣ просвѣщать народа, но хотѣть доставить ему плоды Наукъ, нужнѣйшіе для величія Россіи. — Теперь обратимся къ государственнымъ происшествіямъ.

Западъ Россіи, Нѣмцы и Литва были предметомъ Иоанна
Г. 1472. нова вниманія. Князь Феодоръ Юрьевичъ Шуйскій, нѣсколько
1474. дѣла съ Ли-
вопіеко.
лѣть властновавъ во Псковѣ какъ Государевъ Намѣстникъ, и съѣдавъ, что тамошнє граждане, не любя его, послали къ Великому Князю требовать себѣ иного Правителя, уѣхалъ въ Москву. Псковитяне желали вторично имѣть своимъ Княземъ Ивана Стригу, или Бабича, или Стригина брата, Князя Ярослава: Государь далъ имъ послѣдняго, сказавъ, что первые нужны ему самому для ратнаго дѣла⁽¹¹¹⁾. Въ то же время

Псковитяне извѣстили Иоанна о непріятельскомъ расположениіи Ливонскаго Ордена. Еще не минулъ срокъ перемирия, заключеннаго ими съ Магистромъ въ 1463 году на девять лѣтъ, когда Нѣмцы, подведенныи Русскими лазутчиками, сожгли пѣсколько деревень на берегахъ Синяго озера (¹¹²): Псковитяне, казнивъ своихъ измѣнниковъ, удовольствовались жалобами на вѣроломство Ордена. Въ 1471 году Магистръ прислалъ брата своего сказать имъ, что онъ намѣренъ переселиться изъ Риги въ Феллинъ, и желаетъ соблюсти дружбу съ ними, требуя, чтобы они не вступались въ землю и воды за Краснымъ го-родкомъ. Псковитяне отвѣтствовали, что Магистръ воленъ жить, гдѣ ему угодно; что миръ съ ихъ стороны не будетъ нарушенъ, но что упомянутыя мѣста издревле суть достояніе Великихъ Князей (¹¹³). Условились решить споръ на общемъ съѣздѣ, и назначили время. Уже Иоаннъ, замышляя быть истиннымъ Государемъ всей Россіи, не считалъ дѣлъ Псковскихъ или Новогородскихъ какъ бы чуждыми для Москвы: онъ послалъ своего Боярина выслушать требованія Ордена; но переговоры, бывши въ Нарвѣ и въ Новѣгородѣ, не имѣли успѣха: Нѣмецкіе Послы уѣхали назадъ съ досадою, и Великий Князь, исполняя желаніе Псковитянъ, отправилъ къ нимъ войско, составленное изъ городскихъ полковъ и Дѣтей Боярскихъ, коими предводительствовалъ славный мужъ, Князь Даніиль Холмскій, имѣя подъ своимъ начальствомъ болѣе двадцати Князей. Чиновники Псковскіе, встрѣтивъ сю знатную рать съ хлѣбомъ и съ медомъ, удивились ея многочисленности, такъ, что она едва помѣститься въ городѣ, за рѣкою Великою. Холмскій нетерпѣливо желалъ вступить въ Ливонію: къ несчастію, сдѣладась оттепель въ Декабрѣ мѣсяца; рѣки вскрылись; не было ни зимняго, ни лѣтняго пути; воины скучали праздностию, а граждане убыtkомъ, ибо должны были безденежно кормить и людей и коней. Съ Москвитянами пришло нѣсколько сотъ Татаръ: сіи наемники силою отнимали у жителей скотъ и разные запасы, пока Холмскій строгостю не унялъ ихъ, опредѣливъ, что городъ обязанъ ежедневно давать на содержаніе полковъ.

Но сей убытокъ былъ вознагражденъ счастливыми слѣдствіями. Слухъ о прибытіи Московской рати столь испугалъ Магистра и Епископа Деритскаго, что они немедленно прислали своихъ чиновниковъ для возобновленія мира (¹¹⁴): первый на двадцать пять, а второй на тридцать лѣтъ, съ условіемъ, чтобы Нѣмцамъ не вступаться въ земли Псковитянъ, давать вездѣ свободный путь ихъ купцамъ и не пропускать въ Россію изъ Ливоніи ни меда, ни пива. Въ семъ договорѣ участвовали и Новгородцы, конхъ войско также готовилось действовать противъ Ордена вмѣстѣ съ Великокняжескимъ. Такъ Ioannъ вводилъ единство въ систему виѣшней Политики Российской, къ крайнему безнокойству нашихъ западныхъ союзниковъ, видѣвшихъ, что Новгородъ, Псковъ и Москва дѣлаются одною Державою, управляемою Государемъ благоразумнымъ, миролюбивымъ, но рѣшительнымъ въ намѣреніяхъ и сильнымъ въ исполненіи. Получивъ извѣстіе, что Магистръ и Правительство Деритское клятвою утвердили мирныя условія, Князь Холмскій возвратился въ Москву съ честію и съ даромъ двухъ сотъ рублей отъ признательныхъ Псковитянъ, которые особеною грамотою, отиравленію съ гонцемъ, изъявили благодарность Ioannу за его милостивое вспоможеніе.

Но Великій Князь не былъ доволенъ ни ими, ни Холмскими: ими за то, что они дерзнули, вмѣсто знатныхъ людей, прислать къ нему гонца; а Князь Холмскій заслужилъ гиѣвъ Ioannovъ какою-то виною, вѣроятно не умышленною: ибо сей Государь, строгій по нраву и правиламъ, скоро простилъ ему оную, взять съ него *клятвенную грамоту* слѣдующаго содержанія: „Я Князь Данило Дмитріевичъ Холмскій билъ челомъ Государю за мою вину посредствомъ Господина Геронтия Митрополита и Епископовъ: во уваженіе чего онъ простилъ меня, слугу своего; а мнѣ Князю Данилу быть зму вѣрнымъ до конца жизни и не искать службы въ иныхъ земляхъ. Когда же приступлю клятву, да лишуся милости Божіей и благословенія Паstryрскаго въ сей вѣкъ и въ будущій: Государь же и дѣти его вольны казнить менѧ (¹¹⁵),“ и проч. Сверхъ того Вельможи дали восемь по-

ручныхъ грамотъ за Холмскаго, обязываясь, въ случаѣ его измѣны, внести въ казну двѣ тысячи рублей. Иоаннъ же, въ знакъ искренняго прощенія, пожаловалъ Князя Даниила Бояриномъ (¹¹⁶).

Псковитяне, услышавъ о гибѣ Государя, немедленно отправили къ нему Князя Ярослава Васильевича съ тремя Посадниками и многими Боярами: Иоаннъ не пустилъ ихъ къ себѣ на глаза, даже въ городъ, такъ, что они, простоявъ пять дней въ шатрахъ на полѣ, должны были вхать обратно; наконецъ, смягченный ихъ скорбю и новымъ торжественнымъ Посольствомъ, сей хитрый Государь принялъ отъ нихъ въ даръ сто пятдесятъ рублей и милостию объявилъ, что будетъ править своею Псковскою отчиною согласно съ древними грамотами Великихъ Князей (¹¹⁷): то есть, онъ хотѣлъ, наблюдая во всемъ достоинство Монарха, пріучить и Вельможъ и гражданъ къ благоговѣнію предъ его священнымъ саномъ, и грозя виѣннимъ непріятелямъ, умножаль внутреннюю силу Россіи строгимъ дѣйствиемъ Самодержавной власти.

Доселѣ Иоаннъ не имѣлъ никакихъ извѣстныхъ дѣлъ, ии спошней съ Литвою сильнымъ ударомъ меча исхитивъ изъ дѣла съ Литвой.
рука Новгородъ, и до времени оставляя Казимира тщетно злобиться на Россію. Одни Псковитяне пересыпались съ симъ Королемъ, желая дружелюбно утвердить границы между его и своими владѣніями. Съ обѣихъ сторонъ честили и дарили Пословъ, съѣзжались сановники на рубежѣ и не могли согласиться въ прѣніяхъ. Самъ Казимиръ былъ въ Полоцкѣ, обѣщался собственными глазами осмотрѣть всѣ спорные мѣста, но не сдержалъ слова (¹¹⁸). Лаская Псковитянъ, онъ даваль имъ чувствовать, что признаетъ ихъ народомъ вольнымъ, независимымъ отъ Москвы и готовъ всегда жить въ дружбѣ съ ними. Осенью въ 1473 году открылись непріятельскія дѣйствія между Москвитянами и Литвою. Первые, ограбивъ городъ Любутскъ, ушли назадъ съ добычею и плѣнниками; а Любчане напали на Князя Симеона Одоевскаго, Россійскаго подданиаго, убили его въ сраженіи; но не могли ничего завоевать въ нашихъ предѣлахъ. Вѣроятно, что сей случай заставилъ

Казимира отправить въ Москву Посла, именемъ Богдана, или съ жалобами, или съ дружественными предложеніями, на которыхъ Ioannъ отвѣтствовалъ ему чрезъ своего Посла, Василія Китая (¹¹⁹): слѣдствіемъ было то, что сіи Государи остались только внутренно непріятелями, не объявляя войны другъ другу.

Дѣла ст.
Крим.
момт. Хитрая Политика Ioannova еще яснѣе видна въ дѣлахъ Ордынскихъ сего времени. Царь Казанскій жилъ тогда спокойно и не тревожилъ Россіи, однакожь былъ опаснымъ для насть сосѣдомъ: чтобы имѣть въ рукахъ своихъ орудія противъ Казани, Великій Князь подговорилъ одного изъ ея Царевичей, Муртозу, сына Мустафы, къ себѣ въ службу и далъ ему Новгородокъ Рязанскій съ волостями (¹²⁰).

Ханъ Таврическій или Крымскій, знаменитый Ази-Гирей, умеръ около 1467 года, оставилъ шесть сыновей: Нордоулата, Айдара, Усемаря, Менгли Гирея, Ямгурчая и Милкомана (¹²¹), изъ коихъ старшій, Нордоулатъ, заступилъ мѣсто отца, но свергнутый братомъ, Менгли-Гиреемъ, искалъ убѣжища въ Польшѣ. Сіе обстоятельство и союзъ Казимира съ непріятелемъ Таврической Орды, Ханомъ Волжскимъ, Ахматомъ, возбудивъ въ Менгли-Гиреѣ недовѣреніе къ Королю Польскому, дали мысль прозорливому Ioannу искать дружбы новаго Царя Крымскаго, посредствомъ одного богатаго Жида (¹²²), именемъ Хози Кокоса, жившаго въ Кафѣ, гдѣ купцы наши часто бывали для торговли съ Генуэзцами. Зная по слуху новое могущество Россіи и личныя достоинства Государя ея, Менгли-Гирей столь обрадовался предложенію Ioannovу, что немедленно написалъ къ нему ласковую грамоту, привезенную въ Москву Исупомъ, шуриномъ Хози Кокоса (¹²³). Такъ началася дружелюбная связь между сими двумя Государями, непрерывная до конца ихъ жизни, выгодная для обоихъ, и еще полезнѣйшая для насть: ибо она, ускоривъ гибель Большой или Золотой Орды, и развлекая силы Польши, явно способствовала величию Россіи..

Ioannъ послалъ въ Крымъ толмача своего Иванчу, желая заключить съ Ханомъ торжественный союзъ; а Менгли Гирей

въ 1473 году прислалъ въ Москву чиновника Ази-Бабу, который именемъ его клятвенно утвердилъ предварительный мирный договоръ между Крымомъ и Россіею, состоящей въ томъ, чтобы Царю Менгли-Гирею, Уланамъ и Князьямъ его быть съ Ioannomъ въ братской дружбѣ и любви, противъ недруговъ стоять за-одно, не воевать Государства Московскаго, разбойниковъ же и хищниковъ казнить, плѣнныхъ выдавать безъ окупа, все насилиемъ отнятое возвращать сполна, и съ обѣихъ сторонъ юздить Посламъ свободно безъ платежа купеческихъ пошлинъ. — Вмѣстѣ съ Ази Бабю отправился въ Крымъ Посломъ Боярина Никита Беклемишевъ, коему, сверхъ упомянутаго мирнаго договора, даны были еще прибавленія: первое въ такихъ словахъ: „ты, Великій Князь, „обязанъ слать ко мнѣ Царю поминки или дары ежегодные“. Государь велѣлъ Беклемишеву согласиться на сіе единственно въ случаѣ неотступнаго Ханскаго требованія. Во второмъ прибавленіи Ioannъ обѣщался дѣйствовать съ Менгли Гиреемъ совокупно противъ Хана Золотой Орды, Ахмата, если онъ (Менгли-Гирей) самъ будетъ помогать Россіи противъ Короля Польскаго. — Никита Беклемишевъ долженъ былъ увѣриться въ пріязни близкихъ Князей Царевыхъ, одарить ихъ соболями, заѣхать въ Кафу, изъявить благодарность Хозѣ Кокосу за оказанную имъ услугу въ сношеніяхъ съ Крымскимъ Царемъ, и требовать отъ тамошняго Консула, чтобы Генуэзцы выдали Российской купцамъ отнятые у нихъ товары на двѣ тысячи рублей, и виредъ не дѣлали подобнаго насилия, вреднаго для успѣховъ взаимной торговли.

Беклемишевъ возвратился въ Москву съ Крымскимъ Посломъ, Довлетекомъ Мурзою, и съ клятвенною Ханскою грамотою⁽¹²⁴⁾, на коей Ioannъ, въ присутствіи сего Мурзы, цѣловалъ крестъ въ увѣреніе, что будетъ точно исполнять всѣ условия союза. — Довлетекъ жилъ въ Москвѣ четыре мѣсяца и поѣхалъ назадъ въ Тавриду съ Великокняжескимъ чиновникомъ, Алексѣемъ Ивановымъ Старковымъ, коего пакъ состоять въ слѣдующемъ: „Сказатъ Хану: Князь Великій Ioannъ челомъ бьетъ. Ты пожаловалъ меня себѣ бра-

Полѣбр.
15.

Г. 1475.
Мартъ.

„тому и другомъ, чтобы намъ имѣть общихъ приятелей и враговъ: благодарствую за твое жалованье. — Ты хочешь, чтобы я принялъ къ себѣ Зенебека Царевича: въ минувшее лѣто онъ просился въ мою службу; но я отказалъ ему, счи-тая его твоимъ недругомъ: нынѣ послалъ за нимъ въ Орду, чтобы сдѣлать тебѣ угодное.— Мы взаимно обязались крѣп-кимъ словомъ любви по нашей Вѣрѣ: не преступай клятвы; „я исполню свою“. Но въ семъ заключеніи между Россіею и Крымомъ договоръ не упоминалось именно ни объ Ахматѣ, ни о Казимирѣ: Ioannъ не обязывался воевать съ первымъ, ибо Менгли-Герей не далъ клятвы дѣйствовать вмѣстѣ съ Россіей противъ послѣдняго. Старковъ долженствовалъ объявить Хану, что одно не можетъ быть безъ другаго. Сверхъ того ему велѣно было жаловаться на Кафинскихъ Генуэзцевъ, ограбившихъ какого-то Россійского Посла и нашихъ купцовъ: въ случаѣ неудовлетворенія Ioannъ грозилъ силою управляться сими разбойниками. — Наконецъ Посолъ Московскій имѣлъ приказаніе вручить дары Манкупскому Князю *Исаїку* (изъ благодарности за дружелюбное принятие Никиты Беклемишева) и развѣдать чрезъ Хозю Кокоса, сколько тысячъ золотыхъ готовить сей Владѣтель въ приданое за своею дочерью, которую онъ предлагалъ въ невѣсты сыну Велкаго Князя, Ioannу Ioанновичу⁽¹²⁵⁾. Извѣстно, что Манкупъ (нынѣ мѣстечко въ Тавридѣ, на высокой, неприступной горѣ), былъ прежде знаменитою и назывался *городомъ Готескимъ*: ибо тамъ съ третьимъ вѣка обитали Готы Тетракситы⁽¹²⁶⁾, Христіане Греческой Вѣры, данники Козаровъ, Половцевъ, Моголовъ, Генуэзцевъ, но управляемы собственными Властителями, изъ коихъ послѣдній былъ сей Исаїко, пріятель Ioанновъ по единовѣрію.

Старковъ не могъ исполнить данныхъ ему повелѣній: ибо все перемѣнилось въ Тавридѣ. Брать Ханскій Айдаръ, собравъ многочисленную толпу преданныхъ ему людей, изгналъ неосторожнаго Менгли-Гирея, бѣжавшаго въ Кафу къ Генуэзцамъ. Скоро явился на Черномъ морѣ сильный Турецкій флотъ подъ начальствомъ Визиря Магометова, Ахмета Паши; сей

искусный Вождь, приставъ къ берегамъ Тавриды, въ шесть дней овладѣлъ Кафою, гдѣ въ первый разъ кровь Русская пролилась отъ меча Оттомановъ: тамъ находилось множество нашихъ купцовъ; некоторые изъ нихъ лишились жизни, другие имѣнія и вольности (¹²⁷). Генуэзцы ушли въ Манкупъ, какъ въ неприступное мѣсто; но Визирь осадилъ и сюю крѣпость. Пинутъ, что ея начальникъ, выѣхавъ на охоту, былъ взятъ въ плѣнъ Турками, и что осажденные, потерявъ бодрость, искали спасенія въ бѣгствѣ, гонимые, убиваемые непріятелемъ. Истребивъ до основанія Державу Генуэзскую въ Тавридѣ, болѣе двухъ вѣковъ существовавшую, и покоривъ весь Крымъ Султану, Ахметъ Паша возвратился въ Константинополь съ великимъ богатствомъ и съ плѣнниками, въ числѣ коихъ былъ и Менгли-Гирей съ двумя братьями (¹²⁸). Султанъ обласкалъ сего Хана, назвалъ законнымъ властителемъ Крыма, и велѣвъ изобразить его имя на монетѣ, отправилъ господствовать надъ симъ полуостровомъ въ качествѣ своего присяжника. — Но Менгли-Гирей, еще не успѣвъ возстановить въ Тавридѣ порядка, разрушенаго Турецкимъ завоеваніемъ, былъ вторично изгнанъ оттуда Ахматомъ, Царемъ Золотой Орды, котораго сынъ предводительствуя сильнымъ войскомъ, овладѣлъ всѣми городами Крымскими (¹²⁹).

Юанинь, огорченный новымъ бѣдствиемъ Менгли Гирея, въ то же время свѣдалъ, что Ахматъ, добровольно или принужденно, уступилъ Тавриду Царевичу Зенебеку, который прежде искалъ службы въ Россіи. Зенебекъ, ставъ Ханомъ Крымскимъ, не ослѣпался своимъ времененнымъ счастіемъ, предвидѣвъ опасности и прислалъ въ Москву чиновника, именемъ Яфара Бердѣя, узнать, можетъ ли онъ, въ случаѣ изгнанія, найти у насъ безопаснѣе убѣжище. Великій Князь отвѣтствовалъ ему чрезъ гонца (¹³⁰): „Еще не имѣя ни силы, ни власти, и будучи единственno Козакомъ, ты спрашивалъ у меня, найдешь ли отдохновеніе въ землѣ моей, если конь твой утрудится въ полѣ? Я обѣщаю тебѣ безопасность и спокойствие. Нынѣ радуюсь твоему благополучію; но если обстоятельства перемѣнятся, то считай мою землю вѣрнымъ для себя

„пристанищемъ.“ Сей гонецъ долженъ былъ изъясниться съ Зенебекомъ наединѣ и предложить ему возобновленіе союза, заключеннаго между Россіею и Менгли-Гиреемъ.

Въ семъ сношеніи не было слова о Царѣ Большой Орды, Ахматѣ, который, не смотря на свое неудачное покушеніе смигътъ Іоанна оружiemъ, еще именовался нашимъ верховнымъ Властителемъ и требовалъ даніи. Пишутъ, что Великая Княгиня Софія, жена хитрая, честолюбивая, не преставала возбуждать супруга къ сверженію ига, говоря ему ежедневно: „долго ли быть мнѣ рабынею Ханскою?“ Въ Кремлю находился особенный для Татаръ домъ, гдѣ жили Послы, чиновники и купцы ихъ, наблюдая за всѣми поступками Великихъ Князей, чтобы извѣщать о томъ Хана: Софія не хотѣла терпѣть столъ опасныхъ лазутчиковъ; послала дары женѣ Ахматовой и писала къ ней, что она, имѣвъ какое-то видѣніе, желаетъ создать храмъ на Ордынскомъ подворье (гдѣ нынѣ церковь Николы Гостунскаго): просить его себѣ, и даетъ вмѣсто онаго другое. Царица согласилась: домъ разломали, и Татары, выѣхавъ изъ него, остались безъ пристанища: ихъ уже не впускали въ Кремль. Пишутъ еще, что Софія убѣдила Іоанна не встрѣчать Пословъ Ордынскихъ, которые обыкновенно привозили съ собою басму, образъ или болванъ Хана; что древніе Князья Московскіе всегда выходили пѣши изъ города, кланялись имъ, подносили кубокъ съ молокомъ корыльямъ, и для слушанія Царскихъ грамотъ подстилали мѣхъ соболій подъ ноги чтецу, преклоняли колѣна. На мѣстѣ, гдѣ бывала сія встрѣча, создали въ Іоанново время церковь, именуемую донынѣ Спасомъ на Болвановѣ (¹³¹). — Однакожъ, въ надеждѣ скоро видѣть гибель Орды, какъ необходимое слѣдствіе внутреннихъ ея междуусобий, Великий Князь уклонялся отъ войны съ Ахматомъ, и манилъ его обѣщаніями; платилъ ему, кажется, и нѣкоторую дань: ибо въ грамотахъ, тогда писанныхъ, все еще упоминается о выходѣ Ордынскомъ (¹³²). Въ 1474 году былъ въ Улусахъ нашъ Посоль Никифоръ Басенковъ, а въ Москвѣ Ханскій, именемъ Каракучукъ: съ послѣднимъ находилось 600 служителей и 3200

1474.

1477.

Дѣло
съ Боль-
шою
Ордою.

торговыхъ людей, которые привели 40,000 Азіатскихъ лошадей для продажи въ Россії (¹³³). Въ 1475 году Дьякъ Іоанновъ, Лазаревъ, возвратился изъ Большой Орды съ извѣстіемъ, что Ханъ отпустилъ Венеціянскаго Посла, Тревизана, въ Италію моремъ, не изъявивъ желанія воевать съ Турками (¹³⁴). Изгнавъ Менгли-Гирея изъ Крыма, Ахматъ, ободренный симъ успѣхомъ, велѣлъ гордо сказать Іоанну чрезъ Мурзу, именемъ Бочюка, чтобы онъ вспомнилъ древнюю обязанность Россійскихъ Князей, и немедленно самъ Ѳхаль въ Орду поклониться Царю своему (¹³⁵): Великій Князь дружелюбно угостилъ Бочюка, послалъ съ нимъ въ Улусы Тимоюя Бестужева, вѣроятно и дары, но не думалъ исполнить требованіе Ахмата.

Въ сіё время мы имѣли сношеніе и съ Персіею, гдѣ царствовалъ славный Узунъ-Гассанъ, Князь времени Туркоманскаго, овладѣвшій всѣми странами Азіи отъ Инда и Окса до Евфрата (¹³⁶). Слыша о знаменитыхъ успѣхахъ его оружія, дѣятельная Республика Венеціанская отправила къ нему Посла, именемъ Контарини, съ предложеніемъ дѣйствовать общими силами противъ Магомета II. Контарини Ѳхаль туда черезъ Польшу, Кіевъ, Кафу, Мингрелію, Грузію, и встрѣтилъ въ Экбатанѣ чиновника Великокняжескаго, Марка Руфа, Итальянскаго или Греческаго уроженца, который имѣлъ переговоры съ Царемъ Узуномъ. Великій Князь безъ сомнѣнія искалъ дружбы Персидскаго завоевателя, съ намѣреніемъ угрожать ею Хану Большой Орды, Ахмату: сіё тѣмъ вѣроятнѣе, что Узунъ-Гассанъ, семидесятилѣтній, но бодрый старецъ, вообще ненавидѣлъ Моголовъ, зависѣвъ нѣкогда отъ Тамерлановыхъ слабыхъ наследниковъ, и владѣя южными берегами Каспійскаго моря, былъ въ сосѣдствѣ съ Ахматовыми Улусами. Посоль Московскій отпирался назадъ въ Россію вмѣстѣ съ Персидскимъ; въ числѣ ихъ спутниковъ находился и Контарини: ибо—свѣдавъ, что Кафа завоевана Турками—онъ уже не хотѣлъ прежнимъ путемъ возвратиться въ Италію, и вѣрилъ судьбу свою Марку Руфу, который взялъ съ собою его и Монаха Французскаго, Людовика, называвшагося Патріархомъ Антіохійскимъ и Посломъ Герцога Бургундскаго (¹³⁷).

дѣя
сь Пос-
сію.

Посоль
Венеці-
анскій,
Конта-
рини,
въ Мос-
ковіи.

Мы имъемъ описание ихъ любопытнаго путешествія. Они ѿхали изъ Тифліса черезъ Кирополь или Шамаху, *богатую шелкомъ*, Дербентъ и Астрахань, гдѣ господствовали три брата, племянники Ахматовы. Городъ сей состоялъ изъ землянокъ, обнесенныхъ худою стѣною; а жители хвалились древнею торгоюю знаменитостю онаго, сказывая, что ароматы, привозимые нѣкогда въ Венецію, шли отъ нихъ Волгою и Дономъ. Тамошніе купцы доставляли въ Москву шелковыя ткани, покупая въ Россіи мѣха и сѣдла. Имя Великаго Князя было особенно уважаемо въ Астрахани за его щедрость и пріязнь къ ея Ханамъ, которые ежегодно отправляли къ нему Посольства. Марко Руфъ и Контарини съ величайшею осторожностью ѿхали по степямъ Донскимъ и Воронежскимъ, боясь хищныхъ Татаръ; не видали ничего, кроме неба и земли; часто имѣли недостатокъ въ водѣ; не находили ни вѣрныхъ дорогъ, ни мостовъ; сами дѣлали плоты, гдѣ надлежало переправляться черезъ рѣку, и восхвалили милость Божію, когда достигли благополучно до Рязанской области, лѣсной, мало населенной, но обильной хлѣбомъ, мясомъ, медомъ, и совершенно безопасной для путешественниковъ. Выѣхавъ изъ Астрахани 10 Августа, они прибыли въ Москву 26 Сентября въ 1476 году, видѣть только два города на пути, Рязань и Коломну. Немедленно представлениій Государю, и три раза обѣдавъ за его столомъ вмѣстѣ со многими Боярами, Контарини хвалить величественную Ioannovу наружность, осанку, привѣтливость, умное любопытство. „Когда я“ — пишетъ онъ — „говоря съ нимъ, изъ „почтенія отступилъ назадъ, сей Монархъ всегда самъ при- „ближался ко мнѣ, съ отмѣннымъ вниманіемъ слушалъ мои „слова; весьма строго осуждалъ поступокъ нашего единоземца, „Ивана Баптиста Тревизана, ноувѣрялъ меня въ своемъ осо- „бенномъ дружествѣ къ Венеціянской Республики; дозволилъ „мнѣ видѣть и Великую Княгиню Софию, которая обошлась „со мною весьма ласково, приказавъ, чтобы я кланялся отъ „нее нашему Дожу и Сенату“. Контарини жить въ домѣ Итальянского зодчаго, Аристотеля; но ему велѣно было перенѣхать въ другой. Не имѣя денегъ для пути, онъ ждалъ

ихъ съ нетерпѣніемъ изъ Венеціи. Между тѣмъ Великій Князь Ѵздила осматривать границы юго-восточныхъ областей своихъ, подверженныхъ набѣгамъ степныхъ Татаръ: когда же возвратился, то немедленно приказалъ, изъ уваженія къ Венецианской Республике, ссудить его изъ казны нужною суммою денегъ. Сверхъ того Контарини получилъ въ даръ тысячу червонцевъ и шубу. Передъ отъездомъ обѣдая во дворцѣ, онъ долженъ былъ выпить серебряную стопу крѣпкаго меда и взять ее себѣ въ знакъ особенной Государевой благосклонности. Ioаннъ дозволилъ ему не пить, сказавъ, что иноземцы могутъ не следовать Русскимъ обычаямъ, и прощаюсь съ нимъ (въ Генварѣ 1477 года) весьма милостиво, желалъ, чтобы Республика Венецианская осталась навсегда другомъ Москвы. Въ то же время Великій Князь отпустилъ и Монаха Французскаго, Людовика, который, называя себя Патріархомъ Антиохійскимъ, по исповѣдуя Вѣру Латинскую, былъ задержанъ въ Москвѣ какъ обманщикъ: ходатайство Контариніево и Марка Руфа возвратило ему свободу.—Однимъ словомъ, Контарини, строго осуждая тогдашніе нравы Россіянъ, ихъ нетрезвость, грубость, любовь къ праздности, говорить о личныхъ свойствахъ и разумѣ Ioаница съ великою похвалою.

ГЛАВА III.

Продолженіе Государствованія Іоанна.

Г. 1475—1481.

Совершенное покореніе Новагорода. Обозрѣніе исторіи его отъ начала до конца. Рожденіе Іоаннова сына, Василия-Гавриила. Посольство въ Крымъ. Сверженіе ига Ханскаго. Скора Великаго Князя съ братьями. Походъ Ахмата на Россію. Краснорѣчивое посланіе Архіепископа Вассиана къ Великому Князю. Разореніе Большой Орды и смерть Ахмата. Кончина Андрея Меньшаго, брата Іоаннова. Посольство въ Крымъ.

Совер-
шеннное
покоре-
ніе Но-
вагоро-
да.

Такимъ образомъ до Тибра, моря Адріатическаго, Чернаго и предѣловъ Индіи обнимая умомъ государственную спистому Державѣ, сей Монархъ готовилъ знаменитость виѣшней своей Политики утвержденіемъ внутренняго состава Россіи.— Ударилъ послѣдній часъ Новогородской вольности! Сіе важное происшествіе въ нашей Исторіи достойно описанія подробнаго. Нѣтъ сомнѣнія, что Іоанъ возсѣлъ на престоль съ мыслю оправдать титулъ Великихъ Князей, которые со временъ Симеона Гордаго именовались *Государями всея Russi*; желалъ ввести совершенное Единовластіе, истребить Удѣлы, отнять у Князей и гражданъ права несогласныя съ онымъ, но только въ удобное время, пристойнымъ образомъ, безъ явнаго нарушенія торжественныхъ условій, безъ насилия дерзкаго и опаснаго, вѣрно и прочно: однимъ словомъ, съ наблюденіемъ всей свойственной ему осторожности. Новгородъ измѣнилъ Россіи, приставъ къ Литвѣ; войско его было разсѣяно, гражданство въ ужасѣ: Великій Князь могъ бы тогда покорить сію область; но мыслилъ, что народъ, вѣками пріученный къ выгодамъ свободы, не отказался бы вдругъ отъ ея прелестныхъ мечтаній; что внутренніе бунты и мятежи раз-

влекли бы силы Государства Московского, нужные для ви́шней безопасности; что должно старые навыки ослаблять новыми и стеснять вольность прежде уничтожения оной, дабы граждане, уступая право за правомъ, ознакомились съ чувствомъ своего безсилія, слишкомъ дорого платили за остатки свободы, и наконецъ, утомляемые страхомъ будущихъ утѣшений, склонились предпочтеть ей мирное спокойствіе неограниченной Государевой власти. Иоаннъ простилъ Новгородцевъ, обогативъ казну свою ихъ серебромъ, утвердивъ верховную власть Княжескую въ дѣлахъ судныхъ и въ Политикѣ; но, такъ сказатъ, не спускалъ глазъ съ сей народной Державы, старался умножать въ ней число преданныхъ ему людей, питалъ несогласіе между Боярами и народомъ, являлся въ правосудіи защитникомъ невинности, дѣлалъ много добра, обѣщалъ болѣе. Если Намѣстники его не удовлетворяли всѣмъ справедливымъ жалобамъ истцевъ, то онъ винилъ недостатокъ древнихъ законовъ Новгородскихъ, хотѣлъ самъ быть тамъ, изслѣдователь г. 1475. на мѣстѣ причину главныхъ неудовольствій народныхъ, обуздатъ утѣшителей, и (въ 1475 году) дѣйствительно, призываемый Младшими гражданами (¹⁵⁸), отправился къ берегамъ Волхова, поручивъ Москву сыну. Сие путешествіе Иоанново—безъ войска, съ одною избранною, благородною дружиною (¹⁵⁹)—имѣло видъ мирнаго, но торжественнаго величія: Государь объявилъ, что идетъ утвердить спокойствіе Новагорода, коего знатиѣше сановники и граждане ежедневно выѣзжали къ нему, отъ рѣки Цны до Ильменя, на встречу съ привѣтствиями и съ дарами, съ жалобами и оправданіемъ: Старые Посадники, Тысяческие, люди Житые, Намѣстникъ и Дворецкий Великокняжескіе, Игумены, чиновники Архиепископскіе. За 90 верстъ отъ города ожидали Иоанна Владыка єеофиль, Князь Василій Васильевичь Шуйскій-Гребенка, Посадникъ и Тысяческій Степеникъ, Архимандритъ Юріева монастыря и другие первостепенные люди, коихъ дары состояли въ бочкахъ вина, благо и краснаго. Они имѣли честь обѣдать съ Государемъ. За ними явились Старости улицъ Новгородскихъ; послѣ Бояре и всѣ жители Городища, съ виномъ, съ яблоко-

ками, винными ягодами. Безчисленные толпы народные встрѣтили Иоанна передъ Городищемъ, гдѣ онъ слушалъ Литургію и ночевалъ; а на другой день угостилъ обѣдомъ Владыку, Князя Шуйскаго, Посадниковъ, Бояръ, и 23 Ноября вѣхаль въ Новгородъ. Тамъ, у вратъ Московскихъ, Архиепископъ Феофиль, исполняя Государево повелѣніе, со всѣмъ Клиросомъ, съ иконами, крестами и въ богатомъ Святительскомъ облаченіи принялъ его, благословилъ, и ввелъ въ храмъ Софіи, въ коемъ Иоаннъ поклонился гробамъ древнихъ Князей: Владимира Ярославича, Мстислава Храбраго — и привѣтствуемый всѣмъ народомъ, изъявилъ ему за любовь благодарность; обѣдалъ у Феофила, веселился, говорилъ только слова милостиныя, и взялъ отъ хозяина въ даръ З постава Ипрскихъ суконъ⁽¹⁴⁰⁾, сто корабельниковъ (Нобилей или двойныхъ червонцевъ⁽¹⁴¹⁾), рыбий зубъ и двѣ бочки вина, возвратился въ свой дворецъ на Городище.

За днемъ циркества слѣдовали дни суда. Съ утра до вечера дворецъ Великокняжескій не затворялся для народа. Одни желали только видѣть лицо сего Монарха и въ знакъ усердія поднести ему дары; другіе искали правосудія. Паденіе Державъ народныхъ обыкновенно предвѣщается наглыми злоупотребленіями силы, неисполненіемъ законовъ: такъ было и въ Новгородѣ. Правители не имѣли ни любви, ни довѣрности гражданъ; пеклися только о собственныхъ выгодахъ; торговали властію, тѣснили непріятелей личныхъ, похлѣбствовали родныхъ и друзіямъ; окружали себя толпами прислужниковъ, чтобы ихъ воллемъ заглушать на Вѣчѣ жалобы утѣшаемыхъ. Щѣлые улицы, чрезъ своихъ покѣренныхъ, требовали Государевой защиты, обвиняя первѣйшихъ сановниковъ. „Они не судьи, а хищники,“ говорили членобитчики, и доносили, что Степенный Посадникъ, Василій Анастасінъ, съ товарищами приѣжалъ разбоемъ въ улицу Славкову и Никитину, отнялъ у жителей на тысячу рублей товара, многихъ убилъ до смерти. Другіе жаловались на грабежъ Старость. Иоаннъ, еще слѣдя древнему обычая Новгородскому, далъ знать Вѣчу, чтобы оно приставило стражу къ обвиняемымъ; велѣлъ

имъ явиться на судъ, и самъ выслушавъ ихъ оправданія, рѣшилъ — въ присутствіи Архіепископа, знатнѣйшихъ чиновниковъ, Бояръ — что жалобы справедливы; что вина доказана; что преступники лишаются вольности; что строгая казнь будетъ имъ возмездіемъ, а для другихъ примѣромъ. Обративъ въ ту же минуту глаза на двухъ Бояръ Новогородскихъ, Ивана Аѳанасьевъ и сына его, Елевѳерія, онъ сказалъ гиѣвно: „Изъидите! вы хотѣли предать отечество Литвѣ.“ Воины Іоанновы оковали ихъ цѣпями, также Посадника Ананьина и Бояръ, Федора Исакова (Мареина сына), Ивана Лошинскаго и Богдана. Сіе дѣйствие самовластія поразило Новогородцевъ; но всѣ, потупивъ взоръ, молчали.

На другой день Владыка Феофиль и многіе Посадники явились въ Великокняжескомъ дворцѣ, съ видомъ глубокой скорби моля Ioanna, чтобы онъ приказалъ отдать заключенныхъ Бояръ на поруки, возвративъ имъ свободу. „Нѣть,“ отвѣтствовалъ Государь Феофилу: „тебѣ, богоомольцу Нашему, „и всему Новугороду известно, что сіи люди сдѣлали много „зла отечству, и нынѣ волнуютъ его своими кознями.“ Онъ послалъ главныхъ преступниковъ окованныхъ въ Москву; но, изъ уваженія къ ходатайству Архіепископа и Вѣча, освободилъ нѣкоторыхъ, менѣе виновныхъ, приказавъ взыскать съ нихъ денежнную пеню: чѣмъ и заключился грозный судъ Великокняжескій. Снова начались ширы для Государя и продолжались около шести недѣль. Всѣ знатнѣйшіе люди угощали г. 1476 его роскошными обѣдами: Архіепископъ трижды, другое по одному разу, и дарили деньгами, драгоцѣнными сосудами, шелковыми тканями, сукнами, ловчими птицами, бочками вина, рыбными зубами, и проч. На примѣръ, Князь Василій Шуйскій подарилъ три половинки сукна, три камки, тридцать карабельниковъ, два кречета и сокола; Владыка двѣсти карабельниковъ, пять поставовъ сукна, жеребца, а на проводы бочку вина и двѣ меды; въ другой же разъ триста корабельниковъ, золотой ковшъ съ жемчугомъ (вѣсомъ въ фунтъ), два рога, окованные серебромъ, серебряную мишу (вѣсомъ въ шесть фунтовъ), пять сороковъ соболей и десять поставовъ

сукна; Василій Казимеръ золотой ковшъ (въсомъ въ фунтъ),
сто корабельниковъ и два кречета; Яковъ Коробъ двѣсти
корабельниковъ, два кречета, рыбій зубъ и поставъ *рудожелтаго*
сукна; знатная вдова, Настасья Иванова, 30
корабельниковъ, десять поставовъ сукна, два сорока соболей
и два зуба. Сверхъ того Степенный Посадникъ, Фома, избран-
ный на мѣсто сверженаго Василія Ананьина, и Тысяческій
Есиповъ поднесли Великому Князю отъ имени всего Новаго-
рода тысячу рублей. Въ день Рождества Ioannъ далъ у себя
обѣдъ Архіеписку и первымъ чиновникамъ, которые приро-
вали во дворцъ до глубокой ночи. Еще многіе знатные чи-
новники готовили пиршства; но Великій Князь объявилъ, что
ему времяѣхать въ Москву, и только принялъ отъ нихъ
назначенные для него дары. Лѣтописецъ говоритьъ, что не
осталось въ городѣ ни одного зажиточнаго человѣка, который
бы не поднесъ чего-нибудь Ioannу, и самъ не былъ отдаренъ
милостию, или одеждой драгоцѣнною, или камкою, или сереб-
рянымъ кубкомъ, соболями, конемъ и проч.—Никогда Ново-
городцы не изъявляли такого усердія къ Великимъ Князьямъ,
хотя оно происходило не отъ любви, но отъ страха: Ioannъ
ласкалъ ихъ, какъ Государь можетъ ласкать подданныхъ, съ
видомъ милости и привѣтливаго синесожденія.

Великій Князь, пируя, занимался и дѣлами государствен-
ными. Правитель Швеціи, Стень Стуръ, прислали къ нему
своего племянника, Орбана, съ предложеніемъ возобновить
миръ, нарушенный впаденіемъ Россіянъ въ Финляндію (¹⁴²).
Ioannъ угостилъ Орбана, принялъ отъ него въ даръ статнаго
жеребца, и велѣлъ Архіеписку именемъ Новагорода утвер-
дить на иѣсколько лѣтъ перемиріе съ Швеціею по древнему
обыкновенію.—Послы Псковскіе, вручивъ Ioannу дары, мо-
ли его, чтобы онъ не дѣлалъ никакихъ перемѣнъ въ древ-
нихъ уставахъ ихъ отечества; а Князь Ярославъ, тамошній
Намѣстникъ, пріѣхавъ самъ въ Новгородъ, жаловался, что
Посадники и граждане не даютъ ему всѣхъ законныхъ до-
ходовъ. Великій Князь отправилъ туда Бояръ, Василія Китая
и Морозова, сказать Псковитянамъ, чтобы они въ пять дней

удовлетворили требованиямъ Намѣстника, или будуть имѣть дѣло съ Государемъ раздраженнымъ (¹⁴³). Ярославъ получиль все желаемое.—Быть девять недѣль въ Новѣгородѣ, Ioаний выѣхалъ оттуда со множествомъ серебра и золота, какъ сказано въ лѣтописи (¹⁴⁴). Воинская дружина его стояла по монастырямъ вокругъ города и плавала въ изобиліи; брала, что хотѣла: никто не смѣлъ жаловаться. Архиепископъ Феофиль и знатнѣйшіе чиновники проводили Государя до первого стана, гдѣ онъ съ ними обѣдалъ, казался весель, доволенъ. Но судьба сей народной Державы уже была рѣшена въ умѣ его.

Заточеніе шести Бояръ Новогородскихъ, сосланныхъ въ Муромъ и въ Колому, оставило горестное впечатлѣніе въ ихъ многочисленныхъ друзьяхъ: они жаловались на самовластье Великокняжеское, противное древнему уставу, по коему Новогородецъ могъ быть наказываемъ только въ своемъ отечествѣ. Народъ молчалъ, изъявляя равнодушіе; но знатнѣйшіе граждане взяли ихъ сторону, и нарядили Посольство къ Великому Князю: самъ Архиепископъ, три Посадника и нѣсколько Житыхъ людей пріѣхали въ Москву бить челомъ за своихъ несчастныхъ Бояръ. Два раза Владыка Феофиль обѣдалъ во дворцѣ, однако же не могъ умолить Ioanna, и съ горестю уѣхалъ на Страстной недѣлѣ, не хотѣвъ праздновать Пасхи съ Государемъ и съ Митрополитомъ (¹⁴⁵).

Междѣ тѣмъ рѣшительный судъ Великокняжескій полю- г. 1477.
бился многимъ Новогородцамъ, такъ, что въ слѣдующій годъ нѣкоторые изъ нихъ отправились съ жалобами въ Москву; въ слѣдъ за ними и отвѣтчики, знатные и простые граждане, отъ Посадниковъ до землемѣльцевъ: вдовы, сироты, Монахини. Другихъ же позвалъ самъ Государь: никто не дерзнулъ ослушаться. „Отъ временъ Рюрика (говорятъ Лѣтописцы) не бывало подобного случая: ни въ Киевѣ, ни въ Владиміре не ѻздили судиться Новогородцы: Ioannъ умѣлъ довести ихъ до сего уничиженія (¹⁴⁶)“. Еще онъ не сдѣлалъ всего: пришло время довершить начатое.

Умное правосудіе Ioannово плѣняло сердца тѣхъ, которые искали правды и любили ону: утѣшненная слабость, оклеве-

танская невинность находили въ немъ защитника, спасителя, то есть, истиннаго Монарха, или судю непричастнаго низкимъ побуждениемъ личности: они желали видѣть судную власть въ одиныхъ рукахъ его. Другие, или завидя силу первостепенныхъ согражданъ, или ласкаемыи Ioаниномъ, внутренно благоприятствовали Самодержавію. Сіи многочисленные друзья Великаго Князя, можетъ быть, *сами собою*, а можетъ быть и по согласию съ нимъ замыслили слѣдующую хитрость. Двое изъ оныхъ, чиновникъ Назарій и Дьякъ Вѣча, Захарій, въ видѣ Пословъ отъ Архіепископа и всѣхъ соотечественниковъ, явились предъ Ioаниномъ (въ 1477 году) и торжественно называли его *Государемъ* Новагорода, вместо *Господина*, какъ прежде именовались Великие Князья въ отношеніи къ сей народной Державѣ. Въ слѣдствіе того Ioанъ отправилъ къ Новогородцамъ Боярина, Феодора Давидовича, спросить, что они разумѣютъ подъ названіемъ *Государя?* хотятъ ли присягнуть ему какъ *полному Властителю*, единственному законодателю и судію? соглашаются-ли не имѣть у себя Тіуновъ, кромѣ Княжескихъ, и отдать ему Дворъ Ярославовъ, древнее мѣсто Вѣча (¹⁴⁷)? Изумленные граждане отвѣтствовали: „мы не посыпали съ тѣмъ къ Великому Князю; это ложь“. Сдѣлалось общее волненіе. Они теряли оказанное Ioаниномъ самовластіе въ дѣлахъ судныхъ какъ *чрезвычайность*, но ужаснулись мысли, что сія чрезвычайность будетъ уже *закономъ*; что древняя пословица: *Новгородъ судится своимъ судомъ*, утратить навсегда смыслъ, и что Московскіе Тіуны будутъ решить судьбу ихъ. Древнее Вѣче уже не могло ставить себя выше Князя, но по крайней мѣрѣ существовало именемъ и видомъ: Дворъ Ярославовъ былъ святилищемъ народныхъ правъ: отдать его Ioану значило торжественно и наивѣки отвергнуться оныхъ. Сіи мысли возмутили даже и самыхъ мирныхъ гражданъ, расположенныхъ повиноваться Великому Князю, но въ угодность собственному, внутреннему чувству блага, не слѣпо, не подъ острѣемъ меча, готоваго казнить всякаго по мановенію Самовластителя. Забвенные единомышленники Мароны военрѣянули какъ бы отъ глубокаго

ена, и говорили народу, что они лучше его предвидѣли будущее; что друзья или слуги Московскаго Князя суть измѣничи, коихъ торжество есть гробъ отечества. Народъ остервенѣлся, искалъ предателей, требовалъ мести. Схватили одного знаменитаго мужа, Василія Никифорова, и привели на Вѣче, обвиняя его въ томъ, что онъ былъ у Великаго Князя и далъ клятву служить ему противъ отечества. „Нѣтъ“, отвѣтствовалъ Василій: „я клялся Иоанну единственно въ вѣрности, въ доброжелательствѣ, но безъ измѣны моему истинному Государю, Великому Новгороду; безъ измѣны вамъ, моимъ господамъ и братьямъ“. Сего несчастнаго изрубили въ куски топорами (¹⁴⁸); умертвили еще Посадника, Захарію Овина, которыйѣ здѣшь судиться въ Москву и самъ доносилъ гражданиамъ на Василія Никифорова; казнили и брата его, Козыма, на дворѣ Архіепископскомъ; многихъ иныхъ ограбили, посадили въ темницу, называя ихъ совѣтниками Иоанновыми: другие разбѣжались. Между тѣмъ народъ не сдѣлалъ ии малѣйшаго зла Послу Московскому и многочисленной дружинѣ его: сановники честили ихъ, держали около шести недѣль, и на конецъ отпустили именемъ Вѣча съ такою грамотою къ Иоанну: „Кланяемся тебѣ, Господину нашему, Великому Князю; а Государемъ не зовемъ. Судъ твоимъ Намѣстникамъ будетъ на Городицѣ по старинѣ; ни твоего суда, ни твоихъ Тиуновъ у насть не будетъ. Дворища Ярославия не даемъ. Хотимъ жить по договору, клятвенно утвержденному на Коростынѣ тобою и нами (въ 1471 году). Кто же предлагалъ тебѣ быть Государемъ Новгородскимъ, тѣхъ самъ знаешь, и казни за обманъ; мы здѣсь также казнимъ сихъ лживыхъ предателей. А тебѣ, Господинѣ, человѣкъ бьемъ, чтобы ты держалъ насть въ старинѣ, по крестному цѣлованію (¹⁴⁹)“. Такъ писали они, и еще сильнѣе говорили на Вѣчѣ, не скрывая мысли сноса поддаться Литви, буде Великій Князь не откажется отъ своихъ требованій (¹⁵⁰).

Но Иоаннъ не любилъ уступать, и безъ сомнѣнія предвидѣль отказъ Новогородцевъ, желая только имѣть видъ справедливости въ семъ раздорѣ. Получивъ ихъ смѣлый отвѣтъ,

онъ съ печалію объявилъ Митрополиту Геронтію, матери, Боярамъ, что Новгородъ, произвольно давъ ему имя Государя, запирается въ томъ, дѣлаетъ его лжецомъ предъ глазами всей земли Русской, казнить людей вѣриныхъ своему законному Монарху какъ злодѣевъ, и грозится вторично измѣнить святѣйшимъ клятвамъ, Православію, отечеству. Митрополитъ, Дворъ и вся Москва думали согласно, что сіи мятежники должны почувствовать всю тягость Государева гнѣва. Началось молебствіе въ церквяхъ; раздавали милостыню по монастырямъ и богадѣльнямъ; отправили гонца въ Новгородъ съ *грамотою складною*⁽¹⁵¹⁾ или съ объявлениемъ войны, и полки собрались подъ стѣнами Москвы. Медленный въ замыслахъ важныхъ, но скорый въ исполненіи, Ioannъ или не дѣйствовалъ, или дѣйствовалъ рѣшительно, всѣми силами: не осталось ни одного мѣстечка, которое не приспало бы ратниковъ на службу Великокняжескую. Въ числѣ ихъ находились и жители областей Кашинской, Бѣжецкой, Новоторжской: ибо Ioannъ присоединилъ къ Москвѣ часть сихъ Тверскихъ и Новгородскихъ земель.

Поручивъ столицу юному Великому Князю, сыну своему, онъ самъ выступилъ съ войскомъ 9 Октября, презирая трудности и неудобства осенняго похода въ мѣстахъ болотистыхъ. Хотя Новгородцы и взяли нѣкоторыя мѣры для обороны, но знали слабость свою, и прислали требовать *опасныхъ грамотъ* отъ Великаго Князя для Архиепископа Феофила и Посадниковъ, коимъ надлежало бѣхать къ нему для мирныхъ переговоровъ⁽¹⁵²⁾. Ioannъ велѣть остановить сего посланного въ Торжкѣ, также и другаго; обѣдали въ Волокѣ у брата, Бориса Васильевича, и былъ встрѣченъ именитымъ Тверскимъ Вельможею, Княземъ Микулинскимъ, съ учтивымъ приглашеніемъ заѣхать въ Тверь, отѣбѣдать хлѣба-соли у Государя его, Михаила. Ioannъ вмѣсто угощенія требовалъ полковъ, и Михаилъ не смѣть ослушаться, заготовивъ, сверхъ того, всѣ нужные сѣбѣстные припасы для войска Московскаго. Самъ Великий Князь шелъ съ отборными полками между Желбицкою дорогою и Метою; Царевичъ Даніяръ и Василій Образецъ по

Заметѣ; Даніилъ Холмскій предъ Іоаниомъ съ Дѣтьми Боярскими, Владимирцами, Переславцами и Костромитянами; за нимъ два Боярина съ Дмитровцами и Кашицами; на правой сторонѣ Князь Симеонъ Ряполовскій съ Суздальцами и Юрьевцами; на лѣвой братъ Великаго Князя, Андрей Меньшій, и Василій Сабуровъ съ Ростовцами, Ярославцами, Угличанами и Бѣжицанами; съ ними также Воевода матери Іоаниовой. Семенъ Шишекъ, съ ея Дворомъ; между дорогами Яжелбицкою и Демонскою Князь Александръ Васильевичъ и Борисъ Михайловичъ Оболенскіе; первый съ Калужанами, Алексинцами, Серпуховцами, Хотунчами, Москвитянами, Радонежцами, Новоторжцами (¹⁵³); второй съ Можайцами, Волочанами, Звенигородцами и Ружанами; по дорогѣ Яжелбицкой Бояринъ Феодоръ Давидовичъ съ Дѣтьми Боярскими Двора Велиокняжескаго и Коломенцами, также Князь Иванъ Васильевичъ Оболенскій со всѣми его братьями и многими Дѣтьми Боярскими. 4 Ноября присоединились къ войску Іоанинову полки Тверскіе, предводимые Княземъ Михайломъ Феодоровичемъ, Микулинскимъ.

Въ Еглинѣ, Ноября 8, Великій Князь потребовалъ къ себѣ задержанныхъ Новогородскихъ *опасчиковъ* (то есть, присланныхъ за *опасными грамотами*): Старосту Даніелавской улицы, Федора Калитина, и гражданина Житаго, Ивана Маркова. Они смиренно ударили ему челомъ, именуя его *Государемъ*. Іоаннъ велѣлъ имъ дать пропускъ для Пословъ Новогородскихъ.—Между тѣмъ многіе знатные Новогородцы прибыли въ Московскій станъ и вступили въ службу къ Великому Князю, или предвидя неминуемую гибель своего отечества, или спасаясь отъ злобы тамошняго народа, который гналъ всѣхъ Бояръ, подозрѣваемыхъ въ тайныхъ связяхъ съ Москвою (¹⁵⁴).

Ноября 19, въ Палинѣ, Іоаннъ вновь устроилъ войско для начатія непріятельскихъ дѣйствій: ввѣрилъ передовой отрядъ брату своему, Андрею Меньшему, и тремъ храбрѣющимъ Воеводамъ: Холмскому съ Костромитянами, Феодору Давидовичу съ Коломенцами, Князю Ивану Оболенскому Стри-

гъ съ Владимирцами; *о го правой руке* велѣль быть брату, Андрею Большему, съ Тверскимъ Воеводою, Княземъ Микулинскимъ, съ Григориемъ Никитичемъ, съ Иваномъ Житомъ, съ Дмитровцами и Кашицами; въ *львой* брату, Князю Борису Васильевичу, съ Княземъ Василемъ Михайловичемъ Верейскимъ и съ Воеводою матери своей, Семеномъ Пѣшкомъ; а въ собственномъ полку Великокняжескомъ знатнѣйшему Боярину, Ивану Юрьевичу Патрикесу, Василію Образцу съ Боровичами, Симеону Ряполовскому, Князю Александру Васильевичу, Борису Михайловичу Оболенскому и Сабурову съ ихъ дружинами, также всѣмъ Переславцамъ и Муромцамъ. Переходный отрядъ долженъ былъ занять Бронницы (¹⁵⁵).

Еще не довольный многочисленностю своей рати, Государь ждалъ Псковитянъ. Тамошній Князь Ярославъ, ненавидимый народомъ, но долго покровительствуемый Ioannomъ — быть даже въ явной войнѣ съ гражданами, не смѣвшими выгнать его, и пьяный имѣвъ съ ними битву среди города (¹⁵⁶) — наконецъ по указу Государеву выѣхалъ оттуда. Псковитяне желали себѣ въ Намѣстники Князя Василья Васильевича Шуйского: Ioannъ отправилъ его къ нимъ изъ Торжка, и велѣль, чтобы они немедленно вооружились противъ Новагорода. Обыкновенное ихъ благоразуміе не измѣнилось и въ семъ случаѣ: Псковитяне предложили Новогородцамъ быть за нихъ ходатаями у Великаго Князя; но получили въ отвѣтъ: „или заключите съ нами особенный тѣсный союзъ, какъ люди вольные, или обойдемся безъ вашего ходатайства“ (¹⁵⁷). Когда же Псковитяне, исполняя Ioannово приказаніе, грамотою объявили имъ войну, Новогородцы одумались и хотѣли, чтобы они вмѣстѣ съ ними послали чиновниковъ къ Великому Князю; но Дьякъ Московскій, Григорій Волнинъ, прїѣхавъ во Псковъ отъ Государя, нудилъ ихъ немедленно сѣсть на коней и выступить въ поле. Между тѣмъ сдѣлался тамъ пожаръ: граждане письменно извѣстили Ioanna о своей бѣдѣ, называли его *Царемъ Русскимъ* и давали ему разумѣть, что не время воевать людямъ, которые лютъ слезы на пеплѣ своихъ жилищъ (¹⁵⁸); однимъ словомъ,

всѧчески уклонялись отъ похода, иродвидя, что въ паденіи Новагорода можетъ не устоять и Псковъ. Отговорки были тщетны: Ioannъ велѣлъ, и Князь Шуйскій (¹⁵⁹), взявъ осадные орудія—пушки, пищали, самострѣлы—съ семью Посадниками вывелъ рать Псковскую, которой надлежало стать на берегахъ Ильменя, при устьѣ Шелони.

Ноября 23 Великій Князь находился въ Сытинѣ, когда донесли ему о пребытіи Архіепископа Феофила и знатнѣйшихъ сановникахъ Новогородскихъ. Они явились. Феофиль сказалъ: „Государь Князь Великій! я, богомолецъ твой, Архимандриты, Игумены и Священники всѣхъ семи Соборовъ бѣмъ „тебѣ чelомъ. Ты возложилъ гнѣвъ *на свою отчину*, на „Великій Новгородъ; огонь и мечъ твой ходятъ по землѣ „нашей; кровь христіанская льется. Государь! смилуйся: мо- „лимъ тебя со слезами (¹⁶⁰); дай намъ миръ и освободи „Бояръ Новогородскихъ, заточенныхъ въ Москвѣ!“ А Посадники и Житые люди говорили такъ: „Государь Князь „Великій! Степенный Посадникъ Фома Андреевъ и Старые „Посадники, Степенный Тысячекій Василій Максимовъ и „Старые Тысяческие, Бояре, Житые, купцы, черные люди и „весь Великій Новгородъ, твоя отчина, мужи вольные, бѣть „тебѣ чelомъ, и молять о мирѣ и свободѣ нашихъ Бояръ „заключенныхъ. „Посадникъ Лука Федоровъ примолвилъ: „Го- „сударь! чelобитье Великаго Новагорода предъ тобою: повели „намъ говорить съ твоими Боярами.“ Ioannъ не отвѣтствовалъ ни слова, но пригласилъ ихъ обѣдать за столомъ своимъ.

На другой день Послы Новогородскіе были съ дарами у брата Ioаннова, Андрея Меньшаго, требуя его заступленія. Ioannъ приказалъ говорить съ ними Боярину, Князю Ивану Юрьевичу. Посадникъ Яковъ Коробъ сказалъ: „Желаемъ „чтобы Государь принялъ въ милость Великій Новгородъ. „мужей вольныхъ, и мечъ свой унялъ.“ — Феофилактъ Посадникъ: „Желаемъ освобожденія Бояръ Новогородскихъ.“ — Лука Посадникъ: „Желаемъ, чтобы Государь всякиe четыре „года ъездилъ въ свою отчину, Великій Новгородъ, и браль „съ насъ по тысячи рублей; чтобы Намѣстникъ его судилъ

„съ Посадникомъ въ городѣ; а чего они не управлять, то „рѣшить самъ Великій Князь, пріѣхавъ къ намъ на четвертый годъ; но въ Москву да не зоветь судящихся!“ — Яковъ Федоровъ: „Да не велитъ Государь вступаться своему Намѣстнику въ особенные суды Архиепископа и Посадника!“ Житые люди сказали, что подданные Великокняжескіе зовутъ ихъ на судъ къ Намѣстнику и Посаднику въ Новгородѣ, а сами хотять судиться единственно на Городицѣ; что сіе несправедливо, и что они просятъ Великаго Князя подчинить тѣхъ и другихъ суду Новогородскому (¹⁶¹). — Посадникъ Яковъ Коробъ заключилъ сими словами: „Челобитье наше предъ „Государемъ: да сдѣлаетъ, что ему Богъ положить на сердце!“

Іоаннъ въ тотъ же день велѣлъ Холмекому, Боярину Феодору Давидовичу, Князю Оболенскому-Стригѣ и другимъ Воеводамъ подъ главнымъ начальствомъ брата его, Андрея Меньшаго, идти изъ Бронницъ къ Городицу и занять монастыри, чтобы Новогородцы не выжгли оныхъ. Воеводы перешли озеро Ильмень по льду, и въ одну ночь заняли всѣ окрестности Новогородскія (¹⁶²).

25 Ноября Бояре Великокняжескіе, Иванъ Юрьевичъ, Василій и Иванъ Борисовичи, дали отвѣтъ Посламъ. Первый сказалъ: „Князь Великій Іоаннъ Васильевичъ всея Руси тебѣ, „своему богомольцу Владыкѣ, Посадникамъ и Житымъ людямъ „такъ отвѣтствуетъ на ваше челобитье.“ — Бояринъ Василій Борисовичъ продолжалъ: „Вѣдаете сами, что вы предлагали „намъ, мнѣ и сыну моему, черезъ саповника Назарія и Дьяка „Вѣчеваго, Захарію, быть вашими Государями; а мы послали „Бояръ своихъ въ Новгородъ узнать, что разумѣете подъ „сімъ именемъ? Но вы занерлися, укоряя насть, Великихъ „Князей, насилиемъ и ложью; сверхъ того дѣлали намъ и „многія иныя досады. Мы терпѣли, ожидая вашего исправленія; но вы болѣе и болѣе лукавствовали, и мы обнажили „мечь, по слову Господню: аще согрешитъ къ тебѣ братъ „твой, обличи его наединѣ; аще не послушаетъ, поими „съ собою два или три свидѣтеля; аще ли и тыхъ не „послушастъ, повѣждь Церкви; аще ли и о Церкви не-

„радъти начнетъ, будете яко же язычникъ и мытарь.
„Мы посыпали къ вамъ и говорили: уймитесь, и будемъ
„васъ жаловать; но вы не захотѣли того, и сдѣлались намъ
„какъ бы чужды. И такъ, возложивъ упованіе на Бога и
„на молитву нашихъ предковъ, Великихъ Князей Русскихъ,
„идемъ наказать дерзость.“—Бояринъ Иванъ Борисовичъ говорилъ далѣе именемъ Великаго Князя: „Вы хотите свободы Бояръ
„вашихъ, мною осужденныхъ; но вѣдасте, что весь Новгородъ
„жаловался мнѣ на ихъ беззаконія, грабежи, убийства; ты самъ,
„Лука Исаковъ, находился въ числѣ истецъвъ; и ты, Григорій
„Кипріяновъ, отъ имени Никитиной улицы; и ты, Владыка,
„и вы, Посадники, были свидѣтелями ихъ уличенія. Я мыс-
„лилъ казнить преступниковъ, но даровалъ имъ жизнь, ибо
„вы молили меня о томъ. Пристойно ли вамъ нынѣ упоми-
„нать о сихъ людяхъ?“—Князь Иванъ Юрьевичъ заключилъ
сими словами отъѣтъ Государевъ: „буде Новгородъ дѣйстви-
тельно желаетъ нашей милости, то ему извѣстны условія“.

Архіепископъ и Посадники отправились назадъ съ Вел-
кокняжескимъ приставомъ для ихъ безопасности.—27 Ноября
Іоаній, подступивъ къ Новугороду съ братомъ Андреемъ
Меньшимъ и съ юнымъ Верейскимъ Княземъ, Василіемъ Ми-
хайловичемъ, расположился у Троицы Паозерской на берегу
Волхова, въ трехъ верстахъ отъ города, въ селѣ Лошинскаго,
гдѣ былъ нѣкогда домъ Ярослава Великаго, именуемый Ра-
комлею (¹⁶³); велѣль брату стать въ монастырѣ Благовѣщенія.
Князю Ивану Юрьевичу въ Юрьевѣ, Холмекому въ Аркадь-
евскомъ, Сабурову у Св. Пантелеимона, Александру Оболен-
скому у Николы на Мостицахъ, Борису Оболенскому на Со-
ковѣ у Богоявленія, Ряполовскому на Пидѣбѣ (¹⁶⁴), Князю
Василію Верейскому на Лисьей Горкѣ, а Боярину Феодору
Давидовичу и Князю Ивану Стригѣ на Городицѣ. 29 Но-
ября пришелъ съ полкомъ братъ Іоанновъ, Князь Борисъ
Васильевичъ, и стала на берегу Волхова въ Кречневѣ, селѣ
Архіепископа.—30 Ноября Государь велѣль Воеводамъ от-
пускать половину людей для собранія свѣтныхъ припасовъ до
10 Декабря, а 11 число быть всѣмъ на-лице, каждому на

своемъ мѣстѣ; и въ тотъ же день послалъ гонца сказать Намѣстнику Псковскому, Князю Василію Шуйскому, чтобы онъ спѣшилъ къ Новугороду съ огнестрѣльнымъ снарядомъ (¹⁶⁵).

Новогородцы хотѣли сперва изъявлять неустранимость; дозволили всѣмъ купцамъ иноземнымъ выѣхать во Псковъ съ товарами: укрѣпились деревянною стѣною по обѣимъ сторонамъ Волхова; заградили сюю рѣку судами; избрали Князя Василія Шуйскаго-Гребенку въ Военачальники, и не имѣя друзей, ни союзниковъ, не ожидая ни откуда помощи, обязались между собою клятвенною грамотою быть единодушными, показывая, что надѣются въ крайности на самое отчаяніе, и готовы отразить приступъ, какъ нѣкогда предки ихъ отразили сильную рать Андрея Боголюбскаго. Но Ioannъ не хотѣлъ кропотливитїя, въ надеждѣ, что они покорятся, и взялъ мѣры для доставленія всего нужнаго многочисленной рати своей. Исполняя его повелѣніе, богатые Псковитяне отправили къ нему обозъ съ хлѣбомъ, пшеничною мукою, колачами, рыбою, медомъ и разными товарами для вольной продажи; приедали также и мостниковъ (¹⁶⁶). Великокняжескій станъ имѣлъ видъ шумнаго торжница, изобилія; а Новгородъ, окруженный полками Московскими, быль лишень всякаго сообщенія. Окрестности также представляли жалкое зрѣлище: воины Ioанновы не щадили бѣдныхъ жителей, которые въ 1471 году безопасно скрывались отъ нихъ въ лѣсахъ и болотахъ, но въ сіе время умирали тамъ отъ морозовъ и голода (¹⁶⁷).

Декабря 4 вторично прибылъ къ Государю Архиепископъ Феофилъ съ тѣми же чиновниками, и молилъ его только о мирѣ, не упоминая ни о чѣмъ иномъ. Бояре Московскіе, Князь Иванъ Юрьевичъ, Феодоръ Давидовичъ и Князь Стрига отпустили ихъ съ прежнимъ отвѣтомъ, что Новогородцы знаютъ, какъ надобно бить челомъ Великому Князю.—Въ сей день пришли къ городу Царевичъ Даніяръ съ Воеводою, Василіемъ Образцемъ, и братъ Великаго Князя, Андрей Старий, съ Тверскимъ Воеводою: они расположились въ монастыряхъ Кирилловъ, Андреевъ, Ковалевскомъ, Волотовъ, на Деревеницѣ и у Св. Николы на Островкѣ (¹⁶⁸).

Видя умноженіе силъ и испрѣкленность Великаго Князя—не имѣя ни смѣлости отважиться на рѣшительную битву, ни запасовъ для выдержанія осады долговременной—угрожаемые и мечетью и голодомъ, Новогородцы чувствовали необходимость уступить, желали единственно длить время, и безъ надежды спасти вольность надѣялись переговорами сохранить хотя нѣкоторая изъ ея правъ. Декабря 5 Владыка Феофилъ съ Посадниками и съ людьми Житыми, удариивъ челомъ Великому Князю въ присутствіи его трехъ братьевъ, именемъ Новогорода сказалъ: „Государь! мы, виновные, ожидаемъ твоей милости: признаемъ петину Посольства Назаріева и Дьяка Захаріи; но какую власть желаешь имѣть надъ нами?“ Иоаннъ отвѣтствовалъ имъ чрезъ Бояръ: „Я доволень, что вы признаете вину свою и сами на себя свидѣтельствуете. Хочу властствовать въ Новѣгородѣ, какъ властую въ Москвѣ“.—Архіепископъ и Посадники требовали времени для размышленія. Онъ отпустилъ ихъ съ повелѣніемъ дать рѣшительный отвѣтъ въ третій день.—Между тѣмъ пришло войско Псковское, и Великій Князь расположивъ его въ Бискуницахъ, въ селѣ Федотинѣ, въ монастырѣ Троицкомъ на Варяжи, приказалъ знаменитому своему художнику, Аристотелю, строить мостъ подъ Городищемъ, какъ бы для приступа. Сей мостъ, съ удивительною скоростію сдѣланій на судахъ черезъ рѣку Волховъ, своею твердостію и красою заслужилъ похвалу Иоаннову⁽¹⁶⁰⁾.

7 Декабря Феофилъ возвратился въ станъ Великокняжескій съ Посадниками и съ Выборными отъ пяти Концевъ Новогородскихъ. Иоаннъ выслалъ къ нимъ Бояръ. Архіепископъ молчалъ: говорили только Посадники. Яковъ Коробъ сказалъ: „Желаемъ, чтобы Государь велѣлъ Намѣстнику своему „судить вмѣстѣ съ наимѣнѣемъ Посадникомъ“. — Феофилъ: „Предлагаемъ Государю ежегодную дань со всѣхъ „волостей Новогородскихъ, съ двухъ сохъ гривну“. Лука: „Пусть Государь держить Намѣстниковъ въ нашихъ приго- „родахъ; но судъ да будетъ по старинѣ“. — Яковъ Федоровъ былъ челомъ, чтобы Великій Князь не выводилъ людей изъ владѣній Новогородскихъ, не вступался въ отчины и земли Бояр-

скія, не звалъ никого на судъ въ Москву. Наконецъ всѣ просили, чтобы Государь не требовалъ Новогородцевъ къ себѣ на службу, и поручилъ имъ единственно оберегать сѣверо-западные предѣлы Россіи.

Бояре донесли о томъ Великому Князю, и вышли отъ него съ слѣдующимъ отвѣтомъ: „Ты, богомолецъ нашъ, и „весь Новгородъ признали меня Государемъ; а теперь, хотите „миѣ указывать, какъ править вами?“ — Феофиль и Посадники били челомъ и сказали: „Не смѣемъ указывать; но только „желаемъ вѣдѣть, какъ Государь намѣренъ властствовать въ своей „Новгородской отчинѣ: ибо Московскихъ обыкновеній не „знаемъ“. Великий Князь велѣлъ своему Боярину, Ивану Юрьевичу, отвѣтствовать такъ: „Знайте же, что въ Новѣго-родѣ не быть ни Вѣчевому колоколу, ни Посаднику, а буд- „детъ одна власть Государева; что какъ въ странѣ Москов- „ской, такъ и здѣсь хочу имѣть волости и села; что древнія „земли Великокняжескія, вами отнятныя, суть отнынѣ моя „собственность. Но снисходя на ваше моленіе, обѣщаю не „выводить людей изъ Новагорода, не вступаться въ отчины „Бояръ, и судъ оставить по старинѣ“.

Прошла цѣлая недѣля: Новгородъ не присыпалъ отвѣта Ioannu. Декабря 14 явился Феофиль съ чиновниками и сказалъ Боярамъ Великокняжескимъ: „Соглашаемся не имѣть ни „Вѣча, ни Посадника; молимъ только, чтобы Государь уто- „лилъ павѣки гнѣвъ свой и простилъ насть искрено, съ условіемъ не выводить Новогородцевъ въ Низовскую землю, не „касаться собственности Боярской, не судить насть въ Москвѣ „и не звать туда на службу“. Великий Князь далъ слово. Они требовали присяги. Ioannъ отвѣтствовалъ, что Государь не присягаетъ. „Удовольствуемся клятвою Бояръ Великокня- „жескихъ или его будущаго Намѣстника Новогородскаго,“ сказали Феофиль и Посадники: но и въ томъ получили от- казъ; просили опасной грамоты: и той имъ не дали. Бояре Московскіе объявили, что переговоры кончились.

Тутъ любовь къ древней свободѣ въ послѣдній разъ сильно обнаружилась на Вѣчѣ. Новогородцы думали, что Великий Князь хочетъ обмануть ихъ, и для того не даетъ

клятвы въ вѣрномъ исполненіи его слова. Сія мысль поколебала въ особенности Бояръ, которые не стояли ни за Вѣчевый колоколь, ни за Посадника, но стояли за свои отчины. „Требуемъ битвы!“ восклицали тысячи: „умремъ за вольность и Святую Софію!“ Но сей порывъ великодушія не произвелъ ничего, кромѣ шума, и долженъ былъ уступить хладнокровію разсудка. Нѣсколько дней народъ слушалъ прѣніе между друзьями свободы и мирнаго подданства: первые могли обѣщать ему одну славную гибель среди ужасовъ голода и тщетнаго кровопролитія; другое жизнь, безопасность, спокойствіе, цѣлость имѣнія: и сіи наконецъ превозмогли. Тогда Князь Василій Васильевичъ Шуйскій Гребенка, доселѣ вѣрный защитникъ свободныхъ Новгородцевъ, торжественно сложилъ съ себя чинъ ихъ Воеводы и перешелъ въ службу къ Великому Князю, который принялъ его съ особеною милостію (¹⁷⁰)

29 Декабря Послы Вѣча, Архіепископъ Феофілъ и знатнѣйшіе граждане, снова прибыли въ Великокняжескій станъ, хотя и не имѣли *opaca*; изъявили смиреніе, и молили, чтобы Государь, отложивъ гнѣвъ, сказалъ имъ изустно, чѣмъ жалуютъ свою Новгородскую отчину. Иоаннъ приказалъ впустить ихъ и говорилъ такъ: „Милость моя не измѣнилась; что обѣщалъ, то обѣщаю и нынѣ: забвеніе прошедшаго, судъ по старинѣ, цѣлость собственности частной, увольненіе отъ Низовской службы; не буду звать васъ въ Москву; не буду выводить людей изъ страны Новгородской.“ Послы ударили челомъ и вышли; а Бояре Великокняжескіе напомнили имъ, что Государь требуетъ волостей и сель въ землѣ ихъ. Новгородцы предложили ему Луки Великія и Ржеву Пустую: онъ не взялъ. Предложили еще десять волостей Архіепископскихъ и монастырскихъ: не взялъ и тѣхъ. „Избери же, что тебѣ самому угодно,“ сказали они: „полагаемся во всемъ на Бога и на тебя.“ Великій Князь хотѣлъ половины всѣхъ волостей Архіепископскихъ и монастырскихъ: Новгородцы согласились, но убѣдили его не отнимать земель у нѣкоторыхъ бѣдныхъ монастырей. Иоаннъ требовалъ вѣрной описи волостей, и въ знакъ милости взялъ изъ Феофиловыхъ только

десять: что, имѣстъ съ монастырскими, составляю около 2700 обежъ или тяголъ, кромъ земель Новоторжскихъ, также ему р. 1478. отданыхъ⁽¹⁷¹⁾. — Прошло шесть дней въ переговорахъ.

Января 8 Владыка Феофилъ, Посадники и Житые люди молили Великаго Князя снять осаду: ибо тѣснота и недостатокъ въ хлѣбѣ произвели болѣзни въ городѣ, такъ, что многие умирали. Ioannъ велѣль Боярамъ своимъ условиться съ ними о дани, и хотѣль братъ по семи денегъ съ каждого землемѣльца; но согласился уменьшить сюю дань втрое⁽¹⁷²⁾. „Желаемъ еще другой милости,“ сказаль Феофилъ: „молимъ, чтобы Великий Князь не посыпалъ къ намъ своихъ ищезовъ и даньщиковъ, которые обыкновенно тѣснятъ народъ; но да вѣрпть онъ совѣсти Новогородской: сами исчислимъ людей, и вручимъ деньги, кому прикажеть; а кто утаитъ хотя единую душу, да будеть казненъ.“ Ioannъ обѣщаъ.

Января 10 Бояре Московскіе требовали отъ Феофила и Посадниковъ, чтобы Дворъ Ярославовъ былъ немедленно очищенъ для Великаго Князя, и чтобы народъ далъ ему клятву въ иѣрности. Новогородцы хотѣли слышать присягу: Государь послать ее къ нимъ въ Архіепископскую палату, съ своимъ Подъячимъ⁽¹⁷³⁾. На третій день Владыка и сановники ихъ сказали Боярамъ Ioannовымъ: „Дворъ Ярославовъ есть наслѣдіе Государей, Великихъ Князей: когда имъ угодно взять его, и съ площадью, да будетъ ихъ воля. Народъ слышалъ присягу и готовъ цѣловать крестъ, ожидая всего отъ Государой, какъ Богъ положить имъ на сердце, и не имѣя уже иного упованія.“ Цѣкъ Новогородскій списать сюю клятвенную грамоту, а Владыка и иль Концевъ утвердили оную печатями⁽¹⁷⁴⁾. Января 13 многіе Бояре Новогородскіе, Житые люди и купцы присягнули въ станѣ Ioannовомъ. Тутъ Государь велѣль сказать имъ, что пригороды ихъ, Заволочане и Двиняне будутъ оттолѣ цѣловать крестъ на имя Великихъ Князей, не упоминая о Новѣгородѣ; чтобы они не дерзали мстить своимъ единоземцамъ, находящимся у него въ службѣ, ни Псковитянамъ, и въ случаѣ споровъ о земляхъ ждали решения отъ Намѣстниковъ, не привнося сеѣѣ никакой

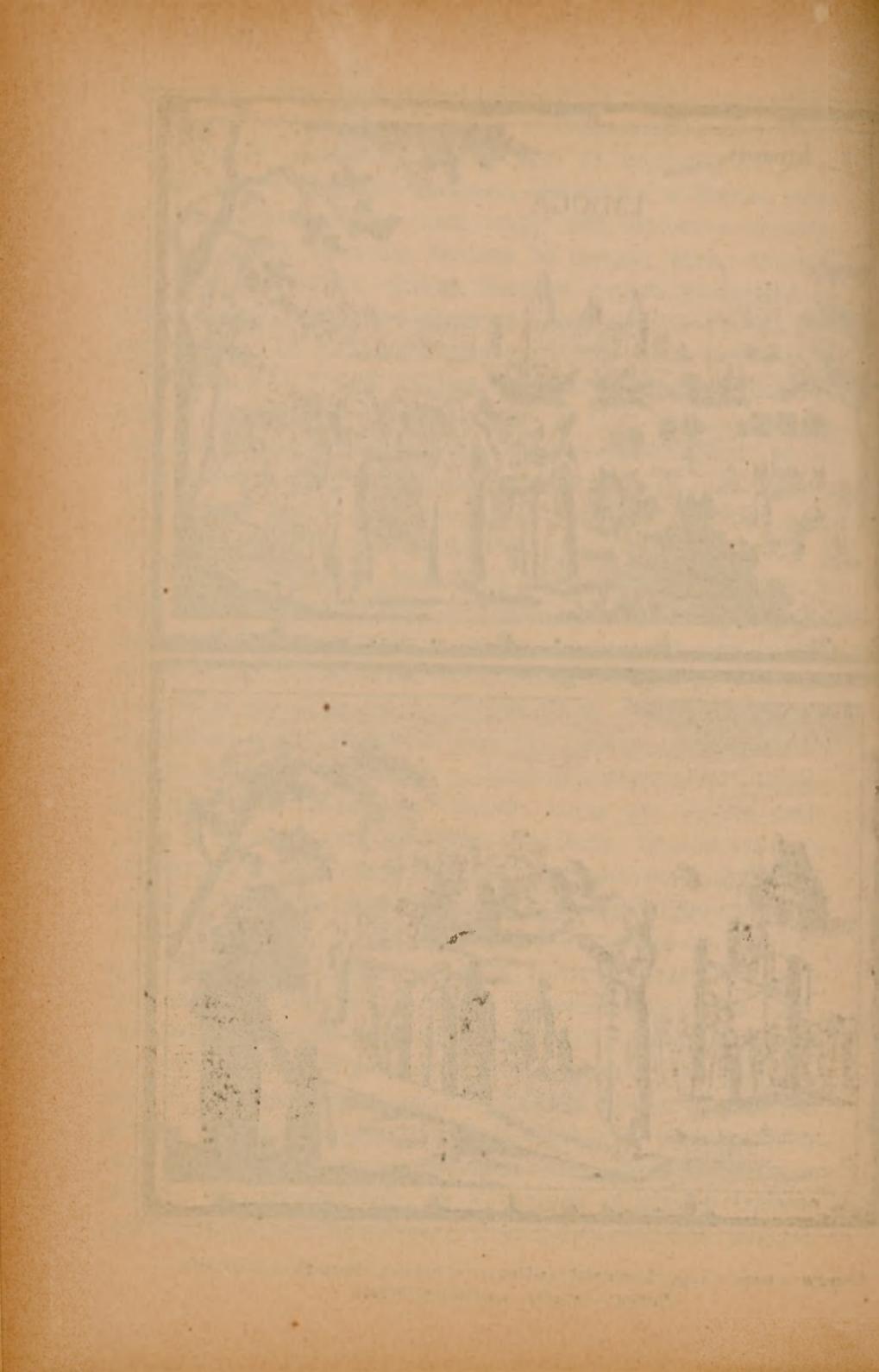

OLEARIUS 1656

OLEARIUS 1656.

Вверху:—видъ Старо-Ладожской крѣпости и части р. Волхова со стругами.—
Внизу:—сельскія народныя забавы.

своевольной управы (¹⁷⁵). Новогородцы объщались, и вмѣстѣ съ Феофиломъ просили, чтобы Государь благоволилъ изустно и громко объявить имъ свое милосердіе. Иоаннъ, возвысивъ голосъ, сказалъ: „Прощаю, и буду отнынѣ жаловать тебя, своего бого molъца, и нашу отчину, Великій Новгородъ.“

Января 15 рушилось древнее Вѣче, которое до сего дня еще собиралось на дворѣ Ярослава. Вельможи Московскіе, Князь Иванъ Юрьевичъ, Феодоръ Давидовичъ и Стрига-Оболенскій, вступивъ въ иалату Архіеписконскую, сказали, что Государь, внявъ моленію Феофила, всего священнаго Собора, Бояръ и гражданъ, навѣки забываетъ вины ихъ, въ особенности изъ уваженія къ ходатайству своихъ братьевъ, съ условіемъ, чтобы Новгородъ, давъ некрепній обѣтъ вѣрности, не измѣнялъ ему ни дѣломъ, ни мыслю (¹⁷⁶). Все знатѣйшіе граждане, Бояре, Житые люди, купцы цѣловали крестъ въ Архіеписконскомъ домѣ, а Дьяки и воинскіе чиновники Иоанновы взяли присягу съ народа, съ Боярскихъ служь и женъ въ пяти Концахъ. Новогородцы выдали Иоанну ту грамоту, коею они условились стоять противъ него единодушно, и которая скрѣплена была пятнадцатью-осмью печатями (¹⁷⁷).

Января 18 все Бояре Новогородскіе, Дѣти Боярскіе и Житые люди были членомъ Иоанну, чтобы онъ принялъ ихъ въ свою службу. Имъ объявили, что сія служба, сверхъ иныхъ обязанностей, повелѣваетъ каждому изъ нихъ извѣштать Великаго Князя о всякихъ злыхъ противъ него умыслахъ, не исключая ни брата, ни друга, и требуетъ скромности въ тайнахъ Государевыхъ (¹⁷⁸). Они обѣщали то и другое.—Въ сей день Иоаннъ позволилъ городу имѣть свободное сообщеніе съ окрестностями; Января 20 отправилъ гонца въ Москву къ матери своей (которая безъ него постриглась въ Инокини (¹⁷⁹)], къ Митрополиту и къ сыну съ извѣстіемъ, что онъ привелъ Великій Новгородъ во всю волю свою; на другой день допустилъ къ себѣ тамошнихъ Бояръ, Житыхъ людей и купцевъ съ дарами, и послалъ своихъ Намѣстниковъ, Князя Ивана Стригу и брата его, Ярослава, занять Дворъ Ярославовъ; а самъ не вхалъ въ городъ, ибо тамъ снѣгъ прѣствовали болѣзи.

Наконецъ, 29 Января, въ Четвертокъ Масленой недѣли, онъ съ тремя братьями и съ Княземъ Василіемъ Верейскимъ прибылъ въ церковь Софійскую, отслушалъ Литургію, возвратился на Паозерье, и пригласилъ къ себѣ на обѣдъ всѣхъ знатнѣйшихъ Новгородцевъ. Архіепископъ предъ столомъ поднесъ ему въ даръ панагію обложенную золотомъ и жемчугами, струевою ящо окованное серебромъ въ видѣ кубка, чарку сердоликовую, хрустальную бочку, серебряную мису въ 6 фунтовъ и 200 корабельниковъ или 400 червонцевъ. Гости пили, ъли и бесѣдовали съ Іоанномъ.

Февраля 1 онъ велѣлъ взять подъ стражу Кунеческаго Старосту, Марка Шамфиліева, Февраля 2 славную Марею Борецкую (¹⁸⁰) съ ея внукомъ Василіемъ Феодоровымъ (коего отецъ умеръ въ Муромской темницѣ), а послѣ изъ Житыхъ людей Григорія Кипріанова, Ивана Кузмина, Акино съ сыномъ Романомъ и Юрія Репехова, отвезти въ Москву, и все ихъ имѣніе описать въ казну. Сіи люди были единственными жертвою грознаго Московскаго Самодержавія, или какъ явные, непримиримые враги его, или какъ извѣстные друзья Читвы. Никто не смѣлъ за нихъ вступиться. Февраля 3 Намѣстникъ Великокняжескій, Иванъ Оболенскій-Стрига, отыскалъ всѣ письменные договоры, заключенные Новгородцами съ Литвою, и вручилъ ихъ Іоанну.—Все было спокойно; но Великій Князь прислалъ въ городъ еще двухъ юныхъ Намѣстниковъ, Василия Китая и Боярина Ивана Зиновьевича, для соблюденія тишины, велѣвъ имъ занять домъ Архіепископскій.

Февраля 8 Іоаннъ вторично слушалъ Литургію въ Софійской церкви и обѣдалъ у себя въ станѣ съ братомъ Андреемъ Меняшнимъ, съ Архіепископомъ и знатнѣйшими Новгородцами, Февраля 12 Владыка Феофиль предъ Обѣднею вручилъ Государю дары: цѣпь, двѣ чары и ковшъ золотые, вѣсомъ около девяти фунтовъ; вызолоченную кружку, два кубка, мису и поясъ серебряные, вѣсомъ въ тридцать одинъ фунтъ съ половиною, и 200 корабельниковъ (¹⁸¹). — Февраля 17, рано по утру, Великій Князь отправился въ Москву; на первомъ станѣ, въ Ямнахъ, угостилъ обѣдомъ Архіепископа, Бояръ и Житыхъ

людей Новгородскихъ; принялъ отъ нихъ нѣсколько бочекъ вина и меда; самъ отдаилъ всѣхъ, отпустилъ съ милостю въ Новгородъ, и пріѣхалъ въ столицу 5 Марта. Въ слѣдь за нимъ привезли въ Москву славный Вѣчевый колоколь Новгородскій и повѣсили его на колокольнѣ Успенского Собора, на площади.—Если вѣрить сказанію современного Историка, Даугоша, то Ioannъ пріобрѣлъ несметное богатство въ Новгородѣ, и выгрузилъ 300 возовъ серебромъ, золотомъ, каменьями драгоценными, найденными имъ въ древней казнѣ Епископской, или у Бояръ, коихъ имѣніе было описано, сверхъ безчисленного множества шелковыхъ тканей, суконъ, мѣховъ и проч. Другое цѣнить сю добычу въ 14,000,000 флошинъ⁽¹⁸²⁾: что безъ сомнѣнія увеличено.

Такъ Новгородъ покорился Ioannу, болѣе шести вѣковъ, слывъ въ Россіи и въ Европѣ Державою народною или Республикою, и дѣйствительно имѣвъ образъ Демократіи: ибо Вѣче гражданское присвоивало себѣ не только законодательную, но и вышнюю исполнительную власть; избирало, смыняло не только Посадниковъ, Тысяческихъ, но и Князей, ссылаясь на жалованную грамоту Ярослава Великаго; давало имъ власть, но подчиняло ее своей верховной; принимало жалобы, судило и наказывало въ случаяхъ важныхъ; даже съ Московскими Государями, даже и съ Ioannомъ заключало условія, взаимною клятвою утверждаемыя, и въ нарушеніи оныхъ имѣя право мести или войны; однимъ словомъ, владычество вала какъ собраніе народа Аѳинскаго или Франковъ на полѣ Марсовомъ, представляя лицо Новагорода, который именовался *Государемъ*. Не въ правленіи вольныхъ городовъ Нѣмецкихъ — какъ думали нѣкоторые Писатели — но въ первобытномъ составѣ всѣхъ Державъ народныхъ, отъ Аѳинъ и Спарты до Унтервальдена или Глариса, надлежитъ искать образцевъ Новгородской политической системы, напоминающей ту глубокую древность народовъ, когда они, избирая сановниковъ вмѣстѣ для войны и суда, оставляли себѣ право наблюдать за ними, свергать въ случаѣ неспособности, казнить въ случаѣ измены или несправедливости, и рѣшить все важное или чрез-

вычайное въ общихъ съвѣтахъ. Мы видѣли, что Князья, Посадники, Тысяческіе въ Новѣгородѣ судили тяжбы и предводительствовали войскомъ: такъ древніе Славяне, такъ иѣогда и всѣ иные народы не знали различія между воинскою и судебнouю властію. Сердцемъ или главнымъ составомъ сей Державы были Огнищане или Житые люди, то есть, домовитые или владѣльцы: они же и первыe воины, какъ естественные защитники отечества; изъ нихъ выходили *Бояре* или граждане знаменитые заслугами. Торговля произвела купцовъ: они, какъ менѣе способные къ ратному дѣлу, занимали вторую степень; а третью свободные, но бѣднѣйшіе люди, называемые Черными. Граждане *Младшиe* явились въ новѣйшія времена и стали между купцами и Черными людьми. Каждая степень безъ сомнѣнія имѣла свои права: вѣроятно, что Посадники и Тысяческие избирались только изъ Бояръ; а другіе сановники изъ Житыхъ, купцовъ и Младшихъ гражданъ, по не изъ Черныхъ людей, хотя и послѣдніе участвовали въ приговорахъ Вѣча (¹⁸³). Бывшіе Посадники, въ отличіе отъ Степенныхъ или настоящихъ именуясь *Старыми*, преимущественно уважались до конца жизни.—Умъ, сила и властолюбіе иѣкоторыхъ Князей, Мономаха, Всеволода III, Александра Невскаго, Калиты, Донскаго, сына и внука его, обуздывали свободу Новогородскую, однакоже не перемѣнили ея главныхъ установокъ, коими она столько вѣковъ держалась, стѣсняемая временно, но никогда не отказываясь отъ своихъ правъ.

Исторія Новагорода составляетъ любопытѣйшую часть древней Россійской. Въ самыхъ дикихъ мѣстахъ, въ климатѣ суровомъ основанный, можетъ быть, толпою Славянскихъ рыбарей, которые въ водахъ Ильменя наполнили свои мрежи изобиліемъ ловомъ, онъ умѣлъ возвыситься до степени Державы знаменитой. Окруженный слабыми, мирными племенами Финскими, рано научился гоеподствовать въ сосѣдствѣ; покоренный смѣлыми Варягами, заимствовалъ отъ нихъ духъ купечества, предпримчивость и мореплаваніе; изгналъ сихъ за воевателей, и будучи жертвою внутренняго безпорядка, замыслить Монархію, въ надеждѣ доставить себѣ типину для ус-

пѣховъ гражданскаго общежитія и силу для отраженія внѣшнихъ непріятелей; рѣшилъ тѣмъ судьбу цѣлой Европы съ-верной, и давъ бытіе, давъ Государей нашему отечеству, успокоенный ихъ властію, усиленный толпами мужественныхъ пришельцевъ Варяжскихъ, захотѣлъ опять древней вольности: сдѣлался собственнымъ законодателемъ и судіею, ограничилъ власть Княжескую; воевалъ и купечествоvalъ; еще въ X вѣкѣ торговалъ съ Царемградомъ⁽¹⁸⁴⁾, еще во XII посыпалъ корабли въ Любекъ⁽¹⁸⁵⁾; сквозь дремучіе лѣса открыть себѣ путь до Сибири, и горетю людей покоривъ обширныя земли между Ладогою, морями Бѣлымъ и Карскимъ, рѣкою Обью и нынѣшнею Уфою, насадилъ тамъ первыя сѣмена гражданственности и Вѣры Христіанской; передавалъ Европѣ товары Азіатскіе и Византійскіе, сверхъ драгоценныхъ произведеній дикой Натурѣ; сообщалъ Россіи первые плоды ремесла Европейскаго, первыя открытия Искусствъ благоустройственныхъ; славясь хитростью въ торговлѣ⁽¹⁸⁶⁾, славился и мужествомъ въ битвахъ, съ гордостю указывая на свои стѣны, подъ коими легло многочисленное войско Андрея Боголюбскаго; на Альту, гдѣ Ярославъ Великій съ вѣрными Новогородцами побѣдилъ злочестиваго Святополка; на Липину, гдѣ Мстиславъ Храбрый съ ихъ дружиною сокрушилъ ополченіе Князей Суздалскихъ⁽¹⁸⁷⁾; на берега Невы, гдѣ Александръ смирилъ надменность Биргера, и на поля Ливонскія, гдѣ Орденъ Мечносцевъ столь часто уклоняясь знамена предъ Святою Софіею, обращаясь въ бѣгство. Такія воспоминанія, питая народное честолюбіе, произвели известную пословицу: *кто против Бога и Великаго Новгорода* (¹⁸⁸)? Жители его хвалились и тѣмъ, что они не были рабами Моголовъ, какъ иные Россіянѣ: хотя и платили дань Ордынскую, но Великимъ Княземъ, не зная Баекаковъ и не бывъ никогда подвержены ихъ тиранству.

Лѣтописи Республики обыкновенно представляютъ намъ сильное дѣйствіе страстей человѣческихъ, порывы великодушія и не рѣдко умилительное торжество добродѣтели, среди мятежей и безпорядка, свойственныхъ народному правленію:

такъ и лѣтописи Новагорода въ неискусственной простотѣ своей являютъ черты плѣнительныя для воображенія. Тамъ народъ, подвигнутый омерзѣніемъ къ злодѣйствамъ Святополка, забываетъ жестокость Ярослава I, хотящаго удалиться къ Варягамъ; разсѣкаетъ ладіи, приготовленыя для его бѣгства, и говоритъ ему: „ты умертвилъ нашихъ братьевъ, но мы идемъ съ тобою на Святополка и Болеслава; у тебя нѣтъ казни: „возьми все, что имѣмъ⁽¹⁸⁹⁾“. Здѣсь Посадникъ Твердиславъ, несправедливо гонимый, слышитъ вопль убійцъ, посланныхъ вонзить ему мечъ въ сердце, и велить нести себя большаго на градскую площадь, да умреть предъ глазами народа, если виновенъ, или будеть спасенъ его защитою, если невинъ; торжествуетъ, и навѣки заключается въ монастырь, жертвуя спокойствію согражданъ всѣми пріятностями честолюбія и самой жизни⁽¹⁹⁰⁾. Тутъ достойный Архіепископъ, держа въ рукѣ крестъ, является ереди ужасовъ междуусобной браны; возносить руку благословляющу, именуетъ Новогородцевъ дѣтьми своими, и стукъ оружія умолкаетъ: они смиряются и братски обнимаютъ другъ друга⁽¹⁹¹⁾. Въ битвахъ съ врагами иноческими Посадники, Тысяческие умирали впереди за Святую Софию⁽¹⁹²⁾. Святители Новогородскіе, избираемые глазомъ народа, по всеобщему уваженію къ ихъ личнымъ свойствамъ, превосходили иныхъ достопріествами Пастырскими и гражданскими; истощали казну свою для общаго блага; строили стѣны, башни, мосты, и даже посылали на войну особенный полкъ, который назывался *Владычнимъ*⁽¹⁹³⁾; будучи главными блестителями правосудія, внутренняго благоустройства, мира, ревностно стояли за Новгородъ, и не боялись ни гнѣва Митрополитовъ, ни мести Государей Московскихъ⁽¹⁹⁴⁾.— Видимъ также иѣкоторыя постоянныя правила великодушія въ дѣйствіяхъ сего, часто легкомысленнаго народа: таковымъ было не превозноситься въ успѣахъ, изъявлять умѣренность въ счастіи, твердость въ бѣдствіяхъ, давать пристанище изгнанникамъ, вѣроно исполнять договоры, и слово: *Новогородская честь, Новогородская душа*, служило иногда вмѣсто клятвы⁽¹⁹⁵⁾.— Республика держится добродѣтелью, и безъ нее упадаетъ.

Падение Новагорода ознаменовалось утратою воинского мужества, которое уменьшается въ Державахъ торговыхъ съ умножениемъ богатства, располагающего людей къ наслаждению мирнымъ. Сей народъ считался нѣкогда самымъ воинственнымъ въ Россіи, и гдѣ сражался, тамъ побѣждалъ, въ войнахъ междуусобныхъ и внѣшнихъ⁽¹⁹⁶⁾: такъ было до XIV столѣтія. Счастіемъ спасенный отъ Батыя, и почти свободный отъ ига Моголовъ, онъ болѣе и болѣе успѣвалъ въ купечествѣ, но слабѣлъ доблестію: сія вторая эпоха, цвѣтущая для торговли, бѣдственная для гражданской свободы, начинается со временъ Иоанна Калиты. Богатые Новогородцы стали откупаться серебромъ отъ Князей Московскихъ и Литвы; но вольность спасается не серебромъ, а готовностю умереть за нее: кто откушается, тотъ признаетъ свое безспасіе, и манить къ себѣ Властилина. Ополченія Новогородскія въ XV вѣкѣ уже не представляютъ намъ ни пылкаго духа, ни искусства, ни успѣховъ блестящихъ. Что кромѣ неустроиства и малодушнаго бѣгства видимъ въ послѣдніихъ рѣшительныхъ битвахъ за свободу? Она принадлежитъ льву, не агнцу, и Новгородъ могъ только избирать одного изъ двухъ Государей, Литовскаго или Московскаго: къ счастію, наследники Витовтовы не наследовали его души, и Богъ даровалъ Россіи Иоанна.

Хотя сердцу человѣческому свойственно доброжелательствовать Республикамъ, основаннымъ на коренныхъ правахъ вольности, ему любезной; хотя самыя опасности и беспокойства ея, питая великодушіе, плѣняютъ умъ, въ особенности юный, малоопытный; хотя Новогородцы, имѣя правленіе народное, общиій духъ торговли и связь съ образованѣйшими Нѣццами, безъ сомнѣнія отличались благородными качествами отъ другихъ Россіянъ, униженныхъ тиранствомъ Моголовъ: однакожъ Исторія должна прославить въ семъ случаѣ умъ Иоанна, ибо государственная мудрость предписывала ему усилить Россію твердымъ соединенiemъ частей въ цѣлое, чтобы она достигла независимости и величія, то есть, чтобы не погибла отъ удара новаго Батыя или Витовта; тогда не уцѣлѣлъ бы и Новгородъ: взявъ его владѣнія, Государь Московскій поста-

вилъ одну грань своего Царства на берегу Наровы, въ угрозу Нѣмцамъ и Шведамъ, а другую за Каменнымъ Поясомъ или хребтомъ Уральскимъ, гдѣ баснословная Древность воображала источники богатства, и гдѣ они действительно находились, во глубинѣ земли, обильной металлами, и во тмѣ лѣсовъ, наполненныхъ соболями.—Императоръ Гальба сказалъ: „Я бы былъ достопочтѣнъ возстановить свободу Рима, если бы Римъ могъ пользоваться сю⁽¹⁹⁷⁾“. Историкъ Русскій, любя и человѣческія и государственные добродѣтели, можетъ сказать: „Іоаннъ былъ достопочтѣнъ сокрушить утлую вольность Новогородскую, ибо хотѣлъ твердаго блага всей Россіи“.

Здѣсь умолкаетъ *особенная* Исторія Новагорода. Прибавимъ къ ней остальная извѣстія о судьбѣ его въ государствованіе Іоанна. Въ 1479 году Великій Князьѣздилъ туда, смѣнилъ Архіепископа Феофила, будто бы за тайную связь съ Литвою⁽¹⁹⁸⁾, и прислали въ Москву, гдѣ онъ черезъ шесть лѣтъ умеръ въ Обители Чудовской, какъ послѣдній изъ знаменитыхъ народныхъ Владыкъ; преемникомъ его былъ Еромонахъ Троицкій, именемъ Сергій, избранный *по жребию* изъ трехъ духовныхъ особъ: чѣмъ Великій Князь хотѣлъ изъявить уваженіе къ древнему обычая Новогородцевъ, отнявъ у нихъ право имѣть *собственныхъ Святителей*⁽¹⁹⁹⁾. Сей Архіепископъ, не любимый гражданами, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ возвратился въ Троицкую Обитель за болѣзнью. Мѣсто его занялъ Чудовскій Архимандритъ Геннадій.—Не могъ вдругъ исчезнуть духъ свободы въ народѣ, который пользовался сю столько вѣковъ, и хотя не было общаго мятежа, однакожъ Іоаннъ видѣлъ неудовольствіе и слышалъ тайныя жалобы Новогородцевъ: надежда, что вольность можетъ воскреснуть, еще жила въ ихъ сердцахъ; не рѣдко обнаруживалась природная имъ строитивость; открывались и злые умыслы. Чтобы искоренить сей опасный духъ, онъ прибѣгнулъ къ средству рѣшительному: въ 1481 году велѣлъ взять тамъ подъ стражу знатныхъ людей: Василія Казимера съ братомъ Яковомъ Коробомъ, Михаила Берденева и Луку Федорова, а скоро и всѣхъ главныхъ Бояръ, коихъ имущество, движимое и недвижимое,

описали на Государя. Нѣкоторыхъ, обвиняемыхъ въ измѣнѣ, пытали: они сами доносили другъ на друга; но приговоренные къ смерти, объявили, что взаимные ихъ доносы были клеветою, вынужденною муками: Ioannъ велѣлъ разослать ихъ по темницамъ; другимъ, явно невиннымъ, далъ помѣстья въ областяхъ Московскихъ. Въ числѣ богатѣйшихъ гражданъ, тогда заточенныхъ, Лѣтописецъ именуетъ *славную* жену Анастасію и Боярина Ивана Козмина: у первой въ 1476 году пировалъ Великій Князь съ Дворомъ своимъ; а второй уходилъ въ Литву съ тридцатью слугами, но будучи недоволенъ Казимиромъ, возвратился въ отчизну и думалъ по крайней мѣрѣ умереть тамъ спокойно⁽²⁰⁰⁾.— Въ 1487 году перевели изъ Новагорода въ Владимиръ 50 лучшихъ семействъ купеческихъ. Въ 1488 году Намѣстникъ Новогородскій, Яковъ Захарьевичъ, казнилъ и повѣсилъ многихъ Житыхъ людей, которые хотѣли убить его, и прислалъ въ Москву болѣе осмы тысячи Бояръ, именитыхъ гражданъ и купцовъ, получившихъ земли въ Владимирѣ, Муромѣ, Нижнемъ, Переславлѣ, Юрьевѣ, Ростовѣ, Костромѣ; а на ихъ земли, въ Новгородѣ, послали Москвитянъ, людей служивыхъ и гостей⁽²⁰¹⁾. Симъ переселеніемъ быль навѣки усмиренъ Новгородъ. Остался трупъ: душа исчезла; иные жители, иные обычай и нравы, свойственные Самодержавію. Ioannъ въ 1500 году, съ согласія Митрополитова, роздалъ всѣ Новогородскія церковныя имѣнія въ помѣстье Дѣтямъ Боярскимъ⁽²⁰²⁾.

Одинъ Пековъ еще сохранилъ древнее гражданское образованіе, Вѣче и народныхъ сановниковъ, обязанный тѣмъ своему послушанію. Великій Князь, довольный его содѣйствіемъ въ походѣ Новогородскомъ, прислалъ ему въ даръ кубокъ, и милостию обѣщалъ *не премѣнять старины*; а свѣдавъ, что Послы Великоніжескіе дѣлаютъ тамъ наглыя обиды жителямъ, съ гордостью отвергаютъ дары Вѣча, но своевольно берутъ у гражданъ и поселянъ, что имъ вздумается, онъ строго запретилъ такія насилия⁽²⁰³⁾. Въ семъ случаѣ, какъ и въ другихъ, видимъ Ioanno правило соглашать вводимое имъ Единообраѣство съ уставомъ естественной справедливости, и

не отнимать ничего безъ вины. Псковъ удержалъ до времени свои законы гражданскіе, ибо не оспоривъ Государевой власти отмѣнить ихъ.

Довольный славнымъ успѣхомъ Новогородскаго похода, Иоаннъ скоро насладился и живѣйшею семейственною радостю. Софія была уже матерью трехъ дочерей: Елены, Феодосіи и второй Елены (²⁰⁴); хотѣла сына, и вмѣстѣ съ супругомъ печалилась, что Богъ не исполняетъ ихъ желанія. Для сего ходила она пѣшкомъ молиться въ Обитель Троицкую, гдѣ, какъ пишутъ, явился ей Св. Сергій, держа на рукахъ своихъ благовиднаго младенца, приблизился къ Великой Княгинѣ и *ввергнулъ его въ ея нѣдра*: Софія затрепетала отъ видѣнія столь удивительнаго; съ усердiemъ облобызала мощи Святаго, и чрезъ девять мѣсяцевъ родила сына, Василія-Гавріила. Сію новѣть разсказывала самъ Василій (уже будучи Государемъ) Митрополиту Іоасафу (²⁰⁵). Послѣ того Софія имѣла четырехъ сыновей: Георгія, Димитрія, Симеона, Андрея, дочерей Феодосію и Евдокію (²⁰⁶).

Рожде-
ниe Ва-
силия
Гаврі-
ила.

Г. 1478-
1480.

Посоль-
ство въ
Крымъ.

Покореніе Новагорода есть важная эпоха сего славнаго княженія: слѣдуетъ другая, еще важнѣйшая: торжественное возстановленіе нашей государственной независимости, соединенное съ конечнымъ паденiemъ Большой или Золотой Орды. Тутъ ясно открылась мудрость Иоанновой Политики, которая неусыпно искала дружбы Хановъ Таврическихъ, чтобы силою ихъ обуздывать Ахмата и Литву. Не долго Зенебекъ господствовалъ въ Тавридѣ: Менгли-Гирей изгналъ его, воцарился снова и приселать извѣстить о томъ Иоанна, который немедленно отправилъ къ нему гонца съ поздравлениемъ, а скоро (въ 1480 году) и Боярина, Князя Ивана Звенца (²⁰⁷). Сей Посоль долженъ былъ сказать Хану, что Великій Князь, изъ особенной къ нему дружбы, принялъ къ себѣ не только изгнаннаго Царя Зенебека, но и двухъ братьевъ Менгли-Гиреевыхъ, Нордоулата и Айдара, жившихъ прежде въ Литвѣ, дабы отнять у нихъ способъ вредить ему; что Государь согласенъ дѣйствовать съ Менгли-Гиреемъ противъ Ахмата, если онъ будетъ зму поборникомъ противъ Казимира Литовскаго. На сихъ услов-

віяхъ надлежало Послу заключить союзъ съ Ханомъ: для чего и дали ему *шуртную* или клятвенную грамоту съ повелѣніемъ изъяснить Вельможамъ Крымскимъ, сколь усердно Государь доброжелательствуетъ ихъ Царю. Сверхъ того Бояринъ Звеницъ имѣлъ порученіе отдать Хану на-единъ тайную грамоту, утвержденную крестнымъ цѣлованіемъ и золотою печатию: сею грамотою, по желанію Менгли-Гирея написанною, Великій Князь обязывался дружески принять его въ Россіи, буде онъ въ третій разъ лишился престола; не только обходиться съ нимъ какъ съ Государемъ вольнымъ, независимымъ, но и способствовать ему всѣми силами къ возвращенію Царства. Испытавъ непостоянство судьбы, умный, добрый Менгли-Гирей хотѣлъ взять мѣры на случай ся новыхъ превратностей и заблаговременно изготовить себѣ убѣжище: сія печальная мысль расположила сго къ самому вѣрному дружеству съ Іоаниномъ. Бояринъ Звеницъ успѣлъ совершенно въ дѣлѣ своемъ: заключили союзъ, искренностю и Политикою утвержденный; условились вмѣстѣ воевать или мириться; наблюдать всѣ движения Ахмата и Литвы; тайно или явно мѣшать ихъ замысламъ, вреднымъ для той или другой стороны; наконецъ объимъ Державамъ, Москвѣ и Крыму, дѣйствовать какъ единой во всѣхъ случаяхъ.

Увѣренный въ дружбѣ Менгли-Гирея и въ собственныхъ силахъ, Іоаннъ, по извѣстію нѣкоторыхъ Лѣтописцевъ, рѣшился вывести Ахмата изъ заблужденія и торжественно объявитъ свободу Россіи слѣдующимъ образомъ. Сей Ханъ отправилъ въ Москву новыхъ Пословъ требовать дани. Ихъ представили къ Іоанну: онъ взялъ *басму* (или образъ Царя), пломбалъ ее, бросилъ на землю, растопталъ ногами (²⁰⁸); велѣлъ умертвить Пословъ, кромѣ одного, и сказалъ ему: „спѣши объявить Царю видѣнное тобою; что сдѣлалось съ „его басмою и Послами, то будетъ и съ нимъ, если онъ не „оставить меня въ покое“. Ахматъ воскипѣлъ яростію. „Такъ „поступаетъ рабъ нашъ, Князь Московскій!“ говорилъ онъ своимъ Вельможамъ, и началъ собирать войско. Другіе Лѣтописцы, согласище съ характеромъ Іоанновой осторожности и

съ послѣдствіями, приписываютъ ополченіе Ханское единственно наущеніямъ Казимирамъ. Съ ужасомъ видя возрастающее величіе Россіи, сей Государь послалъ одного служащаго ему Князя Татарскаго, именемъ Акирея Муратовича (²⁰⁹), въ Золотую Орду, склонять Ахмата къ сильному впаденію въ Россію, обѣщаю съ своей стороны сдѣлать то же. Время казалось благопріятнымъ: Орда была спокойна; племянникъ Ахматовъ, именемъ Касыда, долго споривъ съ дядею о Царствѣ, наконецъ съ нимъ примирился (²¹⁰). Злобствуя на Великаго Князя за его ослушаніе (²¹¹) и не довольный умѣренностю даровъ его, Ханъ условился съ Королемъ, чтобы Татарамъ ити изъ Волжскихъ Улусовъ къ Оке, а Литовцамъ къ берегамъ Угры, и съ двухъ сторонъ въ одно время вступить въ Россію. Первый сдержалъ слово, и лѣтомъ (въ 1480 году) двинулся къ предѣламъ Московскимъ со всею Ордою, съ племянникомъ Касыдою, съ шестью сыновьями и множествомъ Князей Татарскихъ.—Къ ободренію враговъ нашихъ служила тогда и несчастная распя Ioannova съ братьями: обстоятельства ея достойны замѣчанія (²¹²).

Сестра
Великаго
Князя съ
братьями.

Государь, смѣнивъ Намѣстника бывшаго въ Великихъ Лукахъ, Князя Ивана Оболенского-Лыка, велѣлъ ему заплатить большее количество серебра тамошнимъ гражданамъ, которые приносили на него жалобы, отчасти несправедливыя. Князь Лыко въ досадѣ уѣхалъ къ брату Ioannovу, Борису, въ Волокъ Ламекій, пользуясь древнимъ правомъ Боярскимъ переходить изъ службы Государя Московскаго къ Князьямъ Удѣльнымъ. Ioannъ требовалъ сего бѣглеца отъ брата; но Борисъ отвѣтствовалъ: „не выдаю; а если онъ виновенъ, то „нарядимъ судъ.“ Вмѣсто суда Великій Князь приказалъ Намѣстнику Боровскому тайно схватить Лыка, гдѣ бы то ни было, и скованного представить въ Москву: что онъ и сдѣлать. Князь Борисъ Васильевичъ оскорбился; писалъ къ брату, Андрею Сузdalскому, о семъ беззаконномъ насилии, и говорилъ, что Ioannъ тиранствуетъ, презираетъ святые древніе уставы и единоутробныхъ, не даль имъ части ни изъ Удѣла Юріева, ни изъ областей Новогородскихъ, завоевавъ ихъ

вмѣстѣ съ ними; что терпѣнію долженъ быть конецъ, и что они не могутъ послѣ того жить въ Государствѣ Московскому. Андрей былъ такого же мнѣнія: собравъ многочисленную дружину, оба съ женами и дѣтьми выѣхали изъ своихъ Удѣловъ; не хотѣли слушать Боярина Иоаннова, посланнаго уговорить ихъ⁽²¹³⁾; спѣшили къ Литовской границѣ, злодѣйствуя на пути огнемъ и мечомъ какъ въ землѣ непріятельской; остановились въ Великихъ Лукахъ и требовали отъ Казимира, чтобы онъ за нихъ вступилъся. Король, обрадованный симъ слuchаемъ⁽²¹⁴⁾, далъ городъ Витебскъ на содержаніе ихъ семействъ, къ крайнему безпокойству всѣхъ Россіянъ, устроившихъ вѣроятностію междуусобной войны⁽²¹⁵⁾. Между тѣмъ Великій Князь подозрѣвалъ матерь свою вътайномъ согласіи съ его братьями, зная отмѣнную любовь ея къ Андрею⁽²¹⁶⁾, и хотѣлъ быть великодушнымъ: послать къ нимъ Ростовскаго Святителя, Вассіана, съ Бояриномъ Василіемъ Федоровичемъ Образцемъ, и предлагалъ миръ искренній, обѣщаю Андрею, сверхъ наследственнаго Удѣла, Алексію и Калугу⁽²¹⁷⁾. Но братья съ гордостію отвергнули вѣсъ убѣжденія Вассіановы и милость Иоаннову.

Тогда услышали въ Москвѣ о походѣ Ахмата, который
шель медленно, ожидая вѣстей отъ Казимира. Иоаннъ все
предвидѣлъ: какъ скоро Золотая Орда двинулась, Менгли-
Гирей, вѣрный его союзникъ, по условію съ нимъ напаль-
на Литовскую Подолію и тѣмъ отвлекъ Казимира отъ содѣ-
ствія съ Ахматомъ. Зная же, что сей послѣдній оставилъ въ
своихъ Улусахъ только женъ, дѣтей и старцевъ, Иоаннъ вѣ-
лѣль Крымскому Царевичу Нардоулату и Воеводѣ Звениго-
родскому, Князю Василью Ноздроватому, съ небольшимъ от-
рядомъ сѣсть на суда и плыть туда Волгою, чтобы разгромить
беззащитную Орду или по крайней мѣрѣ устрашить Хана⁽²¹⁸⁾.
Москва въ иѣсколько дней наполнилась ратниками. Передовое
войско стояло уже на берегу Оки. Сынъ Великаго Князя,
Младый Иоаннъ, выступилъ со всѣми полками изъ столицы
въ Серпуховъ 8 Іюня; а дядя его, Андрей Меньшій, изъ
своего Удѣла. Самъ Государь еще оставался въ Москвѣ не-

походъ
Ахмата
на Россію.

дѣль шесть; наконецъ, съѣдавъ о приближеніи Ахмата къ Дону, 23 Июля отправился въ Коломну, поручивъ храненіе столицы дядѣ своему, Михаилу Андреевичу Верейскому, и Боярину Князю Ивану Юрьевичу, Духовенству, купцамъ и народу. Кромѣ Митрополита, находился тамъ Архиепископъ Ростовскій, Вассіанъ, старецъ ревностный ко славѣ отечества⁽²¹⁹⁾. Супруга Ioannova выѣхала съ Дворомъ своимъ въ Дмитровъ, откуда на судахъ удалилась къ предѣламъ Бѣлаозера; а мать его, Ионкия Мареа, внявъ убѣжденіямъ Духовенства, къ утѣшенню народа осталась въ Москвѣ⁽²²⁰⁾.

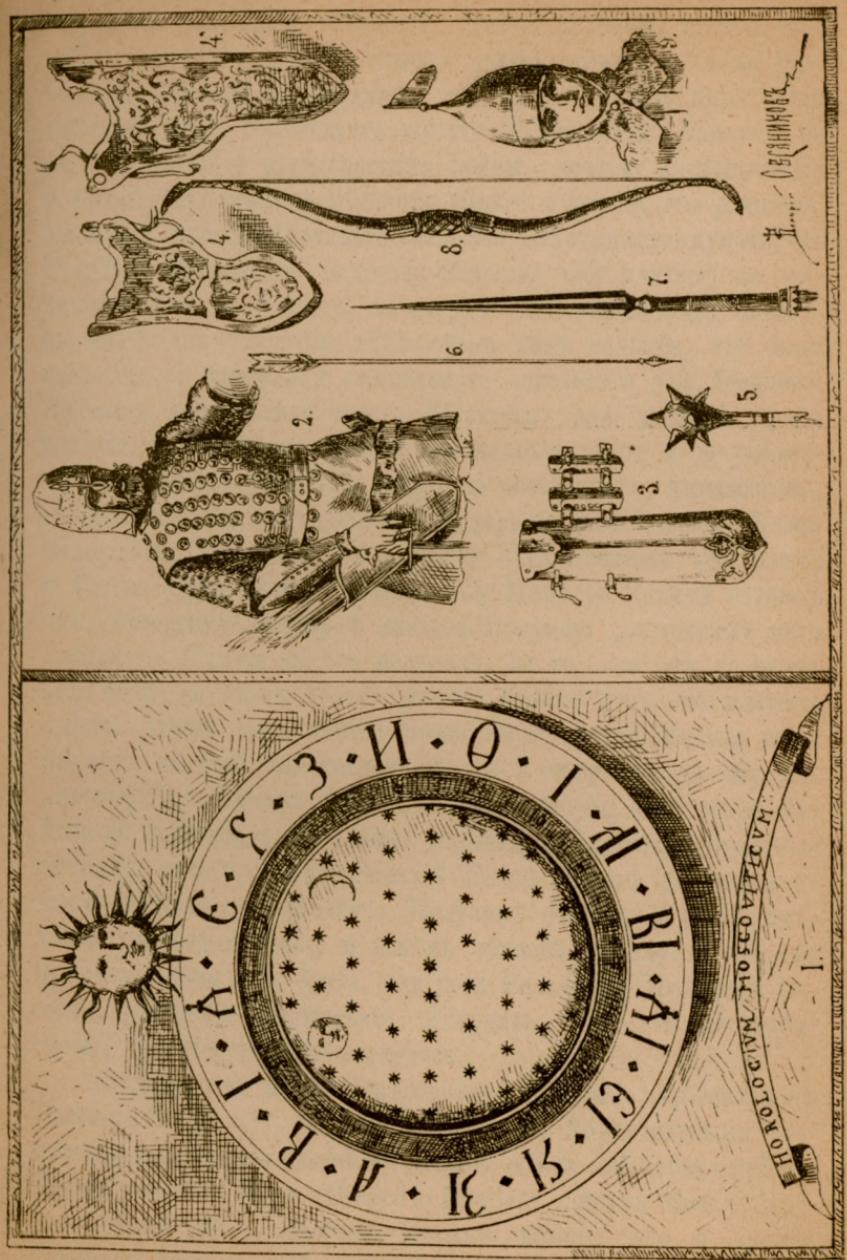
Великій Князь самъ принялъ начальство надъ войскомъ, прекраснымъ и многочисленнымъ, которое стояло на берегахъ Оки рѣки, готовое къ битвѣ⁽²²¹⁾. Вся Россія съ надеждою и страхомъ ожидала слѣдствій. Ioannъ былъ въ положеніи Dимитрія Донскаго, шедшаго сразиться съ Мамаемъ: имѣлъ полки лучшее устроенные, Воеводъ опытнѣйшихъ, болѣе славы и величія; но зрѣлостію лѣть, природнымъ хладнокровiemъ, осторожностию располагаемый не вѣрить слѣшому счастію, которое иногда бываетъ сильнѣе доблести въ битвахъ, онъ не могъ спокойно думать, что одинъ часъ рѣшилъ судьбу Россіи, что всѣ его великодушные замыслы, всѣ успѣхи медленные, постепенные, могутъ кончиться гибелью нашего войска, развалинами Москвы, новою тягчайшею неволею отечества, и единственно отъ нетерпѣнія: ибо Золотая Орда нынѣ или завтра долженствовала исчезнуть по ея собственнымъ, внутреннимъ причинамъ разрушенія. Dимитрій побѣдилъ Мамая, чтобы видѣть пепель Москвы и платить дань Тохтамышу: гордый Витовтъ, презирая остатки Кипчакскаго Ханства, хотѣлъ однимъ ударомъ сокрушить ихъ, и погубилъ рать свою на берегахъ Ворсклы. Ioannъ имѣлъ славолюбіе не воина, но Государя; а слава послѣдняго состоить въ цѣлости Государства, не въ личномъ мужествѣ: цѣлость, сохраненная осмотрительною уклончивостію, славище гордой отважности, которая подвергаетъ народъ бѣдствію. Сіи мысли казались благоразумiemъ Великому Князю и нѣкоторымъ изъ Бояръ, такъ, что онъ желалъ, если можно, удашить рѣшительную битву.

Ахматъ, слыша, что берега Оки къ Рязанскимъ предѣламъ вездѣ заняты Ioannovymъ войскомъ, пошель отъ Дона мимо Мценска, Одоева и Любутска къ Угрѣ, въ надеждѣ соединиться тамъ съ Королевскими полками, или вступить въ Россію съ той стороны, откуда его и не ожидали. Великій Князь, давъ повелѣніе сыну и брату штти къ Калугѣ и стать на лѣвомъ берегу Угры, самъ пріѣхалъ въ Москву, гдѣ жители посадовъ перебиралися въ Кремль съ своимъ драгоценѣйшимъ имѣніемъ, и видя Ioanna, вообразили, что онъ бѣжитъ отъ Хана. Многіе кричали въ ужасѣ: „Государь вы „даетъ нась Татарамъ! отягощая землю налогами, и не „платилъ даніи Ордынской! разгнѣвилъ Царя, и не стоитъ за „отечество!“ Сіе неудовольствіе народное, по словамъ одного Лѣтошица⁽²²²⁾, столь огорчило Великаго Князя, что онъ не вѣрхалъ въ Кремль, но остановился въ Красномъ селѣ, объявивъ, что прибылъ въ Москву для совѣта съ матерію, Духовенствомъ и Боярами. „Иди же смѣло на врага!“ сказали ему единодушно всѣ Духовные и мірскіе сановники. Архіепископъ Вассіанъ, сѣдый, ветхій старецъ, въ великолѣпномъ порывѣ ревностной любви къ отечеству воскликнулъ: „Смертинымъ „ли бояться смерти? Рокъ неизбѣженъ. Я старъ и слабъ; но „неuboюся меча Татарскаго, не отвращу лица моего отъ его „блеска⁽²²³⁾.“ — Ioannъ желалъ видѣть сына, и велѣлъ ему быть въ столицу съ Daniilомъ Холмскимъ: сей пылкій юноша не поѣхалъ, отвѣтствуя родителю: „ждемъ Татаръ;“ а Холмскому: „лучше мнѣ умереть здѣсь, нежели удалиться отъ войска.“ Великій Князь уступилъ общему мнѣнію, и далъ слово крѣпко противоборствовать Хану. Въ сіе время онъ помирился съ братьями, коихъ Послы находились въ Москвѣ; обѣщаю жить съ ними дружно, надѣлить ихъ новыми волостями, требуя единственno, чтобы они спѣшили къ нему съ своею воинскою дружиною для спасенія отечества. Мать, Митрополитъ, Архіепископъ Вассіанъ, добрые совѣтники, а всего болѣе опасность Россіи, къ чести обѣихъ сторонъ, прекратили вражду единокровныхъ⁽²²⁴⁾. — Ioannъ взялъ мѣры для защиты городовъ: отрядилъ Дмитровцевъ въ Переславль⁽²²⁵⁾, Москвитянъ въ

Дмитровъ; велиль сажечь посады вокругъ столицы, и 3 Октября, принявъ благословеніе отъ Митрополита, поѣхалъ къ войску. Никто ревностнѣ Духовенства не ходатайствовалъ тогда за свободу отечества и за необходимость утвердить оную мечемъ. Первосвятитель Геронтій, знаменую Государи крестомъ, съ умилениемъ сказалъ: „Богъ да сохранитъ твоє Царство и дастъ „тебѣ побѣду, якоже древле Давиду и Константину! Мужайся „и крѣшися, о сынъ духовный! какъ истинный воинъ Христовъ. „Добрый паstryръ полагаestъ душу свою за овцы: ты не наемъ „никъ! Избави врученнное тебѣ Богомъ словесное стадо отъ „грядущаго иныи звѣря. Господь намъ поборникъ!“ Всѣ духовные примолвили: *Аминь! буди тако!* и молили Великаго Князя не слушать мнимыхъ друзей мира, коварныхъ или малодушныхъ.

Іоаннъ прїѣхалъ въ Кременецъ, городокъ на берегу Лужи⁽²²⁶⁾, и даль знать Воеводамъ, что будетъ оттуда управлять ихъ движеніями. Полки наши, расположенные на шестидесяти верстахъ, ждали непріятеля, отразивъ лёгkий передовой отрядъ его, который искалъ переправы черезъ Уgrp. 8 Октября, на восходѣ солнца, вся сила Ханская подступила къ сей рѣкѣ. Сынъ и братъ Великаго Князя стояли на противномъ берегу. Съ обѣихъ сторонъ пускали стрѣлы: Россіяне дѣйствовали пшищалами. Ночь прекратила битву. На другой, третій и четвертый день опять сражались издали. Видя, что наши не бѣгутъ, и стрѣляютъ мѣтко, въ особенности изъ пиццалей, Ахматъ удалился за двѣ версты отъ рѣки, сталъ на обширныхъ лугахъ и распустилъ войско по Литовской землѣ для собранія сѣѧстныхъ припасовъ⁽²²⁷⁾. Между тѣмъ многие Татары выѣзжали изъ стана на берегъ и кричали нашимъ: „Дайте путь Царю, или онъ силою дойдетъ до Великаго Князя, „а вамъ будетъ худо.“

Миновало нѣсколько дней. Іоаннъ совѣтовался съ Воеводами: всѣ изъявили бодрость, хотя и говорили, что силы непріятельскія велики. Но онъ имѣлъ двухъ любимцевъ, Боярина Ощера и Григорія Мамона, коего мать была сожжена Княземъ Іоанномъ Можайскимъ за мнимое волшебство⁽²²⁸⁾:

1) Древние часы, некогда помышавшиеся наль Кремлевскими золотами.—2) Вонтиль из золота.—3) Желанас начальники (часть вооружения царевского). Колчан для стрельбы.—4) Надчно-вместительце для лука.—5) Боязная пачица.—6) Стрельба.—7) Ступница (коне).—8) Лук.—9) Вонтиль из шелочь из желанного бараниндо (Четкою).

сіи, какъ сказано въ лѣтописи, тучные Вельможи любили свое имѣніе, женъ и дѣтей гораздо болѣе отечества, и не представляли *шептать* Государю, что лучше искать мира. Они смѣялись надъ геройствомъ нашего Духовенства, которое, не имѣя понятія о случайностяхъ войны, хочетъ кровопролитія и битвы; напоминали Великому Князю о судьбѣ его родителя, Василія Темнаго, ильненаго Татарами; не устыдились думать, что Государи Московскіе, издревле обязывая себя клятвою не поднимать руки на Хановъ, не могутъ безъ вѣроломства воевать съ ними. Сіи винушенія дѣйствовали тѣмъ сильнѣе, что были согласны съ правилами собственного опасливаго ума Іоаннова. Любимцы его жалѣли своего богатства: онъ жалѣлъ своего величія, снисканного трудами осьмнадцати лѣтъ, и неувѣренный въ побѣдѣ, мыслилъ сохранить оное дарами, учтивостями, обѣщаніями. Однимъ словомъ, Государь послалъ Боярина, Ивана Федоровича Товаркова, съ мирными предложеніями къ Ахмату и Князю Ордынскому, Темиру. Но Царь не хотѣлъ слушать ихъ, отвергнулъ дары, и сказалъ Боярину: „я пришелъ сюда „наказать *Ивана* за его неправду, за то, что онъ не ъдетъ „ко мнѣ, не бѣть челомъ и уже *девять* лѣтъ не платилъ „даніи. Пусть самъ явится предо мною: тогда Князья наши „будутъ за него ходатайствовать, и я могу оказать ему милость⁽²²⁹⁾.“ Темиръ также не взялъ даровъ, отвѣтствуя, что Ахматъ гнѣвенъ, и что Іоаннъ долженъ у Царскаю стремени вымолить себѣ прощеніе. Великій Князь не могъ унизиться до такой степени раболѣпства. Получивъ отказъ, Ахматъ сдѣлался снисходительнѣе, и велѣлъ объявить Іоанну, чтобы онъ приспалъ сына или брата, или хотя Вельможу, Никифора Вассенка, угодника Ордынского. Государь и на то не согласился⁽²³⁰⁾. Переговоры кончились.

Свѣдавъ объ ихъ, Митрополитъ Геронтій, Архіепископъ Вассенъ и Павелъ, Игumenъ Троицкій, убѣдительными грамотами напоминали Великому Князю обѣтъ его стоять крѣпко за отечество и Вѣру. Старецъ Вассенъ писалъ такъ⁽²³¹⁾:

„Наше дѣло говорить Царямъ истину: что я прежде Посла-
ние Ар-
хиепи- изустно сказалъ тебѣ, славнѣйшему изъ Владыкъ земныхъ,

скона
Вассия-
на въ
Белоко-
му Кня-
зю.

„о томъ иныи пишу, ревностио желая утвердить твою душу
„и Державу. Когда ты, внявъ моленію и доброй думѣ Митро-
„политы, своей родительницы, благовѣрныхъ Князей и Бояръ,
„поѣхалъ изъ Москвы къ воинству съ намѣренiemъ ударить
„на врага Христіанскаго, мы, усердные твои богомольцы, денно
„и нощно припадали къ олтарямъ Всевышняго, да увѣнчаетъ
„тебя Господь побѣдою. Что же слышимъ? Ахматъ прибли-
„жается, губить Христіанство, грозитъ тебѣ и отечеству: ты
„же предъ нимъ уклоняешься, молишь о мирѣ и шлешь къ
„нему Пословъ; а нечестивый дышеть гнѣвомъ и презираетъ
„твое моленіе!.. Государь! какимъ совѣтамъ внимашь? людей
„недостойныхъ имени Христіанскаго. И что совѣтують? по-
„вергнуть-ли щиты, обратиться-ли въ бѣгство? Но помысли,
„отъ какой славы и въ какое уничиженіе низводятъ они твоё
„величество! Предать землю Русскую огню и мечу, церкви
„разоренію, тьмы людей погибели! Чье сердце каменное не
„изліется въ слезахъ отъ единага мысли? О Государь! кровь
„пастыя воліетъ на небо, обвиняя пастыря. И куда бѣжать?
„гдѣ воцаришься, погубивъ данное тебѣ Богомъ стадо? Взы-
„траеши ли яко орелъ, и посреди ли звѣздъ инъздо себѣ
„устроишъ? сверинетъ тебя Господь и оттуду... Нѣть,
„нѣть! уповаемъ на Вседержителя. Нѣть, ты не оставилъ
„насть, не явишься бѣглецомъ, и не будешь именоваться пре-
„дателемъ отечества!.. Отложи страхъ и возмогай о Господѣ
„въ державѣ крѣости Его! Единъ поженетъ тысячу, и два
„двигнутъ тьму, по слову мужа святаго: *не суть боги ихъ*
„яко Богъ нашъ! Господь мертвить и живить: Онъ дастъ
„силу твоимъ воинамъ. Язычникъ, Философъ Демокритъ, въ
„числѣ главныхъ Царскихъ добродѣтелей ставитъ прозорли-
„вость въ мірскихъ случаяхъ, твердость и мужество. Порев-
„нуй предкамъ своимъ: они не только землю Русскую хра-
„нили, но и многія иныя страны покоряли; вспомни Игоря,
„Святослава, Владимира, коихъ данники были Цари Грече-
„скіе, и Владимира Мономаха, ужаснаго для Половцевъ; а
„прадѣдъ твой великий, хвалы достойный Димитрій, не сихъ
„ли невѣрныхъ Татаръ побѣдилъ за Дономъ? Презирая опас-

„ность, сражался впереди; не думаль: имъю жену, дѣтей
„и богатство; когда возьмутъ землю мою, всеюся индь —
„но стала въ лице Мамаю, и Богъ осѣнилъ главу его въ
„день браны. Не уже ли скажешь, что ты обязанъ клятвою
„своихъ предковъ не поднимать руки на Хановъ? Но Ди-
„митрій поднялъ оную. Клятва принужденная разрѣшается
„Митрополитомъ и нами: мы всѣ благословляемъ тебя на
„Ахмата, не Царя, но разбойника и *Богоборца*. Лучше сол-
„гать и спасти Государство, нежели истинствовать и погубить
„его. По какому святому закону ты, Государь православный,
„обязанъ уважать сего злочестиваго самозванца, который си-
„лою поработилъ нашихъ отцевъ за ихъ малодушіе, и воща-
„рился, не будучи ни Царемъ, ни племени Царскаго? То было
„дѣйствіемъ гнѣва Небеснаго; но Богъ есть отецъ чадолюби-
„вый: наказуетъ и милуетъ; древле потопилъ Фараона и спасъ
„Израїля: спасеть и народъ твой, и тебя, когда покаяніемъ
„очистишь свое сердце: ибо ты человѣкъ и грѣшенъ. Покаяніе
„Государя есть искренній обѣтъ блести правду въ судахъ,
„любить народъ, не употреблять насилия, оказывать милость
„и виновнымъ... Тогда Богъ возставитъ намъ тебя, Государя,
„яко древле Моисея, Иисуса и другихъ, освободившихъ Из-
„раїля, да и новый Израїль, земля Русская, освободится то-
„бою отъ нечестиваго Ахмата, новаго Фараона: Ангелы счи-
„дуть съ небесъ въ помощь твою; Господь пошлетъ тебѣ
„отъ Сиона жезлъ силы, и одолѣши враговъ, и смятутся, и
„погибнутъ. Тако глаголеть Господь: *Азъ воздвигохъ тя,*
Царя правды, и пріяхъ тя за руку десную, и укрѣ-
пивъ тя, да послушаютъ тебе языцы, и крѣпость
Царей разрушиши; и Азъ предъ тобою иду, и горы
сравняю, и двери мѣдныя сокрушу, и затворы желѣз-
ныя сломлю... и даруетъ тебѣ Всевышній Царство славнос,
и сына�ъ сыновъ твоихъ изъ рода и родъ во вѣки. А мы
Соборами Святительскими день и ночь молимъ Его, да раз-
сыплются племена нечестивыя, хотящія браши; да будутъ
омрачены молниєю небесною и яко псы гладные да лижутъ
землю языками своими! Радуемся и веселимся, слыша о доб-

„лести твоей и Богомъ даннаго тебѣ сына: ужѣ вы поразили „невѣрныхъ; но не забуди слова Евангельскаго: *претерпѣши до конца, той спасеній будеъ.* — Наконецъ прошу „тебя, Государь, не осудить моего худоумія; писано бо есть: „дай мудрому вину, и будеъ мудрье. Да будеъ тако! „Благословеніе нашего смиренія на тебѣ, на твоемъ сынѣ, на „всѣхъ Боярахъ и Воеводахъ, на всемъ Христолюбивомъ „воинствѣ... Аминь.“

Прочитавъ сіе письмо, достойное великой души бессмертнаго мужа, Иоаннъ, какъ сказано въ лѣтописи (²³²), исполнился *веселія, мужества и крѣпости;* не мыслилъ болѣе о средстахъ побѣды, и готовился къ битвѣ. Скоро прибыли къ нему братья его, Андрей и Борисъ, съ ихъ многочисленною дружиною: не было ни упрековъ, ни извиненій, ни условій; единокровные обнялися съ видомъ искренней любви, чтобы вмѣстѣ служить отечеству и Христіанству.

Прошло около двухъ недѣль въ бездѣйствіи: Россіяне и Татары смотрѣли другъ на друга чрезъ Угру, которую первые называли *поясомъ Богоматери*, охраняющимъ Московскія владѣнія. Ахматъ послалъ лучшую свою конницу къ Городищу Онакову, и велѣлъ ей украдкою переплыть Оку (²³³): Воеводы Иоанновы не пустили Татаръ на свой берегъ. Ахматъ злобился; грозилъ, что морозы откроютъ ему путь черезъ рѣки; ждалъ Литовцевъ и зимы. О Литовцахъ не было слуха; но въ исходѣ Октября настали сильные морозы: Угра покрывалась льдомъ, и Великій Князь приказалъ всѣмъ нашимъ Воеводамъ отступить къ Кременцу, чтобы сразиться съ Ханомъ на поляхъ Боровскихъ, удобнѣйшихъ для битвы (²³⁴).

Такъ говорилъ онъ; такъ, вѣроятно, и мыслилъ. Но Бояре и Князья изумились, а воины оробѣли, думая, что Иоаннъ страшится и не хочетъ битвы. Полки не отступали, но бѣжали отъ непріятеля, который могъ ударить на нихъ съ тылу. Сдѣлалось чудо, по словамъ Лѣтописцевъ: Татары, видя лѣвый берегъ Угры оставленный Россіянами, вообразили, что они манятъ ихъ въ сѣти, и вызываютъ на бой, приготовивъ засады: объятый страннымъ ужасомъ, Ханъ спѣшилъ удалиться.

Представилось зрълище удивительное: два воинства бѣжали другъ оть друга, никѣмъ не гонимыя! Россіяне наконецъ остановились; но Ахматъ ушелъ во-свои, разоривъ въ Литвѣ двѣнадцать городовъ, за то, что Казимиръ не далъ ему помощи (²³⁵). Такъ кончилось сіе послѣднее нашествіе Ханское на Россію: Царь не могъ ворваться въ ея предѣлы; но вывѣльни одного плѣнника Московскаго. Только сынъ его, Амургоза на возвратномъ пути захватилъ часть нашей Украины (²³⁶); но былъ немедленно изгнанъ оттуда братьями Великаго Князя, посланными съ войскомъ въ слѣдъ за непріятелемъ. Одинъ Лѣтописецъ Казанскій удовлетворительно изъясняетъ сіе бѣгство Ахматово, сказывая, что Крымскій Царевичъ, Нордоулатъ, и Князь Василій Ноздроватый счастливо исполнили повелѣніе Иоанново: достигли Орды, взяли *Юртъ Батыевъ* (вѣроятно Сарай), множество плѣнниковъ, добычи, и могли бы въ конецъ истребить сіе гнѣздо нашихъ злодѣевъ, если бы Уланъ Нордоулатовъ, именемъ Обуязъ, не помѣщалъ тому своими представленіями. „Что дѣлаешь?“ сказалъ онъ своему Царевичу: „вспомни, что сія древняя Орда есть наша общая мать; всѣ „мы отъ нее родились. Ты исполнилъ долгъ чести и службы „Московской: начинь ударъ Ахмату: „довольно; не губи остатковъ!“ Нордоулатъ удалился; а Ханъ, свѣдавъ о раззореніи Улусовъ, оставилъ Россію, чтобы защитить свою собственную землю (²³⁷). Сіе обстоятельство служить въ чести Иоаннова ума: благовременно взявъ мѣры отвлечь Ахмата отъ Россіи, Великій Князь ждалъ ихъ дѣйствія, и для того не хотѣлъ битвы. Но всѣ другіе Лѣтописцы славятъ единственно милость Божію и говорятъ: „Да не похваляются легкомысленные „страхомъ ихъ оружія! Нѣть, не оружіе и не мудрость че- „ловѣческая, но Господь спась ими Россію (²³⁸)!“ Иоанинъ, распустивъ войско, съ сыномъ и съ братьями пріѣхалъ въ Москву славословить Всевышняго, за побѣду, данную ему безъ кровопролитія. Онъ неувѣничалъ себя лаврами, какъ побѣдитель Мамаевъ, но утвердилъ вѣнецъ на главѣ своей и независимость Государства. Народъ веселился; а Митрополитъ уставилъ особенный єжегодный праздникъ Богоматери и крест-

ный ходъ Іюня 23^о (229) въ память освобожденія Россіи отъ ига Моголовъ: ибо здѣсь конецъ нашему рабству.

Ахматъ имѣлъ участіе Мамая. Онъ вышелъ изъ Литвы разорять Большию Орду, съ богатою добычею: Князь Шибанскихъ или Тюменскихъ ды и смерть Улусовъ, Ивакъ, желая отнять ее, съ Ногайскими Мурзами, ^{въ чистилъ} Ямгурчесемъ, Мусою и съ шестнадцатью тысячами Козаковъ гнался за нимъ отъ береговъ Волги до Малаго Донца, гдѣ сей Ханъ, близъ Азова, остановился зимовать, распустивъ своихъ Улановъ. Ивакъ приближился ночью, окружилъ на разсвѣтѣ Царскую *бѣлу вежу*, собственною рукою умертвилъ спящаго Ахмата, безъ сраженія взялъ Орду, его женъ, дочерей, богатство, множество Литовскихъ плѣнниковъ, скота; возвратился въ Тюмень и прислалъ объявить Великому Князю, что злодѣй Россіи лежитъ въ могилѣ (240). Еще такъ называемая Большая Орда не совсѣмъ исчезла, и сыновья Ахматовы удержали въ степяхъ Волжскихъ имя Царей; но Россія уже не поклонялась имъ, и знаменитая столица Батыева, гдѣ наши Князья болѣе двухъ вѣковъ работничествовали Ханамъ, обратилась въ развалины, донынѣ видимыя на берегу Ахты: тамъ среди обломковъ гнѣздятся змѣи и скидны (241).—Отсѣль Татары Шибанскіе и Ногайскіе, коихъ Улусы находились между рѣкою Бузулукомъ и моремъ Аральскимъ (242), являются дѣйствующими въ нашей Исторіи и въ союзеніяхъ съ Москвою, не рѣдко служа орудiemъ ея политикѣ. Князь Ивакъ Тюменскій хвалился происхожденіемъ своимъ отъ Чингиса и правомъ на тронъ Батыевъ, называя Ахмата, его братьевъ и сыновей дѣтьми Темирь-Кутлуя, а себя истиннымъ Царемъ *Бесерменскимъ* (243); искалъ дружбы Ioannovoy и величался именемъ равнаго ему Государя, уже не дерзая требовать съ насть дани и мыслить, чтобы Россіяне были природными подданными всякаго Хана Татарскаго.

Замѣтимъ тогдашнее расположение умовъ. Не смотря на благоразумныя мѣры, взятыя Ioannomъ для избавленія Государства отъ злобы Ахматовой; не смотря на бѣгство непріятеля, на цѣлость войска и Державы, Москвитяне, веселясь и торжествуя, не были совершенно довольны Государемъ; ибо

думали, что онъ не явилъ въ семъ случаѣ свойственнаго великимъ душамъ мужества и пламенной ревности жертвовать собою за честь, за славу отечества. Осуждали, что Иоаннъ, готовясь къ войнѣ, послалъ супругу въ отдаленныя сѣверныя земли, думая о личной ея безопасности болѣе, нежели о столицѣ, гдѣ надлежало ободрить народъ присутствіемъ Великокняжескаго семейства. Строго осуждали и Софію, что она безъ всякой явной опасности бѣгала съ знатнѣйшими женами Боярскими изъ мѣста въ мѣсто, не хотѣла даже остаться и въ Бѣлозерскѣ, уѣхала далѣе къ морю, и на пути позволяла многочисленнымъ слугамъ своимъ грабить жителей, какъ непріятелей (²⁴⁴). И такъ славнѣйшее дѣло Иоанново для потомства, конечно сверженіе Ханскаго ига, въ глазахъ современниковъ не имѣло полной, чистой славы, обнаруживъ въ немъ, по ихъ мнѣнію, боязливость или нерѣшительность, хотя сія мнимая слабость происходитъ иногда отъ самой глубокой мудрости человѣческой, которая не есть Божественная, и предвидя многое, знаетъ, что не предвидѣть всего.

Тѣмъ болѣе народъ славилъ твердость нашего Духовенства, и въ особенности Вассіана, коего посланіе къ Великому Князю ревностные друзья отечества читали и переписывали съ слезами умиленія. Сей добродѣтельный старецъ едва имѣль времія благословить начало государственной независимости въ Россіи: занемогъ и скончался, оплакиваемый всѣми добрыми согражданами (²⁴⁵). Славная память его осталась на выѣки нераз- г. 1481. лучною съ памятю нашей свободы. — Тогда же представился и братъ Великаго Князя, Андрей Меньшій, любимый народомъ за вѣрность и бодрую дѣятельность, оказанную имъ противъ Ахмата (²⁴⁶). Въ духовномъ завѣщаніи онъ признаетъ себя должникомъ Иоанна, получивъ отъ него 30,000 рублей для платежа въ Орды, въ Казань и Царевичу Даніяру; велитъ выкупить разныя вещи, отданныя имъ въ залогъ Ивану Фрязину и другимъ; не оставивъ ни дѣтей, ни жены, отказываетъ Государю Удѣль свой, его сыновьямъ — иконы, кресты, поясы и цѣпи золотыя, братьямъ Андрею и Борису нѣкоторыя волости, Троицкому монастырю 40 деревень на Вологдѣ и проч. (²⁴⁷).

Копчина
и Аи-
дрея.
меньша-
го бра-
та Иоан-
нова.

Такимъ образомъ, дѣлая себя единственнымъ наследникомъ своихъ ближнихъ, умпрающихъ бездѣтными, Великій Князь новыми договорными грамотами утвердилъ за Андреемъ старшимъ, за Борисомъ и за дѣтьми ихъ, Удѣлы родительскіе съ частію Московскихъ пошлии; далъ еще первому городъ Можайскъ, а второму нѣсколько сель, съ условіемъ, чтобы они не вступались въ его пріобрѣтенія, настоящія и будущія. Въ сихъ грамотахъ упоминается обѣ підержкахъ Ордынскихъ (²⁴⁸): хотя Великій Князь уже не мыслилъ быть данникомъ, но предвидѣлъ необходимость подкупать Татаръ, чтобы располагать ихъ остальными силами въ нашу пользу. Содержаніе Царевича и братьевъ Менгли-Гиреевыхъ, Нордоулата и Айдара, сосланного за что-то въ Вологду (²⁴⁹); наконецъ дары, посылаемые въ Тавриду, въ Казань, въ Ногайскіе Улусы, требовали не малыхъ расходовъ, въ коихъ Андрей и Борисъ Василіевичи обязывались участвовать (²⁵⁰).

Несоль-
ство въ
Крыму.

Благополучно отразивъ Ахмата, свѣдавъ о гибели его, и ми-
ромъ съ братьями успокоивъ какъ Россію, такъ и собственное
сердце, Иоаннъ послалъ къ Менгли-Гирею Боярина Тимофея
Игнатьевича Скрябу (²⁵¹), съ извѣстіемъ о своемъ успѣхѣ и
съ напоминаніемъ, чтобы сей Ханъ не забывалъ ихъ договора
дѣйствовать всегда общими силами противъ Волжской Орды
и Казимира, въ случаѣ, если преемники Ахматовы или Ко-
роль замыслятъ опять воевать Россію. Бояринъ Тимоѳей дол-
женъ былъ говорить въ особенности съ Княземъ Крымскимъ,
Именемъ, нашимъ доброжелателемъ, и вручить его сыну, До-
влетеку, *опасную грамоту* съ золотою печатию для свобод-
наго пребыванія во всѣхъ Московскихъ владѣніяхъ: ибо До-
влетекъ, не вѣря спокойствію Тавриды, просилъ о томъ Иоанна.
Странное дѣйствіе судьбы: Россія, столь долго губимая Тата-
рами, сдѣлалась ихъ покровительницею и вѣрнымъ убѣжищемъ
въ несчастіяхъ!

ГЛАВА IV.

Продолженіе Государствованія Іоаннова.

Г. 1480—1490.

Война съ Ливонскимъ Орденомъ. Литовскія дѣла. Хант. Крымскій опустошаетъ Киевъ. Сыновья Ахматовы воюютъ съ Крымскимъ Ханомъ. Король Венгерскій Матеѣ въ дружбѣ съ Іоанномъ. Бракъ сына Іоаннова съ Еленою, дочерью Стефана, Господаря Молдавскаго. Завоеваніе Твери. Присоединеніе Удѣла Верейскаго къ Москвѣ. Князья Ростовскіе, Ярославскіе лишены правъ Владѣтельныхъ. Происшествія Рязанскія. Покореніе Казани. Сношеніе съ Ханомъ Крымскимъ. Посольство Муртозы, сына Ахматова, въ Москву. Посольство Ногайское. Покореніе Вятки. Завоеваніе земли Арской. Кончина Іоанна Младаго. Казнь врача. Соборъ на еретиковъ Жидовскихъ. Свѣрженіе Митрополита; избрание новаго.

Въ сіе время Іоаннъ предпріялъ нанести ударъ Ливонскимъ Нѣмцамъ. Еще въ 1478 году, покоряя Новгородъ, Московская рать входила въ ихъ Нарвскіе предѣлы и возвратилась оттуда съ добычею (²⁵²). Скоро послѣ того купцы Псковскіе были задержаны въ Ригѣ и въ Дерптѣ: у нѣкоторыхъ отняли товары, другихъ заключили въ темницу. Псковитяне сдѣлали тоже и съ купцами Дерптскими; но не хотѣли войны, и считая себя въ мирѣ съ Нѣмцами, удивились, когда Рыцари заняли Вышегородокъ. Сіе извѣстіе пришло во Псковъ ночью: ударили въ Вѣчевый колоколь; граждане собралися, и на разсвѣтѣ выступили противъ непріятеля. Оставивъ Вышегородокъ, Нѣмцы явились подъ Гдовомъ. Съ помощью Великаго Князя, и съ его Воеводою, Княземъ Андреемъ Никитичемъ Ногтевъ, присланнымъ изъ Новагорода, Псковитяне заставили ихъ бѣжать, сожгли Костеръ на рѣкѣ Эмбахѣ, взяли тамъ нѣсколько пушекъ, осаждали Дерптъ и воз-

Г. 1480
Война
съ Ли-
вонскимъ
Орде-
номъ.

вратились обремененные добычою. Сие впадение Россіанъ въ Дерптскую землю описано самимъ Магистромъ Ливонскимъ, Бернгардомъ, въ донесеніи его къ Главѣ Пруссаго Ордена (²⁵³): нѣтъ лютости, въ которой бы онъ не обвинялъ ихъ; убіеніе людей безоружныхъ было легчайшимъ изъ злодѣйствъ, ими будто бы совершенныхъ. Напомнимъ Читателю сказаніе Византійскихъ Историковъ о свирѣпости древнихъ Славянъ или повѣствованіе нашихъ Лѣтописцевъ о набѣгахъ Татарскихъ: Россіяне, по словамъ Бернгарда, едва ли не превзошли тогда сихъ варваровъ. Магистръ готовилъ месть: свѣдавъ, что Воевода Московскій, недовольный Псковитянами, ушелъ отъ нихъ съ своею дружиною, и что Ioannъ занять войною съ Ахматомъ, Бернгардъ требовалъ помощи, людей и денегъ отъ Пруссаго Ордена; желая дѣйствовать всѣми силами, но боясь упустить время, приступилъ къ Изборску: не могъ взять его, и выжегъ только окрестности. Псковитяне, видя огонь и дымъ, жаловались на своего Князя, Василія Шуйскаго, что онъ пьетъ и грабить ихъ, а защитить не умѣеть. Нѣмцы обратили въ пепель городокъ Kobylій, умертвивъ до четырехъ тысячъ жителей, и наконецъ (въ 1480 году, Августа 20) осадили Псковъ. Войско ихъ, какъ пишутъ, состояло изъ 100,000 человѣкъ, большую частію крестьянъ, худо вооруженныхъ и совсѣмъ неспособныхъ къ ратнымъ дѣйствіямъ, такъ, что необозримый станъ его за рѣкою Великою походилъ на Цыганскій (²⁵⁴): шумъ и беспорядокъ господствовали въ ономъ. Но Псковитяне ужаснулись. Многіе бѣжали, и самъ Князь Шуйскій уже садился на коня, чтобы слѣдовать примѣру малодушныхъ: граждане остановили его; дѣлали мирныя предложения Магистру, съ обрядами священными носили вокругъ стѣнъ одежду своего незабвеннаго Героя Довмонта, и наконецъ исполнились мужества. Бернгардъ, имѣя 13 Дерптскихъ судовъ съ пушками, старался зажечь городъ. Нѣмцы пристали къ берегу: тутъ Россіяне, вооруженные сѣкирами, мечами, камнями, устремились въ бой, и смяли ихъ въ рѣку. Нѣмцы тонули, бросаясь на суда; а ночью, снявъ осаду, ушли (²⁵⁵). „Мы тщетно предлагали Россіанамъ битву въ

„полѣ,” говорить Бернгардъ въ письмѣ къ начальнику Прусскаго Ордена: „рѣка Великая не допустила настъ до города” (²⁵⁶). Ожидая новаго нападенія, Псковитяне требовали защиты отъ братьевъ Иоанновыхъ, Андрея и Бориса, которые вхали тогда изъ Великихъ Лукъ въ Москву съ сильною дружиною; но сіи Князья отвѣтствовали, что имъ не время думать о Нѣмцахъ, и мимоѣздомъ ограбили нѣсколько деревень, за то, какъ сказано въ одной лѣтописи, что Псковитяне, опасаясь Иоаннова гнѣва, не хотѣли принять къ себѣ ихъ Княгинь, бывшихъ въ Литвѣ (²⁵⁷).

Магистръ, испытавъ неудачу, распустилъ войско: сія оплошность дорого стоила бѣдной землѣ его. Свѣдавъ о непріятельскихъ дѣйствіяхъ Ордена, и не имѣя уже другихъ враговъ, Иоаннъ послалъ Воеводъ, Князей Ивана Булгака и Ярослава Оболенскаго, съ двадцатью тысячами на Ливонію, кромѣ особенныхъ полковъ Новогородскихъ, предводимыхъ Намѣстниками, Княземъ Василіемъ Федоровичемъ и Бояриномъ Иваномъ Зиновьевичемъ. Псковъ былъ мѣстомъ соединенія Россійскихъ силъ, достаточныхъ для завоеванія всей Ливоніи; но умѣренный Иоаннъ не хотѣль онаго, имѣя въ виду иныя, существеннѣйшія пріобрѣтенія: желалъ единственно вселить ужасъ въ Нѣмцевъ и тѣмъ на-долго успокоить наши сѣверо-западные предѣлы. Въ исходѣ Февраля, 1481 году, рать г. 1481. конница и пѣхота, вступила въ Орденскія владѣнія и раздѣлилась на три части: одна пошла къ Мариенбургу, другая къ Дерпту, третья къ Вальку (²⁵⁸). Непріятель никогда не смѣль явиться въ полѣ: Россіяне цѣлый мѣсяцъ дѣлали, что хотѣли въ землѣ его; жгли, грабили; взяли Феллинъ, Тарвастъ, множество людей, лошадей, колоколовъ, серебра, золота; захватили обозъ Магистра: едва и самъ Бернгардъ не попался имъ въ руки, бѣжалъ изъ Феллина за день до ихъ прихода. Нѣкоторые города откупались: Лѣтописецъ обвиняетъ корыстолюбіе Князей Булгака и Ярослава, тайно бравшихъ съ нихъ деньги (²⁵⁹). Всѣхъ болѣе потерпѣли Священники: Москвитяне ругались надъ ними, сѣкли ихъ и жгли, какъ сказано въ бумагахъ Орденскихъ (²⁶⁰): Дворянъ, куп-

цевъ, земледѣльцевъ, женъ, дѣтей отправляли тысячами въ въ Россію и тяжелые обозы съ добычею. Весенняя распутица освободила наконецъ Ливонію: полки наши возвратились во Псковъ; а Бернгардъ, оплакивая судьбу Ордена, винилъ во всемъ Великаго Магистра Пруссаго, не давшаго ему помощи; другіе же обвиняли Епископа Деритскаго, который, имѣя свое особенное войско, не хотѣлъ действовать совокупно съ Рыцарями⁽²⁶¹⁾. Но обстоятельства перемѣнились: Орденъ три вѣка боролся съ Новгородцами и Псковитянами, часто несогласными между собою: Единовластіе давало Россіи такую силу, что бытіе Ливоніи уже находилось въ опасности. —

Г. 1482.

1488.

Въ 1483 году Послы Иоанновы заключили въ Нарвѣ перемиріе съ Нѣмцами на 20 лѣтъ⁽²⁶²⁾.

Литов-
ская дѣ-
ла.

Съ Литвою не было ни войны, ни мира. Иоаннъ предлагалъ миръ, но требовалъ нашихъ городовъ и земель, коими завладѣлъ Витовтъ; а Король требовалъ Великихъ Лукъ и даже Новагорода⁽²⁶³⁾. Съ обѣихъ сторонъ недоброжелатели-ствовали другъ другу, стараясь вредить тайно и явно. Россія имѣла друзей въ Литвѣ между Князьями единовѣрными: трое изъ нихъ, Ольшанскій, Михаилъ Олельковичъ и Федоръ Бѣльскій, правнуки славнаго Ольгерда, будучи недовольны Казимиромъ, замыслили поддаться Иоанну съ ихъ Удѣлами въ землѣ Сѣверской⁽²⁶⁴⁾. Сіе намѣреніе открылось: Король велѣлъ схватить двухъ первыхъ; а Бѣльскій (въ 1482 году) ушелъ въ Москву, оставилъ въ Литвѣ юную супругу на другой день своей женитьбы. Такъ сказано о семъ происшествіи въ нашихъ лѣтописяхъ. Историкъ Польскій говоритъ слѣдующее: „Князья Сѣверскіе, пріѣхавъ въ Вильну, хотѣли видѣть Короля, но стражъ не позволилъ имъ войти во дворецъ, и дверью „прихлопнулъ одному изъ нихъ ногу: Казимиръ осудилъ сего „война на смерть, однакожъ не могъ укорить тѣмъ злобы Князей: считая себя несносно обиженными, и давно имѣя разныя „досады на Правительство Литовскаго, къ немъ неблагосклонное „за иновѣріе, они поддалися Государю Московскому⁽²⁶⁵⁾.“ Иоаннъ, въ надеждѣ воспользоваться услугами Бѣльскаго, принялъ его съ отмѣнною милостію и далъ ему въ отчину городокъ Демонтъ.

Казимиръ поставилъ 10,000 ратниковъ въ Смоленскѣ⁽²⁶⁶⁾, однажды не смѣль начать войны; ласково угостилъ въ Гроднѣ чиновниковъ Пекова и снисходительно удовлетворилъ всѣмъ ихъ требованіямъ въ спорныхъ дѣлахъ съ Литвою; между тѣмъ совѣтовалъ Ахматовымъ сыновьямъ, Сейдъ-Ахмату и Муртозѣ, тревожить Россію, и старался отвлечь Хана Менгли-Гирея отъ нашего союза: въ чемъ едва было и не успѣть, подкупивъ Вельможу Крымскаго, Именека, который склонилъ Государя своего заключить (въ 1482 году) миръ съ Литвою. Но Ioаннъ разрушилъ сей замыселъ: Послы Великокняжескіе⁽²⁶⁷⁾, Юрій Шестакъ и Михайло Кутузовъ, сильными представленіями заставили Менгли-Гирея снова объявить себя непріятелемъ Казимировымъ, такъ, что онъ въ 1482 году, осенью, со многочисленными конными толпами явился на берегахъ Днѣпра, взялъ Кіевъ, пѣшилъ тамошняго Воеводу, Ивана Хоткевича, опустошилъ городъ, сжегъ монастырь Печерскій и приседалъ къ Великому Князю Дикосѣ и Потирѣ Софійскаго храма, вылитые изъ золота⁽²⁶⁸⁾. Сей случай оскорбилъ православныхъ Москвитянъ, которые видѣли съ сожалѣніемъ, что Россія насыщается варваровъ на единовѣрныхъ, жечь и грабить святыхъ церкви, древнѣйшіе памятники нашего Христіанства; но Великій Князь, думая единствено о выгодахъ государственныхъ, изъявилъ благодарность Хану⁽²⁶⁹⁾, убѣждая его и впредь ревностно исполнять условія ихъ союза. „Я съ своей стороны“ — приказывалъ къ нему Ioаннъ — „не упускаю ни единаго случая дѣлать тебѣ угодное: содержу твоихъ братьевъ въ Россіи, Нордоулата и Айдара, съ немалымъ убыткомъ для казны моей.“ Великій Князь въ самомъ дѣлѣ поступалъ какъ истинный, усердный другъ Менгли-Гиреевъ. Взаимная ненависть Хановъ Крымской и Золотой Орды не прекратилась смертю Ахмата, не смотря на то, что Султанъ Турецкій, правомъ верховнаго Мусульманскаго Владытеля, запретилъ имъ воевать между собою⁽²⁷⁰⁾. Скитаясь въ Донскихъ степяхъ съ особеннымъ своимъ Улусомъ, Царь Муртоза, при наступленіи жестокой зимы (въ 1485 году), искалъ убежища отъ голода въ окрестностяхъ Тавриды:

Ханъ
Крым-
скій
опусто-
шилъ
Крымъ

Сыно-
вья Ах-
матовыхъ
воюютъ
съ Крымъ

скими
Ханомъ. Менгли-Гирей вооружился, пленилъ его, отоспалъ въ Кафу и разбилъ еще Улусъ Князя Золотой Орды, Темира; но сей Князь въ слѣдующее лѣто, соединясь съ другимъ Ахматовымъ сыномъ⁽²⁷¹⁾, нечаянно напалъ на Тавриду—когда жители и воины ея занимались хлѣбопашествомъ—едва не схватилъ самого Менгли-Гирея, освободилъ Муртозу и съ добычею удалился въ степи. Великий Князь, свѣдавъ о томъ, немедленно отрядилъ войско на Улусы Ахматовыхъ сыновей и приспалъ къ Менгли-Гирею многихъ Крымскихъ плѣнниковъ, вырученныхъ Россіянами⁽²⁷²⁾.

Король
Венгер-
ской
Матея
иъ друж-
бы съ
Іоан-
номъ.

Въ Венгріи царствовалъ Матея Корвинъ, сынъ славнаго Гуніада, знаменитый остроуміемъ и мужествомъ: будучи непріятелемъ Казимира, онъ искалъ дружбы Государя Московскаго, и въ 1482 году приспалъ къ нему чиновника, имея нѣмъ Яна⁽²⁷³⁾; а Великій Князь, принявъ его благосклонно, вмѣстѣ съ нимъ отправилъ къ Королю Дьяка Феодора Курицына, чтобы утвердить договоръ, заключенный въ Москвѣ между сими двумя Государствами, и размѣняться грамотами. Обѣ державы условились вмѣстѣ воевать Королевство Польское въ удобное для того время.—Венгрія, бывъ нѣкогда въ частыхъ сношеніяхъ съ южною Россіею, уже около двухъ сотъ лѣтъ какъ бы не существовала для нашей Исторіи: Іоанъ возобновилъ сюю древнюю связь, которая могла распространить славу его имени въ Европѣ и способствовать нашему гражданскому образованію. Великій Князь требовалъ отъ Матея, чтобы онъ доставилъ ему: 1) художниковъ, умѣющихъ лить пушки и стрѣлять изъ оныхъ; 2) *Размысловъ* или Инженеровъ; 3) серебрениковъ для дѣланія большихъ и малыхъ сосудовъ; 4) зодчихъ для строенія церквей, палатъ и городовъ; 5) горныхъ мастеровъ, искусственныхъ въ добываніи руды золотой и серебряной, также въ отдѣленіи металла отъ земли. „У насъ есть серебро и золото,“ велѣлъ онъ сказать Королю: „но мы не умѣемъ чистить руды. Услужи намъ, и тебѣ услужимъ всѣмъ, что находится въ моемъ Государствѣ“⁽²⁷⁴⁾.—Дьякъ Курицынъ, возвращаясь въ Москву, былъ задержанъ Турками въ Бѣлгородѣ, но освобожденъ стараниемъ Короля

и Менгли-Гирея. Новыя взаимныя Посольства, ласковыя письма и дары утверждали сию пріязнь. Иоаннъ (въ 1488 году) подарилъ Матею чернаго соболя съ коваными золотыми ноготками, обсаженнымъ крупнымъ Новогородскимъ жемчугомъ (²⁷⁵); въ знакъ особеннаго уваженія допускалъ къ себѣ Пословъ Венгерскихъ, изустно говорилъ съ ними, дозволяль имъ садиться и самъ подавалъ кубокъ вина. Зная, что дружество Государей бываетъ основано на Политикѣ, онъ внимательно наблюдалъ Матееву и предписывалъ своимъ Посламъ развѣдывать о всѣхъ его сношеніяхъ съ Турцію, Римскимъ Императоромъ, съ Богемію и съ Казимиромъ.

Въ сіе время явилась новая знаменитая Держава въ со-
сѣствїи съ Литвою и сдѣлалаась предметомъ Іоанновой Поли-
тики. Мы говорили о началѣ Молдавскаго Княжества (²⁷⁶),
управляемаго Воеводами, коихъ имена едва намъ известны
до самаго Стефана IV или Великаго, дерзнувшаго обнажить
мечь на ужаснаго Магомета II, и славными побѣдами, одер-
жанными имъ надъ многочисленными Турскими воинствами,
вписавшаго имя свое въ Исторію рѣдкихъ Героевъ: мужествен-
ный въ опасностяхъ, твердый въ бѣдствіяхъ, скромный въ
счастіи, приписывая его только Богу, покровителю добродѣ-
тели, онъ былъ удивленіемъ Государей и народовъ, съ малыми
средствами творя великое. Вѣра Греческая, сходство въ обы-
чаяхъ, употребленіе одного языка въ церковныхъ служеніи и
въ дѣлахъ государственныхъ, необыкновенный умъ обоихъ
Властителей, Россійскаго и Молдавскаго, согласіе ихъ выгодъ
и правилъ служили естественною связью между ими. Стефанъ,
кромѣ Турковъ, опасался честолюбиваго Казимира и Менгли-
Гирея: первый хотѣлъ, чтобы Молдавія зависѣла отъ Коро-
левства Польскаго; второй, будучи присяжникомъ Султана,
угрожалъ ей нападеніемъ. Иоаннъ могъ содѣйствовать ея не-
зависимости и безопасности, обуздывая Короля страхомъ войны,
а Менгли-Гирея дружественными представленіями, съ условiemъ,
чтобы и Стефанъ, въ случаѣ нужды, помогалъ Россіи усердно.
Сей Воевода и Господарь — такъ называетъ онъ себя въ
своихъ грамотахъ (²⁷⁷) — противоборствуя насилиямъ Султановъ,

утъснителей Греціи, имѣлъ еще особенное право на дружество зятя Палеологовъ, который принялъ гербъ ихъ и съ нимъ обязательство быть врагомъ Магометовыхъ наследниковъ.

Такимъ образомъ расположенный къ искреннему союзу, Иоаннъ и Стефанъ утвердили оный семейственнымъ: второй предложилъ выдать дочь свою, Елену, за старшаго сына Ioannova, избравъ въ посредницы мать Великаго Князя (²⁷⁸). Бояринъ Михайло Плещеевъ къ знатною дружиною въ 1482 году отправился за невѣстою въ Молдавію, гдѣ и совершилось обрученіе. Стефанъ отпустилъ дочь въ Россію съ своимъ Боярами: Ланкомъ, Синкомъ, Герасимомъ и съ женами ихъ. Онаѣхала черезъ Литву: Казимира не только далъ ей свободный путь, но и прислали дары въ знакъ учтивости (²⁷⁹). Прибыть въ Москву поспѣ Филиппова заговоры, Елена жила въ Вознесенскомъ монастырѣ у матери Великаго Князя, и до свадьбы имѣла время познакомиться съ женихомъ. Ихъ обѣянчали въ самый праздникъ Крещенія (²⁸⁰). Увидимъ, что Судьба не благословила сего союза.

Хитрою вѣшиною Политикою утверждая безопасность Государства, Иоаннъ возвеличилъ его внутри новымъ усиѣхомъ Единовластія. Онъ уже покорилъ Новгородъ, взялъ Двинскую землю, завоевалъ Пермь отдаленную; но въ осмидесяти верстахъ отъ Москвы видѣлъ Россійское особенное Княжество, Державу равнаго себѣ Государи, по крайней мѣрѣ именемъ и правами. Со всѣхъ сторонъ окруженнага Московскими владѣніями, Тверь еще возвышала независимую главу свою, какъ малый островъ среди моря, ежечасно угрожаемый потоплениемъ. Князь Михаиль Борисовичъ, шуринъ Ioannova, зналъ опасность и не вѣрилъ ни свойству, ни грамотамъ договорнымъ, коими сей Государь утвердилъ его независимость: надлежало по первому слову смиренію оставить тронъ, или защитить себя иноземнымъ союзомъ. Одна Литва могла служить ему опорою, хотя весьма слабою, какъ то свидѣтельствовалъ жребій Новагорода; во личная ненависть Казимира къ Великому Князю, прижѣръ бывшихъ Тверскихъ Владѣтелей, искони друзей Литвы, и легковѣріе надежды, вселяемое страхомъ въ

Браѧ
сына
Ioannico-
на съ
Елени-
ю, до-
черь
Стефа-
ни Го-
сподара
Молдав-
скаго.

Завое-
вание
Tвери.

малодушныхъ, обратили Михаила къ Королю: будучи вдовцемъ (²⁸¹), онъ вздумалъ жениться на его внучкѣ (²⁸²), и вступилъ съ нимъ въ тѣсную связь. Дотолѣ Иоаннъ, въ нужныхъ случаяхъ располагая Тверскимъ войскомъ, оставлялъ шурина въ покой: узнавъ же о семъ тайномъ союзѣ, и, какъ вѣроятно, обрадованный справедливымъ поводомъ къ разрыву, немедленно объявилъ Михаилу войну (въ 1485 году). Сей Князь, затрепетавъ, спѣшилъ умилостивить Иоанна жертвами: отказался отъ имени *равнаго* ему брата, призналъ себя *младшимъ*, уступилъ Москвѣ нѣкоторыя земли, обязался всегда ходить съ нимъ на войну (²⁸³). Тверской Епископъ былъ посредникомъ, и Великий Князь, желая обыкновенно казаться умѣреннымъ, долготерпливымъ, отсрочилъ гибель сей Державы. Въ мирной договорной грамотѣ, тогда написанной, сказано, что Михаилъ разрываетъ союзъ съ Королемъ и безъ вѣдома Иоаннова не долженъ имѣть съ нимъ никакихъ сношений, ни съ сыновьями Шемяки, Князя Можайскаго, Боровскаго, ни съ другими Россійскими бѣглецами; что онъ клянется за себя и за дѣтей своихъ вовѣки не поддаваться Литвѣ; что Великий Князь обѣщаетъ не ступиться въ Тверь, и проч. (²⁸⁴). Но сей договоръ былъ послѣднимъ дѣйствиемъ Тверской независимости: Иоаннъ въ умѣ своемъ рѣшилъ ся судьбу, какъ прежде Новгородскую; началь тѣснить землю и подданныхъ Михайловыхъ: если они чѣмънибудь досаждали Москвитянамъ, то онъ грозилъ и требовалъ имъ казни; а если Москвитине отнимали у нихъ собственность, и дѣлали имъ самыя несносныя обиды, то не было ни суда, ни управы. Михаилъ писалъ и жаловался: его не слушали. Тверитяне, видя, что уже не имѣютъ защитника въ своемъ Государѣ, искали его въ Московскому: Князя Микулинскаго и Дорогобужскаго вступили въ службу Великаго Князя, который далъ первому въ помѣстье Дмитровъ, а второму Ярославль. Въ слѣдъ за ними прѣѣхали и многіе Бояре Тверскіе (²⁸⁵). Что оставалось Михаилу? Готовить себѣ убѣжище въ Литвѣ. Онъ послалъ туда вѣрнаго человѣка: его задержали, и представили Иоанну письмо Михайлово къ Королю, достаточное сви-

дѣтельство измѣны и вѣроломства: ибо Князь Тверскій обѣщался не сноситься съ Литвою, а въ письмѣ еще возбуждалъ Казимира противъ Иоанна. Несчастный Михаилъ отправилъ въ Москву Епископа и Князя Холмскаго съ извиненіями: ихъ не приняли. Иоаннъ велѣлъ Намѣстнику Новогородскому, Боярину Якову Захарьевичу, итти со всѣми силами ко Твери, а самъ, провождаемый сыномъ и братьями, выступилъ изъ Москвы 21 Августа со многочисленнымъ войскомъ и съ огнестрѣльнымъ снарядомъ (ввѣреннымъ искусному Аристотелю); Сентября 8 осадилъ Михаилову столицу и зажегъ предмѣстіе. Чрезъ два дни явились къ нему всѣ тайные его доброжелатели Тверскіе, Князья и Бояре, оставивъ Государя своего въ несчастіи. Михаилъ видѣлъ необходимость или спасаться бѣгствомъ или отданться въ руки Иоанну; рѣшился на первое, и ночью ушелъ въ Литву. Тогда Епископъ, Князь Михаилъ Холмскій съ другими Князьями, Боярами и земскими людьми, сохранивъ до конца вѣрность къ ихъ законному Властителю, отворили городъ Иоанну, вышли и поклонились ему какъ общему Монарху Россіи. Великій Князь послалъ Бояръ своихъ и Дьяковъ взять присягу съ жителей; запретилъ воинамъ грабить; 15 Сентября вѣхалъ въ Тверь, слушалъ Литургію въ храмѣ Преображенія, и торжественно объявилъ, что даруетъ сіе Княжество сыну, Иоанну Иоанновичу; оставилъ его тамъ, и возвратился въ Москву. Чрезъ нѣкоторое время онъ послалъ Бояръ своихъ въ Тверь, въ Старицу, Зубцовъ, Опоки, Клинъ, Холмъ, Новогородокъ, описать всѣ тамошнія земли и раздѣлить ихъ на сохи для платежа казенныхъ податей (²⁸⁶).

Столь легко исчезло бытіе Тверской знаменитой Державы, которая отъ временъ Святаго Михаила Ярославича имѣновалась *Великимъ Княженіемъ* и долго спорила съ Москвою о первенствѣ. Ея народъ, уступая другимъ Россіянамъ въ промышленности, славился мужествомъ и вѣрностю къ Государямъ. Князья Тверскіе имѣли до 40,000 коннаго войска; но будучи врагами Московскими, не хотѣли участвовать въ великомъ подвигѣ нашего освобожденія и тѣмъ лишились права на общее сожалѣніе въ ихъ бѣдствіи. Михаилъ Бори-

совичъ кончилъ дни свои изгнаникомъ въ Литвѣ, не оставивъ сыновей.

Иоаннъ извѣстилъ Матея, Короля Венгерскаго, о покореніи Твери, и велѣлъ сказать ему: „Я уже началь воевать съ Казимиромъ, ибо Князь Тверскій его союзникъ. Намѣстники мои заняли разныя мѣста въ Литовскихъ предѣлахъ, и Ханъ Менгли-Гирей, исполняя мою волю, огнемъ и мечемъ опустошаетъ Казимировы владѣнія. И такъ помогай мнѣ, какъ мы условились⁽²⁸⁷⁾“. Но Матея, отнявъ тогда у Императора знатную часть Австріи и Вѣну, хотѣлъ отдохновенія въ старости. „Душевно радуюсь“ — писалъ онъ къ Великому Князю — „успѣхамъ твоего Единовластія въ Россіи. Я готовъ исполнить договоръ и вступить въ землю общаго врага нашего, когда узнаю, что ты всѣми силами противъ него дѣйствуешь. Ожидая сей вѣсти“. Между тѣмъ, возбуждая другъ друга къ войнѣ Польской, они не начинали ее и занимались иными дѣлами.

Взявъ Тверь мечемъ, Иоаннъ грамотою присвоилъ себѣ присоединеніе Верейскаго Удѣла Князя Михаила Андреевича, Василій, женатый на Гречанкѣ Маріи, Софіиной племянницѣ, долженъ быть еще при жизни родителя выѣхать изъ отечества, бывъ виною раздора въ семействѣ Великокняжескомъ, какъ сказываетъ Лѣтописецъ⁽²⁸⁸⁾. Иоаннъ, въ концѣ 1483 года обрадованный рожденiemъ внука, имѣнемъ Димитрія⁽²⁸⁹⁾, хотѣлъ подарить невѣсткѣ, Еленѣ, драгоценное узорочье первой Княгини своей; узнавъ же, что Софія отдала его Маріи или мужу ея, Василію Михайловичу Верейскому, такъ разгневался, что велѣлъ отнять у него все женщино приданое и грозилъ ему темницею. Василій въ досадѣ и страхѣ бѣжалъ съ супругою въ Литву; а Великій Князь, объявивъ его навѣки лишеннымъ отцевскаго наслѣдія, клятвенною грамотою обязалъ Михаила Андреевича не имѣть никакого сообщенія съ сыномъ измѣнникомъ, и города Ярославецъ, Бѣлоозеро, Верею по кончинѣ своей уступить ему, Государю Московскому, въ потомственное владѣніе⁽²⁹⁰⁾. Михаиль Андреевичъ умеръ весною въ 1485 году⁽²⁹¹⁾, сдѣл-

давъ Великаго Князя наслѣдникомъ и душеприкащицомъ, не смѣвъ въ духовной ничего отказать сыну въ знакъ благословенія, ни иконы, ни креста, и моля единственно о томъ, чтобы Государь не пересуживалъ его судовъ (²⁹²).

Присоединяя Удѣлы къ Великому Княжению, Ioаннъ некоренялъ и всеѣ остатки сей несчастной для Государства системы. Ярославль уже давно зависѣлъ отъ Москвы, но его Князья еще имѣли особенные наследственныя права, несогласныя съ Единовластиемъ: они добровольно уступили ихъ Государю. Половина Ростова еще называлась отчиною тамошнихъ Князей, Владимира Андреевича, Ивана Ивановича, дѣтей ихъ и племянниковъ: они продали ее Великому Князю (²⁹³). — Симъ возстановилась цѣлость сѣверной Россійской Державы; какъ была она при Андреѣ Боголюбскомъ или Всеволодѣ III. Усиленное сверхъ того подданствомъ Новагорода и всѣхъ его обширныхъ владѣній, также Удѣловъ Муромскаго и иѣкоторыхъ Черниговскихъ, Великое Княженіе Московскаго было уже достойно имени Государства. Но Рязань еще сохранила видъ Державы особенной: любя сестру свою, Княгиню Анну, Ioаннъ позволялъ супругу и сыновьямъ ея господствовать тамъ независимо. Зять его, Василій Ивановичъ, преставился въ 1483 году, отказавъ большему сыну, Ивану, Великое Княженіе Рязанское, съ городами Переславлемъ, Ростиславлемъ и Пронскомъ, а Феодору меньшему — Переяславль и Старую Рязань съ третью доходовъ Переславскихъ. Сіи два брата жили мирно, слушаясь родительницы, которая брала себѣ четвертую часть изъ всѣхъ казенныхъ пошлинъ, и въ 1486 году заключили между собою договоръ (²⁹⁴), чтобы одному наслѣдовать посѣлъ другаго, если не будетъ у нихъ дѣтей, и чтобы никакимъ образомъ не отдавать своего Княжества въ иной родъ. Они боялись, кажется, чтобъ Государь Московскій не объявилъ себя ихъ наслѣдникомъ.

Новый блестящій успѣхъ пролавилъ оружіе Ioанново. Еще въ 1478 году Царь Казанскій, нарушивъ клятвенные обѣты, воевалъ зимою область Вятскую, приступалъ къ ся городамъ, опустошилъ села и вывелъ оттуда многихъ плѣн-

никовъ, будучи обманутъ ложною вѣстю, что Иоаннъ разбить Новогородцами и самъ-четверть ушелъ раненный въ Москву (²⁹⁵). Великій Князь отмстилъ ему весною: Устюжане и Вятчане выжгли селенія въ окрестностяхъ Камы; а Воевода Московскій, Василій Образецъ, на берегахъ Волги: онъ доходитъ изъ Нижнаго до самой Казани и приступилъ къ городу; но страшная буря заставила его удалиться. Царь Ибрагимъ просилъ мира, заключилъ его и скоро умеръ (²⁹⁶), оставилъ многихъ дѣтей отъ разныхъ женъ. Казань сдѣлалась єеатромъ несогласія и мятежа чиновниковъ: одни хотѣли имѣть Царемъ Магметъ-Амина, меньшаго Ибрагимова сына, коего мать, именемъ Нурсалтанъ, дочь Темирова, сочеталась вторымъ бракомъ съ Ханомъ Таврическимъ, Менгли-Гиреемъ (²⁹⁷); другіе держали сторону Алегама, старшаго сына, и съ помощью Ногаевъ возвели его на престолъ, къ неудовольствію Иоанна, который доброжелательствовалъ насынку своего друга, Менгли-Гирея, зналъ ненависть Алегамову къ Россіи и сверхъ того опасался тѣнаго союза Казани съ Ногаями. Юный Магметъ-Аминъ приѣхалъ въ Москву (²⁹⁸): Великій Князь далъ ему въ помѣстье Каширу и наблюдалъ всѣ движенія Алегамовы. Воеводы Московскіе стояли на границахъ; вступали иногда и въ Казанскую землю (²⁹⁹). Царь мирился; нелюбимый подданными, обѣщалярѣ быть намъ другомъ, обманывалъ и злодѣйствовалъ (³⁰⁰). Наконецъ, Иоаннъ, видя непримиримую его злобу, въ Апрѣль 1487 года послалъ Магметъ-Амина и славнаго Даниила Холмскаго съ сильною ратію къ Казани. Маія 18 Холмскій осадилъ ее: Іюля 9 взялъ городъ и Царя. Сю радостную вѣсть привезъ въ Москву Князь Федоръ Ряполовскій (³⁰¹): Иоаннъ велѣлъ пѣти молебны, звонить въ колокола, и съ умиленiemъ благодарили Небо, что Оно предало ему въ руки Мамутеково Царство, гдѣ отецъ его Василій Темный, лить слезы въ неволѣ. Но мысль, совершиенно овладѣть симъ древнимъ Болгарскимъ Царствомъ и присоединить оное къ Россіи, еще не представлялась ему или казалась неблагоразумною: народъ Вѣры Магометовой, духа ратнаго, беспокойнаго, не легко могъ быть

обузданъ властю Государя Христіанскаго, и мы еще не имѣли всегдашняго, непремѣнного войска, коему надлежало бы хранить страну завоеванную, обширную и многолюдную. Іоаннъ только назвался *Государемъ Болгаріи* (³⁰²), но далъ ей собственаго Царя: Холмскій его именемъ возвелъ Магметъ-Аминъ на престоль, казнилъ нѣкоторыхъ знатныхъ Улановъ или Князей, и присдалъ Алегама въ Москву, гдѣ народъ едва вѣрилъ глазамъ своимъ, видя Царя Татарскаго пленникомъ въ нашей столицѣ. Алегамъ съ двумя женами былъ сосланъ въ Вологду; а мать, братъ и сестры его въ Карголомъ на Бѣлозерѣ.

Снош-
вие съ
Ханомъ
Крым-
скимъ.

Іоаннъ немедленно увѣдомилъ о семъ счастливомъ происшествии Менгли-Гирея, и въ особенности Царицу Нуреалтанъ, умную, честолюбивую, желая, чтобы она, изъ благодарности за ея сына, имъ возведенаго, способствовала твердости союза между Россіею и Крымомъ (³⁰³). Сія искренняя, взаимная пріязнь не измѣнялась. Великій Князь увѣдомлялъ Менгли-Гирея о замыслахъ Хановъ Ордынскихъ, о частыхъ ихъ сношенияхъ съ Казимиромъ; и свѣдавъ, что они двинулись къ Тавридѣ, отрядилъ Казаковъ съ Нордоулатомъ, бывшимъ Царемъ Крымскимъ, на Улусы Золотой Орды; велѣлъ и Магметъ-Аминю тревожитъ ее нападеніями (³⁰⁴); совѣтовалъ также Менгли-Гирею возбудить Ногаевъ противъ сыновей Ахматовыхъ. Сообщеніе между Тавridoю и Россіею подвергалось крайнимъ затрудненіямъ, ибо Волжскіе Татары хватали въ степяхъ, кого встрѣчали, на берегахъ Оскола и Мерли: для того Іоаннъ предлагалъ Хану уставить новый путь черезъ Азовъ, съ условіемъ, чтобы Турки освобождали Россіянъ отъ всякой пошлины. Сія безопасность пути нужна была не только для государственныхъ сношеній и купцовъ, но и для иноzemныхъ художниковъ, вызываемыхъ Великимъ Княземъ изъ Италіи и єздившихъ въ Москву черезъ Кафу. Кромѣ обыкновенныхъ гонцевъ, отправлялись въ Тавриду и знаменитые Поэлы: въ 1486 году Семенъ Борисовичъ, въ 1487 Бояринъ Дмитрій Васильевичъ Шеинъ (³⁰⁵), съ ласковыми грамотами и дарами, весьма умѣренными; на примѣръ, въ 1486 году Іоаннъ послалъ Царю три шубы — рысью, кунью

и бѣличью — три соболя и корабельникъ, женѣ и его брату, Калгѣ Ямгурчею, по корабельнику, а дѣтямъ по червонцу. За то и самъ хотѣль даровъ: узнавъ, что Царица Нурсалтанъ достала славную Тохтамышеву жемчужину (которую, можетъ быть, сей Ханъ похитилъ въ Москвѣ при Димитріи Донскомъ) онъ неоступно требовалъ ее въ письмахъ и наконецъ получиль отъ Царицы. — Какъ истинный другъ Менгли-Гирея, Ioанинъ способствовалъ его союзу съ Королемъ Венгерскимъ, и не далъ ему сдѣлать важной политической ошибки. Сей случай достопамятенъ, показывая умъ Великаго Князя и простосердечie Хана. Братья Менгли-Гиреевы, Айдаръ и Нордоулатъ, добровольно прѣѣхавъ въ Россію, уже не имѣли свободы выѣхать оттуда. Ханъ Золотой Орды, Муртоза, желаль переманить Нордоулата къ себѣ и (въ 1487 году) прислать своего чиновника въ Москву съ письмами къ нему и къ Великому Князю, говоря первому: „Братъ и другъ мой, „сердцемъ праведный, величествомъ знаменитый, опора Бе- „сermenского Царства! ты вѣдаешь, что мы дѣти единаго „отца; предки наши, омраченные властолюбиемъ, возстали „другъ на друга: не мало было зла и кровопролитія; но раз- „доры утихли: слѣды крови омылися млекомъ, и пламень „вражды погасъ отъ воды любовной. Братъ твой, Менгли- „Гирей, снова возбудилъ междусобіе: за что Господь наказалъ „его столь многими бѣдствіями. Ты, краса отечества, живешь „среди невѣрныхъ: сего мы не можемъ видѣть спокойно, и „шлѣмъ твоему величеству тяжелый поклонъ съ лекимъ „даромъ чрезъ слугу, Щихъ-Баглула: открои ему тайны „свои мысли. Хочешь ли оставить страну злочестія? Мы пи- „шемъ о томъ къ Ивану. Гдѣ ни будешь, будь здравъ и „люби наше братство⁽¹⁰⁶⁾.“ Письмо къ Великому Князю со- „держало въ себѣ слѣдующее: „Муртозино слово Ивану. Знай, „что Царь Нордоулать всегда любилъ менѧ: отпусти его, да „возведу на Царство, свергнувъ моего злодѣя, Менгли-Гирея. „Удержи въ залогъ жену и дѣтей Нордоулатовыхъ: когда „онъ сядетъ на престолъ, тогда возмѣтъ ихъ у тебя добромъ „и любовю.“ Великій Князь посмѣялся надъ гордостю Мур-

Посоль-
ство
Мурто-
зы, ссы-
пав Ах-
матова,
въ Мор-
скому.

тозы; задержавъ его Посла, извѣстивъ о томъ Менгли-Гирея, и прибавилъ, что Король Польскій тайно зоветъ къ себѣ другаго брата Ханскаго, Айдара. Но Менгли-Гирей, не вѣсъма прозорливый, скучая множествомъ заботъ, самъ желалъ уступить Нордоулату половину трона, чтобы онъ, вмѣстѣ съ нимъ царствую, своимъ умомъ и мужествомъ облегчилъ ему тягость власти. „Отправь его ко мнѣ,“ писалъ Менгли-Гирей къ Иоани: „мы забудемъ прошедшее. Айдара же не боюсь: пусть „идетъ, куда хочетъ.“ Великій Князь отвѣтствовалъ, что не можетъ исполнить требованія столь неблагоразумнаго; что властолюбіе не знаетъ ни братства, ни благодарности; что Нордоулатъ, бывъ самъ Царемъ въ Тавридѣ, не удовольствуется частію власти, имѣя дарованія и многихъ единомышленниковъ; что долгъ пріязни есть остерегать пріятеля, и не соглашаться на то, что ему вредно⁽³⁰⁷⁾. Сіи представленія образумили и, можетъ быть, спасли Менгли-Гирея.

Посольство Ногай-
ск. 6.
г. 1408.

Несчастная судьба Алегама оскорбила Шибаинихъ и Ногайскихъ Владѣтелей, связанныхъ съ нимъ родствомъ: Царь Ивакъ, Мурзы Алачь, Муса, Ямгурчай и жена его, прислали въ Москву грамоты, убѣждая въ нихъ Иоана освободить сего пленника. Ивакъ писалъ къ Великому Князю: „Ты мнѣ „брать: я Государь Бесерменскій, а ты Христіанскій. Хочешь „ли быть въ любви со мною? отпусти моего брата, Алегама. „Какая тебѣ польза держать его въ неволѣ? Вспомни, что „ты, заключая съ нимъ договоры, обѣщалъ ему доброжелательство и пріязнь“. Мурзы извѣняли въ своихъ письмахъ болѣе смиренія, говоря, что они шлютъ Великому Князю *тяжелые поклоны съ легкимъ даромъ*, и ждутъ отъ него милости; что отцы ихъ жили всегда въ любви съ Государами Московскими; что обстоятельства удаляли Юртъ Иваковъ отъ предѣловъ Россіи, но что сей Царь, побѣдивъ недруговъ, снова къ ней приближался и хочетъ Иоанновой дружбы. Послы Ногайскіе желали еще, чтобы купцы ихъ могли свободно прѣѣзжать къ намъ и торговать вездѣ безъ пошлинъ. Государь вѣдѣль объявить имъ слѣдующій отвѣтъ: „Алегама, обманщикъ и клятвопреступника, мною свороженного не отпускаю:

„а другомъ вашимъ быть соглашаюсь, если Царь Ивакъ казнить разбойниковъ, людей Алегамовыхъ, которые у него живутъ и грабить землю мою и сына моего, Магметъ-Амина; „если возвратить все похищенное ими и не будетъ впредь терпѣть подобныхъ злодѣйствъ“. Въ ожиданіи сего требуемаго удовлетворенія Ioannъ задержалъ въ Москвѣ одного изъ Пословъ, отпустилъ другихъ, и велѣлъ, чтобы Ногайцы ъздили въ Россію всегда чрезъ Казань и Нижній, а не Мордовскою землею, какъ они прѣѣхали⁽³⁰⁸⁾. Сіи сношенія продолжались и въ слѣдующіе годы, представляя мало достопамятнаго для Исторіи. Видимъ только, что Орда Ногайская, кочуя на берегахъ Яика и близъ Тюменя, имѣла разныхъ Царей и сильныхъ Мурзъ или Князей Владѣтельныхъ; называясь ихъ другомъ, Ioannъ говорилъ съ ними языкомъ повелителя; дозволилъ Князю Мусѣ, внуку Эдигееву и племяннику Темирову, выдать dochь свою за Магметъ-Аминя, но же велѣлъ послѣднему выдавать сестры за сына Мурзы Ногайскаго, Ямгурчя, коего люди, вмѣстѣ съ жителями Астраханскими, грабили нашихъ рыболововъ на Волгѣ⁽³⁰⁹⁾; не смотря на всѣ убѣдительныя прозыбы Ногайскихъ Владѣтелей, держалъ Алегама въ неволѣ, отвѣтствуя: „изъ уваженія къ вамъ даю „ему всякую льготу;“ посыпалъ къ немъ гонцевъ и дары, Ипрскія сукна, кречетовъ, рыбы зубы, не забывая и женъ ихъ, которая въ своихъ припискахъ именовались его *сестрами*; но, строго наблюдая пристойность въ Дворскихъ обрядахъ и различая Пословъ, Великій Князь изъяснялся съ Ногайскими единственно черезъ второстепенныхъ сановниковъ, Казначеевъ и Дьяковъ. Главною цѣлію Ioannовой Политики въ разсужденіи сего кочеваго народа было возбуждать его противъ Ахматовыхъ сыновей и не допускать до впаденія въ землю Казанскую, гдѣ Магметъ-Аминъ царствовалъ какъ присяжникъ и *данникъ* Россіи; ибо въ тогданихъ бумагахъ находимъ жалобу Магметъ-Амина на чиновника Московскаго, Феодора Киселева, который сверхъ обыкновенныхъ пошлинъ взялъ у жителей Щывильской области нѣсколько кадокъ меда, лошадей, куницъ, бобровъ, лисицъ шкуръ и проч.⁽³¹⁰⁾.

Покорение
Вятки.

Подчинивъ себѣ Казань, Государь утвердилъ власть свою надъ Вяткою. Въ то время, когда Холмскій дѣйствовалъ противъ Алегама, беспокойный ея народъ, не менѣе своихъ братьевъ, Новогородцевъ, привязанный къ древнимъ уставамъ вольности, изъявилъ непослушаніе, и выгналъ Намѣстника Великокняжескаго. Не смотря на многочисленность войска, бывшаго въ Казанскомъ походѣ, Иоаннъ имѣлъ еще иное въ готовности, и послалъ Воеводу, Юрия Шестака-Кутузова, смирить мятежниковъ; но Вятчане умѣли обольстить Кутузова: принявъ ихъ оправданіе, онъ возвратился съ миромъ⁽³¹¹⁾. Великій Князь назначилъ другихъ Полководцевъ, Князя Даниила Щеню и Григорья Морозова, которые съ 60,000 воиновъ приступили къ Хлынову. Жители обѣщались повиноваться, платить дань и служить службы Великому Князю, но не хотѣли выдать главныхъ виновниковъ бунта: Аникіева, Лазарева и Богодайщиковъ. Воеводы грозили огнемъ: велѣли окружить городъ плетнями, а плетни берестомъ и смолою. Оставалось нѣсколько минутъ на размышеніе: Вятчане представили Аникіева съ товарищами, коихъ немедленно послали окованныхъ къ Государю. Народъ присягнулъ въ вѣрности. Ему дали новый уставъ гражданскій, согласный съ Самодержавiemъ, и вывели оттуда всѣхъ нарочитыхъ земскихъ людей, гражданъ, купцовъ съ женами и дѣтьми въ Москву⁽³¹²⁾. Иоаннъ посыпалъ земскихъ людей въ Боровскъ и въ Кременцѣ, купцевъ въ Дмитровѣ, а трехъ виновнѣйшихъ мятежниковъ казнилъ: чѣмъ и пресеклось бытіе сей достопамятной народной Державы, основанной выходцами Новогородскими, въ исходѣ втораго надесятия вѣка⁽³¹³⁾, среди пустынь и лѣсовъ, гдѣ въ тишинѣ и неизвѣстности обитали Вотяки съ Черемисами. Долго Исторія молчала о Вяткѣ: малочисленный ея народъ, управляемый законами Демократіи, строилъ жилища и крѣпости, пахалъ землю, ловилъ звѣрей, отражалъ нападенія Вотяковъ, и мало по малу усиливаясь размноженіемъ людей, болѣе и болѣе успѣвая въ гражданскомъ хозяйствѣ, вытѣснилъ первобытныхъ жителей изъ мѣстъ привольныхъ, загналъ ихъ во глубину болотистыхъ лѣсовъ, овладѣлъ всею землею между Камою и Югомъ, устьемъ

Вятки и Сысолою; началъ торговатъ съ Пермяками, Казанскими Болгарами, съ восточными Новогородскими и Великокняжескими областями; но еще не довольный выгодами купечества, благопріяствуемаго рѣкамъ судоходными, сдѣлался ужасенъ своими дерзкими разбоями, не щадя и самыхъ единоплеменниковъ. Вологда, Устюгъ, Двинская земля опасались сихъ Русскихъ Нормановъ столько же, какъ и Болгарія; легкія вооруженные суда ихъ непрестанно носились по Камѣ и Волгѣ. Въ исходѣ XIV вѣка уже часто упоминается въ лѣтописяхъ о Вяткѣ. Полководецъ Тохтамыша выжегъ ея города: сынъ Донского присвоилъ себѣ власть надъ оною, внукъ стѣснилъ тамъ вольность народную, правнукъ уничтожилъ наївки. Воеводы Иоанновы вмѣстѣ съ Вяткою покорили и землю *Арскую* (гдѣ нынѣ городъ Арскъ); сія область древней Болгаріи имѣла своихъ Князей, взятыхъ тогда въ пленъ и приведенныхъ въ Москву: Государь отпустилъ ихъ назадъ, обязавъ клятвою подданства.

Среди блестящихъ дѣяній государственныхъ, означенованныхъ мудростью и счастіемъ Вѣнценосца, онъ былъ пораженъ несчастіемъ семейственнымъ. Достойный наследникъ Великаго Князя, Иоаннъ Младый, любимый отцемъ и народомъ, пылкій, мужественный въ опасностяхъ войны, въ 1490 году занемогъ ломотою въ ногахъ (что называли тогда *камчюгою*) (³¹³). За нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ сыновья Рала Палеолога, бывъ въ Италии, привезли съ собою изъ Венеции, вмѣстѣ съ разными художниками, лекаря, именемъ Мистра Леона, родомъ Жидовина (³¹⁵): онъ взялся вылечить больнаго, сказавъ Государю, что ручается за то свою головою. Иоаннъ повѣрилъ и велѣлъ ему лечить сына. Сей Медикъ, болѣе смѣлый, нежели искусный, жегъ больному ноги стеклянными сосудами, наполненными горячею водою, и давать пить какое-то зелѣ. Недугъ усилился: юный Князь, долго страдавъ, къ неописанной скорби отца и подданныхъ скончался, имѣвъ отъ рожденія 32 года (³¹⁶). Иоаннъ немедленно приказалъ заключить Мистра Леона въ темницу и черезъ шесть недѣль казнилъ всенародно на Болвановѣ за Москвою рѣкою (³¹⁷). Въ семъ, для насъ жестокомъ дѣлѣ народъ видѣлъ одну справедливость: ибо Леонъ обма-

Зане-
вание
земли
Арской.

Кончи-
на Иоан-
на Мла-
даго.
Г. 14 о.

Казнь
Болван.

иуль Государя и самъ себя обрекъ на казнь. Такую же участь имѣть въ 1485 году и другой врачъ, Нѣмецъ Антонъ, лекарствами уморивъ Князя Татарскаго, сына Даніярова: онъ былъ выданъ роднымъ головою и зарѣзанъ ножемъ подъ Москворѣцкимъ мостомъ, къ ужасу всѣхъ иноземцевъ, такъ, что и славный Аристотель хотѣлъ немедленно уѣхать изъ Россіи: Иоаннъ разгневался и велѣлъ заключить его въ домѣ; но скоро простили (³¹⁸).

Соборъ
на ере-
никовъ
Жидов-
скихъ

Строгій въ наказаніи бѣдныхъ неискусныхъ врачей, сей Государь въ то же время изъявилъ похвальную умѣренность въ случаѣ важномъ для Вѣры, въ расколѣ столь бѣдственномъ, по выражению современника, Св. Іосифа Волоцкаго, что благочестивая земля Русская не выдала подобнаго соблазна отъ вѣка Ольгина и Владимірова. Разскажемъ обстоятельства. Былъ въ Киевѣ Жидъ именемъ Схарія, умомъ хитрый, языкомъ острый: въ 1470 году прїехавъ въ Новгородъ съ Княземъ Михаиломъ Олельковичемъ, онъ умѣлъ обольстить тамъ двухъ Священниковъ, Діонисія и Алексія; уѣрилъ ихъ, что законъ Моисеевъ есть единій Божественный; что Исторія Спасителя выдумана; что Христосъ еще не родился; что не должно поклоняться иконамъ, и проч. Завелась Жидовская ересь (³¹⁹), Попъ Алексій называлъ себя Авраамомъ, жену свою Саррою, и развратилъ, вмѣстѣ съ Діонисиемъ, многихъ Духовныхъ и мірянъ, между коими находился Протоіерей Софійской Церкви, Гавріїлъ, и сынъ знатнаго Боярина, Григорій Михайловичъ Тучинъ. Но трудно понять, чтобы Схарія могъ столь легко размножить число своихъ учениковъ Новогородскихъ, если бы мудрость его состояла единственно въ отверженіи Христіанства и въ прославлении Жидовства: Св. Іосифъ Волоцкій даетъ ему имя *Астролога и чернокнижника*: и такъ вѣроятно, что Схарія обольщалъ Россіянъ Іудейскою Каббалою, наукою прѣнительною для невѣждъ любопытныхъ и славною въ XV вѣкѣ, когда многіе изъ самыхъ ученыхъ людей (на примѣръ, Иоаннъ Пикъ Мирандольскій) искали въ ней разрешенія всѣхъ важнѣшихъ загадокъ для ума человѣческаго. Каббалисты хвалились древними преданіями, будто бы дошедшиими до нихъ отъ Моисея;

многие уверяли даже, что имѣютъ книгу, полученнюю Адамомъ отъ Бога, и главный источникъ Соломоновой мудрости: что они знаютъ всѣ тайны Природы, могутъ изъяснять сновидѣнія, угадывать будущее, повелѣвать Духами; что сею наукой Моисей воожествовалъ надъ Египетскими волхвами, Илія повелѣвалъ огнемъ небеснымъ, Даніилъ смыкалъ челюсти львамъ; что Ветхій Завѣтъ исполненъ хитрыхъ иносказаній, объясняемыхъ Каббалою; что она творитъ чудеса посредствомъ иѣкоторыхъ словъ Библіи, и проч. Не удивительно, если сіи внушенія произвели сильное дѣйствіе въ умахъ слабыхъ, и хитрый Жидъ, овладѣвъ ими, уверялъ ихъ въ томъ, что Мессія еще не являлся въ мірѣ.—Внутренно отвергая святыню Христіанства, Новгородскіе еретики соблюдали наружную пристойность, казались смиренными постниками, ревностными въ исполненіи всѣхъ обязанностей благочестія, такъ, что Великій Князь въ 1480 году взялъ Поповъ Алексія и Діонисія въ Москву, какъ Паstryрей отличныхъ достоинствами: первый сдѣлался Протоіереемъ храма Успенскаго, а второй Архангельскаго. Съ ними перешель туда и расколъ, оставивъ корень въ Новгородѣ. Алексій снискалъ особенную милость Государя, имѣль къ нему свободный доступъ, и тайнымъ своимъ учениемъ прельстилъ Архимандрита Симоновскаго, Зосиму, Ионка Захарію, Дьяка Великокняжескаго Федора Курицына и другихъ. Самъ Государь, не подозрѣвая ереши, слыхалъ отъ него рѣчи двусмысленныя, таинственныя: въ чемъ послѣ каялся наединѣ Святому Іосифу, говоря, что и невѣстка его, Княгиня Елена, была вовлечена въ сей Жидовскій расколъ однимъ изъ учениковъ Алексіевыхъ, Иваномъ Максимовымъ (³²⁰). Между тѣмъ Алексій до конца жизни пользовался довѣренностью Государя, и всегда хвала ему Зосиму, своего единомышленника, былъ главною виною того, что Ioannъ, по смерти Митрополита Геронтія, возвелъ сего Архимандрита Симоновскаго (въ 1490 году) на степень Первовосвятителя (³²¹). „Мы увидѣли“ — пишетъ Іосифъ — „чадо Сатаны на престолѣ Угодниковъ Божіихъ Петра и Алексія; увидали хищнаго волка въ одѣждѣ „мириаго Паstryря“. Тайный Жидовинъ еще скрывался подъ лицою Христіанскихъ добродѣтелей,

Наконецъ Архієпископъ Геннадій открылъ ересь въ Новгородѣ: собравъ всѣ обѣ ней извѣстія и доказательства, приспалъ дѣло на судъ Государю и Митрополиту вмѣсть съ виновными, большою частію Попами и Діаконами; онъ наименовалъ и Московскихъ ихъ единомышленникомъ, кромѣ Зосимы и Дьяка Федора Курицына. Государь призвалъ Епископовъ, Тихона Ростовскаго, Ниѳонта Сузdalскаго, Симеона Рязанскаго, Вассіана Тверскаго, Прохора Сарскаго, Филофея Пермскаго, также многихъ Архимандритовъ, Игуменовъ, Священниковъ, и велѣлъ Соборомъ изслѣдоватъ ересь (³²²). Митрополитъ предсѣдательствовалъ. Съ ужасомъ слушали Геннадіеву обвинительную грамоту: самъ Зосима казался изумленнымъ. Архієпископъ Новогородскій доносилъ, что еіи отступники злословятъ Христа и Богоматерь, пллюютъ на кресты, называютъ иконы болванами, *трызутъ оныя зубами*, поворгаютъ въ мѣста нечистыя, не вѣрятъ ни Царству Небесному, ни воскресенію мертвыхъ, и безмолвствуя при усердныхъ Христіанахъ, дерзостно развращаютъ слабыхъ. Призвали обвиняемыхъ: Инона Захарію, Новогородскаго Протопона Гавриила, Священника Діонисія и другихъ (глава ихъ, Алексій, умеръ года за два до сего времени). Они во всемъ занерлися (³²³); но свидѣтельства, Новогородскія и Московскія, были не сомнительны. Нѣкоторые думали, что уличенныхъ надобно пытать и казнить: Великій Князь не захотѣлъ того, и Соборъ, дѣйствующа согласно съ его волю, проклялъ ересь, а безумныхъ еретиковъ осудилъ на заточеніе (³²⁴). Такое наказаніе по суровости вѣка и по важности разврата было весьма человѣколюбиво. Многіе изъ осужденныхъ были посланы въ Новгородъ: Архієпископъ Геннадій велѣлъ посадить ихъ на коней, лицемъ къ хвосту, въ одѣждѣ вывороченной, въ шлемахъ берестовыхъ, острыхъ, какіе изображаются на бѣсахъ, съ мочальными кистями, съ вѣнцемъ соломеннымъ и съ надписью: *се есть Сатанино воинство!* Такимъ образомъ возили сихъ несчастныхъ изъ улицы въ улицу; народъ плевать имъ въ глава, восклицая: *се враги Христовы!* и въ заключеніе сжегъ у нихъ на головѣ шлемы. Тѣ, которые хвалили сіе

дѣйствіе какъ достойное ревности Христіанской, безъ сомнѣнія осуждали умѣренность Великаго Князя, не хотѣвшаго употребить ни меча, ни огня для истребленія ереси. Онъ думалъ, что клятва Церковная достаточна для отвращенія людей слабыхъ отъ подобныхъ заблужденій.

Но Зосима, не дерзнувъ на Соборъ покровительствовать своимъ обличеннымъ тайныхъ друзей, остался въ душѣ еретикомъ; соблюдая наружную пристойность, скрыто вредилъ Христіанству, то изъясняя ложно Св. Писаніе, то будто бы съ удивленіемъ находя въ немъ противорѣчія; иногда же, въ порывѣ искренности, совершенно отвергая ученіе Евангельское, Апостольское, Святыхъ Отцевъ, говорилъ пріятелямъ: „что „такое Царство Небесное? что второе пришествіе и воскресеніе мертвыхъ? кто умеръ, того нѣть и не будетъ.“ Придворный Дьякъ Федоръ Курицынъ и многіе его сообщники также дѣйствовали во мракѣ; имѣли учениковъ; толковали Астрологію, Іудейскую мудрость, ослабляя въ сердцахъ Вѣру истинную. Духъ суетнаго любопытства и сомнѣнія въ важнѣйшихъ истинахъ Христіанства обнаруживался въ домахъ и на торжищахъ: Инон и свѣтскіе люди спорили о Естествѣ Спасителя, о Троицѣ, о святости иконъ, и проч. Всѣ зараженные ересью составляли между собою нѣкоторый родъ тайного общества, коего гнѣздо находилось въ палатахъ Митрополитовыхъ: тамъ они сходились умствовать и пировать. — Ревностные враги ихъ заблужденій были предметомъ гоненія: Зосима удалилъ отъ церкви многихъ Священниковъ и Диаконовъ, которые отличались усердіемъ къ православію и ненавистью къ Жидовскому расколу. „Не должно (говорилъ онъ) „злобиться и на еретиковъ: Пастыри духовные да проповѣдуютъ только миръ!“

Такъ повѣствуетъ Св. Іосифъ, основатель и начальникъ монастыря Волоколамскаго, Историкъ, можетъ быть, не совсѣмъ безпристрастный: по крайней мѣрѣ смѣлый, неустрашимый противникъ ереси: ибо онъ еще во время Зосимина Первовсвятительства дерзалъ облечить ее, какъ то видимъ изъ письма его къ Сузdalскому Епископу, Ниѳонту. „Сокрылись

отъ насть“ — пишетъ Иосифъ — „отлетѣли ко Христу древніе „орлы Вѣры, Святители добродѣтельныя, коихъ гласъ воз- „вѣщалъ истину въ саду Церкви, и которые истерзали бы „когтями всякое око, не право зряще на божественность Спа- „сителя. Нынѣ ишпигъ тамо змій лагубный, изрыгая хулу „на Господа и Его Матерь (³²⁵)“. Онъ заклинаетъ Нифона очистить Церковь отъ неслыханного дотолѣ облазна, открыть глаза Государю, свергнуть Зосиму: что и совершилось. Увѣ-
Сверже-
ние Ми-
тропо-
лита.
рился ли Великий Князь въ расколѣ Митрополита, неизвѣстно; но въ 1494 году, безъ суда и безъ шума, велѣль ему какъ бы добровольно удалиться въ Симоновъ, а оттуда въ Троиц-
кій монастырь, за то, какъ сказано въ лѣтописи, что сей Первосвятитель не радѣль о Церкви и любилъ вино (³²⁶). Благоразумный Иоаннъ не хотѣль, можетъ быть, облазнить Россіянъ всенароднымъ осужденiemъ Архипастыря, имъ избра-
наго, и для того не огласилъ его дѣйствительной вины.

Набра-
ни по-
ваго.
Преемникъ Зосимы въ Митрополіи былъ Игумень Троиц-
кій, Симонъ. Здѣсь Лѣтописцы сообщаютъ намъ иѣкоторыя, весьма любопытныя обстоятельства. Когда Владыки Россійскіе въ Великокняжеской Думѣ нарекли Симона достойнымъ Первосвятительства, Государь пошелъ съ нимъ изъ Дворца въ церковь Успенія, провождаемый сыновьями, внукомъ, Еписко-
пами, вѣми Боярами и Дьяками. Поклонились иконамъ и гробамъ Святительскимъ; пѣли, читали молитвы и тропари. Иоаннъ взялъ будущаго Архипастыря за руку, и выходя изъ церкви, въ западныхъ дверяхъ *предалъ* Епископамъ, которые отвели его въ домъ Митрополитовъ. Тамъ, отпустивъ ихъ съ благословеніемъ, сей скромный мужъ обѣдалъ съ Июками Троицкаго монастыря, съ своими Боярами и Дѣтьми Бояр-
скими. Въ день посвященія онъ Ѵхалъ на *осляти*, коего вель знатный сановникъ Михайло Русалка. Совершились обря-
ды, и новый Митрополитъ долженъ былъ ити на свое мѣсто. Вдругъ священнодѣйствіе остановилось; пѣніе умолкло: взоры Духовенства и Вельможъ устремились на Иоанна. Государь выступилъ и громогласно сказалъ Митрополиту: „Всемогущая „и Животворящая Святая Троица, дарующая намъ Государство

„всех Руи, подаетъ тебѣ сей великий престолъ Архіерейства
„руковозложеніемъ Архіепископовъ и Епископовъ нашего Цар-
„ства. Военримъ жезль Пастырства; взыди на съдалище
„старѣйшинства во имя Господа Иисуса; моли Бога о насть —
„и да подастъ тебѣ Господь здравіе со многоденствомъ.“
Тутъ хоръ иѣвчихъ возгласилъ *Исполаэти Доспога*. Мит-
рополитъ отвѣтствовалъ: „Всемогущая и вседержащая десница
„Вышнаго да сохранитъ мирно твоє Богооставленное Царство,
„Самодержавный Владыко! да будетъ оно многолѣтно и по-
„бѣдительно со всѣми новицющими тобѣ Христолюбивыми
„воинствами и народами! Во вся дни живота твоего буди
„здравъ, твори добро, о Государь Самодержавный!“ Иѣвчіе
возгласили Иоанну многолѣтіе.— Великіе Князья всегда распо-
лагали Митрополію, и иѣть примѣра въ нашей Исторіи, чтобы
власть духовная спорила съ ними о семъ важномъ правѣ;
но Иоаннъ хотѣть утвердить оное священнымъ обрядомъ: съмъ
указать Митрополиту престолъ, и торжественно дѣйствовалъ
въ храмѣ: чего мы доселѣ не видали.

Къ успокоенію правовѣрныхъ, новый Митрополитъ рев-
ностно старался искоренить Жидовскую ересь; еще ревностнѣе
Госифъ Волоцкій, который, имѣя доступъ къ Государю, тре-
бовалъ отъ него, чтобы онъ велѣлъ по всѣмъ городамъ искать
и казнить еретиковъ. Великій Князь говорилъ, что надобно
истреблять развратъ, но безъ казни, противной духу Хри-
стіанства; иногда, выводимый изъ терпѣнія, приказывалъ Госифу
умолкнуть; иногда обѣщалъ ему подумать (³²⁷), и не могъ
рѣшился на жестокія средства, такъ, что многіе дѣйстви-
тельные или мнімые еретики умерли спокойно; а знатный
Дьякъ Федоръ Курицынъ еще долго пользовался довѣренностью
Государя и бывъ употребляемъ въ дѣлахъ Носольскихъ (³²⁸).

ГЛАВА V.

Продолженіе государствованія Іоанна.

Г. 1491—1496.

Заключеніе Андрея, Іоаннова брата. Смерть его и Бориса Василіевича. Посольство Императора Римскаго и яши къ нему. Открытие Печерскихъ рудниковъ. Посольство Датское. Чагатайское, Иверское. Первое дружелюбное сношеніе съ Султаномъ. Посольства въ Крымъ. Литовскія дѣла. Смерть Казимира: сынъ его, Александръ, на тронѣ Литовскомъ. Непріятельскія дѣйствія противъ Литвы. Переговоры о мирѣ и сватовствѣ. Злоумышленіе на жизнь Іоаннову. Посольство Князя Мазовецкаго въ Москву. Миръ съ Литвою. Іоаннъ отдаетъ dochь сою. Елену, за Александра. Новыя неудовольствія между Россіею и Литвою,

Г. 1491.
1493.
Заключеніе
Андрея,
Іоаннова
брата.

Обратимся къ государственнымъ происшествіямъ.— Великій Князь жилъ мирно съ братьями до кончины матери, Инокини Мареи: она преставилась въ 1484 году (³²⁹), и съ того времени началось взаимное подозрѣніе между ими. Андрей и Борисъ не могли привыкнуть къ новому порядку вещей и досадовали на властолюбіе Іоанна, который, непрестанно усиливая Государство Московское, не давалъ имъ части въ своихъ пріобрѣтеніяхъ. Лишенные защиты и посредничества любимой, уважаемой родительницы, они боялись, чтобы Великій Князь не отнялъ у нихъ и наслѣдственныхъ Удѣловъ. Іоаннъ также, зная сіе внутреннее расположение братьевъ, помня ихъ бѣгство въ Литву и наглые злодѣйства въ предѣлахъ Россійскихъ, не имѣлъ къ нимъ ни довѣрности, ни любви; но соблюдалъ пристойность, не хотѣлъ быть явнымъ утѣшителемъ, и въ 1486 году обязался новою договорною грамотою не присвоивать себѣ ни Андреевыхъ, ни Борисовыхъ городовъ, требуя, чтобы сіи Князья не входили въ переговоры съ Казимиромъ, съ Тверскими изгнаниникомъ Михаиломъ, съ Литовскими Панами, Новогородцами, Псковитянами, и немедленно сообщали ему всѣ письма (³³⁰). Слѣдственно Іоаннъ опасался тайной связи между братьями, Литвою и тѣми Россіянами, которые не любили Самодержавія: можетъ быть и знать

объ ней, желая прервать оную или въ противномъ случаѣ не оставить братьямъ уже никакого извиненія. Еще они съ обѣихъ сторонъ удерживались отъ явныхъ знаковъ взаимнаго недоброжелательства, когда Андрею Василіевичу сказали, что Великій Князь намѣренъ взять его подъ стражу: Андрей хотѣлъ бѣжать; одумался, и велѣлъ Московскому Боярину, Ивану Юрьевичу, спросить у Государя, чѣмъ онъ заслужилъ гибѣть его? Бояринъ не дерзнулъ вмѣшаться въ дѣло столь опасное. Андрей самъ пришелъ къ брату, и хотѣлъ знать вину свою. Великій Князь изумился: ставилъ Небо во свидѣтели, что не думалъ сдѣлать ему ни малѣйшаго зла, и требовалъ, чтобы онъ наименовалъ клеветника. Андрей сослался на своего Боярина, Образца: Образецъ на слугу Ioannova, Mунта Tатищева: а послѣдній признался, что сказалъ то единственno въ шутку. Государь, успокоивъ брата, далъ повелѣніе отрѣзать Tатищеву языкъ: ходатайство Митрополитово спасло несчастнаго отъ сей казни; однакожъ его высѣкли кнутомъ (³³¹). Въ 1491 году Великій Князь послалъ войско противъ Ордынскихъ Царей, Сеидъ-Ахмута и Шигъ-Ахмета, которые хотѣли итти на Тавриду, но удалились отъ ея границъ, свѣдавъ, что Московская рать уже стоитъ на берегахъ Дона. Полководцы Ioannovy, Царевичъ Салтаганъ, сынъ Нордоулатовъ, и Князья Оболенскіе, Петръ Никитичъ и Рѣпинъ, возвратились, не сдѣлавъ ничего важнаго (³³²). Въ семъ походѣ долженствовали участвовать и братья Великаго Князя; но Андрей не прислалъ вспомогательной дружины къ Салтагану. Ioannъ скрылъ свою досаду. Осеню, Сентября 19, прїѣхавъ изъ Углица въ Москву, Андрей былъ цѣлый вечеръ во дворцѣ у Великаго Князя. Они казались совершенными друзьями: бесѣдовали искренно и весело. На другой день Ioannъ черезъ Дворецкаго, Князя Петра Шастунова, звалъ брата къ себѣ на обѣдъ, встрѣтилъ ласково, поговорилъ съ нимъ, и вышелъ въ другую комнату, отославъ Андреевыхъ Бояръ въ столовую гридню, гдѣ ихъ всѣхъ немедленно взяли подъ стражу. Въ то же время Князь Симеонъ Ивановичъ Ряполовскій со многими иными Вельможами явился передъ Андреемъ, хотѣлъ говорить и не могъ

яено произнести ни одного слова, заливаясь слезами; наконец дрожащимъ голосомъ сказалъ: *Государь Князь Андрей Василевич!* поиманъ еси Богомъ, да Государемъ Великимъ Княземъ, Иваномъ Василевичемъ, всея Руси, братомъ твоимъ старшшимъ. Андрей встать и съ твердостю отвѣтствовалъ: „*воленъ Богъ, да Государь братъ мой; а Все-вышній разсудитъ насъ въ томъ, что лишаюся свободы безвинно.*“ Андрея свели на Казенный дворъ, оковали цѣнами, и приставили къ нему многочисленную стражу, состоящую изъ Князей и Бояръ; двухъ его сыновей, Ивана и Дмитрия, заключили въ Переяславль; дочерей оставили на свободѣ (³³³): Удѣль же ихъ родителя присоединили къ Великому Княжению. Чтобы оправдать себя, Ioannъ объявилъ Андрея измѣнникомъ: ибо Сей Князь, нарушивъ клятвенный обѣтъ, замышлялъ возстать на Государя съ братьями Юріемъ, Борисомъ и съ Андреемъ Меньшимъ, переписывался съ Казимиромъ и съ Ахматомъ, наводя ихъ на Россію; вмѣстѣ съ Борисомъ уѣзжалъ въ Литву; наконецъ ослушался Великаго Князя и не послалъ Воеводъ своихъ противъ Сенда-Ахмута (³³⁴). Только послѣдняя вина имѣла видъ справедливости: другія, какъ старшия, были заглажены миромъ въ 1479 году; или надлежало уличить Андрея, что онъ уже послѣ того писалъ къ Казимиру. Однимъ словомъ, Ioannъ въ семъ случаѣ поступилъ жестоко, оправдываясь, какъѣроятно, въ собственныхъ глазахъ извѣстною строптивостю Андрея, государственною пользою, требующею безпркословнаго Единовластія и примѣромъ Ярослава I, который также заключилъ брата.—Государь тогда же потребовалъ къ себѣ и Бориса Василевича: сей Князь съ ужасомъ и трепетомъ явился въ Московскому дворцѣ, но черезъ три дни былъ съ милостюю отпущенъ назадъ въ Волокъ (³³⁵). Андрей въ 1493 году умеръ въ темницѣ, къ горести Великаго Князя, по уѣренію Лѣтописцевъ. Разсказываютъ, что онъ (въ 1498 году) призвавъ Митрополита и Епископовъ во дворецъ, встрѣтилъ ихъ съ лицомъ печальнымъ, безмолствовалъ, заплакалъ и началъ смириенно каяться въ своей жестокости, бывъ виной жалостной, безвременной кончины брата.

Смерть
Андрея
и Бори-
са Васи-
левича.

Митрополить и Еписконы сидѣли: Государь стоялъ передъ ними и требовалъ прощенія. Они успокоили его совѣсть: отнутили ему грѣхъ, но съ пастырскимъ душепасительнымъ увѣща-⁽³³⁶⁾ніемъ. — Борисъ Василіевичъ также скоро преставился. Сыновья его, Феодоръ и Иванъ, наслѣдовали достояніе родителя. Въ 1497 году они уступили Великому Князю Коломенскія и другія села, взявъ за нихъ Тверскія. Иванъ Борисовичъ, умирая въ 1503 году, отказалъ Государю Рузу и половину Ржева, вмѣстѣ съ его *воинскою ружлядью*, доспѣхами и конями ⁽³³⁷⁾. Такъ въ Государствѣ Московскому исчезали всѣ особенные наслѣдственные власти, уступая Великокняжеской.

Между тѣмъ и вѣнчанія политическія отношенія Россіи болѣе и болѣе возвышали достоинство ся Монарха. Послы Ольгіны находились въ Германіи, при Оттонѣ I, а Нѣмец-
кіе въ Кіевѣ около 1075 года; Изяславъ I и Владімѣръ Галицкій искали покровительства Римскихъ Императоровъ; Генрикъ IV былъ женатъ на Княжнѣ Россійской, и Фрид-
рихъ Барбаруссауважалъ Всеволода III ⁽³³⁸⁾: но съ того вре-
мени мы не имѣли сообщенія съ Имперію, до 1486 года, когда знатный Рыцарь, именемъ Николай Поппель, прѣѣхалъ въ Москву съ письмомъ Фридриха III, безъ всяаго особы-
наго порученія, единственно изъ любопытства. „Я видѣлъ“ —
говорилъ онъ — „всѣ земли Христіанскія и всѣхъ Королей;
„желаю узнать Россію и Великаго Князя ⁽³³⁹⁾“. Бояре ему не вѣрили и думали, что сей иноземецъ съ какимъ-нибудь злымъ намѣреніемъ подосланъ Казимиромъ Литовскимъ; однакожъ Поппель, удовлетворивъ своему любопытству, благопо-
лучно выѣхалъ изъ Россіи, и чрезъ два года возвратился въ качествѣ Посла Императорскаго съ новою грамотою отъ Фри-
дриха и сына его, Короля Римскаго, Максимилиана, писанною въ Ульмѣ 26 Декабря, 1488 года. Принятый ласково, онъ въ первомъ свиданіи съ Московскими Боярами, Княземъ Ива-
номъ Юрьевичемъ: Даніломъ Холмскимъ и Яковомъ Захарь-
евичемъ, говорилъ слѣдующее: „Выѣхавъ изъ Россіи, я на-
шель Императора и Князей Германскихъ въ Нюренбергѣ;
„бесѣдоваль съ ними о странѣ вашей, о Великомъ Князѣ.

Посоль-
ство
Импера-
тора
Рим-
скаго и
наши-
къ по-
му.

„и вывелъ ихъ изъ заблужденія: они думали, что Іоаннъ есть „даникъ Казимиrowъ. *Нѣтъ*, сказаъ я: *Государь Москов-скій сильнѣ и богатѣе Польскаго; Держава его неиз-мѣрима, народы многочисленны, мудрость знаменита.* „Однимъ словомъ, самый усерднѣйшій изъ слугъ Іоанновыхъ „не могъ бы говорить объ немъ иначе, ревностнѣе и спра-ведливѣе. Меня слушали съ удивленіемъ, особенно Импера-торъ, въ часъ обѣда ежедневно разговаривая со мною. На-конецъ сей Монархъ, желая быть союзникомъ Россіи, велѣлъ „мнѣ ѻхать къ вамъ Посломъ со многочисленною дружиною. „Еще ли не вѣрите истинѣ моего званія? За два года я „казался здѣсь обманщикомъ, ибо имѣлъ съ собою только „двухъ служителей. Пусть Великій Князь пошлетъ собствен-наго чиновника къ моему Государю: тогда не останется ни „малѣшаго сомнѣнія“. Но Іоаннъ уже вѣрилъ Послу, ко-торый именемъ Фридериковымъ предложилъ ему выдать его дочь, Елену или Феодосію, за Албрехта, Маркграфа Баден-скаго, племянника Императора, и желалъ видѣть невѣсту. Великій Князь отвѣтствовалъ ему черезъ Дьяка, Феодора Ку-рицына, что вмѣстѣ съ нимъ отправится въ Германію Посоль Россійскій, коему велѣно будетъ изъясниться о семъ съ Им-ператоромъ, и что обычай наши не дозволяютъ прежде вре-мени показывать юныхъ дѣвицъ женихамъ или сватамъ.— Второе предложеніе Поппелево состояло въ томъ, чтобы Іоаннъ запретилъ Псковитянамъ вступаться въ земли Ливонскихъ Нѣмцевъ, подданныхъ Имперіи. Государь велѣлъ отвѣтство-вать, что Псковитяне владѣютъ только собственными ихъ землями и не вступаются въ чужія.

Весьма достопамятна третя аудіенція, данная Послу Фри-дерикову въ *набережныхъ съняхъ*, гдѣ самъ Великій Князь слушалъ его, отступивъ иѣсколько шаговъ отъ своихъ Бояръ. „Молю о скромности и тайнѣ,“ сказалъ Поппель: „ежели „непріятели твои, Ляхи и Богемцы, узнаютъ, о чёмъ я го-ворить намѣренъ: то жизнь моя будетъ въ опасности. Мы „слышали, что ты, Государь, требовалъ себѣ отъ Папы Ко-ролевскаю достоинства; но знай, что не Папа, а только

„Императоръ жалуетъ въ Короли, въ Принцы и въ Рыцари.
„Если желаешь быть Королемъ, то предлагаю тебѣ свои услуги.
„Надлежитъ единственно скрыть сіе дѣло отъ Монарха Поль-
скаго, который боится, чтобы ты, сдѣлавшись ему равнымъ,
„Государемъ, не отняль у него древнихъ земель Россійскихъ“.
Отвѣтъ Іоанновъ изображаетъ благородную, истинно Царскую
гордость. Бояре сказали Послу: „Государь, Великій Князь.
„Божію милостію наслѣдовалъ Державу Русскую отъ своихъ
„предковъ, и поставленіе имѣеть отъ Бога, и молить Бога,
„да сохранить оную ему и дѣтямъ его вовѣки; а поставленія
„отъ иной власти никогда не хотѣлъ и не хочетъ“⁽³⁴⁰⁾.
Поппель не смѣлъ болѣе говорить о томъ, и вторично обратилъ
сѧ къ сватовству. „Великій Князь“ — сказалъ онъ — „имѣеть
„двухъ дочерей: если не благоволить выдать ни которой за
„Маркграфа Баденскаго, то Императоръ представляетъ ему
„въ женихи одного изъ Саксонскихъ знаменитыхъ Принцевъ.
„сыновей его племянника (Курфирста Фридрика); а другая
„Княжна Россійская можетъ быть супругою Сигизмунда, Марк-
„графа Бранденбургскаго, коего старшій братъ есть зять Ко-
„роля Польскаго“. На сіе не было отвѣта, и Поппель скоро
отправился изъ Москвы въ Данію чрезъ Швецію, для какого-то
особеннаго Императорскаго дѣла: Государь же послалъ въ
Нѣмецкую землю Грека, именемъ Юрія Траханіота, или Тра-
хонита, выѣхавшаго къ намъ съ Великою Княгинею, Софіею,
давъ ему слѣдующее наставленіе:

I. „Явить Императору и сыну его, Римскому Королю
„Максимилиану, вѣрющую Посольскую грамоту⁽³⁴¹⁾. Увѣрить
„ихъ въ искренней пріязни Іоанновой. — II. Условиться о
„взаимныхъ дружественныхъ Посольствахъ и свободномъ сооб-
„щеніи обѣихъ Державъ. — III. Ежели спросятъ, намѣренъ
„ли Великій Князь выдать свою дочь за Маркграфа Баден-
„скаго? то отвѣтствовать, что сей союзъ не пристоенъ для
„знаменитости и силы Государя Россійскаго, брата древнихъ
„Царей Греческихъ, которые, переселясь въ Византію, усту-
„пили Римъ Папамъ. Но буде Императоръ пожелаетъ сва-
„тать нашу Княжну за сына своего, Короля Максимилиана:

„то ему не отказывать, и дать надежду.—IV. Искать въ „Германии и принять въ службу Россійскую полезныхъ ху-“
“дожниковъ, горныхъ мастеровъ, Архитекторовъ и проч“. На издержки дано было ему 80 соболей и 3000 бѣлокъ (³¹²).
Іоаннъ написалъ съ нимъ дружественная грамоты къ Бурго-
мистрамъ Нарвскому, Ревельскому и Любекскому.

Траханіотъ поѣхалъ (22 Марта) изъ Москвы въ Ревель, оттуда въ Любекъ и Франкфуртъ, гдѣ былъ представленъ Римскому Королю Максимилиану, говорилъ ему рѣчь на языке Ломбардскомъ и вручилъ дары Великокняжескіе, 40 соболей, шубы горностаевую и бѣличью. Докторъ, Георгъ Торицъ, име-
ицемъ Максимилиана отвѣчаль Послу на томъ же языкѣ, изъ-
являя благодарность и пріязнь сего Вѣнценосца къ Государю
Московскому (³¹³). Посла осыпали въ Германии ласками и привѣтствіями. Король Римскій, встрѣчая его, сходилъ обык-
новенно съ трона и сажалъ подлѣ себя; то же дѣлалъ и самъ Императоръ. Они стоя подавали ему руку въ знакъ ува-
женія къ Великому Князю (³¹⁴). Болѣе ничего не знаемъ о переговорахъ Траханіота, который возвратился въ Москву 16 Іюля, 1490 года, съ новымъ Посломъ Максимилиановымъ, Георгомъ Делаторомъ (³¹⁵). Не за-долго до того времени умеръ славный Король Матеѣй, и Паны Венгерскіе соглаша-
лись избрать на его мѣсто Казимирова сына, Владислава, Государя Богемскаго, въ досаду Максимилиану, считавшему себя законнымъ наследникомъ Матеевымъ. Сіе обстоятельство соединило Австрійскую Политику съ нашою: Максимилианъ хотѣлъ завоевать Венгрию, Іоаннъ южную Литовскую Россію: они признавали Казимира общимъ врагомъ, и Делаторъ, чтобы тѣмъ вѣрѣ успѣть въ государственномъ дѣлѣ, объявилъ желаніе Римскаго Короля (тогда вдоваго) быть Іоанну зятемъ: хотѣлъ видѣть юную Княжну и спрашивалъ о цѣнѣ ея при-
данаго. Отвѣтъ состоялъ въ учтивомъ отказѣ: Послу изъяс-
нили наши обычай. Какой стыдъ для отца и невѣсты, если бы сватъ отвергнулъ ее! Могъ ли знаменитый Государь съ беспокойствомъ и страхомъ ждать, что слуга иноземнаго Влад-
естителя скажетъ объ его дочери? Изъяснили также Делатору,

что Вънценосцамъ не прилично торговаться въ приданомъ; что Великій Князь безъ сомнѣнія назначить его по достоинству жениха и невѣсты, но уже послѣ брака; что надобно согласиться прежде въ дѣлѣ важнѣйшемъ, а именно въ томъ, чтобы Княжна Россійская, если будетъ супругою Максимилиана, не перемѣнила Вѣры, имѣла у себя церковь Греческую и Священниковъ. Для послѣдняго Великій Князь требовалъ увѣрительной записи; но Делаторъ сказалъ, что онъ для сего не уполномоченъ. И такъ перестали говорить о бракѣ.

Однакожъ союзъ государственный заключился и написали договоръ слѣдующаго содержанія:

„По волѣ Божіей и нашей любви, мы, Ioанинъ, Божію „милостію Государь всея Русіи, Владімірскій, Московскій, „Новгородскій, Нѣковскій, Югорскій, Вятскій, Пермскій, Бол- „гарскій (то есть, Казанскій) „и проч. условились съ своимъ „братьемъ, Максимилианомъ, Королемъ Римскимъ и Княземъ „Австрійскимъ, Бургонскимъ, Лотарингскимъ, Стиреckимъ, Ка- „ринтійскимъ и проч. быть въ вѣчной любви и согласіи, чтобы „помогать другъ другу во всѣхъ случаяхъ. Если Король Польскій и дѣти его будуть воевать съ тобою, братомъ моимъ, „за Венгрію, твою отчину: то извѣсти насъ, и поможемъ тебѣ „усердно, безъ обмана. Если же мы начнемъ добывать Ве- „ликаго Княженія Кіевскаго и другихъ земель Русскихъ, „коими владѣетъ Литва: то увѣдомимъ тебя, и поможемъ „намъ усердно, безъ обмана. Если и не успѣемъ ободлаться, „но узнаемъ, что война началась съ твоей или моей стороны: „то обязываемся немедленно ити другъ ко другу на помощь.— „Послы и купцы наши да ёздятъ свободно изъ одной земли „въ другую. На сеѧ цѣлую крестъ къ тебѣ, моему брату.... „Въ Москвѣ, въ лѣто 6998 (1490), Августа 16 (346)“.

Сей первый договоръ съ Австріею, написанный на хартії, былъ скрѣпленъ золотою Великокняжескою печатію. Делаторъ, видѣвъ супругу Ioannову, Софию (347), поднесъ ей въ даръ отъ Максимилиана съроэ сукно и поунгая; а Государь, пожаловавъ его въ Золотоносцы, далъ ему золотую цѣнь съ крестомъ, горностаеву шубу и серебряныя *остроги* или пшоры,

какъ бы въ знакъ Рыцарскаго достоинства (³⁴⁸). Делаторъ выѣхалъ изъ Москвы Августа 19, вмѣстѣ съ нашими Послами, Траханютомъ и Дьякомъ Василемъ Кулешиномъ. Наказъ, имъ данный состоялъ въ слѣдующемъ: 1) „Вручить „Максимилиану договорную Иоаннову грамоту и присягнуть въ „вѣрномъ исполненіи условій. 2) Взять съ него такую же, „писанную языкомъ Славянскимъ; а буде напишутъ ону по- „Нѣмецки или по-Латини (³⁴⁹), то изъяснить, что обязатель- „ство Великаго Князя не имѣть силы, ежели въ грамотѣ „будуть отмѣны противъ Русской (ибо Траханють и Куле- „шинъ не знали силь двухъ языковъ). 3) „Максимилианъ „долженъ утвердить союзъ цѣлованіемъ креста передъ нашими „Послами. 4) Объявить Королю согласіе Иоанново выдать за „него дочь, съ условіемъ, чтобы она не перемѣняла Закона. „5) Сказать ему, что Посламъ его и Московскому лучше „ѣздить впредъ чрезъ Данію и Швецію, для избѣжанія непрі- „ятностей, какія могутъ имъ встрѣтиться въ Польскихъ вла- „дѣніяхъ. 6) Требовать, чтобы онъ далъ Великому Князю „лекаря искуснаго въ цѣленіи внутреннихъ болѣзней и ранъ. „7) Привѣтствовать единственно Короля Римскаго, а не Импе- „ратора: ибо Делаторъ, будучи въ Москвѣ, не сказалъ Вели- „кому Князю ни слова отъ Фридерика“. Не смотря на гоу- „дарственную важность заключаемаго съ Австріею союза, Иоаннъ, „какъ видимъ, строго наблюдалъ достоинство Россійскаго Мо- „нарха, и въ сie же время отослать изъ Москвы безъ отвѣта „слугу Попшелева, который прїѣжалъ въ Россію за живыми „лосями для Императора, но съ письмомъ не довольно учтивымъ „отъ господина своего. Не взявъ даровъ Попшелевыхъ, бога- „таго мониста съ ожерельемъ, Великій Князь милостиво при- „нялъ отъ его слуги двѣ обѣари, и далъ ему за то 120 „соболей, цѣною въ 30 червонцевъ (³⁵⁰).

Траханють и Кулешинъ писали къ Государю изъ Любека, что Король Датскій и Князь Нѣмецкіе, съѣдавъ объ ихъ прибытии въ Германію, и желая добра Казимиру, замышляли сдѣлать имъ остановку въ пути; что Посоль Максимилиановъ ѿдетъ вмѣстѣ съ ними и возметъ мѣры для ихъ безопасноти;

что Римскій Король уже завоевалъ многія мѣста въ Венгрии. Они наѣхали Максимилиана въ Нюренбергъ, вручили ему дары отъ Иоанна и Великой Княгини (80 соболей, камку и птицу кречета); явили письменный договоръ, имъ одобренный и клятвенно утвержденный, но не упоминали о сватовствѣ, ибо слышали, что Максимилианъ, долго не имѣвъ отвѣта отъ Великаго Князя, въ угожденіе своему отцу помолвилъ на Княжнѣ Бретанской. Пробывъ тамъ отъ 22 Марта до 23 Июня (1491 года), Послы Иоанновы возвратились въ Москву Августа 30 съ Максимилиановою сеюзною грамотою, которую Великій Князь приказалъ отдать въ хранилище государственное (³⁵¹).

Въ слѣдъ за ними Король Римскій вторично прислалъ Делатора, чтобы онъ былъ свидѣтелемъ клятвенного Ioannova обѣта исполнять заключенный договоръ. Государь сдѣлалъ тоже, что Максимилианъ: цѣловалъ крестъ предъ его Посломъ. Изъвивъ совершенное удовольствіе и благодарность Короля, Делаторъ молилъ Великаго Короля не досадовать за помолвку его на Принцессѣ Бретанской, и рассказалъ длинную исторію въ оправданіе сего поступка. „Король Римскій“—говорилъ онъ— „весьма желалъ чести быть зятемъ Великаго Князя; но Богъ „не захотѣлъ того. Разнесся въ Германіи слухъ, что я и „Послы Московскіе, въ 1490 году отплывъ на двадцати четырехъ корабляхъ изъ Любека, утонули въ морѣ. Государь „напѣ думалъ, что Ioannъ не свѣдалъ о его намѣреніи вступить въ бракъ съ Княжною Россійскою. Дальнее разстояніе „не дозволяло отправить новаго Посольства, и согласіе Великаго Князя было еще не вѣрно. Между тѣмъ время текло. Князья Нѣмецкіе требовали отъ Императора, чтобы онъ же „нѣть сына и предложили въ невѣсты Анну Бретанскую. Фридрикъ убѣдилъ Максимилиана принять ея руку. Когда же Государь нашъ узналь, что мы живы, и что Княжна Россійская могла быть его супругою: то искренно огорчился, и донинѣ жалѣетъ о невѣстѣ столь знаменитой“. Сія справедливая или выдуманная повѣсть удовлетворила Ioannовой чести: онъ не изъявилъ ни малѣйшей досады, и не отвѣчалъ Послу ни слова. Делаторъ, какъ бы въ знакъ особенной,

неограниченной къ нему довѣренности Максимилиановой, извѣстить Великаго Князя о тайныхъ видахъ Австрійской Политики. Долговременная война Нѣмецкаго Ордена съ Польшею рѣшилась (въ 1466 году) совершенною зависимостію первого отъ Казимира, такъ, что Великій Магистръ Лудвигъ назвалъ себя его присяжникомъ, и Рыцарство, нѣкогда Державное, стало подъ игомъ чужеземной власти. Максимилианъ тайно возбуждалъ Орденъ свергнуть сіе иго и снова прибѣгнуть къ оружію; но Магистры Нѣмецкій и Ливонскій требовали отъ него, чтобы онъ прежде доставилъ имъ важное покровительство Монарха Россійскаго, сильнаго и грознаго. Делаторъ убѣждалъ Великаго Князя послать Московскаго чиновника въ Ливонію для переговоровъ, дать ся Рыцарямъ вѣчный миръ, не тѣшить ихъ и взять *Орденъ въ его милостивое собѣгоденіе*.— Столъ же усердно ходатайствовалъ Посоль за Швецію. Государственный ся Правитель, Стень-Стуръ, находился въ дружественной связи съ Максимилианомъ, и жаловался ему на обиды Россіянъ, которые въ 1490 году ужаснымъ образомъ свирѣпствовали въ Остерборонѣ: жгли, рѣзали, мучили жителей, привоная сѣбѣ господство надъ Финляндіею⁽³⁵²⁾. Делаторъ молилъ Иоанна оставить сію несчастную землю въ покой. Наконецъ предлагалъ, чтобы Московскіе Послыѣ здѣли въ Имперію чрезъ Мекленбургъ и Любекъ, а не чрезъ Данію, гдѣ въ разсужденіи ихъ не соблюдаются уставы чести и гостепріимства: ибо Король держитъ сторону Казимирову.— Замѣтилъ, что Посоль Максимилиановъ въ своихъ аудіенціяхъ именовалъ Великаго Князя *Царемъ*; такъ и наши Послы называли Иоанна въ Германіи; Нѣмцы же въ переводѣ дипломатическихъ бумагъ употребляли имя *Kayser*, *Imperator*, вмѣсто Царя⁽³⁵³⁾.

Отвѣтъ Великаго Князя, сообщенный Послу Казначеемъ Дмитремъ Владимировичемъ и Дьякомъ Федоромъ Курицынымъ, былъ такой: „Я заключилъ искренний союзъ съ моимъ „братьемъ“ Максимилианомъ; хотѣлъ помочь ему всѣми силами въ завоеваніи Венгрии, и готовился самъ ехать на коня; но „слышу, что Владиславъ, сынъ Казимировъ, объявленъ тамъ „Королемъ, и что Максимилианъ съ нимъ примирился: слѣд-

„ественно мнѣ теперь нечего дѣлать. Однакожь вмѣстѣ съ то-
бою отправляю къ нему Пословъ. Не измѣню клятвѣ. Если
брать мой рѣшился воевать, то иду немедленно на Казимира
и сыновей его, Владислава и Албрехта. Въ угодность Макси-
миліану буду посредникомъ ого союза съ Государемъ Мол-
давскимъ, Стефаномъ. Что касается до Магистровъ Прускаго
и Ливонскаго, то я готовъ взять ихъ въ мое храненіе. Но
слѣдній желаетъ условиться о мирѣ съ моими особенными
Послами и вмѣсто *челобитья* писать въ договорахъ *моленіе*;
но да будетъ все по старому. Прежде онъ *былъ членомъ*
вольному Новугороду: нынѣ да имѣть дѣло съ тамошними
моими Намѣстниками, людьми знатными“.— О Швеціи не
было слова въ отвѣтѣ.

Делаторъ выѣхалъ изъ Москвы 12 Апрѣля, 1492 года⁽³⁵⁴⁾, съ Великокняжескимъ Приставомъ, коему надлежало
довольствовать его всѣмъ нужнымъ до самой границы. Такъ
обыкновенно бывало: Приставы встрѣчали и провожали По-
словъ. Маія 6 снова отправился Траханіть съ Дѣякомъ Ми-
хайломъ Яропкинымъ въ Германію. Ему вѣльно было именемъ
Іоановымъ спросить *Максимилиана о здравіи, но не пра-
вить поклона*: ибо Делаторъ въ первой аудіенціи не кланялся
ни Великому Князю, ни супругѣ его отъ своего Короля, а
спрашивалъ только о здравіи⁽³⁵⁵⁾. Наказъ сего Посольства
былъ слѣдующій:

„Объявить Максимилиану, что Великій Князь, вступивъ съ
нимъ въ союзъ, ждалъ вѣрно исполнять условія, и для того
не хотѣлъ говорить о мирѣ съ Посломъ Литовскимъ, быв-
шимъ въ Москвѣ: слѣдственно и Король Римскій не долженъ
мириться съ Богеміею и Польшею безъ Іоанна, который го-
товъ, въ случаѣ его вѣрности, дѣйствовать съ нимъ за-одно
всѣми силами, ему Богомъ данными.— Если онъ заключить
миръ съ Владиславомъ, то развѣдать о тайныхъ причинахъ
онаго. Узнать всѣ обстоятельства и виды Австрійской Полити-
ки: имѣть ли Максимилианъ сильныхъ доброжелателей въ
Венгрии, и кого именно? не для того ли уступаетъ оную
Владиславу, чтобы воевать съ Государемъ Французскимъ, ко-

„торый, по слуху, отнимаетъ у него невѣсту, Анну Бретан-
ской? — Ежели бракъ Римскаго Короля не состоялся, то
„искусеннымъ образомъ внушить ему, что Великій Князь, можетъ
быть, не отринеть его вторичнаго сватовства, когда Импе-
раторъ и Максимилианъ пришлютъ къ нему убѣдительную
„грамоту съ *человѣкомъ добрымъ* (то есть, знатнымъ). Въ
„такомъ случаѣ изъясниться о Вѣрѣ Греческой, о церкви и
„Священникахъ. А буде Король женится на Принцессѣ Бре-
„танской, то говорить о сынѣ его, Филиппѣ, или о Саксон-
скомъ Курфирстѣ Фридрихѣ. Навѣдаться также о пристой-
„ныхъ невѣстахъ для сына Государева, Василія, изъ дочерей
„Королевскихъ, и проч.; но соблюдать благоразумную осто-
„роожность, чтобы не повредить Государевой чести.—Заѣхать
„къ Саксонскому Курфирсту, поднести ему въ даръ 40 соболей
„и сказать: Великій Князь благодарить тебя за охраненіе его
„Пословъ въ землѣ твоей; и впредь охранять ихъ, равномѣрно
„и тѣхъ, которые ъздятъ къ намъ изъ *страны Италийской*.
„Дозволяй художникамъ, твоимъ подданнымъ, переселяться въ
„Россию: за что Великій Князь готовъ служить тебѣ вѣмъ,
„чѣмъ изобилуетъ земля его“.

Послы наши имѣли письма къ Герцогу Мекленбургскому,
къ Бургомистрамъ и Ратманамъ городовъ Нѣмецкихъ, о сво-
бодномъ ихъ пропускѣ; въ Нарвѣ и въ Ревелѣ они должны
были вручить сіи грамоты *сидея*. — Донесенія, писанныя ими
къ Государю въ пути, любопытны своею подробностію, вмѣщая
въ себѣ извѣстія не только о главныхъ дѣлахъ Европейской
Политики, но и купеческія: на примѣръ, о дорожовизнѣ хлѣ-
ба во Фландріи, гдѣ ласть ржи стоилъ 100 червонцевъ (³⁴⁶).
Описывая войну Максимилиана съ Королемъ Французскимъ,
Траханіотъ и Ярошкінъ говорять о союзѣ первого съ Англіею,
Шотландіею, Испаніею, Португаліею и со всѣми Князьями
Нѣмецкими; о мирѣ его съ Владиславомъ, который обязался
ему заплатить за Венгрію 100,000 червонцевъ, объявивъ
Максимилиана послѣ себя наследникомъ; увѣдомляютъ также
о походѣ Султанскаго войска въ Сервію; однімъ словомъ,
представляютъ всѣ движенія Европы очамъ любопытнаго Гоан-

на, который хотѣлъ быть самъ однимъ изъ ея великихъ Монарховъ.

Приплывъ на кораблѣ изъ Ренеля въ Германію, Траханиотъ и Яропкинъ жили нѣсколько мѣсяцевъ въ Любекѣ — не зная, кудаѣхать къ Максимилиану, занятому тогда Французскою воиною — и для перевода Нѣмецкихъ бумагъ, ими получаемыхъ, приняли въ Государеву службу тамошняго славнаго *книгопечатника*, Варѳоломея, который далъ имъ клятву таить содеряніе оныхъ. Они нашли Максимилиана въ Кольмарѣ, гдѣ и были отъ 15 Генваря до 23 Марта. Политика его уже перемѣнилась: сей Государь, довольный условіями заключеннаго съ Владиславомъ мира, не думалъ болѣе о сѣверномъ союзѣ, употребляя всѣ усилия противъ Франціи. Послы наши — не сдѣлавъ, кажется, ничего — возвратились въ Москву въ Іюлѣ 1493 года (³⁵⁷).

Такимъ образомъ прекратились на сей разъ сношения Великокняжескаго Двора съ Имперію, хотя и не имѣвъ важныхъ государственныхъ слѣдствій, однаждѣ удовлетворивъ честолюбію Иоанна, который поставилъ себя въ оныхъ наравнѣ съ первымъ Монархомъ Европы. — Связь съ Германію доставила намъ и другую существенную выгоду. Новое велелѣпіе Двора Московскаго, новыя Кремлевскія зданія, сильныя ополченія, Посольства, дары, требовали издержекъ, которыя истощали казну болѣе, нежели прежняя дань Ханская. Доселѣ мы пользовались единствено чужими драгоценными металлами, добываемыми вѣшиною торговлею и мѣною съ Сибирскими народами черезъ Югру: сей послѣдній источникъ, какъ вѣроятно, оскудѣлъ или совсѣмъ закрылся: ибо въ лѣтописяхъ и въ договорахъ XV вѣка уже нѣть ни слова о серебрѣ Закамскомъ (³⁵⁸). Но издавна былъ у насъ слухъ, что страны полуночныя, близъ Каменного Пояса, изобилуютъ металлами: присоединивъ къ Московской Державѣ Пермь, Двинскую землю, Вятку, Иванъ желалъ имѣть людей свѣдущихъ въ горномъ искусствѣ. Мы видѣли, что онъ писалъ о томъ къ Королю Венгерскому (³⁵⁹): но Траханиотъ, кажется, первый вывезъ ихъ изъ Германіи. Въ 1491 году два Нѣмца, Иванъ и Викторъ, съ Андреемъ Петровымъ

и Василиемъ Болтинымъ отправились изъ Москвы искать се-ребряной руды въ окрестностяхъ Печеры⁽³⁶⁰⁾. Черезъ семь мѣсяцевъ они возвратились съ извѣстіемъ, что нашли оную, вмѣстѣ съ мѣдною, на рѣкѣ Цыльмѣ, верстахъ въ двадцати отъ Космы, въ трехъ стахъ отъ Печеры и въ 3500 отъ Москвы, на пространствѣ десяти верстъ. Сіе важное открытие сдѣлало Государю величайшее удовольствіе, и съ того времени мы начали сами добывать, плавить металлы и чеканить монету изъ своего серебра; имѣли и золотые деньги или медали Россійскія. Въ собраніи нашихъ древностей хранится снимокъ золотой медали 1497 году съ изображеніемъ Св. Николая: въ надписи оказано, что *Великий Государь* вылилъ сей *единий талеръ* изъ золота для *Княгини* (Княжны) своей, Феодосіи⁽³⁶¹⁾. На серебряныхъ деньгахъ Ioannova времени обыкновенно представлялся всадникъ съ мечемъ.

Можетъ быть, слухъ о новыхъ, въ сѣверной Россіи открытыхъ, богатыхъ рудникахъ скоро дошелъ до Германіи и возбудилъ тамъ любопытство увѣриться въ справедливости онаго (Европа еще не знала Америки, и нуждаясь въ драгоценныхъ металлахъ, должествовала братъ живѣйшее участіе въ такомъ открытии); но крайней мѣрѣ въ 1492 году приѣхалъ въ Москву Нѣмецъ Михаиль Сиунсь съ письмомъ къ Великому Князю отъ Максимилиана и дяди его, Австрійскаго Эрцгерцога Зигмунда, княжившаго въ Инсрукѣ: они дружески просили Ioanna, чтобы онъ дозволилъ сему путешественнику осмотрѣть все любопытное въ нашемъ отечествѣ, учиться языку Русскому, видѣть обычай народа и пріобрѣсти знанія нужныя для успѣховъ общей Исторіи и Географіи. Сиунсь, обласканный Великимъ Княземъ, немедленно изъявилъ желаніеѣ хатъ въ дальнѣйшія страны полуночныя и на Востокъ, къ берегамъ Оби. Ioannъ усомнился, и наконецъ решительно отказалъ ему. Проживъ не сколько мѣсяцевъ въ Москвѣ, Сиунсь отправился назадъ въ Германію прежнимъ путемъ, чрезъ Ливонію съ следующимъ письмомъ отъ Великаго Князя къ Максимилиану и Зигмунду: „Изъ дружбы къ вамъ мы ласково приняли вашего „человѣка, но не пустили его въ страны отдаленія, гдѣ

„течеть река Обь, за неудобностью пути: ибо самые люди „наши, юздающіе туда для собранія дани, подвергаются не „малымъ трудамъ и бѣдствіямъ. Мы не дозволили ему также „возвратиться къ вамъ чрезъ владѣнія Польскія или Турецкія: ибо не можетъ отвѣтствовать за безопасность сего пути. „Богъ да блудетъ ваше здравіе (³⁶²).“ Вѣроятно, что Иоаннъ опасался сего Нѣмца какъ лазутчика, и не хотѣль, чтобы онъ видѣлъ наши сѣверо-восточные земли, гдѣ открылся новый источникъ богатства для Россіи.

Вторымъ достопамятнымъ Посольствомъ описываемыхъ нами временъ было Датское. Если не Данія, то по крайней мѣрѣ Норвегія издревле имѣла сношенія съ Новгородомъ, пососѣдству съ его сѣверными областями. Дворъ Ярослава Великаго служилъ убѣжищемъ для ся знаменитыхъ изгнаниковъ (³⁶³); Александръ Невскій хотѣль женить сына на дочери Гаконовой (³⁶⁴); мы упоминали также о договорѣ Норвегіи съ Правителствомъ Новогородскимъ въ 1326 году (³⁶⁵): но отдаленная Москва скрывалась во мракѣ неизвѣстности для трехъ Сѣверныхъ Королевствъ до того времени, какъ Великій Князь сдѣдался Самодержцемъ всей Россіи, отъ береговъ Волги до Лапландіи. Пріязнь, бывшая между тогдашнимъ Королемъ Датскимъ, Иоанномъ, сыномъ Христіановыемъ, и Казимиромъ, заставила первого нарушить долгъ гостепріимства въ разсужденіи Пословъ Московскихъ, когда они ѿхали въ Любекъ чрезъ его землю: ибо Траханіотъ и Ярошкинъ жаловались на претерпѣнныя ими въ ней обиды; но существенные выгоды государственные перемѣнили образъ мыслей сего Монарха: будучи врагомъ Шведского Правителя, онъ увидѣлъ пользу быть другомъ Великаго Князя, что-бы страхомъ нашего оружія обуздывать Швецию, и Посоль Датской (въ 1493 году) заключилъ въ Москвию союзъ любви и братства съ Россіею. Грекъ Дмитрій Ралевъ и Дьякъ Зайцовъ отправились въ Данію для размѣна договорныхъ грамотъ (³⁶⁶).

Упомянемъ также о двухъ Посольствахъ Азіатскихъ. Неизмѣримая Держава, основанная завоеваніями дикаго Героя, Тамерлана, хотя не могла по его смерти устоять въ своемъ

величій и раздѣлиася: однакоъ имъ Царства Чагатайскаго, составленаго изъ Бухаріи и Хорасана, еще гремѣло въ Азії: Султанъ Абусандъ, внукъ Тамерланова сына, Мирана, господствовалъ отъ береговъ моря Каспійскаго до Мультана въ Индіи, и въ 1468 году убитый Персидскимъ Царемъ Гассаномъ, оставилъ сю обширную страну въ наслѣдіе сыновьямъ, коихъ междусобіе предвѣстило ихъ общую гибель. Гусseinъ Мирза, правнукъ втораго Тамерланова сына, Омара, завладѣлъ Хорасаномъ; прославился многими побѣдами, одержанными имъ надъ Татарами-Узбеками; любилъ добродѣтель, Науки; слышалъ о величіи Государя Россійскаго, и желая его дружбы, въ 1489 году прислалъ въ Москву какого-то *богатыря* Уруса для заключенія союза съ Ioаниномъ⁽³⁶⁷⁾. Можетъ быть, онъ хотѣлъ, чтобы Великій Князь, имѣя связь съ Ногаями, возбудилъ ихъ противъ Узбековъ. Но Царство Чагатайское отжило вѣкъ свой: Ханъ Узбекскій Шай-Бекъ, въ началѣ XVI вѣка изгналъ Гуссеноныхъ сыновей изъ Хорасана, овладѣвъ и Бухарію, откуда послѣдній Султанъ Тамерланова рода, Баборъ, ушелъ въ Индостанъ, гдѣ Судьба опредѣлила ему быть основателемъ Имперіи такъ называемаго *Великаго Могола*.

Иверія, или нынѣшняя Грузія, искони славилась воинскою доблѣстью своего народа, такъ, что ни Персидское, ни Македонское оружіе не могло поработить его; славилась также богатствомъ (древніе Аргонавты искали *Златаго руна* въ собственной съ нею Мингрелии). Завоеванная Помпеемъ, она дѣлается съ того времени извѣстною въ Римской Исторіи, которая имѣнуетъ намъ ея разныхъ Царей, даниковъ Рима. Одинъ изъ нихъ, Фарасманъ II, вѣрный другъ Императора Адріана, удостоился чести приносить богамъ жертву въ Капитоліи и видѣть свой извѣянный образъ въ храмѣ Веллоны на берегу Тибра. Но далѣе не находимъ уже никакихъ извѣстій о сей странѣ до раздѣленія Имперіи; знаемъ только, что Христіанская Вѣра начала тамъ утверждаться еще со временемъ Константина Великаго; что Св. Симеонъ Столиникъ способствовалъ успѣхамъ ея; что Иверія, имѣя всегда собственныхъ Царей или Князей, зави-

сѣла то отъ Монарховъ Персидскихъ, то отъ Императоровъ Греческихъ, была покорена Моголами и въ 1476 году подвластна Царю Персидскому, Узунъ-Гассану⁽³⁶⁸⁾. Нѣтъ сомнѣнія, что Россія издревле находилась въ связи съ единовѣрною Грузіею: Изяславъ I, какъ извѣстно, былъ женатъ на Княжнѣ Абасинской, а сынъ Андрея Боголюбскаго супругомъ славной Грузинской Царицы, Тамари⁽³⁶⁹⁾. Сія связь, прерванная нашествиемъ Батыевымъ, возобновилась: Послы Князя Иверскаго, Александра, именемъ Нариманъ и Хоземарумъ, въ 1492 году пріѣхали къ Ioани, требовать его покровительства⁽³⁷⁰⁾. Уважаемый въ Персіи и въ странахъ окрестныхъ, Великій Князь могъ дѣйствительно быть заступникомъ своихъ утѣшненныхъ единовѣрцевъ, которые оплакивали паденіе Греціи, и подъ игомъ варваровъ закоснѣвъ въ невѣжествѣ, имѣли нужду въ соображеніяхъ нашего Духовенства для Христіанскаго просвѣщенія. Александръ въ грамотѣ своей смиренno именуетъ себя *холопомъ Ioanna, его же называетъ великимъ Царемъ, сыномъ зеленаго неба, звездою темныхъ, надеждою Христіанъ, подпорою бѣдныхъ, закономъ, истинною управою всіхъ Государей, тишиной земли и ревностнымъ обѣтникомъ Св. Николая.*

Занимаясь дѣлами Европы и Азіи, могъ ли Ioannъ оставить безъ примѣчанія Державу Оттоманскую, которая уже столь сильно дѣйствовала на судьбу трехъ частей міра? Какъ взять Палеологовъ и сына греческой церкви, утѣшненой Турками, онъ долженствовалъ быть врагомъ султановъ; но не хотѣлъ себя обманывать: видѣлъ, что еще не пришло время для Россіи бороться съ ними; что здравая Политика велить ей употреблять свои юные силы на иные предметы, ближайшиe къ истинному благу ея: для того, заключая союзы съ Венгріею и Молдавіею, не касался дѣлъ Турецкихъ, имѣя въ виду одну Литву, нашего врага естественнаго. Выгодная торговля купцовъ Московскихъ въ Азовѣ и Кафѣ, управляемой Константинопольскими Пашами, зависимость Менгли-Гирея (важнѣйшаго союзника Россіи) отъ Султановъ, и надежда вредить Казимиру чрезъ Оттоманскую Порту склоняли Ioanna

къ дружбѣ съ нею: онъ ждалъ только пристойнаго случая, и тѣмъ болѣе обрадовался, узнавъ, что Султанскія Паша, говоря въ Бѣлѣгородѣ съ Дьякомъ его, Федоромъ Курицынымъ, объявили ему желаніе ихъ Государя искать Іоанновой пріязни (³⁷¹). Великій Князь поручилъ Менгли-Гирею основательно развѣдать о семъ предложеніи, и Султанъ, Баиязетъ II, отвѣтствовалъ: „есжели Государь Московскій тебѣ, Менгли-Гирею, братъ: то будеть и мнѣ братъ” (³⁷²). Слѣдующее происшествіе служило поводомъ къ первому государственному сношенню между нами и Портю. Купцевъ Россійскихъ обижали въ Азовѣ и въ Кафѣ, такъ, что они перестали наконецъ юздить въ Султанскія владѣнія. Наша Кафинскій жаловался на то Баиязету, слагая вину на Менгли-Гирея, будто-бы отвратившаго Россіянъ отъ торговли съ симъ городомъ; а Менгли-Гирей хотѣлъ, чтобы Іоаннъ оправдалъ его въ глазахъ Султана. Удовлетворяя требованію оклеветанного друга, и какъ бы единственно изъ снисхожденія, Великій Князь нашеѧль такую грамоту къ Баиязету (³⁷³):

Первое
дружеское
любное
споменение
съ
Султаномъ
Турецкимъ.

„Султану, вольному Царю Государей Турскихъ и Азам-
скихъ, земли и моря, Баиязету, Іоанну Вожію милостію
единий правый, наследственный Государь всея Русіи и мно-
гихъ иныхъ земель отъ Сѣвера до Востока. Се наше слово
къ твоему Величеству. Мы не посылали людей другъ ко
другу спрашивать о здравіи; но купцы мои юздили въ страну
твою и торговали, съ выгодою для обѣихъ Державъ. Они
уже не сколько разъ жаловались мнѣ на твоихъ чиновниковъ:
и молчаль. Наконецъ, въ теченіе минувшаго лѣта, Азовскій
Паша принудилъ ихъ конать ровъ и носить каменія для
городскаго строенія. Сего мало: въ Азовѣ и въ Кафѣ отни-
маютъ у нашихъ купцевъ товары за полцѣны; въ случаѣ
болѣзни одного изъ нихъ, кладутъ печать на имѣніе всѣхъ:
если умираеть, то все остается въ казнѣ; если выздоравли-
вааетъ, отдаютъ назадъ только половину. Духовныя завѣ-
щанія не уважаемы: Турецкіе чиновники не признаютъ
наследниковъ, кроме самихъ себя, въ Русскомъ достояніи.
Узнавъ о сихъ обидахъ, я не велѣлъ купцамъ юздить въ

„твою землю. Прежде они платили единственно законную „шопшину и торговали свободно: отъ чего же родилось на- „силе? знаешь, или не знаешь онаго?... Еще одно слово: отецъ „твой (Магометъ II) былъ Государь великий и славный: онъ „хотѣлъ, какъ сказываются, отправить къ намъ Пословъ съ „дружескимъ привѣтствиемъ; но его намѣреніе, по волѣ Бо- „жіей, не исполнилось. Для чего же не быть тому нынѣ? „Ожидаемъ отвѣта. Нисано въ Москвѣ, 31 Августа“ (въ 1492 году). — Менгли-Гирей долженъ быть доставить сю грамоту Баязету: увидимъ слѣдствіе.

Тѣсная связь Иоаннова съ Ханомъ Таврическимъ не ослабывала, утверждаемая частыми Посольствами и дарами. Въ 1490 году ъездилъ въ Тавриду Князь Василій Ромодановскій съ увѣреніемъ, что войско наше готово всегда тревожить Золотую Орду (³⁷⁴). Сія тѣнь Батыева Царства скиталась изъ мѣста въ мѣсто: иногда переходила за Днѣпръ, иногда удалялась къ предѣламъ страны Черкесской, къ берегамъ Кумы. Тщетно сыновья Ахматова вмѣстѣ съ Царемъ Астраханскимъ, Абдылъ-Керимомъ, замышляли впаденіе въ Тавриду, оберегаемую съ одной стороны Россіянами, Магметъ-Аминемъ Казанскимъ и Ногаями, а съ другой Султаномъ, который даль Менгли-Гирею 2000 воиновъ для его защиты. Крымцы отгоняли стада у Волжскихъ татаръ, и въ одной кровопролитной сшибкѣ убили сына Ахматова, Едигея. — Въ 1492 году новый Посолъ Иоанновъ, Лобанъ Колычевъ, убѣжалъ Менгли-Гирея воевать Литовскія владѣнія, представляя, что Ордынскіе Цари злодѣйствуютъ ему единственно по внушеніямъ Казимировымъ (³⁷⁵). Ханъ отвѣтствовалъ: „Я съ братомъ моимъ, Великимъ Княземъ, всегда одинъ человекъ, и строю теперь при устьѣ Днѣпра, на старомъ *городище*, новую крѣость, чтобы оттуда вредить Польшѣ.“ Сія крѣость была *Очаковъ*, основанный на какихъ-то древнихъ развалинахъ. Брать Ханскій, Усемирий, и племянникъ Довлетъ жили у Казимира: Великий Князь, для безопасности Менгли-Гирея, старался переманить ихъ въ Россію, но не могъ; въ угодность ему принялъ также меньшаго пасынка его, Абдылъ-Ле-

тифа, и съ честію отправилъ къ Царю Казанскому, Махметъ-Аминю. Менгли-Гирей желалъ еще, чтобы онъ далъ Коширу въ помѣстье Царевичу Мамытеку, сыну Мустафы: сіе требование не было уважено, равно какъ и другое, чтобы Ioannъ заплатилъ 33,000 алтынъ, взятыхъ Ханомъ въ долгъ у жителей Кафинскихъ для строенія Очакова. „Не строеніемъ „безполезныхъ крѣпостей, отдаленныхъ отъ Литвы“ — приказывалъ Великій Князь къ своему другу — „но частыми впаденіями въ ея земли долженъ ты беспокоить общихъ враговъ нашихъ.“ Ханъ любилъ дары; просилъ кречетовъ и соболей для Турецкаго Султана: Государь давалъ, однакожъ не безкорыстно, и (въ 1491 году) походомъ Воеводъ Московскихъ на Улусы Золотой Орды оказавъ услугу Менгли-Гирею, хотѣль, чтобы онъ въ знакъ благодарности приспалъ къ нему свой *большой красный лайг*. Замѣтимъ еще, что Ханъ Крымскій, опасаясь Ioannova подозрѣнія, сносился съ Царемъ Казанскимъ только чрезъ Москву: всякую грамоту ихъ переводили и читали Государю, который думалъ, что осторожность не мѣшаетъ дружбы (³⁷⁶).

Литов-
ская дѣ-
ла.

Такъ было до 1492 года, когда важная перемѣна случилась въ Литвѣ и перемѣнила систему Россіи. Не смотря на взаимную ненависть между сими двумя Державами, ни которая не хотѣла явной войны. Казимиръ, уже старый и всегда малодушный, боялся твердаго, хитраго, дѣятельнаго и счастливаго Ioanna, увѣличеннаго славою побѣдъ; а Великій Князь отлагалъ войну по внушенію государственной мудрости: чѣмъ болѣе медлилъ, тѣмъ болѣе усиливался и вѣрнѣе могъ обѣщать себѣ успѣхи; неусыпно стараясь вредить Литвѣ, казался готовымъ къ миру и не отвергалъ случаевъ объясняться съ Королемъ въ ихъ взаимныхъ неудовольствіяхъ. Съ 1487 до 1492 года Литовскіе Послы, Князь Тимоѳей Мосальскій, Смоленскій Бояринъ Плюсковъ, Стромиловъ, Хреѣтовичъ и Намѣстникъ Утенскій, Клочко, прїѣзжали въ Москву съ разными жалобами. Со временемъ Витовта Удѣльные Князья древней земли Черниговской, въ нынѣшихъ Губерніяхъ Тульской, Калужской, Орловской, были подданнными Литвы: видя нако-

и нець возрастающую силу Иоанна, склоняемые къ нему единовѣріемъ и любезнымъ ихъ сердцу именемъ Русскимъ, они начали перѣходить къ намъ съ своими отчинами, и для успокоенія совѣсти давали только знать Казимиру, что слагаютъ съ себя обязанность его присяжниковъ. Уже нѣкоторые Одоевскіе, Воротынскіе, Бѣлевскіе, Переымышльскіе Князья служили Московскому Государю, и вели непрестанную войну съ своими родственниками, которые еще оставались въ Литвѣ. Такъ Василій Кривый, Князь Воротынскій, опустошилъ нѣсколько мѣстъ въ землѣ Королевской (³⁷⁷). Сыновья Князя Симеона Одоевскаго взяли городъ ихъ дяди, Феодора, Одоевъ; расхитили казну, избѣгли мать его. Дружина Князя Дмитрія Воротынскаго обратила въ пепель многія Брянскія села. Князь Иванъ Бѣлевскій силою принудилъ брата, Андрея, отложитьсь отъ Короля. Казимиръ жаловался, что Иоаннъ принимаетъ измѣнниковъ и терпитъ ихъ разбои; что многія Литовскія мѣста отошли къ намъ; что Великія Луки и Ржева не хотятъ платить ему дани, и пр. Иоаннъ отвѣтствовалъ ему на словахъ и чрезъ собственныхъ Писловъ, что сіи жалобы болѣею частію несправедливы; что Великія Луки и Ржева суть искони Новогородскія области; что Казимировы подданные сами обижаютъ Россіянъ; что скорныя дѣла должны быть рѣшены на мѣстѣ общими судіями; что Князья племени Владимира, добровольно служивъ Литвѣ, имѣютъ право съ наследственнымъ своимъ достояніемъ возвратиться подъ сѣнь ихъ дреинаго отечества. Государь требовалъ, чтобы Казимиръ отпустилъ въ Россію жену Князя Бѣльскаго, не обременяя нашихъ купцовъ налогами и возвратилъ отнятое у нихъ наследіемъ въ его землѣ, казнилъ обидчиковъ, дозволилъ Пислямъ Великокняжескимъ свободноѣздить чрезъ Литву въ Молдавію, и пр. „Государь вашъ“ — сказалъ Король чиновнику Иоаннову, Ирошкину — „любить требовать, а не удовлетворять: я долженъ „слѣдовать его примеру.“ Однакожъ взаимно соблюдалась учтивость: Литовскія Писли обѣдали у Государя; не только онъ, но и юный сынъ его, Василій Иоанновичъ, приказывалъ съ ними дружескіе поклоны къ Казимиру; въ знакъ пріязни Великій Князь

освободилъ даже многихъ Поляковъ, которые находились пленниками въ Ордѣ. Въ Маѣ 1492 году былъ отправленъ въ Варшаву (*) Иванъ Никитичъ Беклемищевъ съ предложеніемъ, чтобы Король отдалъ намъ городки Хлопенъ, Рогачевъ и другія мѣста, издревле Россійскія, и чтобы съ обѣихъ сторонъ выслать Боярь на границу для изслѣдованія взаимныхъ обидъ. Но Беклемищевъ возвратился съ извѣстіемъ, что Казимиръ умеръ 25 Июня; что старшій его сынъ, Албертъ, сдѣлался Королемъ Польскимъ, а меньшій, Александръ, Великімъ Княземъ Литовскимъ.

Смерть
Казимира.
Сынъ
его Александъ
на тронѣ
Литов-
скомъ.

Сей случай казался благопріятнымъ для Россіи: Литва, избрая себѣ иного Властителя, уже не могла располагать силами Польши, которая не имѣла вражды съ нами и должнствовала слѣдовать особенной государственной системѣ. Ioannъ немедленно послалъ Константина Заболоцкаго къ Менгли-Гирею, убѣдить его, чтобы онъ воспользовался смертю Короля и шелъ на Литовскую землю, не отлагая похода до весны; что Волжская Орда кочуетъ въ восточныхъ предѣлахъ и не опасна для Тавриды; что ему никогда не будетъ лучшаго времени отомстить Казимировымъ сыновьямъ за всѣ злые козни отца ихъ (378). — Другой Великокняжескій чиновникъ, Иванъ Плещеевъ, отправился къ Стефану Молдавскому, вѣроятно съ такими же представленіями (379). Начались и непріятельскія дѣйствія съ нашей стороны: Князь Федоръ Теленія-Оболенскій, вступивъ съ полкомъ въ Литву, разорилъ Мценскъ и Любутскъ; Князья Переяславльскіе и Одескіе, служащию Ioannу, плѣнили въ Мосальскѣ многихъ жителей, Намѣстниковъ и Князей съ ихъ семействами; другой отрядъ завоевалъ Хлопенъ и Рогачевъ (380).

Непрі-
тель-
скія
дѣйст-
вія про-
тивъ
Литви.

Междудѣмъ новый Государь Литовскій, Александръ, всего болѣе желалъ мира съ Россіею, отъ юныхъ лѣтъ слышавъ непрестанно о величинѣ и побѣдахъ ея Самодержца. Вѣрившисъ средствомъ спискать Ioannову пріязнь казалось ему супружество съ одною изъ его дочерей, и Намѣстникъ Полоцкій,

(*) «Краковъ» (собственноручная исправка Исторіотр. на его экземпляре).

Янъ, написать о томъ къ первому Воеводѣ Московскому, Князю Ивану Юрьевичу, представляя, что Россія и Литва наслаждались счастливымъ миромъ, когда дѣдъ Ioannovъ, Василій Дмитріевичъ, совокупился бракомъ съ дочерью Витовта (³⁸¹). Скоро явилось въ Москвѣ и торжественное Посольство Литовское (³⁸²). Пань Станиславъ Глѣбовичъ вручивъ вѣрющую грамоту, объявилъ Ioannу о смерти Казимира, о воинствѣ Александра на престоль, и требовалъ удовлетворенія за разореніе Мценска и другихъ городовъ. Ему отвѣтствовали, что мы должны были отметить Литвѣ за грабежи ея подданныхъ; что пленники будутъ освобождены, когда Александръ удовольствуетъ всѣхъ обиженныхъ Россіянъ, и проч. Станиславъ, циря у Воеводы Московскаго, Князя Ивана Юрьевича, въ веселомъ разговорѣ упомянулъ о сватовствѣ: онъ былъ не трезъ, и для того не получилъ отвѣта; а на другой день сказалъ, что Литовскіе Сенаторы желаютъ сего брака, но что ему велико тайно развѣдать о мысляхъ Великаго Князя. Дѣло столь важное требовало осторожности: не входя ни въ какія изѣясненія, Послу дали чувствовать, что надобно утвердить искренній, вѣчный миръ прежде, нежели говорить о сватовствѣ; что миръ легко можетъ быть заключенъ, если Правительство Литовское удергится отъ *лишнихъ ручей* и требованій неосновательныхъ. То же написалъ и Князь Иванъ Юрьевичъ къ намѣтнику Полоцкому.

Станиславъ уѣхалъ изъ Москвы и непріятельскія дѣйствія продолжались. Князья Воротынскіе, Симеонъ Федоровичъ ^{г. 1493.} и племянникъ Иваномъ Михайловичемъ, вступивъ въ нашу службу, засѣли города Литовскіе, Серпейскъ и Мещовскъ: Воевода Смоленскій, Пань Юрій, и Князь Симеонъ Можайскій выгнали ихъ оттуда; но Государь послалъ сильное войско, Московское и Рязанское, которое взяло приступомъ Серпейскъ и городокъ Опаковъ; а Мещовскъ сдался. Въ числѣ пленниковъ находились многие знатные Смоляне и Паны Двора Александрова (³⁸³). Другое наше войско покорило Вязьму: ея Князья, присягнувъ Государю, остались въ наследственномъ владѣніи; также и Князь Мезецкій, выдавъ Ioannу своихъ

Переговоры
о мире
и сватовство.

двухъ братьевъ, сосланныхъ въ Ярославль за ихъ усердіе къ Литвѣ (³⁸⁴). Князья Воротынскіе зевоевали Мосальскъ (³⁸⁵).

Злоу-
мысле-
ние на
жизнь
Іоанно-
ву.

Въ сіё время открылось въ Москвѣ гнусное злоумышленіе, коего истинный виновникъ уже тлѣль во гробѣ, но которое едва не исполнилось и не пресекло славнаго теченія Ioannovoy жизни. Никогда выгода государственная не можетъ оправдать злодѣянія; нравственность существуетъ не только для частныхъ людей, но и для Государей: они должны поступать такъ, чтобы правила ихъ дѣяній могли быть общими законами. Кто же уставитъ, что Вѣнценосецъ имѣть право тайно убить другаго, находя его опаснымъ для своей Державы: тотъ разрушитъ связь между гражданскими обществами, уставить вѣчную войну, беспорядокъ, ненависть, страхъ, подозрѣніе между ими, совершенно противные ихъ цѣли, которая есть безопасность, спокойствіе, миръ. Не такъ разсуждалъ отецъ Александровъ, Казимиръ: онъ подоспалъ къ Ioannу Князю Ивану Лукомскаго, племени Владимирова, съ тѣмъ, чтобы злодѣйски убить или отравить его. Лукомскій клялся исполнить сіё адское порученіе, привезъ съ собою въ Москву ядъ, составленный въ Варшавѣ (*), и будучи милостиво обласканъ Государемъ, вступилъ въ нашу службу; но какою-то счастливою нескромностью обнаружилъ свой умыселъ: его взяли подъ стражу; нашли и ядъ, коимъ онъ хотѣлъ умертвить Государя, чтобы сдержать данное Казимиру слово. Злодѣйство столь необыкновенное требовало и наказанія чрезвычайного: Лукомскаго и единомышленника его, Латинскаго толмача, Поляка Matiasa, сожгли въ клѣткѣ на берегу Москвы-рѣки (³⁸⁶). Князь Феодоръ Бѣльскій также впалъ въ подозрѣніе, и былъ сосланъ въ Галич: ибо Лукомскій доказывалъ, что сей легкомысленный родственникъ Казимировъ хотѣлъ тайно уѣхать отъ насъ въ Литву. Открылись и другіе преступники, два брата, Алексѣй и Богданъ Селевинны, граждане Смоленскіе: будучи пѣнниками въ Москвѣ, они жили на свободѣ, употребляли во зло довѣренность Государеву къ ихъ честности, имѣли связь съ Литвою и посы

(*) «Польшѣ» (собственноручная поправка Петоріогр. на его экземплярѣ).

лали вѣсти къ Александру Литовскому. Богдана засѣкли внутомъ до смерти: Алексѣю отрубили голову.

Такое происшествіе не могло расположить Ioanna къ миру: онъ непрестанно побуждалъ Менгли-Гирея воевать Литву. Посоль Александра, Князь Глинской, находился тогда въ Крыму, и требовалъ, чтобы Ханъ снесъ городъ Очаковъ, построенный имъ на Литовской землѣ. Въ угодность Великому Князю, Менгли-Гирей задержалъ Глинского, зимою подступилъ къ Киеву, и выжегъ окрестности Чернигова, но за разлитіемъ Днѣпра возвратился въ Переокопъ⁽³⁸⁷⁾, Между тѣмъ Воевода Черкасскій, Богданъ, разорилъ Очаковъ, къ великой досадѣ Хана, истратившаго 150,000 алтынъ на строеніе онаго. „Мы „нечего важнаго не сдѣлаемъ врагамъ своимъ, если не будемъ „имѣть крѣпости при устьѣ Днѣпра,“ писалъ Менгли-Гирей къ Великому Князю⁽³⁸⁸⁾, увѣдомляя, что Александръ посредствомъ Султана Турецкаго предлагалъ ему миръ и 13,500 червонцевъ за Литовскихъ плѣнниковъ, но что онъ, какъ вѣрный союзникъ Ioanna, не хотѣлъ о томъ слышать; что сей новый Государь Литовскій, слѣдя Политикѣ отца, возбуждаетъ Ахматовыхъ сыновей противъ Тавриды и Россіи; что Царь Ордынскій, Шигъ-Ахмедъ, женатый на дочери Ногайскаго Князя Мусы, и за то сверженный съ престола, онятъ царствуетъ имѣстъ съ братомъ Сеидъ-Махмутомъ⁽³⁸⁹⁾; что войско Крымское всегда готово итти на нихъ и на Литву, и проч. Въ самомъ дѣлѣ Менгли-Гирей не преставалъ тревожить Александровыхъ владѣній набѣгами и грабежемъ.

Новый союзникъ представился Ioannу, Владѣтельный Князь Мазовецкій, Конрадъ, племени древнихъ Вѣнценосцевъ Польскихъ. Будучи тогда врагомъ сыновей Казимировыхъ, онъ желалъ вступить въ тѣсную связь съ Россіею и прислалъ въ Москву Варшавскаго Намѣстника, Ивана Подосю, сватать за него одну изъ дочерей Великаго Князя. Сей бракъ казался пристойнымъ и выгоднымъ для нашей Политики; но Государь не хотѣлъ вдругъ изъявить согласія, и самъ отправилъ Пословъ въ Мазовію для заключенія предварительного договора съ ея Княземъ: 1) о вспоможеніи, которое онъ даетъ Россіи

Посоль-
ство
Князя
Мазо-
вскаго
въ Мо-
скву.

противъ сыновей Казимировыхъ; 2) о назначениі вѣна для будущей супруги его: то есть, Ioannъ требовалъ, чтобы она имѣла въ собственномъ владѣніи нѣкоторые города и волости въ Mazovії (³⁹⁰). — Не знаемъ, съ какимъ отвѣтомъ возвратились Послы; но сіе сватовство не имѣло дальнѣйшихъ слѣдствій, вѣроятно отъ перемѣны обстоятельствъ.

Если и Казимиръ, Государь Литвы и Польши, опасался войны съ Ioannомъ: то Александръ, властвую единственno надъ первою, и не увѣренный въ усердиї помощи брата могъ ли безъ крайности отважиться на кровопролитіе? Менгли-Гирей опустошалъ, Стефанъ Молдавскій грозилъ, заключивъ тѣсный союзъ между собою посредствомъ Ioanna (³⁹¹), и слѣдя его указаніямъ. Но всего опаснѣе былъ самъ Великій Князь, именемъ отечества и единовѣрія призывая къ себѣ всѣхъ древнихъ Россіянъ, которые составляли большую часть Александровыхъ подданныхъ. Уже Москва расширила свои предѣлы до Жиздры и самого Даѣпира, дѣйствуй не столько мечемъ, сколько приманомъ. Въ городахъ, въ селахъ и въ битвахъ страшились измѣны, — И такъ Александръ рѣшительно хотѣлъ искренняго, вѣчнаго мира.

Но столь легко изъяснить обстоятельствами миролюбіе Ioanna; все ему благопріятствовало: онъ имѣлъ сильное, опытное войско, друзей въ Литвѣ и счастіе, важное въ дѣлахъ человѣческихъ; видѣль ея боязнь и слабость; могъ обѣщать себѣ рѣдкую славу и даже Христіанскую заслугу, то есть, возвратить отечеству лучшую его половину, а Церкви шесть или семь знаменитыхъ Епархій, насилиемъ Латинскимъ отторженыхъ отъ ея истиннаго, общаго Царства. Но мы знаемъ характеръ Ioannовъ, для коего умѣренность была закономъ въ самомъ счастіи; знаемъ умъ его, который не любилъ отважности, кромѣ необходимой. Властвовавъ уже болѣе тридцати лѣтъ въ непрестанной и часто беспокойной дѣятельности, онъ хотѣлъ тишины, согласной съ достоинствомъ великаго Монарха и благомъ Державы. Вообще люди на шестомъ десятилѣтіи жизни рѣдко предпринимаютъ трудное и менѣе обольщаются успѣхами отдаленными. Покушеніе завоевать всю древнюю

южную Россію возбудило бы противъ насть не только Польшу, но и Венгрію, и Богемію, гдѣ царствовалъ братъ Александровъ, Владиславъ; надлежало бы воевать долго и не распускать полковъ: что казалось тогда невозможностю. Союзъ Хана Крымскаго и Стефана Великаго, полезный для усмиренія Литвы, не могъ быть весьма надеженъ въ усиленномъ бореніи съ сими тремя Государствами. Менгли-Гирей зависѣлъ отъ Султана, готоваго иногда оказывать услугу Венгріи и Польшѣ: хотя не измѣнялъ Ioани, однако же не во всемъ удовлетворялъ ему: на примѣрь, безъ его вѣдома освободилъ Глинскаго, ссыпался съ Александромъ и дѣйствовалъ противъ Литвы слабо, недружно (³⁹²). Стефанъ же имѣлъ болѣе ума и мужества, нежели силь, истощаемыхъ имъ въ войнахъ съ Турками. — Замѣтилъ наконецъ, что время уже пріучило Сѣверную Россію смотрѣть на Литовскую какъ на чуждую землю; въ обычаяхъ и нравахъ сдѣлалась перемѣна, и связь единородства ослабѣла. Ioани, отнявъ у Литвы некоторые области, былъ доволенъ симъ знакомъ превосходства силъ, и лучше хотѣлъ миромъ утвердить пріобрѣтенное, нежели войною искать новыхъ пріобрѣтеній.

Въ слѣдъ за Литовскими Послами, бывшими въ Москвѣ. Великий Князь отправилъ Дворянина Загряжскаго къ Александру, съ объясненіемъ, что отчины Князей Воротынскихъ, Бѣлевскихъ, Мезецкихъ и Вяземскихъ, служащихъ Государю, будутъ вирѣдъ частю Россіи, и что Литовское Правительство не должно вступаться въ оныя. Въ вѣрющей грамотѣ, данной Загряжскому, Ioани по своему обыкновенію назвалъ себя Государемъ *всей Rossii*. Сей Посоль имѣлъ также письмо отъ юнаго сына Ioаннова, Василія, къ изгнаннику, Князю Василію Михайловичу Верейскому, коему дозволялось возвратиться въ Москву: ибо Великая Княгиня Софія исходатайствовала ему прощеніе (³⁹³). Въ Вильнѣ отвѣчали Загряжскому, что новые Послы Александровы будутъ въ Москву: они дѣйствительно пріѣхали въ исходѣ Іюня съ требованіемъ, чтобы Ioани не только отдалъ ихъ Государю всѣ захваченныя Россіянами Литовскія области, но и казнилъ виновниковъ сего

насилія; сверхъ того изъявили негодованіе, что Великій Князь употребляетъ въ грамотахъ титулъ новый и *высокій*, именуясь Государемъ *всей Россіи* и многихъ земель; а въ заключеніе сказали Воеводѣ Московскому, Ивану Юрьевичу, что Александръ, по желанію Сенаторовъ Литовскихъ, готовъ начать переговоры о вѣчномъ миру⁽³⁹⁴⁾. Отвѣтъ Иоанновыхъ Бояръ состоялъ въ слѣдующемъ: „Князья Воротынскіе и другіе искони „были слугами нашихъ Государей. Пользуясь *невгодою Россіи*, Литва завладѣла ихъ странами: теперь иныхъ времена. — „Великій Князь не пинить въ грамотахъ своихъ нечего *высокаго*, а называется Властителемъ земель, данныхъ ему „Богомъ“.

Г. 1494. Въ Генварѣ 1494 году *Великіе Послы* Литовскіе, Воевода Троицкій, Пётръ Яновичъ Бѣлой и Станиславъ Гастольдъ, Староста Жмудскій, прибыли въ Москву для заключенія мира. Они хотѣли возбновить договоръ Казимира съ Василіемъ Темнымъ, а наши Бояре древнійшиі Ольгердовъ съ Симеономъ Гордымъ и отцемъ Донскаго. Первые уступали Иоанну Новгородъ, Псковъ и Тверь въ вѣчное потомственное владѣніе, но требовали всѣхъ иныхъ городовъ, коими завладѣли Россіяне въ новѣйшія времена, „Вы уступаете намъ не свое, а „наше“, сказали Бояре. Спорили долго, хитрили и иѣсколько разъ прерывали сношенія; наконецъ согласились, чтобы Вязма Алексинъ, Тѣшиловъ, Рославль, Веневъ, Мстиславль, Торуса, Оболенскъ, Козельскъ, Серенскъ, Новосиль, Одоевъ, Воротынскъ, Переяславль, Бѣлевъ, Мещера остались за Россіею; а Смоленскъ, Любутскъ, Мценскъ, Брянскъ, Серпейскъ, Лучинъ, Мосальскъ, Дмитровъ, Лужинъ и иѣкоторыя иныхъ мѣста по Угру за Литвою⁽³⁹⁵⁾. Князьямъ Мезецкимъ или Мещовскимъ дали волю служить, кому они хотятъ. Александръ обѣщалъ признать Великаго Князя *Государемъ всей Россіи*, съ тѣмъ, чтобы онъ не требовалъ Кіева. Тогда Послы Литовскіе, вторично представленные Иоанну, начали дѣло сватовства, и Государь изъявилъ согласіе выдать dochь свою, Елену, за Александра, взявъ слово, что онъ не будетъ нудить ее къ перемѣщію Вѣры. На другой день, Февраля 6, въ комнатахъ у Великой Кня-

миръ
съ Лит-
вой.

Иоаннъ
отдаєтъ
дочь
свою,
Елену
за Александра.
1494.

гии Софии они увидѣли невѣсту, которая чрезъ Окольничаго спросила у нихъ о здоровьѣ будущаго супруга. Тутъ, въ присутствіи всѣхъ Бояръ, совершилось обрученіе. Станиславъ Гастольдъ заступалъ мѣсто жениха, ибо старшему Послу, Водеводѣ Петру, имѣвшему вторую жену, не дозволили быть дѣйствующимъ въ семъ обрядѣ. Греи читали молитвы. Обмѣнялись перстнями и крестами, висящими на золотыхъ цѣпяхъ.

Февраля 7 Послы именемъ Александра присягнули въ вѣрномъ соблюденіи мира; а Великій Князь цѣловаль крестъ въ томъ же. Главныя условія договора, написанного на хартіи съ золотою печатію, были слѣдующія: 1) „Жить обоимъ Государямъ и дѣтямъ ихъ въ вѣчной любви и помогать другъ другу во всякомъ случаѣ; 2) владѣть каждому своими землями по древнимъ рубежамъ; 3) Александру не принимать къ себѣ Князей Вяземскихъ, Новосильскихъ, Одоевскихъ, Воротынскихъ, Переѣмъшльскихъ, Бѣлевскихъ, Мещерскихъ, Говдыревскихъ, ни Великихъ Князей Рязанскихъ, остающихся на сторонѣ Государя Московскаго, коему и рѣшить ихъ спорныхъ дѣла съ Литвою; 4) двухъ Князей Мезецкихъ, сосланныхъ въ Ярославль, освободить; 5) въ случаѣ обиды выслать общихъ судей на границу; 6) измѣнниковъ Россійскихъ, Михаила Тверскаго, сыновей Князя Можайскаго, Шемяки, Боровскаго, Верейскаго, ни да не отпускать изъ Литвы: буде же уйтуть, то вновь не принимать ихъ; 7) Посламъ и купцамъ Ѵздить свободно пѣтъ земли въ землю“, и проч. (³⁹⁶) — Сверхъ того Послы дали слово, что Александръ обяжется грамотою не беспокоить супруги въ разсужденіи Вѣры. Они три раза обѣдали у Государя и получили въ даръ богатыя шубы съ серебряными ковшами (³⁹⁷). Отпуская ихъ, Великій Князь сказалъ изустно: „Петръ и Станиславъ! милостію Божію мы утвердили дружбу съ зятемъ и братомъ, Александромъ; что обѣщали, то исполнимъ. Послы мои будуть свидѣтелями его клятвы (³⁹⁸).“

Для сего Князя Василій и Симеонъ Ряполовскіе, Михаило Ярошкинъ и Дьякъ Феодоръ Курицынъ были посланы въ Вильну (³⁹⁹). Александръ, присягнувъ, размѣнялся мирными

договорами; написать также грамоту о Законѣ будущей супруги, но вмѣстѣ съ слова: „если же Великая Княгиня Елена „сама захочетъ принять Римскую Вѣру, то ея воля“. Сіе дополненіе сдѣла не остановило брака: Ioannъ гнѣвно велѣлъ сказать Александру, что онъ по видимому не хочетъ быть его зятемъ. Бумагу переписали, и чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ явилось въ нашей столицѣ Великое Посольство Литовское. Воевода Виленскій, Князь Александръ Юрьевичъ, Князь Янъ Заборезенскій, Намѣстникъ Полоцкій, Панъ Юрій, Намѣстникъ Браславскій, и множество знатнѣйшихъ Дворянъ прѣѣхали за невѣстою, блестая великолѣпіемъ въ одѣждѣ, въ услугѣ и въ украшениі коней своихъ. Въ вѣрющей грамотѣ Александръ именовалъ Великаго Князя отцемъ и тестемъ. Выслушавъ рѣчъ Посольскую, Ioannъ сказалъ: „Государь вашъ, „брать и зять мой, восхотѣть прочной любви и дружбы съ „нами: да будетъ! Отдамъ за него дочь свою. — Онъ долженъ „помнить условіе, скрѣпленное его печатію, чтобы дочь наша „не перемѣнила Закона ни въ какомъ случаѣ, ни принуж- „денно, ни собственною волею. — Скажите ему отъ настѣ, чтобы „онъ дозволилъ ей имѣть придворную церковь Греческую⁽¹⁰⁰⁾. „Скажите, да любить жену, какъ Законъ Божественный по- „велѣваетъ, и да веселится сердце родителя счастіемъ супру- „говъ! — Скажите отъ настѣ Епископу и Панамъ вашей „Думы Государственной, чтобы они утверждали Великаго Кня- „зя Александра въ любви къ его супругѣ и въ дружбѣ съ „нами. Всеышній да благословитъ сей союзъ!“

Генваря 13 Ioannъ, отслушавъ Литургію въ Успенскомъ храмѣ со вѣмъ Великокняжескимъ семействомъ и съ Боярами, призвалъ Литовскихъ Вельможъ къ церковнымъ дверямъ, вручилъ имъ невѣstu и проводилъ до саней. Въ Дорогомиловѣ Елена остановилась и жила два дни: братъ ея, Василій, угостилъ тамъ Пановъ роскошнымъ обѣдомъ; мать ночевала съ нею, а Великій Князь два раза прїѣжалъ обнять любезную ему дочь, съ которой разставался навѣки. Онъ далъ ей слѣдующую записку: „Память Великой Княжнѣ Еленѣ. Въ бож- ницу Латинскую неходить, а ходить въ Греческую церковь:

„изъ любопытства можешь видѣть первую или монастырь Латинскій, но только однажды или два раза. Если свекровь твоя будетъ въ Вильнѣ и прикажеть тебѣ ити съ собою въ божницу, то проводи ее до дверей и скажи учтиво, что идешь въ свою церковь“. — Невѣсту провожали Князь Симеонъ Ряполовскій, Бояринъ Михайло Яковлевичъ Русалка и Прокофій Зиновьевичъ съ женами, Дворецкій Димитрій Пѣшковъ Дьякъ и Казначей Василій Кулешинъ, нѣсколько Окольничихъ, Стольниковъ, Конюшихъ, и болѣе сорока знатныхъ Дѣтей Боярскихъ. Въ тайномъ наказѣ, данномъ Ряполовскому, велѣно было требовать, чтобы Елена вѣнчалась въ Греческой церкви, въ Русской одеждѣ, и при совершении брачного обряда на вопросъ Епископа о любви ея къ Александру отвѣтствовала: *любъ ми, и не оставити ми ею до живота никоєа ради болѣзни, кромъ Закона; держать мнъ Греческій, а ему не пудитъ меня къ Римскому.* Иоанитъ не забыть ничего въ своихъ предписаніяхъ, назначая даже, какъ Еленѣ одѣваться въ пути, гдѣ и въ какихъ церквяхъ иѣть молебны, кого видѣть, съ кемъ обѣдать, и проч. (⁴⁰¹).

Ея путешествіе отъ предѣловъ Россіи до Вильны было веселымъ торжествомъ для народа Литовскаго, который видѣть въ ней залогъ долговременнаго, счастливаго мира. Въ Смоленскѣ, Витебскѣ, Полоцкѣ, Вельможи и Духовенство встрѣчали ее съ дарами и съ любовью, радуясь, что кровь Св. Владимира соединяется съ Гедиминовою; что Церковь Православная, сирия, безгласная въ Литвѣ, найдетъ ревностную покровительницу на тронѣ; что симъ брачнымъ союзомъ возобновляется древняя связь между единоплеменными народами. Александръ выслалъ знатнѣйшихъ чиновниковъ привѣтствовать Елену на пути и самъ встрѣтилъ ее за три версты отъ Вильны, окруженный Дворомъ и всѣми Думными Шанами. Невѣста и женихъ, ступивъ на разостланное аloe сукно и золотую камку, подали руку другъ другу, сказали нѣсколько ласковыхъ словъ, и вмѣстѣ вѣхали въ столицу, онъ на конѣ, она въ саняхъ, богато украшенныхъ (⁴⁰²). Невѣста въ Греческой церкви Св. Богоматери отелушала молебень: Боярыни Московскія распили

ей косу, надѣли на голову кику съ покрываломъ, осыпали ее хмѣлемъ и повели къ жениху въ церковь Св. Станислава, гдѣ вѣничаль ихъ, на бархатѣ и на соболяхъ, Латинскій Епископъ и нашъ Священникъ Омом. Тутъ былъ и Виленскій Архимандритъ Макарій, Намѣстникъ Кіевскаго Митрополита (⁴⁰³); но не смѣлъ читать молитвъ. Княгиня Ряполовская держала надъ Еленою вѣнецъ, а Дьякъ Кулешинъ скляницу съ виномъ.— По совершении обрядовъ Александръ торжественно принялъ Бояръ Иоанновыхъ; начались веселые пиры: открылись и взаимныя неудовольствія.

Давно замѣчено Историками, что рѣдко брачные союзы между Государями способствуютъ благу Государствъ: каждый Вѣнценосецъ желаетъ употребить свойство себѣ въ пользу; вместо уступчивости рождаются новыя требованія, и тѣмъ чувствительнѣе бываютъ отказы. Кажется, что Иоаннъ и Александръ въ семъ случаѣ не хотѣли обмануть другъ другъ, но сами обманулись: по крайней мѣрѣ первый дѣйствовалъ откровеннѣе, великодушнѣе, какъ должно сильнѣйшему; не уступалъ, однакожъ и не мыслилъ коварствовать, съ прискорбiemъ видя, что надежда обѣихъ Державъ не исполнилась, и что свойство не принесло ему мира надежнаго.

Новая
Государ-
въ здѣ-
ствіи
на междур-
Россію и
Литву.

Еще во время сватовства Александръ съ досадою писалъ въ Москву о новыхъ обидахъ, дѣлаемыхъ Россіянами Литвѣ (⁴⁰⁴). Иоаннъ обѣщалъ управу; но самъ былъ не доволенъ тѣмъ, что Александръ именовалъ его въ грамотахъ только Великимъ Княземъ, а не *Государемъ всей Россіи*. Весною прѣѣхалъ изъ Литвы Маршалокъ Станиславъ съ брачными дарами: вручивъ ихъ Государю и семейству его, онъ жаловался ему на Молдавскаго Воеводу, Стефана, разорившаго городъ Бреславль и на Пословъ Московскихъ, Князя Ряполовскаго и Михайла Русалку, которые, будучи изъ Вильны въ Москву, будто бы грабили жителей; требовалъ еще, чтобы всѣ Россійские чиновники, служащи Еленѣ, были отозваны назадъ: „ибо она имѣеть довольно своихъ подданныхъ для услуги“. Иоаннъ обѣщалъ примирить Стефана съ зятемъ; но досадовалъ, что Александръ не позволилъ ни православному Епископу, ни

Архимандриту Макарію вѣнчать Елены, не соглашается построить ей домовую церковь Греческаго Закона, удалилъ отъ неё почти всѣхъ Россіянъ, и весьма худо содержить остальныхъ. Жалоба на Московскихъ Пословъ была клеветою: напротивъ того они дорогою терпѣли во всемъ недостатокъ⁽⁴⁰⁵⁾. — Отпустивъ Станислава, Великій Князь послалъ гонца въ Вильну навѣдаться о здоровье Елены, и далъ ему два письма: одно съ обыкновенными привѣтствіями, а другое съ тайными наставленіями, желая, чтобы она не имѣла при себѣ чиновниковъ, ни слугъ Латинской Вѣры, и никакъ не отпускала нашихъ Бояръ, изъ коихъ главнымъ былъ тогда Князь Василій Ромодановскій, присланный въ Вильну съ женою⁽⁴⁰⁶⁾. Для переписки съ родителемъ Елена употребляла Московскаго Подъячаго и должна была скрывать ону отъ супруга: положеніе весьма опасное и непріятное: Юная Великая Княгиня, одаренная здравымъ смысломъ и нѣжнымъ сердцемъ, вела себя съ удивительнымъ благоразуміемъ, и сохрания долгъ покорной дочери, не измѣняла мужу, ни государственнымъ выгодамъ ся новаго отечества; никогда не жаловалась родителю на свои домашнія неудовольствія, и старалась утвердить его въ союзѣ съ Александромъ. Въ сіё время разнесся слухъ въ Вильнѣ, что Ханъ Менгли-Гирей идетъ на Литву: Елена вмѣстѣ съ супругомъ писала къ Іоанну, чтобы онъ, исполняя договоръ, защитилъ ихъ; о томъ же писала и къ матери въ выраженныхъ убѣдительныхъ и ласковыхъ⁽⁴⁰⁷⁾.

Великій Князь находился въ обстоятельствахъ затруднительныхъ: безъ кѣдома и безъ участія Менгли-Гиреева вступивъ въ тѣсный союзъ съ Александромъ, ихъ бывшимъ непріятелемъ, онъ извѣстилъ Хана Таврическаго о семъ важномъ происшествіи, уверяя его въ неизмѣнной дружбѣ своей, и предлагая ему также помириться съ Литвою. Отвѣтъ Менгли-Гиреевъ, сильный искренностю и прямодушіемъ, содержалъ въ себѣ упреки, отчасти справедливые. „Съ удивленіемъ читаю „твою грамоту“, писалъ Ханъ къ Государю: „ты вѣдаешь, „измѣняль ли я тебѣ въ дружбѣ, предпочиталъ ли ей осо- „бенныя выгоды, усердно ли помогалъ тебѣ на краговъ тво-

„ихъ! Другъ и братъ великос дѣло; не скоро добудеши „его: такъ я мыслилъ, и жегъ Литву, громилъ Улусы Ахматовыихъ сыновей, не слушалъ ихъ предложеній, ни Казимировыхъ, ни Александровыхъ: что жъ моя награда? Ты сталъ „другомъ нашихъ злодѣевъ, а меня оставилъ имъ въ жертву...! „Сказалъ ли намъ хотя едино слово о своемъ намѣреніи? „Не разсудиль и подумать съ твоимъ братомъ (¹⁰⁸)!“ Однакожъ Менгли-Гирей все еще держался Великаго Князя, и даже снова клялся умереть его вѣрнымъ союзникомъ: не отвергаль и мира съ Литвою, требуя единствено, чтобы Александръ удовлетворилъ ему за понесенные имъ въ войнѣ убытки.

И такъ Иоаннъ могъ бы легко примирить зятя съ ханомъ; но прежде надлежало удостовѣриться въ искренней дружбѣ первого: отвѣтствуя ему, что договоръ съ нашей стороны будетъ исполненъ, и что войско Россійское готово защитить Литву, если Менгли-Гирей не согласится на миръ, Иоаннъ послать въ Вильну Боярина Кутузова, съ требованіемъ, чтобы Александръ непремѣнно позволилъ супругѣ своей имѣть домовую церковь, а не принуждалъ ее носить Польскую одѣжду, не давать ей слугъ Римскаго исповѣданія, писать въ грамотахъ весь титулъ Государя согласно съ условіемъ, не запрещалъ вывозить серебра изъ Литвы въ Россію и чтобы наконецъ отпустилъ въ Москву жену Князя Бѣльского (¹⁰⁹). Въ угодность зятю, Великий Князь отозвалъ изъ Вильны Бояръ Московскихъ, коихъ Александръ считалъ опасными доносителями и ссорщиками: остались при Еленѣ только священникъ Ёома съ двумя Крестовыми Дьяками и нѣсколько Русскихъ поваровъ. Не смотря на то, зять не хотѣлъ исполнить ни одного изъ требованій Иоанновыхъ, отвѣтствуя на первое, что уставъ предковъ его запрещаетъ строить вновь церкви нашего Исповѣданія, и что Елена можетъ ходить въ приходскую, которая недалеко отъ дворца. „Какое мнѣ дѣло до „вашихъ уставовъ?“ возражалъ Государь: „у тебя супруга „православной Вѣры, и ты обѣщалъ ей свободу въ Богослу „женіи.“ Но Александръ упрямился; не отпустилъ даже и Княгини Бѣльской, говоря, что она сама не ёдетъ въ Россію.

Къ симъ досадамъ онъ присовокупилъ новую. Султанъ г. 1495
Турецкій, Баиятъ получивъ грамоту Великаго Князя ^{1496.} (⁴¹⁰),
и строго запретивъ утѣшнять купцевъ нашихъ, торгующихъ
въ Кафѣ и Азовѣ, немедленно отправилъ въ Москву Посла
съ дружественными увѣрѣями: Александръ велѣлъ ему и быв-
шимъ съ нимъ Константинопольскимъ гостямъ возвратиться
изъ Киева въ Турцію, приказавъ къ Ioани, что никогда
Султанскіе Послы не ѻзжали въ Россію черезъ Литву, и что
они могутъ быть лазутчиками (⁴¹¹).

Однакожъ Великій Князь еще изъявлять доброхотство-
зяю, и даль ему знать, что Стефанъ Молдавскій и Менгли-
Гирей соглашаются жить въ мирѣ съ Литвою (⁴¹²). Сего не-
довольно: услышавъ, что Александръ, по совѣту Думныхъ
Пановъ, готовъ отдать въ Удѣль меныше брату, Сигизмунду,
Кievскую область, Ioанинъ писалъ къ Еленѣ, чтобы она вся-
чески старалась отвратить мужа отъ намѣренія столь вреднаго.
Повторимъ собственныя слова его: „Я слыхалъ о неустрой-
стввахъ, какія были въ Литвѣ отъ Удѣльного Правленія. И
ты слыхала о нашихъ собственныхъ бѣдствіяхъ, произведен-
ныхъ разновластіемъ въ княженіе отца моего; помнишь, что
и самъ я терпѣлъ отъ братьевъ. Чему быть добруму, когда
Сигизмундъ сдѣлается у васъ особеннымъ Государемъ? Соѣ-
тую, ибо люблю тебя, милую dochь свою: не хочу вашего зла.
Если будешь говорить мужу, то говори единственно отъ себя
(⁴¹³).“ Въ симъ случаѣ Ioанинъ явилъ образъ достойный Мо-
нарха сильнаго и великодушнаго: имѣлъ досаду на зятя, но
какъ искренній другъ предостерегаль его отъ гибельной по-
грѣшиности, не смотря на то, что Россія могла бы воспользова-
ться ею.

Сіе великодушіе, по видимому, не тронуло Александра:
онъ съ грубостію отвѣтствовалъ, что не видѣть расположенія
къ миру въ нашихъ союзникахъ, Менгли-Гиреѣ и Стефанѣ,
непрестанно враждующихъ Литвѣ; что тестъ указываетъ ему
въ его дѣлахъ, и не даетъ ни какой управы. Огорченный
Великій Князь, жалуясь Еленѣ на мужа ся, спрашивалъ,
для чего онъ не хочетъ жить съ нимъ въ любви и братствѣ?

„Для того“ — писалъ Александръ къ тестю — что ты завла-
„дѣлъ многими городами и волостями, издавна Литовскими;
„что пересылаешься съ нашими недругами, Султаномъ Турец-
кимъ, Господаремъ Молдавскимъ и Ханомъ Крымскимъ, а
„доселѣ не помирилъ меня съ ними, вопреки нашему условію
„имѣть однихъ друзей и непріятелей; что Россіяне, не взи-
„рая на миръ, всегда обижаютъ Литовцевъ. Если дѣйствительно
„желаешь братства между нами, то возврати мое и съ убыт-
„ками, запрети обиды, и докажи тѣмъ свою искренность:
„союзники твои, увидѣвъ оную, престанутъ мнѣ злодѣйство-
„вать (414).“ Елена въ сей грамотѣ приписала только поклонъ
родителю.

Всѣ неудоволстvія Александровы происходили, кажется, отъ того, что онъ жалѣлъ о городахъ, уступленныхъ имъ Россіи, и съ прискорбiemъ оставлялъ Елену Греческою Христіанкою. Іоаннъ не отнялъ ничего нового у Литвы послѣ заключенного договора; видя же упрямство, несправедливость и грубости зятя, бралъ свои мѣры. Бояринъ Князь Звонецъ поѣхалъ къ Менгли-Гирею: извиняясь, что за худою зимнею дорогою не уведомилъ его во-время о сватовствѣ Александровомъ, Іоаннъ убѣждаль Хана забыть прошедшее. „Не требую“ — говорилъ онъ — „но соглашаюсь, чтобы ты жилъ въ мирѣ съ „Литвою; а если зять мой будетъ опять тебѣ или мнѣ врагомъ, „то мы возстанемъ на него общими силами (415).“ Вѣроятно, что Іоаннъ такимъ же образомъ писалъ и къ Стефану Мол-
давскому: по крайней мѣрѣ сіи два союзника Россіи не спѣ-
шили мириться съ Александромъ, и Великій Князь въ случаѣ
войны могъ надѣяться на ихъ усердную помошь.

ГЛАВА VI.

Продолжение государствований Иоаннова.

Г. 1495—1503.

Заложенъ Иванъгородъ. Гнѣвъ Великаго Князя на Ливонскихъ Нѣмцевъ и заключеніе всѣхъ купцевъ Ганзейскихъ въ Россіи. Союзъ съ Даніею. Война съ Шведами. Иоаннъ въ Новгородѣ. Пходъ на Гамскую землю или Финляндію. Дѣла Казанская. Первое наше Посольство въ Константинополь. Рязанская Княгиня въ Москвѣ и выдастъ дочь за Бѣльскаго. Гнѣвъ Иоанновъ на супругу въ сына Василія. Великій князь торжественно вѣлчаетъ на царство внука своего, юнаго Димитрія Иоанновича: мирился съ супругою, казнить Бояръ и называетъ Василія Вел. Княземъ Новагорода и Пскова. Посольство въ Венецию и въ Константинополь. Завоеваніе земли Югорской или сѣверо-западной Сибири. Посланъ Воевода въ Казань. Разрывъ съ Литвою. Князья Черниговскій и Рыльскій, поддаются Иоанну. Завоеваніе Мценска, Серпейска, Брянска, Путивля, Дорогобужа. Князья Трубчевскіе добровольно покоряются. Мѣстничество нашихъ Воеводъ. Битва на берегахъ Ведроши. Ханъ Крымскій опустошаетъ Литву и Польшу. Союзъ Александра съ Ливонскимъ Орденомъ. Переговоры о мирѣ. Александръ избранъ въ Польскіе Короли. Новая победа надъ Литвою близи Мстиславля. Война съ орденомъ. Сраженіе близи Изборска. Болѣзни въ Ливонской рати. Россійские опустошаютъ Ливонію. Царь большой Орды, Шигъ-Ахметъ, помогаетъ Литвѣ. Ханъ Крымскій совершенно истребляетъ сіи остатки Батыева Царства. Александръ вѣроломно заключаетъ Шигъ-Ахмета. Досада Хана Крымскаго на Великаго Князя. Иоаннъ, заключивъ невѣстку и внука, объявляетъ Василія наслѣдникомъ. Разрывъ съ Стефаномъ Молдавскимъ. Смерть Стефана. Осада Смоленска. Битва съ Магистромъ Ливонскимъ близь Пскова. Папа старается о мирѣ. Переимиріе съ Литвою и съ Орденомъ. Хитрость Вел. Князя. Александръ безразсудно досаждаетъ ему.

Имѣя Литву главнымъ предметомъ своей Политики, Государь съ тою же дѣятельностію занимался и другими дѣлами, важными для чести и безопасности Россіи. Онъ велѣлъ въ 1492 году заложить каменную крѣпость противъ Нарвы, на Дѣвичьей горѣ, съ высокими башнями, и назвалъ ее, по своему имени, Иванъгородъ, къ великому беспокойству Ливонскихъ Нѣмцевъ, которые однакожъ не могли ему въ томъ воспрѣ-

заніе
Иванъ-
городъ

препятствовать, и въ 1493 году продолжили миръ съ Россieю на десять лѣтъ (⁴¹⁶). Черезъ нѣсколько мѣсяцeвъ—такъ пишетъ Нѣмецкій Историкъ — „всеноародно сожгли въ Ревель „одного Россiянина, уличеннаго въ гнусномъ преступленіи“ (⁴¹⁷), и легкомысленные изъ тамошнихъ гражданъ сказали его

*Глѣбъ
Велика-
го Кня-
зя па
Ливон-
скихъ
Нѣме-
цевъ, и
заключе-
ніе всѣхъ
купцовъ
Ганзей-
скихъ
въ Рос-
сии.*

„единоземцамъ: мы сожгли бы и вашею Князя, если бы онъ сдѣлалъ у насъ то-же. Сіи безразсудные слова, пересказанныя Государю Московскому, возбудили въ немъ столь великий гнѣвъ, что онъ изломалъ трость свою, бросилъ на землю, и взглянувъ на небо, грозно произнесъ: *Богъ суди мое дѣло и казни вѣрзость.*“ А нашъ Лѣтописецъ говорить, что Ревельцы обижали купцевъ Новогородскихъ, грабили ихъ на морѣ, безъ обсыпки съ Иоанномъ и безъ изслѣдованія варили его подданныхъ въ котлахъ, дѣля несносныя грубости Посламъ Московскими, которые ъздили въ Италію и въ Нѣмецкую землю (⁴¹⁸). Раздраженный Государь требовалъ, чтобы Ливонское Правительство выдало ему Магистратъ Ревельскій (⁴¹⁹) и получивъ отказъ, велѣлъ схватить Ганзейскихъ купцевъ въ Новѣгородѣ: ихъ было тамъ 49 человѣкъ, изъ Любека, Гамбурга, Грайфсвальда, Люнебурга, Мюнстера, Дортмунда, Белефельда, Унны. Дуйзбурга. Эймбека, Дудерштата, Ревеля и Дерпта. Запечатали Нѣмецкіе гостинные дворы, лавки и божницы; отняли и послали въ Москву всѣ товары, цѣною на миллионъ гульденовъ (⁴²⁰); заключили несчастныхъ въ тяжкіе оковы и въ душныя темницы. Вѣсть о семъ бѣдственномъ случаѣ произвела тревогу во всей Германіи. Давно не бывало подобнаго: Новгородъ въ самыхъ пылкихъ ссорахъ съ Ливонскимъ Орденомъ щадилъ купцевъ Ганзейскихъ, имѣя нужду во многихъ вещахъ, ими поставляемыхъ Россіи: ибо они привозили къ намъ не только Фланманскія сукна и другія Нѣмецкія рукодѣлія, но и соли, медъ, пшеницу (⁴²¹). Ганза находилась тогда на высшей степени ея силы и богатства. Новогородская Контора сего достопамятнаго купеческаго союза издавна считалась матерію другихъ: ударъ столь жестокій произвелъ всеобщее замѣшательство въ дѣлахъ онаго. Послы Великаго Магистра, семидесяти

городовъ Нѣмецкихъ и зятя Ioannova, Alexandra, прѣѣхали въ Москву ходатайствовать за Ганзу и требовать освобожденія купцевъ, предлагая съ обѣихъ сторонъ выслать судей на островъ рѣки Narovy для разбора всѣхъ неудовольствій (⁴²²). Миновало болѣе года: заключенные томились въ темницахъ. Наконецъ Государь умилостивился, и велѣлъ отпустить ихъ: нѣкоторые умерли въ оковахъ, другіе потонули въ морѣ на пути изъ Ревеля въ Любекъ; не многіе возвратились въ отчество, и всѣ лишились имѣнія; ибо имъ не отдали товаровъ (⁴²³). Симъ пресѣклась торговля Ганзейская въ Novgorodѣ, бывъ для него источникомъ богатства и самаго грѣданскаго просвѣщенія въ то время, когда Россія, омраченная густыми тѣнями варварства Mogольскаго, симъ однимъ путемъ сообщалась съ Европою. Ioannъ безъ сомнѣнія едѣлъ ошибку, послѣдовавъ движению гиѣка; хотѣлъ исправить ону и не могъ: Нѣмецкіе купцы уже страшились вѣбрать судьбу свою такой землѣ, гдѣ единое мгновеніе грознаго Самовластителя лишило ихъ вольности, имѣнія и жизни, не отличая виновныхъ отъ невинныхъ. Любекъ, Гамбургъ и другіе союзные города, пострадавъ за Ревель, имѣли причину жаловаться на жестокость Ioanna, который думаль только явить гиѣкъ и милость, въ надеждѣ, что Нѣмцы, смиренныя наказаніемъ, съ благодарностю возвратятся на свое древнее торжище: чего однакожъ не случилось. Люди охотнѣе подвергаются морскимъ волнамъ и бурямъ, нежели беззаконному насилию Правительствъ. Дворы, божница, лавки Нѣмецкія опустѣли въ Novgorodѣ; торговля перешла оттуда въ Rигу, Дерптъ и Ревель, а послѣ въ Narvu, гдѣ Россіяне мѣнились своими произведеніями съ чужестранными купцами (⁴²⁴).

Такъ Великій Князь въ порывѣ досады разрушилъ благое дѣло вѣковъ, къ обоюдному вреду Ганзы и Россіи, въ противность собственному его всегдашнему старанію быть въ связи съ образованною Европою. Нѣкоторые Историки умствуютъ, что Ioannъ видѣлъ въ Ганзейскихъ купцахъ проповѣдниковъ народной вольности, питавшихъ духъ мятежа въ Novgorodѣ, и для того гналъ ихъ (⁴²⁵); но сія мысль не имѣть ни-

какого исторического основания, и не согласна ни съ духомъ времени, ни съ характеромъ Ганзы, которая думала единствено о своихъ торговыхъ выгодахъ, не вмѣшиваясь въ политическія отношенія гражданъ къ Правительству, и, несмотря на покореніе Новагорода, еще нѣсколько лѣтъ купечествовала тамъ свободно. Другое пишутъ, что Великий Князь сдѣлалъ то въ угоденіе Королю Датскому, ея непріятелю; что они условились вмѣстѣ воевать Швецію; что Король уступалъ Иоанну знатную часть Финляндіи, требуя уничтоженія Ганзейской Конторы въ Новѣгородѣ (⁴²⁶). Сии два Монарха дѣйствительно заключили между собою тѣсный союзъ. Наши

союзъ
съ Да-
тиемъ.

война
съ Шве-
дами.

Послы возвратились изъ Копенгагена съ новымъ Посломъ Датскимъ (⁴²⁷), и скоро Воеводы Россійскіе, Князь ІІІеня, Бояринъ Яковъ Захарьевичъ, Князь Василій Федоровичъ Шуйскій, осадили Выборгъ. Приготовленія и силы наши были велики. Желая изъявить особенное усердіе, Псковитяне съ каждыхъ десяти сотъ поставили вооруженного всадника, и на шумномъ Вѣчѣ обезчетили многихъ Лероевъ, которые доказывали Номокановомъ, что жители церковныхъ сель не должны участвовать въ земскихъ ополченіяхъ (⁴²⁸). Но Россіяне около трехъ мѣсяцевъ стояли подъ Выборгомъ, и не могли взять его. Увѣряютъ, что тамошній начальникъ, храбрый витязь Кнутъ Поссе, видя ихъ уже на стѣнѣ крѣпости, зажегъ башню, гдѣ лежалъ порохъ: она съ ужаснымъ трескомъ взлетѣла на воздухъ, а съ нею и множество Россіянъ; другое, оглушенные, израненны обломками, пали на землю; остальные бѣжали, гонимые страхомъ и мечемъ осажденныхъ. Сей случай, едва ли не баснословный, долго жилъ въ памяти Финновъ подъ именемъ *Выборгского треска* и прославилъ мнимое волшебное искусство Кнута Поссе (⁴²⁹). Воеводы наши удовольствовались только опустошеніемъ сель на пространствѣ тридцати или сорока миль.

Иоаннъ
иъ Но-
вогоро-
да.

Желая распорядить на мѣстѣ военные дѣйствія, Иоаннъ самъѣздилъ въ Новгородъ со внукомъ Димитріемъ и сыномъ Юріемъ, оставилъ старшаго сына, Василія, въ Москвѣ. Уже сей городъ не имѣлъ ни прежняго многолюдства, ни величавыхъ Бояръ, ни купцовъ именитыхъ; но Архиепископъ Ген-

надій и Намѣстники старались пышною встрѣчю удовлетворить вкусу Ioанову ко всему торжественному: Святитель, Духовенство, чиновники, народъ ждали Государя па Московской дорогѣ; радостныя восклицанія провождали его до Софійской церкви: онъ обѣдалъ у Геннадія со Дворомъ своимъ, который состоялъ изъ осмь Бояръ Московскихъ, четырехъ Тверскихъ, трехъ Окольничихъ, Великаго Дворецкаго, Постельничаго, Спальничаго, трехъ Дьяковъ, пятидесяти Князей и многихъ Дѣтей Боярскихъ (⁴³⁰).

Походъ на Гамскую землю или Финляндію.
Г. 1496.

Воеводы, Князь Василій Косой, Андрей Федоровичъ Челадинъ, Александръ Владімировичъ Ростовскій и Дмитрій Васильевичъ Шеинъ, посланные на Гамскую землю, Ямъ или Финляндію, разбили 7000 Шведовъ. Самъ Государственный Правитель, Стенъ Стуръ, находился въ Або, имѣя сорокъ тысячъ воиновъ, и хотѣлъ встрѣтить Россіянъ въ полѣ; но даль времія уйти назадъ съ добычею и плѣнниками (⁴³¹). Ioанъ возвратился въ Москву, приказавъ двумъ братьямъ, Князьямъ Ивану и Петру Ушатымъ, собрать войско въ области Устюжской, Двинской, Онежской, Вагской, и весною итти на Каянію или на десять рѣкъ (⁴³²). Сей походъ имѣлъ важнѣйшее слѣдствіе: Князья Ушатые не только разорили всю землю отъ Кореліи до Лапландіи, но и присоединили къ Россійскимъ владѣніямъ берега Лименги, коихъ жители отправляли Посольство къ Великому Князю въ Москву и дали клятву быть его вѣрноподданными. За то Шведскій чиновникъ, Сванть Стуръ, съ двумя тысячами воиновъ и съ огнестрѣльнымъ снарядомъ приплывъ на сѣмидесяти легкихъ судахъ изъ Стокгольма въ южную Нарову, взялъ Ивангородъ. Тамошній начальникъ, Князь Юрій Бабичъ, первый ушелъ изъ крѣпости; а воеводы, Князья Иванъ Брюхо и Гундоровъ, стояли не далеко оттуда съ полкомъ многочисленнымъ, видѣли приступъ Шведовъ и не дали никакой помощи гражданамъ (⁴³³). Зная, что ему не льзя удержать сего мѣста, Сванть уступиалъ оное Ливонскому Рыцарству; но Магистръ отказался отъ пріобрѣтенія столь опаснаго. Шведы разорили часть крѣпости, и спѣшили удалиться съ тремя стами плѣнниковъ.

Война кончилась тѣмъ, что Король Датскій, другъ Иоанновъ, сдѣлался Государемъ Швеціи, согласно съ желаніемъ ся Сената и Духовенства. Онъ старался всячески соблюсти пріязнь Великаго Князя и, можетъ быть, отдалъ ему нѣкоторыя мѣста въ Финляндіи. Два раза (въ 1500 и въ 1501 году) Послы его были въ Москвѣ, а напи въ Даніи (⁴³⁴), изроятно для утвержденія безенорныхъ границъ между обѣими Державами. Финляндія наконецъ отдохнула, претерпѣвъ ужасный бѣдствія отъ нашихъ частыхъ владеній, такъ, что Шведскій Государственный Совѣтъ, обвиняя бывшаго Правителя Стена во многихъ жестокостяхъ, сказалъ въ Манифестѣ: „онъ „злодѣйствовалъ въ Швеціи, какъ Россіяне въ Финляндіи (⁴³⁵)!“ Главною причиною сей войны было, кажется, упрямство Стена, который никакъ не хотѣлъ относиться къ Новогородскимъ Намѣстникамъ, требуя, чтобы самъ Великій Князь договаривался съ нимъ о мирѣ: Иоаннъ досадовалъ на такую гордость, и желалъ смирить оную (⁴³⁶).

Дѣла
Казан-
скія.

Доселѣ Царь Казанскій вѣрио исполнять обязанность нашего приезжника; но угождая Иоанну, тѣниль подданныхъ и былъ испавидимъ Вельможами, которые тайно предлагали Владѣтелю Шибанскому, Мамуку, избавить ихъ отъ тирана. Магметъ-Аминъ, узнавъ о томъ, требовалъ защиты въ Москвѣ, и Государь прислалъ къ нему Воеводу, Князя Ряполовскаго, съ силью ратио (⁴⁷). Измѣнники бѣжали: Мамукъ удалился отъ предѣловъ Казанскихъ; все было тихо и спокойно. Магметъ-Аминъ отпустилъ Ряполовскаго, но черезъ мѣсяцъ самъ явился въ Москвѣ, съ вѣстю, что Мамукъ, внезапно изгнавъ его, царствуетъ въ Казани. Сей новый Царь умѣль только грабить: жадный къ богатству, отнималъ у купцовъ товары, у Вельможъ сокровища, и посадилъ въ темницу главныхъ своихъ доброжелателей, которые предали ему Казань, измѣнивъ Магметъ-Аминю. Онъ хотѣлъ завоевать городокъ Арекій: не взялъ его, и не могъ уже возвратиться въ Казань, гдѣ граждане стояли на стѣнахъ съ оружiemъ, вѣлько сказатъ ему, р. 1497. что имъ не надобенъ Царь-разбойникъ. Мамукъ ушелъ во свояси; а Вельможи Казанскіе отправили Посольство къ Иоанну,

смиренно извиняясь передъ нимъ, но виня и Магметъ-Аминя въ несносныхъ для народа утешеніяхъ. „Хотимъ имѣть иного Царя отъ руки твоей,“ говорили они: „дай намъ втораго „Ибрагимова сына, Абдыль-Летифа.“ Иоаннъ согласился и послалъ сего меньшаго пасынка Менгли-Гиреева въ Казань, гдѣ Князь Симеонъ Даниловичъ Холмскій и Феодоръ Налецкій возвели его на Царство, заставивъ народъ присягнуть въ вѣриности къ Россійскому Монарху. — Чтобы удовольствовать и Магметъ-Аминя, Великій Князь далъ ему въ помѣстье Коширу, Серпуховъ и Хотунъ, къ бѣдствию жителей, коимъ онъ сдѣлался ненавистенъ своимъ алчнымъ корыстолюбіемъ и злобнымъ нравомъ.

Сіе происшествіе могло обезпоконить Нураелтанъ, жену Менгли-Гирееву: Иоаннъ далъ ей знать о томъ въ самыхъ ласковыхъ выраженіяхъ, уиѣряя, что Казань всегда будетъ собственностью ея рода (⁴³⁸). Благодаря Великаго Князя, она увѣдомляла его о своемъ возвращеніи изъ Мекки и намѣреніиѣхать въ Россію для свиданія съ сыновьями. Менгли-Грей пришелъ Иоанну въ даръ яхонтовый перстень Магомата II (⁴³⁹), и старался утвердить Султана Баязета въ благосклонномъ къ намъ расположенніи. Хотя Посоль Турсцкій и не доѣхалъ до Москвы (⁴⁴⁰), однако же Иоаннъ рѣшился тогда отправить своего въ Константинополь, чтобы изъявить признательность Султану за его доброе намѣреніе, и поручилъ сіе дѣло Михаилу Андреевичу Плещееву (⁴⁴¹): Ханъ Крымскій далъ ему письма и воожатыхъ, Цѣллю Посольства было доставить нашимъ купцамъ безопасность и свободу въ торговлѣ съ областями Султанскими: по крайней мѣрѣ въ бумагахъ ошаго не упоминается ни о чёмъ иномъ; сказано только, чтобы Плещеевъ въ изъявленіяхъ Иоаннова дружества къ Баязету и къ юному сыну его Магмеду Шихзодѣ, Кафинскому Султану, строго наблюдалъ достоинство Великаго Князя; чтобы *правилъ имъ поклонъ стоя, не на колѣняхъ*, и никому изъ другихъ Пословъ не уступалъ мѣста; чтобы говорилъ рѣчь единственно Султану, а не Пашамъ, и проч. Плещеевъ, исполняя въ точности наказъ Государевъ, свою гордостію удивилъ Дворъ Баязетовъ. Обла-

Первое
наше
посоль-
ство въ
Константи-
нополѣ

сканный Пашами въ Константинополѣ, и слыша, что его па другой день представить Султану, онъ не хотѣлъ ѿхать къ нимъ на обѣдь, не взялъ ихъ даровъ, которые состояли въ драгоценной одеждѣ, ни десяти тысячъ Оттоманскихъ денегъ, назначенныхъ ему на содержаніе, и сказалъ присланному отъ нихъ чиновнику: „Мнѣ съ Пашами нѣтъ рѣчи; ихъ „платя не надѣну; денегъ не хочу: буду говорить только „съ Султаномъ.“ Однакожъ Баязетъ отпустилъ Плецеева съ ласковою отвѣтною грамотою, и сдѣлалъ все, чего требовалъ Иоанивъ въ разсужденіи нашихъ купцовъ. „Государь Россійскій,“ — писалъ онъ къ Менгли-Гирею — „съ коимъ искренно „желаю быть въ любви, прислалъ ко мнѣ какого-то невѣжды: „для сего не посылаю съ нимъ моихъ людей въ Россію, опасаясь, что бы ихъ тамъ не оскорбили. Уважаемый отъ Востока до Запада, не хочу подвергнуть себя такому стыду. „Пусть сынъ мой, Правитѣль Кафы, сносится съ Иоанномъ.“ Но соблюдая учтивость, Баязетъ не жаловался самому Великому Князю на его Посла, и писалъ къ нему слѣдующее: „Ты отъ чистаго сердца прислалъ *добра*го мужа *къ моему порогу*: онъ видѣлъ меня и вручилъ мнѣ твою грамоту, которую я приложилъ къ своему сердцу, видя, что желаешь быть намъ другомъ. Послы и гости твои да ѿздятъ часто въ мою землю: они увидятъ и скажутъ тебѣ нашу правду, равно какъ и сей, ѡдущій назадъ въ свое отечество. Дай Богъ, чтобы онъ благополучно возвратился съ *нашимъ вселичнимъ поклономъ* къ тебѣ и ко всѣмъ друзьямъ твоимъ: ибо кого ты любишь, того и мы любимъ⁽⁴⁴²⁾.“ Столь мирно и дружелюбно началось государственное сношеніе Россіи съ Оттоманскою Державою! Ни та, ни другая не могла предвидѣть, что судьба готовить ихъ къ ужасному взаимному противоборству, коему надлежало рѣшить паденіе Магометанскихъ Царствъ въ мірѣ и первенство Христіанскаго оружія!

Плецеевъ возвратился въ Москву тогда, какъ Дворъ, Вельможи и народъ были ужаснымъ образомъ волнуемы происшествіями горестными для Иоаннова сердца. Мы видѣли, что съ XV вѣка уставилое новое право наследственное въ Рос-

сіи, по коему уже не братья, а сыновья были преемниками Великокняжеского достоинства; но кончина старшаго Иоаннова сына произвела вопросъ: „кому быть наследникомъ Государства, внуку ли Димитрю или Василія Иоанновичу?“ Великий Князь колебался: Бояре думали разно, одни доброхотствуя Еленѣ и юному сыну ея, другіе Софію и Василію; первыхъ было гораздо болѣе, отчасти по любви, которую всѣ имѣли къ великоудушенному отцу Димитреву, отчасти и потому, что мать его окружали только Россіяне: Софию же многіе Греки, не-приятные нашимъ Вельможамъ. Друзья Еленины утверждали, что Димитрій естественнымъ образомъ наследовалъ право своего родителя на Великое Княжение; а Софіины доброжелатели отвѣтствовали, что внуkъ не можетъ быть предпочтенъ сыну — и какому? происшедшему отъ крови Императоровъ Греческихъ. Софія и Елена, обѣ хитрыя, честолюбивыя, ненавидѣли другъ друга, но соблюдали наружную пристойность. Великая Княгиня Рязанская, Анна, гостила тогда въ Москвѣ у брата, равно ласкаемая его супругою и невѣсткою: онъ могъ еще наслаждаться семейственными удовольствіями; продержалъ сестру нѣсколько мѣсяцевъ, склонилъ ее выдать dochь за Князя Федора Ивановича Бѣльского, и съ любовью отпустилъ въ Рязань, гдѣ надлежало быть свадѣбѣ (⁴⁴³).

Рязан-
ская
Княгин-
я въ
Москвѣ
и вы-
даетъ
дочь за
Бѣль-
ского.

Скоро по отѣздѣ Анны донесли Государю о важномъ заговорѣ. Дьякъ Федоръ Стромиловъ увѣрилъ юнаго Василія, что родитель его хочетъ объявить внука наследникомъ: сей Дьякъ и нѣкоторые безразсудные молодые люди предлагали Василію погубить Димитря, уйти въ Вологду, и захватить тамъ казну Государеву. Они втайне умножали число своихъ единомышленниковъ и клятвою обязались усердно служить сыну противъ отца и Государя. Иоаннъ, узнавъ о томъ, воспыпалъ грѣвомъ. Обвиняемыхъ взяли въ допросъ, пытали, и вынудивъ отъ нихъ признаніе, казнили на Москвѣ-рѣкѣ: Дьякамъ Стромилову и Гусеву, Князю Ивану Палецкому и Скрябину отсѣкли голову: Аѳанасию Яропкину и Поярку ноги, руки и голову; многихъ иныхъ Дѣтей Боярскихъ посадили въ темницу, и къ самому Василію приставили во дворцѣ стражу. Гневъ

Гневъ
Федор-
новъ на
супру-
гу и на
сына.
Васи-
лия.

Іоанновъ паль и на Софію: ему сказали, что къ ней ходать мнимыя колдуны съ зелемъ; ихъ схватили, обыскали и ночью утопили въ Москвѣ-рѣкѣ (⁴⁴). Съ того времени Государь не хотѣлъ видѣть супруги, подозрѣвая, кажется, что она мыслила отравить ядомъ невѣстку Елену и Димитрія. Въ семъ случаѣ Намѣстникъ Московскій, Князь Иванъ Юрьевичъ, и Воевода Симеонъ Ряполовскій дѣйствовали явно какъ равностные друзья Иоаннова внука и недоброжелатели Софіны.

Великий
Князь
торже-
ствен-
но
вѣ-
чаетъ
на Цар-
ство
внука
Февра-
ля 4.

Елена торжествовала: Великій Князь немедленно назвалъ ея сына своимъ преемникомъ, и возложилъ на него вѣнецъ Мономаховъ. Искони Духовные Россійскіе Пастыри благословляли Государей при восшествіи ихъ на престолъ, и сей обрядъ совершался въ церкви (⁴⁵); но древніе Лѣтописцы не сказываютъ ничего болѣе: здѣсь въ первый разъ видимъ Царское вѣнчаніе, описанное со всѣми любопытными обстоятельствами. Въ назначенный день Государь, провождаемый всѣмъ Дворомъ, Боярами и чиновниками, ввелъ юнаго, пятнадцатилѣтняго Димитрія въ Соборную церковь Успенія, гдѣ Митрополитъ съ пятью Епископами, и многими Архимандритами, Игumenами, пѣлъ холебенъ Богоматери и Чудотворцу Петру. Среди церкви возвышался амвонъ съ тремя сѣдалищами: для Государя, Димитрія и Митрополита. Близъ сего мѣста лежали на столѣ вѣнецъ и бармы Мономаховы. Послѣ молебна Иоаннъ и Митрополитъ сѣли: Димитрій стоялъ предъ ними на вышней степени амвона. Иоаннъ сказалъ: „Отче Митрополитъ! „издревле Государи, предки наши, давали Великое Княжество „первымъ сыномъ своимъ: я также благословилъ онымъ моего „первороднаго, Иоанна. Но по волѣ Божіей его не стало: „благословляю нынѣ внука, Димитрія, его сына, при себѣ и „послѣ себя Великимъ Княжествомъ Владимірскимъ, Москов- „скимъ, Новгородскимъ: и ты, отче, дай ему благословеніе“. Митрополитъ велѣлъ юному Князю ступить на амвонъ, всталъ, благословилъ Димитрія крестомъ, и положивъ руку на главу его, громко молился, да Господь, Царь Царей, отъ святаго жилища Своего благоволитъ возвратъ съ любовию на Димитрія; да сподобитъ его помазатися елеемъ радости, пріять силу свы-

шо, вѣнецъ и скіпетръ Царствія; да возсядетъ юноша на престолъ правды, оградится всеоружіемъ Святаго Духа, и твердою мышцею покорить народы варварскіе; да живетъ въ сердцѣ его добродѣтель, вѣра чистая и правосудіе. Тутъ два Архимандрита подали бармы: Митрополитъ, озnamеновавъ Димитрія крестомъ, вручилъ ихъ Ioannу, который возложилъ оныя на внука. Митрополитъ тихо произнесъ слѣдующее: „Госпо-
„ди Вседержителю и Царю вѣковъ! се земный человѣкъ, То-
„бою Царемъ сотворенный, преклоняетъ главу въ моленіи къ
„Тебѣ, Владыкѣ міра. Храни его подъ кровомъ Своимъ:
„правда и миръ да сіяютъ во дни его; да живемъ съ нимъ
„тихо и покойно въ чистотѣ душевной!...“ Архимандриты
подали вѣнецъ: Ioannъ взялъ его изъ рукъ Первосвятителя
и возложилъ на внука. Митрополитъ сказалъ: „во имя Отца
„и Сына и Святаго Духа!“

Читали Екtenію и молитву Богоматери. Великій Князь
и Митрополитъ сѣли на своихъ мѣстахъ. Архидіаконъ съ
амвона возгласилъ многоглѣтіе обоимъ Государямъ: за нимъ
ликъ Священниковъ и Діаконовъ. Митрополитъ всталъ, и
вмѣстѣ съ Епископами поздравилъ дѣда и внука: также сы-
новья Государевы, Бояре и всѣ знатные сановники. Въ за-
ключеніе Ioannъ сказалъ юному Князю: „Внукъ Димитрій! я
„пожаловалъ и благословилъ тебя Великимъ Княжествомъ; а
„ты имѣй страхъ Божій въ сердцѣ, люби правду, милость,
„и не кись о всемъ Христіанствѣ“. Великіе Князья сошли съ
амвона. Послѣ обѣдни Ioannъ возвратился въ свой дворецъ,
а Димитрій, въ вѣнцѣ и въ бармахъ, провождаемый всѣми
дѣтьми Государевыми (кромѣ Василія) и Боярами, ходилъ въ
Соборъ Архангела Михаила и Благовѣщенія, гдѣ сынъ Ioан-
новъ, Юрій, осипалъ его въ дверяхъ золотыми и серебряными
денегами (⁴⁴⁶).— Въ тотъ день былъ великолѣбный пиръ у
Государя для всѣхъ духовныхъ и свѣтскихъ сановниковъ.
Лаская юнаго Димитрія, ояъ подарилъ ему крестъ съ золотою
цѣпью, поясъ осипанный драгоценными каменями, и сердо-
личковую крабію Августа Цесаря (⁴⁴⁷).

Не смотря на сіи знаки любви ко внуку, грозное чоло Іоанново изъявляло мучительное смятеніе его души, такъ, что самые усердные доброжелатели Елены — самые тѣ, которые своими доносами и виновеніями возбудили гнѣвъ Государевъ на Софию и Василія — не смѣли радоваться, опасаясь наказанія. Страхъ ихъ былъ весьма основательенъ. Іоанъ любилъ супругу, но крайней мѣрѣ чтиль въ ней отрасль знаменитаго Императорскаго Дома, двадцать лѣтъ благоденствовалъ съ нею, пользовался ея совѣтами, и могъ по суевѣрію, свойственному и великимъ людямъ, приписывать счастію Софіи успѣхи своихъ важнѣйшихъ предприятій. Она имѣла тонкую Греческую хитрость (⁴⁴⁸) и друзей при Дворѣ. Василій, коего рожденіе, прославленное чудомъ (⁴⁴⁹), было столь вожделѣнно для отца, не могъ лишиться всѣхъ правъ на любовь его. Вина сего юнаго Князя — если и не сомнительная — находила извиненіе въ незрѣлости ума и въ легкомысліи молодыхъ лѣтъ. Но миновалъ годъ: Россія уже привыкла къ мысли, что Димитрій, любезный, непорочный сынъ отца памятнаго благороднымъ мужествомъ, и внукъ двухъ великихъ Государей (⁴⁵⁰), будетъ ея Монархомъ. Открылось, что дѣдъ украсить вѣнцомъ сего юношу какъ жертву обреченную на погибель.

Къ сожалѣнію, Лѣтописцы не объясняютъ всѣхъ обстоятельствъ сего любопытнаго происшествія, скаживая только, что Іоанъ возвратилъ наконецъ свою нѣжность супругѣ и сыну, вѣльть снова изслѣдовать бывшіе на нихъ доносы, узнать козни друзей Елениныхъ, и считая себя обманутымъ, явилъ ужасный примѣръ строгости надъ знатнѣйшими Вельможами, Княземъ Иваномъ Юрьевичемъ Патрикесовымъ, двумя его сыновьями и зятемъ, Княземъ Симеономъ Ряполовскимъ, обличенными въ *крамолѣ* (⁴⁵¹): осудилъ ихъ на смертную казнь, не взирая на то, что Иванъ Юрьевичъ, праправнукъ славнаго Ольгерда, былъ родной племянникъ Темнаго, сынъ дочери Великаго Князя Василія Димитріевича, Марии (⁴⁵²), и тридцатьшесть лѣтъ вѣрно служилъ Государю какъ первый Бояринъ въ дѣлахъ войны и мира: отецъ же Ряполовскаго, одинъ изъ потомковъ Всеволода Великаго, спасаль Іоанна въ юности

Іоанъ
мирит-
са съ
супру-
го и
ка з-
нитъ
Бояри-
Г. 1499.

отъ злобы Шемякиной (⁴⁵³). Государь по видимому увѣрился, что они, усердствуя Еленѣ, оклеветали предъ нимъ и Софию и Василія: не знаемъ точной истины; но Иоаннъ во всякому случае былъ обманутъ кознями той или другой стороны: жалостная участь Монаховъ, коихъ легковѣріе стоитъ чести или жизни невиннымъ! Князю Ряполовскому отсѣкли голову на Москвѣ-рѣкѣ; но Митрополитъ Симонъ, Архіепископъ Ростов-
скій и другіе Святители ревностнымъ ходатайствомъ спасли Патрикеевыхъ отъ казни: Иванъ Юрьевичъ и старшій его сынъ, Бояринъ Василій Косой, постриглись въ Монахи: первый въ Обители Св. Сергія, а второй Св. Кирилла Бѣлозерскаго; меныши сынъ Юрьевича, Иванъ Мининда, остался подъ стражею въ домѣ (⁴⁵⁴). Сія первая знаменитая Боярская опала изумила Вельможъ, доказавъ, что гнѣвъ Самодержца не щадить ни сана, ни заслугъ долговременныхъ.

Февра
ля 5.

Черезъ шесть недѣль Иоаннъ называлъ Василія *Государемъ, Великимъ Княземъ Новагорода и Пскова*; изъявлялъ холдность къ невѣсткѣ и ко внуку; однако же долго медлилъ и совѣстился отнять старѣйшинство у послѣдняго, данное ему предъ лицемъ всей Россіи и съ обрядами священными. Еще Димитрій именовался Великимъ Княземъ Владимірскимъ и Московскимъ; но Дворъ благоговѣлъ предъ Софіею, удаляясь отъ Елены и сына ея; ибо предвидѣли будущее. Могъ ли Иоаннъ, столь счастливо основавъ Единовластіе въ Россіи, предать ее по своей кончинѣ въ жертву новому, вѣроятному междоусобію двухъ Князей Великихъ, сына и внука? Могла ли Софія быть спокойною, не свергнуть Димитрія? Однимъ словомъ, его паденіе казалось уже необходимымъ.—Псковитяне, съ удивленіемъ и неудовольствиемъ сѣѣдали, что Иоаннъ далъ имъ Государя особенного, послали къ нему знатиѣлихъ чиновниковъ, жаловались на такую новость, и молили, чтобы Димитрій, какъ будущій наследникъ Россійской Церкви, остался и Главою земли ихъ. Великій Князь съ гнѣвомъ отвѣтствовалъ: „Развѣ я не воленъ въ моемъ сыне и внуку? Кому хочу, тому и дамъ Россію. Служите Василію“. Пословъ заключили въ башню, но скоро освободили (⁴⁵⁵).

Пазырь
и виаетъ
Василія
Великаго Кня-
зя
Новагорода
и Пско-
ва.

Сие время безъ сомнѣнія было самымъ печальнѣйшимъ Иоанновой жизни: однажды Монархъ являлъ и тогда непрестанную дѣятельность въ отношеніяхъ государственныхъ. Въ Шамахѣ господствовалъ Султанъ Махмутъ, внукъ Ширвань-Шаха, даника Тамерланова и сыновей его (⁴⁵⁶). Слабость и бѣдствія ихъ преемниковъ, смерть завоевателя Персидскаго, Узунъ-Гассана, и малодушіе его наследниковъ возвратили независимость сей странѣ Каспійской. Махмутъ, величаясь достоинствомъ Монарха, желалъ имѣть любовь и дружбу съ Государями знаменитыми, каковъ былъ Иоаннъ. Онъ присыпалъ въ Москву Вельможу своего, Шебеддина, съ учтивыми и ласковыми словами, на которыхъ отвѣтствовали ему такими же (⁴⁵⁷); но Государь не счелъ за нужное отправить собственного Посла въ Шамаху, съѣдавъ, можетъ быть, о завоеваніяхъ Измайлова Софи, мнимаго потомка Аліева, который около сего времени назывался Шахомъ, овладѣль Ираномъ, Багдадомъ, южными окрестностями моря Каспійскаго, и сдѣлался основателемъ сильной Державы Персидскихъ Софіевъ, во дни отцѣвъ нашихъ уничтоженной Тахмасомъ Кулы-Ханомъ.

Посоль
и въ
Шама-
ху.

Посоль-
ства въ
Вене-
ции и
въ Кон-
станти-
нополѣ.

Тогда же Иоаннъ послалъ въ Венецію Грека Дмитрія, Ралева сына, съ Митрофаномъ Карабаровымъ, и къ Султану Баязету Алексея Голохвастова, съ коимъ отправились многіе наши купцы въ Азовъ рѣкою Дономъ (они грузились на Мечѣ у Каменіаго Коня) (⁴⁵⁸). Голохвастовъ, имѣя учтивыя письма къ Баязету и къ сыну его, Магмеду Шихзодѣ, долженъ былъ исходатайствовать разныя выгоды Московскімъ торговымъ людямъ въ Баязетовыхъ владѣніяхъ, и сказать Пашамъ Султанскому слѣдующіе слова: „Великій Князь не вѣдаетъ, чѣмъ вы „обвиняете бывшаго у васъ Россійскаго Посла Михайла Плещеева; „но знайте, что многіе Государи илюютъ Пословъ къ нашему, „чтущему и жалующему ихъ ради своего имени: Султанъ можетъ „въ томъ удостовѣриться опытомъ“. Голохвастовъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ возвратился съ отвѣтными грамотами отъ Баязета и Шихзоды: послѣдній присыпалъ изъ Кафы въ Москву и собственнаго чиновника, который обѣдалъ у Великаго Князя (⁴⁵⁹). Но дѣлошло, какъ и прежде, единственно обезопасной и свободной торговлѣ.

Въ сей годъ Иоаннъ утвердилъ власть свою надъ съверо-западною Сибирю, которая издревле платила дань Новугороду. Еще въ 1465 году—по извѣстію одного Лѣтописца (⁴⁶⁰)—Устюжанинъ, именемъ Василій Скрябъ, съ толпою вольницы ходилъ за Уральскія горы воевать Югру, и привелъ въ Москву двухъ тамошнихъ Князей, Калпака и Течика: взявъ съ нихъ присягу въ вѣрности, Иоаннъ отпустилъ сихъ Князей въ отчество, обложилъ Югру данію, и милостиво наградилъ Скрябу. Сіе завоеваніе оказалось недѣйствительнымъ или мнимымъ: подчинивъ себѣ Новгородъ, Иоаннъ (въ маѣ 1483 году) долженъ былъ отрядить Воеводъ, Князя Феодора Курбскаго Чернаго и Салтыка-Травина (⁴⁶¹), съ полками Устюжскими и Пермскими на Богуличей и Югру. Близъ устья рѣки Пелени разбивъ Князя Богульскаго, Юмшана, Воеводы Московскіешли внизъ по рѣкѣ Тавдѣ мимо Тюменя до Сибири, оттуда же берегомъ Иртыша до Великой Оби въ землю Югорскую, плѣнили ся Князя Молдана, и съ богатою добычею возвратились чрезъ пять мѣсяціевъ въ Устюгъ. Владѣтели Югорскіе или Кодскіе требовали мира, коего посредникомъ былъ Епископъ Пермскій Филоѳей; присягнули въ вѣрности къ Россіи и *пили воду съ золота* предъ нашими чиновниками, близъ устья Выми; а Юмшанъ Богульскій съ Епископомъ Филоѳеемъ самъ приѣзжалъ въ Москву, и милостиво обласканный Великимъ Княземъ, началь платить ему дань, бывъ дотолѣ, равно какъ и отецъ его, Асыка, ужасомъ Пермской области. Но конечное покореніе сихъ отдаленныхъ земель совершилось уже въ 1499 году: Князья Симеонъ Курбскій, Петър Ушатовъ и Заболоцкій-Бражникъ, предводительствуя пятью тысячами Устюжанъ, Двинянъ, Вятчанъ, плыли разными рѣками до Печоры, заложили на ея берегу крѣпость, и 21 Ноября отправились на лыжахъ къ Каменному Поясу (⁴⁶²). Сражаясь съ усилемъ вѣтровъ, и засыпаемые снѣгомъ, страшествующіе полки Великонижескіе съ неописаннымъ трудомъ входили на сіи, во многихъ мѣстахъ неприступныя горы, гдѣ и въ лѣтніе мѣсяцы не является глазамъ ничего, кроме ужасныхъ пустынь, голыхъ утесовъ, стремнинъ, печальныхъ кедровъ и хищныхъ бѣлы

Завоеваніе земли Югорской.

кречетовъ, по гдѣ, подъ мшистыми гранитами, скрываются богатыя жилы металловъ и цвѣтные камни драгоценныя. Тамъ встрѣтили Россіяне толпу мирныхъ Самоѣдовъ, убили 50 человѣкъ и взяли въ добычу 200 оленей; наконецъ спустились въ равнину, и достигнувъ городка Ляпина (нынѣ Богульскаго мѣстечка въ Березовскомъ уѣздѣ) исчислили, что они прошли уже 4650 верстъ. За Ляпиномъ сѣхались къ нимъ Владѣтели Югорскіе, земли Обдорской, предлагая миръ и вѣчное подданство Государю Московскому. Каждый изъ сихъ Князьковъ сидѣлъ на длинныхъ саняхъ, запряженныхъ оленями. Воеводы Ioannovы ѿхали также на оленяхъ; а воины на собакахъ, держа въ рукахъ огонь и мечи для истребленія бѣдныхъ жителей. Курбскій и Петръ Ушатовъ взяли 32 города, Заболоцкій 8 городовъ (то есть, мѣстъ укрѣпленныхъ островомъ), болѣе тысячи плѣнниковъ и пятьдесятъ Князей; обязали вѣхъ жителей (Вогуличей, Югорцевъ или, какъ вѣроятно, Остяковъ и Самоѣдовъ) клятвою вѣрности, и благополучно возвратились въ Москву къ Пасхѣ. Сподвижники ихъ разсказывали любопытнымъ о трудахъ, ими перенесенныхъ; о высотѣ Уральскихъ горъ, коихъ хребты скрываются въ облакахъ, и которая, по мнѣнію Географовъ, назывались въ древности Рифейскими или Гиперборейскими; о звѣряхъ и птицахъ неизвѣстныхъ въ нашемъ климатѣ; о видѣ и странныхъ обычненіяхъ жителей Сибирскихъ: сіи разсказы, повторяемые съ прибавленіемъ, служили источникомъ баснословія о чудовищахъ и нѣмыхъ людяхъ, будто бы обитающихъ на Сѣверо-Востокѣ; о другихъ, которые по смерти снова оживаютъ, и проч. (463).— Съ того времени Государи наши всегда именовались Князьями Югорскими; а въ Европѣ разнесся слухъ, что мы завоевали древнее отечество Уровъ или Венгерцевъ: сами Россіяне хвалились тѣмъ (464), основавшись на сходствѣ имёнъ и на преданіи, что единоплеменникъ Аттилинъ, славный Маджарскій Воевода Альмъ, вышелъ изъ глубины Азіи сѣверной, или Скиѳіи, гдѣ много соболей и драгоценныхъ металловъ: Югорія же, какъ извѣстно, доставляла издревле серебро и соболей Новугороду (465). Даже и новѣйшіе Ученые хотѣли доказывать истину сего

мнѣнія сходствомъ между языкомъ Богуличей и Маджарскимъ или Венгерскимъ (⁴⁶⁶).

Иоаннъ посыпалъ еще войско на Казань съ Княземъ Фе-пос-
доромъ Бѣльскимъ, узнавъ, что Шибанскій Царевичъ Агалакъ,
брать Мамуковъ, ополчился на Абдылъ-Летифа: Агалакъ ушелъ
назадъ въ свои Улусы, и Бѣльскій возвратился; а для за-
щиты Царя остались тамъ Воеводы, Князь Михайло Курбскій г. 1600.
и Лобанъ Ряполовскій, которые чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ
отразили Ногайскихъ Мурзъ, Ямгурчая и Мусу, хотѣвшихъ
изгнать Абдылъ-Летифа (⁴⁶⁷).

Но дѣла Литовскія всего болѣе заботили тогда Иоанна: раз-
взаимная неудовольствія тестя и зятя произвели наконецъ
разрывъ явный и войну, которая осталась наимѣни памятною
въ лѣтописахъ обѣихъ Державъ, имѣвъ столь важныя для
оныхъ слѣдствія.

Александръ могъ двумя способами исполнять обязанность
Монарха благоразумнаго: или стараясь искреннею пріязнью за-
служить Иоаннову для цѣлости и безопасности Державы своей,
или въ тишинѣ изготавляя средства съ успѣхомъ противово-
борствовать Великому Князю, умножая свои ратныя силы,
отвлекая отъ него союзниковъ, пріобрѣтая ихъ для себя: вмѣсто
чего онъ досаждалъ тестю по упрямству, по зависти, по слѣ-
пому усердію къ Латинской вѣрѣ; приближалъ войну, и не
готовился къ оной; не умѣлъ расторгнуть опасной для него
связи Иоанновой съ Менгли-Гиреемъ, ни съ Стефаномъ Мол-
давскимъ, искаль только бесполезной дружбы бывшаго Швед-
ского Правителя, Стена, и слабыхъ Царей Ордынскихъ; однимъ
словомъ не умѣлъ быть ни пріятелемъ, ни врагомъ сильной
Москвы. Великій Князь еще нѣсколько времени показывалъ
миролюбіе: освобождая купцовъ Ганзейскихъ, говорилъ, что
дѣластъ то изъ уваженія къ ходатайству зятя; не отвергалъ
его посредничества въ дѣлахъ съ Швеціею (⁴⁶⁸); объяснялъ
несправедливость частыхъ Литовскихъ жалобъ на обиды Рос-
сіанъ. Въ 1497 году войско Султанское перешло Дунай,
угрожая Литвѣ и Польшѣ: Иоаннъ велѣлъ сказать зятю, что
Россіяне въ силу мирнаго договора готовы помогать ему, когда

Турки дѣйствительно вступятъ въ Литву. Но сіе обѣщаніе не было искреннимъ: Султанъ успѣлъ бы взять Вильну прежде, нежели Россіяне тронулись бы съ мѣста. Къ счастію Александра, Турки удалились (⁴⁶⁹). Досадуя на Стефана за разореніе Бряславля, онъ хотѣлъ воевать Молдавію: Вели cant Князь просилъ его не тревожить союзника Москвы (⁴⁷⁰). „Я всегда надѣялся“ — отвѣтствовалъ Александръ — „что зять тебѣ до- „роже свата: вижу иное“. Въ 1499 году прѣѣхалъ въ Москву Лиотвскій Посоль, Маршалокъ Станиславъ Глѣбовичъ, и представленный Ioannu, говорилъ такъ именемъ своего Князя (⁴⁷¹): „Въ угодность тебѣ нашему брату, я заключили нако- „нецъ союзъ любви и дружбы съ Воеводою Молдавскимъ „Стефаномъ. Нынѣ слышимъ, что Баѧзетъ Султанъ ополча- „ется на него всѣми силами, дабы овладѣть Молдавію: „Братья мои, Короли Венгерскій, Богемскій, Польскій хотятъ „вмѣстѣ со мною защитить оную. Будь и ты нашимъ спод- „вѣжникомъ противъ общаго злодѣя, уже владѣющаго многи- „ми великими Государствами Христіанскими. Держава Стефа- „нова есть ограда для всѣхъ нашихъ: когда Султанъ покорить „ее, будетъ равно опасно и намъ и тебѣ.... Ты желаешь, „чтобы я въ своихъ грамотахъ именовалъ тебя Государемъ „всей Rossii, по мирному договору нашему: не отрицаюсь, „но съ условиемъ чтобы ты письменно на вѣки утвердилъ „за мною городъ Кіевъ... Къ изумленію и прискорбію моему „свѣдалъ я, что ты, вопреки клятвенному обѣту искренняго „доброжелательства, умышляешь противъ меня зло въ своихъ „тайныхъ сношеніяхъ съ Менгли-Гиреемъ. Брать и тестъ! „вспомни душу и Вѣру“. Сей упрекъ имѣлъ видъ справед- ливости: Ioannъ, (въ 1498 году) пославъ въ Тавриду Князя Ромодановскаго будто бы для того, чтобы прекратить вражду Менгли-Гирея съ Александромъ, велѣлъ на-единѣ сказать Хану: „Мирись, если хочешь; а я всегда буду за-одно съ тобою „на Литовскаго Князя и на Ахматовыхъ сыновей“. Александъ — неизвѣстно какимъ образомъ — имѣлъ въ рукахъ сво- ихъ выписку изъ тайныхъ бумагъ Ромодановскаго и прислалъ ону въ Москву для улики. Казначей и Дьяки Великокня-

жескію отвѣтствовали Послу, что Іоаннъ будучи сватомъ и другомъ Стефану, не откажется дать ему войска, когда онъ самъ самъ того потребуетъ: что Государь никогда не утвердить Киева за Литвою, и что сіе предложеніе есть нелѣпость; что Ромодановскій дѣйствительно говорилъ Менгли-Гирею вышеприведенные слова, но что виною тому самъ Александъръ, будучи въ дружбѣ съ непріятелями Россіи, сыновьями Ахматовыми.

Зная трудныя обстоятельства Воеводы Молдавскаго, Іоаннъ не пропятивалъ ему мириться съ Литвою; но тѣмъ пріятнѣ было Великому Князю, что Менгли-Гирей изъявлялъ постоянную ненависть къ наследникамъ Казимировымъ, отвергая всѣ Александровы мирныя предложенія, или требуя отъ него Киева, Канева и другихъ городовъ, завоеванныхъ нѣкогда Батыемъ, то есть, невозможнаго. Онъ убѣжалъ Іоанна немедленно итти на Литву воиною, обѣщаю ему даже помочь Баязетому; но въ то же время самъ не вѣрилъ Султану и писалъ открыенно къ Великому Князю, что мыслить на всякой случай о безопаснѣомъ для себя убѣжищѣ виѣ Тавриды. Вотъ собственные слова его: „Султаны не прямые люди; говорять „то, дѣлаютъ другое. Прежде Кафинские Намѣстники зави- „сьли отъ моей воли; а нынѣ тамъ сынъ Баязетогъ: теперь „еще молодъ и меня слушается; но за будущее не льзя ру- „чаться. У стариковъ есть пословица, что *две бараны* „*головы въ одинъ котелъ не лѣзутъ*. Если начнешь ссо- „риться, то будетъ худо: а гдѣ худо, оттуда бѣгутъ люди. „Ты можешь достать себѣ Київъ и городокъ Черкасъ: я съ „радостю переселюсь на берегъ Днѣпра; наши люди будутъ „твои, а твои наши. Когда же *ни добромъ, ни лихомъ*, и не „возмемъ Київа, ни Черкасса, то не льзя ли хотя вымѣнить „ихъ на другія мѣста? что утѣшилъ мое сердце и проела. „вить имя твое“. Іоаннъ отвѣчалъ: „Ревностно молю Бога „о возвращеніи намъ древней отчины, Київа, и мысль и близ- „немъ соѣдствѣ съ тобою, моимъ братомъ, весьма для меня „пріятна (⁴⁷²)“. Онъ ласкалъ Менгли-Гирея во всѣхъ пись- махъ какъ друга, желая располагать его силами противъ Литвы, въ случаѣ явнаго съ нею разрыва.

Но Александръ столь мало надѣялся на успѣхъ своего оружія, и Великій Князь столь любилъ умѣренность въ счастії, столь былъ доволенъ послѣднимъ миромъ съ Литвою, что не смотря на безпрестанныя взаимныя досады, жалобы, упреки, война едва ли могла открыться между ими, если бы въ расплю ихъ не замѣшились Вѣра. Иоаннъ долго сносилъ грубости зятя; но терпѣніе его исчезло, когда надлежало защищить Православіе отъ Латинскихъ Фанатиковъ. Какъ ни скромно вела себя Елена, какъ ни таилась въ своихъ домашнихъ прискорбіяхъ, увѣряя родителя, что она любима мужемъ, свободна въ исполненіи обрядовъ Греческой Вѣры и всѣмъ довольна: однакожъ Иоаннъ не преставалъ беззокониться, посыпалъ ей душеспасительныя книги, твердилъ о Законѣ, и съѣдавъ, что Духовникъ ея, Священникъ Ёома, высланъ изъ Вильны, съ удивленіемъ спрашивалъ о винѣ его. „Онъ мнѣ неугоденъ,“ сказала Елена: „буду искать другаго⁽⁴⁷³⁾.“ Наконецъ (въ 1499 году) увѣдомили Великаго Князя, что въ Литвѣ открылось гоненіе на Восточную Церковь; что Смоленскій Епископъ, Іосифъ, взялся обратить всѣхъ единовѣрцевъ нашихъ въ Латинство; что Александръ нудитъ къ тому и супругу, желая угодить Царю и въ лѣтописяхъ Римской Церкви заслужить имя Святаго. Можетъ быть, онъ хотѣлъ и государственного блага, думая, что единовѣріе подданныхъ утверждаетъ основаніе Державы: сіе неоспоримо; но предпріятіе опасно: должно знать свойство народа, приготовить умы, избрать время и дѣйствовать болѣе хитростью, нежели явною силою, или вмѣсто желаемаго добра произведеши бѣдствія: для того язычникъ Гедеминъ, Католикъ Витовтъ, и отецъ Александровъ, впрочемъ суевѣрный, никогда не касались совѣсти людей въ дѣлахъ Закона. Встревоженный извѣстіемъ, Иоаннъ немедленно отправилъ въ Вильну Боярскаго сына, Мамонова, узнать подробнѣ вѣсъ обстоятельства, и велѣль ему наединѣ сказать Еленѣ, чтобы она, презирая льстивыя слова и даже муки, сохранила чистоту Вѣры своей. Такъ и поступила сія юная, добродѣтельная Княгиня: ни ласки, ни гнѣвъ мужа, ни хитрья убѣжденія коварнаго отступника, Смоленскаго Владыки, не могли поколебать ея твердости въ

Законѣ: она всегда гнушалась Латинскимъ, какъ пишуть Историки Польские (⁴⁷⁴).

Между тѣмъ гоненіе на Греческую Вѣру въ Литвѣ продолжалось. Кіевскаго Митрополита Макарія (въ 1497 году) злодѣйски умертвили Переокопскіе Татары близъ Мозыря (⁴⁷⁵): Александръ обѣщалъ Первосвятительство Іосифу Смоленскому. Въ угодность ему, сей честолюбивый Владыка, Епископъ Виленскій Альбертъ Тaborъ и Монахи Бернардинскіеѣздили изъ города въ городъ склонять Духовенство, Князей, Бояръ и народъ къ соединенію съ Римской Церковью: ибо по смерти Кіевскаго Митрополита, Григорія, Святители Литовской Россіи, отвергнувъ уставъ Флорентійскаго Собора, не хотѣли зависѣть отъ Папы и снова принимали Митрополитовъ отъ Патріарховъ Константинопольскихъ (⁴⁷⁶). Іосифъ доказывалъ, что Римскій Первосвятитель есть дѣйствительно Глава Христіанства; Виленскій Епископъ и Бернардіны вопили: „да будетъ едино стадо, и единъ Пастырь!“ Александръ грозилъ насилиемъ: Папа въ краснорѣчивой Буллѣ изъявилъ свою радость, что еретики озаряются свѣтомъ истины, и присыпалъ въ Литву мощи Святыхъ (⁴⁷⁷). Но ревностные въ Православіи Христіане гнушались Латинскимъ соблазномъ, и многие выѣхали въ Россію. Знатный Князь, Симеонъ Вѣльскій, первый поддался Государю Московскому съ своею отчиною: за нимъ Князья Мосальскіе и Хотетовскій, Бояре Мценскіе и Серпейскіе; другіе готовились къ тому же, и вся Литва находилась въ волненіи (⁴⁷⁸). Принимая къ себѣ Литовскихъ Князей съ ихъ помѣстьями, Ioannъ нарушилъ мирный договоръ; но оправдывался необходимостью быть покровителемъ единовѣрцевъ, у коихъ отнимаютъ миръ совѣсти и душевное спасеніе.

Видя опасность своего положенія, Александръ прислалъ въ Москву Намѣстника Смоленскаго, Станислава (⁴⁷⁹), написавъ въ вѣрующей грамотѣ весь Государевъ титулъ, и требуя, чтобы Ioannъ взаимно исполнилъ договоръ, удовлетворилъ всѣмъ жалобамъ Литовскихъ подданныхъ, и выдалъ ему Князя Симеона Вѣльскаго вмѣстѣ съ другими бѣглецами, коихъ онъ будто бы никогда не мыслилъ *инать за Вѣру*, и которые

безстыднымъ образомъ на него клевещутъ. „Поздно братъ и зять мой исполняетъ условія,“ отвѣтствовалъ Великій Князь: „именуетъ меня наконецъ Государемъ всей Россіи; но дочь моя еще не имѣетъ придворной церкви и слышитъ хулы на свою Вѣру отъ Виленскаго Епископа и нашего отступника, Іосифа. Что дѣлается въ Литвѣ? строять Латинскія божницы въ городахъ Русскихъ; отнимаютъ женъ отъ мужей, дѣтей у родителей и силою *крестятъ* въ Законъ Римскій. То ли называется *не гнать за Вишу?* и могу ли видѣть равнодушно утѣсняемое Православіе? Однимъ словомъ, я ни въ чёмъ не преступилъ условій мира, а зять мой не исполняетъ оныхъ“.

Новыя измѣны устрашили Александра. Князь Иванъ Андреевичъ Можайскій и сынъ Шемякинъ, Иванъ Димитріевичъ, непримирамые враги Государя Московскаго, пользовались въ Литвѣ отмѣнною милостію Казимира, такъ, что онъ далъ имъ въ наследственное владѣніе цѣлые области въ южной Россіи: первому Черниговъ, Стародубъ, Гомель, Любечъ; второму Рыльскъ и Новгородъ Сѣверскій (⁴⁸⁰), гдѣ, по смерти сихъ двухъ Князей, господствовали ихъ дѣти: сынъ Можайскаго, Симеонъ, и внукъ Шемякинъ, Василій, вѣрные присяжники Александра до самаго того времени, какъ онъ вздумалъ обращать Князей и народъ въ Латинство. Сіе безразсудное дѣло рушило узы любви и вѣрности, соединявшіе Государя съ подданными. Слѣдуя примѣру Бѣльскаго, Симеонъ и Василій Ивановичи, забывъ наследственную вражду, предложили Великому Князю избавить ихъ и подвластные имъ города отъ Литовскаго ига (⁴⁸¹). Тогда Ioannъ рѣшился дѣйствовать силою противъ зятя: послалъ чиновника, именемъ Телешева, объявить ему, чтобы онъ уже не вступался въ отчину Симеона Черниговскаго, ни Василія Рыльскаго, которые добровольно присоединяются къ Московской Державѣ, и будуть охраняемы ея войскомъ (⁴⁸²). Телешевъ долженъ былъ вручить Александру и *складную грамоту*: то есть, Ioannъ, *сложивъ съ себя крестное цѣлеваніе*, объявлялъ войну Литвѣ за принужденіе Княгини Елены и всѣхъ нашихъ единовѣрцевъ къ Латинству. Грамота оканчивалась словами: „хочу стоять за Христіанство, сколько мнѣ Богъ поможетъ“.

Князь
Черни-
говскій
и Рыль-
скій
подда-
ются
Ioanni.

Тщетно Александръ желалъ отклонить войну, утверждая, что онъ вся кому даетъ полную свободу въ Вѣрѣ, и немедленно отправить Пословъ въ Москву: Государь дозволилъ имъ прѣѣхать, но уже бралъ города въ Литвѣ. Войскомъ нашимъ предводительствовалъ бывшій Царь Казанскій, Магмѣдъ-Аминъ⁽⁴⁸³⁾, но дѣйствовалъ и всѣмъ управлялъ Бояринъ Яковъ Захарьевичъ. Мценскъ и Серпейскъ сдалися добровольно. Брянскъ и мѣстъ сопротивлялись долго: тамошній Епископъ и Намѣстникъ, Станиславъ Бардашевичъ, были отосланы въ Москву. Князь Симеонъ Черниговскій и внукъ Шемякинъ, встрѣтивъ май. Москвитянъ на берегу Кондовы, съ радостію присягнули Иоанну: то же сдѣлали и Князья Трубчевскіе (или Трубецкіе), потомки Ольгердовы. Усиленный ихъ дружинами, Воевода Яковъ Захарьевичъ овладѣлъ Щутивлемъ, плѣнилъ Князя Богдана Глинскаго съ его женою и занялъ безъ кровопролитія всею Литовскую Россію отъ нынѣшней Калужской и Тульской Губерніи до Киевской.—Другая Московская рать, предводимая Бояриномъ⁽⁴⁸⁴⁾ Юріемъ Захарьевичемъ (прапрадѣдомъ Царя Михаила Феодоровича) вступила въ Смоленскую область и взяла Дорогобужъ.

Необходимость защитить свою Державу вооружила наконецъ Александра. Обнаживъ мечъ съ трепетомъ, и чувствуя себя неспособнымъ къ ратному дѣлу, онъ искалъ Полководца между своими Вельможами. Не за-долго до того времени Гетманъ Литовскій, Пётръ Вѣлій, старецъ, уважаемый Дворомъ и любимый народомъ, будучи на смертномъ одрѣ, сказалъ горестному Александру: „Князь Острожскій, Константина, можетъ замѣнить меня отечеству, будучи украшенъ достоинствами рѣдкими⁽⁴⁸⁵⁾“. Таковъ дѣйствительно былъ сей мужъ, одинъ изъ потомковъ славнаго Романа Галицкаго⁽⁴⁸⁶⁾, имѣя весьма скромную наружность, малый ростъ, но великую душу. Еще не многие вѣдали его доблѣсть, которая оказалась постѣ въ тридцати битвахъ, счастливыхъ для оружія Литовскаго; но всѣ отдавали справедливость въ добродѣтеляхъ государственныхъ, гражданскихъ и семейственныхъ: „дома благочестивый Нума“ (писалъ обѣ немъ Легатъ Римскій къ Папѣ),

Завоеваніе
Мцен-
скаго,
Сер-
пейска,
Брян-
скаго,
Щутив-
лемъ,
Дорогобу-
жъ.

Князья
Труб-
чевскіе
помора-
ютъ Ав-
густа 6.

„въ сраженіяхъ Ромуль: къ сожалѣнію, онъ *раскольникъ*, „ослѣпленъ излишнимъ усердіемъ къ Греческой Вѣрѣ и не „хочеть отступить ни на волосъ отъ ея Догматовъ⁽⁴⁸⁷⁾“.

Не смотря на то, Александръ возвелъ Константина на степень Гетмана Литовскаго и — что еще важнѣе — вручилъ ему главное Воеводство противъ Россіянъ, его братьевъ и единовѣрцевъ: такую довѣренность имѣть къ его чести и присягъ! Въ самомъ дѣлѣ никто не служилъ Литвѣ и Польшѣ усерднѣе Острожскаго, брата Россіянъ въ Церкви, но страшнаго врага ихъ въ полѣ. Смѣлый, бодрый, славолюбивый, сей Вождь одушевилъ слабые полки Литовскіе: знатнѣйшия Паны и рядовые воины шли съ нимъ охотно на битву. Самъ Александръ остался въ Борисовѣ: Константинъ выступилъ изъ Смоленска.

Между тѣмъ Иоаннъ прислалъ въ Дорогобужъ Князя Даніила Щеня съ Тверскою силою⁽⁴⁸⁸⁾, велѣвъ ему предводительствовать *Болишимъ* или главнымъ Полкомъ, а Юрію Захарьевичу *Сторожевымъ* или оберегательнымъ, къ досадѣ сего честолюбиваго Боярина, не хотѣвшаго зависѣть отъ Князя Даніила; но Государь далъ знать Юрію, чтобы онъ не смѣлъ противиться волѣ Самодержца; что всякое мѣсто хорошо, гдѣ служишь отечеству и Монарху; что предводитель Сторожеваго полку есть товарищъ главнаго Воеводы и не долженъ обижаться своимъ саномъ⁽⁴⁸⁹⁾. Здѣсь видимъ древнѣйшій примѣръ такъ называемаго *Мѣстничества*, столь вреднаго въ послѣдствіи для Россійскихъ воинствъ.

Близъ Дорогобужа, среди обширнаго Митькова поля, на берегахъ рѣки Ведроши стояли Иоанновы Полководцы, Даніиль Щеня и Юрій, готовые къ бою. Князь Острожскій зналъ отъ пѣнниковъ о числѣ Россіянъ, надѣялся легко управляться съ ними, и смѣло шелъ сквозь болотистыя, лѣсистыя ущелья къ нашему стану. Передовой Московскій полкъ отступилъ, чтобы заманить Литовцевъ на другой берегъ рѣки. Тутъ началась кровопролитная битва. Долго и мужество и силы казались равными: съ обѣихъ сторонъ сражалось тысячъ восемьдесятъ или болѣе; но Воеводы Иоанновы имѣли тайную засаду, которая внезапнымъ ударомъ смяла непрѣятеля⁽⁴⁹⁰⁾. Литовцы

Мѣст-
ниче-
ство
нашихъ
Воен-
ныхъ.

Битва
на бе-
регахъ
Ведро-
ши.

14.
Іюль

искали спасенія въ бѣгствѣ: ихъ легло на мѣстѣ тысячу восемь; множество утонуло въ рѣкѣ: ибо наша пѣхота замѣтила въ тылъ и подрубила мостъ. Военачальникъ Константинъ Намѣстникъ Смоленскій Станиславъ, Маршалки Григорій Остюковичъ и Литаворъ Хребтовичъ, Князья Друцкіе, Мосальскіе, Паны и чиновники были взяты въ плѣнъ; весь обозъ и снарядъ огнестрѣльный достался въ руки побѣдителю. Съ сею счастливою для насъ вѣстю прискакалъ въ Москву Дворянинъ Михайло Плещеевъ. Государь, Бояре; народъ изъявили радость необыкновенную. Никогда еще Россіяне не одерживали такой побѣды надъ Литвою, ужасною для нихъ почти не мѣнице Моголовъ въ теченіи ста-пятидесяти лѣтъ. Слыхавъ отъ своихъ дѣдовъ, какъ знамена Ольгердовы развѣвались передъ стѣнами Кремлевскими, какъ Витовтъ похищалъ цѣлую Княжества Россіи, и съ какимъ трудомъ благоразумный сынъ Донскаго, Василій Димитріевичъ, спасъ ея послѣднее достояніе, ликующіе Москвитяне дивились Ioannovой и собственной ихъ славѣ! — Князя Острожскаго вмѣстѣ съ другими знатными ильинниками привезли въ Москву окованного цѣпями, по сказанію Литовскаго Историка (¹⁹¹); но Ioаннъ чтилъ его и склонялся вступить въ нашу службу. Константинъ долго не соглашался: наконецъ, угрожаемый темницею, присягнулъ въ верности Россійскому Монарху, весьма неискренно; ему дали чинъ Воеводы и земли: но онъ, Литвинъ душою, не могъ простить своихъ побѣдителей, желалъ мести, и совершилъ ону чрезъ нѣсколько лѣтъ, какъ увидимъ.

Довольный искусствомъ и мужествомъ нашихъ Полководцевъ, Ioаннъ въ знакъ чрезвычайной милости послалъ къ нимъ знатнаго чиновника спросить о ихъ здравїи, и велѣ ему сказать первое слово Князю Даніилу Щенѣ, а второе Князю Іосифу Дорогобужскому, который отличился въ семъ дѣлѣ (¹⁹²). — Скоро также пришла вѣсть, что соединенные полки Новгородскіе, Псковскіе и Великолуцкіе, разбивъ непріятеля близъ Ловати, взяли Торопецъ (¹⁹³). Въ семъ войскѣ были племянники Государевы, Князья Иванъ и Феодоръ, сыновья брата его, Бориса: они начальствовали только именемъ,

подобно Царю Магмедъ-Аминю: Новогородскій Намѣстникъ, Андрей Феодоровичъ Челяднинъ, въсъ *Большой Полкъ*, имѣть знамя Великокняжеское, избралъ частныхъ предводителей и давалъ всѣ повелѣнія.—Государь хотѣлъ увѣнчать свои успѣхи взятиемъ Смоленска; но дождливая осень, недостатокъ въ сѣстныхъ припасахъ и зима, отмѣнно снѣжная, заставили его отложить сіе предпріятіе (⁴⁹¹).

Въ самомъ началѣ войны онъ спѣшилъ извѣстить Менгли-Гирея, что пришло для нихъ время ударить съ обѣихъ сторонъ на Литву. Сообщеніе между Россіею и Крымомъ было весьма невѣрно: Азовскія Козаки разбойничали въ степяхъ Воронежскихъ, ограбили нашего Посла, Князя Кубенскаго, принужденного бросить свои бумаги въ воду, а другаго, Князя Феодора Ромодановскаго, плѣнили (⁴⁹⁵). Не смотря на то, Менгли-Гирей, какъ усердный нашъ союзникъ, уже въ Августѣ мѣсяцѣ громилъ Литву. Сыновья его, предводительствуя пятнадцатью тысячами конницы, выжгли Хмельницкъ, Кременецъ, Брестъ, Владимиръ, Луцкъ, Бряславль, нѣсколько городовъ въ Польской Галиціи, и вывели оттуда множество плѣнниковъ (⁴⁹⁶).—Желая довершить бѣдствіе зятя, Великій Князь старался воздвигнуть на него и Стефана Молдавскаго, обязанного договорами помочь Россіи въ случаѣ войны съ Литвою (⁴⁹⁷).

Въ сихъ несчастныхъ обстоятельствахъ Александръ дѣлалъ, что могъ, для спасенія Державы своей: укрѣпилъ Витебскъ, Полоцкъ, Оршу, Смоленскъ (⁴⁹⁸); писалъ къ Стефану что ему будетъ стыдно нарушить мирный договоръ, заключенный между ими, и служить орудіемъ сильному къ утѣшенню слабаго; предлагалъ свою дружбу Менгли-Гирею, убѣждая его слѣдовать примѣру отца, постоянного союзника Казимира, и называя Государя Московскаго вѣроломнымъ, хищникомъ, лютымъ *братоубийцею* (⁴⁹⁹); въ то же время отправилъ Посла въ Золотую Орду склонять Хана, III г.-Ахмета, къ нападенію на Тавриду (⁵⁰⁰); въ Польшѣ, въ Богеміи, въ Венгрии, въ Германіи (⁵⁰¹) нанималъ войско, не жалѣя казны, и заключилъ тѣсный союзъ съ Ливоніею. Хотя силы Ордена

Ханъ
Крымъ-
скій
опусто-
шаетъ
Литву
и Поль-
шу.

никакъ не могли развяться съ нашими; но тогданий Магистръ Сеюзъ
онаго, Вальтеръ фонъ Плеттенбергъ, былъ мужъ необыкновен- Александра
ныхъ достоинствъ, благоразумный правитель и военачальникъ съ Ли-
искусный: такие люди умѣютъ съ малыми средствами дѣлать вон-
великое и бываютъ опасными непріятелями. Воспитанный въ скимъ
ненависти къ Россіянамъ, иногда беспокойнымъ и всегда не- Орде-
уступчивымъ сосѣдамъ; досадуя на Великаго Князя за бѣд- номъ.
ствіе, претерпѣнное Нѣмецкими купцами въ Новгородѣ, и за другія новѣйшія обиды, Плеттенбергъ требовалъ помоиць отъ
Имперскаго Сейма въ Ландау, въ Вормсѣ, также отъ бога-
тыхъ городовъ Ганзейскихъ (502), и думая, что война Литов-
ская не позволить Іоанну дѣйствовать противъ Ордена боль-
шими силами, обязался быть вѣриемъ сподвижникомъ Алек-
сандровымъ. Написали договоръ въ Венденѣ, утвержденный
Епископомъ Рижскимъ, Дерптскимъ, Эзельскимъ, Курлянд-
скимъ, Ревельскимъ, и всѣми чиновниками Ливоніи: условились
вмѣстѣ ополчиться на Россію, дѣлить между собою завоеванія,
и въ теченіе десяти лѣтъ одному не прѣться безъ другаго (503).

Но Князь Литовскій въ самомъ дѣлѣ не мыслилъ о *завоеваніяхъ*: извѣдавъ опытомъ могущество Іоанново, утративъ Перего-
и войско и знатную часть своей Державы, не хотѣль безъ воры о
крайности искать новыхъ ратныхъ опасностей и бѣдствій. Въ мирѣ.
началъ 1501 года прїѣхали въ Москву Послы отъ Королей, его братьевъ, Владислава Венгерскаго и Альбрехта Польскаго
а за ними и чиновникъ Александровъ, Станиславъ Нарбутъ.
Именуя Великаго Князя братомъ и сватомъ, Короли желали
знать, за что онъ вооружился на зятя; предлагали ему миръ;
обѣщали удовлетвореніе; хотѣли, чтобы Іоаннъ освободилъ Ли-
товскихъ илѣнниковъ и возвратилъ завоеванныя имъ области.
Посолъ Александровъ предлагалъ то же и говорилъ: „Ты
„открылъ лютую войну и пустилъ огонь въ нашу землю;
„засѣлъ многія области Александровы, и приспалъ грамоту
„складную поздно; взялъ въ плѣнъ Гетмана и Шановъ,
„высланныхъ единственно для обереженія границы (504). Уйти
„кровопролитіе. Больше Послы Литовскіе готовы Ѳхать къ
„тебѣ для мирныхъ переговоровъ“. Казначей и Дьяки Вели-

коинажескіе именемъ Іоанна отвѣтствовали, что зять его навлекъ на себя войну неисполненiemъ условій; что Государь, обнаживъ мечь за Вѣру, не отвергаетъ мира пристойнаго, но не любить даромъ освобождать плѣнныхъ и возвращать завоеванія; что онъ ждетъ Большихъ Пословъ Литовскихъ и согласенъ сдѣлать перемирие. — Послы обѣдали во дворцѣ; но отпуская ихъ, Государь не подалъ имъ ни вина, ни руки.

Александъ
ндръ
избралъ
въ Поль-
скіе Ко-
роліи.

Пропшло нѣсколько времени: Александръ молчалъ, и Нѣмецкіе воины, имъ нанятые, грабя жителей въ собственной его землѣ, имѣли сшибки съ нашими отрядами (⁵⁰³). Великій Князь рѣшился продолжать войну, не смотря на то, что его зять, по смерти Албрехта, сдѣлался Королемъ Польскимъ, слѣдственно могъ располагать силами двухъ Державъ (⁵⁰⁶). Сынъ Іоанновъ, Василій, съ Намѣстникомъ Княземъ Симеонсмъ Романовичемъ долженъ былъ изъ Новагорода ити къ сѣвернымъ предѣламъ Литвы (⁵⁰⁷); а другое войско, подъ начальствомъ Князей Симеона Черниговскаго или Стародубскаго, Василія Шемякина, Александра Ростовскаго и Боярина Воронцова, близъ Мстиславля одержало знаменитую побѣду надъ Княземъ Михаиломъ Ижеславскимъ (⁵⁰⁸) и Воеводою Евстафіемъ Дацковичемъ: положивъ на мѣстѣ около семи тысячъ непріятелей, оно взяло множество плѣнниковъ и всѣ знамена; впрочемъ удовольствовалось только разореніемъ Мстиславскихъ окрестностей и возвратилось въ Москву.

Новая
побѣда
надъ
Литвою.
Ноября
14.

Война
съ Ор-
деномъ

Уже Магистръ фонъ-Плеттенбергъ дѣйствовалъ какъ ревностный союзникъ Литвы и врагъ Іоанновъ. Купцы наши спокойно жили и торговали въ Дерптѣ: ихъ всѣхъ (числомъ болѣе двухъ сотъ) нечаянно схватили, ограбили, заключили въ темницы (⁵⁰⁹). Началась война, славная для мужества Рыцарей, еще славѣйшая для Магистра, но безполезная для Ордена, бѣдственная для несчастной Ливоніи. Исполняя договоръ, и думая, что Король Александръ также исполнить его, то есть, всѣми силами съ другой стороны нападеть на Россію, Плеттенбергъ собралъ 4,000 всадниковъ, нѣсколько тысяч пѣхоты и вооруженныхъ землемѣльцевъ (⁵¹⁰); вступилъ въ область Цковскую; жегъ, истребляя все огнемъ и мечемъ.

Воеводы Намѣстникъ Князь Василій Шуйскій съ Новогородцами, а Князь Пенко Ярославскій съ Тверитянами и Московскою дружиною пришли защитить Псковъ, но долго не хотѣли отважиться на битву (⁵¹¹); ждали особеннаго указа Государева, сражение на Сиричахъ. получили его и сразились съ непріятелемъ, 27 Августа, въ десяти верстахъ отъ Изборска. Ливонскій Историкъ пишетъ, что Россіянь было 40,000 (⁵¹²): сіе превосходство силъ оказалось ипчожнымъ въ сравненіи съ искуснымъ дѣйствіемъ огнестрѣльного снаряда Нѣмецкаго. Приведенные въ ужасъ пушечнымъ громомъ, омраченные густыми облаками дыма и пыли, Псковитяне бѣжали; за ними и дружина Московская, съ великимъ стыдомъ, хотя и безъ важнаго урона (⁵¹³). Въ числѣ убитыхъ находился Воевода, Иванъ Бороздинъ, застрѣленный изъ пушки. — Бѣглецы кидали свои вещи и самое оружію; но побѣдители не гнались за свою добычею, взятою жителями Изборскими, которые, раздѣливъ ее между собою, зажгли предмѣстіе, изготавливались къ битвѣ, и на другой день мужественно отразили Нѣмцевъ.

Псковъ трепеталъ; всѣ граждане вооружились; отъ двухъ третьему надлежало итти съ копьемъ и мечемъ противъ гордаго Магистра, который безжалостно опустошалъ села на берегу Великой, и 7 Сентября сжегъ Островъ, гдѣ полилось 4000 людей въ пламени, отъ меча или во глубинѣ рѣки, между тѣмъ, какъ наши Воеводы стояли неподвижно въ трехъ верстахъ, а Литовцы приступали къ Опочкѣ, чтобы, взявъ сю крѣпость, вмѣстѣ съ Нѣмцами осадить Псковъ (⁵¹⁴). Къ счастію Россіянь, открылась тогда жестокая болѣзнь въ войскахъ Плеттенберга: отъ худой пищи и недостатка въ соли едѣлся кровавый поносъ; всякой день умирало множество людей. Не время было думать о геройскихъ подвигахъ. Нѣмцы сиѣнили всесвои: Литовцы также удалились (⁵¹⁵). Самъ Магистръ защемогъ, съ трудомъ достигнувъ своего замка, и распустилъ войско, желая единственію отдохновенія.

Но Иоаннъ желалъ мести и поручилъ опную храброму Князю Данилу Щенѣ, побѣдителю Константина Острожскаго. Въ глубокую осень, не смотря на дожди, чрезвычайное разлитіе

Октяб
18—24.
Россия
не опу-
стоща-
ется Ли-
вонию.
Г. 1502

водъ и худыя дороги (⁵¹⁶), сей Московскій Воевода вмѣстѣ съ Княземъ Пенкомъ опустошилъ всѣ мѣста вокругъ Дерпта, Нейгаузена, Маріенбурга, умертвивъ или взявъ въ пленъ около 40,000 человѣкъ (⁵¹⁷). Рыцари долго сидѣли въ крѣпо-
стяхъ; наконецъ, въ темную ночь, близъ Гельмета ударили на станъ Россіянъ: стрѣляли изъ пушекъ; сѣклись мечами, во
тѣмъ и безпорядкѣ. Воевода нашей передовой дружины, Князь
Александръ Оболенскій, палъ въ сей кровопролитной битвѣ. Но
Рыцари не могли одолѣть, и бѣжали (⁵¹⁸). Полѣ Епи-копа Дерпт-
скаго былъ истребленъ совершенно. „Не осталось ни одного че-
ловѣка для вѣсти,“ говорить Лѣтописецъ Пековскій: Москвитя-
не и Татары не саблями сѣтьтиными рубили поганыхъ, а были
„ихъ какъ венреи шестоперами.“ — ІІеня и Пенко доходили по-
чти до Ревеля, и зимою возвратились, причинивъ неописанный
вредъ Ливоніи. Нѣмцы отплатили намъ разореніемъ предмѣстія
Ивангородскаго, умертвивъ тамошняго Воеводу, Лобана Колыче-
ва, и множество земледѣльцевъ въ окрестностяхъ Краснаго (⁵¹⁹).

Царь
Воль-
шой
Орды,
Шигъ-
Ахметъ,
помога-
етъ Ли-
вонию.

Какъ мужественный Шлеттенбергъ отвлекъ знатную часть
Іоанновыхъ силъ отъ Литвы, такъ Шигъ-Ахметъ, неприми-
римый злодѣй Менгли-Гиреевъ, обуздывалъ Крымцевъ. Опь
съ двадцатью тысячами своихъ Улусниковъ, конныхъ и пѣшихъ,
расположился близъ устья Тихой Сосны, подъ Дѣвичими
горами: на другомъ берегу Дона стоялъ Ханъ Крымскій, съ
двадцатью пятью тысячами, въ укрѣпленіи, ожидая Россіянъ.
„Люди твои“ — писалъ онъ къ Великому Князю — „ходять
въ судахъ рѣкою Дономъ: пришли съ ними нѣсколько пушекъ,
„для одной славы: врагъ уйдетъ.“ Какъ ни занять былъ
Іоаннъ войною Литовскою и Нѣмецкою, однакожъ немедленно
выслалъ помощь союзнику: Магметъ-Аминъ велъ нашихъ слу-
жилыхъ Татаръ, а Князь Василій Ноздроватый Москвитянъ
и Рязанцевъ; за ними отправлялись пушки водою. Но Менгли-
Гирей не дождался ихъ, отстушилъ, извиняясь голодомъ, и
ручался Іоанну за скорую гибель Золотой Орды (⁵²⁰). Съ того
времени Крымцы дѣйствительно не давали сї покоя ни лѣтомъ,
ни зимою, и зажигали степи, въ коихъ она скитаилась. Напрасно
Шигъ-Ахметъ звалъ къ себѣ Литовцевъ: подходилъ къ Рыльску

и не видаль ихъ знамень; видѣль только наини и войско
Иоанново готовое къ бою; жаловался, винилъ Александра,
говоря ему чрезъ своихъ Пословъ: „Для тебя мы ополчились,
„сносили труды и нужду въ пустыняхъ ужасныхъ; а ты остав-
„лишь насть безъ помоши, въ жертву гладу и Менгли-Гирею.“
Новый Король послалъ Хану дары, обѣщалъ и войско, но
обманывалъ или медлилъ, занимаясь тогда празднествами въ
Краковѣ (⁵²¹). Между тѣмъ Князья, Улани бѣжали толпами
отъ Шигъ-Ахмета. Оставленный и самою любмою женой,
которая ушла въ Тавриду (⁵²²); будучи въ ссорѣ съ братомъ,
Сенть-Махмутомъ, желавшимъ тогда имѣть пристанище въ
Россіи (⁵²³); досадуя на Короля Польскаго, и зная худые
успѣхи его оружія, Шигъ-Ахметъ рѣшился искать дружбы
Иоанновой, и въ концѣ 1501 года послалъ въ Москву Вель-
можу Хаза, предлагая союзъ Великому Князю съ условiemъ
воевать Литву, ежели онъ ни въ какомъ случаѣ не будетъ
вступаться за Менгли-Гирея (⁵²⁴). Политика не злопамятна:
Иоаннъ охотно соглашался быть другомъ Шигъ-Ахмета, чтобы
отвратить его отъ Литвы; только не могъ покертовать ему
важнѣйшій союзникомъ Россіи: для того послалъ въ Орду собст-
венного чиновника съ ласковыми привѣтствіями, но съ объявле-
ніемъ, что враги Менгли-Гиреевы не будутъ никогда нашими
друзьями (⁵²⁵). Ослѣпленный личною ненавистью, Шигъ-Ахметъ
лучше хотѣлъ завѣстъ отъ милости своего бывшаго даника, Го-
сударя Московскаго, нежели примириться съ единовѣрнымъ бра-
томъ, Ханомъ Таврическимъ, и погубилъ остатки Батыева Цар-
ства: весною въ 1502 году Менгли-Гирей внезапнымъ нападе-
ніемъ сокрушилъ онъ; разсиналь, истребилъ или взялъ въ плѣнъ
изнуренныя голодомъ толпы, которыя еще скитались съ Шигъ-
Ахметомъ; прогналъ его въ отдаленныя степи Ногайскія и тор-
жественно извѣстилъ Иоанна, что древняя Большая Орда уже не
существуетъ (⁵²⁶). „Улусы злодѣя нашего „въ руки моей,“ говорилъ
онъ: „а ты, братъ любезный, слыша столь добрыя вѣсти, ликуй
и радуйся!“

Замѣтимъ, что Лѣтописцы наши едва упоминаютъ о семъ
происшествіи: ибо Россію уже презирали слабую Орду, еще

Ханъ
Крим-
скій со-
вѣ р-
шено
истреб-
лять
сіи ос-
татки
Баты-
ева Цар-
ства.

Але-
ксандру
въ ро-
зомно
заклю-
чаетъ
Шигъ-
Ахмета.

не давио трепетанъ Ахматова могущества. — Поздравляя Менгли-Гирея съ одолѣніемъ ихъ общаго врага, Иоаннъ писалъ къ нему, чтобы онъ не забывалъ гораздо важнѣйшаго, то есть, Короля Польскаго, и навсегда безопасный отъ злобы Ахматовыхъ сыновей, довершилъ побѣду надъ Литвою. Имѣя единственно сю цѣль, Великий Князь мыслилъ даже возставить Шигъ-Ахмета: пересыпаясь съ нимъ, обѣщалъ ему Астрахань, съ условиемъ, чтобы сей изгнаникъ клятвенно обязался быть врагомъ Литвы и доброжелателемъ Хана Крымскаго (⁵²⁷). Такимъ образомъ Шигъ-Ахметъ могъ еще оставаться Царемъ по милости Государя, коему болѣе всѣхъ иныхъ надлежало бы ненавидѣть племя Батыево! Но увлеченный Судбою, онъ съ двумя братьями, Козякомъ и Халекомъ, поѣхалъ въ Царьградъ къ Султану Баиязу. Ихъ остановили. Султанъ велѣлъ имъ сказать, что для враговъ Менгли-Гиреевыхъ нѣтъ пути въ Турецкую Империю. Гонимые Царевичами Крымскими, они бѣжали въ Киевъ, и вмѣсто помощи нашли тамъ неволю: Шигъ-Ахмета, братьевъ, слугъ его взяли подъ стражу: ибо Государь Литовскій, уже не имѣя нужды въ союзѣ бѣглѣца, думалъ, что сей несчастный можетъ быть для него залогомъ мира съ Тавридою. „Враги твои въ моихъ рукахъ,” приказывалъ онъ къ Менгли-Гирею: „отъ меня зависитъ на „зло тебѣ освободить Ахматовыхъ сыновей, если не прими- „ринешься со мною (⁵²⁸).“ Но Иоаннъ убѣждалъ Хана не вѣ- рить ему и писалъ: „Въ противность всѣмъ уставамъ Литов- „цы заключили своего союзника, который долгое время слу- „жилъ имъ орудіемъ: такъ нѣкогда поступили и съ Седи- „Ахматомъ; такъ и сія новая жертва ихъ вѣроломства погиб- „нетъ въ темницѣ. Будь спокоенъ: они уже не освободятъ тво- „го злодѣя, ибо должны опасаться его мести (⁵²⁹).“ Предска- заніе Великаго Князя исполнилось: бывъ еще нѣсколько лѣтъ игралищемъ Литовской Политики — то съ уваженiemъ чести- мый во дворцѣ какъ знаменитый Властитель, то осуждаемый на самую тяжкую неволю какъ преступникъ — Шигъ-Ахметъ изъявлялъ великодушіе въ бѣдствіи, и представлennyй на Сеймъ Радомскій, торжественно обвинялъ Короля, сказавъ:

„Ты льстивыми обѣщаніями вызвалъ меня изъ дальнихъ странъ „Скиѳи и предалъ Менгли-Гирею. Утративъ мое войско и все „Царское достояніе, я искалъ убѣжища въ землѣ друга, а другъ „встрѣтилъ меня какъ непріятеля и ввергнулъ въ темницу. „Но есть Богъ“ (примолвилъ онъ, воздѣвъ руки на небо): „предъ Нимъ будемъ судиться, и вѣроломство твое не останется безъ наказанія“. Ни краснорѣчіе, ни истина сихъ упрековъ не тронули Александра, коого Вельможи отвѣтствовали, что Шигъ-Ахметъ долженъ винить себя; что его волны грабили въ окрестностяхъ Кieва; что Король соѣтовалъ ему удалиться къ границамъ Россійскимъ, къ Стародубу, и тамъ искать добычи; что онъ уцрамился, не хотѣль того сдѣлать, держался въ сосѣдствѣ съ опасною для него Тавридою, погубилъ свою рать и думаль тайно уѣхать къ Султану, безъ сомнѣнія стъ какимъ нибудь вреднымъ для Польши и Литвы намѣреніемъ. Однимъ словомъ, сей именемъ послѣдний Царь Золотой Орды умеръ невольникомъ въ Ковнѣ, не доставивъ заключеніемъ своимъ ни малѣйшей выгоды Литвѣ. Самая жестокосердая Политика, хваляся иногда злодѣйствами счастливыми, признаетъ безполезныя ошибками. Иоанинъ лучше своего зятя умѣль соглашать ея законы стъ правилами великодушія: въ то время, когда сыновья Ахматовы кляли вѣроломство Литовское, племянники сего врага нашего, Царевичи Астраханскіе, Исупъ Шигавліяръ, хвалились милостію Великаго Князя, впустивъ къ нему въ службу⁽⁵³⁰⁾.

Не слушая никакихъ льстивыхъ предложенийъ Александровыхъ⁽⁵³¹⁾, Менгли-Гирей едва было не размолвился съ Иоаниномъ по другой причинѣ. Свѣдавъ о многихъ несправедливостяхъ Царя Казанскаго⁽⁵³²⁾, Абдыль-Летифа, Государь велѣль Князю Василью Ноздроватому взять его, привезти въ Москву, и заточилъ на Бѣлоозеро, а въ Казань послалъ го-сподствовать вторично Магметъ-Аминя, отдавъ ему жену бывшаго Царя, Алегама⁽⁵³³⁾. Менгли-Гирей оскорбился и просилъ, чтобы Иоанинъ, извинивъ безразсудную молодость Летифа, или отпустилъ его или наградилъ помѣществомъ. Ханъ писалъ: „Если не исполнишь сего, то уничтожится нашъ союзъ,

Г. 1502.
Досада
Хана
Крым-
скаго
и Ве-
ликаго
Князя

„весьма для тебя полезный: ибо счастливымъ дѣйствiемъ онаго враги твои исчезли и Государство твое распространилось. Старые, умные люди твердятъ, что лучше умереть съ добрымъ именемъ, нежели благоденствовать съ худымъ: а можешь ли сохранить первое, нарушивъ святую клятву братства между нами?.... Псылаю тебѣ перстень изъ рога Ка-герденева, Индѣйскаго звѣря, коего тайная сила мѣшаетъ дѣйствiю всякаго яда: ноши его на рукѣ и помни мою дружбу; а свою доказеніе мнѣ, когда сдѣлаешь то, о чёмъ молю тебя неотступно⁽⁵³⁴⁾.“ Но Великiй Князь опасался выпустить Летифа изъ Россiи, и давъ ему пристойное содержанiе, удовольствовалъ Менгли-Гирея, такъ, что сей Ханъ не представлялъ вмѣсть съ нимъ усердно дѣйствовать противъ Литвы. Войско Крымское, состоящее изъ 90,000 человѣкъ и предводимое сыновьями Ханскими, въ Августѣ 1502 года опустошило всѣ мѣста вокругъ Луцка, Турова, Львова, Браславля, Люблина, Винницца, Бельза, Кракова.

Тогда же Стефанъ Молдавскiй, пользуясь обстоятельствами, завоевалъ на Днѣпрѣ Колынь, Галичъ, Снятинъ, Красное⁽⁵³⁵⁾, и тѣмъ ослабилъ могущество Польши, хотя уже и не думалъ въ сiё время содѣйствовать нашимъ выгодамъ, ибо имѣть важную причину къ неудовольствiю на Ioanna. Около трехъ лѣтъ дочь его, вдовствующая Княгиня Елена, среди Двора Московскаго находилась съ юнымъ сыномъ, Димитриемъ, какъ бы въ изгнанiи, оставленная прежними друзьями, угрожаемая немилостiю Великаго Князя и ненавистiю Софiи. Можетъ быть, открылись новые недозволенные проискi честолюбивой Елены, или нескромныя слова, внушенныя ей досадою,

Ioannъ
заключи-
чинъ не-
вѣстку
и вну-
ка, об-
являетъ
Ваши
наслед-
никиомъ

въ видѣ опасной заговорщицы: не знаемъ; но Ioannъ вдругъ разгневался на Елену и на Димитрия, приставилъ къ нимъ стражу, запретилъ внучку именоваться Великимъ Княземъ и даже поминать ихъ въ церковныхъ молитвахъ; а чрезъ два дни объявилъ сына, Василия, Государемъ, наследникомъ престола Всероссiйскаго⁽⁵³⁶⁾. Димитрию едва исполнилось 18 лѣтъ: въ такой юности онъ не могъ быть важнымъ соумышленни-

комъ матери, если и дѣйствительно виновной. Народъ жалѣлъ объ немъ, хотя ни Духовенство, ни Вельможи не смѣли осуждать приговора, изреченаго Самодержцемъ. Но Россія утратила Стефанову дружбу: сѣдый Герой Молдавскій, оскорбленный бѣдствиемъ своей дочери и внука, вознавидѣлъ Иоанна, и старанія благоразумнаго Менгли-Гирея не могли примирить ихъ. Великій Князь любилъ исполнять только собственную волю; но терпѣлъ гордыхъ требованій, и въ отвѣтъ Хану Крымскому на вопросъ: „для чего Дмитрій лишенъ отцовскаго наследства?“ сказалъ: „Милость моя возвела внука на степень Государя, а немилость свергнула: ибо онъ и мать его досадили мнѣ. Жалуютъ того, кто служить или угодаетъ: гру比亚ющихъ за что жаловать (⁵³⁷)?“ Елена отъ горести и тоски скончалась въ Генварѣ 1505 года; а несчастный ея сынъ, бывшій наследникъ Россійской Монархіи, остался подъ стра жею какъ государственный преступникъ: никто не имѣлъ къ нему доступа, кромѣ малаго числа слугъ и надзирателей (⁵³⁸).

Разрывъ
съ Сте-
фаномъ
Мо-
да в-
екимъ

Впрочемъ сей разрывъ между Стефаномъ и Великимъ Княземъ не имѣлъ никакихъ важныхъ слѣдований, кромѣ того, что первый задержалъ нашихъ Пословъ и художниковъ Итальянскихъ, которыеѣхали изъ Рима въ Москву (⁵³⁹): о чёмъ Иоаннъ писалъ не только къ Менгли-Гирею, но и къ Султану Кафинскому, Баязетову сыну, убѣждая ихъ вступиться за такое нарушение Права Народнаго. Стефанъ отпустилъ Пословъ. Тщетно Король Александръ склонялъ его быть дѣятельнымъ врагомъ Россіи и союзникомъ Польши: Стефанъ не хотѣлъ возвратить ему завоеванный имъ Днѣстровской области до самой своей кончины. Сей великий мужъ умеръ въ 1504 году: готовый закрыть глаза наявъки, онъ далъ совѣтъ сыну Богдану и Вельможамъ покориться Оттоманской Имперіи, сказавъ: „Знаю, какъ трудно было мнѣ удерживать право независимаго Властителя. „Вы не въ спахъ бороться съ Баязетомъ, и только разорили бы отечество. Лучше добровольно уступить то, чего сохранить не можете (⁵⁴⁰).“ Богданъ призналъ надъ собою верховную власть Султана, и слава Молдавіи исчезла съ Господаремъ Стефаномъ, бывшемъ искусственнымъ творенiemъ его души великой.

Іоанинъ не терялъ времени въ бездѣйствіи; и желая увѣнчать свои побѣды новымъ важнымъ пріобрѣтеніемъ, въ Іюлѣ 1502 года отправилъ сына, Димитрія, со многочисленною ратію на Литву (⁵⁴¹). Съ нимъ находились племянники Государевы, Феодоръ Волоцкій, Иванъ Торускій; Бѣльскій, зять сестры его, Анны; Удѣльный Князь Рязанскій Феодоръ; Князь Симеонъ Стародубскій и внукъ Шемякинъ, Василій Рыльскій; Бояре Василій Холмскій, Яковъ Захарьевичъ, Шеинъ; Князья Александръ Ростовскій, Михайло Корамышъ-Курбскій, Телятевскій, Рѣпнія и Телешень Оболенскіе, Константинъ Ярославскій, Стрига-Ряполовскій. Цѣллю столи, знаменитаго ополченія былъ нашъ древній, столичный городъ Смоленскъ, укрѣпленный Природою и каменными стѣнами. Осада требовала искусства и большихъ усилий. Димитрій послалъ отряды къ Березинѣ и Двинѣ. Россіяне взяли Оришу, выжгли предмѣстіе Витебское, всѣ деревни до Полоцка, Мстиславля; пѣнили иѣсколько тысячи людей, но должны были за недостаткомъ въ продовольствіи удалиться отъ Смоленска (⁵⁴²), гдѣ начальствовали Воеводы Королевскіе, Станиславъ Кипка и Намѣстникъ его, Сологубъ, прославленные Историкомъ Литовскимъ за оказанное ими мужество (⁵⁴³).— Въ Декабрѣ того же года Князья Сѣверскіе, Симеонъ Стародубскій и внукъ Шемякинъ, Василій, съ Московскими и Рязанскими Воеводами опять ходили на Литву; не завоевали городовъ, но вездѣ распространили ужасъ жестокими опустошеніями (⁵⁴⁴).

Вѣрный союзникъ Александровъ, Валтеръ Плеттенбергъ, слова хотѣлъ отвѣдать счастія въ поляхъ Россійскихъ, и съ 15,000 воиновъ приступилъ къ Изборску: разбилъ пушками стѣны, но боясь терять время, спѣшилъ осадить Пековъ. Онъ ждалъ Короля, давшаго ему слово встрѣтить его на берегахъ Великой (⁵⁴⁵). Сего не сдѣжалось: Литовцы остались въ своихъ предѣлахъ; однакожъ Магистръ съ жаромъ началъ осаду: стрѣлялъ изъ пушекъ и пищалей; старался разрушить крѣпость (⁵⁴⁶). Къ счастію жителей, Воеводы Іоанновы, Даніилъ Щеня и Князь Василій Шуйскій, уже были не далеко съ полками сильными. Нѣмцы отступили: Воеводы изъ Изборска

зашли имъ въ тылъ. Они увидѣли другъ друга на берегахъ озера Смолина. Плеттенбергъ, ободривъ своихъ великолодшию рѣчью, употребилъ хитрость: двинулся съ войскомъ въ сторону, какъ бы имѣя намѣреніе спасаться бѣгствомъ. Россіяне кинулись на обозъ Нѣмецкій; другіе устремились за войскомъ и въ беспорядкѣ наскакали на стройные ряды непріятеля: смиренные дѣйствиемъ его огнестрѣльного спаряда, хотѣли мужествомъ исправить свою ошибку: сразились, но большею частію легли на мѣстѣ: остальные бѣжали. Магистръ не гнался за ними. Россіяне ободрились, устроились и снова напали. Если вѣрить Ливонскимъ Историкамъ, то нашихъ было 90,000. Нѣмцы бились отчаянно; пѣхота ихъ заслужила въ сей день славное название *желѣзной*. Оказавъ неустрашимость, хладнокровіе, искусство, Плеттенбергъ могъ бы одержать побѣду, если бы не случилась измѣна. Пишутъ, что Оденскій Знаменоносецъ, Шварцъ, будучи смертельно уязвленъ стрѣлою, закричалъ своимъ: „кто изъ васъ достоинъ принять отъ меня „ знамя?“ Одинъ изъ Рыцарей, именемъ Гаммерштетъ, хотѣлъ взять его, получилъ отказъ, и въ досадѣ отсѣкъ руку Шварцу, который, схвативъ знамя въ другую, зубами изорвалъ оное; а Гаммерштетъ бѣжалъ къ Россіянамъ и помогъ имъ истребить знатную часть Нѣмецкой пѣхоты. Однакожъ Плеттенбергъ устоялъ на мѣстѣ. Сраженіе кончилось: тѣ и другіе имѣли иujdu въ отыхъ⁽⁵⁴⁷⁾. Прошло два дни! Магистръ въ порядкѣ удалился къ границѣ и на вѣки уставилъ торжествовать 13 Сентября или день Цковской битвы, знаменитой въ лѣтописяхъ Ордена, который долгое время гордился подвигами сей войны какъ славнѣйшими для своего оружія.— Замѣтимъ, что полководцы Іоаниновы гнушались измѣною Гаммерштета: недовольный холодностію Россіянъ, онъ уѣхалъ въ Данію, искалъ службы въ Швеціи, наконецъ возвратился въ Москву уже при Великомъ Князѣ Василіи, гдѣ послы Императора Максимилиана видѣли его въ богатой одеждѣ среди многочисленныхъ Царедворцевъ.

Битва
съ Ма-
гистр-
ствомъ.
Ливон-
скій
близъ
Цкова

Не смотря на ревностное содѣйствіе и славу Плеттенберга, Король Польскій не имѣлъ надежды одолѣть Россію, сильную

Глава
вторая
о мирѣ.
Г. 1503.

многочисленнотю войска и великимъ умомъ ся Государя. Литва истощалась, слабѣла: Польша не охотно участвовала въ сей войнѣ разорительной. Самъ Римскій Первосвященникъ, Александръ VI, взялся быть посредникомъ мира, и въ 1503 году чиновникъ Короля Венгерскаго, Сигизмундъ Сантай, пріѣхалъ въ Москву съ грамотами отъ Папы и Кардинала Регнаса. Оба писали къ Великому Князю, что все Христіанство приведено въ ужасъ завоеваніями Оттоманской Имперіи; что Султанъ взялъ два города Венецианской Республики, Модонъ и Коропъ, угрожая Италии; что Папа отправилъ Кардинала Регнаса ко всѣмъ Европейскимъ Государамъ, склонить ихъ на изгнаніе Турковъ изъ Греціи; что Короли Польскій и Венгерскій не могутъ участвовать въ семъ славномъ подвигѣ, имѣя врага въ Ioаниѣ; что Святый Отецъ, какъ Глава Церкви, для общей пользы Христіанства молить Великаго Князя заключить миръ съ ними, и вмѣстѣ съ другими Государами воевать Порту (⁵⁴⁸). Посолъ вручилъ ему и письмо отъ Владислава такого же содержанія, требуя, чтобы Ioаниѣ далъ опасную грамоту для проѣзда Вельможъ Литовскихъ въ Москву. Бояре наши отвѣтствовали, что Великій Князь радъ стоять за Христіанъ противъ невѣрныхъ; что онъ, умѣя наказывать враговъ, готовъ всегда и къ миру справедливому: что Александръ, изъявивъ желаніе прекратить войну, обманулъ его: навелъ на Россію Ливонскихъ Нѣмцевъ и Хана Ордынскаго; что Государь дозволяетъ Посламъ Королевскимъ пріѣхать въ Москву.

Послы явились, шесть знатѣйшихъ сановниковъ Королевскихъ (⁵⁴⁹), изъ коихъ главнымъ былъ Воевода Петръ Мишковскій. Они предлагали вѣчный миръ, съ условиемъ, чтобы Ioаниѣ возвратилъ Королю всю его отчину, то есть, всѣ завоеванные Россіянами города въ Литвѣ; освободилъ плѣнниковъ, примирился съ Ливонскимъ Орденомъ и съ Швеціею (гдѣ властолюбивый Стуръ, изгнавъ Датчанъ, снова былъ Правителемъ Государственнымъ). Великій Князь хладнокровно выслушалъ и решительно отвергнулъ столь неумѣренныя требованія. „Отчина Королевская, сказалъ онъ,

„есть земля Польская и Литовская, а Русская наша. Что мы съ Божією помощью у него взяли, того не отдадимъ. Еще Кіевъ, Смоленскъ и многие иные города принадлежать Россіи: мы и тѣхъ добывать намѣрены (550).“ Возраженія Чоловѣковъ остались безъ дѣйствія; Іоаннъ былъ испоколебимъ. Наконецъ, вмѣсто вѣчного мира, условились въ перемиріи на шесть лѣтъ, и только изъ особенного уваженія *къ землю* Государь возвратилъ Литвѣ нѣкоторыя волости, Рудью, Ветлицы, Щучью, Святая Озерища; велѣлъ Намѣстникамъ, Новогородскому и Псковскому, заключить такое же перемиріе съ Орденомъ, а съ Правителемъ Шведскимъ не хотѣлъ имѣть никакихъ договоровъ. Тогда находились въ Москвѣ и Послы Ливонскіе: они въ письмахъ своихъ къ Магистру жаловались на грубость Іоаннову, Бояръ нашихъ, а еще болѣе на Чоловѣковъ Литовскихъ, которые не оказали имъ ни малѣйшаго вслomоженія, ни доброжелательства. Епископъ Дерптскій обязался, за ручательствомъ Магистровымъ, платить намъ какуюто старинную поголовную дань: ибо земля и городъ его, основанный Ярославомъ Великимъ, считались древнею собственностью Россіи. При обпародованіи сего условія во Псковѣ стрѣляли изъ пушекъ и звонили въ колокола (551),

Перемиріо
съ Лит-
вой и
съ Ор-
деномъ.

Непріятельскія дѣйствія прекратились — ибо самая Россія, истощенная наборами многолюдныхъ ополченій, желала на время успокоиться — но вражда существовала въ прежней сплѣ: ибо Александръ не могъ навсегда уступить намъ Витовтовыхъ завоеваний; Великий же Князь, столь счастливо возвративъ оныя Россіи, надѣялся со временемъ отнять у него и все прочія наши земли. Поэтому Іоаннъ, извѣстивъ Менгли-Гирея о заключенномъ договорѣ, предлагалъ ему для вида также примириться съ Александромъ на 6 лѣтъ; но тайно внушалъ, что лучше продолжать войну; что Россія никогда не будетъ въ истинномъ, вѣчномъ мирѣ съ Королемъ, и время перемирія употребить единственно на утвержденіе за собою городовъ Литовскихъ, откуда все худо-расположенные къ намъ жители перевоятся въ иные мѣста, и гдѣ нужно сдѣлать укрѣпленія; что союзъ ея съ Ханомъ противъ Литви остается неизмѣннымъ (552).

Хи-
ростъ
Великаго Кня-
зя.

Александър
безраз-
судно
доказы-
даетъ
ему.

Великій Князь дѣйствовалъ по крайней мѣрѣ согласно съ выгодами своей Державы: напротивъ чего Александръ, внутренне недовольный условіями перемирія, хотя и весьма нужнаго для его земли, сѣдоваль единственно движеніямъ малодушной досады на врага сильнаго, счастливаго; онъ задержалъ въ Литвѣ нашихъ Бояръ и Великихъ Пословъ, Заболоцкаго и Илещеева, коимъ надлежало взять съ него присягу въ соблюденіи договора и требовать увѣрительной грамоты, за печатию Епископовъ Краковскаго и Виленскаго, въ томъ, что въ случаѣ смерти Александра наследники его не будутъ принуждать Королевы Елены къ Римскому Закону (⁵⁵¹). Иоаннъ, удивленный симъ нарушеніемъ общихъ государственныхъ уставовъ, желалъ знать предлогъ онаго: Король писалъ что Послы остановлены за обиды, дѣлаемыя Россіянами Смоленскими Боярамъ; но скоро одумался, утвердилъ перемиріе; и съ честію отпустилъ ихъ въ Москву (⁵⁵⁴). Тогда же схватили въ Литвѣ гонца нашего, посланнаго въ Молдавію: Александръ не хотѣлъ освободить его до рѣшительного мира съ Россіею; не хотѣлъ еще, чтобы Королева Елена исполнила волю родителя въ дѣлѣ семейственному: Иоаннъ велѣлъ ей искать исѣсты для брата, Василія, между Нѣмецкими Принцессами; но Елена отвѣчала, что не можетъ думать о сватовствѣ, пока Великій Князь не утвердить истинной дружбы съ Литвою (⁵⁵⁵).

Такими ничтожными способами могъ ли Король достигнуть желаемаго мира? скорѣе возобновилъ бы кровопролитіе, если бы Иоаннъ для государственной пользы не умѣлъ презирать маловажныхъ, безразсудныхъ оскорблений: желая временнаго спокойствія, онъ терпѣлъ ихъ хладнокровно, и готовилъ средства къ дальнѣйшимъ успѣхамъ нашего величія.

ГЛАВА VII.

Продолженіе государствованія Іоаннова.

Г. 1503—1505.

Кончина Софії и болѣзни Іоаннова. Завѣщаніе. Судъ и казнь еретиковъ. Посольство Литовское. Сношеніе съ Императоромъ. Василій женится на Соломоніи. Измѣна Царя Казанскаго. Впаденіе его въ Россію. Кончина Великаго Князя. Тогдашнее состояніе Европы. Іоаннъ творецъ величія Россіи. Устроилъ лучшее войско. Утвердилъ Единовластию. Имя Грознаго. Жестокость его характера. Минималъ нерѣшительность есть осторожность. Название Великаго, приписанное ему иностранцами Сходство съ Петромъ I. Титулъ Царский. Бѣлая Россія. Умноженіе доходовъ. Законы Іоанновы. Городская и земская полиція. Соборы. Постановленіе Кесарійскаго Митрополита въ Москвѣ. Россійскій монастырь на Аѳонской горѣ. Капланъ Августинскаго Ордена принимаетъ Греческую Вѣру. Иѣкоторыя бѣдствія Іоаннова вѣка. Древнійшее описание Княжеской свадьбы. Путешествіе въ Индію.

Сей Монархъ не слабѣлъ ни въ пропицаніи, ни въ бодрости, ни въ усердіи ко благу вѣрѣнной ему Небомъ Державы, вопреки своимъ уже преклоннымъ лѣтамъ и сердечнымъ горестямъ, необходимымъ въ жизни смертнаго. Онъ лишился тогда супруги (⁵⁵⁶): хотя, можетъ быть, и не имѣлъ особенной къ ней горячности; но умъ Софії въ самыхъ важныхъ дѣлахъ государственныхъ, ея полезные совѣты (⁵⁵⁷), и наконецъ долговременная свычка между ими сдѣлали для него сю потерю столь чувствительную, что здоровье, дотолѣ крѣпкое, разстроилось. Вѣря болѣе дѣйствію усердной молитвы, нежели искусству врачеванія, Государь поѣхалъ въ Лавру Св. Сергія, въ Переславль, въ Ростовъ и въ Ярославль, гдѣ находились знаменитыя святостію Обители (⁵⁵⁸). Тамъ, сопровождаемый всѣми дѣтьми, но безъ всякаго мірскаго

Кончина Софії и болѣзни Іоаннова

великолѣпія, онъ въ видѣ простаго смертнаго умилялся предъ Богомъ, ожидая отъ Него исцѣленія или мирной кончины; но, вкушивъ сладость Христіанской набожности, спѣшилъ возвратиться на престолъ, чтобы устроить будущую судьбу Россіи.

Опъ написалъ завѣщаніе, въ присутствіи знатнѣйшихъ Бояръ, Князей Василія Холмскаго, Даниила Щепи, Якова Захарьевича, Казначея Дмитрія Владиміровича и Духовника, Архимандрита Андрониковскаго, именемъ Митрофана, объявивъ старшаго сына, Василія Ioannовича, преемникомъ Монархіи, Государемъ всей Россіи и меньшихъ его братьевъ. Тутъ, въ исчислении всѣхъ областей Василіевыхъ, въ первый разъ упоминается о дикой Лапландії (⁵⁵⁹); далѣе сказано, что Старая Рязань и Переяславль составляютъ уже достояніе Государя Московскаго, бывъ отказаны Ioанну умершимъ его членникомъ, сыномъ Великой Княгини Аины, Феодоромъ; именуются также и всѣ города отнятые у Литвы, Мценскъ, Бѣлевъ, Новосиль, Одоевъ, кромѣ Чернигова, Стародуба, Новагорода Сѣверскаго, Рыльска: ибо тамошніе Князья хотя и поддалися Государю Московскому, но удержали право Владѣтельныхъ. Другими сыновьямъ Ioаннъ далъ богатыя отчины: Юрію Дмитрію, Звенигородъ, Кашинъ, Рузу, Брянскъ, Серпуховъ; Дмитрію Угличъ, Хлебецъ, Рогачевъ, Зубцовъ, Опоки, Мещовскъ, Опаковъ, Мологу; Симеону Бѣжецкій Верхъ, Калугу, Козельскъ; Андрею Vereю, Вышегородъ, Алексинъ, Любутскъ, Старицу Холмъ, Новый Городокъ. Имѣя особынныхъ придворныхъ и воинскихъ чиновниковъ, пользуясь всѣми доходами своихъ городовъ и волостей, братья Василіевы не могли въ опыхъ судить душегубства, ни дѣлать монеты, и не участвовали въ выгодѣ откуповъ государственныхъ (⁵⁶⁰); однакожъ Василій обязывался удѣлять имъ часть нѣкоторыхъ Московскихъ еборовъ и не покупать земель въ ихъ отчинахъ, которая оставались наследственными для ихъ сыновей и внуковъ (⁵⁶¹). То есть, меньшіе сыновья Ioанновы должны были имѣть права только частныхъ владѣльцевъ, а не Князей Владѣтельныхъ. Одна Рязань еще представляла тѣнь вольной Державы: Князь ея, Ioаннъ, умеръ въ 1500

году, оставивъ пятилѣтняго сына, именемъ также Иоанна (⁵⁶²), подъ опекою матери, Агриппины, и бабки его, любимой сестры Великаго Князя, Анны, которая преставилась въ 1501 году, утвердивъ внука въ достоинствѣ независимаго Владѣтеля, но только именемъ: ибо Государь Московскій былъ въ самомъ дѣлѣ верховнымъ повелителемъ Рязани, ея войска и народа (⁵⁶³).—Исполния желаніе отца, Василій и братья ~~его~~ обязались между собою грамотами жить въ согласіи, по родительскому завѣщанію (⁵⁶⁴).

Иоаннъ хотѣлъ утвердить и спокойствіе нашей православной Церкви. Въ сіе время возобновилось дѣло *Жидовской ереси*, нами описанной. Еще она не пресъклась, хотя и скрывалась. Іосифъ Волоцкій въ Москвѣ, Архіепископъ Геннадій въ Новгородѣ неутомимо старались истребить сіе несчастное заблужденіе ума: первый только говорилъ и писалъ, второй дѣйствовалъ въ своей Епархіи, откуда многіе изъ гонимыхъ еретиковъ бѣжали въ Нѣмецкую землю и въ Литву (⁵⁶⁵). Убѣжденный яконоцъ представленіями Духо-
венства, или самъ видя упрямство отступниковъ, не исправ-
ленныхъ средствами умѣренности, ни клятвою Церковною, ни
заточеніемъ, Великій Князь рѣшился быть строгимъ, опасаясь
казаться излишно снисходительнымъ или беспечнымъ въ дѣлѣ
душевнаго спасенія. Созвавъ Епископовъ, онъ вмѣстѣ съ ними
и съ Митрополитомъ снова выслушалъ доносы. Іосифъ Волоцкій засѣдалъ съ судіями, гремѣлъ краснорѣчіемъ, обличалъ еретиковъ и требовалъ для нихъ мірской казни. Глав-
ными изъ обвиняемыхъ были Дѣякъ Волкъ Иванъ Курицынъ,
посыпанный къ Императору Максимилиану съ Юріемъ Трахан-
ютомъ (⁵⁶⁶),—Дмитрій Коноплевъ, Иванъ Максимовъ, Некрасъ
Рукавовъ и Кассіанъ, Архимандритъ Юрьевскаго Новгород-
скаго монастыря: они дерзнули говорить откровенно, утвер-
ждая мнимую истину своихъ понятій о Вѣрѣ; были осуждены
на смерть и всенародно сожжены въ клѣткѣ (⁵⁶⁷); инымъ
отрѣзали языкъ, другихъ заключили въ темницы или разо-
слали по монастырямъ. Почти всѣ изъявляли раскаяніе; но
Іосифъ доказывалъ, что раскаяніе, вынужденное пылающимъ

Судъ и
издѣлъ
ерети-
ковъ.

костромъ, не есть истинное и не должно спасти ихъ отъ смерти. Сія жестокость скорѣе можетъ быть оправдана Политикою, нежели Вѣрою Христіанскою, столь небесно-человѣколюбивою, что она ни въ какомъ случаѣ не прибѣгасть къ мечу; единственными орудіями служать ей мирия наставлениа, молитва, любовь: таковъ по крайней мѣрѣ духъ Евангелія и книгъ Апостольскихъ. Но если краткія наставлениа не имѣютъ дѣйствія; если явный, дерзостный соблазнъ угрожаетъ Церкви и Государству, коего благо тѣсно связано съ ся невредимостію: тогда не Митрополить, но Духовенство, но Государь можетъ справедливымъ образомъ казнить еретиковъ. Сія пристойность была соблюдена: ихъ осудили, какъ сказано въ лѣтописяхъ, по *градскому* закону (⁵⁶⁸).

Посоль-
ство
Литов-
ское.

п. 1504

Узнавъ о болѣзни Иоанна, и думая, что приближеніе смерти легко можетъ ослабить твердость его въ правилахъ вѣшней Политики, Александръ чрезъ новыхъ Великихъ Пословъ, Воеводу Станислава Глѣбовича, Пана Юрія Зиновьевича и *Писара* или Секретаря Государственного, Богдана Сапѣгу, предложилъ Великому Князю купить дружество Литвы уступкою ей нашихъ завоеваній. Король именовалъ Иоанна *отцемъ и братомъ*: Елена кланялась ему съ почтеніемъ и нѣжностію. Сей Монархъ, приближаясь ко гробу, безъ сомнѣнія желалъ бы провести остатокъ дней своихъ въ тишинѣ, тѣмъ болѣе, что спокойствіе его любезной дочери зависѣло отъ согласія между ся родителемъ и супругомъ: но Иоаннъ зналь свою обязанность: еще сидѣть на тронѣ, слѣдствено долженъ быль мыслить только о благоденствіе отечества; не измѣрять вѣкомъ своимъ вѣка Россіи, смотрѣть далѣе гроба и хотѣть жить въ ея величинѣ. Бояринъ его, Яковъ Захарьевичъ, сказалъ Посламъ Литовскимъ: „Великій Князь никому не отдастъ своего. „Желаете ли истиннаго, прочнаго мира? уступите Россіи и „Смоленскъ и Кіевъ.“ По многихъ преніяхъ Паны уѣхали (⁵⁶⁹), и Король увѣрился въ невозможности заключить вѣчный миръ съ Иоанномъ на условіяхъ, какихъ ему хотѣлось. Предметомъ дальнѣйшихъ сношеній между ими были единственно дѣла пограничныя: жаловались то наши, то Литовскіе подданные

на обиды. Съ обѣихъ сторонъ обѣщали удовлетвореніе и рождались новые неудовольствія. Знатный Королевскій чиновникъ, Евстафій Дашковичъ, житель Волыніи, Вѣры Греческой, уѣхалъ въ Москву съ великимъ богатствомъ и со многими Дворянами: Александръ требовалъ, чтобы мы, согласно съ перемирною грамотою, выдали ему сего человѣка. Ioannъ отвѣтствовалъ, что грамотою опредѣлено выдавать татей, бѣглцовъ, холопей, должниковъ и злодѣевъ; а Дашковичъ былъ у Короля Воеводою, не уличенъ ни въ какомъ преступленіи и добровольно вошелъ къ намъ въ службу, какъ то и въ старину дѣжалось невозбранно.— Чтобы имѣть вѣрныя извѣстія о внутреннихъ обстоятельствахъ Литвы, Государь посыпалъ гонецъ къ Еленѣ съ дарами, приказывая всегда дружески кланяться ея супругу (⁵⁷⁰).

Мы видѣли, что Политика Западной Европы уже находилась въ связи съ нашимъ: война Литовская, славная для Ioannова оружія, придала намъ еще болѣе важности и знаменитости. Императоръ Максимилианъ вспомнилъ о Россіи и сношенияхъ съ Императоромъ. выгодахъ ея союза противъ сыновей Казимиrowыхъ: онъ жалѣлъ о Венгріи, не охотно имѣя уступленной Владиславу; думалъ возобновить свои требования на сіе Королевство, и послалъ къ Великому Князю чиновника, именемъ Гартингера, который, выѣхавъ изъ Аугсбурга въ Августѣ 1502 года, прибылъ въ Москву не прежде, какъ въ Іюль 1504 (⁵⁷¹). Слогъ Максимилиана письма достоинъ замѣчанія. „Слыши, „говорить Императоръ, что *никоторые* соѣдственные Держа- „ви возстали на Россію. Помни клятвенные обѣты нашей „взаимной любви, я готовъ помочь тебѣ, моему брату, совѣ- „томъ и дѣломъ.“ Не сказано ни слова о Венгріи; но По- соль, какъ надобно думать, говорилъ о томъ изустно Ioanno- вымъ Боярамъ. Въ другомъ особенномъ письмѣ Императоръ просить у Великаго Князя бѣлыхъ кречетовъ. Миастиво угостивъ Гартингера обѣденнымъ столомъ во дворцѣ, Ioannъ отвѣтствовалъ Максимилиану, что Россію воевали Король Поль- скій и Магисчръ Ордена, были наказаны и примирились съ нею на время; что если Императоръ, въ случаѣ новыхъ непрія-

тельскихъ дѣйствій съ ихъ стороны, поможетъ Россіанамъ, то и Россіяне, исполняя договоръ, помогутъ Австріи овладѣть Венгріею. Государь извинялся, что не отправляетъ собственнаго Посла въ Германію: ибо Король Александръ и Магистръ г. 1603. Ливонскій безъ сомнѣнія остановили бы его напути. — Въ слѣдующемъ году тотъ же Гартингеръ, находясь въ Эстоніи, чрезъ Иваньгородъ доставилъ въ Москву новыя грамоты отъ Максимилиана и сына его, Филиппа, Короля Испанскаго, къ Ioanni и юному Василію, Царямъ Россіи (⁵⁷²). Гартингеръ просилъ отвѣта на языкѣ Латинскомъ, сказывая, что Делаторъ умеръ, и что при Дворѣ ихъ нѣтъ уже ни одного человѣка знающаго Русской языкѣ. Дѣло шло о Ливонскихъ пѣнникахъ: Максимилианъ и Филиппъ убѣждали Великихъ Князей освободить сихъ несчастныхъ, изнуренныхъ долговременною неволею; а Гартингеръ ручался за безопасность нашего Посольства, если Ioannъ величъ кому нибудь изъ своихъ придворныхъ ѻхать въ Нѣмецкую землю на Ригу, чтобы сдѣлать тѣмъ удовольствіе Максимилиану. Но Великій Князь не сдѣлать сего; самъ писалъ къ Императору, а Василій къ Королю Филиппу, учтиво и ласково, съ объясненіемъ, что пѣнники немедленно будутъ свободны, когда Магистръ прервѣтъ дружественную связь съ Литвою. Однимъ словомъ, Ioannъ по видимому уже худо ѻриль Максимилиану: платилъ только ласками за ласки, и дарилъ ему кречетовъ, но не хотѣлъ измѣнить для него своимъ правиламъ и жалѣлъ денегъ на безполезное Посольство въ Австрію.

Василій
женит-
са на
Соломо-
нії.

Сынъ и наследникъ Великаго Князя, Василій, имѣлъ уже 25 лѣтъ отъ рожденія и еще не былъ женатъ, въ противность тогдашнему обыкновенію. Политика осуждаетъ брачные союзы Государей съ подданными, особенно въ Правленіяхъ Самодержавныхъ: свойственники требуютъ отличія безъ достоинствъ, милостей безъ заслугъ; и сіи, такъ сказать, родовые Вельможи, пользуясь исключительными правами, рѣдко не употребляютъ оныхъ во зло, думая, что Государь обязанъ въ нихъ уважать самого себя, то есть, честь своего Дома. Нарушается справедливость, истощается казна, или семействен-

ныя докуки вредять драгоцѣнному спокойствію Монарха. Зная сю, какъ и многія другія важныя для Единовластія истины по внушенію собственнаго Генія, Іоанъ думалъ женить сына на Принцессѣ иностранной; будучи соznикомъ Даніи онъ предлагалъ ся Королю утвердить ихъ взаимную дружбу свойствомъ: для того, можетъ быть, находился въ Москвѣ Датскій Посоль около 1503 года (⁵⁷⁸); но Король — въ угожденіе ли Шведамъ, коихъ ему хотѣлось снова подчинить Даніи, и которые не любили Россіи, или затрудняясь иновѣріемъ жениха — уклонился отъ чести быть тестемъ наследника Великокняжескаго и выдалъ дочь свою, Елизавету, за Курфирста Бранденбургскаго. Видя передъ собою близкую кончину, желая благословить счастливый бракъ сына и не имѣя уже времени искать невѣсты въ странахъ отдаленныхъ, Государь рѣшился тогда женить его на подданной. Пишутъ, что самъ Василій хотѣлъ того, уваживъ совѣтъ любимаго имъ Боярина, Грека Юрія Малаго, у котораго была дочь невѣста; но женихъ выбралъ иную, будто бы изъ 1500 благородныхъ девицъ, представленныхъ для сего ко Двору: Соломонію, дочь весьма незнатнаго сановника Юрія Константиновича Сабурова, одного изъ потомковъ выходца Ордынского, Мурзы Чета (⁵⁷⁴). Соломонія отличалась, какъ вѣроятно, достоинствами цѣломудрія, красотою, прѣющими здравіемъ; но въ выборѣ не участвовала ли Политика? Можетъ быть, Ioannъ лучше хотѣлъ ветупить въ свойство съ простымъ Дворяниномъ, нежели съ Княземъ или съ Бояриномъ, чтобы имѣть болѣе способовъ наградить родственниковъ неизвѣстки безъ излишней щедрости и не удѣляя имъ особыхъ правъ, несовмѣстныхъ съ званіемъ подданного. Отецъ Соломоніи былъ возвышенъ на степень Боярина уже въ царствованіе Василія (⁵⁷⁵). Но мудрый Ioannъ не предвидѣлъ, что сей бракъ, приближивъ Годуновыхъ, ея родственниковъ, ко трону, будетъ виною ужасныхъ для Россіи бѣдствій и гибели Царскаго Дома!

Въ то время, когда Дворъ и столица ликовали, празднуя свадьбу юнаго Великаго Князя, Государь свѣдалъ о злобной измѣнѣ нашего Казанскаго присяжника, Магмедъ-Амина. Сей

Измѣна
Царя
Казан-
скаго

такъ называемый Царь всего болѣе любилъ корысть и лукавую жену свою, бывшую вдову Алегамову, которая иѣсколько лѣтъ жила невольницею въ Вологдѣ. Ненавидя Россіянъ какъ злодѣевъ ея первого мужа, она замышляла кровопролитную месть, тайно бесѣдовала съ Вельможами Казанскими о средствахъ, и приступила къ дѣлу, возбуждая Магмѣдъ-Аминъ быть истиннымъ, независимымъ Владѣтелемъ. „Что ты? рабъ Московскаго „тирана!“ говорила ему Царица: „шиль на престолѣ, завтра „въ темницѣ, и подобно Алегаму умреши невольникомъ. Цари „и народы презираютъ тебя. Восиряни отъ униженія къ „величію; свергни иго или погиби достойнымъ славы (⁵⁷⁶)“. Плѣнительныя ласки ея дѣйствовали еще сильнѣе краснорѣчія: она день и ночь, по словамъ Лѣтописца, *висѣла на шеѣ* у мужа, и достигла желаемаго. Забывъ милости Ioanna, своего названаго отца, и присягу, Магмѣдъ-Аминъ далъ ей слово отложиться отъ Россіи; но еще медлилъ, и послалъ одного изъ Вельможъ, Князя Уфимскаго, съ какими-то представленіями въ Москву. Будучи недоволенъ оними — угадывая, можетъ быть, и злое его намѣреніе — Ioаниѣ велѣлъѣхать въ Казань Дьяку Михайлу Клянику; чтобы объясниться съ Царемъ. Тогда Магмѣдъ-Аминъ рѣшился дѣйствовать явно. Насталь праздникъ Рождества Ioanna Предтечи, день славной ярмонки въ Казани. тдѣ гости Россійскіе съѣзжались съ Азіатскими мѣняться драгоцѣнными товарами, мирно и спокойно, не опасаясь ни малѣшаго насилия: ибо Казань уже 17 лѣтъ считалась какъ бы Московскою областію. Въ сей день схватили тамъ Посла Великокняжескаго и нашихъ купцовъ: многихъ умертили, не щадя ни женъ, ни дѣтей, ни старцевъ; иныхъ заточили въ Улусы Ногайскіе; ограбили всѣхъ безъ исключенія. Народы не любятъ господъ чужеземныхъ: Казанцы, обольщенные и свободою и корыстю, служили усерднымъ орудіемъ воли Царской, въ иступленіи злобы лили кровь Москвитянъ и радовались отнятymi у нихъ сокровищами. „Магмѣдъ-Аминъ, сказано въ лѣтописи, наполнилъ цѣлую палату „серебромъ Русскимъ, падѣлалъ себѣ золотыхъ вѣнцевъ, сосудовъ, блюдъ: уже пересталъ есть изъ мѣдныхъ котловъ или

„опаницъ, являясь на пирахъ въ сіяніи драгоцѣнныхъ каменьевъ и металловъ, въ убранствѣ истинно Царскомъ. Самие бѣдные Казанскіе жители разбогатѣли: носивъ прежде зимою и лѣтомъ овчины, украсились ткачами шелковыми, и въ одѣженахъ разноцвѣтныхъ какъ павлины гордо расхаживали предъ своими катунами или домами“ (⁵⁷⁷).

Надменный убийствомъ мирныхъ гостей, Магмѣтъ-Аминъ вооружилъ 40.000 Казанцевъ, призвалъ 20,000 Ногаевъ, вступилъ въ Россію, умертвилъ нѣсколько тысяч земледѣльцевъ, осадилъ Нижній Новгородъ и выжегъ всѣ посады. Всеводою былъ тамъ Хабарь Симскій; имѣя мало воиновъ для защиты города, онъ выпустилъ изъ темницы 300 Литовскихъ плѣнниковъ, взятыхъ на Ведрошѣ; далъ имъ ружья и Государевымъ именемъ обѣщалъ свободу, если они храбростю заслужатъ ее. Сія горсть людей спасла крѣпость. Будучи искусными стрѣлками; Литовцы убили множество непріятелей и въ томъ числѣ Ногайского Князя, шурина Магмѣтъ-Аминева, который, стоя, близъ стѣны, распоряжалъ приступомъ (⁵⁷⁸). Видя его мертваго, Ногайскіе полки уже не хотѣли биться: сдѣлалась распра между ими и Казанцами; началось даже кровопролитіе. Царь одва могъ смирить ихъ; снялъ осаду и бѣжалъ во свояси. — Литовскіе плѣнники немедленно были освобождены, съ честію, благодарностію и дарами.

Великій Князь не успѣлъ наказать Магмѣтъ-Аминя: высланные противъ него Московскіе Всеводы худо исполнили свою обязанность; имѣя около 100,000 ратниковъ, не пошли за Муромъ и дали непріятелю удалиться спокойно (⁵⁷⁹). Въ сіе время болѣзнь Иоаннова усилилась: подобно великому своему дѣду, Герою Донскому, онъ хотѣлъ умереть Государемъ, а не Июкомъ; склоняясь отъ престола къ могилѣ, еще даваль повелѣнія для блага Россіи, и тихо скончался 27 Октября 1505 года, въ первомъ часу ночи, имѣвъ отъ рожденія 66 лѣтъ, 9 мѣсяцевъ, и властновавъ 43 года, 7 мѣсяцевъ. Тѣло его погребли въ новой церкви Св. Архистратига Михаила, Лѣтописцы не говорятъ о скорби и слезахъ народа: славять единственno дѣла умершаго, благодаря Небо за такого Самодержца!

Владѣніе его
въ Россію.

Кончи-
на Ве-
ликаго
Князя.

Иоанъ III принадлежитъ къ числу весьма немногихъ Государей избираемыхъ Провидѣніемъ рѣшить на-долго судьбу народовъ: онъ есть Герой не только Россійской, но и Всемирной Исторіи. Не теряясь въ сомнительныхъ умствованіяхъ Метафизики, не дерзая опредѣлять вышнихъ намѣреній Божества, внимательный наблюдатель видѣть счастливыя и бѣдственныя эпохи въ лѣтописяхъ гражданскаго общества, какое-то согласное теченіе мірскихъ случаевъ къ единой цѣли, или связь между оными для произведенія какого нибудь главнаго дѣйствія, измѣняющаго состояніе рода человѣческаго. Иоанъ явился на феатръ политическомъ въ то время, когда новая государственная система вмѣстѣ съ новымъ могуществомъ Государей возникала въ цѣлой Европѣ на развалинахъ системы Феодальной или Помѣстной. Власть Королевская усилилась въ Англіи, во Франціи. Испанія, свободная отъ ига Мавровъ, сдѣлалась первостепенною Державою. Португалія цвѣла, пріобрѣтая богатства успѣхами мореплаванія и важными для торговли открытиями. Раздѣленная Италія хвалилась по крайней мѣрѣ флотами, купечествомъ, Искусствами, Науками и тонкою Политикою. Безпечность и равнодушіе Императора, Фридрика IV, не могли успокоить Германіи, волнуемой междоусобіями; но сынъ его, Максимилианъ, уже готовилъ въ умѣ своемъ счастливую перемѣну для ея внутренняго состоянія, которой надлежало возвысить достоинство Императорское, униженное слабодушіемъ Рудольфовыхъ преемниковъ, и поставить Домъ Австрійскій на вышнюю степень величія. Венгрия, Богемія, Польша, управляемыя тогда Гедиминовымъ родомъ, составляли какъ бы одну Державу и вмѣстѣ съ Австріею могли обуздывать ужасное для Христіанъ властолюбіе Баязета. Соединеніе трехъ Государствъ Сѣверныхъ, обѣщаюЩа имъ силу и важность въ политической системѣ Европы, было предметомъ усилій Короля Датскаго. Республика Швейцарская, основанная любовью къ вольности, безошибочная въ оградѣ твердынь Альпійскихъ, но побуждаемая честолюбиемъ и корыстю, хотѣла славы участвовать въ распиряхъ Монарховъ сильнѣшихъ, и заслуживала ону храбростю своихъ пастырей.

Ганза — сей торговый и воинский союзъ осьмидесяти-пяти городовъ Нѣмецкихъ, безпримѣрный въ лѣтописяхъ и весьма достопамятный въ отношеніи къ древней Россіи — пользовалась всеобщимъ уваженіемъ Государей и народовъ. Личная слава Плеттенбергова возвысила достоинство Ордена Ливонскаго и Нѣмецкаго. — Кромѣ успѣховъ власти Монархической и разумной Политики, которая произвела сношенія между самыми отдаленными Государствами — кромѣ лучшаго гражданскаго состоянія, если не всѣхъ, то по крайней мѣрѣ многихъ Державъ вѣкъ Ioannovъ ознаменовался великими открытиями. Гуттенбергъ и Faустъ изобрѣли книгопечатаніе, которое болѣе всего способствовало распространенію знаній, едва ли уступая въ важности и въ пользѣ изобрѣтенію буквъ. Коломбъ открылъ новый міръ, привлекательный для хищнаго корыстолюбія и торговли, любопытный для испытателей Естества и для Философа, который, видя тамъ человѣчество въ состояніи дикой Природы и всѣ начальныя степени ума гражданскаго, Исторію Америки объяснилъ для себя Всемірную. Драгоценныя произведения Индіи достигали Азова чрезъ Персію и море Каспійское, путемъ многотруднымъ, медленнымъ, невѣрнымъ: сія страна, древнѣйшая населеніемъ, образованіемъ, художествами, скрывалась отъ Европейцевъ какъ бы за щитомъ непроницаемымъ, и темные обѣ ней слухи рождали басни о несмѣтныхъ ея богатствахъ. Смѣлые порывы нѣкоторыхъ мореплавателей обойти Африку увиѣчались наконецъ совершеннымъ успѣхомъ, и Vasco de-Gамо, оставивъ за собою мысль Доброї Надежды, съ такимъ же восторгомъ увидѣлъ берегъ Индіи, съ какимъ Христофоръ Коломбъ Америку. Сіи два открытия, обогативъ Европу, распространивъ ея мореплаваніе, умноживъ промышленность, свѣдѣнія, роскошь и пріятности гражданской жизни, имѣли сильное вліяніе на судьбу Державъ. Политика сдѣлалась хитрѣе, дальновиднѣе, многосложнѣе: при заключеніи государственныхъ договоровъ Министры смотрѣли на географическіе чертежи, и вычисляли торговые прибытки, основывая на нихъ государственное могущество; родились новыя связи между народами; однимъ словомъ, на-

чалась новая эпоха, если не для мирного счастья людей, то по крайней мѣрѣ для ума, для силы Правительствъ и для общественного духа Государствъ благопріятная.

Россія около трехъ вѣковъ находилась виѣ круга Европейской политической дѣятельности, не участвуя въ важныхъ измѣненіяхъ гражданской жизни народовъ. Хотя ничто не дѣлается вдругъ; хотя достохвальная усилія Князей Московскихъ, отъ Калиты до Василія Темнаго, многое приготовили

Іоаннъ
т в о
рецъ
величія
Россіи.

для Единовластія и нашего внутренняго могущества: но Россія при Іоаннѣ III какъ бы вышла изъ сумрака тѣней, гдѣ еще не имѣла ни твердаго образа, ни полнаго бытія государственнаго. Благотворная хитрость Калиты была хитростію умнаго слуги Ханскаго. Великодушный Димитрій побѣдилъ Мамая, но видѣлъ непелъ столицы и работѣствовалъ Тохтамышу. Сынъ Донскаго, дѣйствую съ необыкновеннымъ благоразуміемъ, соблюль единственно цѣлость Москвы, невольно уступивъ Смоленскъ и другія наши области Витовту, и еще искалъ милости въ Ханахъ; а внукъ не могъ противиться горести хищниковъ Татарскихъ, испилъ всю чашу стыда и горести на престолѣ, униженномъ его слабостію, и бывъ пленникомъ въ Казани, невольникомъ въ самой Москвѣ, хотя и смириль на конецъ внутреннихъ враговъ, но возстановленіемъ Удѣловъ подвергнуль Великое Княжество новымъ опасностямъ междоусобія. Орда съ Литвою какъ двѣ ужасныя тѣни заслоняли отъ насъ міръ и были единственнымъ политическимъ горизонтомъ Россіи, слабой, ибо она еще не вѣдала силъ, въ ся иѣдрѣ сокровенныхъ. Іоаннъ рожденный и воспитанный данникомъ степной Орды, подобной нынѣшнимъ Киргизскимъ, сдѣлался однимъ изъ знаменитѣйшихъ Государей въ Европѣ, чтимый, ласкаемый отъ Рима до Царяграда, Вѣны и Константина, не уступая первенства ни Императорамъ, ни гордымъ Султанамъ; безъ учения, безъ наставлений, руководствуемый только природнымъ умомъ, далъ себѣ мудрыя правила въ Политикѣ виѣшней и внутренней; силою и хитростію возстановляя свободу и цѣлость Россіи, губя Царство Батыево, тѣсня, обрывая Литву, сокрушая вольность Новогородскую,

захватывая Удѣлы, расширяя владѣнія Московскія до пустынь Сибирскихъ и Норвежской Лапландіи, избрѣлъ благоразумнѣйшую, на дальновидной умѣренности основанную для насы систему войны и мира, которой его преемники должествовали единственно слѣдоватъ постоянно, чтобы утвердить величие Государства. Бракосочетаніемъ съ Софіею обративъ на себя вниманіе Державъ, раздрѣвъ завѣсу между Европою и нами, съ любопытствомъ обозрѣвая престолы и Царства, не хотѣлъ мѣшаться въ дѣла чуждыхъ; принималъ союзы, но съ условіемъ ясной пользы для Россіи; искалъ орудій для собственныхъ замысловъ, и не служилъ никому орудіемъ, дѣйствуя всегда какъ свойственно великому, хигрому Монарху, не имѣющему никакихъ страстей въ Политикѣ, кромѣ добродѣтельной любви къ прочному благу своего народа. Слѣдствіемъ было то, что Россія, какъ Держава независимая, величественно возвысила главу свою на продѣлахъ Азіи и Европы, спокойная внутри, и не боясь враговъ вѣнчанихъ.

Совершая сіе великое дѣло, Іоаннъ преимущественно занимался устроениемъ войска. Лѣтописцы говорятъ съ удивленіемъ о сильныхъ его полкахъ. Онъ первый, кажется, началъ давать земли или помѣстья Боярскимъ Дѣтямъ (⁵⁸⁰), обяннымъ, въ случаѣ войны, приводить съ собою нѣсколько вооруженныхъ холопей или наемниковъ, конныхъ или пѣшихъ, соразмѣрно доходамъ помѣстья (отъ сего умножилось число ратниковъ); принималъ въ службу и многихъ Литовскихъ, Нѣмецкихъ илѣнниковъ, волею и неволею: сіи иноземцы жили за Москвою-рѣкою въ особенной слободѣ (⁵⁸¹). Съ его времени также начинаются *Розряды* (⁵⁸²), которые даютъ намъ ясное понятіе о внутреннемъ образованіи войска, состоявшаго обыкновенно изъ пяти такъ называемыхъ *полковъ*: Большаго, Передового, Праваго, Лѣваго и Сторожеваго или запаснаго. Каждый имѣлъ своего Воеводу; но Предводитель Большаго Полку былъ главнымъ. Не дозволяя Вождямъ считаться между собою въ старѣшинствѣ (⁵⁸³), Государь еще менѣе терпѣль непослушанію воиновъ: сынъ Великокняжескій, Димитрій, возвратясь изъ-подъ Смоленска, жаловался, что многіе Дѣти

устроили
лучшее
войско.

Боярскіе безъ его вѣдома приступали къ городу, отлучались изъ стана и ъездили грабить: Иоаннъ наказалъ ихъ всѣхъ, темницею или торговую казнью (⁵⁸⁴). Силою, устройствомъ, мужествомъ рати и Воеводъ побѣждая отъ Сибири до Эмбаха и Десны, онъ лично не имѣлъ духа воинскаго. „Сватъ мой“ — говорилъ оѣмъ Стефанъ Молдавскій — „есть странный человѣкъ: сидитъ дома, веселится, спитъ покойно и торжествуетъ надъ врагами. Я всегда на конѣ и въ полѣ, а не умѣю защитить земли своей (⁵⁸⁵)“ То есть, Иоаннъ родился не воиномъ, но Монархомъ; сидѣть на тронѣ лучше, нежели на ратномъ конѣ, и владѣть скіптромъ искусствѣ, нежели мечемъ. Имѣя высокий умъ для Государственной Науки, онъ имѣлъ слугъ для побѣды: Холмскій, Стрига, Шеня вели къ ней его легіоны. Воинъ на престолѣ опасенъ: легко можетъ обмануть себя и начать кровопролитіе только для своего личнаго славолюбія; легко можетъ одною несчастною битвою утратить плоды десяти счастливыхъ. Ему трудно быть миролюбивымъ: а народы желаютъ сего качества въ Вѣнценосцахъ. Одна необходимая для государственной цѣлости и независимости война есть законная: такъ Иоаннъ воевалъ съ Ахматомъ и Литвою, среди успешныхъ не отвергая мира, согласно съ нашимъ благомъ.

Утвѣр-
дилъ
Единовла-
стіе.

Внутри Государства онъ не только учредилъ Единовластіе — до времени оставилъ права Князей Владѣтельныхъ однѣмъ Украинскимъ или бывшимъ Литовскимъ, чтобы сдержать слово и не дать имъ повода къ измѣнѣ — но былъ и первымъ, истиннымъ Самодержцемъ Россіи, заставивъ благоговѣть предъ собою Вельможъ и народъ, восхищая милостію, ужасая гнѣвомъ, отмѣнивъ частные права, несогласныя съ полновластіемъ Вѣнценосца. Князья племени Рюрикова и Св. Владиміра служили ему наравнѣ съ другими подданными и славились титломъ Бояръ, Дворецкихъ, Окольничихъ, когда знаменитою, долговременною службою приобрѣтали оное. Василій Темный оставилъ сыну только четырехъ Великокняжескихъ Бояръ, Дворецкаго, Окольничаго: Иоаннъ въ 1480 году имѣлъ уже 19 Бояръ и 9 Окольничихъ, а въ 1495 и

1496 годахъ учредилъ сань Государственного Казначея, Постельничаго, Ясельничаго, Конюшаго (⁵⁸⁶). Имена ихъ вписывались въ особенную книгу для свѣдѣнія потомковъ. Все сдѣлалось чиномъ или милостію Государевою. Между Боярскими Дѣтьми придворными или младшими Дворянами находились сыновья Князей и Вельможъ. — Предсѣдательствуя на Соборахъ Церковныхъ, Ioannъ всенародно являль себя Главою Духовенства; гордый въ сношеніяхъ съ Царями, величавый въ приемѣ ихъ Посольствъ, любиль пышную торжественность; уставилъ обрядъ *цѣлованія* Монаршей руки въ знакъ лестной милости (⁵⁸⁷); хотѣлъ и всѣми наружными способами возвыщаться предъ людьми, чтобы сильно дѣйствовать на воображеніе; однимъ словомъ, разгадавъ тайны Самодержавія, сдѣлался какъ бы земнымъ Богомъ для Россіянъ, которые *съ сего времени* начали удивлять всѣ иные народы своею безпредѣльною покорностію волѣ Монаршей. Ему первому дали въ Россіи имя *Грознаго* (⁵⁸⁸), но въ похвальномъ смыслѣ: грознаго для враговъ и строптивыхъ послушниковъ. и мѣ
грознаго. Впрочемъ, не будучи тираномъ подобно своему внуку, Ioannу Василіевичу Второму, онъ безъ сомнѣнія имѣлъ природную жестокость во нравѣ, умѣряемую въ немъ силою разума. Рѣдко основатели Монархій славятся нѣжною чувствительностію, и твердость, необходимая для великихъ дѣлъ государственныхъ, рѣ. ограничить съ суровостію. Пишутъ, что робкія женщины падали въ обморокъ отъ гнѣвнаго, пламеннаго взора Ioannова; что просители боялись итти ко трону; что Вельможи трепетали и на пирахъ во дворцѣ, не смѣли шепнуть слова, ни тронуться съ места, когда Государь, утомленный шумною бесѣдою, разгоряченный виномъ, дремаль по цѣлымъ часамъ за обѣдомъ: всѣ спѣвались въ глубокомъ молчаніи, ожидая новаго *приказа* веселить его и веселиться (⁵⁸⁹). — Уже замѣтили строгость Ioannову въ наказаніяхъ, прибавимъ, что самые знатные чиновники, свѣтскіе и духовные, лишенные сана за преступленія, не освобождались отъ ужасной торговой казни: такъ (въ 1491 году) всенародно сѣкли кнутомъ Ухтомскаго Князя, Дворянинна Хомутова и бывшаго Архимандрита Чу-

довского, за подложную грамоту, сочиненную ими на землю умершаго брата Иоаннова (⁵⁹⁰).

Минима
иे рѣ
шитѣль-
нѣсть
е єсть
осторо-
жностѣ.

Исторія не есть похвальное слово, и не представляется самыихъ великихъ мужей совершенными. Иоанъ какъ человѣкъ не имѣлъ любезныхъ свойствъ ни Мономаха, ни Донскаго, ни стоять какъ Государь на вышней степени величія. Онъ казался иногда боязливымъ, нерѣшительнымъ, ибо хотѣлъ всегда дѣйствовать осторожно. Сія осторожность есть вообще благоразуміе: оно не пѣнистъ настъ подобно великодушной смѣлости; но успѣхами медленными, какъ бы неполными, даетъ своимъ твореніямъ прочность. Что оставилъ міру Александръ Македонскій? славу. Иоанъ оставилъ Государство удивительное пространствомъ, сильное народами, еще сильнѣйшее духомъ Правленія, то, которое нынѣ съ любовью и гордостю именуемъ нашимъ любезнымъ отечествомъ. Россія Олегова, Владимира, Ярославова погибла въ нашествіе Моголовъ: Россія пынѣшия образована Иоанномъ; а великия Державы образуются не механическимъ сплѣніемъ частей, какъ тѣла императоры, но превосходнымъ умомъ Державныхъ. Уже современники первыхъ счастливыхъ дѣлъ Иоанновыхъ возвѣстили въ Исторіи славу его: знаменитый Лѣтописецъ Польский, Длугошъ, въ 1480 году заключилъ свое твореніе хвалою его спріятеля Казимира (⁵⁹¹). Нѣмецкіе, Шведскіе Историки шестаго-на-десять вѣка согласно приписали ему имя Великаго (⁵⁹²): а новѣйшіе замѣчаютъ въ немъ разительное сходство съ Петромъ Первымъ (⁵⁹³): оба безъ сомнѣнія велики; но Иоанъ включивъ Россію въ общую государственную систему Европы и ревностно заимствую искусства образованныхъ народовъ, не мыслилъ о введеніи новыхъ обычаевъ, о перемѣнѣ нравственного характера подданыхъ; не видимъ также, чтобы пекся о просвѣщеніи умовъ Науками: призываю художниковъ для украшенія столицы и для успѣховъ воинского искусства, хотѣлъ единственно великодѣлія, силы; и другимъ иноzemцамъ не заграждалъ пути въ Россію, но единственно такимъ, которые могли служить ему орудiemъ въ Дѣлахъ Посольскихъ или торговыхъ; любилъ изъявлять имъ только милость, какъ пристойно великому Монарху, къ

Сход-
ство съ
Пет-
ромъ I.

чести, не къ уніженію собственаго народа. Не здѣсь, но въ Исторіи Петра должно изслѣдовать, кто изъ сихъ двухъ Вѣнценосцевъ поступилъ благоразумнѣе или согласнѣе съ истинною пользою отечества. — Между иноzemцами, которые искали тогда убѣжища и службы въ Москвѣ, достойны замѣчанія Князь Таманскій, Гуйгурисъ, жертва Султанскаго насилия и Кафинскій Еврей Скарья: Государь милостивыми грамотами, скрѣпленными золотою печатию, дозволивъ имъ быть къ себѣ,увѣрялъ ихъ въ особенномъ покровительствѣ и въ совершенной свободѣ выѣхать изъ Россіи, если не захотятъ въ ней остаться (⁵⁹⁴).

Петръ думалъ возвысить себя чужеземнымъ названіемъ Императора: Иоаннъ гордился древнимъ именемъ Великаго Князя и не хотѣлъ новаго; однакожъ въ сношеніяхъ съ иностраницами принималъ имя Царя (⁵⁹⁵), какъ почетное титулованіе. Такъ Изяславъ II, Дмитрий Донской назывались Царями (⁵⁹⁶). Сие имя не есть сокращеніе Латинскаго Caesar, какъ многие неосновательно думали, но древнее Восточное, которое сдѣлалось у насть извѣстно по Славянскому переводу Библіи и давалось Императорамъ Византійскимъ, а въ новѣйшія времена Ханамъ Могольскимъ, им'я на языкѣ Персидскомъ смыслъ трона или верховной власти (⁵⁹⁷); оно замѣтно также въ окончаніи собственныхъ имени Монарховъ Ассирійскихъ и Вавилонскихъ: Фаллассаръ, Набонассаръ, и проч. — Исчисляя въ титулѣ своеемъ всѣ особенные владѣнія Государства Московскаго, Иоаннъ наименовалъ оное Бѣлою Россіею, то есть, великою или древнею, по смыслу сего слова въ языкахъ Восточныхъ (⁵⁹⁸).

Онъ умножилъ государственные доходы пріобрѣтеніемъ уменьшеннемъ новыхъ областей и лучшимъ порядкомъ въ собираеміи даній, расписавъ земледѣльцевъ на сохи (⁵⁹⁹), и каждого обложивъ извѣстнымъ количествомъ сельскихъ, хозяйственныхъ произведеній и деньгами: что записывалось въ особенные книги. На примѣръ, два земледѣльца, высѣвая для себя въ коробей или четвертей ржи, давали ежегодно Великому Князю 2 гривны

и 4 деньги (около нынѣшняго серебряного рубля), 2 четверти ржи, три овса, осьмину пшеницы, ячменя, такъ, что съ тягла сходило по нынѣшнимъ умѣреннымъ цѣнамъ болѣе двадцати рублей нашими ассигнаціями. Нѣкоторые крестьяне представляли въ казну пятую или четвертую долю собираемаго хлѣба, барановъ, куръ, сыръ, яйца, овчина и проч. (⁶⁰⁰) Одни давали болѣе, другіе мѣнѣе, смотря по изобилію или недостатку въ угодіяхъ. — Торговля также обогащала Казну болѣе прежняго. Россія сдѣлалась извѣстной независимою, внутри спокойною; Государь любилъ нынѣшность, дотолѣ неизвѣстную, и купцы наши вмѣстѣ съ иноземными стремились удовлетворять новымъ потребностямъ Москвы, гдѣ находилось для нихъ нѣсколько гостинныхъ казенныхъ дворовъ, и гдѣ собиралась пошлина съ товаровъ и съ лавокъ (⁶⁰¹). Иоаннъ перевезъ древнюю ярмонку изъ Холошьяго города въ Мологу, помѣстивъ сына его, Димитрія, и велѣлъ ему доволѣствоваться тамъ старыми купеческими сборами, не умножать ихъ, не вымышлять новыхъ, предписавъ его братьямъ, чтобы они не запрещали своимъ людямъ ъздить на сю важную для Россіи ярмонку (⁶⁰²). Вѣроятно, что Казна имѣла также не малый доходъ отъ виѣшной торговли: не даромъ Великій Князь столь ревностно заботился объ ея безопасности въ Азовѣ и Кафѣ; не даромъ послы его обыкновенно ъзжали туда съ обозами купеческими, нагруженными пушнымъ, драгоценнымъ товаромъ, мѣхами собольими, лисьими, горностаевыми, зубами рыбными, Лунскими (Нѣмецкими, Лондонскими) однорядками, холстомъ, юфтью: на что Россіянѣ вымѣнивали жемчугъ, шелкъ, тафту (⁶⁰³). Богатство древнихъ нашихъ Государей извѣстно болѣе по сказкамъ, нежели по дѣйствительнымъ историческимъ свидѣтельствамъ. Не говоря о дани, взятой Олегомъ съ Грековъ (⁶⁰⁴), знаемъ только, что Византійскій Императоръ Никифоръ далъ Святославу 15 центнеровъ золота (⁶⁰⁵), если вѣрить Льву Діакону, и что Мономахъ (какъ означено буквою въ рукописи его *поученія*) привезъ отцу *триста* гривенъ сего металла (⁶⁰⁶). По крайней мѣрѣ *нон ашиe* Великіе Князья не могли равняться богатствомъ съ Иоанномъ. „Каждому изъ сыновей мо-

„ихъ“ — говорить онъ въ завѣщаніи — „оставляю по нѣ-
сколько ларцевъ съ казною, за ихъ и мою печатями, у Го-
сударственнаго Казначея, Печатника и Дьяковъ. Всѣ иные
„сокровища, лалы, яхонты, жемчугъ, драгоценныя иконы, со-
суды, деньги, золото и серебро, соболи, шелковыя ткани,
одежды — все, что находится въ моей казнѣ постельной,
у Дворецкаго, Конюшаго, Ясельничихъ, Приказчиковъ, въ
Москвѣ, въ Твери, Новгородѣ, Бѣлозерѣ, Вологдѣ и вез-
дѣ — то все сыну моему Василію⁽⁶⁰⁷⁾.“ — Вспомнимъ,
что кромѣ умноженія обыкновенныхъ, поземельныхъ и тамо-
женыхъ доходовъ, открытое и произведенія Пермскихъ ру-
дниковъ служили новымъ источникомъ богатства для государ-
ствованія Иоаннова.

Сей Монархъ, оружіемъ и Политикою возвеличивъ Россію, старался, подобно Ярославу I, утвердить ся внутреннее благоустройства общими гражданскими законами, въ коихъ она имѣла необходимую нужду, бывъ долгое время жертвою разновластія и беспорядка. Митрополитъ Геронтій, въ 1488 году отсылая къ некоторыхъ лишенныхъ сана Ереѳовъ къ суду Государева Намѣстника, пишетъ въ своей грамотѣ, что они должны быть судимы, какъ уставилъ Великій Князь, по Царскімъ Правиламъ, или по законамъ Царей Греческихъ, внесеннымъ въ Кормчую Книгу⁽⁶⁰⁸⁾: следственno сія Книга служила тогда для насть и гражданскимъ Уложеніемъ въ случаяхъ неопределенныхъ Россійскимъ Правомъ. Но въ 1497 году Иоаннъ велѣлъ Дьяку Владимиру Гусеву собрать всѣ наши древнія судныя грамоты, разсмотрѣть, исправить, и выдать собственное Уложение, писанное весьма ясно, основательно⁽⁶⁰⁹⁾. Главнымъ судію былъ Великій Князь съ дѣтьми своими; но онъ даваль сіе право Боярамъ, Окольничимъ, Намѣстникамъ, такъ называемымъ Волостямъ и помѣстнымъ Дѣтямъ Боярскимъ, которые однакожъ не могли судить безъ Старости, Дворскаго и лучшихъ людей, избираемыхъ гражданами. Судьи воспрещалось всякое пристрастіе, лихоимство; но осужденный платилъ имъ и Дьякамъ ихъ десятую долю иска, сверхъ пошлины за печать, за бумагу, за трудъ. Все рѣши-

Законы
Иоанно-
вы.

лось единоборствомъ: самое душегубство, зажигательство, разбой; виновнаго, то есть побѣжденаго, казнили смертю: всю собственность его отдавали истцу и судьямъ. За *первую* татьбу, кромѣ церковной и головной (то есть, похищенія людей), сѣкли кнутомъ и лишали имѣнія, дѣлмааго между истцемъ и судьею: преступникъ бѣдный выдавался истцу головою. За *вторую* татьбу казнили смертю, и даже безъ суда, когда пять или шесть добрыхъ гражданъ утверждали клятвенно, что обвиняемый есть воръ извѣстный. Человѣка подозрительнаю, оговореннаго татемъ, пытали; но *безпорочнаго* не касались и требовали отъ него только поруки до объясненія дѣла. Несправедливое рѣшеніе судей уничтожалось Великимъ Княземъ, но безъ всякаго для нихъ наказанія. Съ жалобою, съ доносомъ надлежалоѣхать въ Москву, или къ Намѣстнику, или къ Боярину, имѣвшему судную власть въ той области, гдѣ жилъ отвѣтчикъ, за коимъ посыпали *Недѣльщика* или Пристава. Являлись свидѣтели. Судья спрашивалъ: „могно ли имъ вѣрить?“ *допросите ихъ какъ законъ и совѣсть повельваютъ*, отвѣтствовали судимые. Свидѣтели начинали говорить: обвиняемый возражалъ, заключая обыкновенно рѣчь свою такъ: „требую присяги и суда Божія; требую *поля и единоборства*“ (^{с10}). Каждый вмѣсто себя могъ выставить бойца. Окольничій и Недѣльщикъ назначали мѣсто и время. Избирали любое оружіе, кромѣ огнестрѣльного и лука; сражались обыкновенно въ латахъ и въ шлемахъ, копьями, сѣкирами, мечами, на коняхъ или пѣши; иногда употреблялись и кинжалы. Пишутъ, что въ Москвѣ былъ славный, искусный и сильный боецъ, съ которымъ уже никто не смѣлъ схватиться, но котораго убилъ одинъ Литвинъ. Иоаннъ оскорбился; хотѣлъ видѣть побѣдителя, взглянулъ гнѣвно, плонулъ на землю, и запретилъ судные поединки между своими и чужестранцами: ибо послѣдніе, зная превосходную силу Россіянъ, одолѣвали ихъ всегда хитростью.

Сие Уложеніе, древнѣйшее послѣ Ярославова, не должно удивлять насъ своею краткостю: гдѣ всѣ затрудненія въ тяжбахъ рѣшились острѣмъ желѣзомъ; гдѣ законодатель, такъ

сказать, не распутывалъ ихъ узла глубокомысленными соображеніями, а разѣкалъ его столь чуднымъ уставомъ: тамъ надлежало единственно дать правила для судебныхъ поединковъ. Видимъ, какъ и въ первобытныхъ нашихъ законахъ (⁶¹), великую довѣренность къ присягѣ, къ совѣсти людей. Тѣлесные наказанія унижали человѣчество въ преступникахъ; но имя *добраю* гражданина, безъ всякаго иного титла, было правомъ на государственное уваженіе; кто имѣлъ его, тотъ, въ случаѣ свидѣтельства, однимъ словомъ спасаль невиннаго или губиль виновнаго. — Несогласные съ разсудкомъ, поединки судебные могли однако же утверждать безопасность Государства: они питали воинскій духъ народа.

Въ Уложеніи Іоанновомъ находятся весьма немногіе постановленія о куплѣ, зaimѣ, наслѣдствѣ, земляхъ, межахъ, холопяхъ, земледѣльцахъ. На примѣрѣ: 1) „Кто купилъ венецъ „новую при двухъ или трехъ честныхъ свидѣтеляхъ, тотъ „уже не лишается ее, хотя бы она была и краденая; но *кро- мъ лошади:*“ слѣдственно лошадь возвращалась хозяину. — 2) „Если деньги или товары, взятые купцемъ, будутъ у него „въ пути отняты, сгорять или утратятся безъ его вины: то „ему дать время для платежа, и безъ всякаго росту; въ про- „тивномъ же случаѣ онъ, какъ виновный, отвѣтствуетъ всѣмъ „имѣніемъ и головою“. Сей законъ есть древній Ярославовъ. — 3) „Кто умретъ безъ духовной грамоты, не имѣя „сына: того имѣніе и земли принадлежать дочери; а буде „иѣть и дочери, то ближайшему родственнику. — 4) Между „селами и деревнями должны быть загороды: въ случаѣ по- „травы взыскать убытокъ съ того, въ чью загороду прошелъ „скотъ. Кто уничтожитъ между или грань, того бить кнутомъ „и взять съ него рубль въ удовлетвореніе истцу“ (законъ Ярославовъ). — 5) „Кто три года владѣеть землею, тому „она уже креѣка; но если истецъ Великій Князь, то сроку „для иска полагается шесть лѣтъ: далѣе иѣть суда о землѣ. — 6) „Крестьяне (или свободные земледѣльцы) отказываются изъ „волости въ волость, изъ села въ село (то есть, переходять „отъ одного владѣльца къ другому) за недѣлю до Юрьева

„дни, и черезъ недѣлю послѣ онаго. Пожилаго за дворъ на-
значается рубль въ степныхъ мѣстахъ, а въ лѣсныхъ 100
„денегъ. — 7) Холопъ или рабъ, съ женою и дѣтьми, есть
„тотъ, кто даетъ на себя крѣпость, кто идетъ къ господину
„въ Тіуны“ (законъ Ярославовъ) и ключники сельскіе (по
„если дѣти служатъ другому господину или живутъ сами
„самою, то они не участвуютъ въ судьбѣ отца); кто женит-
„ся на рабѣ; кто отданъ въ приданое или отказанъ по ду-
„ховному завѣщанію. Если холопъ, взятый въ плѣнъ Тата-
„рами, уйдетъ отъ нихъ: то онъ уже свободенъ, и не пы-
„надлежитъ своему бывшему господину. Если отпускная, дан-
„ная рабу, писана рукою господина, то она всегда дѣйстви-
„тельна; иначе должна быть явлена Боярамъ и Намѣстни-
„камъ, имѣющимъ судное право, и подписана Дьякомъ.. — 8)
„Попа, Діакона, Монаха, Монахиню, старую вдову (которая
„питается отъ церкви Божіей) судить Святитель, а мірянину
„съ церковнымъ человѣкомъ судъ общий“. — Сіи законы, съ
помощью Греческихъ, или Номоканона (⁶¹²), были достаточны.
Древніе обычаи служили имъ дополненіемъ.

Город-
ская и
Зем-
ская
Поли-
ція.

Іоаннъ учредилъ лучшую городскую Исправу или Поли-
цію: онъ велѣлъ поставить на всѣхъ Московскихъ улицахъ
рѣшетки (или рогатки), чтобы ночью запирать ихъ для
безопасности домовъ (⁶¹³); не терпя шума и беспорядка въ
городѣ, указомъ запретилъ гнусное пьянство (⁶¹⁴); пекся о
дорогахъ: завелъ почту, ямы, гдѣ путешественникамъ давали
не только лошадей, но и пищу, если они имѣли на то при-
казъ Государевъ (⁶¹⁵). Здѣсь же вмѣстимъ одну любопытную
черту его заботливости о физическомъ благосостояніи народа.
Открытие Америки доставило Европѣ золото, серебро и болѣзни,
которая донынѣ свирѣпствуетъ во всѣхъ ея странахъ, искажая
человѣчество, и которая съ удивительною быстротою разлила
свой ядъ отъ Испаніи до Литвы. Сперва не знали ея причинъ,
и лицемѣры нравственности не таились съ нею во мракѣ.
Историкъ Литовскій пишетъ слѣдующее: „Въ 1493 году одна
„женщина привезла изъ Рима въ Краковъ болѣзнь *Фран-
цузскую*. Сія ужасная казнь вдругъ постигла многихъ: въ

, числь ихъ находился и *Кардиналъ Фридерикусъ* (⁶¹⁶). Слухъ о томъ дошелъ до Москвы: Великій Князь, въ 1499 году пославъ въ Литву Боярскаго Сына Ивана Мамонова, въ данномъ ему наставлѣніи говоритъ: „Будучи въ Вязмѣ, развѣ дай, не пріѣзжалъ ли кто изъ Смоленска съ недугомъ, въ коемъ тѣло покрывается болячками, и который называются „Французскимъ” (⁶¹⁷)?“ Иоаннъ хотѣлъ предохранить свой народъ отъ новаго бича Небеснаго.

Мы говорили о важнѣйшихъ дѣлахъ Церковныхъ. Кроме Собора, суда надъ еретиками, было еще три Собора: первый для уложения Церковной Пасхалии на осмое тысячелѣтіе, которое настало въ 31 годъ Иоаннова государствованія. Суевѣрные успокоились; увидѣли, что земля стоитъ и небесный сводъ не колеблется съ исходомъ *седьмой тысячи* (⁶¹⁸). Митрополитъ Зосима созвалъ Епископовъ и поручилъ Геннадію Новгородскому сдѣлать исчисленія Церковнаго Круга. Сей разумный Святитель написалъ введеніе, гдѣ свидѣтельствами Апостоловъ и правилами истиннаго Христіанства опровергаетъ всѣ мнимыя предсказанія о концѣ міра, извѣстномъ единому Богу. „Намъ должно, говорить онъ, не искать таинствъ сокровенныхъ отъ мудрости человѣческой, но молить Вседержителя „о благоустройствѣ міра и Церкви, о здравіи и спасеніи великаго Государя нашего, де цвѣтеть его Держава силою и побѣдою” (⁶¹⁹). Сперва изложили Пасхалию только на 20 лѣтъ и дали разсмотрѣть оную Пермскому Епископу Филофею котораго вычисленія утвердили ея вѣрность (⁶²⁰): послѣ того Генадій означилъ на большихъ листахъ круги солнечные, лунные. Основанія, Эпакты, *въ руцѣ лъто и ключи границъ* отъ 533 до 7980 года. Сей Соборъ утвердилъ, что годъ начинается въ Россіи вмѣстѣ съ Индиктомъ 1 Сентября (⁶²¹).

Второй Соборъ былъ при Симонѣ Митрополитѣ. Въ 1500 году, раздавъ Новгородскія церковныя земли Дѣтямъ Боярскимъ, Великій Князь мыслилъ, что Духовенству, и въ особенности Июкамъ, непристойно владѣть безчисленными селами и деревнями, которые возлагали на нихъ множество мірскихъ заботъ. Сіе важное дѣло именемъ Государя было предложено

Митрополиту и всѣмъ Епископамъ въ общемъ ихъ Совѣтѣ⁽⁶²²⁾,
Іоаннъ не присутствовалъ въ ономъ. Митрополит послалъ
къ нему Дьяка Леваша съ такими словами: „Отецъ твой,
„Симонъ Митрополитъ всея Руси, Епископы и весь Освящен-
„ный Соборъ говорятъ, что отъ Равноапостольнаго Великаго
„Царя Константина до позднѣйшихъ временъ вездѣ Святы-
„тели и монастыри *держали грады, власти и села:* ни-
„когда Соборы Св. Отцевъ не запрещали сего; запрещали
„имъ единственно продавать недвижимое достояніе. При самыхъ
„предкахъ твоихъ, Великомъ Князѣ Владимірѣ, Ярославѣ,
„Андрѣѣ Боголюбскому, братѣ его Всеволодѣ, Іоаннѣ Дані-
„иловичѣ, внукѣ блаженнаго Александра, современникѣ Чу-
„дотворца Петра Митрополита, и до нашего времени Святы-
„тели и монастыри имѣли грады и власти, слободы и села,
„управы, суды, пошлины, оброки и дани церковныя. Не Свя-
„тый ли Владиміръ, не Великій ли Ярославъ сказали въ
„Уставѣ своемъ: *кто преступитъ его изъ дитей или по-*
„*томковъ моихъ: кто захватитъ церквь вное достояніе и*
„*десятины Святительскіе, да будетъ проклятъ въ сей*
„*вѣкъ и будущій?* Самые злочестивые Цари Ордынскіе, боясь
„Господа, щадили собственность монастырей и Святительскую;
„*не смыли двинути вещей недвижимыхъ....* И такъ, не
„дерзаемъ и не благоволимъ отдать церковнаго стяженія: ибо
„оно есть Божіе и неприкосновенно“. Великій Князь не за-
хотѣлъ упорствовать; мыслилъ, но не совершилъ того, что и
въ самомъ осьмомъ-надесять вѣкѣ еще казалось у насть смѣ-
лостію. Екатерина II чрезъ 265 лѣтъ исполнила мысль Іо-
анна III, присоединивъ земли и села церковныя къ государствен-
ному достоянію и назначивъ Духовенству денежное жалованье.

На третьюмъ Соборѣ (въ 1503 году) Іоаннъ уставилъ
съ Митрополитомъ, слѣдя правиламъ Апостольскимъ и Св.
Петра Чудотворца, чтобы ни Іереи, ни Діаконы вдовы не
священнодѣйствовали. „Забывъ страхъ Божій“ — сказано въ седьмъ
приговорѣ — „многіе изъ нихъ держали наложницъ, именуемыхъ
„полу-попадьями. Отнынѣ дозволяемъ имъ только, буде ве-
„дуть жизнь непорочную, пѣть на крылосахъ и причащаться

„въ олтаряхъ, Іереямъ въ епитрахилахъ, а Діаконамъ въ „стихаряхъ, и братъ четвертую долю изъ церковныхъ доходовъ; уличенные же въ порокѣ любострастія да живутъ въ „мірѣ и ходятъ въ свѣтской одеждѣ. Еще уставляемъ, чтобы „Монахамъ и Монахинямъ не жить никогда вмѣстѣ, но быть „въ особенности монастырямъ женскомъ и мужескимъ⁽⁶²³⁾,“ и проч.—Грамотою сего же Собора, скрѣпленною подписями Святителей, запрещалось всякое церковное мздоимство. Не смотря на то, Архієпископъ Геннадій дерзнулъ явно братъ деньги съ посвящаемыхъ имъ Іереевъ и Діаконовъ: строгій Іоаннъ, свергнувъ его съ престола Святительскаго, заперъ въ Чудовѣ монастырѣ, гдѣ онъ и кончилъ дни свои въ горести⁽⁶²⁴⁾.

Ревностный ко благу и достоинству Церкви, Великій Князь съ удовольствіемъ видѣлъ новую честь Духовенства Россійскаго. Прежде оно искало милости въ Византійскихъ Святителяхъ; тогда Москва сдѣлалась Византіею, и Греки приходили къ намъ не только за дарами, но и за саномъ Святительскимъ. Въ 1464 году Митрополитъ Феодосій поставилъ въ Москвѣ Поставленіе Кесарійскаго Митрополита въ Москву. Митрополита Кесаріи. Патріархъ Іерусалимскій, угнетаемый тиранствомъ Египетскаго Султана, оставилъ Святыя мѣста и скончался на пути въ Россію. Она была утѣшениемъ бѣдныхъ Грековъ, которые хвалились ея Православіемъ и величиемъ какъ бы ихъ собственнымъ. Знаменитые монастыри Аѳонскіе существовали нашими благодѣяніями, въ особенности монастырь Пантелеимона, основанный древними Государами Кіевскими⁽⁶²⁵⁾.

Соглашая уваженіе къ Духовенству съ правилами всеобщей Монаршей власти, Іоаннъ въ дѣлахъ Вѣры соглашалъ терпимость съ усердіемъ ко Православію. Онъ покровительствовалъ въ Россіи и Магометанъ и самыхъ Евреевъ, но тѣмъ болѣе изъявлялъ удовольствіе, когда Христіане Латинской Церкви добровольно обращались въ наше Исповѣданіе. Вмѣстѣ съ братомъ Великой Княгини Софії, съ Италійскими и съ Нѣмецкими художниками, въ 1490 году пріѣхалъ въ Москву Каштанъ Августискаго Ордена, именуемый въ лѣтописи Иваномъ Спасителемъ: онъ торжественно принялъ Греческую Вѣру, женился на Россіянкѣ и получилъ отъ Великаго Князя богатое село въ награду⁽⁶²⁶⁾. Гречес-

Поставленіе
Кесарійскаго
Митрополита
въ Москву.

Россій-
скій
мона-
стырь
на Аѳон-
ской
горѣ.

Кап-
ланъ
Августис-
каго
Ордена
приин-
имаетъ
Гречес-

сую
Бѣру.
Нѣко-
торыя
бѣд-
ствія
Іоанно-
ва вѣ-
ка.

Описавъ государственныя и церковныя дѣянія, упомянемъ о нѣкоторыхъ бѣдствіяхъ сего времени. Въ 1478 и 1487 годахъ возобновился моръ въ сѣверо-западныхъ областяхъ Россіи, Устюгъ, Новгородъ, Псковъ. Были неурожаи, голая зимы, чрезвычайная разлитія водъ, необыкновенныя бури, и въ 1471 году, Августа 29, землетрясеніе въ Москвѣ. Цѣлые города обращались въ пепель, а столица нѣсколько разъ. Въ сихъ ужасныхъ пожарахъ, днемъ и ночью, Великій Князь самъ являлся на конѣ съ Дѣтьми Боярскими, оставляя трапезу и ложе: указывалъ, распоряжалъ, тушилъ огонь, ломалъ дома, и возвращался во дворецъ уже тогда, какъ все угасало (⁶²⁷).

Наконецъ замѣтимъ еще двѣ достопамятности: первая относится къ исторіи нашихъ старинныхъ обычаевъ; вторая къ ученої исторіи древнихъ путешествій.

Іоаннъ, особенно любя свою меньшую дочь, не хотѣлъ разстаться съ нею и не искалъ ей жениховъ въ Россіи. Горестная слѣдствія Еленина супружества, хотя и блестящаго, тѣмъ болѣе отвращали его отъ мысли выдать Феодосію за какого нибудь иноземнаго Принца. Въ 1500 году онъ сочеталъ ее съ Княземъ Василіемъ Холмскимъ, Бояриномъ и Воеводою, сыномъ Даніила, славного мужествомъ и побѣдами, который умеръ чрезъ шесть лѣтъ по завоеванію Казани (⁶²⁸). Сія свадьба описана въ прибавлении Разрядныхъ Книгъ съ нѣкоторыми любопытными обстоятельствами. Знаменитый противникъ Ливонскаго Магистра, Героя Шлеттенберга, Бояринъ и Полководецъ, Князь Даніиль Пенко-Ярославскій, былъ въ *Тысячихъ*, а Князь Петръ Нагой-Оболенскій въ *Дружкахъ* съ ихъ женами. Въ поїздѣ съ женихомъ находилось болѣе ста Князей и знатнѣйшихъ Дѣтей Боярскихъ. У саней Великихъ Княгинь, Софіи и Елены, шли Бояре, Греческіе и Россійскіе. Свадьбу вѣничалъ Митрополитъ въ храмѣ Успенія. Не забыли никакого обряда, нужнаго, какъ думали, для счастія супруговъ; всѣ желали его и предсказывали молодымъ; веселились, пировали въ дворцѣ до ночи.—Счастливыя предсказанія не сбылися: Феодосія ровно черезъ годъ скончалась.

Древ-
нѣйшее
описа-
ніе Кня-
жеской
свадь-
бы.

Доселѣ Географы не знали, что честь одного изъ древнѣйшихъ, описанныхъ Европейскихъ путешествій въ Индію

Путе-
шеств-

принадлежитъ Россіи Іоаннова вѣка. Нѣкто Аѳанасій Никитинъ, <sup>но въ
Индіи.</sup> Тверскій житель, около 1470 года былъ по дѣламъ купеческимъ въ Деканѣ и Королевствѣ Голькондскомъ. Мы имѣемъ его записки (⁶²⁹), которая хотя и не показываютъ духа наблюдательнаго, ни ученыхъ свѣдѣній, однакожъ любопытны, тѣмъ болѣе, что тогдашнее состояніе Индіи намъ почти совсѣмъ неизвѣстно. Здѣсь не мѣсто описывать подробности. Скажемъ только, что нашъ путешественникъ ѿхалъ Волгою изъ Твери до Астрахани, мимо Татарскихъ городовъ Услана и Берекзаны; изъ Астрахани въ Дербентъ, Бокару, Мазандеранъ, Амоль, Кашанъ, Ормусъ, Маскатъ, Гузуратъ и далѣе, сухимъ путемъ, къ горамъ Индѣйскимъ, до Бедера, гдѣ находилась столица Великаго Султана *Хоросанскаго*; видѣлъ *Индѣйскій Ерусалимъ*, то есть, славный Элорскій храмъ, какъ вѣроятно; именуетъ города, коихъ нѣть на картахъ; замѣчаетъ достопамятное; удивляется роскоши Вельможъ и бѣдности народа; осуждаетъ не только суевѣrie, но и худые нравы жителей, исповѣдующихъ Вѣру Брамы; вездѣ тоскуетъ о православной Руси, сожалѣя, если кто изъ нашихъ единоземцевъ, прельщенный славою Индѣйскихъ богатствъ, вздумаетъ ѿхать по его слѣдамъ въ сей мнимый рай купечества, гдѣ много перцу и красокъ, но мало *годнаго для Россіи*; наконецъ возвращается въ Ормусъ, и чрезъ Испагань, Султанію, Требизонтъ прибываетъ въ Кафу, заключаетъ исторію своего шестилѣтняго путешествія, которое едва ли доставило ему что нибудь, кроме удовольствія описать оное: ибо Турецкіе Паши отняли у него большую часть привезенныхъ имъ товаровъ. Можетъ быть Іоаннъ и не свѣдалъ о любопытномъ семъ странствіи: по крайней мѣрѣ оно доказываетъ, что Россія въ XV вѣкѣ имѣла своихъ Тавернье и Шарденей, менѣе просвѣщенныхъ, но равно смѣлыхъ и предпримчивыхъ; что Индѣйцы слышали о ней прежде, нежели о Португаліи, Голландіи, Англіи. Въ то время, какъ Васко де-Гама единственно мыслился о возможности найти путь отъ Африки къ Индостану, нашъ Тверитянинъ уже купечествоvalъ на берегу Малабара и бесѣдовалъ съ жителями о Догматахъ ихъ Вѣры.

О ГЛАВЛЕНИЕ.

ТОМЪ VI.

ГЛАВА I.

Государь, Державный Великий Князь Иоаннъ III Васильевичъ.
Г. 1462—1472.

стр.

Вступленіе. Князь Рязанскій отпущенъ въ свою столицу. Договоръ съ Князьями Тверскимъ и Верейскимъ. Дѣла Псковскія. Ахматъ возстаетъ на Россію. Всеобщая мысль о скоромъ представлении свѣта. Кончина супруги Иоанновой. Избраніе новаго Митрополита. Походы на Казань. Война съ Новымгородомъ. Явленіе Кометы. Завоеваніе Перми. Нашествіе Ахмата на Россію. Смерть Юрія, Иоаннова брата

3

ГЛАВА II.

Продолженіе Государствованія Иоаннова.
Г. 1472—1477.

Бракъ Иоанновъ съ Греческою Царевною. Посольства изъ Рима и въ Римъ. Заключеніе Ивана Фрязина и Тревизана, Посла Венеціянскаго. Прѣніе Легата Папскаго о Вѣрѣ. Слѣдствія Иоаннова брака для Россіи. Выѣзжіе Греки. Братья Софіины. Посольства въ Венецію. Зодчий Аристотель строить въ Москвѣ храмъ Успенія. Строеніе другихъ церквей, палаты и стѣны Кремлевскихъ. Льють пушки, чеканять монету. Дѣла съ Ливоніею, съ Литвою, съ Крымомъ, съ Большою Ордою, съ Персіею. Посоль Венеціянскій Контарини въ Москвѣ . . .

36

ГЛАВА III.

Продолженіе Государствованія Иоаннова.
Г. 1475—1481.

Совершенное покореніе Новагорода. Обозрѣніе исторіи его отъ начала до конца. Рожденіе Иоаннова сына, Василія-Гавріила. Посольство въ Крымъ. Сверженіе ига Ханскаго. Ссора Великаго Князя съ братьями. Походъ Ахмата на Россію. Краснорѣчивое посланіе Архіепископа Вассіана къ Великому Князю. Разореніе Большой Орды и смерть Ахмата. Кончина Андрея Меньшаго, брата Иоаннова. Посольство въ Крымъ

62

ГЛАВА IV.

Продолженіе Государствованія Иоаннова.
Г. 1480—1490.

Война съ Ливонскимъ Орденомъ. Литовская дѣла. Ханъ Крымский опустошаетъ Кіевъ. Сыновья Ахматовы воюютъ съ Крымскимъ Ханомъ. Король Венгерскій Матеїй въ дружбѣ съ Иоанномъ. Бракъ сына Иоаннова съ Еленою, дочерью Стефана, Господаря Молдавскаго. Завоеваніе Твери. Присоеди-

неніе Удѣла Верейскаго къ Москвѣ. Князья Ростовские, Ярославские лишены правъ Владѣтельныхъ. Происшествія Рязанская. Покореніе Казани. Сношенія съ Ханомъ Крымскимъ. Посольство Муртозы, сына Ахматова, въ Москву. Посольство Ногайское. Покореніе Вятки. Завоеваніе земли Арской. Кончина Иоанна Младаго. Казнь врача. Соборъ на еретиковъ Жидовскихъ. Сверженіе Митрополита; избраніе новаго 105

ГЛАВА V.

Продолженіе Государствованія Иоаннова.

Г. 1491—1496.

Заключеніе Андрея, Иоаннова брата. Смерть его и Бориса Васильевича. Посольства Императора Римского и наши къ нему. Открытие Печерскихъ рудниковъ. Посольство Датское, Чагатайское, Иверское. Первое дружелюбное сношеніе съ Султаномъ. Посольства въ Крымъ. Литовская дѣла. Смерть Казимира: сынъ его, Александри, на тронѣ Литовскомъ. Непріятельскія дѣйствія противъ Литвы. Переговоры о мирѣ и сватовствѣ. Злоумышленіе на жизнь Иоаннову. Посольство Князя Мазовецкаго въ Москву. Миръ съ Литвою. Иоаннъ отдаетъ дочь свою, Елену, за Александра. Новыя неудовольствія между Россіею и Литвою 130

ГЛАВА VI.

Продолженіе Государствованія Иоаннова.

Г. 1495—1503.

Заложенъ Ивангородъ. Гнѣвъ Вел. Князя на Ливонскихъ Нѣмцевъ и заключеніе всѣхъ купцовъ Ганзейскихъ въ Россіи. Союзъ съ Даніею. Война съ Шведами. Иоаннъ въ Новѣгородѣ. Походъ на Гамскую землю или Финляндію. Дѣла Казанская. Первое наше Посольство въ Константинополь. Рязанская Княгиня въ Москвѣ и выдастъ дочь за Бѣльскаго. Гнѣвъ Иоанновъ на супругу и сына, Василія. Великій Князь торжественно вѣнчаетъ на Царство внука своего, юнаго Димитрія Иоанновича; мирится съ супругою, казнить Бояръ и называетъ Василія Вел. Княземъ Новагорода и Пскова. Посольство изъ Шамахи. Посольство въ Венецию и въ Константинополь. Завоеваніе земли Югорской или Сѣверо-западной Сибири. Посланъ Воевода въ Казань. Разрывъ съ Литвою. Князья Черниговскій и Рыльскій поддаются Иоанну. Завоеваніе Мценска, Серпейска, Брянска, Путивля, Дорогобужа. Князья Трубчевскіе добровольно покоряются. Мѣстничество нашихъ Воеводъ. Битва на берегахъ Ведроши. Ханъ Крымскій опустошаетъ Литву и Польшу. Союзъ Александра съ Ливонскимъ Орденомъ. Переговоры о мирѣ. Александръ избранъ въ Польскіе Короли. Новая побѣда надъ Литвою близъ Мстиславля. Война съ Орденомъ. Сраженіе близъ Изборска. Болѣзнъ въ Ливонской рати. Россія опустошаетъ Ливонію. Царь Большой Орды, Шихъ-Ахметъ, помогаетъ Литвѣ. Ханъ Крымскій совершенно истребляетъ сіи остатки Батыева Царства. Александръ вѣроломно заключаетъ Шигъ-Ахмета. Досада Хана Крымскаго на Великаго Князя. Иоаннъ, заключ-

чивъ невѣстку и внука, объявляетъ Василія наследникомъ. Разрывъ съ Стефаномъ Молдавскимъ. Смерть Стефanova. Осада Смоленска. Битва съ Магистромъ Ливонскимъ близъ Пскова. Цара старается о мирѣ. Перемиріе съ Литвою и съ Орденомъ. Хитрость Вел. Князя. Александръ безразсудно дождаетъ сму

167

ГЛАВА VII.

Продолженіе Государствованія Ioannova.

Г. 1503—1505.

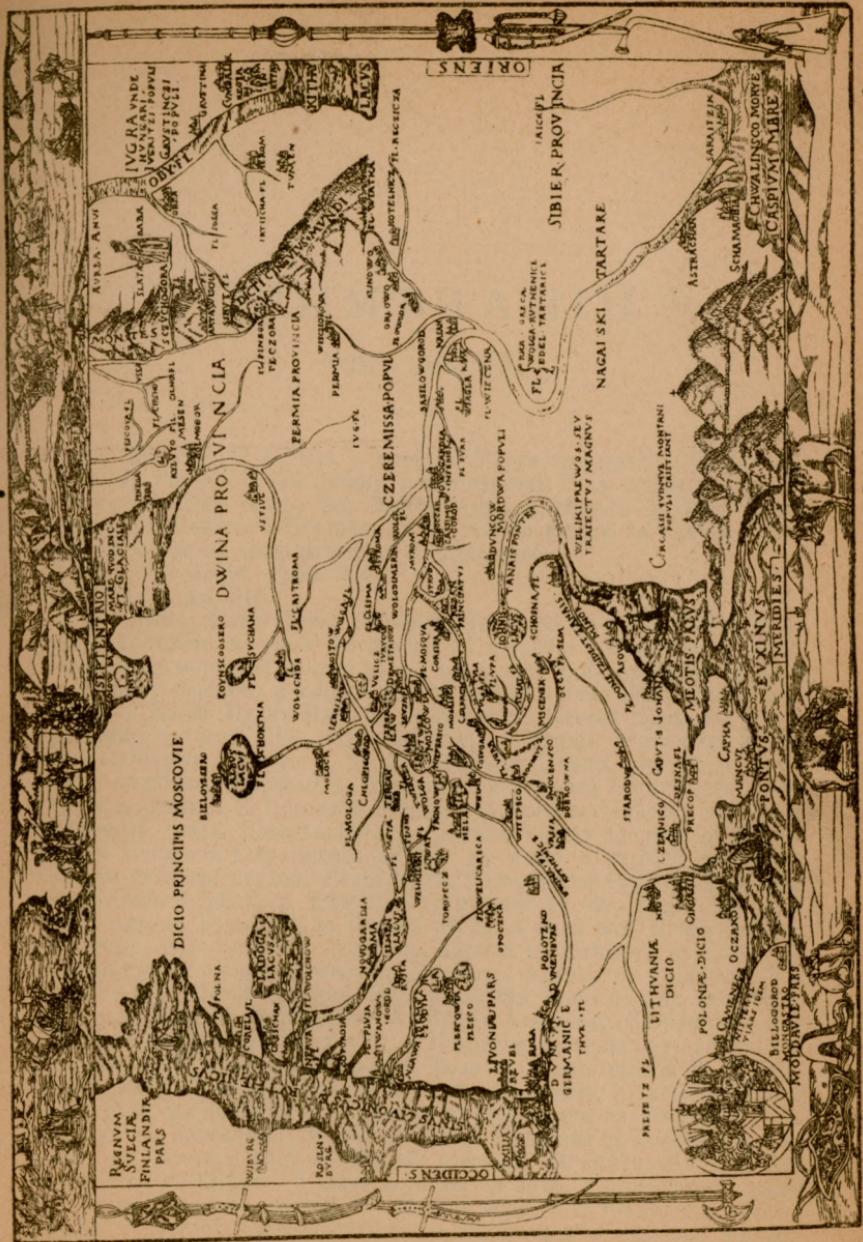
Кончина Софіи и болѣзнь Ioannova. Занѣщаніе. Судь и казнь еретиковъ. Посольство Литовское. Сношеніе съ Императоромъ. Василій женится на Соломоніи. Измѣна Царя Казанскаго. Впаденіе его въ Россію. Кончина Великаго Князя. Тогдашнее состояніе Европы. Ioannъ творецъ величія Россіи. Устроилъ лучшее войско. Утвердилъ Единовластіе. Имя Грознаго. Жестокость его характера. Мнимая нерѣшительность есть осторожность. Названіе Великаго, приписанное ему иностранцами. Сходство съ Петромъ I. Титулъ Царскій. Бѣлая Россія. Умноженіе доходовъ. Законы Ioannova. Городская и земская Полиція. Соборы. Поставленіе Кесарійского Митрополита въ Москвѣ. Россійский монастырь на Аѳонской горѣ. Карапанъ Августинскаго Ордена принимаетъ Греческую Вѣру. Иѣкоторые бѣдствія Ioannova въка. Древнійшее описание Княжеской свадьбы. Путешествіе въ Индию

207

MOSCOWIA SIGISMUNDI LIBERI BARO NIS IN HERBERTAIN.

PIC. I.

V R V S.

B I S O N S.

Общий чертеж «Московии» или Московского Государства, составленный бароном Сигизмундом Герберштейномъ, въ XVII вѣкѣ.

ПРИМѢЧАНІЯ.

ТОМЪ ШЕСТОЙ.

(1) «Въ лѣто 72 К. Вел. и мати его Марья отпустили К. Рязанскаго «И. В. на Рязань на его отчину, и той же зимы Генв. пріѣде къ Москвѣ «и понять за себе сестру Вел. Князя, Анну, и вѣнчася у Преч. Бого- «родицы въ Недѣлю о Блуднѣмъ, и на той же недѣли на память 3 Свя- «тилей пойде на свою отчину и съ Княгинею».

(2) *Собр. Госуд. Грам.* 209.

(3) Тамъ же, 215.

(4) *Архив. Псков. Лѣт.*: «Юрьевцы (въ 1463 г.) посла Псков. Кон- «драга Сотцкаго и гости посадиша въ погребъ, а Псковичи Нѣмецк- «гости, а на миру... И марта въ 21, въ 1 часу дни, пріѣдоша Нѣмцы «къ Новому городку... и начаша шибати пушки, а иная сила жеци Псков. «исады; и Князь Иванъ Иванов. Дебрянскихъ Князей прислалъ своего «человѣка, что рать Нѣм. подъ городкомъ... а Нѣмцы, услышавше Псков. «силу, отбѣгоша... Того же м. въ 27 пришедши Нѣмцы, два исада боль- «шихъ выжгоша, Островье, да Полешье... и поиодоша борзо чрезъ озеро «въ свою землю... И Псковичи пойдоша къ Воронью каменю, и Чудинт. «доброхотъ сказа Посадникомъ, что Нѣмцы хотятъ ударить на Колпин- «кое, и Псковичи взвратиша на туу же нощь и узрѣша рано, что «Нѣмцы зажгоша церковь Колпинскую, и Посадники удариша на нихъ «на Колпиной рѣцѣ, и Нѣмцы устремиша на бѣль Марта въ 31, и «биша ихъ на 13 верстъ до Коховѣ рѣцѣ... а иная рать Псковская, не- «рубленые люди, охвочей человѣкъ, ходиша за Изборскъ въ слободу и «своеваша съ Воеводою Ивашкомъ Дѣлкомъ... Априля въ 4 пріѣдоша Из- «боряны подъ Новой городокъ Нѣм. и волости пожгла Апр. въ 10 днен. «прииде во Псковъ на Княженіе К. Иванъ Александр. Звенигородской, и «выйдоша противъ его со кресты, и Псковичи посадиша его на Княже- «ніе, на всей Псковской пошилинѣ. Іюля въ 8 день присла В. К. Вое- «воду своего, К. Федора Юрьевича, съ людьми своими, и быша во Псковѣ «съ недѣли, на подворы у Св. Спаса въ монастыри на Мирожи и у Св. «Николы на Завеличи... И совокупиша Псковичи съ Воеводою и пой- «доша за Великую рѣку къ Новому городку... И выѣхаша 3 Нѣмчина «съ вѣстью къ Юрьеву, и наши погнаша за ними, и Москвитинъ удари- «по главѣ Нѣмчина саблею, и поймаша жива, а 2 убѣжаша и столша «4 дни, и пустиша болище пушкою на городокъ, и колода вся излома- «лася, и желѣза около разорвашася, а пущича вся дѣла, и отыдоша... «Посадникъ Дороѳей Олферьевичъ съ охвочимъ человѣкомъ пойде въ на-

«садахъ воевать Нѣмецкой земли, а иноземцы биша челомъ, чтобы присягали въ насады къ собѣ, и пріяша... И много воеваша, и Кжерлу половину выжгоша... И Нѣмцы въ шнекахъ и въ лодяхъ удариша на «Наровлянъ... И ту поимаша нашихъ 8 человѣкъ, а судью Сидора Оданья «мечи изъкоша, и Гдовляне прислаша гонца во Псковъ, что Нѣмцы «воюютъ, а Нѣмцы прислаша на Псковъ святымъ словомъ, чтобы нашему «послу добровольно пріѣхать на поговорку, и Псковичи даша ему на «тому руку; и присла Князь Местерь Иванъ Князча Сивладайского и «толка своего Индрика и миръ взяша; и о пошлии Великихъ Князей, «что въ Юрьевѣ, а то Пискупу давати Вел. Князю по старинѣ; а что «Рускій Конецъ и Святая церкви, а то имъ держать по старымъ грамотамъ... И печати своя привѣсиша Князь Местера и Арцыбискуплю «на Вѣчѣ... И послаша Іоуду суконника и Василья Луковицъ въ Юрьевѣ», и проч. Въ 1464 г. пріѣжалъ посолъ Дерптского Архиепископа во Псковъ для окончанія сего дѣла.

(5) См. Архив. *Псков. Лѣт. годъ 6972—6978.* Великій Князь присыпалъ для того во Псковъ Боярина Селивана, а Митрополитъ своего чиновника.

(6) *Архив. Лѣт. г. 1465 и Степен. Кн.*

(7) Въ предисловіи Новогородск. Архиепископа Геннадія къ *Церковному Кругу* сказано: «Нѣдіи миѣша, яко скончеваемъ седмой тысущи «быти и скончанію міра, якоже и прежде скончеваемый шестой тысущи «сицево же миѣніе обѣржаше люди». Въ описанномъ нами раздорѣ Духовенства Псковскаго съ Новогородскимъ Владыкою также упоминается о наступающемъ концѣ міра (см. Архив. *Псков. Лѣт. г. 6972—6978*). Я имѣю прекрасный списокъ Геннадіева *Церковного Круга*. Въ началѣ сказано: «Писавый же сей Кругъ Великаго Новагорода Акаѳолікіа церкве «Великія Св. Софія Премудрости Божія Священнаго Собора и Свв. Исѣпѣдникъ и Чудотворцовъ Гуріа и Самона и Авива грѣшныи Попъ «Агаѳонице грѣшино рукою по обѣту... На второмъ пренесеніи много «чудесныхъ мощей Св. Петра Митрополита, изъ сребреныхъ раки преложенныхъ во златую раку въ лѣто 7046, Мая въ 5 день (въ 1538 г.)... «Въ то время прилучившу ми ся быти въ богоспасаемъ градѣ Москвѣ «велми болну сушу», и проч.

(8) *Архив. Лѣт. г. 6975, Ноября 1:* «Ставясь озеро Ростовское выло «по дѣвѣ недѣли, и ночи людемъ въ городѣ спати не дало, и послѣ про- «тіжно застучить, какъ бы въ десетерѣ молотять или въ осмерѣ, и за «много лѣтъ того не бывало». Затмѣніе луны было въ 1465, Окт. 5, въ первомъ часу ночи.

(9) Въ 1466 году, Мая 14, и въ 1467, Мая 5, «снѣгъ падъ цади и «лежаль 2 дни, и того же м. въ 26 день снѣгъ лежаль день; Авг. въ 18 «морозъ бытъ и другой того же м. въ 27 и ярь биль... Мая 5 снѣгъ падъ «въ полкоѣни и лежаль 3 дни. Мѣсяца Іюня 2 мразъ былъ».

(10) См. *Архив. Новогород. Лѣт. № 1, стр. 116, г. 1467: «Симеоновской морѣ въ Новѣградѣ. Въ л. 6975 бысть морѣ велике зѣло въ «Вел. Новѣградѣ, во Псковѣ, въ Старой Русѣ и во всѣхъ Пятинахъ Новогородскихъ. Преставися въ Вел. Новѣградѣ 48,402 человѣка; еще же «и Богъ вѣсть что: а въ монастырехъ Игуменовъ и Монаховъ и въ Дѣвичихъ монастырехъ Игуменій и Монахинъ 7652 человѣка; а въ Старой Русѣ Священниковъ 28, а Монаховъ 1300; въ Новѣ же градѣ (въ «монастыряхъ) Игуменовъ и Священниковъ 18, а во градѣ Священниковъ 300, Діаконовъ 21; а которые Священники овдовѣли и постриглисѧ 19, а Діаконовъ 6; всего же въ Вел. Новѣградѣ и въ Старой Русѣ «и во всѣхъ Пятинахъ Новогородскія области мужеска пола и женска*

«250,652 человѣка. Бысть же въ Новѣградѣ въ Неревскомъ Концѣ въ Звѣринскомъ Дѣвичемъ монастырѣ близь церкви Покрова Богородицы «скудельница велія. Архіепископъ же Іона бысть въ велицѣ печали, и «во ужасѣ слыша гласть свыше сице: иди со кресты въ Неревскій Конецъ «и престанеть моръ. Тогда явися на скудельницѣ образъ Св. Симеона «Богопріимца. Архіепископъ же пойде со множествомъ народа въ Звѣринской мон., и падъ па колѣна предъ иконою Св. Симеона, молящеся «со слезами... и нача пѣти молебень на скудельнице, и того дне постгавиша церковь деревину во имя Св. Симеона; людіе же носина бревна «на рамахъ изъ лѣса Окт. въ 1 день, и освятию самъ Архіепископъ». Во Псковѣ моръ начался въ 1465. «Поча мрети изъ Опочского Конца «отъ Ропатой Лавиды у Федорка у Царска сына: прїехавъ изъ Юрьевъ, преставись Іоил въ 24.. Той же осени бысть моръ великъ во «Псковѣ и по всей волости по Семенѣ дни Лѣтопроводца, и бысть самъ «напорт въ Рожественское говѣнье... во всякомъ Концѣ позади скудельницы ископаша и тамо кладоша мертвага; а мроша сице: аще у кого «явится желѣза, то на другой или на третій день умираш... Бысть моръ «по два года съ одного... Того же лѣта (1467) во Псковѣ моръ преста; «а былъ той моръ и въ Новѣгородѣ и по всей волости желѣзою» (см. *Архив. Псков. Лѣт.*).

(11) Въ *Архив. Лѣт.* г. 14^о 3: «отъ Сент. до Филипова заговѣйна «отъ корости люди многіе мерли... Той же зимы Генв. 14 (г. 1467) бысть «моръ лютъ и множество людей изомре по дорогамъ и на Москвѣ, и по «сінимъ городомъ и по селомъ».

(12) См. *Лѣт. Русск.* изданный Львовымъ, Ч. II, г. 1467, стр. 363. Марія, добрая, смиренная, умерла Апрѣля 22, въ 5 часу ночи.

(13) *Лѣт. Русск.* издан. Львовымъ, Ч. II, г. 1464. Феодосій оставилъ Митрополію Сент. 13, а Филиппъ былъ поставленъ въ Поябрѣ. Въ *Посланиі Рос. Митрополитовъ* есть грамота Феодосіева къ Нового родцамъ, о томъ, чтобы они не вступались въ Епископскія дѣла и суды (см. Синод. бібліот. № 164, л. 40). Тамъ же (л. 126) находится и покаяніе его, писанное имъ еще во время его Архіепископства въ Ростовѣ. «Азъ смиренный Феодосей (говорить онъ) по Діаволю искушенію, «а по своему скудоумьству, дерзнухъ сотворити новонаачальствено въ «церкви Божіей, и чрезъ установленое въ Св. уставѣхъ.... яко же иныи «прилучиши седьмия тысяча послѣдняго ста 63 лѣта навечерію Бого- «явленія Господня быть въ день Недѣльный: азъ же, худый и грѣшный, «по уставу о пѣніихъ Литургіиныхъ и Вечернихъ свершивъ, и сѣдохъ «за трипезою, и не вѣмъ, какъ по искущению Діаволю, или по своему «грѣху, вѣніи ми ся тако, яко да и самъ ямы сыръ и млеко, и про- «чимъ Иною ми повелѣлъ та же яденіе ясти, и мірскими человѣкомъ «смисо; мнози же прилучишаась тогда ту отъ Священниковъ и Инооковъ «и отъ мірскихъ благоразумныхъ, много возбраяиху ми таковыхъ не «творити; азъ же не послушахъ, и отвѣщахъ имъ токмо единою рѣчью. «Недѣльнымъ днемъ. Господинъ же нашъ и Осподарь, Іона Митрополитъ, «суть, собравъ Бож. и Свѧщен. Сборъ, и Великій Государь земскій, В. К. «Василей Васильевичъ, съ своимъ Синклитомъ, да и по меня послали, и «возрѧ въ Божественная правила, да мене духовно наказали; азъ же «пришедъ въ чювство, каюся», и проч.

(14) По Родословн. Книгамъ (Синод. Бібліот. № 461, л. 176) Мамутекъ оставилъ двухъ сыновей, Халила и Ибрагима: слѣдственно жена Касимова была вдовою Мамутека. Герберштейнъ пишеть, что Царь Казанскій, Хелелекъ, умеръ бездѣтень, и что жена его, Нурсалтанъ, вышла

за Ибрагима (В. М. Comment. стр. 67): сей Хелалекъ есть Халиль, сынъ Мамутековъ, братъ Ибрагимовъ.

(15) Въ *Архан. Лѣт.* сказано, что Великій Князь еще въ 1463 г. послалъ Воеводъ своихъ, Бориса Кожунова и Бориса Слѣпаго, съ Устюжанами, Вологжанами и Галичанами на Черемису; что онишли мимо Устюга къ Вяткѣ, Вяткою до Камы и сею рѣкою въ Великую Пермь; что Казанцы съ Черемисою въ томъ же году приходили на Устюжскій уѣздъ, въ верховья Юга, на волость Лоху, и плѣнили многихъ людей; что Устюжане догнали и побили ихъ.

Касима обманули Ибрагимовъ Вельможа, Князь Авдулманъ-Амонъ, и другіе, увѣривъ, что доставятъ ему престолъ. Въ *Архан. Лѣт.*: «Пришла сила Вел. Князя къ Волзѣ на Звеничѣ бору, и Татарове пришли сна нихъ въ судѣхъ, и выѣздили на берегъ, а наши норовятся заскочити сихъ отъ судовъ, а нѣкто Айдаръ, Постельникъ Вел. Князя, Григорьевъ, «сынъ Карпова, не отпустя Татаръ отъ судовъ, кликну на нихъ: Татарове же вметався въ суды и побѣгша за Волгу; а судовая сила еще не поспѣла».

Въ *Продолженіи Нест. Лѣт.* стр. 265: «на Вербной недѣли взяша Татарове Казанскіе двѣ волости Костромскихъ, Кусь, и множество по-слону: Князь же Иванъ Васил. Стрига ходи за ними и до Унжи съ Костромы. Тоє же весны тѣ же Татарове имаша около Мурома въ «недѣлю Св. Муроносиць, и отыдоша. Того же лѣта воеваша около Мурома: Князь же Данило Дмитр. Холмскій иде за ними изъ Мурома и «постиже, и бивъ ихъ», и проч.

(16) Онъ выѣхалъ изъ Владимира въ Москву въ Великую Пятницу.

(17) Въ *Архан. Лѣт.* говорится о семъ походѣ такъ: «К. В. послалъ рать на Черемису двою, Ивана Ивановича Глухова, да Ивана Руно, а съ ними Устюжане, да Галичане, и шедше на Каму, да изы-мали языка; а сказывается, что Татарове пошли вверхъ по Камѣ въ «Великую Пермь, и Воеводы шедше за ними, да ихъ побили. На томъ бою убить Атаманъ Устюжской Сава Осѣевъ». Въ *Архив. Лѣт.*: «По Велицѣ дни послалъ К. В. Дворъ свой на Каму съ Москвы къ Галичу Руна съ Казаки, а изъ Галича Семеновыхъ дѣтей Филимонова Глѣба, Ивана Шуста, Василья Губу, и пойдоша къ Вологдѣ, а съ Вологды въ «судѣхъ съ Вологжаны къ Устюгу на Николинъ день, и съ Устюга пойде К. Иванъ Звенецъ, а Иванъ Игнатьевичъ Глухой съ Кичменжаны... и Вятчане пойдоша съ ними, и бысть Вятчанамъ вѣсть, что идутъ на сихъ Казанцы, и возвратишиася... И въ то время Татарове Казанскіе «200 ч. пошли воевати, и пометавше (на Вологжѣ) коней у Черемисы, пошли въ судѣхъ по Камѣ... и Воеводы избраша отъ своихъ людей «семь насадовъ и отпустиша съ ними Воеводу Руна... Татарове же выскакаша на берегъ, и забѣгша за рѣчку... и ту ихъ избиша, и Воеводу сихъ Тулазея изымаша, Князева сына Тарханова, да другова Бердеш-кина... а Руси убили 2 человѣка, да 60 ранили».

(18) Тутъ убили еще богатыря Колупая. Сраженіе было за 40 верстъ отъ Казани, на Звеничѣ бору.

(19) «Не возмогоша противитися». Въ *Продолженіи Нестор. Лѣт.* стр. 266: «Вятчане же обѣщаша имъ дань давати гобины дѣля: отняша «бо у нихъ гобину. Потомъ же не даша имъ. Татарове же идоша прочь; «не сотвориша зла никоего же».

(20) «Съ Москвы послалъ Сурожанъ и суконниковъ и купчихъ людѣй... и тѣ пойдоша Москвою рѣкою, а ини Клязмою; а Коломпичи «Окою, и Муромцы такожъ; а Володимерцы и Суздалцы Клязмою; а

«Дмитровци, Можайчи, Угличане. Ярославцы, Ростовцы, Костромичи и «все Поволжие Волгою».

(21) «Того же дни отплывше 60 верстъ ночевали; а наутрѣ обѣ «дали на Рознѣжи, а ночевали на Чебоксарѣ, а отъ Чебоксаря шли день «и ночь всю и пришли подь Казань на ранній зорѣ».

(22) См. *Арханг. Лѣт.* стр. 144.

(23) «Коломнитинъ».

(24) «Срокъ имъ учинилъ пол-четыре недѣли... Костянтина же стоялъ еще пол-четыре недѣли».

(25) «Пришедшe на Звеничъ островъ, ту почеваша».

(26) *Арханг. Лѣт.* стр. 145 и 146: «К. Данила убили и Никиту Константиновича, а Петра Плещеева полонили, а Григорей Перхушковъ «пробѣжалъ не бився... Всѣхъ Устюжанъ изгило 110, а всѣхъ Русскихъ «430 человѣкъ, и побили и въ Орду свели, и К. В. многихъ выкупаль, «и послалъ (Устюжанамъ) дважды по денѣ золотой, а они обѣ отдали «Попу Ивану... а въ третія послалъ ужину запасъ 700 четвертей муки, «да 300 пудовъ масла, да 300 луковъ, 600 стрѣль, да 300 шубъ бараныхъ, «да 300 однорядокъ Чипскихъ и Лунскихъ» (Лондонскихъ: см. Т. VIII, примѣч. 435) «и Новогольскихъ и Трекумскихъ, да 300 сермягъ; а вѣ «лѣль имъ еще ити подь Казань съ К. Юрьевъ на зимованіе». Убитый Воевода К. Данило названъ въ сей лѣтописи Александровичемъ Ярославскимъ, а въ другихъ лѣтописяхъ Васильевичемъ Ярославскимъ. Даниилъ Пенко былъ еще живъ въ 1505 году; а по Родословнымъ Книгамъ не знаемъ другаго К. Ярославского Даниила.

(27) «Да Федоръ Давыдовичъ».

(28) *Арханг. Лѣт.* стр. 147.

(29) *Архив. Лѣт.* стр. 6: «Ради послѣдняго сего времени тое старины «всее по грѣхомъ позабыли, а дѣла Государскаго ничего не исправили, «а пошиль не отдаются, а которыхъ земель и водь съ суда по старинѣ «отступилися Вел. Князю, да тѣ опять за себя поймали и людей къ цѣ «лованью приводили на Новгородское имя, и на дворѣ Вел. Князя на «Городищѣ съ Большаго Вѣча присыпали многихъ людей Намѣстникомъ «его, да и послу Вел. К. лаяли, да въ имени Вел. К. за отказомъ на «Городище дву Князей поймали сильно, а людей перебили и перепали «и въ городѣ сводили и мучили въ его имени, а съ рубежомъ съ Нову «городицкихъ отчинѣ Вел. К. и его браты отчизнамъ и людямъ пакость «чиинили, грубячи Вел. Князю, а сами держати себе мысля», и проч.

(30) Архив. *Псков. Лѣт.* г. 1466: «тое же осени К. Иванъ Александровичъ, ударивъ чelомъ Псковичемъ за все добро Псковское, и «поѣха на Москву». Они просили себѣ въ Правители К. Федора Юрьевича. «И приѣха К. Федоръ Апр. въ 29 (въ 1467 г.), и выйдоща противо его со кресты... А посадники и Псковъ даша ему на всѣхъ 12 при «городахъ Намѣстниковъ держати и судове судити; а изъ вѣковъ Князя «Намѣстники бывали только на семи пригородѣхъ».

(31) Во-первыхъ Иона, Архіепископъ Новгородский, крайне оскорбляль ихъ своимъ мздоміствомъ и самовластіемъ въ дѣлахъ церковныхъ; во-вторыхъ Новгородцы обижали купцовъ Псковскихъ и даже пословъ (см. Архив. *Псков. Лѣт.* г. 1470).

(32) Въ Архив. *Псков. Лѣт.* г. 1471: «Вашего посла къ Вел. К. не «хотимъ поднимати, ни сами ему чelомъ бити не хотимъ, а вы бы есте «за насть на конѣ уѣли по своему съ нами миродокончанію... И Псковъ «учиниша Родіону, послу Новгородскому, таковъ отвѣтъ: какъ вамъ «К. Вел. отшлетъ возметную грамоту, тогда намъ явите; а мы о томъ «спогадаъ вамъ отвѣчаемъ... А отъ Новгородскаго посла посла людей

«его поотнимавъ обидній люді»—тѣ, которые въ Новѣгородѣ были обижены—«во Псковѣ на Вѣчѣ, да и серебро на нихъ поймали, и у Новогородца посла полчетвертатцать (35) рублевъ; а имали серебро по-рубленій люди, которые въ Новѣгородѣ были въ порубахъ измучени или отъ посла отнимани, какъ ъздили въ Новгородъ Иванъ Фомичъ, Владычень Намѣстникъ, а больше полутора сидѣли на крѣпости, измучени въ желѣзахъ отъ биричей; и только ихъ головами выправили. Посадникъ «Псковской», Яковъ Ивановичъ, какъ ъздили на Москву бить челомъ о томъ же».

(33) «Въ сie же лѣто и въ мимошедшее прежде сего много знаменія начаша быти въ Новѣгородѣ, якоже слышахомъ отъ тамосущихъ жителей.. Въ монастыри Св. Евфиміи въ женствѣ отъ иконы Богородицы «слезы отъ очю исходжаху», и проч.

(34) Архив. Псков. Лѣт. г. 1471: «Тоя же осени преставися К. Симеонъ Киевскій на Киевѣ, братъ Михаилъ Олельковичъ, честно боронивъ свою отчину Киевъ отъ сильней себѣ Ординскихъ Царей: тѣмъ «же и превознесеся во всей Руси, яко же и Великихъ Киевскихъ Князей древнихъ честно имя его». Михаилъ прибыль въ Новгородъ 8 Ноября 1471 года.

(35) Лѣтописцы называютъ его просто Священноинокомъ; но Псковскій именно «Протодіакономъ и Ризникомъ Владычнимъ». Для выбора клали на престолъ Софію жеребей Варсонофія, Духовника Архіеп., Пимена Ключника Владыкина, и Ѹсофиловъ. Іона умеръ 5 Ноября, а Ѹофіль въ тотъ же день былъ нареченъ Святителемъ.

Ізъ Прибавленій въ концѣ VIII тома, издан. 1819 года: Въ одномъ рукописномъ Сборнику XVI вѣка находится посланіе В. К. Іоанна Вас. къ Новогород. Архіеп. Іонѣ, въ коемъ сказано: «Братъ «нанъ Казимеръ, Король Польский, и В. К. Литовскій, еще къ нашему «отцу, а нынѣка ко мнѣ Пословъ своихъ не однова присылаль о томъ, «чтобы если прияли къ собѣ его Митрополита Григорья: ино, отче, вѣ-домо тебѣ, тотъ Григорей отколѣ пришель, отъ кого поставленъ? При-шель изъ Рима отъ Папы, а поставленъ въ Римѣ Григоріемъ Патріархомъ бывшимъ Цариградскимъ, который повиновался Папѣ съ осмаго Собора; а сами вѣдаете, за кодико лѣть раздѣлиася Греческая Вѣра «съ Латынскою, и Святыми Отцами заклято и утвержено, что съ Латы-«ною не совокуплятися... Въ сего (Григоріево) място иный Патріархъ «въ то время (быль) на Цариградѣ; а онъ, будучи въ чюжей странѣ, въ «Римѣ, да поставилъ того Григорія, Сидорово ученика, въ Митрополиты «на всю Русь, и отецъ мой послалъ къ Королю, чтобы еси, братъ, того «Григорія къ собѣ не пріималь на нашего отца на общаго, на Іону Ми-«трополита, а новины бо еси не чинилъ, а нашае бы еси старины не «рушашъ... Іонѣ взысканіе Митропольское пашихъ праородителей, Вел. «Князей Русскихъ, и наше и до сѣхъ мясть, а не В. Князей Литов-«скихъ: кто будетъ намъ любъ, тотъ будетъ у насъ на всей Русіи: а «отъ Рима у насъ Митрополиту не быти... А примешь, ино ты Церковь «Божію раздѣляешь, а не мы. А Король паки тако принялъ его, и цер-«квей ему Русскихъ поступился... Князь Великий повѣствуетъ: коли еси, «нашъ богомолецъ, пріѣзжалъ къ нашему отцу и ко мнѣ, и къ Іонѣ Ми-«трополиту на свое поставленіе, ино тебѣ о томъ гораздо и самому вѣ-«дому... и каковъ паки еси обѣть свой даль Іонѣ Митрополиту, что ти «къ тому Григорию не приступати... а опослѣ его живота Ѹеодосію Ми-«трополиту, да и вынѣшнему отцу нашему, Филиппу Митрополиту. Ны-«нѣча паки являемъ тебѣ: прислаль ко мнѣ изо Цариграда Іосифъ Ми-«трополит Кесарія Филипповы грамоту свою, что поставленъ у пасъ

«на Москвѣ и у васъ былъ... а являеть намъ о томъ Григорій... (что) «онъ посыпалъ до Царяграда Посла своего Мануила, ищучи себѣ bla- «гословенія и подтверждѣнія отъ Цареградскаго Патріарха, а хотячи «быти у насъ на Москвѣ... да чтобы о немъ Патріархъ Посла своего «послать до меня, да отъ того-дѣй много пореклъ зата и портъ Патрі- «архъ... и въ то-дѣй время Патріахъ былъ, Симономъ звали, надъ нѣ- «которымъ монастыремъ надъ убогимъ, а болѣе церкви Божіи Собор- «ные Турецкій Царь въ мизгити починилъ, а которыя церкви оставилъ «Патріарху, на тѣхъ крестовъ нѣть, ни звону у нихъ нѣть: поютъ безъ «звону; и тотъ-дѣй Симонъ человѣкъ разсудителъ, да у того Посла «Мануила поминковъ не принялъ, а благословенія не далъ, а отрекъ- «дѣй ему такъ: азъ самъ живу въ убожествѣ, въ Бессерменскыѣ рукахъ, «въ чюжей неволѣ, а наше ся чуже православие изрушило: и мы умыслили «собѣ съ своимъ отцемъ съ Митрополитомъ, и съ своею матерью, и съ «своемъ братомъ... и со всѣмъ Священствомъ, да того ми Посла Патрі- «арша, ни Григорьевъ, и въ землю свою впущати не велѣть: не требую «ни его благословенія ни его неблагословенія; имѣемъ того Патріарха «чюжа и отречена... Тобѣ бы, нашему богомолцу, вѣдомо было... Кото- «рыми дѣлами тотъ Посоль Патріаршъ пойдетъ къ тебѣ съ тѣмъ по- «сланіемъ, или тотъ Григорей учнетъ ся подсылати, и ты бѣ того го- «раздо ся оберегай и дѣтей своихъ (Новгородцевъ) наказаль, чтобы «никоторому посланью Патріаршу, ни Григорьеву, не вѣрили, ни поу- «ченья его, ни ложного благословенія не требовали... и помниль бы еси, «отче, свой обѣтъ», и проч. (Сообщено отъ Г. Строева).

(36) Синод. Лѣт. Новог. въ листъ № 46, подъ годомъ 6985: «Сент. въ 21 быстъ пожарь отъ Розважъ улицѣ и до Борковѣ ~~улицѣ~~, погоре «побережье все и до Великой улицы, и Марею^и Посадничи чюдныи дворъ». — Въ Исторії Рос. Герардіи, Ч. IV, стр. 629—632, напечатана грамота, данная Марею Корельскому Николаевскому монастырю на села, земли, рыбныхъ ловища, и сказано, что сей монастырь основанъ ею на мѣстѣ, гдѣ погребены ея (взрослые) сыновья, Антонъ и Феликсъ Филипповы, утопшіе въ морѣ. Обитель Св. Николая уже существовала въ 1419 году (см. Т. V, примѣч. 218). Положимъ, что Филиппомъ назывался первый супругъ Мареи: но какихъ же лѣтъ была она въ 1471 году, еще столѣтъ дѣйствия въ мятеѣ народномъ и думая опять выйти за-мужъ? Слогъ грамоты также не имѣетъ признаковъ древности: «Во имя Отца и «Сына и Св. Духа. Се азъ раба Божіи Мареѧ... поставила есми церковь, «храмъ Св. Николы въ Корельскомъ, на гробѣхъ дѣтей своихъ, Антона «да Филикса; а дала есми въ домъ Св. Николы куплю мужа своего, Филиппа... А приказываю домъ Св. Николы господину, своему деверю, «Федору Григорьевичу и его дѣтамъ, и Леонтию Аввакумовичу, и зятю «своему Афромею Васильевичу; а на то Богъ послухъ и отецъ мой ду- «ховной, Игуменъ Василій Св. Спаса; а кто сіе писаніе преступить или «порудитъ (испортить), а наши памяти залягутъ, сужуся съ нимъ предъ «Богомъ въ день Страшнаго суда».

(37) См. Въ Минеяхъ житіе Св. Зосими.

(38) См. П послужной Списокъ Бояръ въ Опытѣ Трудовъ Вольнаго Рос. Собрания, I, 219. Мареину сыну дань чинъ Боярина въ 1471 году. вмѣстѣ съ Федоромъ Давидовичемъ Хромымъ.

(39) Архив. Псков. Лѣт. г. 1471: «Марта въ 15 день выѣха изъ Но- «вагорода К. Михайлъ Киевскій, а былъ въ Новѣгородѣ 4 мѣсяцы въ «8 дней, а Новѣгороду было истомно сильно кормы и воловою и вели- «кими дарми. Пріѣхавъ въ Гусу, оброки взя силою и пограби, а отъ

«Русы къ рубежу ѿди, взя поспу и животь и головы войною великою...
«а головы повезе до самаго рубежа.

(40) Въ Архив. *Псков. Лѣт.*, г. 1471: «По нѣкотицѣхъ днехъ» (послѣ избранія Феофилова) «Великой Новгородъ Ключника Владычня Пимена «великимъ сильнымъ» избесчествовавъ бесчестіемъ, на крѣпости издер- «жавъ самаго измучивъ... и самаго на 1000 рублей продалъ».

(41) См. *Лѣт. Ростов., Архив.* и *Степен. Кн.*

(42) Сей важной договоръ нашелъ я въ Пушкинскомъ собраніи Двин- скихъ грамотъ, и выписываю его отъ слова до слова:

«Списокъ съ докончальными, что были написаны собѣ Новгородии съ Королемъ лѣта семдесѧть девѧтоѧго.

«Се язъ честный Король Польский и Князь В. Литовскій докончаль «есмы миръ съ нареченімъ на Владичество съ Феофиломъ и съ Посад- «ники Новогородскими и съ Тысяцкими, и съ Бояры и съ Житыми, и «съ купци, и со всѣмъ В. Новынгородомъ. А пріѣхаша ко миѣ послове «отъ нареченаго на Владичество Феофила, и отъ Посадника Степенаго «и отъ Тысяцкаго Степенаго Василія Максимовича, и отъ всего В. Но- «вагорода мужей вольныхъ, Посадникъ Новогородскій Офонась Остафьев- «вичъ, Посадникъ Дмитрий Исаковичъ, и Иванъ Кузминъ сынъ Посад- «ничъ, а отъ Житыхъ Панфилей Селищтовичъ, Кирило Ивановичъ, «Якимъ Яковличъ, Яковъ Зиновьевичъ, Степанъ Григорьевичъ. Докончаль «есмы съ ними миръ и со всѣмъ В. Новынгородомъ, съ мужи вольными; «а держать ти, честный Король, Новгородъ на сей на крестной грамотѣ. «А держати тобѣ, честному Королю, своего Намѣстника на Городицѣ «отъ нашей Вѣры отъ Греческой, отъ православнаго Христіянства. А «Намѣстнику твоему безъ Посадника Новогородскаго суда не судиши. а «отъ мѣста кунъ не имати, а В. Новугороду у твоего Намѣстника суда «не отъимати, опричь ратной вѣсти и городоставленія. А судити твоему «Намѣстнику по Новогородской старинѣ; а Дворецкому твоему жити па «Городицѣ во дворцѣ по Новогородской пошлини; а Дворецкому твоему «пошлини продавати съ Посадникомъ Новогородскимъ по старинѣ съ «Петрова дни. А Тіуну твоему судити въ одринѣ съ Новогородскими «приставы. А Намѣстнику твоему и Дворецкому и Тіуну быти на Горо- «дицѣ въ пятидесяти человѣкъ. А Намѣстнику твоему судити съ Посад- «никомъ во Владычинѣ дворѣ на пошломъ мѣстѣ, какъ Боярина, такъ и «Житѣго, такъ и молодшего, такъ и селянина; а судити ему въ правду «по крестному цѣлованью всѣхъ равно. А пересудъ ему имати по Ново- «городской грамотѣ по крестной противу Посадника; а опричь пересуда «посула ему не взяти. А во Владычнѣ судъ и въ Тысяцкаго, а въ те «ся тебѣ не вступати, ни въ монастырскіе суды по старинѣ. А пойдеть «Князь Великій Московскій на В. Новгородъ, или его сынъ, или его «брать, или которую землю подыметь на В. Новгородъ, ино тебѣ, нашему «господину, честному Королю, всѣсти на конь за В. Новгородъ, и со «всю съ своею Радою Литовскою противъ Великаго Князя, и боронити «В. Новгородъ. А коли, господине честныи Король, не умиривъ В. Но- «вагорода съ Вел. К., а пойдеть въ Лятцкую землю или въ Нѣмецкую; «а безъ тебе, господине, пойдеть К. Вел. или его сынъ, или его братъ, «или кою землю подойметь на В. Новг., ино твоей Радѣ Литовской всѣ- «сти на конь за В. Новгородъ по твоему крестному цѣлованію, и боро- «нити Новгородъ. А что Ржова и Великія Луки и Холмовской погосты, «четыре перевары, а то земли Новогородскіе, а въ то ся тебѣ, честному «Королю, не вступати, а знать тебѣ своя черна куна; а тѣ земли къ Вел. «Новугороду. А Ржевѣ и Лукамъ и Холмовскому погосту и иными зем- «лямъ Новогородскими и водамъ отъ Литовской земли рубежъ по старинѣ.

«А сведется Новгородцу судъ въ Литвѣ, ино его судити своимъ судомъ, «а блюсти Новогородца какъ и своего брата Литвина по крестному цѣ- «лованью. А сведется судъ Литвину въ Вел. Новѣгор., ино его судити «своимъ судомъ Новогородскимъ, а блюсти его какъ и своего брата Но- «вогородца по крестному цѣлованю такожь. А сведется поле Нового- «родцу съ Новогородцомъ, ино Намѣстнику твоему взяти отъ поля гривна, «а двѣма приставомъ двѣ денги. А учнуть ходити за сречкою на поле, «ино взяти твоимъ приставомъ двѣ денги. А въ Русѣ ти имати за про- «ѣжій судъ черезъ годъ сорокъ рублей; а держать ти десять варницъ «въ Русѣ. А въ Водцкой землѣ имать ти за проѣжій судъ черезъ годъ «тридцать рублей; а въ Ладогѣ ти пятнадцать рублей; а съ Ижеры «два рубля; а съ Лопци рубль за проѣжій судъ черезъ годъ; а по иныи «по волостемъ по Новогородскимъ имати тобѣ пошлины по старинѣ. А «Новугороду пошлини не таити по крестному цѣлованю. А вывода ти, «честный король, изъ Новогородской отчины не чинити; а челяди не «закупати, ни даромъ не принимати. А подводъ по Новогор. отчинѣ не «имати, ни твоимъ посломъ, ни твоему Намѣстнику, ни иному никому «жъ въ твоей Державѣ. А черна куна имать ти по старымъ грамотамъ «и по сей крестной грамотѣ. А на Молвотицахъ взяти ти два рубля, а «Тіуну рубль за Петровщину; а на Кунскѣ взяти ти рубль; а на Стержи «тритьцать куница, да шестьдесятъ бѣль; а съ Моревы сорокъ куница, «да восемьдесятъ бѣль; а Петровщины рубль, а въ осенинѣ полрубля; а «въ Жавнѣ двадцать куница да восемьдесятъ бѣль, а Петровщины рубль, «а медь и пиво съ перевары по силѣ; а на Лопастицахъ и на Буйцахъ «у чернокуницовъ по двѣ куницы, и по двѣ бѣль, а слугамъ бѣла; а на «Лукахъ нашъ Тіунъ, а твой другой, а судъ имъ наполѣ. А Торопецкому «Тіуну по Новогородской волости не судити. А въ Лубковѣ и въ Зак- «линѣ по двѣ куницы и по двѣ бѣла, а Петровщины сорокъ бѣль; а во «Ржевѣ по двѣ куницы и по двѣ бѣль, а съ перевары медь, пиво по «силѣ. А въ Новогородскихъ волостехъ, ии на Домонѣ, ии на Ценѣ, ии «на Полоновѣ иенайдобѣ иное Литвѣ ничтожь, ни черны куны не брати. «А иныхъ пошлини тобѣ, честный Король, на Новгородские волости не «вскладывать черезъ сюю крестную грамоту. А сведется Вира, убъти «Соткаго въ селѣ: ино тебѣ взяти полтина; а не Сотского, ино четыре «гривны. А намъ Вирѣ не таити къ Новѣгородѣ; а о убиствѣ Вирѣ нѣть. «А что волости, честный Король, Новогородскіе: ино тебѣ не держати «своими мужи, а держать мужми Новогородскими. А что пошлина въ «Торжку и на Володѣ, Тивунъ свой держать на своей части, а Новуго- «роду на своей части Посадника держати. А се волости Новогородскіе: «Волокъ со всѣми волостями, Торжокъ, Бежины, Городецъ, Палецъ, Ши- «пинъ, Мелецъ, Егна, Заволочье, Тиръ, Пермь, Иччера, Югра, Вологда «съ волостями. А пожни, честный Король, твои и твоихъ мужъ, а то «твои; а что пожни Новогородскіе, а то къ Новугороду, какъ пошло. А «Дворянъмъ съ Городиця и Изѣйтникомъ позывати по старинѣ. А на Нов- «городской землѣ тебѣ, честный Король, сель не ставити, ни закупати, «ни даромъ не принимати, ни твоей Королевѣ, ни твоимъ дѣтемъ, ни твоимъ «Княземъ, ни твоимъ Паномъ, ни твоимъ слугамъ. А холопъ, или роба, «или смердъ почнеть на осподу вадити, а тому ти, честный Король, вѣры «не пять. А купецъ пойдетъ.... а смердъ потягнетъ въ свой потугъ къ «Новугороду, какъ пошло. А приставовъ тебѣ, честныи Король, не высы- «лати во всѣ волости Новогородскіе. А у насъ тебѣ, честный Король, «Вѣры Греческие православные нашей не отымати; а гдѣ будеть намъ «В. Новугороду любо въ своемъ православномъ Христилиствѣ, ту мы «Владыку поставимъ по своей воли. А Римскихъ церквей тебѣ, честный

«Король, въ В. Новъгородѣ не ставити, ни по пригородомъ Новогородскимъ, ни по всей земли Новогородской. А Тіуну твоему въ Торжку «судити судъ съ Новг. Посадникомъ; такожь и на Волопѣ по Новогородской пошлини Новогородскимъ судомъ: и Виры, и полевое по Новогородскому суду. А что во Псковѣ судъ и печать и земли Вел. Новг., а «то къ Вел. Новуг. по старинѣ. А умирить, господине честный Король, «Вел. Новг. съ Вел. К., ино тебѣ взяти, честному Королю, черный боръ «по Новогород. волостемъ по старинѣ однова по старымъ грамотамъ; а «въ иные годы черный боръ ненадобѣ. А Нѣмѣцкаго Двора тебѣ не за- «творити, ни приставъ своихъ не приставливати; а гостю твоему торго- «вати съ Нѣмцы нашею братьею. А посломъ и гостемъ на обѣ половины «путь имъ чистъ по Литовской землѣ и по Новогородской. А держать «тебѣ, честный Король, Вел. Новг. въ воли мужей вольныхъ по нашей «старинѣ и по сей крестной грамотѣ. А на томъ на всемъ, честный Ко- «роль, крестъ цѣлуй ко всему Вел. Новуг. за все свое Княжество и за «всю Раду Литовскую въ правду безъ всякаго извѣта; а Новогородскіе «сполосве цѣловаша крестъ Новогородскую душою къ честному Королю «за весь Вел. Новг. въ правду, безъ всякаго извѣта».

(43) См. *Архив. Лѣтн. л. 28* на обор.

(44) См. *Степен. Кн.*

(45) См. *Ростов. Лѣтн., Никон., Степен. Кн. и Архив. Лѣтн. л. 24.*

(46) См. *Архив. Лѣтн. л. 29, и Ник. стр. 22.*

(47) См. *Архив. Лѣтн. 31.—Въ Архив. Псков. Лѣтн.:* «Пріѣха съ «Москвы посломъ Дьякъ Яковъ на Троицкой недѣли въ Пятокъ, а вели «Пскову въ Повѣгородѣ положити разметніи грамоты въ другую Недѣлю «загоѣвъ Петрова говѣнія, а Вел. К. за вашими свои грамоты положить. И Псковичи Іюня въ 16 посланы съ разметными Подвойскаго «Савку въ Вел. Новг. А самъ той посолъ много позывая Псковичъ на «конь всѣстѣ, и Псковичи обѣщаша, дондежи услышимъ въ Новгор. земли «Вел. Князя; и онъ на другой недѣли въ Середу Петрова говѣнія со «Псковскими послы поѣхалъ къ Вел. К.... Въ самъ Петровъ день пріѣха «Князя Вел. Бояринъ, на имя Василей Зиновьевъ, а съ нимъ 100 чело- «вѣкъ.... и привезъ съ собою шкабатовъ клячъ Новогородскихъ съ 300, «и все роспрада, и Псковичи ему дали подворье у Св. Спаса въ мона- «стыри за рѣкою, и бысть Пскову истора кормомъ.... и веси Псковъ при- «городы и волости собравъ. К. Федора Юрьевича сынъ Василей и Ти- «моѳей Васильевичъ, Посадники Псковскія, и съ ними 13 Посадниковъ «пойдоша на Новг. землю Іюля въ 10 день, въ Среду, а въ 12 начаша «воевати. Въ тожь время пріѣхалъ къ нимъ посолъ нашъ Богданъ, а съ «нимъ Бояринъ Вел. К. Кузма Коробинъ, а сказываетъ наѣхалъ Вел. «Князя въ Петровъ день въ Торжку, а вы бы есте, отчина моя Псковъ, «въ Ильинъ день на конь всѣли... а только если у него день былъ, а «Василий Быкова оставилъ у себя... Новгородцы пригонивше съ Выше- «городы, и въ Навережской губѣ много хоромъ пожгли и церкви Св. «Николы велими преудивлены, и таковой не было во всей Псковской «волости, и полтретьюдесяти углахъ.... Псковская сила обступши Выше- «городъ Іюля въ 15, и начаша бити пушками и приметьвати, «и зажгоша... и мало не подохшеся въ городѣ.... и на завтре вышедши «со кресты и на забороль начаша повѣствовати съ челобитиемъ и съ «плачерь... и Воеводы челобитье принялли... и Новогородцы отрядиша на «Псковичъ Казимера, да Дмитрія, Мароипа сына, и болѣе 40,000, и пой- «доша, и наѣхаша на Шелони на Московскую силу».—Въ то же время «2000 охотниковъ Псковскихъ жгли за рѣкою Лютую: Новогородцы раз-

били ихъ, по ушли назадъ, оставивъ и своихъ убитыхъ. Исковитяне возвратились черезъ 9 дней и скончили трупы.

(48) Въ *Архив. Лит.* говорится здѣсь только объ одной битвѣ (такъ и въ Синод. *Новогородск.*), а въ *Ростов.* и въ *Никон.* о двухъ. «Пріидоша «Воеводы Вел. Князя на мѣсто нарицаемое Коростыни у езера Ильмери, «на брезѣ, и пріиде на нихъ рать въ судѣхъ... И оттолѣ паки возврати- «шася къ Русѣ въ той же день, аже въ Русѣ иная рать пѣшая множас «первый, и пріишли рѣкою же въ судѣхъ, Полою именемъ. Воеводы же и «стѣхъ побиша».

(49) Въ Синод. *Новгород.* *Лит.*: № 46, стр. 409: «Новогородцы изы- «доша на Шолону, а къ Русѣ послаша пѣшую рать, и ишша рать би- «шиася много, и побиша Москвичъ много, и пѣшай рати паде много, а «ини разбѣгощася, а иныхъ Москвичи поимаша; а коневая рать не пошла «къ пѣшай на срокъ въ пособье, занеже Владычень стягъ не хотиу уда- «ритись на Княжю рать, глаголюще: Владыка намъ не велѣлъ на Вел. К. рукѣ подынуть; послаль наас Владыка на Исковичъ».

Изъ Прибавл. въ концѣ VIII тома издан. 1819 года: Между бумагами Кенигсбергскаго Архива, не давно мнѣ доставленными, нашелъ я письмо Ливонскаго Магистра къ Магистру Нѣмецкаго Ордена (отъ 15 Авг. 1471 года), где сказано, что Новгородцы заключаютъ съ Орденомъ союзъ противъ певѣрныхъ Исковитянъ и Вел. Кн. Московскаго.

(50) Въ *Архив. Лит.* л. 33 на обор.: «Послаша другова посла къ Вел. К., Посадника Луку Клементьевича», и проч.

(51) См. ниже, примѣч. 53.

(52) Синод. *Новгород.* *Лит.* № 46, л. 409 на обор.: «Начаша Нов- «городцы воинти на большихъ людей, которые прѣхали ратью на Шо- «лону: ударимся ними. Каждо глаголюще: язъ человѣкъ молодый; испроте- «ряхся конемъ, да доспихомъ. Москвичамъ же до Понедѣльника отлогаю- «щимъ: блише бо Недѣля; и начашася бити, и погнаша Новгородцы Мо- «сквичъ за Шолону рѣку, и ударишася на Новгородцевъ западная рать «Татары, и паде Новгородцевъ много, а ини побѣгоша, а иныхъ въ по- «лонъ поведоша». — Въ *Архив. Псков.* *Лит.*: «Наѣхаша (Новогородцы) «на Шелопи силу Московскую К. Данилья; ѣдуть съ ними по рову «обоньиолъ рѣки, и не дошедше Мустца и Сольпы, и вергояша Москвичи «въ рѣку Дрянь съ берега, и ударишася на нихъ, и побѣдиша ихъ». Въ другомъ мѣстѣ, ниже: «Данило Холмскій въ день Недѣльный до обѣда «срѣте ихъ рать, и бысть сѣча лута, и вся сила Новгород, показана «плеща своя.... и гналась по нихъ и до Глинъ». Аѣтописцы за чудо сказываютъ, что Холмскій перешелъ рѣку въ такомъ мѣстѣ, где никогда не бывало броду.

(53) Въ *Архив. Лит.* л. 36: «Гласы отвсюду слышахусы; идѣ же изъ «женущихъ не бѣ никого же, и тамо слышаху, яко установленъ бѣ ясакъ «глаголати: Москва!»

(54) «Посадницы Кузма Гругорьевъ, Яковъ Федоровъ, Матвѣй Селе- «зеневъ, Василій Селезеневъ, два сестричыча Каимеровы, Павель Теля- «тевъ, Кузма Грузовъ, а Житыхъ множество». О числѣ плѣнныхъ см. *Ар- хив. Лит.* л. 36 на обор.—Москвитяне спрашивали у плѣнныхъ, отъ чего они, имѣя болѣе войска, не могли драться? Новгородцы отвѣтствовали: «Мы бо «видѣхомъ васъ безчисленное множество грядуще на насъ, и еще иные «позки видѣхомъ въ тылъ по насъ приступившихъ; знамена же имуть желты «и большія стяги и скипетры, и говоръ людскій многъ, и топотъ конскій «страшенъ, и ужасъ нападе на ны».

(55) *Архив. Лит.* л. 36 на обор.

(56) «Замятни пригонилъ Юля въ 18. Бѣ тогда у Вел. К. Царевичъ «Данилъ и братіе его, Юрій и Андрей; и обѣицася К. Вел. поставити «на Москвѣ церковь Св. Апостола Акилу, еже и бысты; а Воеводы К. «Данила и Феодоръ другую Воскресеніе... Кн. же Вел. отпусти Луку Клементьеву съ Селицъ противу Демона... Воеводы Новогородскіе въ Демонѣ предавшися на томъ, что ихъ головами выпустити, а съ города окупа «дали 100 рублей».

(57) «И велико мѣсто, зовомое Новое село, пожгоша».

(58) *Архив. Лѣт. л. 38, и Синодъ. Новогород. л. 410.* Въ *Послужномъ Боярскомъ Спискѣ* сказано, что въ сей годъ выбыль Дмитрий Исааковичъ Борецкой.

(59) «Съ Воеводами Вел. К. было рати 4000 безъ 30 человѣкъ. Выше изъ судъ обои пѣши и начаша битися (на рѣчкѣ Шиленгѣ) о третъ часѣ дне и до захожденія солнечнаго... И знамя у Двинянъ «выбиша, а трехъ знаменщиковъ убили: убили бо первого, ибо другой «подхватилъ... Убила тогда 8 Вятчаниновъ, да Устюжанина одного, да «Борисова Слѣпцева человѣка Мигуна». Въ Синодѣ. *Новогород. Лѣт.*: «Паде «многое множество съ обѣ половины; а Двиняне не тягнуша по Князи «по Василии Васильевичъ и по Воеводѣ по Василии по Микифоровичъ, «и шестники (иноzemцы?) измогоша, и Заволочанъ посѣкоша и Двиняне «иссѣкоша». Въ *Архив. Лѣт.* сказано, что съ Шуйскимъ были и Новогородскіе тиличини: т. е. бродяги, сквачи?

(60) Синод. *Новогород. Лѣт. л. 409* на обор. и *Архив. стр. 148.*

(61) Въ Синодѣ. *Новогород. Лѣт. л. 411*: «А перевѣтника Упадыша «Новгородъ казниша... Съ своими единомысленниками 55 пушокъ желѣзомъ «заколачивалъ».

(62) Синод. *Новогород. Лѣт. л. 410.*

(63) *Архив. Лѣт. л. 39.* Феофиль прибыль въ станъ Московскій 27 Июля.

(64) *Лѣтописецъ Львова, III, 17:* «Испроси у матери своей, у Вел. Княг., Дьяка Степана Бородатаго, умѣюща говорить по Рускимъ лѣто-«писцамъ», и проч.

(65) *Архив. Лѣт. л. 40.*

(66) Сіи пять грамотъ находятся въ Пушкинскомъ Собрании Двинскихъ грамотъ. Выписываютъ здѣсь четыре; а пятая о судѣ уже сообщена нами (Т. V, стр. 388).

1. *Лѣта 79, Августа 11, новая докончалина Великому Князю съ Но-
вымгородомъ на Шолонѣ, да и принесна грамота.* «По благословенію на-
реченаго на Архіепископство Великаго Новагорода и Пскова Священ-
ноиника Феофила. Се прѣѣаша къ Великому Князю Ивану Васильевичу
«Всѧ Руси и къ его сыну, къ Вел. К. Ивану Ивановичу всѧ Руси,
«отъ Посадника Новгородскаго Тимофея Остафьевича и отъ Тысяцкаго
«Новгородскаго Василия Максимовича, и отъ всего Вел. Новаг. Посад-
«ники Новгородскіе, Посадникъ Иванъ Лукиничъ, Посадникъ Яковъ
«Александровичъ, Пос. Феофиль Захарьиничъ, Пос. Лука Федоровичъ;
«Пос. Иванъ Васильевичъ; а отъ Житыхъ Лука Остафьевичъ, Александръ
«Клементьевичъ, Федоръ Гевличъ, Онкифъ Васильевичъ, Дмитрей Михай-
«ловичъ, и добили челомъ своей Господѣ Великимъ Княземъ, и кончали
«миръ по крестнымъ грамотамъ съ Вел. Княземъ Иванъ Васильевичемъ
«и съ его сыномъ съ Вел. К. Иван. Иван., какъ цѣловали К. Вел. Андрей
«и К. Вел. Иванъ, и К. Вел. Семенъ, и прапрадѣдъ твой К. Вел. Иванъ
«и прадѣдъ твой К. Вел. Дмитрий, и дѣдъ твой К. Вел. Василей, и отецъ
«твой К. Вел. Василей: цѣлуй Господине К. Вел. Иванъ Васильевичъ, и
«К. Вел. Ив. Ивановичъ, по тому же кресть ко всему Вел. Новугороду.

«И по сей грамотѣ Новг., Господине, держати вамъ въ старинѣ по по-
«шлии безъ обиды, а намъ мужемъ Новгородцемъ Княженію ваше дер-
«жати честно и грозно безъ обиды. А за Короля и за Вел. К. Литов-
«скаго, кто Король или Вел. К. на Литвѣ ни буди, отъ васъ отъ Вел.
«Князей намъ вашей отчинѣ, Вел. Новгороду, мужемъ вольнымъ, не от-
«датися никоторою хитростю, а быти намъ отъ васъ отъ Вел. Князей
«неотступнымъ ни къ кому. А Князей намъ у Короля и у Вел. К. Ли-
«товскаго собѣ на пригороды не просити, ни пріимати изъ Литвы Кня-
«зей въ Вел. Новгородъ. Такъ же намъ, отчинѣ вашей, недруговъ вашихъ,
«К. Ивана Можайскаго, и К. Ивана Шемякина, и К. Василія Яросла-
«вича, и ихъ дѣтей и ихъ зятьи къ собѣ въ Новгородъ не пріимати. А
«послѣ сего докончанія изъ Московской земли, изъ Вел. Княженія, кто
«лиходѣй Вел. Князей пріѣдетъ въ Вел. Новг., и Новугороду имъ не
«пріимати. Или кто лиходѣй Вел. Князей побѣжитъ изъ Московской земли
«въ Литву или въ Нѣмцы, а изъ Литвы или изъ Нѣмецъ приѣхитъ въ
«Новгородъ, и Новугороду ихъ не пріимати. А на Владычество намъ
«Вел. Новугороду, избирати собѣ по своей старинѣ, а ставитися нашему
«Владыцѣ въ дому Пречистыя и у гроба Св. Петра Чудотворца на Москвѣ,
«у васъ у Вел. Князей, у вашего отца Митрополита, который Митропо-
«литъ у васъ у Вел. Князей на Москвѣ ни буди, а индѣ намъ Владыки
«опрочь Московскаго Митрополита нигдѣ не ставити. А пошлины вамъ,
«Вел. Княземъ, и вашему отцу Митрополиту отъ Владыки имати по ста-
«ринѣ, а лишнега не прибавляти. А на Волоцѣ и на Вологдѣ Владыцѣ
«церкви и десятина, пошлина своя, вѣдати по старинѣ. А что Юрьев-
«скаго монастыря земля на Волоцѣ, и та земля къ Юрьеву монастырю
«по старинѣ. А пошлины вашихъ, Вел. Князей, намъ Новугороду не таити»,
и проч., какъ въ древнихъ Новогород. грамотахъ.

2. «А се за то ялися послове отъ В. Новагорода къ Великому Князю
«Ивану Василіевичу всея Руси и къ его сыну, В. К. Ивану Ивановичу
«вссея Руси, по Новгородскому слову и по Новгородской грамотѣ, на
«чемъ послали къ Великимъ Княземъ Посадника Ивана Лукинича, По-
«садника Якова Александровича, Пос. Фефилата Захарынича, Пос. Луку
«Федоровича, Пос. Ивана Василіевича, а отъ Житыхъ Луку Остафье-
«вича, Александра Климентьевича, Федора Евлича, Онкифа Василіе-
«вича, Дмитрія Михайловича. Повелѣхомъ судъ дати на Городицѣ. Отъ
«Великихъ Князей Бояринъ судью, а отъ Вел. Новагорода Бояринъ.
«Судити имъ Князей Великихъ человѣка съ Новгородцомъ, а судити
«имъ какъ право по крестному цѣлованію. Аже ся сопрутъ о какомъ
«дѣлѣ, а не взмогутъ управити, и коли будетъ К. Вел. въ Новѣгородѣ,
«или Великаго К. сынъ, или Великаго К. братъ, и тому дѣлу тогды учи-
«нить К. на Городицѣ съ Посадникомъ конецъ. А что закладъ въ ряд-
«ныхъ грамотахъ, а то имати Великимъ Княземъ съ Владыкою на вино-
«ватомъ отъ сего докончанія. А крюкъ Великимъ Княземъ по старинѣ
«на третій годъ. А отъ волости даръ имати по старинѣ. А печати быти
«Князей Великихъ. А Виры имати Княземъ Великимъ по старинѣ, а
«Новгородцомъ не таити. А съ Новоторжцевъ и съ Демонцовъ Князи
«Великіе цѣлованіе сложили. А что серебро и хлѣбъ Великимъ Княземъ
«въ Торжку, или на Губахѣ, а то Великимъ Княземъ не надобѣ. А кто
«будетъ данъ на поруцѣ въ серебрѣ, или въ хлѣбѣ, а съ тѣхъ порука
«доловъ. А что собрано, а то Великимъ Княземъ; а Новгороду о томъ
«на Новоторжцовъ нелюбія не держати, ни мѣщатися имъ никою хитро-
«стю. А что война была Князей Великихъ надъ Новгородскими волостями,
«или Новгородская война была надъ Великихъ Князей волостями, тому
«всему погребъ. А послѣ сего крестнаго цѣлованія аже доспѣется война

съ обѣ половинѣ, а не вѣдая сего докончанія, иманое назадъ отдать
съ обѣ половинѣ. А учинится мертвый, а почнуть клепати мертвыми,
или грабежемъ съ обѣ половины: ино судь тому на Городищѣ передъ
тѣми судьями; а суда намъ у Великихъ Князей Намѣстниковъ не отъ-
имати, опроче ратный вѣсти, или коли имуть городъ дѣлать безъ хит-
рости; а Вѣчнымъ грамотамъ не быти. А въ Вочскую землю слати Кня-
земъ Великимъ ежегодъ по старинѣ. А коли приведется Князь Ве-
ликимъ взяти черной борь, и намъ черный борь дати по старинѣ. А
позвовъ по водостемъ Новгородскимъ позывать позовникомъ Великихъ
Князей, да Новгородскимъ; а въ городѣ позывать Князей Великихъ
Подвойской, да Новгородской Подвойской. Такъ же что наша браты
Новгородцы покупали земли Ростовскіе и Бѣлозерскіе, или даромъ пой-
мали, и намъ, обыскавъ тѣхъ земель, вамъ Великимъ Княземъ отсту-
пнитися по крестному цѣлованію; а кто которые земли запрится, и тому
судъ и исправа по крестному цѣлованію. А пріѣдуть къ вамъ, къ Вел.
Княземъ, отъ Вел. Новагорода посы о какихъ обидныхъ дѣлѣхъ ис-
правы просити, а наѣдуть васъ Вел. Князей, обою въ Руской землѣ,
ино имъ посольство правити обѣма Вел. Княземъ, и исправы просити
у обоихъ Вел. Князей, а имъ исправа дати Вел. Новгороду по крест-
ному цѣлованію, и отвѣтъ дати Вел. Новгороду; а наѣдуть одного Вел.
Князя въ Руской землѣ, ино одному посольство правити, а ему исправа
дати Вел. Новгороду по тому же крестному цѣлованію... А коихъ люде
привели къ цѣлованію за Вел. Князей, которые живутъ на Новгород-
ской землѣ въ Торжку, или за Волокомъ, или индѣ ни есть, и съ тѣхъ
людей Великие Князи цѣлованіе сложили, а земли и воды къ Вел. Нов-
городу по старинѣ, и по старымъ крестнымъ грамотамъ, и по сей гра-
мотѣ; а на тѣхъ людей Вел. Новгороду нелюбя не держати по крест-
ному цѣлованію. А Псковскимъ посломъ єздити къ Вел. Княземъ, так-
же и отъ Вел. Князя назадъ ко Пскову черезъ Новгородскую землю
путь чистъ добровольно, также и Новгородскимъ посломъ єздити черезъ
Псковскую землю гдѣ ни есть путь чистъ изъ Новагорода и въ Нов-
городъ. А учинится татьба или разбой въ Великомъ Княженіи Новго-
родцу, ино Велик. Княземъ обыскати то дѣло въ правду по крестному
цѣлованію. А доспѣется Великого Князя торговцу въ Новгородской
земли татьба или разбой, ино то дѣло Новгороду обыскати въ правду
по крестному цѣлованію. А что грамота докончальная въ Новгородѣ
промежъ себя о судѣ, ино у той грамоты быти имени и печати Вел.
Князей. А что закладъ въ той въ Новгородской грамотѣ въ докончаль-
ной написано на наѣздицковъ и на грабежицковъ, и на подвошниковъ,
ино Княземъ Вел. взяти половина отъ сего докончанія, а Вел. Новго-
роду половина взяти. А кто почнетъ посуль давати, или кто почнетъ
имати по Концемъ и по Рядомъ, и по Стамъ, и по улицамъ, и у гра-
бежицковъ, и у надвошица, и у наѣздица: ино взяти на томъ той же
закладъ Вел. Княземъ половина по Новгородской грамотѣ, а Вел. Но-
вугороду половина. А Сотскимъ и Рядовичемъ безъ Князей Великихъ
Намѣстника и безъ Посадника не судити нигдѣ. А что у нась у Вели-
кихъ Князей нятыцевъ и полону, и мы Вел. Князи пожаловали свою
отчину Вел. Новгородъ, тѣхъ есмы нятыцевъ Новгородскихъ всѣхъ и по-
лонъ весь вѣдли отпустити. А на всемъ на томъ, Господине Князь
Вел. Иванъ Василевичъ всея Руси и К. Вел. Иванъ Ивановичъ всея
Руси, цѣлуите, Господине, кресть ко всему къ Вел. Новгороду безо вся-
кого извѣста. Также и мы Посадники и Тысяцкіе и весь Вел. Новго-
родъ цѣлуемъ кресть къ своей Господинѣ къ Великимъ Княземъ, къ
Вел. К. Ивану Василевичу всея Руси и къ Вел. К. Ивану Ивановичу

«всех Руши, по любви въ правду бѣзо всяких хитрости. А писанъ лѣта 79,
«Августа въ 11 день».

3. О *дениахъ*. «Се добиль челомъ Вел. Князю Ивану Василіевичу всїя
«Руси и сыну его Вел. Князю Ивановичу всїя Руси наречен-
«ный на Архіепископство Вел. Новагорода и Пскова Священномонокъ
«Феофиль, и Посадники Новогородские... по Новгородскому вѣлѣнїю всего
«Новгорода за Новгородскую проступку полушестьмнататы тысячи
«рублевъ деньгами въ отчетъ, а серебромъ въ отвѣтъ; а дати намъ то
«серебро своей Господѣ, Вел. Княземъ, на Рожество Св. Богородицы
«полетреты тысячи рублей, а на Крещеніе Господне три тысячи руб-
«левъ, а на Великъ день 5000 р., а на Успеніе въ той же годъ 5000 р.;
«дати намъ тое серебро на тыхъ срокахъ по крестному цѣлованію. А сія
«грамота писана лѣта 79, Августа 9».

4. О *земляхъ*. «По благословенію нареченного на Архіепископство
«Вел. Новагорода и Пскова Священномонока Феофила, отъ Посадника
«Степенного Новгородского Тимофея Остафьевича, и отъ всѣхъ Старыхъ
«Посадниковъ, и отъ Тысяцкого Степенного Василія Максимовича и отъ
«Старыхъ Тысяцкихъ и отъ Бояръ и отъ Житыхъ людей и отъ куп-
«цевъ, и отъ черныхъ людей, и отъ всего Вел. Новгорода съ Вѣча съ
«Ярославля Двора на Пинегу, и на Кегролу, и на Чаколу, и на Пермь-
«кіе, и на Мезень, и на Пильги горы, и на Немьюгу, и на Пинешку, и
«на Выю, и на Суре на Поганую, къ Старостамъ и ко всѣмъ Христіа-
«номъ, что тые земли на Пинезѣ, Кегролу, и Чаколу, и Пермь-кіе, и
«Мезень, и Пильги горы, и Немьюгу, и Пинешку, и Выю, и Суре Пога-
«ную поймали за себе наши браты Новгородцы, и вѣсь къ цѣлованію
«привели на Новгородское имя: ино то земли Осподы нашей Вел. Кня-
«зей, Вел. Князя Ивана Василіевича всїя Руси, и сына его Вел. К.
«Ивана Ивановича всїя Руси; а то крестное цѣлованіе Новугороду съ
«всѧ доловъ».

Въ *Архив. Псков. Лѣт.* сказано: «Сверхъ всего Вел. Князь на нихъ
«(Новогородцахъ) 17 тысячи рублей *копейного* прикончаль, ино Владычия ради челобитья 1000 отдалъ... и Псковичи пойдона отъ Вел. К.
«ко Пскову Авг. въ 15... К. Вел. на Рожество Св. Иоанна съ Москвы
«выступилъ, а въ Петровъ день сталъ въ Торжку, и быль въ немъ 4 дни;
«са подъ Демонъ Вел. Князю вѣсть приде о побѣнѣ Новгородскомъ, а
«шолонянниковъ привели къ нему Юля въ 14 до обѣда... а стоялъ на Ко-
«ростыни 2 недѣли, а Псковичи въ Княжихъ».

(67) Вел. Князь выступилъ съ Коростыни къ Москвѣ Авг. 13. «Срѣте
«его Митрополитъ со кресты близъ церкве, съ мосту большого сшедъ ка-
«мениаго до кладезя площацаго, а народи Московскій далече за гра-
«домъ, ини за 7 верстъ пѣши... а сынъ его и братъ и Бояре на канонъ
«Семея дни, идѣ же бѣ ему ночевати».

(68) Въ *Ростов. и Никон. Лѣт.* сказано такъ: въ *Архив. Лѣт.*: «из-
«гibшихъ людей числомъ яко двѣ седми тысячи». Въ *Синод. Новог. Лѣт.*:
«Бысть буря велика и истопи Рушанъ много опослѣ рати на Илменѣ на
«устъ Ловоти, которые отъ рати бѣгали изъ Русы въ Новгородъ, уча-
«новъ 90, а малыхъ судъ 60, а Крестьянскихъ душъ въ единомъ мѣстѣ
«собрѣтоша 120, а болѣ того Богъ вѣсть, зане же Ловотъ засохла, бяше
«бо засуха того жъ лѣта, и бысть пагуба великага».

(69) Онъ приѣхалъ 30 Ноября съ чицовниками, поставленъ 15 Дек.,
а выѣхалъ назадъ 23.—Освобожденныхъ Новогородцевъ было 30.

(70) «Мѣсяца Дек. по Рожествѣ явися звѣзды велика, а лучъ отъ
«ней дологъ, толстъ, свѣтель, свѣтлѣе самыя звѣзды, а восходящѣе о
«6 часѣ пошли съ лѣтнаго Всхода солнечнаго и идяще къ Западу лѣт-

«нему же, а лучь отъ нея впередъ протяжеся, а конецъ луча аки хвостъ великия птицы распространеть.—По Крещеніи другая звѣзда явися хвостата надъ лѣтнімъ Западомъ; хвостъ же тоюкъ, а не добрѣ дологъ, а первыя звѣзды луча потемиѣ, но первая за 3 часа до вѣхода на ское мѣсто приходила, а другая по захожденіи солнца 3 часа на томъ же мѣстѣ явившеся, да къ Западу же идяше».

(71) См. Т. IV, стр. 225.

(72) См. выше, примѣч. 66.

(73) «Июня въ 26 пріиде вѣсть къ Вел. К., что Воевода его землю Пермскую взялъ; а пришелъ на усть Черныя рѣки на юноминой недѣли въ Четвертокъ, и отгуду пойде на плотѣхъ и съ коньми... на Верхнюю землю, къ городку Искору, а Гаврила Нелидова отпустилъ на Нижнюю землю на Урость, на Чердынь, да на Почеку на Князь Михайла... Зыранъ же по опасу пришелъ къ нему. Поймалъ же и иные городки и сожегъ... и отгуду послалъ К. Федоръ Пермскаго Воеводу къ Вел. К. «Князя Михайла и Бурмоса и Мичкина» (см. *Архив. Лѣтн. л. 51*).—Въ *Продолженіи Несторова Лѣтн.* стр. 177: «Въ лѣто 7013 Князь Великій, «Иванъ Васильевичъ свелъ съ Великія Перымъ *вотчича* Князя Матея «Михайловича, а на Великую Перымъ послалъ Намѣстника своего, К. «Василья Андреевича Ковра: сей же бысть *первый отъ Русскихъ Князей*, а прїехалъ въ Недѣлю Ивѣтнью».—Въ *Посланіи Рос. Митрополитовъ* (въ Синод. Библіот. Но 164, л. 219) находится письмо Митрополита Симона отъ 22 Авг. 1551 къ слугѣ Вел. К., Князю Матвѣю Михайловичу Пермскому, и ко всѣмъ *Пермичамъ, большимъ и меньшимъ людямъ, мужамъ и женамъ, юношамъ и младенцамъ*. Тамъ сказано: «А ку- «миромъ бы есте не служили, ни требъ ихъ не пріимали; ни Воипело «болвану не молитеся по древнему обычаю, и всѣхъ Богу иенавидимыхъ «тризнищъ не творите идоломъ, ни женитвъ незаконныхъ не чините, яко «же слышу о васъ, что поимаются въ племени по ветхому по Татар- «скому обычая: что у васъ умреть, и второй его братъ жену его по- «имаетъ, и третей его братъ также творить; а жены ваши ходять про- «стовласы, непокровленными глазами: ино то чините не по Закону Хри- «стянскому... А сію бы есте грамоту положили въ церкви», и проч.

(74) Въ *Продолженіи Несторова Лѣтн.* стр. 264: «Тое же осени при- «ходиша Татарове отъ Большиѣ Орды и воеваша около Рязани села и «волости. Рязанцы же совокупиша и гнаша по нихъ, и бысть бой и «сѣча зла. Татарове же знамя подѣкоша у Рязанского полку: Рязанцы «же замятоша и побѣгоша. Татарь же множество избѣно ту».

(75) См. *Ростов. Лѣтн.* 500 на обор. и 511. Кирей прїехалъ въ Орду осенью 1470 года, а выѣхалъ оттуда черезъ годъ.

(76) *Архив. Лѣтн. л. 42* на обор. и *Арханг. 149*. Въ первомъ сказано, что Большая Орда кочевала за *едино днище* отъ Сарая; что Татары хотѣли перехватить Вятчанъ и подъ Казанью; а во второмъ, что Воеводою Вятчанъ былъ Костя Юрьевъ; что они плѣнили Княгинь Сарийскихъ, и проч.

(77) Именемъ Григорій Волинъ (см. *Архив. Лѣтн. л. 54*).

(78) См. *Архив. Псков. Лѣтн.*

(79) Холмскій и Стрига выступили изъ Москвы 10 Июля: въ тотъ же день выѣхала въ Ростовъ и мать Иоаннова; за нею братья Вел. Князя противъ Ахмата 30 Июля «во второмъ часу дне Вел. К. повелѣ «иѣти обѣдю, и не вкусивъ ничтоже, пойде къ Коломни, а сыну повелѣ «за собою въ Ростовъ».

(80) Въ *Арханг. Лѣтн.* стр. 152: «Въ городѣ былъ Воевода Семенъ «Васильевичъ Беклемишевъ... и захотѣ у жителей посула, и Олексинцы

«давали ему 5 рублей, и онъ хотѣлъ шестова жеѣ своей... и пріодоша «Татарове, и Воевода побѣже за Оку... и Царь повелѣ зажеци городъ. Князь же Юрье и ины Воеводы плачуще стояху, а пособить не лѣтъ «глубины ради того мѣста... Царь же нача боятися Князя Юрья, понеже «бо его трепетаху многи страни поганія. Татарове же распросивше Та-таръ, кои на сей сторонѣ Вел. Князя, только ли силы Рускія? Они же «рѣша: самъ к. Вел. подъ Ростиславлемъ, а Данъяръ на Коломнѣ, а въ «Серпуховѣ Угличскій кн. Андрей, а съ нимъ Муртоса Царевичъ Му-стофинъ Казанскаго. Слышавъ то, Ахматъ побѣже, ведя съ собою по- «лону не много, и вопроси Русина, что много у него были Олексинцы, «полону мало, а сгорѣло мало? и Русинъ запроши живота себѣ: Царь «отпуститъ его обѣща. Онъ же рече: болѣ тысячи головъ забѣгло въ «тайникъ съ добромъ. Царь было съ двѣ версты отшелъ и воротися на «пожарище и взя тайникъ и съ людми и съ добромъ... и прочь пойде; «а тайникъ быль выведенъ къ рѣцѣ, а повѣдавшаго отпусти».

(81) См. *Никон.* *Лѣт.* стр. 46, и *Ростов.*

(82) Собр. Г. Г. 230: «Дати ми Володимеру Григоріевичю 300 руб- «левъ и 80 р. да полтину, а положиль есмь въ томъ серебрѣ заклада «чепъ золоту 4 гривенки да полчетверта золотника, да поясь золотъ на «червчатѣ тясмѣ полияты гривенки да 6 золотникъ, да поясь золотъ на «синѣ тясмѣ 5 гривенокъ, да поясь золотъ 2 гривенки да 6 золотники. «да чару золота 2 грив. безъ полудевяты золотника, да ковшъ золотъ «гривенка да полтора золотника, да ковшъ серебрѣтъ съ вѣнцемъ 8 грив. «да полията золотника, да ковшъ серебрѣ. 4 гривенки безъ полупияты зо- «лотника, да кубокъ серебрянъ на чешую бить 5 грив. да 4 золотники, «да кубокъ серебрянъ на косые грани бить 5 грив. безъ 7 золотникъ». Слѣдѣственно въ 380 $\frac{1}{2}$ рубляхъ закладомъ служило 9 фунтовъ золота и 11 фунтовъ серебра съ золотниками: что по нынѣшней цѣнѣ составило бы около десяти тысячъ рублей ассигнаціями. Даѣ: «дати ми Ондрею «Шихову 30 рублей, а мой у него поставь Ипской (Ипрской) свѣтло «зелень... Да взаль есмь у Петра у Игнатіева конь сѣръ, цѣна ему де- «сять рублей», то есть, два фунта серебра или около 180 рублей ассиг- «націями. Даѣ: «Сестрѣ своей Вел. Княгинѣ Рязанской Аннѣ даю мо- «нисто, чѣмъ мя благословила баба моя». Даѣ отказываетъ многія села монастырямъ, уступая крестьянамъ недоимку. Въ концѣ: «у грамоты сѣ- «дѣли господинъ мой Живоначальные Троицы Сергіева монастыря отецъ «мой духовный Игумень Спиридоней, да Бояринъ мой Иванъ Микитичъ, «да Бояринъ мой Василей Феодоровичъ Веліаминовъ, да Иванъ Васи- «слевичъ Ошера».

(83) См. *Архив.* *Лѣт.* стр. 64, и *Рос. Видію.* II, 51, 73

(84) Дю-Канжъ *Histor. Byzant.* стр. 247. ѩома преставился въ Римѣ 12 Мая, 1465 года.

(85) «Февр. въ 11 день прииде изъ Рима посолъ», и проч.

(86) «Листы своя Папа далъ I. Фрязину, что посломъ Вел. Князя «ходити добровольно 2 года по всѣмъ землямъ, которые подъ его Папеж- «ствомъ присягають до Рима». Въ *Лѣт. Львова* стр. 30: «Царевну на «иконѣ написавъ принесе».

(87) См. *Райнальд. Annal. Eccl.* г. 1470, № 9.

(88) *Райнальд. Annal. Eccl.* г. 1471, № 48.

(89) Всѣ сіи любопытныя подробности находятся въ *Райнальдѣ*, г. 1471. Къ сожалѣнию, оигъ сгорѣлъ у меня въ Москвѣ вмѣстѣ съ моєю библіотекою во время нашествія Французовъ.

(90) См. *Никон.*, *Ростов.*, *Архив. Псков.* *Лѣт.* и Арнта *Lieft. Chr.*

(91) См. *Архив. Псков.* *Лѣт.* г. 6981.

(92) Такъ во всѣхъ лѣтописахъ; а въ Львовскомъ, стр. 32: «вѣнча
его Протопопъ Коломенскій Осія, занеже здѣшнимъ Протопопомъ и
«Духовнику своему не повелѣ, понеже вдовцы».

(93) Въ *Лѣт.* Львова, стр. 30—31, сказано, что Фрязинъ уже отпу-
стилъ было Тревизана съ переводчикомъ въ Орду, и что посланные Вел.
Князя догнали его въ Рязани. Тревизанъ сидѣлъ въ Москвѣ подъ стра-
жею въ домѣ у Никиты Беклемищева.

(94) *Лѣт.* Львова стр. 32.

(95) Кранцъ въ Wandal. стр. 397: «Ea quoque spes fovebat Pon-
tificem Sixtum, quod inclinaret maritum puerilis ad suscipiendos ritus
ecclesiae Romanae, in quibus ea fuerat educata apud sedem Aposto-
licam. Sed concessit illa, nolens volensque, in ritus Russorum, in qui-
bus et pater ejus vicitabat.

(96) Въ Дю-Канжевої росписи Палеологовъ нѣть сего Рала. — О
Феодорѣ Ласкирѣ сказано въ Родословѣ. Книгахъ, что онъ пріѣхалъ къ
намъ отъ Короля Венгерскаго, и что отецъ его былъ въ Царѣградѣ
Тысяческимъ.

(97) См. Дю-Канжа Hist. Byzant. стр. 248. Елизавета Кастильская
извѣстїе подъ именемъ Изабеллы. Андрей умеръ въ Римѣ въ 1502 году.

(98) См. Собр. Государ. Г. Т. I, стр. 333. Вел. Князь началъ упо-
треблять сей гербъ съ 1497 года; до 1472 на печати его изображались
Ангелъ, держащий въ рукѣ кольцо, и человѣкъ съ обнаженнымъ книжа-
ломъ; а съ сего времени до 1497 г. левъ терзающій змѣю: работа Греческая,
и, какъ вѣроятно, подарокъ Софіи.

(99) *Лѣт.* Львова стр. 32.

(100) «И Князь Вел. отъ того дни велѣлъ Тривизана изъ желѣзъ
«выпустити и у собы ему быти». Даље см. *Лѣт.* Львова стр. 33.

(101) Въ 1471 г., осенью, Митрополитъ велѣлъ заготовлять камень
для строенія церкви; 30 Апрѣля заложили ее. Главные Архитекторы
были Иванко Кривцовъ и Мишкинъ: они растворяли известіе спескомъ,
и весьма жидкое; а въ стѣны насыпали мелкихъ каменѣвъ. Митрополитъ
обложилъ серебромъ всѣ монастыри и церкви для строенія сего храма
(см. *Лѣт.* Русск. Львова). Въ Маѣ и Іюлѣ перенесли туда моши Митрополитовъ. «И вземше раку Кипріана и поставиша въ кютѣ въ стѣнѣ на
«деснѣй странѣ... а Фотія поставиша съ Кипр. во единомъ кютѣ... Егда
«же сняша дску съ гроба Іоны, изыде благоуханіе; моци же всѣ цѣлы:
«прильне бо плоть къ кости, и не двигнувшаяся состави, а ризы не истѣшна...
«и поставиша на лѣвой странѣ въ кютѣ... И егда разбираша церковь, и
«выняша изъ стѣны церкви Св. Димитрія моши Княжи Юріевы Даніи-
«ловича. Вел. Князь, и вложше въ раку древину, поставиша ихъ на
«гробъ Феогноста Митр., идѣ же была церковь Поклоеніе Веригъ. и
«егда же, зиждуще церковь, уготоваша мѣсто въ той же церкви въ Ве-
«сликомъ Димитріи въ стѣнѣ на той же сторонѣ, и принесши ихъ на уго-
«тованное мѣсто, и положиша тамо... И разобраша надгробницу Св. «Петра М., и моши его яко свѣты сіаху; а гробъ распался отъ огня:
«тогда изгорѣлъ бяше, егда Тохтамышъ взялъ Москву, и тогда разорили
«гробъ его, чающе иѣчто скоропенно, и не обрѣтоша ничтоже... И вземше
«понесоша раку на уготованное мѣсто, идѣ же бѣ и прежде, но тогда
«бѣ мѣсто оно внутрь олтаря близъ жертвеннника, а въ нынѣшней церкви
«предъ дверьми жертвеннника... Во время пренесенія моши Святаго «голубъ бѣль надъ гробомъ его видѣша высоко паряще; когда же по-
«крыша моши, невидимъ бысть». См. подробности въ *Никон.*, въ *Ростов.*
и въ *Архив.* *Лѣт.* — Даље: «Апр. въ 4 загорѣся внутри града у Роже-
«ства Богородицы... и Митрополичи дворъ сгорѣ, и Князь Борисовъ

«Василіевича по Богоявленије Троицкое, да по житници городскіе, и дво-
срецъ житничной.. да по каменный погребъ, что на Княжѣ Михайлова
«дворѣ Андреевича во стѣнѣ.. и градная кровля обгорѣ, и приправа вся
«городная... и Митрополитъ вышелъ изъ града въ монастырь Св. Николы
«Старого, и огнь унимающуся въ послѣднемъ часу нощи, прииде въ цер-
«ковь Пречистыя. Прииде ту и Вел. К., и видѣ его плачуща, и гла-
«гола: отче господине! не скорби; тако Богу изволивши... Азъ ти колико
«хощеше хоромъ дамъ, или кой запасъ, то все у меня емли... Тогда бо
«бывше церковь (Успенія) воздѣлана до большаго пояса до половины....
«И нача (Митрополитъ) о томъ же приказывать Володимеру Григорьев-
«вичю и сыну его Ивану Головѣ». Филиппъ, благословивъ многихъ Бояръ,
Князей, Княгинь, Священниковъ, преставился съ пятаго на шестое
Апрѣля. «Мнози глаголаху, яко видѣніе видѣ въ церкви. Обрѣтошааси
«подъ свиткою на тѣлѣ его великии чепи желѣзны, иже и нынѣ зrimы
«суть на гробѣ его, а прежде ни Духовнику его, ни келейнику вѣдомы
«были... Апр. въ 7 день положиша его въ церкви Пречистыя... И избраша
«Геронтия, и возведенъ быстъ на дворъ Митрополичъ Юна въ 4, а по-
«ставленъ въ 29 день». — Въ Лѣт. Львова, стр. 34: «Вел. К. (по кончинѣ
«Митроп.) нача пытати, кто содѣлалъ ему цѣпи, и кузнецъ избралъ единъ,
«его же искупилъ Митроп. изъ полону у Татаръ.. и той рече, яко единъ
«жеребей приковахъ къ тѣмъ желѣзамъ, занеже они тѣсны ему, и не
«попадѣ никому же сказывати». Сей кузнецъ на другой день сказалъ,
что Филиппъ явился ему во снѣ и прибиль его своими веригами за
нескромность.

(102) «Мая въ 20 день (въ 1474 г.), въ 1 часъ нощи, паде церковь
«Пречистыя... Воздѣлана уже бѣ до сводовъ... И чудотворца Петра гробъ
«засыпа», и проч. См. Никон. Лѣт. и друг.

(103) Лѣт. Львова стр. 39. Зодчий и Механихъ Аристотель извѣ-
стенъ въ Италии подъ двумя именами: Alberti Aristotile и Ridolfe Fi-
graventi. Шишутъ, что онъ какою-то механическою хитростью передви-
нуль Болонскую колокольню Св. Marii del Tempis съ мѣста на мѣсто.
а въ городѣ Ченто выпрямилъ колокольню Св. Власія, не вынувъ изъ
нее ни одного кирпича; что, уѣхавъ въ Venetio, онъ сдѣлалъ тамъ удивительный мостъ, былъ за то пожалованъ въ Кавалеры, имѣлъ дозво-
ление бить монету и вырезывать на ней свое имя. Вмѣсто Venetio на-
добно поставить Rossio. См. статью объ немъ въ Dictionnaire historique.
Въ Лѣт. Львова: «домъ же (у Аристотеля въ Венеції) добръ и пала ты
«есть и блюдо у него мѣдяно на четырехъ яблокахъ; судно же на немъ
«яко умывальница, яко же оловянничныи дѣломъ; и началь лить изъ
«него изъ одного на блюдо воду и вино, и медъ, и что хотише, то и
«потечеть... Взять же съ собою Аристотель сына своего, Андрея, да па-
«робка Петрушку... Ту же церковь разбѣ сицевымъ образомъ: три древа
«постави, и концы ихъ верхніе совокупи, и брусь дубовый обѣсли
«на ужиши посреди ихъ поперегъ, и конецъ его обручемъ желѣзныи
«скова, и раскачивающи разбѣ; а иные стѣны ссыпода и подобра
и подѣніе подставляя, и зажже подѣніе, и стѣны падошаася... Книж-
«ницы же называли брусь бараномъ... Сицевымъ образомъ Титъ Еру-
«салимъ разбѣ... Кирпичъ его нашаго уже, да продолжовать; егда
«его ломать, то въ водѣ размачивать; известъ же густо мотыгами по-
«велѣ мѣшати: яко наутрѣ засохнетъ, то ножемъ не можно расколупати.
«Св. Петра Чудотворца въ Иванъ Св. вынесли подъ колоколы». — Въ
Ростов. Лѣт.: «мѣсяца Юна Венеціанскій муляръ Аристотель нача рвы
«копати, глубина 2 сажени и глубже... Апр. въ 22 (г. 1476) начаша дѣ-
«лати у церкви Богоматери... Мая въ 12 молитвы глаголемы отъ Митро-

полита на основаніе храма и поченіе креста». — Въ Лѣт. Львова, стр. 44, 65, 70: «На первое лѣто изведе церковь изъ земли Аристотель, известъ же какъ тѣсто густое растворяше, а мазаше лопатками желѣзными, а камень равной внутри класти повелѣ: столы же едины четыре «обложи круглы, крѣпко стоять, а въ олтарѣ 2 столпа кирпичные, тѣ на 4 углы, а все дѣлано въ кружало и въ правило... Тогоже лѣта (1475) храмъ по кивоты створи; внутрь же стѣнъ дѣпи положи... и между столповъ, идѣ же брусье дубовое въ нашихъ церквахъ, то все желѣзное... И колесо створилъ (г. 1476), и вверхъ каменіе ношаše, ужинчемъ цѣпляше... Вверху же цѣпляше малые колесца, еже плотники «векшю зовутъ, чѣмъ на избы землю водочатъ: на столпы же камени «велики положи, и совокупивъ кружало, и истеса на нихъ по четыре «конца на четырехъ странахъ, едино противъ другаго, и мнити кому, яко на каменныхъ деревьяхъ насквозь каменіе то збиго... Створи Аристотель у церкви верхи 4, около шеи большиe казну створи, полати «же подлѣ олтаря отъ стороннихъ дверей, и на верхъ церкви всходить лѣствицу, своды же въ одинъ кирпичъ, того ради, егда дождь идетъ, ино каплетъ. Помость же мелкимъ каменіемъ измости; въ олтарѣ же «надъ Митрополичимъ мѣстомъ крыжъ Лицкій истеса на камени за престоломъ; передъ передними дверьми помость накрыль каменіемъ и въ «одинъ кирпичъ сведе, и средину на гирѣ повѣси на желѣзной». — Въ Ростовѣ: «Верхи же церкви той крыши привель Князь Вел. изъ «Новаграда мастера, они же начаша крытия прежде древомъ хорошо велми, по древу же желѣзомъ Нѣмецкимъ... Князь же Великій (въ день освященія) повелѣ раздати милостию на весь градъ, а Митрополитъ «со Епископы и Архимандриты съ нимъ на обѣдѣ у него ядоша, и вси «Боляре; а Собори вси 7 дній на его же дворѣ въ другой храминѣ ядоша и пиша». 23 Авг. Вел Князь и сынъ его съ помощниками перенесли Св. Митроп. Петра въ деревянной ракѣ въ новую церковь, а 27 Авг. мощи другихъ Митрополитовъ: «Взяша раку кам. съ мощами Митр. Кирилана... и поставиша на десной странѣ у предне стѣны во углѣ равно съ мостомъ церковнымъ... И Фотиевы мощи поставиша рядомъ съ Кириланомъ, и учиниша надъ ними надгробицы каменны... Вземлють же раку деревянную, въ ней же лежитъ Иона Чудотв. въ тѣлѣ, и принесше поставиша на другой сторонѣ противъ тѣхъ Митрополитъ на верхъ мосту. Феогноста же поставиша въ церкви Св. А. Петра на верхъ мосту и окладоша Кирпичемъ обѣ едину стѣну съ Св. Петромъ, яко же и прежде лежали баху. Потомъ же Князя Юрия Даниловича мощи въ деревянѣ гробѣпренесоша и положиша въ церкви Св. Димитрія въ застѣніе въ землю съ мостомъ равно, и надгробницу учиниша падъ снимъ. По семъ же приодоша ко гробу Митр. Филиппа: той бо лежаше посторонъ новые церкви на лѣвой сторонѣ, юже бѣ самъ заложиль, и открыша гробъ, и видѣша его дѣла, яко же и Митр. Иона, и ризы его ни мало не истѣщша... и взяша его во гробѣ каменіе и поставиша на той же странѣ, идѣ же Иона... и 12 дній лежаль не покрыть, и въ 13 д. складоша надъ нимъ надгробницу». Въ слѣдующій день Митроп. и всѣ Соборы обѣдали у Государя въ средней горнице, а самъ Вел. К. стояль передъ ними и съ сыномъ своимъ. — Всѣ подробности описаны въ Ростовѣ, въ Никон. и въ Арсіев. Лѣт. — Въ лѣтописи Львова 131, 180: «тогда пѣцы клеветаша на Митрополита, яко не по солнечному ходу ходилъ со кресты около церкви; сего ради гнѣвъ воздвиге на нынѣ Вел. К.... и много пыташе, и написанія не обрѣте обѣ освященіи церкви, чтобы по солнцу ходить или не по солнцу. Речено же о томъ много бысть: овіи по Митрополитѣ глаголаху Архимандриты и Игумены; иной

«рече: во Святый Горѣ видѣлъ, что такъ же святили церковь Вел. К. Геннадія призыва Архимандрита и Владыку Ростовскаго Вассiana на споръ. Митрополитъ свидѣтельство приводи: еда кругъ престола Діаконъ въ олтарѣ на правую руку ходитъ съ кадиломъ? а они глаголаху: солнце справедное, Христость, на Адъ настути и смерть связа; и того ради исходять на Пасху... и много препирахуся, и не обрѣтоша истины.... Митроп. же сѣхъ на Симоново, посохъ свой оставилъ въ церкви, только «ризницу взялъ, думая, ежели Вел. К. не упросить его и роптанія не «составить, что по солнцу ходити, онъ хотѣлъ оставить сань и въ кельи жить. Много бы церкви Вел. К. своихъ, Иоанна Златоуста, на посадѣ каменную, съ годъ не велѣлъ святить, и Рожд. Богород. въ городѣ и «Онуфрія приѣла, доколѣ преложить на одно; но вси книжники по Митрополитъ глаголаху, а по Вел. Князѣ единъ Владыка Ростов., Князь «Іоасафъ, да Архим. Геннадій. Князь же Вел. послалъ сына своего моля «Митроп., дабы возвратился; онъ же не послуша. Князь же Вел. самъ «ѣхавъ, моля его, и винимъ въ спорѣ себя творя... Митрополитъ же «возвратился» (въ 1483 г.).

(104) Въ началѣ 1490 года съ братомъ Вел. Княгини Софіи и съ паними послами, Дмитріемъ и Мануиломъ, сыновьями Ивана Палеолога Рала, приѣхали въ Москву Архитекторъ Петръ Антоній, ученикъ его Замантоній, пущечный мастеръ Яковъ съ женою, серебренники Христофоръ съ двумя учениками изъ Рима, Нѣмецъ Олбертъ изъ Любека, Карль съ ученикомъ изъ Милана, Грекъ Петръ Райко изъ Венеціи, Капланъ изъ бѣлыхъ Черніцевъ Августинова Ордена, Иванъ Спасителъ, и Грекъ Арганнагой (см. *Продолженіе Нестор.* Лѣт. стр. 317). Въ 1490 году былъ въ Римѣ нашъ посолъ, Грекъ Юрій Траханіотъ или Тарханіонъ. Въ Маѣ 1493 Вел. К. послалъ въ Венецию и въ Миланъ Грека Мануила Ангелова и Данила Мамырева за стѣнными и палатными мастерами. Въ 1494 они возвратились съ Алевизомъ, стѣннымъ мастеромъ, съ Петромъ пущечникомъ и съ другими художниками. Въ 1499 Грекъ Дмитрій, сынъ Ивана Палеолога Рала, и Митрофанъ Федоровъ Калячаровъ єздили въ Италию за Государевыми потребами черезъ Krakовъ и Венгрію: «да съ ними послалъ Вел. К. Михаїла Погожево къ Олбрехту «Королю, чтобъ далъ путь посломъ черезъ свою землю». Въ 1504 г. они возвратились и привезли съ собою многихъ мастеровъ серебреныхъ, пущечныхъ и стѣнныхъ.

(105) *Никон.* Лѣт. стр. 119, 122, 129.

(106) «Апр. въ 5 день вышелъ К. Вел. изъ своего двора изъ ста-раго во Княжь Ивановъ дворъ Юрьевича (Патрекеева) въ новой и съ «Вел. Княгине и съ дѣтми и съ невѣстою и со внукомъ.... и нача ста-«вити каменной дворъ.... Того же лѣта поставиша Вел. Князю дворъ «древинъ.... Тоє же веслы (г. 1493) на Радушицу, 16 Апрѣля, погорѣ «Москва нутрь весь, и казпа у Чуда въ монастырѣ; только остался дворъ «новой Вел. К.... Іюля 28 въ 7 часовъ загорѣсъ отъ свѣчи церковь Св. «Николы на песку, и вста буря велия, и кинуло огнь на другую сторону «Москвы-рѣки ко Всѣмъ святымъ на Кулишкахъ и оттолѣ на Дмитровку «къ Св. Георгію... и выгорѣ посадъ за Неглинною, и отъ Св. Духа по «Черторью до Петровской слободки, и Орбать и Стрѣтинская по Васильевъ «лужокъ... и въ городѣ дворъ новой Вел. Князя... и стрѣлница Боровиц-«кая... и во градѣ всѣ алачоги погорѣли, понеже бо не поспѣли и хоромъ «поставити послѣ вспашаго пожара... и изъ града загорѣся торгъ, и посадъ «подлѣ Москву рѣку до Зачатыя на Вострому концѣ... и по Старую Троицу... «Людей згорѣ болѣе 200, а все то въ половину дни до вечера, и, по Лѣ-«стописцамъ, какъ Москва стала, таковъ пожаръ не бывалъ». Въ 1484

«Вел. К. за новою церковию Благовещения заложил палату, а въ 1485 г. каменный погребъ на Казенномъ дворѣ. Ховринъ и Василий Образецъ построили каменные дома въ 1485 или 1486 году. Митрополит Зосима въ 1493 г. поставилъ на своеемъ дворѣ три келлии каменные съ подклѣтами.

(107) «Повелѣніемъ Вел. К. (въ 1493г.) сносиша дворы за Неглинну и церкви, и устави мѣру отъ стѣны до дворовъ 109 сажонъ большихъ.... Тоя же весны (въ 1495) велиль дворы сносяти и церкви за Москвою «противъ города, и заложилъ стѣну градную каменну на Москвѣ не по «старой стѣнѣ возлѣ Неглины». Архіеп. Новогород. Гениадій въ писмѣ къ Митрополиту Зосимѣ говорить: «Нынѣ бѣда ся стала земская... церкви «извѣчные выношены изъ города вонъ, да и монастыри съ мѣста перевѣстлены... и кости мертвыхъ выношены на Дорогомилово; и кости выносили, а тѣлеса вѣдь тут осталися, въ перстъ разошлися, да на тѣхъ «мѣстѣхъ нынѣ садъ посажень... отъ Бога грѣхъ, а отъ людей соромъ. «Здѣсь прїѣхалъ Жидовинъ новокрещеніи, Даниломъ зовутъ, да мнѣ «сказывалъ за столомъ во всѣ людіи: Князь-де Великой» (такъ говорили Данилу Жиды въ Киевѣ) «на Москвѣ церкви изъ города въ селы метать «вонъ... А что дворы отодвинуты отъ города, ино то и въ лѣпоту; а «церкви бы стояли вокругъ города: еще бы честь граду большая была... «Гдѣ престолъ стоять, да и жертвенникъ, а нынѣ тѣ мѣста не огорожены: «ино и собаки на тѣ мѣста ходять и всякой скотъ». См. Древ. Рос. «Внѣловъ. XIV, 285, 287.

(108) «Мая (1505 г.) въ 21 разбрата церковь Св. Архистр. Михаила... и заложиша новую на томъ же мѣстѣ и вынесона мощи Вел. Князей и Удѣльныхъ; и другую разбрата Ивана Лѣтевичника, иже подъ колоколы; создана отъ Вел. же Князя, Ивана Даниловича, въ это 6837, «и заложиша новую на томъ же мѣстѣ».

(109) Но не ту, которая нынѣ слыветъ въ Москвѣ болѣюю пушкою: она вылита въ 1688 году Андреемъ Чеховымъ, какъ означено въ ея надписи.

(110) Сии монеты весьма извѣстны. Есть и съ другими именами.

(111) См. Архив. Псков. Лѣт. г. 1472. К. Федоръ ограбилъ всѣхъ чиновниковъ Псковскихъ, посланныхъ съ честію проводить его до границы. К. Ярославъ прїѣхалъ въ Псковъ въ 1473 году, Февр. 29.

(112) Псков. Лѣт. г. 1469: «Марта 8 Нѣмцы побили Псковичъ 26... а перевѣтъ учинилъ Ив. Подкурской, да Ив. Торооша: онъ вѣсть ко Пскову пригонилъ, и Псковъ его рублемъ жаловалъ... Ив. Подкурского, довѣдався, на беревинѣ замучили».

(113) «Марта въ 5 (г. 1471) прїѣздилъ отъ К. Местера братъ его, «Пантелей Алыскій, съ своею дружиною и весь Псковъ честь ему возѣдали, и онъ 2 недѣли бывъ поѣхалъ... Присла Местеръ (въ 1472 г.) «своего посла во Псковъ и срокъ положи, что быти съѣзду на Рожество «Богородицы». Вел. Князь З Сент. прислали на сей съѣздъ Боярина своего, Андрея Тимофеевича, съ 20 Боярскими Дѣтили: но 8 Сент. явился во Псковѣ Нѣмецкій посолъ съ отвѣтомъ, что Магистру не досугъ. «Пріѣха (въ Ноябрѣ) отъ Князь Местера Клавши съ порубежья, да Иванъ Бояринъ земный, и Псковъ ихъ съ обидными людми пріѣхъ въ серебрѣ, «что К. Местеръ съѣзды складываетъ, а на съѣздѣ не ѻдетъ. Тоя же весны (въ 1473 г.) по Велицѣ дни прїѣхали отъ К. Местера послы и «вынѣши Никулу Клавшу, да Ивана Земскаго, а серебро за нихъ 75 рублей поплативъ, а о земли и о водѣ срокъ положили съѣзду быти за «2 недѣли по Петровѣ дни... И отрядивъ послы, Алексія Посадника (и «другихъ) въ Новое село на Нарову на съѣздѣ къ Новогородскимъ по-

«созъмъ, а К. Местеръ своихъ въ Ругодивъ прислали, и по недѣлю съѣзжався и разѣхашася, а управы не учинивши. Того жъ лѣта К. Местеръ прислали посла въ В. Новгородъ, и Псковъ отрядивъ Посадниковъ, Ивана Гахоновича (и другихъ), а съ ними Богдана, что ему ъехати «изъ Новагорода къ Вел. К., что ни учинитца на томъ съѣздѣ, и бывши «недѣли 3, о миру не учинили ничего, а К. Местеръ и перемирья не «семлеть со Псковомъ по срочныхъ». — Войско Московское пришло во Псковъ около 30 Ноября.

(114) Въ Архив. *Псков.* Лѣт.: «Прислали Пискуну Юрьевскій и Посадники и Ратмани во Псковъ Иванъ Бобровъ, Иванъ Земскій, Дек. въ 24, перемирья просить на 5 лѣть, и начаша миръ прикончивати». Магистръ (въ Генв. 1474 г.) прислали во Псковъ какого-то Генриха для заключенія мира. Новогородское войско пришло туда Генв. 5. Юрьевцы также обязались «во Псковъ корчмы не возити, ни торговати, ни колоды (заставы) у костра не держати». Холмскій выѣхать оттуда Генв. 30.

(115) *Древ. Рос. Видов.* II, 94—96.

(116) См. *Послужный Списокъ Бояръ въ Трудахъ Волин. Рос. Собрания*, Т. I.

(117) Архив. *Псков.* Лѣт.

(118) Въ Генв. 1470 г. Псковскіе чиновники ъездили къ Королю въ Полоцкъ: «и посольство правиша Генв. въ 31; а были у Короля 3 дни «на очахъ, а самъ Король быль въ Полоцкѣ недѣлю, и прежде того былъ «за 21 годъ». Положили бытъ съѣзу на границѣ около Рождества Богоматери. «Отрядивъ 4 Посадники и Бояръ изо всѣхъ Концовъ, да съ «ними самъ К. Федоръ Юрьевичъ, и бывъ на съѣздѣ на Березничі, по- «неже на томъ мѣстѣ исперва съѣжаются съ Литовскими Паны, да ис- «томы по 4 дни положа, розно розѣхалися... а отъ Короля были Панъ, «Родивиль Остиковичъ, Троцкій Воевода, да Панъ Никула Немировичъ «Маршалокъ, и Панъ Богданъ Ондрюшковичъ, Сент. въ 14». — Въ 1471 году опять ъездили Псковскіе чиновники къ Королю въ Вильну: въ аудиен- ции 30 марта онъ далъ имъ слово бытъ на границѣ (см. Архив. *Псков.* Лѣт.).

(119) Богданъ прїехаъ въ Сент. 1474 года. Василій Китай съ Федькою Мансуровымъ отправился въ Литву 2 Апр. 1475.

(120) Еще въ 1471 году, во время Новогородскаго похода, Никита Беклемишевъ ъездилъ въ поле за Муртозою, и привезъ его въ Москву къ сыну Иоаннову. См. *Никон.* Лѣт. стр. 33 и 35.

(121) См. Кромера кн. XXVII, 390. Абульгази, стр. 367, говоритъ объ осьми сыновьяхъ Ази-Гиреевыхъ.

(122) Въ посольствѣ Семена Борисовича, 1486 года, о семъ Хозѣ Кокосѣ сказано такъ: «Молвиши Кокосю Жидовину: какъ еси напередъ «того намъ служилъ и добра нашего смотриль, и ты бы и нынѣ намъ «служилъ». См. *Дѣла Крымскія* № 1, стр. 122.

(123) См. *Дѣла Крымскія* въ Архивѣ Иностранныхъ Коллегій, № 1, л. 14.

(124) Сообщаемъ сей договоръ въ примѣръ тогдашняго дипломатическаго слога:

«Вышияго Бога волею язъ Менгли-Гирей Царь съ своимъ братомъ, «съ Великимъ Княземъ Иваномъ, взяли есмъ любовь и братство и вѣч- «ный миръ. Отъ дѣтей и на внучата быти намъ вездѣ заодинъ, другу «другомъ быти, а недругу недругомъ быти. Хто будетъ другъ мнѣ Мен- «гли-Гирею Царю, тотъ и тобѣ другъ Великому Князю Ивану; а хто буд- «деть мнѣ Менгли-Гирею Царю недругъ, тотъ и тобѣ Вел. К. Ивану не- «другъ; а хто будетъ другъ тобѣ Вел. К. Ивану, тотъ и мнѣ другъ; а «хто будетъ тобѣ недругъ, тотъ и мнѣ недругъ. А мнѣ Менгли-Гиресю

«Царю твоему земли и тѣхъ Князей, которые на тебя смотрятъ, не воевати, ни моимъ Уланомъ, ни Княземъ, ни Казакомъ; а безъ нашего вѣданія люди наши твоихъ людей повоюютъ, а прінудить къ намъ, и снамъ ихъ казнити, а взятое отдать, и головы людскіе безъ окупа намъ «тобѣ отдать. А коли мой посолъ отъ меня пойдетъ хъ тебѣ Вел. Кн. «Ивану, и мнѣ его хъ тебѣ послать безъ пошлинъ и безъ пошлинныхъ «людей; а твой посолъ ко мнѣ пріедеть, и онъ идетъ прямо ко мнѣ; а «пошлиnamъ Даражскимъ (путевымъ) и инымъ всѣмъ пошлиnamъ нико- «торымъ не быти; а на семъ на всемъ, какъ писано въ семъ ярлыцѣ, «язъ Менгли-Гирей Царь съ своими Уланы и со Князми тобѣ брату «своему Вел. Кн. Ивану, молвя крѣпкое слово, шерть (клятву) есми даль, жити намъ съ тобою по сему ярлыку.

Беклемишевъ поѣхалъ изъ Москвы въ Мартѣ 1474 года, а Старковъ 23 Марта въ 1475 году. — Наставлениа Посланиа давались весьма обстоятельный. Выписываемъ вѣчно для примѣра:

«Правити посольство Олексюю Ивановичу Старкову.—Князь Великій вѣльъ тебѣ говорити:

«Князь Великій челомъ бѣть. Какъ мя еси пожаловалъ, на чемъ сеси ко мнѣ крѣпкое свое слово молвя, шерть даль, и на чемъ ярлыкъ «своей шертныи даль, въ томъ бы еси пожаловалъ и стояль... И учнеть «Царь говорити: приказывалъ есми къ своему брату, да и ярлыкъ свой «къ нему послалъ есми, чтобы со мною быль на Царя Ахмата за-одинъ; «коли пойдетъ на меня Ахматъ, и онъ бы Царевичевъ своихъ отпустиль «на Орду; и братъ мой, Князь Великій, у своей правды то выговорилъ, «а на томъ мнѣ правды не даль.

«И Олексюю говорити такъ: Осподарь мой К. В. посыпалъ къ тебѣ «своего Боярина Микиту, а биль тебѣ челомъ по твоему жалованью, по «твоему приказу, какъ еси къ нему приказалъ съ своимъ посломъ съ «Ази-Бабою, что другу другомъ быти, а недругу недругомъ быти, безъ «выговора на всякаго недруга: ино не Государь мой то выговариваль «на имя: выговорилъ ты, вольной человѣкъ, у своей шерти Осподаря на- «шего недруга Короля, а нашему Государю не хочешь на Короля по- «могати, а то Осподарю моему большей недругъ; и говоришь, вольный «человѣкъ, то, что Король еще съ твоимъ отцомъ въ братствѣ и въ до- «коначанѣ быль, а съ тобою нынѣча также въ братствѣ и въ докон- «чанѣ; и ты тово не хочешь порушити: ино ты вѣдаешь, что Осподари «наши, Великіи Князи, отъ отцовъ и отъ дѣдъ и отъ прадѣдъ слали сво- «иuxъ пословъ къ прежнимъ Царямъ къ Одинскимъ, а они своихъ по- «словъ посыпали къ Великимъ Княземъ; а Осподарь мой, К. В., и ны- «нѣча потому же своихъ пословъ шлетъ къ Ахмату Царю и къ брату его «къ Махмуту, а они своихъ пословъ къ моему Государю посыпають. И «Осподарь мой тебѣ выговорилъ у своеи правды Царя Ахмата, не хотя «старини порушити, потому же, какъ ты моему Осподарю у своей роты «Короля выговорилъ». — Называлась братомъ, Иоаниъ всегда писалъ Мен- гли-Гирею *челобите*, а Менгли-Гирей къ нему *поклонъ*, или, въ знакъ особенной ласки, *много, много поклонъ*; то есть, Вел. Кн. употреблялъ почтительнейшия выражения. — Ближними Ханскими Вельможами были Именскъ, Авдула и Карабч Мурза. Беклемишеву вѣчно было дать двумъ первымъ по сороку соболей, а если мало, то и по два сорока.

(125) «А какъ будеть быти Олексюю у Князя у Исаика, ино по- «клониться К. Исаику и его Княгинѣ, да подати имъ поминки, да и до «черныхъ отъ Вел. К. поминокъ подати» (т. е. и простымъ *лжимъ*)... «А се говорити Алексюю Кокосу, бывши у Князя у Исаика: К. В. ве- «гельъ тебѣ говорити, что еси ко мнѣ присыпать свою грамоту о томъ,

«что у К. у Исаика дочи, и мнѣ бы пожаловати та его дочка взяти за своего сына: ино Бояринъ мой Никита дѣвку видѣлъ... и ты бы мнѣ сучинилъ вѣдомо о томъ, что взятка съ дѣвкою на колѣко тысяча золотыхъ; то бы если переписаль на списокъ, да ко мнѣ прислашь». — Послѣ увидимъ, что Султаны Турецкіе присылали къ намъ Князей Манкупскихъ послами, и что сіи Князья были Греки.

(126) См. сей *Исторіи* Т. I.

(127) *Архив. Лѣт.* г. 1475: «Туркове взяша Кафу, и гостей Московскіхъ многихъ побиша, а иныхъ поимаша, а иныхъ пограбивъ на сокуль даваша; Ази-Гирееву Орду Крымъ и Перекопъ осадиша дань давати, и посадиша у нихъ менишова сына Ази-Гиреева, Менди (Менгли) Гирея, а два сына Ази-Гиреевыхъ уѣжаша; а приходилъ Воевода Турского Царя, а Царь самъ не бывалъ».

(128) См. Кромера стр. 412 и Кантемира въ *Исторії Оттоман. Имперіи*.

(129) *Архив. Лѣт.* г. 1476.

(130) Дѣла Крымскія № 1, л. 30. Вел. К. желалъ имѣть послы Зенебекова, но съ условіемъ, чтобы онъ пріѣхалъ съ немногими людьми и безъ посѣльниковъ.

(131) См. Длугоша *Hist. Polon.* 588, *Ядро Рос. Исторіи* 200, Герберштейна *Rer. Moscov. Comment.* 8, и ниже о басмѣ примѣч. 208. Послѣдній говоритъ, что Иоаннъ при вѣзѣдѣ Ординскихъ пословъ всегда сказывался больнымъ.

(132) См. *Рос. Вавлюв.* II, 86, 106.

(133) *Никон.* *Лѣт.* стр. 58.

(134) *Лѣт.* Львова, стр. 33. Въ *Архив. Лѣт.* стр. 67: «Тое же осени прибѣжалъ изъ Орды Вел. Князя посолъ, Дмитрий Лазаревъ», Можетъ быть, Ханскій гнѣвъ заставилъ его поспѣшно уѣхать изъ Орды.

(135) *Архив. Лѣт.* л. 78. Съ Бочюкомъ находилось 50 человѣкъ, дружинны, да 550 купцевъ съ лошадми и съ разными товаромъ. Онъ поѣхалъ назадъ 6 Сент.

(136) Герой Галлерова Романа, Узонга.

(137) См. *Voyage de Perse par Ambroise Contareni*, въ Бережронѣ стр. 38—55.

(138) Архив. *Псков. Лѣт.*: «А Новгородцы люди Житіи и Молодшии сами призвали (его)... а пріѣхалъ во Вторникъ на Введеніе Св. Богородицы».

(139) Въ Розрядной Книгѣ Бекетова: «Лѣта 6984, Окт. въ 22, Князь Вел. поѣхалъ съ Москвы въ В. Новгородъ миромъ, а съ нимъ Бояре Иванъ Юрьевичъ, Федоръ Давыдовичъ, Василей Федоровичъ Образецъ, Петъръ Федоровичъ, К. Иванъ Булгакъ, К. Данило Щеня, Василей да Иванъ Борисовичи, Григорей Васильевичъ Морозовъ, К. Александръ, Васильевичъ Оболенской, да Василей Китай—Окольничей Андрей Михайловичъ, Иванъ Васильевичъ Ощра — Дворецкой Михайлъ Яковлевичъ Русалка — а дѣти Боярскіе К. Михайлъ Колышка, К. Ивановъ сыны Юрьевича Григорей Малой, К. Иванъ Звепецъ, Иванъ Товарковъ Молодой, К. Петъръ Васильевичъ Оболенской, Юрия Шестакъ — а Дѣяки Микита Беклемишевъ, Алексѣй Полуектовъ». — Вел. К. въ Дмитріевъ день обѣдашъ въ Волокѣ у своего брата, Бориса. См. всѣ дальнѣйшія подробности въ *Архив.*, *Ростов.* и въ *Никон.* *Лѣт.*

(140) Назывались *Пскими*. Въ Архив. *Новгород. Лѣт.* Геродіакона Геронтия сказано здѣсь, что поставъ сего сукна стоилъ 30 рублей, т. е. шесть фунтовъ серебра. Въ старинныхъ нашихъ ариометическихъ книгахъ опредѣлена мѣра постава: въ немъ было около 37 аршинъ сукна.

(141) См. Круга Münzkunde Russlands, 162. *) На сихъ монетахъ Англійскихъ и Французскихъ XIV и XV вѣка изображались *рома* и *корабль*; по-Нѣмецки назывались онѣ Rose-Nobel и Schiff-Nobel; ходили въ Германіи, Дани, Пруссіи, Ливонії.

Великій К. уже изъявлялъ неблаговоленіе къ Архіепископу, какъ то видно изъ слѣдующихъ мѣстъ лѣтописей: «Владыка прислалъ къ Дво-рецкому и къ Конюшему (людей своихъ) кормы отдавати, и К. Вел. «тѣхъ не похотѣлъ, да и на Владыку озлобился, что то не приложе. «Архіепископъ же добилъ челомъ, и велѣлъ кормы отдавати Намѣстнику «своему, Юрію Репехову... и К. Вел. нелюбие Владыци отложилъ, и былъ «того дне у него Владыка, и биль челомъ, звалъ его хлѣба ясти къ себѣ, «и К. Вел. не пожаловалъ».

(142) См. Далин. Gesch. des R. Schwed. II, 607. Въ Ростов. Лѣт.: «пришелъ посолъ Нѣмецкій отъ Короля Свейскаго, отъ Герстура, се-«стричъ его Орбанъ, Генв. въ 12 день», и проч.

(143) Въ Архив. Псков. Лѣт. г. 6983: «Пріѣха съ Москвы Ноября «въ 13 Князь Псковской Ярославъ и нача у Пскова просити и судъ «держати не по Псковской старинѣ, на ссылку вдвое єзды имати, и по «пригородомъ его Намѣстникомъ Княжая продажа имати, такожъ и денги «Намѣстничіи». Граждане посылаютъ съ жалобою къ Вел. Кн. и пред-«ставляютъ ему древнія грамоты: онъ взглянулъ на нихъ, отдалъ назадъ посла и сказалъ, что сіи грамоты писаны не Великими Князьями, и что Псковитяне должны удовлетворить всѣмъ требованіямъ Ярослава. Второе челобитье Псковитянъ: Вел. К. даетъ слово отправить къ нимъ посла для разобрания всѣхъ жалобъ. Они присылаютъ ему въ Новгородъ 50 рублей въ даръ. Тутъ въ Псков. Лѣт. разсказывается чудо. «Послове «же пріѣхали во Вторникъ на другой недѣли, и въ Четвертокъ на ту «ночь бысть чудо дивно и страха исполнено. Страхнувшіеся Вел. Нов-«городъ противъ Князя В., и бысть пополохъ во всю ночь сильно по «всему городу, и въ ту же ночь видѣша и слышаша мнози вѣрии, какъ «столицъ огнѧнъ стоянъ надъ Городищемъ отъ небеси до земля, такоже «и громъ; и ко свѣту не бысть ничто же». Вел. К. велѣлъ остаться по-«сламъ въ Новѣгородѣ до прибытія Ярославова, которой и пріѣхалъ на-«конецъ Дек. 12, взять съ своихъ гражданъ 20 рублей на путь, съ обѣ-«щаніемъ ходатайствовать за нихъ у Государя, но вмѣсто ходатайства началъ жаловаться. «И Бояре пріѣхаша во Псковъ, а за ними К. Яро-«славъ Генв., а съ нимъ послы Вел. К., повѣствую, чтобы есте К. Яро-«славу денгу Намѣстничю освободили, и єзды вдвое и продажи по го-«родомъ Намѣстникомъ имати Княженія, и нинѣніи судовое по старинѣ «судити, всякая конная и изгородное прядло и коневая валища... а нась «прислать въ пять дней отъ васъ и сѣмо и тамо съѣздити... За все «снову К. Ярославу Псковъ далъ на Вѣчѣ 130 р., а Вел. Князю за все «то поимали же, чего онъ просилъ, тое оправити и его Намѣстникомъ. «Того же мѣс. въ 5 день опять поѣхалъ Ярославъ и съ послы Вел. «Князя (въ Новгородѣ), а Псковъ съ ними отрядилъ Посадниковъ... и «К. Вел. (отвѣчаль), что есте рклися К. Ярославу, тѣмъ васъ жалую, а «кого къ вамъ ни приплю, и вы бы есте меня слушали... и пріѣхаша «во Псковъ Генв. въ 18».

(144) См. Архив. Псков. Лѣт. и Синод. Новогор. № 46. Въ первомъ: «много Христіанъ пограблено по дороги и по селомъ и по мона-«стыремъ, и числа края нѣть, колико золота и серебра вывезе отъ нихъ».

) И сей Исторіи Т. X. прилѣч. 270. (Принеска Исторіографа на собств. его экземплярѣ).

Въ сторомъ: «бысть Новгород. области үбытка много, и съ кровю». Въ обоихъ сказано, что съ Иоанномъ находилось много силы, т. е. людей воинскихъ, но не полковъ.

(145) Феофиль прѣхаль Марта 30, съ Посадникомъ Яковомъ Коробомъ, Казимеровымъ братомъ, и проч.—«Поихъ поималъ Вел. К. въ Но-
вѣгородѣ, послалъ въ заточеніе трехъ на Колому, Ивана Асанасова
«съ сыномъ Олферемъ, да Богдана; а трехъ въ Муромъ, Федора Иса-
кову, да Василя Ананына, да Ивана Лопинского. И дары много при-
«везъ Владыка... а обѣдалъ у Вел. К. Apr. 1 со всѣми своими, а въ 7 день,
«въ недѣлю Вербную, былъ пиръ отпускной на Владыку у Вел. Князя». На другой день онъ уѣхалъ.—Федоръ Исаковъ, Мареинъ сынъ, постригся въ Муромъ и умеръ 9 Мая въ 1476 году, еще до прибытія Феофилова въ Москву.

(146) Лѣтописцы забыли, что и Мономахъ заставлялъ ихъ ѿздѣтъ къ себѣ на судъ.

(147) Въ Ростов. и въ другихъ: «Въ лѣто 6985 (1477 г.) мѣс. Марта, «Архіеп. и всѣ В. Новгородъ присыпали къ Вел. Княземъ, Иоанну и сыну «его, Назара Подвойскаго, да Захарія Дьяка Вѣчного, бити челомъ и «называть себѣ ихъ Государи... Apr. въ 24 К. Вел. послалъ Фед. Давид. «и Ивана Борисовича, да съ ними Дьяка Василя Долматова ко всему «В. Новугороду покрѣпти того, какова хотять Государства отчина ихъ, «В. Новгороду; и они того заперлися, рекуше: съ тѣмъ есмы не посып-
«вали, и назвали то лжею».—Но въ Архив. Псков. Лѣт. гораздо обстоя-
тельнѣе: «Мая въ 18 прїехалъ посолъ отъ Вел. Князей въ Новгородъ «Фед. Дав., да съ нимъ Тучковъ и окольничихъ людей много и коневъ, и «сталъ на Городищи, и пришелъ на Вѣче, и учаль В. Новугороду по-
«вѣствовати, что есте Княземъ Великими своихъ пословъ присыпали «и съ своею грамотою, а что его есте Государемъ себѣ назвали и за «него есте задавали, и суду его у васъ въ В. Новѣгородѣ быти, и по «всѣмъ улицамъ сидѣти Князя Великого Тіуномъ, и Ярославле вамъ Дво-
«рище очистити, и въ Вел. Князей судъ не вступати? И Новгородцы же «тѣхъ Посадниковъ и Бояръ и животъ пограбили, и дворы и доспѣхи «поутнимали, и всю ратную приправу, которые такъ чинили, а безъ В. «Новагорода вѣдома тую прелесть чинили».

(148) См. Ростов. и Архив. Псков. Лѣт., гдѣ Василій названъ Ананы-
ннымъ: въ другихъ же во всѣхъ Никифоровыми.

(149) Архив. Псков. Лѣт.: «Вамъ, Господиномъ своимъ, челомъ біемъ, «а что Государи васъ, а то не зовемъ: а судъ вашимъ Намѣстникомъ «на Городищѣ по старинѣ; а вашему суду Вел. Князей, ни вашимъ Тіу-
«номъ, то у насъ не быти; ни Дворища вамъ Ярославля не даемъ. На «чемъ есмы съ тобою на Коростыни миръ кончали и кресть цѣловази, «по тому докончанью хотимъ съ вами и жити», и проч.

(150) См. Ростов. Лѣт. л. 534.

(151) 30 Сент. съ Подъячимъ Родіономъ Богомоловымъ.

(152) Первый прїехалъ въ Торжекъ къ Намѣстнику Великокняже-
скому, Василію Китаю, еще въ Августѣ; а второй въ Октябрѣ.

(153) Въ Ростов. Лѣт.: «да Новоторжцы, Берновы и Глуховы». Ру-
жанами именуются жители Рузы.

(154) «Окт. въ 19 прїехали въ Торжекъ къ Вел. К. Бояре Нового-
«родскіе, Лука Клементьевъ, да братъ его Иванъ, и били челомъ въ «службу.. Окт. въ 26 па Волочкѣ Посадникъ Новогород. Григорій Ми-
хайл. Тучинъ били челомъ въ службу».

(155) «Велѣль имъ (Вел. К.) стояти на Бронничи, а ждати вѣсти «отъ себе; а инымъ Воеводамъ у езере Илмеря на Взвадѣ и на Ужинѣ».

(156) Въ Архив. *Псков.* Лит.: «Юниа въ 15 (въ 1476 г.) послана «Псковичи Бояръ изо всѣхъ Концовъ на Москву съ грамотою жалобо- «ною съ плачемъ къ Вел. Князю на К. Ярослава, чтобъ его сослать, «а намъ бы даль К. Ивана Александра Звенигородскаго; и Князь Вели- «кой только нялся послы своего послати... а хотеть судъ творити по его «засыльнымъ грамотамъ, а не по своимъ старинамъ, какъ его прароди- «тели... И Псковичи другово послы отрядили Авг. въ 27 просити Князя «Ивана Бабича, понеже К. Иванъ Звенигородской преставися въ Вели- «комъ Володимерѣ въ Великой Нятокѣ, и постригся... Сент. во 2 росне- «ричилася съ людми люди на Княжи дворѣ съ пьяными Княжедворцы, «и се почаша битися, а *сестники* (*шестники*, пришельцы?) ножи коло- «тися, а наши каменемъ, и пойдоша *сестники* на весь мѣръ съ ножи на «торгъ; а иные съ луки... а Псковичи только боронилися... и самъ Яро- «славъ пьянъ же, и въ пансырѣ вышедъ, почаль стрѣляти... и пойдоша «на торгъ Посадники и Бояре и люди Йитейскія и съ запасы, и къ ве- «черу Князь и *сестники* пойдоша на ѿчи, людми доброхотящими укро- «щени. А Псковичъ бывше тогды полно побито до крови, иного въ ногу, «иныхъ въ хребетъ. О причинѣ скоры такъ въ Синод. *Псков.* Лит.: «По- «везе Псковитинъ съ огорода капусту черезъ торгу мимо Княжей дворъ, «и шестникъ похитивъ силою наручье капусты, даде Княжому барану; «и про то почаша Псковичи которатися... дву человѣку до смерти за- «стрѣлиша... и убыва на торгу повара Княжого Курву». Псковичи стояли «съ оружiemъ во всю ночь, ибо люди Княжеские грозили зажечь городъ. На другой день Вѣче отрѣшило Ярослава; по Ioannу не хотѣть смѣнить его, и посолъ Великокняжескій, Бояринъ Иванъ Федоровичъ Товарковъ, сдѣлаль Псковитянамъ множество убытку и досадъ. Новое члобитие Государю. «Генв. во 2 день (1477) прѣѣхаша послы Псковскія: наѣхали «Вел. К. въ Володимерѣ, и тамъ державы ихъ 3 дни, опять на Москву «отослали, и на Москвѣ ждали 4 недѣли, и К. Вел. отвѣтъ далъ: *коли* «отчина моя Псковъ на дворѣ *нашего Намѣстника, а своего Князя, нахо- «дила, ино сама изъ старины выступила, а не язъ Князь Великой*. Тоя «же зимы К. Великой, Февр. въ 15, прислали грамоту къ Ярославу, веля «ему къ себѣ ѻхати, и со Княгинею и со всѣмъ Дворомъ». 23 Февр. онъ уѣхалъ. Лѣтописецъ говорить, что никогда не бывало у нихъ такого Князя злосердаго и хищника: *Намѣстники его въ пригородахъ также грабили. А Псковъ, того не ряда, слали ему на всяктъ станъ кормъ съ честію до послѣдняго стана...* Онъ же приставы и Старость Губскихъ «(Губныхъ), которые его честовали, всѣхъ 18 человѣку повязавъ мучи и «съ собою на Москву увелъ... Марта въ 9 послали къ Вел. Княземъ По- «садниковъ и Бояръ Андрея Рублева, Трофима и проч. бити челомъ о «своихъ старинахъ и Князя просити себѣ вольного, К. Василья изъ Но- «вагорода, или К. Ивана Володимерича, также и о сведеныхъ людехъ... «Апр. въ 23 прїѣхаша во Псковъ здоровы, и тѣхъ всѣхъ съ собою при- «провадили, которыхъ Ярославъ свелъ... а самъ Ярославъ ни ва очехъ «въ то время при нашихъ послѣхъ не бывалъ... а К. Великой и поминки «принялъ 100 рублей, и съ честію отпустилъ, а язъ къ вамъ шло своихъ «пословъ... Юниа въ 7 прїѣхалъ отъ Вел. Князей Иванъ Зиновьевъ и «Дыякъ Григорей Ивановъ сынъ Волинъ, поднимая Псковъ на Новго- «родъ... и бывъ недѣлю, прочно поѣхали». Псковитяне сами отправили посольство къ Вел. К.; оно возвратилось 27 Авг. «*Отвѣтъ таковъ: со всѣмъ моимъ приказомъ мой посолъ еще у васъ будетъ...* Сент. въ 5 «прїѣха опять Дыякъ Волинъ, а веля сими часы грамоты вскипуты «въ Новугороду; а за нимъ много гостей прибѣгоша Низовскихъ и «съ товары изъ Новагорода, а ини поѣхали на Литву. Вскинуша

«грамоту Новогороду Сент. 30 на Вѣчъ, а свои Князь Вел. на заутре «положи».

(157) См. Архив. *Псков. Лѣт.* — Дѣякъ Волнинъ схватилъ на Вѣчъ втораго посла Новогородскаго, но освободилъ изъ уваженія къ ходатайству Исковитяниъ, которые все еще не хотѣли вооружиться и пересыпались съ Вел. К. «Григорей Дѣякъ прихода на Вѣче повѣстовати: на «конь всѣдайте, а язъ вамъ приставлевъ Воеводою: а какъ Князя Великаго гдѣ наѣдемъ, и онъ вамъ и Намѣстника дастъ, а я вамъ Князя».

(158) См. *Ростов. Лѣт.* — Въ *Псков. Лѣт.*: «Окт. 10 загорѣлося въ «3 часу ноши отъ Сысоевыхъ воротъ, отъ Федора отъ Дмитрова двора, «и погорѣ всего града застѣнѣ и до кола, а горѣло до назаутре до «вечера».

(159) Въ Архив. *Псков. Лѣт.*: «Князь Василей прїѣхалъ съ Вел. «Князя Воеводою, съ Васильемъ Дятлемъ... и крестъ поцѣлова на Вѣчѣ «на всѣхъ Псковскихъ пошлиахъ и стариахъ Ноября въ 25».

(160) См. *Ростов., Архив. и Никон. Лѣт.*

(161) «Говорили о томъ, что Князя Великого Мукобряне позываютъ «на судъ Новогородцевъ», и проч. Не знаю, что такое Мукобряне: это имя не встрѣчалось мнѣ нигдѣ въ другомъ мѣстѣ. Но видно по связи словъ, что они были Великонижеские люди.

(162) См. *Ростов. Лѣт.* л. 539.

(163) «Пришелъ К. В. подъ градъ черезъ Ильмеръ по льду». — Въ Архив. *Псков. Лѣт.*: «сталь (В. К.) въ Ракомии надъ Волховомъ за 3 «версты отъ В. Новагорода».

(164) «По Пидбѣ вверхъ по лѣвой сторонѣ и на Стипѣ».

(165) «И Савастіанъ Кушелевъ (посланный) срѣтиль ихъ (Пскови-«тія) у Солицы на Шолонѣ».

(166) См. Архив. *Псков. Лѣт.*

(167) См. Синод. *Псков. Лѣт.* л. 209.

(168) См. *Ростов. Лѣт.* л. 541—542.

(169) Въ *Ростов. Лѣт.*: «и донелѣже К. В. возвратися къ Москвѣ, «а мость стоитъ».

(170) См. *Псков. и Ростов. Лѣт.* Сей Гребенка Шуйскій названъ братаничемъ К. Ивана Горбатаго. Въ *Продолженіи Нестор. Лѣт.* сказано, что Вел. К. далъ ему Новгородъ Нижній.

(171) «И Кн. Вел. у Владыки взялъ 10 волостей, Порогъ Ладожскій «и земля Порожская по обѣ стороны Волхова, да въ нагоріи Емелегеж-«скій погость, да Колбалской, а сохъ въ нихъ 43 $\frac{1}{2}$; да въ Дрглехъ по-«гость, да Кременицкой, 50 сохъ; да на мѣстѣ Бѣлая 39 $\frac{1}{2}$ сохъ; да «Удомля 50 сохъ; да Кирва, да Ахона 52 $\frac{1}{2}$ сохъ; да Іероствъ, а въ ней «80 куницъ и двѣ... да прежде писанныхъ шести монастырей по поло-«винѣ волостей, а Юрьева монастыря въ половинѣ, что взялъ Кн. Вели-«кій 720 обжей; а у Аркажа 332, у Благовѣщенскаго 253; а у Николь-«скихъ Неровскаго Конца 251; а у Антонова монастыря 50 сохъ; а у «Михайловскаго 97 обжей, да шесть сель, которыя были за Княземъ «В. Шуйскимъ, а сохъ 58». Въ сохѣ было три обжи. Хотя мы и на-«звали здѣсь обжу тягломъ, но иногда въ пяти обжахъ находилось семь «работниковъ, иногда шесть (см. Архив. Книгу Помѣстнаго Приказа). Въ лѣтописяхъ же сказано здѣсь: «обжа (Новогородская) единъ человѣкъ на «единой лошади ореть».

(172) «Кн. Вел. захотѣлъ взяти съ обжи по полугривнѣ, и Владыка «со всѣми своими начала бити челомъ, чтобы Государь ималъ дань, «какъ биемъ челомъ, по 7 денегъ съ сохи единова на годъ, и Кн. Вел. «тѣмъ ихъ пожаловалъ, что имати ему съ сохи по полугривнѣ». Слѣд-

ственno въ гривнѣ было только 14 денегъ *Новогородскихъ*: такъ говорить и Герберштейнъ.

(173) Съ Одинцомъ.

(174) «Да туть списокъ и подписать велѣль Владыцъ».

(175) «Да и о Попѣ Иоаннѣ говорили (Бояре Вел. Кн.), да о Сенкѣ со Княжескомъ, чтобы Попомъ ругу отдали за давніе годы, что имъ не дали, да и впередъ бы давали ругу; а что у Попа Иоанна взяли, а то бы ему все отдали, а Сенкѣ бы дворъ, да и статокъ весь отдали, что у него взяли».

(176) Посольство правиль *одинъ* К. Иванъ Юрьевичъ.

(177) См. *Ростов. Лѣт. л. 548.*

(178) Въ *Ростов. Лѣт.*: «а что услышите кто у брата своего Ново-городца о Вел. Князехъ о добрѣ и о лихѣ, а вамъ то сказать своимъ Государемъ; а что учнутъ Вел. Князи съ вами говорить которое свое дѣло или Боляре Вел. Князя, и того вамъ Государского дѣла не проносити».

(179) «Февр. въ 2 день Вел. Княгиня Марья постриглась на свое мѣсто и наречена бысть Мареа; а постригъ ее Игумень Кирилова монастыря». Гонецъ пріѣхалъ въ Москву 27 Генв.

(180) Въ Тверской Губерніи, въ Вышневолоцкомъ Уѣздѣ, въ селѣ Млевѣ, при церкви Спаса Нерукотворенного, есть надгробный камень съ надписью: «Лѣта З.... положенася, преставися раба Божія Мареа на памъ.... Нѣкоторые думали, что Борецкая, не доѣхавъ до Москвы, умерла и погребена въ семь мѣсяцій. Надпись дѣйствительно кажется древнею; но числительная буква З указываетъ на семитысячной годь, а Борецкая отправлена изъ Новагорода въ 6986 году отъ сотворенія міра.

(181) «Чель златую 5 гривенокъ, чару золоту 10 грив., чару золоту 1½ грив. и 10 золотникъ, ковшъ золотъ гривенка и 3 золотника, кружку золочену сребрену 13 грив., да кубокъ складной золоченъ 14 грив., да мису серебрену 11 грив., да кубокъ золоченъ 6½ грив., да поясъ золоченъ великие оковы 18½ грив.».

(182) Длугош. *Hist. Polon. кн. XIII, 538*, и Арнта Liefl Chron. — Въ Кремлевскомъ Арсеналѣ показываютъ набатной колоколь вылитый въ 1714 г. изъ старого набатнаго: увѣряютъ, что сей послѣдній былъ Вѣчевый Новогородскій.

(183) *Ростов. Лѣт. л. 503* на обор.: «наймоваху злыхъ смердовъ... и тіи приходище на Вѣче, біяху въ колоколы: и кричаху», и проч.

(184) При Олегѣ.

(185) См. сей *Исторію* Т. III, стр. 212.

(186) Кранцъ въ *Wandal.* стр. 301: *Ita civitas potentissima, non tam armis duam ingenio, servit hodie.* Даље Историкъ говоритъ, что успѣхи торговли противны духу воинскому, и проч.

(187) См. сей *Исторію* Т. III, стр. 164.

(188) Кранцъ въ *Wandal.* 301: *Novguardia metropolis Russie tam potens, ut in proverbio efferrent cives eius: quis potest contra Deum et magnam Novguardiam?* Сочинитель *Жизни Царя Иоанна Василевича* (Ioannis Basilidis, Magni Moschoviac Ducis vita, a Paulo Oderborghio conscripta) также говоритъ о сей пословицѣ; а Нѣмецкій его переводчикъ, Христ. Куне, сообщаетъ ее и на старомъ Русскомъ языке: *Ocdto moschet stojati protif Bocho dai Welik Novgorod?* то есть: *кто можетъ стояти противъ Бога да Великаго Новогорода?*

(189) Т. II, стр. 16.

(190) Т. III, стр. 179.

(191) Т. V, стр. 213.

(192) Т. IV, стр. 101.

(193) См. выше, примѣч. 49.

(194) Т. V, г. 1404.

(195) Новогородцы изъявили рѣдкую умѣренность, разбивъ войско Богоявленского и Михаило Тверского (Т. III и IV); приняли Князей Суздальскихъ, ослѣпленныхыхъ Всеволодомъ Великимъ (Т. III); Юрія Смоленскаго, Шемяку (Т. V), Гребенку Шуйскаго (см. выше) и проч.

(196) Сія *Исторія* представляетъ доказательства.

(197) См. въ Тацитѣ рѣчь Гальбы при усыновлении Оттона.

(198) Во многихъ сказано только: «поймаль Владыку въ крамолы... а казну его, множество золота и серебра и сосудовъ взяль на себя». Въ *Продолжении Нестора. Лѣт.*: «Не хотише бо той Владыка, чтобы Новгородъ былъ за Вел. К., но за Королемъ или за иныхъ Государемъ. «Кн. Вел. отъ половины волостей у Владыки, и про то Владыка нелюбие держаше». — Въ *Посланіи Рос. Митрополитовъ* (Синод. библіот. № 164, л. 191) есть *отписная* *Ѳеофилова грамота*, которою онъ откладывается отъ Архіепископіи, говоря: «Познаваю убожество своего ума и «великое смѣтеніе своего неразумія... и того ради язъ, смиренный Ѣѳофиль, Бога молю и челомъ бью господину своему и отцю, Геронтию «Митрополиту, и извѣщаю предъ своею братіею, предъ Архіеп. и Епископы, и пріимаю благословеніе и прощеніе о своемъ дерзновеніи и о «своей грубости и о недостатності своего ума, что Христова стада пасті не возможохъ: и того ради оставляю свою Архіепископію». Ѣѳофиль клянется провести остатокъ жизни въ смиреніи, не именоваться Архіепископомъ, благословлять Вел. Кн. и сына его, и внизу подпись грамоту собственноручно.

(199) «Положили (въ 1483 г. Іюля 17) жребій на престоль Елісея «Архимандрита Спасскаго, да Сергія Старца Троицкаго, да Генадія «Архим. Чудовскаго на Архіепископство въ Новгородъ... Сент. въ 4 «поставленъ Сергій, бывшій Протопопомъ Богословскій Симеонъ». Въ Архив. *Новогород. Лѣт.* Іеродіакона Геронтия, л. 163, находится слѣдующее: «И прилучися ему (Архіеп. Сергію или Симеону) ѿхати мимо монастырь Арханг. Михаила Скворотку. Сергій же снide съ коѣи и «шиде въ монастырь, и помолися... и пойде въ папертъ, и сказаша туто «гробъ строителя монастыря того, Архіеп. Моисея. Онъ же повелъ Священнику гробы вскрытии. Священникъ не смѣя, и рече: подобаетъ Святителю Святителя вскрывать. Архіеп. же рече съ гордости: *кого сего смердовича и смотрити!* и пойде изъ монастыря, и прїеде въ Новгородъ, и отъ того времени приде на него изумление: овогда видяху его «въ Софійской паперти сѣдяща въ одной рясѣ; иногда же въ полдни у «Святѣи безъ манатіи, и свезоша его къ Троицѣ въ Сергиевъ монастырь «въ свое постриженіе». Въ *Лѣтоп. Львова*, стр. 190: Не хотяху Новгородцы покоритися ему, что не по ихъ онъ мысли ходить, понеже «Вел. К. послалъ Боярина своего съ нимъ и Казначея и Дьяка: они же «отъяша у него умъ волшебствомъ и глаголаша: Иоаннъ Чудотворецъ, «что на бѣсѣ ѿздила, тотъ сотвори ему». Въ Синод. *Лѣт.* л. 217: «Въ *Новогород.* Владыкѣ Сергію начаша являемыя Святители Новогородстіи, овогда во сиѣ, овогда явѣ, обличающе безумное дръзгнутіе на «поставленіе, яко оставльшу Каноны, въ нихъ же глаголеть, яко живу «сущю Епіскопу и не иту, ни обличену ереſи, ни по правиломъ изъ «гнану, не подобаетъ иному на престоль его дръзати. И сія глаголюще, «въ недуги вложиша его... и невидимою силою порази его о землю, и «пребысть нѣсколько нѣмъ... и пострижесъ въ Скимъ въ монастыри на «Хутыни, и тамо его невидимо паче первого явленія умучи и виѣ мо-

«настыря изверже; и отъиха на Москву съ своими Дворяны Юл. 23». Геннадій поставленъ 9 Дек. 1484.

(200) *Лѣт. Львова* стр. 189. Новогородцевъ допрашивалъ въ Москвѣ на дворѣ Ивана Товаркова Подъячій Гречновикъ.

(201) Въ Розрядной Книгѣ Бекетова сказано: «Какъ Богъ поручилъ «Вел. Кн. Ивану Васильевичу подъ его державу В. Новгородъ, и по его «Государеву изволенію распущены изъ Княжескихъ дворовъ и изъ Боярскихъ служилые люди, и тутъ имъ имена, кто чей бывалъ, какъ ихъ «помѣстить Государевъ писецъ Дмитрій Китаевъ»:

1. «Янышевы, Борановы, Тыртовы, Постельниковы, Клементьевы, «Чепуповы, Печепѣтровы, Хомутовы: то Ивановскіе послужильцы Борисовича Тучкова восемь семей въ тѣ поры двора его испомѣщены».

2. «Сарыевы, Теткины, Зеленины, Берюлевы, Битюговы, Амбучевы: «то Князь Семена Ряполовскаго послужильцы шесть семей».

3. «Шедрюинины, Быковы, Ланкины, Пестриковы, Хомутовы, Печениговы, Нефедьевы, Щербинини, Редровы: то Васильевскіе послужильцы Тучкова 9 семей».

4. «Мустофины, Татьянини, Нестеровы, Нороватые, Нелединскіе: «тѣ Шереметевскіе послужильцы 5 семей».

5. «Шликовы, Обрамовы, Тарузыны, три семьи Шереметева двора».

6. «Быковы Васильевскіе послужильцы Кузьмина 1 семья».

7. «Базаровы, Авсіевы, Гулдовы, Назимовы: то Богдановскіе по- «служильцы Есипова 4 семьи».

8. «Бѣлосельскіе, Одинцовы, Рындины, Чернышевы, Саблуковы, Ко- «локольцовы, Савини, Мѣщениновы: тѣ Салтановскіе послужильцы Тра- «вица 8 семей».

9. «Муравьевы.—10. Некрасовы, Назимовы: тѣ Обрамовскіе по- «служильцы 2 семьи».

«И помѣщены по Государеву указу въ Вотцкой Пятинѣ».

(202) *Лѣт. Никон.* стр. 158.

(203) См. *Архив. Исков. Лѣт.* — Сей Лѣтописецъ такъ заключаетъ исторію Новагорода: «И посади Вел. Князь во градѣ четыре свои На- «мѣстники, два на Ярославли дворѣ, Князь Ивана Стригу да Брата его «Кн. Ярослава; а на Владычии сторонѣ Бояръ Василья Киталя да Ивана «Зеновьева, а дѣла судебнія и земскія правити, а Владыкъ опрочъ Свя- «тительскаго суда. Ни посадникомъ, ни Тысяцкимъ, ни всему Новуго- «роду не вступитиши ни вочто же: ни Вѣчу быти, ни пословъ слати «намъ къ нимъ, посольства правити со иныхъ земли къ Намѣстникомъ, а «не къ Владыкѣ, ни къ Новугороду... Сеже все бысть по строенію Во- «жю. Что ми о семъ промышляти много, или писанію предавати?... «Доздѣ вся скончашася о Великомъ Новогородѣ!»

(204) Первая родилась Апр. 18 въ 1474 году, вторая въ Маѣ 1475, третья (по кончинѣ первой) 9 Мая 1476.

(205) См. *Степен. Кн. II.* 137. Сие видѣніе было Софії за монаст. селомъ Клементьевымъ, когда она сходила въ долину къ Лаврѣ. Василій родился 25 марта и названъ именемъ Гавріила въ честь Архангела Благовѣстителя.

(206) Юрій или Георгій родился 23 марта 1480 года, Дмитрій 6 Окт. 1481, Феодосія въ 1485, Симеонт въ 1487, Андрей 4 Авг. 1490. Годъ рожденія Евдокіи не означенъ въ лѣтописяхъ.

(207) *Архив. Дѣла Крымскія* № 1, л. 34—39. Братья Менгли-Гиреевы пріѣхали въ Москву осенью въ 1479 году, когда Вел. К. находился въ Новогородскомъ походѣ. Въ лѣтописяхъ: «тое же весны Мер- «доулата Царевича, Мердоулата сына, зарѣзаль Татаринъ его, и тому «Татарину отецъ его голову отрѣзаль».

(208) Въ Казанск. Лѣт.: «Великій же Князь, пріемъ басму лица его (Царского), и пощевавъ на юю, излома», и проч. У пась несправедливо толковали, что басма есть Ханская грамота съ печатью: грамоты Хановъ назывались ярлыками, а печать нишаномъ. Басма собственнозначитъ тисненіе, изображеніе, снимокъ, отъ глагола басмакъ, такъ изъясняемаго въ Латин. словарѣ: *Basmak, calcare, premere, impressionem facere.*

(209) Синод. Лѣт. въ четвертку, № 365, л. 466.

(210) Контарини, стр. 45, пишеть: En ce tems l'Empereur des Tartares avoit la guerre avec son neveu, qui, parce que son pere avait tenu l'Empire, pretendoit le lui disputer.

(211) По тому что Иоанинъ не захотѣлъ бѣхать къ нему въ Орду.

(212) См. Лѣтоп. Львова, г. 1480, стр. 132.

(213) Синод. Исков. Лѣт. л. 211 на обор.: «Князь Андрей Гордий и Борисъ разгѣбашася на брата, на Вел. Кн.... и пондоша прочь; а «около ихъ Бояръ и людій, яко мнѣти ми, до 20,000, и сташа на Лукахъ «на Великихъ, а воности вси положиша пусты», и ироch.—О замышляемомъ ими бѣгствѣ Иоанинъ узналъ будучи въ Новѣгородѣ и спѣшилъ возвратиться передъ Вел. постомъ. Борисъ пріѣхалъ къ Андрею въ Угличъ на Масленицѣ, отпустивъ свое семейство во Ржеву, куда послѣ и самъ отправился съ братомъ. Иоанинъ присыпалъ къ нимъ во Ржову (или Ржевъ) Боярина Андрея Михайловича (см. Архив. Лѣт.).

(214) Синод. Лѣт. № 365, л. 466: «И Король порадовалъ тому»; однакожъ не хотѣлъ явно вступиться за нихъ: «послали къ Королю, «чтобы ихъ управилъ въ общадахъ съ Вел. Княземъ и помогаль, и Король имъ отмолвилъ» (См. Арахив. Лѣт.).

(215) Въ Архив. Лѣт.: «быши въ страſь велики.... все грады быши въ осадѣхъ, и по лѣсомъ бѣгающи, многие мерли».

(216) См. Лѣтоп. Львова, стр. 136.

(217) Вассіанъ єздилъ къ нимъ два раза: сперва въ Молвятыцы (въ области Новогородской), откуда они послали съ нимъ къ Иоанину Бояръ своихъ, двухъ Князей Оболенскихъ, требуя удовлетворенія. Сей Архиепископъ возвратился въ Москву на Страстной недѣль, и 27 Апр. опять поѣхалъ къ нимъ въ Великія Луки вмѣстѣ съ Дьякомъ ихъ матери.

(218) См. Казанск. Лѣт.

(219) Въ Синод. Лѣт. въ четв. № 365, л. 467, сказано, что вмѣстѣ съ Вассіаномъ былъ тамъ и Владыка Прохоръ Подольскій. Крутицкіе Епископы назывались прежде и Подольскими (см. ниже, примѣч. 326).

(220) См. Синод. Лѣт. въ четв. № 365, л. 468. Съ Софиею и съ казною Великоніяжескою поѣхали Василій Борисовичъ и Андрей Михайл. Плещеевъ.

(221) Въ Синод. Лѣт. № 365, л. 467 па об.: «Сила его ста по Оке и по Угрѣ на 60 верстахъ».

(222) Лѣт. Львова стр. 169.

(223) Лѣт. Львова стр. 169. Но въ семъ Лѣтописцѣ все перомѣшено.

(224) Мать его и Митрополитъ послыали своихъ Бояръ уговаривать Князей Андрея и Бориса; они усовоѣтились и присыали въ Москву своихъ чиновниковъ. См. Ростов. Лѣт.

(225) Лѣт. Львова стр. 170: «Дмитровцевъ же въ осаду въ Пере- «слаиль велѣть перепести Полуехту Бутурлину, да Ивану Кикѣ».

(226) Между Боровска, Медыни и М. Ярославца.

(227) См. Синод. Лѣт. № 365, л. 469.

(228) См. Лѣтоп. Арахив. и Львова.

(229) См. Синод: Лѣт. № 365, л. 469 на обор. Стриковскій пишеть, что Темирт., подкупленный Великимъ Княземъ, отель Ахмата отъ сраженія и зарѣзалъ сего Царя.

(230) См. Лѣтоп. Львова стр. 172.

(231) Въ Синод. Лит. № 365, л. 487, означенено внизу грамоты, что она писана на Дорономиловъ. См. Ростов. Архив. Лит. и Степен. Кн. II, 140. Я выписалъ здѣсь только сильнейшія мѣста сего Вассианова посланія, достойныя войти въ Исторію: то есть, сократилъ его безъ всякихъ прибавокъ или украшений.—Грамота Геронтиева къ Иоанну находится въ посланіи Рос. Митрополитовъ (въ Синод. Библіот. № 164, л. 254).

(232) Синод. Лит. № 365, л. 487.

(233) Въ Синод. Лит. № 365, л. 471: «Царь же хотя искрасти Вел. Князя подъ Опаковымъ Городищемъ, хотя прелѣсти Оку».—Въ Казан. Лит.: «И могу нарещи ту рѣку (Угру) поясь самая Пречист. Богородицы, аки твердь отъ поганыхъ защищающу Русскую землю».

(234) Въ Синод. Лит. № 365, л. 487 на обор.: «отступи со всею силою въ поля къ Боровецку, какъ моицо бой поставити противу Ахмата».

(235) Синод. Лит. № 365, л. 487—488.

(236) Синод. Лит. № 365, л. 488: «Прочь идуши, приходиши Царевъ сынь, Амуртоза, на Конинъ, да на Нюхово въ вечери; а Кн. Вел. отпустиль братио, К. Андрея, да К. Бориса, да К. Андрея меньшаго со множествомъ Воеводъ. Татарове же поищи тое поимаша человѣка и начаша мучити, а прашивая Кн. Великаго. Онъ же сказалъ, что Кн. Вел. близко и побѣже (Царевичъ) на ранней зори».

(237) См. въ Казан. Лит. главу X.

(238) См. Лит. Львова стр. 174 и 175.

(239) Степен. Кн. II, 150: «Отъ того времени уставиша праздникъ праздновати Пречист. Богородицы и хожденіе со кресты м. Юна въ «24 день». Не 24, а 23 Июня. Въ сей день бываетъ въ Москвѣ Крестный ходъ въ Срѣтенскій монастырь.

(240) См. Ростов. Никон. и Казан. Лит. гл. XI. Тамъ сказано, что Ахмата убилъ шуринъ его, Ногайскій Мурза Ямгурчей; но обстоятельства и вѣрище говорить о семъ Архангельскій Литописецъ, стр. 159: «Тое же зимы слышавъ Царь Ивакъ Шибанскій, что Царь Ахматъ идетъ съ «Руси, а воевалъ землю Литовскую, полону и богатства безчисленно, и приде Царь Ивакъ въ Нагай, а съ нимъ силы 1000 Казаковъ, и вземъ съ собою шурью свою изъ Нагай, Мусу Мырзу, да Ямгурчей Мырза, а съ ними силы 15,000 Казаковъ, и перевезеся Волгу на горную сторону, а уже осени, и пойде на персемъ на Ахмата, и перенять слѣдъ его за Дономъ и пойде послѣ Ахмата по вѣстемъ, и какъ Ахматъ раздѣлился съ своими Салтаны, на зимовище приде, и ста зимовать, расплодился; а Царь Ивакъ приде на него съ силою своею безъвестно съ Мырзами, Генв. въ 6 день (1481), на утрѣ изноровяся, а Царь Ахматъ еще спитъ, а Царь Ивакъ самъ вскочи въ бѣлу вежу Цареву Ахматову и суби его своими руками, а силы межи собою не бились, а Шибани съ «Нагай начаша Ахматову Орду грабити межъ Дономъ и Волгою, на Донцу на Маломъ близъ Азова; и стояль Царь Ивакъ 5 дней на Ахматовѣ Ордѣ и пойде прочь; а Ордобазарь съ собою поведе въ Тюмень пе грабя, а добра и скота и полона Литовского безчисленно поймалъ, и за Волгу перевелъ Того же лѣта Царь Ивакъ послаль Чюмгуря Князя къ Вел. Князю Ивану Васильевичу и къ сыну его съ радостию, что супостата твоего если убиль Царя Ахмата; и Кн. Вел. посла Ивакова чествовалъ си дарилъ, и отпусти ко Царю съ честію, а Царю Иваку тѣни по «слали».—Шибани и Ногай кочевали въ сосѣдствѣ, однакожъ раздѣлялись между собою; первые, кажется, такъ назывались отъ имени Шибана или Шейбани-Хана, Батыева брата, который господствовалъ въ Туранѣ или въ Сибири (См. Абульгази Hist. des Tat. стр. 483, и въ Бергеронѣ путешествие Каршина и Рубруквица). Въ другихъ лѣтописяхъ и въ сакахъ посольскихъ бумагахъ Шибанская Татары именуются обыкновенно

Ногаями. Дѣла Ногайскія въ Архивѣ начинаются съ 1489 года (см. ниже примѣч. 308). Въ семь году и съ 1491 былъ въ Москвѣ Иваковъ послы Чюнгурь; но о первомъ его посольствѣ въ 1481 году нѣтъ извѣстій въ Архивѣ. Ивакъ въ своихъ грамотахъ къ Вел. Кн. именуетъ себя Ибрагимомъ, сыномъ Шыбана Царя, бывшаго съ Россіею въ дружбѣ: «отецъ мой стонъ съ твоимъ юртомъ въ опришнице; и другъ и братъ былъ». (См. Дѣла Ногайск., л. 30).

(241) См. сей *Исторіи* Т. IV, примѣч. 74.

(242) *Больш. Чертежъ*, стр. 229: «отъ верху рѣки Бузувлука на поляхъ и до Синіго моря кочевье все Большихъ Нагаевъ». Сгр. 93: «отъ рѣки Кубы, отъ горъ къ Черному морю и къ Азовскому, и до верху рѣки Маначи все кочевье Малыхъ Нагаевъ, Казыева Улусу».

(243) См. въ Архивѣ *Дѣла Ногайскія*, л. 2 и 30. Ивакъ въ своей грамотѣ къ Вел. Кн., 1494 году, пишетъ: «Миѣ счастье даль Богъ: Ти-меръ-Кутлуева сына убивши, Саинской есми стуль взиль; да еще самъ съ братями и съ дѣтьми условившися, а Вел. Князя дѣтей на книжене учиниши: какого Вел. Князя? думаю, Ахмата, котораго онъ изъ презрѣнія не хочетъ называть Царемъ».

(244) См. *Лѣп. Архив.*, *Ростов.* и *Львова*. Въ семъ послѣднемъ, стр. 175, сказано: «да не похвалятся несмысленіи, въ своемъ безуміи «глаголюще: мы своимъ оружіемъ избавихомъ Русскую землю!... Богъ спас», и проч.

(245) Вассіанъ преставился въ 1481 году, марта 23.

(246) Андрей скончался 10 Июля 1481.

(247) *Рос. Виатію*. II, 146, или *Собр. Г. Г.*

(248) *Рос. Виатію*. II, 102—146. Въ Синод. Лѣт. № 365, л. 488 на обор. сказано, что Вел. Кн. даль тогда и вѣрпому своему брату, Андрею Меньшему, городъ Серпуховъ съ волостями.

(249) Весною въ 1480 году.

(250) Андрей пишетъ: «въ выходъ миѣ давати въ 1000 рублевъ 100 рублевъ и 30 алтынъ и 3 денги... а съ Романова городка давати «Тагарщину къ Ярославль по старинѣ». Борисъ даваль на тысячу 60 рублей (см. *Виатію*. II, 106, 124).

(251) Дѣла Крымскія № 1, стр. 60. Скряба поѣхалъ изъ Москвы 26 Апр. 1481. Иоаннъ уже зналъ о смерти Ахматовой, ибо говорить въ наставлѣніи послу: «ко миѣ вѣсть пришла, что Ахмата Царя въ животѣ «не стало».

(252) Въ Архивѣ *Псково. Лѣт.*: «А какъ Кн. Вел. стоять подъ Но- вымгородомъ, въ тоежъ времѧ воеваша Вел. Князя Воеводы и по За- волочью и по западной сторонѣ и за Яму за городокъ и до моря въ «Нѣмецкую землю ходиша, и Нѣмецъ побиша Ругодивцовъ, иныхъ изсѣкоша, а иныхъ съ собою приведоша, и много Чуди и добытка». Весною Магистръ захватилъ многихъ купцевъ Псковскихъ, и хотя скоро выпустилъ, но удержалъ ихъ товары въ Ригѣ. Въ Сент. Псковичи воевали область Ливонскую, и заключили Нѣмецкихъ купцевъ, узнавъ, что въ Деритѣ заключены Псковские. «Въ лѣто 6988 (1479) прїѣхалъ Кн. Вел. въ Новгородъ Дек. 2... и Кн. Псковской Василий Васил. Шуйской и «Кн. Посадники Дек. 7 поѣхали къ Вел. Кн. и повезоша поминка 65 руб-левъ серебромъ... Дек. 30 прїѣхали послы отъ Вел. Кн. во Псковъ, и Генв. 6 на крестномъ цѣловании Местеровы люди да Арцыбискупли «Вышегородокъ взяли, да и стѣну сожгли, и церковь Бориса и Глѣба, а «мужей и женъ и дѣтокъ изсѣкли; а Нѣмецъ пало въ городкѣ 50, а ини «погорѣли... И срубышиася съ четырехъ сохъ конь, и прїѣхаша, а уже «Нѣмцы прочь побѣгоща... И послу Вел. Кн. помишка дали на Вѣчъ 20 рублевъ... Генв. 20 Нѣмцы прїеподнаша пощю ко Гдову и почаша

пушками шибать; а иная рать подъ Городкомъ. Псковичи же слаша къ Вел. Кн. въ Новгородъ силы просити, и Кн. Вел. присласть Воеводу Кн. Андрея Никитича Погти съ людми своими... и начаша совокупи- тися подъ Изборескъ... и пойде вся сила Псковская по Великому озеру къ Костру Нѣмецкому... и взяша, и много добра изъ него и пушекъ и зелей пущечныхъ; а Нѣмцы сами дашась руками, и жонокъ и робять 52; и Псковичи сожгли Костръ, да и поишли къ Юрьеву и стояли ту ноиць да день, а подъ Костромъ 3 дни, да побѣхали ко Пскову... и Вос- «вода Вел. Князя и его сила много добра повезоша на Москву и голо- «сами Чуди и Чудокъ множество... Февр. 25 пріѣха Местеръ съ Нѣмцы «со многимъ замышлениемъ къ Изборску и пожже волости». Въ Синод. Псков. Лѣт. л. 240: «И пойде къ г. Пскову и не дошедшее за 30 верстъ, «взъгнеша въ ноиць многи огни... и Князь и Посадники и вси Пско- «вичи всѣдше на кони ови въ доспѣхъ, а ипн нази, токмо въ кого «что угодилося, или копіе, или оружіе, или щитъ, ови на конехъ, ови «нѣши, и стяги поимавше, выйдоша и сташа въ Устьяхъ... и Нѣмцы «устрашишася, а Псковичи убоявшись, и не състушиша на бой. Токмо «сторожковый полкъ Нѣмецкій зашедъ нѣшоны Псковичи побиша 300 че- «ловѣкъ, а доспѣшна рать на конехъ того не видѣша, и стояша съ «пораны до вечера: а Князь Местеръ побѣже... и придоша (Нѣмцы) къ «Новому городку Кобылѣ Марта въ 4 день... и принесше подъ градъ «хвастіе съ смолою, зажгоша градъ, а людіе начаша чрезъ стѣну рѣя- «тись; они же поганы каменемъ побиша, а иныхъ сулинами... а Макарью «Посаднику и иныхъ живыхъ поимавше».

(253) Списокъ сего донесенія присланъ ко мнѣ изъ Кенигсбергскаго Архива, г. 1480, № 700. См. ниже, примѣч. 258.

(254) См. Ария Lieft. Chr. стр. 159.

(255) Архив. Псков. Лѣт.: «Авг. 18 прииде Местеръ со всею землею къ Изборску, хупучися на домъ Св. Николы... пушками шибающи во «градъ... и пойдоша Нѣмцы ко Пскову, а стояли подъ Изборскомъ 2 дни». Въ Синод. Псков. Лѣт. л. 212: «Тогда поганый взъярився и попухневъ «лицемъ, прииде ко Пскову, съкражеща своими многоядными зубы... а Псковичи Завеличье сами зажглаша, а по Великой рѣкѣ на Выбутѣ и «въ Устьяхъ заставы поставиша; а на четвертый день Юрьевцы въ «снскахъ пріѣхаша и привезоша множество ратнаго запаса и хлѣбовъ и «спива и вологи, акы на пиръ зовомъ... и напившися закляша Местору «посады зажесци, а Псковъ взяти, и собравше по Завеличию оставишася «древеса и накладоша 2 учаны и поляща хвастъ смолою, и хотѣша «Запсковіе заженци: бяше бо поисленъ вѣтъ отъ Завеличья на градъ. «И бяху Псковичи въ скорби... и мпози безумніи побѣгоща за рубежъ, «отъ нихъ же помяну Филипа Посадника Пукишова: поимаша его въ «града... а К. Василій повелѣ своимъ и кони сѣдлati и хотѣ бѣжати... «Явися тогда етеру мужю благовѣрній К. Довмонтъ, вели ему: одѣяніе «гроба моего вземи, и съ кресты около града традите трижды, и моли- «тесь, и не бойтесь. Онъ же, скоро отъ сна вставъ, взвѣсти Стефапу «Посаднику... И тако ноицю вземиши отъ гроба одѣяніе благовѣрнаго Кн., «обходиша и съ кресты около Крому... и поганіи, влѣзше въ снеки по сту- «человѣкъ али и болѣ, и попустиша ово стрѣлами, ово пушками, аки «дождемъ... и преплывши рѣку межу Св. Лазаря и Св. Спаса, въ лугу при- «ставиши, хотѣша на берегъ вылѣзти... И истопоша 50 Нѣмчиновъ», и проч.

(256) См. сіе письмо подъ № 701 между монми Кенигсбергскими бумагами. Магистръ говорить, что Псковитяне предлагали ему размѣнъ пленныхъ, человѣка на человѣка; хотѣли возвратить Нѣмцамъ разныя мѣста, и проч. Онъ долженъ быть, по словамъ его, отступить за недостаткомъ въ фуршѣ. См. Ария Lieft. Chr. 159.

(257) Въ Синод. *Псков. Лѣт.* л. 213 на обор.: «Сент. въ 3 день (1480) прѣхаша въ Псковъ братія Вел. К. и быша во Псковѣ 10 днєй... и рекоша: како намъ пойти съ вами въ иновѣрныхъ землю, а наши жены си дѣти и животы повержены въ чужой земли? Егда убо эдѣ изволите быти женамъ нашимъ, тогда ради есмо васъ боронити. И бѣху Псковичо въ сѣтованіи, не домышляющесь, что сътворити, боящесь Кн. Великого: понеже врага Царскаго аще хто хранить, супостати ему есть... и отрекоша имъ... Они же разгнѣвавшесь, поѣхаша изъ града... и стаща на Мелотовѣ, и распустиша по всѣмъ волостемъ люди свои: бяще бо людей около ихъ, миу, яко до 10,000, и повоеваша многое во- слостей аки невѣрніи, и дома Божія пограбиша и скоту многое посѣкоша, са жены и дѣвицы поскверниша и плѣнившіе многихъ сведоша; не оставши ни курти; токмо огнемъ не жгоща, ни оружіемъ не сконши... И Псковичи, многое бывше чоломъ, даша 200 рублей, а окозицы 15 рублей; и тако отъидаша въ Новгородскую съ многимъ вредомъ».

(258) См. между моими Кенигсбергскими бумагами № 702 письмо Магистра Ливонскаго къ Вел. Магистру Прусскому, въ коемъ онь жалуется, что Нѣмецкій Орденъ не даѣт никакой помощи Ливоніи. Приведемъ нѣкоторыя мѣста, гдѣ говорится о мнимыхъ, какъ надѣюсь, злодѣйствахъ Россіи: Sie obirczogen disse Lande Junckfrauwen und Frauen beschemten, ere Borste abesneten unnd den Mennem in de Munde stissen, den Mennem ere Gemechte berobten unnd den Weibesporssoen in de Munde hynglen, den Cristenen Nessen unnd Oren abesneten, Fynghen rederten, Hende unnd Fusse abehywen, schwanger Frouwen offisneten, de Frucht awsem Leibe nomen unnd spisseten, dy Dernen hefften au dy Boeme, dy Lewihe diunghen ere eydene Yngewethen awsem Leibe zu reissen. (Физически невозможно!) — и проч. Такіе ужасы обыкновенно разсказывали непріятели другъ о другъ, чтобы пугать взаимную ненависть между народами. Историкъ замѣчаетъ, но рѣдко вѣрить. Да же Магистръ пишетъ, что, кроме Москвитянъ, находилось въ Русскомъ войскѣ множество Татаръ, Сарацнъ, невѣрныхъ.

Въ Синод. *Псков. Лѣт.* л. 214 на обор.: «То же зимы послаша Псковичи къ Вел. Кн. бити чоломъ о помоши... Воеводы же прѣхаша во Псковъ Февр. въ 11 день... и плѣниша всю землю Нѣмецкую отъ Юрьева и до Риги; а Лотыгу и Чюхновъ овыхъ изсѣкоша, овыхъ пожгоша, а сущіи въ лѣсѣхъ отъ мрази измерзъше умроша; а інніи гладомъ: бѣ бо тогда мразы сильно велицы, и сиѣгъ человѣку въ назуху... А Нѣмецкая земля вся тогда бѣше не въ опасѣ... пива многи варяхи, се чаху на себѣ таковыя пагубы... и отмстиша Нѣмцомъ за свое и въ двадесятеро, али и болѣ, якоже и нѣцкіи рекоша: Псковъ стаѣ, не бывало тако». — Въ *Архив. Лѣт.* сказано, что Псковитяне прислали къ Вел. Кн. 50 Феллинскихъ колоколовъ.

(259) См. *Архив. Лѣт.* л. 130: «Взяша съ Вышегорода Веліяда таемъ 2000 рублей». Прежде сказано о Феллине: «разбивше стѣну, охабень Веліяда взяша». За Магистромъ гнались 50 верстъ.

(260) См. выше, примѣч. 258. Слова Магистровы: Pristero gegeiselt und darezu yns Fewr. geworffen.

(261) См. Кранца Wand., Кельха, Арита, Гадебуша.

(262) Такъ въ *Архив.* и *Никон.* *Лѣт.*; а въ *Псков.*: «Прѣхаша Нѣмци въ Новгородъ и добиша чоломъ Намѣстникомъ Князя Вел. и Посадникомъ Псковскими, и взяша миръ въ Данильеву грамоту» (то есть по договорной грамотѣ Даниила Холмскаго) «на десять лѣтъ... Тогожъ лѣта прѣхаша Нѣмци отъ Кн. Местера послове и просиша пуги къ Москвѣ и юдиша къ Вел. Кн., не вѣмы, чего дѣли, Авг. въ 18..

Того же лѣта пріѣхаша послы отъ Вел. Кн. и Ѳѣдиша къ Кн. Местеру въ Кесь, не въмы, о чемъ».

(263) Въ *Лит.* Львова, стр. 184: «Король прислалъ Богдана, прося «Новагорода Великаго и Лукъ Великихъ». О семъ посольствѣ упоминается въ дѣлахъ Крымскихъ 1482 года, № 1, стр. 79. Иоаннъ приказываетъ къ Менгли-Гирею: «Посыпалъ есмь къ Королю о любви и докончаныи, и Король ко мнѣ присыпалъ Богдана послѣ того, какъ есмь къ тебѣ отпустилъ пословъ, а любви и докончаныи Король со мною не хочетъ, а города мои и земли за собою держить, а того мнѣ не отдать». О другомъ Королевскомъ посольствѣ къ Вел. Кн. упоминается еще въ 1481 году (см. сія дѣла стр. 63).

(264) Въ *Архив.* *Лит.* г. 1482, л. 128 на обор.: «Бысть мятежъ въ «Литовской земли: восхотѣша вотчиши Ольшанской, да Олельковичъ, да К. «Ѳ. Бѣльской отъѣхати къ Вел. Кн. на Москву и отсѣсти Литовскіе земли «що Березыню, и дойде мысль ихъ до Короля: Король же Ольшанскаго и Олельковича сталь.» Въ Архив. *Кіев.* *Лит.* № 70: «Августа 30 (1481) «Казимиръ повелѣ стяти Кн. Михаила Олельковича и Кн. Ивана Юрьевича, а вина ихъ Богу единому свѣдущу, при Воеводѣ Віленскомъ «Пану Олехну Судимонтовичу».

(265) Кромерь стр. 427.—Кранцъ пишеть, что Литовскіе Князья по согласию съ Иоанномъ хотѣли умертвить Казимира (Wandal. стр. 304).

(266) Синод. *Псков.* *Лит.* л. 216 на обор.: «Тої же зимы (1484) Лит. Король Андрей (Казимиръ) заставу поставилъ въ Смоленскѣ 10,000 ратныхъ, боящесь Вел. Князя, и стояша осень и зиму и лѣто все. Тої же зимы послаша Псковичи къ Королю многихъ исправъ просити Посадника Василья и Андрея Рублова; они же наѣхаша Короля въ Городнѣ: «онъ же наскорѣ подаваше имъ исправу о всемъ съ кротостю, и много почестьовать и отдаривъ ихъ отпусти; и при послѣ нашемъ преставись у «него сны».

(267) Юрий былъ отправленъ изъ Москвы 15 Марта 1482, Кутузовъ 14 Мая (см. Крым. дѣла № 1, стр. 69—84).

(268) См. *Архив.* *Лит.* л. 131, *Никон.* стр 118 и *Синопсисъ.* Въ *Синод.* *Лит.* № 365 л. 489 на обор.: «Приде къ нему (Хотковичу) вѣсть за 4 «дни, что идетъ... онъ же осаду осади... изъ монастыря Печерского изыде «Игументъ со Старци во градъ, и казну и сосуды въ градъ же снесе. «Прииде Царь на Семенъ день въ 1 часъ дни и приступи ко граду и не «мало не побився зажже, и погорѣша людіе вси и казны, и мало изъ «града выбѣгоша, и тѣхъ поимаша, а посадъ пожгоша и ближній села... «и прочь пойде».

(269) Онъ посыпалъ къ Хану Князя Ив. Владимировича Лыкова и К. Вас. Ноздроватаго. Первый выѣхалъ изъ Москвы 9 Марта 1483, а второй 11 Марта 1484. Между тѣмъ и Крымскіе послы находились въ Москвѣ (см. Крым. дѣла № 1, стр. 84—100).

(270) Менгли-Гирей въ письмѣ къ Магмету-Амину отъ 10 Марта 1490 говоритъ: «Съ *Помаганскимъ* (Золотой Орды) Юргомъ, Султанъ Балязыть «межъ ихъ вступивши, въ сусѣдствѣ жили бы есте, молвилъ; и мы пакъ «старую недружбу съ сердца сложивши, па добрѣ есмѧ стояли; и въ то «время отъ Султана, Баектеемъ Князя зовуть, посольствомъ пріѣхаль. Седихматъ, Шигъ-Ахматъ Цари, Мангышъ Азика Князь въ головахъ отъ «всѣхъ Каракаевъ и отъ добрыхъ людей человѣкъ пріѣхаль и шерть и «правду учинили; и мы, ротѣ ихъ повѣривъ, улусы свои на цапни и на «жито распустили: а послы ихъ у насъ были передъ Крымомъ». Тутъ описывается нападеніе сыновей Ахматовыхъ. См. дѣла Крымск. и *Лит.* *Архив.* л. 133.

(271) Лѣтописецъ называетъ его Махмутомъ. «Отъ брага своего Муртозу, и посади на Царствѣ. Менгли-Гиреѣ же послы къ Турскому, и Турскої (Султанѣ) послы ему силу свою, да и къ Нагаемъ послалъ, велѣль имъ воевати Орду».

(272) См. Дѣла Крым. № 1, стр. 139.

(273) См. *Архив.*, *Никон.* Лѣт. и Дѣла Цесарскія № 1, л. 172—186. Матеей еще присыпалъ въ Москву Клиmenta и въ 1488 году Дѣка Ивана, того же, думаю, который былъ у настѣ въ 1482 году. Въ отвѣтѣ ему сказано: «Посоль Федоръ (Курицынъ) до насъ (Иоанна и сына его) дошелъ и грамоту Королеву утвержденную донесъ, и мы видѣвъ грамоту брата своего, тогда же съ Божію волею почали есмѧ дѣло дѣлать и настушили на своего на волчего недруга, на Казимира, и не въ одну сторону; а наперѣдъ того нашъ братъ Матеашъ Король присыпалъ къ намъ своего человѣка Клиmenta, потвержая, чтобы намъ съ Казимиромъ не мири-тись... что нашъ братъ Матеашъ съ Казимиромъ роскинуль, а на него готовъ, а Панове Ляцкіе, которые ему норовятъ, уже почали... И мы спосыпали (къ Матею) своего человѣка Федца... И братъ нашъ присыпалъ къ намъ тебя... и какъ межи настѣ съ нашимъ братомъ Матеашомъ записано, и мы на томъ твердо стоимъ... а ты намъ отъ Короля о томъ дѣлѣ никоторыхъ рѣчей не говориъ, а почина и наступа Королева не слышимъ никотораго».

(274) См. Дѣла Цесарскія № 1, л. 178—179.

(275) Тамъ же л. 184: «а поминокъ послалъ Кн. Вел. къ Матіашу соболь чернь, ноготки у него золотомъ окованы съ жемчуги, 20 жемчуговъ Новогородскихъ на всѣхъ ногахъ, а жемчуги не малы хороши и чисты; а то отъ Вел. Князя Угорскому Королю первой поминокъ».

(276) См. *Сей Исторій* Т. IV, стр. 300.

(277) См. *Сей Исторій* Т. IV, примѣч. 389.

(278) См. Дѣла Крым. № 1, л. 54—56. Въ наказѣ послу К. Ивану Звенцу 1480 года сказано: «Князь Великій велѣль тебѣ говорити; присыпалъ ко мнѣ Стефанъ Воевода Волошскій о дѣлѣ, и язъ къ нему присыпалъ своего человѣка молодого, и ты бы (Менгли-Гиреѣ) пожаловалъ меня дѣля велѣль до Стефана моего человѣка допровадити, а ко мнѣ Стеф. Воевода пошлетъ своего человѣка, и ты бы отпустилъ его ко мнѣ съ моимъ Бояриномъ... Князю Ивану Звенцу: отпустити къ Волошкому Княгинина Федкина человѣка не мотчай, а се говорити Федкину:

«Книжа Семенова Юрьевичъ Княгини Федка велѣла тебѣ (Стефану) говорити, что еси присыпалъ къ моему брату, ко Князю Михайлу Александровичу (Олельковичу) и къ моему сестричичу, ко Князю Ивану Юрьевичу; о томъ, что мнѣ бити челомъ Вел. Княгини Маріи, чтобы печаловалася сыну своему, Вел. Князю, чтобы Князь Вел. за своего сына твою дочку взяль... Князь Вел. хотеть... и приказали, чтобы еси съ тѣмъ дѣломъ присыпалъ своего человѣка доброго, и язъ тогда приказала къ своему брату ко Кн. Михайлу о томъ... и до сихъ мѣсть ты своего человѣка не присыпываль... а пынѣча Вел. Князя Бояринъ К. Звенецъ въ Ордѣ у Царя Менгли-Гирея, и ты бы своего человѣка присыпалъ къ Звенцу... и (онъ) вмѣстѣ съ Звенцомъ будеть у Вел. Князя».

(279) *Лѣтоп.* Львова стр. 185 и *Синод.* Лѣт. № 365, л. 490.

(280) Вѣнчаль Спасской Архимандритъ Елисей (см. тамъ же).

(281) Супруга его преставилась въ 1483 году.

(282) Синод. Псков. Лѣт. л. 219 на обор.: «и испроси (Михаилъ) у Короля за себе внуку».

(283) *Архив.* Лѣт. л. 132.

(284) *Рос. Визлію.* II, 202.

(285) *Лѣтоп.* Львова стр. 194 и *Архив.* Лѣт. л. 133.

(286) *Архив. Лит.* л. 144: «Того жь лѣта (1491) послалъ Кн. Вел. писать Тверскіе землї въ сохи Кн. Федора Олабыша, а въ Старицу Бориса Кутузова, а Зубцова да Опокъ Дмитр. Пѣшкова, а Клина Петра Лобана Заболоцкаго, а Холму и Новогородка Андрея Карамышева, а Кашина Василья Карамышева».

(287) 1488 году, Іюля 29, Вел. Кн. отправилъ къ Матею какого-то Штибора и Василья Карамышева съ письмомъ: «Божію милостію Государь всея Русіи, Вел. Кн. Иванъ Васильевичъ Володимерскій и Московскій, и Новгородскій, и Исконскій, и Тверскій, и Югорскій, и Вятскій, и Пермскій и иныхъ, възможному и честнѣшему Матеашу Божію милостью Угорскому и Чешскому и иныхъ земль Краю и Князю Авгштре, началь брату почтеному и другу милому здравіе». Слѣдуетъ повтореніе сказанного на словахъ послу Венгерскому, Дѣяку Ивану (см. выше, примѣч. 273): Вел. Кн. убѣждаетъ Матея быть ему вѣрнымъ союзникомъ противъ Казимира. См. дѣла Цесарскія, № 1, л. 179—186. Въ Наказѣ, данномъ Штибору, сказано: «А вспросять о томъ, которые города и волости Князь Великій поималъ у Казимира, ино сказать: Луцкой городъ (Великія Луки) да Ржевской и иные».—Штиборъ возвратился въ 1489, году, Апрѣля 9, съ письмомъ отъ Матея, въ коемъ сказано: «о здраліи твоемъ и честнѣшемъ животѣ, о любви и прѣрѣ радуемся. Добробытье. «миръ и единачество Кралевства и земль твоихъ ради слышимо, и о всѣхъ реченныхъ обрадовася сердце наше.. Егда будешъ готовъ на обещанія нашего недруга со всею мошью наступити и съ нимъ дѣло дѣлти, рано и вскорѣ намъ прикажи», и проч...

Со вторымъ Венгерскимъ посломъ Климентомъ прѣѣхалъ въ Москву Матфейко Ляхъ и Франциосъ Фрязинъ: Вел. Кн. не отпустилъ ихъ назадъ, сказавъ, что Матфейко, будучи Казимировымъ подданнымъ, можетъ сдѣлать намъ вредъ, а Франциосъ живеть въ Москвѣ у своего брата, у Фрязина, и занимается Государевымъ дѣломъ.

(288) *Лѣтоп. Львова* стр. 188: «Восхотѣ Кн. Вел. споху свою да дарити саженемъ первые своей Вел. Княгини Тверскіе.. Она же (Софія) не даде, понеже много истеряла казны Вел. Князя: давала бо брату, «иное же за своею племянницею въ приданые Князю Василью Верейскому. Кн. же Вел. посла и взя у него приданое все; еще же хотѣла «его и съ Княгинею поймать. Онъ же бѣжа въ Литву и со Княгинею. Кн. же Вел. послы за нимъ въ погоню К. Бориса Михайловича Турену-Оболенскаго и едва его не пойма».

(289) Димитрій родился Окт. 10, въ десятомъ часу дня.

(290) *Собр. Г. Г.* 290. Въ сей договорной грамотѣ сказано: «А съ сыномъ ти своимъ, со Кн. съ Васильемъ, не ссылатися никотою хитростью; а кого къ тебѣ пришель съ какими рѣчми, и то ти мнѣ сказать вправду, а того ти ко мнѣ прислати, ково къ тебѣ пришель». Писана 12 Дек. 1483.

(291) Въ *Архив. Лит.* 135: «Преставися К. Мих. Андр. Верейской въ Недѣлю 3 по Пасцѣ, и положиша его въ Пафнутьевъ монастырь, и на похоронахъ былъ у него К. Вел. Иванъ Ивановичъ».

(292) *Собр. Г. Г.* 299. Михаиль отказалъ монастырямъ и церквамъ нѣсколько волостей и знатныя суммы денегъ. «Даю брату своему, Кн. Ивану Юрьевичу, свои сельца... того дѣля, что даровъ его за мною много, да и душу мою поминаетъ... Да чтобы Господинъ мой, Кн. Вел., «пожаловалъ послѣ моего живота судовъ моихъ не посудилъ... А что «есмы даваль сыну своему, Кн. Василью, коли сынъ мой у меня былъ, «и снохѣ своей, Княг. Марѣ, а туть есмы списокъ велѣль подписать «Духовнику жь своему, Ивану Печатнику... Г. Кн. Вел. дастъ дочери «моей, Княгинѣ Настасіѣ, 300 рублей».

(293) Въ *Архан.* *Лѣт.* 140: «Того же лѣта (1463) Князи Ярослав-скіе соступилися вотчины своея Вел. Князю, печалованіемъ Алексея Полуехтовича, Дьяка Вел. Князя». Въ *Архив.* *Лѣт.*: «Тое же зими (г. 1474) продаша Вел. Князю Ростовскіе Князи отчину свою половину «Ростова... Князь же Вел. далъ матери своей».

(294) См. *Собр. Г. Г.* Въ начаѣ сей грамоты: «по благословѣнію Семёна, Владыки Рязанскаго и Муромскаго». Кн. Рязанскій Иванъ былъ женатъ на дочери К. Феодора Бабича, Агриппинѣ. На оборотѣ написано: «Списки... а самые грамоты съ печатями (посланы) къ Вел. Княгинѣ къ Рязанской, къ Огрофенѣ, съ ее человѣкомъ съ Медвѣдемъ».

(295) Царь Казанскій пришелъ на Масленицу и воевалъ до четвертой недѣли поста. Въ *Лѣт.* Львова, стр. 127: «Пріиде вѣсть ложная въ Казань, яко не взялъ Кн. Вел. Новагорода и побили его Новогородцы си самъ-четверть убѣжа ранень... потому пріиде правая вѣсть, и поста Царь Казанскій и велѣль скоро воемъ своимъ возвратиться: они же «бѣжаша; елико варяжу въ котлѣхъ ястру, все опрометаша». Въ *Архан.* *Лѣт.*: «И на устюю пошель былъ (Иbrahimъ): ино Молома рѣка была «водяна; не лѣзъ ити, и онъ шедъ день единъ, да воротился... а Устюжане въ осадѣ сидѣли и зиму всю».

(296) *Архив.* *Лѣт.* я. 107.

(297) Дѣла Крым. № 1, стр. 140. Нурсалтанъ вышла за Менгли-Гирея около 1485 года.

(298) *Лѣт.* Львова стр. 195 и 196: «Пріѣха Царевичъ Казанскаго Царя сынъ, Темиревъ внукъ (1485 году): еще бѣ малъ... Прислали Казанцы къ Вел. Кн., глаголюще: мы отпустили къ тебѣ Царевича для «того, что хотѣли извѣдать смыслу у другаго Царевича... а нынѣ оставший у насъ Царевичъ, меницинъ сынъ, почаль надѣ нами дѣлать «худо: зазвавъ насъ къ себѣ на обѣдь, и всѣхъ хотѣль перетерять: отъ «чего мы въ поле убѣжали, а онъ вѣхавъ въ градѣ и его укрѣпи, за «нами же въ поле вышелъ».

(299) Въ Розрядной Книгѣ Бекетова: Лѣта 6990 (1482), Іюля 16, «въ Нижн. Новѣгородѣ стояли Воеводы отъ Алегама Царя береч... и Кн. Вел. велѣль имъ говорить: послать есми въ Казань къ Царю Сѣвенца... и вы бы отобралися съ тѣми людми, которые въ легкихъ суть «дѣхъ... и промышляли моимъ дѣломъ». Въ *Русск. Лѣт.* Львова сказано, что Аристотель съ пушками былъ тогда въ Нижнемъ. Даѣшь въ Розрядной Книгѣ: «Посыпалъ Государь (въ 1485 г.) Воеводъ своихъ въ Казань, на Алегама, Царевича Магметъ-Аминя, да съ нимъ Кн. Василья Ивановича, да Юрья Захарьевича, да Кн. Семена Романовича Пророславскаго, да К. Ивана Ромадаповскаго; и братъ его Алегамъ пришедъ изъ Нагай по слову съ Казанцы... и они, шедъ на Казань, взяли съ «Магметъ-Аминомъ». Это несправедливо по лѣтописямъ: ходили, но не взяли. «Посыпалъ Государь (въ 1486 году) въ Казань къ Магметъ-Аминю Царю» (разѣ Алегаму?) «Князь Василья Ивановича Оболенскаго, да Кн. Василья Тулупова, да К. Тимоѳея Тростенскаго, да по Царевѣ сприсылкѣ, что хотѣль выдать братью свою къ Вел. Князю, и Князи Казанскіе воли ему не дали, хотѣли его самого убить Магметъ-Аминъ (Алегамъ) ушелъ къ Государевымъ Воеводамъ, и Князи Казанскіе добили ему чоломъ, и Магметъ-Аминъ (Алегамъ) пошелъ къ нимъ опять въ городъ на Царство. — Посыпалъ Государь (въ 1487 году) Воеводъ «своихъ (К. Данила Холмскаго и другихъ) и согналъ съ Казаніи Магметъ-Аминъ (Алегама). — Въ *Архан.* *Лѣт.*: «Воеводы Казань обсѣли, и Кн. Татарскій Алгазый со Царемъ въ городъ не полѣзъ, и зла много чинилъ, и сила Вел. Князя прогна его за Каму».

(300) См. Дѣла Ногайск. л. 4, гдѣ Вел. Кн. такъ отзыается о сверженномъ Казанскомъ Царь: «Алегамъ Царь быль съ нами въ правдѣ и «грамоты были межъ нась съ нимъ записаны... да на чёмъ намъ молвиль, въ томъ ни въ чёмъ не стояль, а намъ не правиль».

(301) Холмскій выступилъ изъ Москвы Апрѣля 11, а Магметь-Аминъ выѣхалъ Апр. 24 (см. *Archiv. Litt.* и Львова стр. 197).

(302) Съ 1487 года находимъ сей титулъ въ государственныхъ бумагахъ Иоанновыхъ (см. Дѣла Архивскія его времени).

(303) Дѣла Крым. № 1, стр. 147.

(304) Тамъ же, стр. 149.

(305) Въ Іюнѣ 1484 года быль посыланъ въ Тавриду Кости Севрюкъ, въ Іюлѣ 1485 Шемерденъ Умачевъ, въ Мартѣ 1486 Семенъ Борисовичъ, въ Іюнѣ тогожъ года вторично Шемерденъ Умачевъ, въ Авг. Татаринъ Резякъ, въ Мартѣ 1487 Татаринъ Белекъ Ардатовъ, въ Іюнѣ Грибецъ Ивановъ, въ Авг. вторично Белекъ Ардатовъ, въ Окт. 1488 Дмитрій Васильевичъ Шеинъ. См. Дѣла Крым. № 1, стр. 100—170.

(306) Вотъ подлинникъ (Дѣла Крым. № 1, стр. 163):

«Братъ мой Нурдовлатъ Царь! Дай Господи, твоє Оснодарство у «тоба было; дни бѣ твои впередъ были на многіе лѣта. Ближней еси «намъ братъ, святыи и милосердной и прямой вѣдомой еси промежъ «всѣхъ добре, правдою праведент, а величествомъ еси великъ, и ко «всѣмъ тицивецъ еси привѣтливъ, милосердой Государь ты; на семь свѣтѣ «Вѣрѣ еси пашой подпора, Бесерменомъ и Бесерменѣству нашему по- «мочь ты еси и Закону наказатель; милосердого Бога милостью истинной «еси прямой Осподарь. Ино, брате Нурдовлатъ Царь, велика бы и счи- «стна была твоя Держава до второго пришествія Магатметевы дѣля мо- «литвы и учениковъ его. А послѣ сего добра и похвалы свѣдомо бы «тобѣ то было, что изъ старины и до сѣхъ мѣсть съ вами мы одного «отца дѣти если были: правда такъ есть. Постѣ пакъ того прилучей «таковъ състался, предніе наши о кости, о лодыжномъ мозгу Юрта дѣля «своего разбранилися: да того дѣля промежъ ихъ много лиха и нелюбви «было; а опослѣ того опять то лихо отъ себя отложили, и кои потоки «кровью текли, тѣ опять межъ ихъ молокомъ протекли, а тотъ бранной «огонь любовною водою угасили; а съ вашимъ Юргомъ нашъ Юръ какъ «бы одинъ училъ, кой на Божей покой пошолъ, святой Ахматъ Царь, «и какъ ся ужъ есмы умирши, и тотъ бранной огонь опять зажегъ братъ «твой, Менгли-Гирей Царь, а право свое порушилъ, а намъ не по мѣрѣ «силу учинилъ бытъ; ино Соторитель всей вселеній, Господь Богъ, то «лиху на него оборотилъ. Сколько надъ нимъ дѣль състался, то тебѣ «свѣдомо. А нынѣца отецъ мой, Ахматъ Царь, милосердіе Божіе надъ «нимъ было: оиъ быть то намъ въ прокѣ учинилъ, а мы пакъ братъ «твои: ишако учинити, того у насъ на мысли нѣтъ; а кто будетъ лихъ, «тому противу Богъ самому отдасть. Намъ вѣрнымъ про твоє величество «своего брата, что ты живешь промежъ невѣрныхъ, не пригоже ся ви- «дить такъ. Сѣмъ случаемъ величеству твоему тяжелой поклонъ съ ле-г «кимъ поминкомъ, Шихбаглуомъ зовутъ слугу своего, послалъ есми. А «еще сесь Шихбаглу дойдеть до твоего величества, лицо увидить, и «что будуть у тебя твои тайные рѣчи, и ты тѣ рѣчи про свое величество «и здоровье съ Шихбаглуомъ ко мнѣ прикажи, нась себѣ въ любви «держа. Нѣчто изъ тое изъ поганые земли избытии захочешь мысль твою «будеть, ино язъ къ Ивану съ тѣмъ же Шихбаглуомъ о томъ же гра- «моту свою послать есми. Авосе пакъ нѣчто не всходещь, мысли твоей «не будетъ, и ты гдѣ ни будешь, тамъ бы еси здоровъ быть, а нась въ «братьствѣ не забывай. Молвивъ, грамоту послать есми; іѣта 891 писана».

(307) Дѣла Крым., № 1, стр. 179—181.

(308) Муромский Наместникъ, Кн. Федоръ Хованской, остановивъ сихъ пословъ въ своеемъ городѣ; писалъ къ Вел. Кн. въ Сент. 1489 года: «Холопъ твой, Государь, Федорецъ челомъ беть. Прѣхали, Государь, къ тебѣ послы изъ Ногайскія Орды... а всѣхъ ихъ, Государь, 22; а скаживають, Болгу возилися подъ Черемшаны... а провожали ихъ полемъ «до Суры до Папулы до Мордвина: а оттолѣ, скаживають, ѿхали на Князя «на Ромодана, да на Кирданону Морду, да на Саканы; а нынѣча, Государь, стоять за рѣкою противъ города, и язъ, Государь, на сю сторону ихъ возити не вѣль безъ твоего вѣдома; и ты, Государь, какъ укажешь? — И Кн. Вел. послалъ противъ Ногайского посла Юшка Подъячего, а вѣль ему давати послу кормъ на стану подва барана, а овчины «назадъ отдавать; а на кони, на которыхъ они ѿдуги, на десетеро лошадей четверть овса; а которые кони гонять на продажу, на тѣ по давати».

Сіи посольства отъ 1489 года идутъ до 1509 (см. Дѣла Ногайск.).

(309) Вел. Кн. пишеть къ Ямгурчею (Ног. Дѣла л. 34 на обор.). «ваші люди изъ Азорокани и сего лѣта нашихъ людей рыболовей на «Волзѣ побили и пограбили: ино приложе ли ся такъ дѣлаетъ?»

(310) Дѣла Ногайск., л. 13. Магметъ-Аминь пишеть: «Брату Великому Кн. чelомъ удара поклонъ... Прѣхавъ Федоръ Киселевъ, чего изъ «старины не бывало, лишнихъ пошлины съ Цевели Десятского Артака «съ дѣтми изымавъ взялъ да биль, силуо взялъ 3 кади меду, да конь, «да корову, да овцю, да 7 куницы, да 3 лисицы взялъ; да съ Багатыря «съ Десятского 3 кади меду, да бобръ, да 2 куницы, да 3 лисицы; да на «Алнышѣ на рѣкѣ съ Шиховыхъ дѣтей взялъ конь сивъ, да конь куръ, «да конь гибъ, да 700 бѣль, да два бобришка ярчики».

(311) Лѣт. Львова стр. 196, 197. Вятчане не только худо слушались Вел. Князя, но и грабили въ его владѣніяхъ. Въ Архан. Лѣт. стр. 142, г. 1466: «Вятчане ратью прошли мимо Устюга на Кокшенгу, «а сторожи не слыхали на городѣ, ашли по Сухонѣ вверхъ... а назадъ «шли Вагою внизъ, а по Двинѣ вверхъ до Устюга... и Наместникъ Василий Сабуровъ послалъ гонца къ Вел. Кн., и Кн. Великій вѣль Вятчане «переимати... и Сабуровъ доспѣль (ихъ) подъ городкомъ подъ Гледенемъ, «и Вятчане дали ему посудъ, и стоявъ 3 дни, къ Вяткѣ пошли». Стр. 162, «г. 1486: «Марта въ 18 Вятчане пришли ратью на Устюгъ... и стояли «подъ Осиновцомъ городкомъ день, и 3 волости разграбили; а Устюжане «въ погоню за ними ходили. Того же лѣта о Троицѣ дни двою Вятчане «приходили въ судѣхъ на Устюгъ подъ Осиновцомъ изгономъ, и стали «собѣдать, а Воевода Костя шолъ съ ними въ неволю, а въ ту пору сына «его Торопа Ивана Трица поималъ, и онъ захотѣлъ соку сосноваго, и «Костя съ нимъ пошолъ въ лѣсъ, вземъ топоръ, и съ сыномъ въ городъ «въ Осиновецъ утеклы, и Осиновляне на конехъ отпустили къ Москвѣ, «и Кн. Вел. ихъ пожаловалъ; а Вятчане хватились, оже Воеводы пѣть, «и возмаялись; начаша къ городу приступати, чаючи въ городѣ. Осиновляне же имъ правду сказаша... и они на ту ночь побѣгша къ Вяткѣ». Въ Посланіи РОС. Митропол., л. 65 и 68 (въ Синод. Библют. № 164) есть письмо Митрополита къ Вятчанамъ и къ ихъ Духовенству: первыхъ укоряетъ онъ непослушаніемъ Вел. Князю и разбоемъ, а Священниковъ именуетъ зловѣрными, ибо они не требовали постаповленія отъ Митрополитовъ, совокупили бракомъ родныхъ, дозволяли пятый, шестый и седьмый бракъ, и проч.

(312) Архан. Лѣт. 165: «Кн. Вел. послалъ К. Данила, да Григорыя «Поплева... а у Тверичъ Воевода Ондрей Коробовъ, да К. Осипъ Дорогобужской, а у Устюжанъ К. Ив. Ивановичъ Звенецъ, а у Двинянъ К. Иванъ Лыко, а у Вожанъ и у Каргапольцовъ Юрье Иван. Шостакъ; а Царь Казанской посла 700 Татаръ, а Воевода Уракъ Князъ; а Мо-

«сквичи иные шли коньми, а Устюжане и Бѣлоозерцы и Вологжане и «Вымичи и Сысоличи въ судѣхъ... Пришли Юля въ 24, а Московская «конная рать въ 30 день подъ Котельничъ, а Татарская Августа въ 2; «а стояли подъ Котельничемъ до 6 Авг.; а было силы 64,000... Пришли «къ Хлынову Авг. въ 16. Вятчане жъ затворишаась, а къ воеводамъ по- «слаша съ помпкии Иисупа Есипова сына Глазатово, и Воеводы дали «Вятчанамъ онаст; а назавтрее Вятчане люди большіе вышли бить человѣкъ «Воеводамъ... покоряемся на всей земли Великаго Князя, а дань даемъ «и службу служимъ. И Воеводы отвѣтчили: цѣлуйте за Вел. Кн., а измѣни- «никовъ выдайте головами: Ивана Оникієва, да Пахомья Лазарева, да «Палку Богодайцикова. И Вятчане рекли: дайте намъ сроку до завтра... «и думали 2 дни, да Воеводамъ отказали — и Воеводы вѣльми приступи- «готовити и примѣтъ къ городу всякою человѣку по беремени смолъ да «бересты, да на 50 человѣкъ по двѣ сажени плетени, и къ городу пле- «тены поставляли. Вятчане же добили человѣкъ... а Ивана Оникієва, да «Пахомью, да Палку вывели... и Воеводы поковавъ дали ихъ на руки «Устюжаномъ... А на Семенъ день всю Вятку розвели... а приставы у «нихъ были Кн. Иванъ Волкъ Ухтомской съ товарищи; и Кн. Великій «вѣльть Аникієва, Пахомья, да Палку кнутъемъ бити, да и повѣстити». См. еще Архив. Лѣт. и Лѣвова 202.

(313) См. сей Исторіи Т. III, въ концѣ княженія Боголюбскаго.

(314) См. Архив. Лѣт. л. 138 на обор.

(315) См. Архив. Лѣт. л. 138 на обор. и Никон. стр. 125.

(316) Онъ скончался 7 Марта въ 1490 году.

(317) Никон. Лѣт. стр. 125.

(318) Лѣт. Лѣвова стр. 185: «Врачи Нѣмчинъ Антонъ пріѣха (въ 1485 г.) къ Вел. Кн., его же въ велицѣ чести держаль Вел. Кн.; вра- «чева же К. Каракачу Царевича Данцирова, да умори его смертнымъ «зелемъ за посмѣхъ. Князь же Вел. выдалъ его сыну Каракачеву; онъ «же мучивъ его, хотѣ на окупъ дати. Князь же Вел. не повелъ... они «же сведши его на Москву рѣку подъ мостъ зимою и зарѣзали пожемъ «какъ овцу».

(319) См. о сей ереси книгу Св. Іосифа Волоцкаго въ Синод. библиотекѣ подъ N. 334, и Рес. Виатію. XIV, 128.

(320) Іосифъ: «и Кн. Вел. моловилъ: язъ-де вѣдаль ересь ихъ; да и «сказалъ ми, которую дръжалъ Олексій Протопопъ ересь, и которую «держалъ Федоръ Курицынъ; а Иванъ-де Максимовъ и сноху у мене «мою въ Жидовство свѣль». Новогородскій Архиеп. Геннадій въ письмѣ къ Митроп. Зосимѣ говорить: «Сталася та бѣда съ тѣхъ мѣстъ, какъ «Курицынъ изъ Угорскія земли пріѣхалъ; а отселъ еретици сбѣжали на «Москву... Протопопъ Алексій, да Истома, да Сверчекъ, да Попъ Де- «нісь приходили къ Курицыну, да иные еретици: да онъ-то у нихъ и «печальники» (заступники): см. Древ. Рес. Виатію. XIV, 285.

(321) Въ Лѣт. Лѣвова г. 1497, стр. 190: «Геронтій Митроп. хотѣль «составить Митрополію и сѣѣха на Симоново, и ризницу и посохъ взялъ, «понеже боленъ, и оздравѣ, и хотя опять на Митрополію: Кн. же Вели- «кій не восхотѣ того, и неволею оставилъ Митрополію; и послалъ къ нему «Паисію, и не може его ввести въ то: многажды убѣгаль изъ монастыря, «и имаша его, и тужиль много по Митрополіи. Кн. Вел. хотяше Паисію «на Митрополію: онъ же не хотяше: принуди бо его дотолѣ Князь Вел. «у Троицы въ Сергиевѣ Игумномъ быти и не може Черніцевъ превра- «стити на Божій путь... и хотѣша его убити; бяху бо тамо Бояре и Князи «постригшіяся, и не хотяху повиноватися, и оставилъ Игуменство и Ми- «трополію не восхотѣ. По Кузмо-Демьянѣ (г. 1488) возведе Кн. Вел. то- «гожъ Митрополита Геронтія на престолъ». Геронтій преставился 28 Мая

въ 1489 году. Къ сему Митрополиту въ Июнѣ 1480 писалъ Іерусал. Патриархъ Іоакимъ: «Григорій Русинъ дошель до насть, яко купецъ, и наше «смиреніе обрѣль въ Египтѣ... и молился намъ, дабы есмі дали свое «благословеніе къ твоему Святительству... и того ради посылаемъ благо-«словеніе», и проч. (см. *Виц. XIV*, 271). Зосима Соборомъ Святительскимъ избранъ 12 Сент., а поставленъ 26 вѣ. 1490.

(322) 17 Окт. 1490: см. *Архив. Лѣт.* л. 140 на обор.

(323) Тамъ же л. 141.

(324) Въ *Степен. Книгу* сказано, что пѣкоторыхъ сожгли; но это было уже послѣ вторичнаго суда въ 1503 году. Въ *Архив. Лѣт.* г. 1488, л. 136 на обор.: «были въ торгу Поповъ Новгородскихъ, что поругались «иконамъ піяни, а прислали ихъ Архиеп. Геннадій; и бывъ, отослали ихъ «опять ко Владыцѣ». Это было еще при Митроп. Геронтіи. Ересь уже и тогда открывалась, какъ видно изъ письма Геронтиева къ Геннадію, пачечатанному въ *Древ. Рос. Виц. XIV*, 235. «Писалъ еси къ намъ «(говорить онъ) къ Господину и къ сыну моему къ Вел. Кн., да и ко мнѣ, «что прозябають ереси въ Новгородѣ... да и списки на еретиковъ прис-«слали, какъ они хулили Христя, и ругались Свят. иконамъ, а вели-«чаютъ Жидовскую Гѣру—и мы то дѣло ст Госп. съ Вел. Кн. и со всѣми «православ. Соборомъ поразсудили, что въ твоемъ спискахъ писаны Попъ «Григорій Семеновской, да Попъ Герасимъ Никольской, да Поповъ «сынъ Григорьевъ Самеонко Діакъ... и Кн. Вел. велѣли тѣхъ трехъ «казнити градскою казнью, да казнивъ, послалъ ихъ къ тебѣ; и ты бъ «у себя въ своемъ Зборѣ тѣхъ обличивъ, да понакажи духовнѣ... а не «спокоятся, и ты ихъ пошли къ Намѣстникомъ Вел. Князя, и они ихъ «стамо велятъ казнити градскою казнью по Вел. Князя наказу, какъ «писано въ Царскѣхъ правилахъ, а Грида Діакъ не дошелъ еще по «правиломъ градскія казни, потому что на него одинъ свидѣтель Попъ «Наумъ... а которыхъ еси иныхъ писалъ, и ты бы того обыскивали... а «Кн. Вел. приказалъ съ тобою того дѣла обыскивать Намѣстникомъ «Якову да Юрю Захарьевичамъ... и которые дойдутъ духовныя казни, «и ты ихъ духовнѣ казни; а которые дойдутъ градскія казни, и то тѣхъ «Намѣстники казнятъ», и проч. Такъ называемыя Царскѣ правила или «законы Греческихъ Царей, взятые изъ Кормчей Книги, служили добавленіемъ къ *Судебнику* въ старыхъ спискахъ онаго: см. *Судебникъ* изданный Башиловымъ. Тамъ, стр. 43, имѣнно сказано, что свидѣтельство одного человѣка недостаточно для обвиненія; по тому и не лѣзъ было осудить Діака Гриду.—Вмѣстѣ съ Митрополитомъ писалъ, тогда къ Геннадію и Вел. Князю: сія грамота находится въ библіотекѣ Волоколам. монастыря, въ книжѣ подъ № 666, л. 167. Иоаннъ, говоря то же, прибавляетъ, что Намѣстники ошишутъ имѣніе осужденныхъ. Внизу подписано: «А Князь Великій и Митрополитъ писалъ съ Кривоборскимъ о ерети-«цѣхъ, въ лѣто 96 (1488) февр. 13».

Изъ Прибавлѣй въ концѣ VIII тома издан. 1819 года. Изъ одного Сборника (см. выше, прим. 35) выписано слѣдующее: «Генадій, «Архиеп. Вел. Новаграда и Пскова... Нифонту, Еписк. Сузdalскому... «Что есмі послалъ Государю В. К. грамоты, да и Митрополиту, да и «подлинникъ о Новгородскихъ еретикахъ, а Прохору Епископу Сарскому «о той же ереси, а тебя тогда на Москвѣ не было, и о семъ вѣспоми-«снаю, чтобы еси посмотрѣль въ Прохорову грамоту... Нынѣ, какъ про-«длилось то дѣло, обыскъ ему не крѣпокъ чинится... Уже нынѣ нару-«гаются Христіанству: взянутъ кресты на вороны и на вороны... воронъ «летаетъ, а крестъ на немъ взянъ древнѣ... а на воронѣ крестъ мѣ-«дянь; садятся на стервѣ и на калу... А здѣсь обрѣтохъ икону у Спаса «на Ильинѣ улицѣ. Преображеніе... стоить Василій Кисарійский, да у

«Спаса руку да погу отрѣзали; а на подписи написано: *обрѣзаніе Господа нашего Иисуса Христа*. Да привели ко мнѣ Пона да Діака, а они крестьянину дали крестъ тѣшникъ: древо плакунъ, да на крестѣ «вырѣзанъ соромъ... и Христіанинъ-дѣй съ тѣхъ мѣстъ (учаль) сохнути, «да немногого болѣть, да умерль. А Діакъ сказывается племенникъ Григорій «Ключу еретику, что въ подлиннике написанъ... И того только не упра- «вить Государь, ино будетъ послѣдняя лесть горше первыя... А тому бы «есте поѣтили, что ся они зовутъ Христіане: то они покрываютъ тѣла «свою ересь», и проч. «Противъ посланъ Нифонту, да Филоѳею Епи- «скопу Пермскому въ одни рѣчи о еретицѣхъ съ Семеномъ съ Зезеви- «томъ лѣта 96 (1488) Генваря». (Сообщено отъ Г. Стroeova).

(325) Сие письмо находится въ той же книгѣ Иосифа о ереси.

(326) Зосима удаленъ 17 Мая. См. въ *Вивлію*. XIV, 203, письмо Новгород. Архіеп. Геннадія къ Святителямъ Рос., гдѣ сказано: «Зосима «М. ради немоци оставилъ столь Руск. Митрополіи, и пришедъ въ Со- «борн. церковь, предъ всѣми Омофоръ свой на престолѣ положиль, сви- «дѣтеля на то Господа Бога нарипа, яко невозможно ему Святитель- «ская дѣйствовати, ни Митрополитомъ нарицатись». Въ ветхомъ *Синод.* Лит. № 365, л. 510: «Сент. въ 8 день (г. 1495) въ 4 часу дни паре- «ченъ бысть Митрополитомъ Игуменъ Симонъ. Кн. же Вел. со Влады- «ками и съ своими дѣтьми и со внукомъ и съ Бояры и съ Дьяки про- «водилъ нареченнаго Митр. съ своего Двора въ Соборную церковь, въ «Пречистую, и знаменовася у иконы и у гробовъ Святительскихъ... и «ставъ передъ Митрополитскимъ мѣстомъ, и сотворили Трепари и До- «стойно, и поведона его на Митрополич дворъ... Кн. Великий въ две- «рехъ западныхъ предать его Владыкамъ: они же его возведоша на его «дворъ въ полутѣ отъ сторожни и посадиша, и благословилиася отъ него «и прочь отъидаша; у Митрополита же тогда не обѣда ни одинъ Владыка, а обѣдали у него старцы Троицкые Сергіева монастыря, Сава. «Венчиминъ, Плещеевъ, Келарь Васильевъ Ковезинъ, Филиппъ Износокъ, «Фегиастъ Дубенскій, да его Бояре и Дѣти Бояръскіе. Того же мѣсяца «въ 20, въ Недѣлю, и поставленъ бысть; а на поставленіи его было Владыка Тихонъ Ростовскій, Нифонтъ Суздалскій, Семіонъ Рязанскій, Ав- «рамей Коломенскій, Силуанъ Подольскій и Крутицкой, Филоѳей Перм- «скій; и тогда обѣдаша у Митрополита всѣ Владыки; а ослѣ тогда во- «дили подъ Митрополитомъ Михаїло Руслака». См. еще *Никон. Архів.* Лит. л. 155.

(327) См. въ книгѣ Иосифа письмо его къ Государеву Духовнику, Архимандриту Андronикова монастыря, Митрофану, гдѣ сказано: «да по «та мѣста, господине, мнѣ Кн. Вел. велѣлъ престати говорить; и мнѣ, «господине, мнится, кое Государь нашъ блюдетъ грѣха казнити ерети- «ковъ», и проч.

(328) Въ лѣтописяхъ упоминается объ немъ въ 1496 году, а въ гра- «мотахъ Архивскихъ и послѣ (см. *Рос. Вивлію*. Т. II).

(329) Июля 4.

(330) См. *Рос. Вивлію*. II, 230.

(331) *Архів.* Лит. л. 136, г. 1488, и Львова стр. 198.

(332) *Архів.* Лит. л. 142. Магметъ-Аминъ также посыпалъ съ ними войско, предводительствующее Собашт-Уланомъ и Собурашт-Сентомъ. Сей походъ былъ въ Маѣ.

(333) *Архів.* Лит. 170. Андрей пришелъ къ Вел. Кн. въ ту гор- «ницу, которая называлася западио. «И Кн. Вел., посидѣвъ, выйде отъ «него въ и влѹшу... и сидѣль въ западио до вечерни, и послѣ (Вел. Кн.) «на Углече Поле К. Василья Косова, да брата его К. Ивана Мышынду, «К. Ивановыхъ дѣтей Юрьевича, да К. Петра Ушатова и Дѣтей Бояр-

«скіхъ по 500, и велѣль поймати дѣтей... и желѣза возложиша (на Андрея) «Сент. въ 22, и сторожевъ къ цѣлованію приведше».

(334) *Никон. Лѣт.* стр. 129.

(335) Ветхій Синод. *Лѣт.* № 365, л. 507: «а по Князя по Бориса «Вас. на Волокъ послать тогожъ часу Боярина своего Данила Иванова», и проч. Онъ пріѣхалъ въ Москву Окт. 7.—К. Андрей скончался Окт. 7, а Борисъ въ Маѣ 1494, въ своеемъ удѣлѣ; погребенъ въ Москов. Архангельскомъ Соборѣ Маѣ 29: тамъ лежицъ и Андрей.

(336) См. печатный *Лѣтописецъ*, служащій продолженіемъ Несторова, стр. 339.

(337) *Рос. Вивлію. II*, 286, 294.

(338) См. сей *Історію Т. III*, г. 1189.

(339) См. Дѣла Цесарскаго Двора № 1, л. 1 — 19. Начала нѣть. Первая страница содергитъ конецъ вѣроятной грамоты, данной Императоромъ Поппелю: «Николаа, слугу нашего милого, къ тебѣ посланного, «принялъ», и проч.—Поппель требовалъ, чтобы Государь бесѣдовалъ съ нимъ наединѣ, выславъ Боярь; но Великій Кн. не хотѣлъ того. Сей рыцарь ѿхалъ черезъ Псковъ и Новгородъ съ дружескими письмами Ливонскаго Магистра къ тамошнимъ Намѣстникамъ. Въ грамотѣ къ К. Псковскому, Константину Ярославичу, Магистръ подписался такъ: «Иванъ «брата Фридахъ (Freitag) Монастыря Св. Пречистые и Местерь Ли- «вонскій».

(340) Листъ 16: «А что еси намъ говорилъ о Королевствѣ, если намъ «любо отъ Цесаря хотѣти Краleмъ поставлену быти на своей землѣ изъ «начала отъ первыхъ своихъ прародителей; а поставленіе имѣмъ отъ «Бога, какъ наши прародители, такъ и мы; а просимъ Бога, чтобы памъ «даль Богъ и нашимъ дѣтемъ и до вѣка въ томъ быти, каки есмы нынѣ «Государи на своей землѣ; а поставленіа какъ есмы напередъ сего не «хотѣли ни отъ кого, такъ и нынѣ не хотимъ».

(341) «Лѣта 97 (1489) марта 22 послалъ Кн. Вел. къ Римскому Цесарю Фердинику и къ сыну его къ Максиміану, къ Бергонскому Князю, «посла своего, Юрия Грека; а съ нимъ послалъ Ивана Халипу, да Костю «Оксентіева, а въ Ругодивъ (Нарву) и въ Колывань (Гевель) съ нимъ «же посланъ съ грамотами о его проѣздѣ Кулпа Оксентіевъ... А сего «правити посольствомъ Юрию Трахониту. Первое поклонъ: Иоанинъ, Великій Государь всеа Руси, твоему Величеству велѣль поклонитися. А «опослѣ поклона о здоровіи вспросити: Государь всеа Руси твоей Свѣтлости велѣль здоровіе видѣти. А опослѣ за поминки поклонитися... Да «послѣ поминки подати: Государь всеа Руси твоей Свѣтлости поминается «10 соболей, да шуба горностайна, да шуба бѣлинна. А опослѣ подати «грамота; а се съ тое грамоты списокъ:

«Иоанинъ Божію милостью Великій Государь всеа Руси, Володимер- «скій и Московскій, и Новгородскій, и Псковскій, и Тферскій, и Югор- «скій, и Вятскій, и Пермскій, и иныхъ. Пишемъ твоему Величеству пріа- «тельски и ласковѣ, чтожъ пріѣхалъ донасъ посолъ твой, Николай Поп- «левъ, Рицеръ Двора вашего, и листъ намъ вѣроятій отъ твоей Высоты «подаль съ дары вашіе Свѣтлости, и говориль намъ, абы межи насъ было «пріятельство и любовь въ нашей съ тобою знамости; и мы для прія- «тельства дары ваши съ любовью принялі, а тые рѣчи отъ посла вашего «выслушали, и добрѣ тому сразуумѣли, и съ доброю волею и хотѣніемъ «для предияго пріятельства и любви послали есмы до вашіе Свѣтлости «посла нашего Георгія Трахонита Грека, вѣрнаго нашего, съ нашими «рѣчми, и что будеть тебѣ отъ нась говорити, твоя бы Свѣтлость ему «правѣ увѣриль; то есть наши рѣчи. А писаинъ на Москвѣ отъ създания «міру въ лѣто 6997. марта 22. А на подпись: Свѣтлѣшему и Наис-

снѣйшему Фердерику, Римскому Цесарю и Краю Ракусскому и иныхъ, приятелю нашему возлюбленному».

(342) *Память Юрію да Халепп.* Добывать имъ «мастеровъ, рудника... да другова, который умѣть отъ земли роздѣлiti золото и серебро... А рядити тѣхъ мастеровъ на наемъ, шоколику имъ найму на мѣсяцъ давати за все про все; а дано на тѣ мастераы Юрія, чѣмъ ихъ до Вел. Кн. провадити, 2 сорока соболей, на 3000 бѣлки; а что у того останется, и Юрію добывать мастера хитрого, который бы умѣть къ «городомъ» приступать, а другова, который бы умѣть изъ пушокъ стрѣлять; да каменщика хитрово, который бы умѣть болшіе ссуды дѣлать, «да и кубки да и чеканити и писати на ссудѣхъ; а рядити ихъ на наемъ «же; а не поѣдуть на наемъ, а похотятъ поѣхати на Вел. Князя жалованьї, и Юрію ихъ съ собою взяти; а не пойдутъ тѣ соболи и бѣлки «на мастераы ино то продати на золотыя на Венедитскіе или на Угорскіе, да золотые привезти къ Вел. Князю».

(343) Сie посольство, какъ замѣчаетъ Миллеръ, описано Леманомъ въ Сибирской Хроникѣ, кн. VII, гл. 120, стр. 999.

(344) Л. 31 на обор.: «И Юріи сказалъ, что ему огъ Цесаря и отъ «его сына, Максиміана Короля, честь была велика; а коли къ нимъ Юріи «прихаживаль, и они сами встрѣчали его, съступивъ съ своего мѣста «ступени 3 или 4, да руку подавали стоя; а коли Юріи въ первые былъ «у Максиміана, и онъ посадилъ его противъ себя на скамейкѣ близко; «а опослѣ того сажаль всегда подлѣ себя; а какъ поѣхаль отъ Максиміана къ Цесарю, Цесарь послалъ противъ его въ стрѣчу Бояръ своихъ «въ судиѣ моремъ врѣсть за 5 или за 6 отъ того города, гдѣ его паѣхаль». Сей городъ не наименованъ.

(245) Вѣроятно, тѣмъ самымъ котораго Леманъ (см. выше, примѣч. 343) называетъ Торномъ.

Л. 32 на обор.: «На Москвѣ Приставомъ вѣдѣть Кн. Вел. быти у посла Ивану Берсеню (Беклемишеву), и встрѣтить его за 10 верстъ отъ «Москвы у Кузмы-Демьянна на Хинскѣ на Гферской дорогѣ: а вѣдѣль «ему Кн. Вел. у себя быти Іюля 18; а посылаль по него на подворье «Окольничего К. Ивана Звенца, да Юрія Грека, и прїѣхали съ нимъ «вмѣстѣ на дворъ; и Кн. Вел. вѣдѣль его встрѣтити на своемъ дворѣ «коенцѣ лѣсници каменные Околничему Ивану Чеботу, да Дьяку єодору Курицыну, а передъ своими дверми передъ полатою передъ малою Боярину своему, Андрею Михайловичу Плещееву, да Одинцу Діаку. А какъ пришолъ къ Вел. К., и онъ отъ Короля Максиміана поклонъ пра-виль. Кн. Великій вставъ, да въспросиль о Королевѣ здоровіи, да и руку ему подалъ стоя, да вѣдѣль ему сѣсти на скамейкѣ противу себя «близко; да посидѣвъ мало, Юрій вставт, подалъ грамоту вѣрющую... «А се списоک:

«Максимилианъ Божію милостію Король Римскій, всегда Августъ, и Князь Авѣстрѣский, Кн. Бергоньскій, Лургинскій, Стырскій и Ка-рантийскій и иныхъ. Премоющійшему и начальнѣйшему дражайшему другу. Мы есмѧ нашему съвѣтнику и въ царьствѣ драгому и вѣрному Юрію Далатору нѣкія вещи съ твоимъ Навыштвомъ отъ наша страны «приказали говорити, якоже онъ отъ насъ наединѣ и по части есть изображенъ. Просимъ отъ твоего Навыштва, любообразно моляся, ономъ «угодно буди, предреченному нашему Совѣтнику нынѣ совершеншно, аще «бы какъ тѣлу нашему, възяти достойную вѣру, и въ семъ явить твоє дражайшество любезнѣйшее изволеніе. Данъ въ градѣ нашемъ Бебрѣ въ 17 день Февруарія, отъ Вѣлощенъя Хр. въ 1490, въ 5 лѣто госу-дарства нашего.—А на подпisi: *Съвѣтнѣйшему и всемочнѣйшему и на-*

«человеческому Ioanni, вседржавному Государю Русскому, нашему драгайшему другу. А опосль грамоты подаль отъ Короля поминокъ, бархатъ Венедитцкой темно синь гладокъ.—А того дни рѣчей Вел. Князю отъ Короля не говориль. А тогда были при немъ у Вел. Кн. дѣти его, К. Василей да К. Юрій; а поклона имъ отъ Максиміана не правиль; а руки ему подавали и о здоровъ его вспросили. А Бояре всѣ были у Вел. Князя. И ѿль того дни у Вел. Кн.».

(346) Дѣла Цесарскія № 1, л. 44 на обор.

(347) Сказано: «въ повалушъ въ середней».

(348) Л. 41: «Да тутожь на отпускѣ пожаловалъ К. Вел. Максиміанъ Королева посла, Юрия Делатора, учинилъ его Золотоносцемъ: дать ему чепъ золоту со крестомъ, да шубу отласъ съ золотомъ на горностаехъ, да остроги серебряны золочены».

(349) Л. 48: «Говорити Королю, чтобы велѣль писати грамоту свою докончальну Рускимъ писмо, будеть у него писецъ, Сербинъ или Словенинъ... а не будеть у Короля такова писца, ино по-Латынски писати или по-Нѣмецки, а будеть писать по Латынски или по Нѣмецки, ино выговарити уцѣлованы... зане же мы Латынскіе грамоты и Нѣмецкіе не знаемъ».

(350) Николай Поппель въ своей грамотѣ къ Вел. Князю изъявилъ большую досаду на Московскихъ Вельможъ, которые не хотѣли вѣрити его первому посольству и смыслись надѣть имъ. Дающе говорить онъ: «Язъ коли есмь былъ у Высокости твоей, слышелъ есми, иже манисто и ожерелье златые, которые принесъ мой слуга на продажу отъ купца изъ Ноберъка, Высокости твоей полюбилися: и язъ нынѣче тое манисто и ожерелье купивши, послаль къ твоей чисти и любви... да и 15 локотъ Московскихъ бархату на золотѣ; а сыну твоему первородному платно, черленой бархать на золотѣ съ подкладко синего чамлата... Святое Величество Цесарское про то ея на мене злобить, иже есмь не привель изъ твоей земли живыхъ звѣрей, иже словутъ по-Руски лоси, а по-Нѣмецки Элеутъ... Да пожаловалъ бы прислать одного Гогулитина, которые ёдитъ сырое мясо, и Цесарскому Величеству будеть вельми за честь; а естыли не лзя будеть послати одного Гогулитина, и ты бы сеси послать предреченные звѣрята лоси... а какъ будуть молоды; тѣмъ и лутчи, иже бы были смирны; а естыли будуть старые, ино имъ роги нити». Дающе Поппель говорить о своей болѣзни и надинсываетъ грамоту: «Свѣтѣйшему Князю и Господину Государю Ивану Васильевичу, Вел. Князю Московскому, Государю моему ласковому». Федоръ Курицынъ отвѣчать его слугѣ именемъ Вел. Князя: «Государь твой Николай писалъ къ Государю нашему не по-пригожу, какъ есть пищуть къ Великимъ Государемъ: ино намъ поминки его не надобѣ». См. л. 60—66.

(351) Л. 78. «И та грамота дана Дмитрю Володимерову «въ казну». То есть, они размѣнялись грамотами. Не знаю, сохранилась ли Иоаннова въ Императорскомъ Вѣнскомъ Архивѣ; но Максимилианова подлинная у насъ пропала: имѣемъ только списокъ.

(352) См. Далина Gesch. des R. Schw. II, 627.

(353) На примѣрь (л. 86): «Наѧсѣйшій и наꙗтѣлѣйшій Государь, единъ Царь всеа Руси». Съ Траханіотомъ послана была грамота къ Любекскому Бургомистру, въ коемъ Иоаннъ называетъ себя Царемъ: «Божію милостію Государь Царь всеа Руси». Такъ и во многихъ иныхъ бумагахъ.

(354) Дѣла Цесар. л. 82 — 93. Онъ былъ въ Москвѣ около пяти мѣсяцевъ. Максимилианъ прислать съ нимъ Вел. Князю поставить скарлату и дамашки.

(355) Л. 94.—Въ дарь Максимилиану была послана шуба соболья и горностаевая съ камкою.

(356) Л. 111: «а сказываютъ, Государь, что въ Финляндіи рожь добра: купятъ по сту золотыхъ ластъ».

(357) Л. 114 — 128.

(358) См. сей *Исторію Т. III*, примѣч. 88, и Т. IV, примѣч. 291.

(359) См. выше, стр. 96.

(360) Они выѣхали изъ Москвы Марта 26, нашли руду Авг. 8, а возвратились Окт. 20. Въ ветхомъ Синод. Лѣт. № 365, л. 508: «въ лѣто 6999, Марта въ 2» (не въ 1491, а въ 1492 году) «отпустилъ Кн. Вел. Мануила Иларіева сына, Грека, да съ чимъ своихъ дѣтей Боярскихъ, «Василья Болтина да Ивана Брюха Коробына, да Ондрюшку Петрова «съ мастера съ Фразы серебра дѣлати и мѣди на рѣцѣ на Цымль, а дѣловцовъ съ ними, кому руда копати, съ Устюга 60 человѣкъ, съ «Двины 100, съ Пинеги 80; а Пермичъ и Вымичъ и Вычегжанъ и Усольичъ 100: тѣмъ ужина провадити въ судѣхъ до мѣста, а не дѣлати».

(361) Упомянутый серебряный снимокъ, хранящійся въ Монетномъ Кабинетѣ Эрмитажа, сдѣланъ безъ сомнѣнія иноzemцемъ, который изобразилъ подпись такимъ образомъ: ИКОЙВЕЛ (вмѣсто Великой) ДРСОИГО (вмѣсто Государь или Государь, т. е. поставилъ заднѣ букву напередъ) ЗЕле (т. е. 7005 лѣто) створилъ единъ талеръ златъ и съмъ златъ и подарова Кнегини своеа Тодосіа. Св. Николай изображенъ въ Святитель скомъ облаченіи; правою рукою благословляетъ, а въ лѣвой держитъ книгу; на правой сторонѣ образъ Спасителя, на лѣвой Богоматерь.

(362) Дѣла Цесарскія № 1, л. 120—127. Снупесь отправился назадъ съ приставомъ и слѣдующею подорожною:

«Отъ Вел. Кн. И. Вас. вси Руси отъ Москвы по дорозѣ по на- «шимъ землямъ, по Московской и по Тферской, по ямомъ ямщикомъ до «Горжку, а въ Торжектъ Старостѣ, а отъ Торжку по Новогородцкой землѣ «по ямщикомъ до Новагорода, послалъ есми Сенку Зезевидова съ Нѣм- «чиномъ, и вы бы давали Сенкѣ по двѣ подводы по ямомъ, а Нѣмчину «по двѣ же отъ яму до яму, а корму на Нѣмчина на яму, гдѣ ему лу- «чится стати, куря да двѣ части говядины, да двѣ части свинины, да «соли и заспы (крупы) и сметаны, и масла, да 2 колача полуденежные «по сей моей грамотѣ. Лѣта 7001 Генваря».

(363) Сей *Исторію* Т. II, стр. 44.

(364) Т. IV: стр. 69.

(365) Т. IV, стр. 239.

(366) *Архив. Лѣт.* л. 150, 152. Датскій посолъ пріѣхалъ въ Іюлѣ. См. Далина II, 631, и Малета Hist. de Dan. г. 1493: первый называется его Рошильскимъ церковнымъ сановникомъ. Релевъ и Зайцевъ возвратились въ 1494 году: «они же привели Короля къ цѣлованью на докон- «чальныхъ грамотахъ, и грамоты розпиша, а съ ними пришелъ къ Вел. «Кн. посолъ отъ Дацк. Короля, именемъ Давыдъ, такожъ о братствѣ и «о любви».

(367) Въ *Архив. Лѣт.* л. 140: «Пріиде (28 Сент. 1490) посолъ изъ «Чаадай отъ Усеннъ-Султана, Урусъ богатырь о дружбѣ и о любви».

(368) См. Memor. Popul. IV, 258, и Voyage de Contarenі въ Вер- жеронѣ.

(369) См. сей *Исторію* Т. II, стр. 281, и Т. III, стр. 143.

(370) *Архив. Лѣт.* л. 144, на обор. Вотъ письмо Александрово къ Вел. Князю (см. *Посланіе Рос. Митрополитовъ* въ Синод. библіот. № 164, л. 180): «Великому Царю и Господарю, Вел. Князю, низкое члобитie. «Вѣдомо бы было, что изъ дальниe земли ближею мыслью менышій хо- «споль твої Александръ челомъ быво. Темнымъ еси свѣть зелено го неба, «звѣзда еси, Христіянская еси надежка, Вѣры нашіе крѣпости всесвѣт-

«лы Государь, всѣмъ еси Государемъ прибѣжши, всѣмъ еси Государемъ законы, бѣдныи еси подпора и Бесерменомъ еси надѣя, законной земли грозный Государь, всѣмъ еси Княземъ справедливая управа, всѣмъ Княземъ вышній Князь, земли еси тишина, обѣтникъ еси Николинъ. Добрыхъ Государей молитвою и счастіемъ мы еще здѣсе въ «Иверской землѣ въ здравіи живемъ. Аще бы про ваше здравіе слышали быхомъ, слава Богу. И еще свѣдомо буди, много Государю челомъ бьючи, Наримана Даміана ко твоему порогу послали есмѧ, Хоземарума, Шекенца въ товарищехъ съ ними же послали есмѧ вашего здравія отвѣдати. Посылка наша дай Богъ въ доброй часъ. Счастокъ дай Богъ всегда бы былъ. И холопству твоему недостойный Александръ. А писана лѣта 91 Генваря». Въ лѣтописахъ посолъ Иверскій названъ Муратомъ.

(371) Дѣла Крым., № 1, л. 115.

(372) Тамъ же, стр. 176.

(373) Тамъ же стр. 336 — 339. Начало: «Салтану, великому Царю. «Межи Бесерменскихъ Государей великой еси Государь надъ Турскими и надъ Азямскими Государи воленъ еси, Польской, (земной) и Морской Государь еси, Салтанъ Баазить», и проч.

(374) Тамъ же, стр. 196 и слѣд. Ромодановскій выѣхалъ изъ Москвы 28 Окт. Онъ возвратился 16 Ноября 1491 съ двумя послами Менгли-Гиреевыми, которыхъ Вел. К. не пустилъ въ Москву, для того, что дорогою умерло у нихъ нѣсколько слугъ отъ язвы. Они зимовали въ селѣ Волконѣ, куда былъ посланъ К. Василій Ноздроватой съ толмачами, которые говорили съ ними черезъ рѣку.

(375) Тамъ же, стр. 270, Лобановъ поѣхалъ 20 Марта.

(376) Въ образецъ слога приведемъ слѣдующее мѣсто грамоты Магметъ-Аминя къ Менгли-Гирею (Дѣла Крым. стр. 300): «Единъ Богъ! Въ большей бесѣдѣ вольному. Надъ храбрыми и надъ грамотники большої еси; надъ Вѣрою Осподарь еси; падъ Турскими и надъ Азямскими. «Осподаремъ воленъ еси, и силы отъ Бога въ прокѣ и имя великое до-стали еси; надъ недруги силенъ еси: надъ Бесермены въ Бесерменской Вѣрѣ святы еси; отъ лиха уймаешь; въ Вѣрѣ чистота еси; Божія за-стѣпнѣ еси; на земли чистъ еси; отъ воды и отъ земли създанъ еси; вся «соторвнаго Бога изволеніемъ чистъ еси; на сей земли все тво веленіе; «сего времени и сего свѣта Осподарь еси... Братъ мой, Менгли-Гирей Царь! Осподарства бы его свыше Богъ учинилъ. Величеству твоему отъ Магметъ-Амина, челомъ ударивъ, поклонъ». Освѣдомляясь о здоровьѣ Менгли-Гирея, онъ извѣщаєтъ его о частыхъ впаденіяхъ Князей Ногайскихъ въ Казанскую область, и проч. Въ нѣкоторыхъ лѣтописахъ сказано, что Вел. К. далъ Царевичу Ярошкину Звенигородъ ст. пошлиниами.

(377) К. Тимоѳей Владимировичъ Мосальскій, Смоленскій Окольничий былъ у насть въ началѣ Окт. 1487, вторично въ Мартѣ 1488, Плюсковъ въ исходѣ Декаб., К. Мосальскій въ третій разъ 23 Іюля 1489, Подстолій Степанъ Петрашковичъ Стромиловъ 29 Іюля 1490, Дворянинъ Василій Хребтовичъ 30 Нояб. 1491, Намѣстникъ Ушенскій Войтко Яновичъ Ключко 19 Марта. Отъ насть къ Казимиру ѿздили Михайло Клипикъ Яропкинъ 1 Генв. 1488, Боярскій сынъ К. Федортъ Ивановичъ Налецкій 9 Марта, Боярскій сынъ Василей Карамышевъ 29 Іюля, вторично Яропкинъ 20 Марта 1489, Дворянинъ Григорій Аѳапасьевъ Путятинъ 22 Дек., Боярскій Сыпъ Михайло Зворыкинъ 18 Февр. 1490, въ третій разъ Яропкинъ 7 Мая, Боярскій Сыпъ Иванъ Никитичъ Беклемишевъ 16 Мая 1492. См. Дѣла Польскаго Двора № 1, стр. 5 — 151.

(378) Дѣла Крым. № 1, 324. Заболоцкой поѣхалъ 30 Авг. 1492.

(379) Никон. Лѣт. 133.

(380) К. Оболенский піїшиль Мценского Воеводу, Бориса Семеновича Александрова. См. Дѣла Польск. Двора стр. 182 и слѣд.

(381) Намѣстникъ Полопкій, Янъ Юрьевичъ Забережской, послалъ прежде къ Новогородскому Воеводѣ, Якову Захарьевичу, своего писаря Лаврина въ Іюлѣ 1492, говорить о сватовствѣ. Воевода извѣстилъ о томъ Вел. Князя, который писалъ къ нему, чтобы онъ на вѣжливость отвѣчалъ вѣжливостію, но что нельзя думать о сватовствѣ до мира. Но ябрѣ 2 прислалъ Забережской грамоту къ К. Ивану Юрьевичу Патрекееву и писалъ такъ: «Коли есми быль отъ Государя нашего въ посольствѣ у Вел. К., и твоя милость велѣла мнѣ у себя хлѣба ясти, и размоваль твоя милости о згоду межи Государей, а межи словъ припомнануль еси житѣ Вел. Князя Василья Васильевича сть иашемъ Госуд. Витовтомъ... ино, Господине, и иныи похотимъ межи Осподарей на обѣ стороны добра... была бы воля его (Иоаннова) дати дочку свою за нашего Оснодаря; а мы здѣ съ дядями и братію нашою хотемъ въ томъ дѣлѣ постояти», и проч. См. Дѣла Польск. Двора стр. 173—180.

(382) Тамъ же, стр. 182 и слѣд.

(383) См. Архив. Лѣт. л. 146.—*Никон.* 134, и Лѣтова 219. Пѣїниковъ выведенъ 530. Войскомъ предводительствовали Ки. Рязанскій Феодоръ, Воспода брата его, Иоанна, Нико Измайлова, и Московскіе Полководцы, К. Михайло Ивановичъ Колышико и К. Александръ Васильевичъ Оболенский.

(384) Визыму взялъ К. Данило Васильевичъ Іщена. Одинъ изъ Князей Вяземскихъ, Михайло, былъ сосланъ на Двину, и тамъ умеръ въ оковахъ (см. Архив. Лѣт.).—Князь Михайло Романовичъ Мезецкой самъ привезъ въ Москву братьевъ своихъ, К. Семена и Петра.

(385) Въ Архив. Лѣт. л. 147 на обор.: «того же лѣта Авг. послалъ К. Вел. К. Дмитрія да К. Семена Воротынскихъ на городъ на Мосаскѣ; они же градъ взяша». Иоаннъ извѣстилъ Менгли-Гирея, что онъ завоевала, кроме упомянутыхъ городовъ, Лучинъ, Моцчинъ, Городечну, Дмитровъ, Залидовъ, Бѣлую, Осугу (см. Дѣла Крым. стр. 404, 427).

(386) См. Архив. Лѣт. л. 148, и *Никон.* 135. Лукомскаго сожгли въ Генв. 1493.

(387) Дѣла Крым. № 1, стр. 357—383.

(388) Тамъ же, стр. 406—414.

(389) Тамъ же, стр. 440 и слѣд.

(390) Посоль Мазовецкій пріѣхалъ въ Маѣ 1493, а К. Вел. отправилъ съ нимъ въ Мазовію 21 Мая Василья Асанчука Заболоцкаго и Василья Третьяка Даляматова (см. въ Архивѣ столицы Польскаго Двора г. 1498).

(391) Дѣла Крым. стр. 360.

(392) См. донесенія Заболоцкаго въ Дѣлахъ Крымскихъ.

(393) Загряскій поѣхалъ 5 Генв. 1493 (см. Дѣла Польск. Двора стр. 203) съ Третьякомъ, Михайловымъ сыномъ, прозвищемъ Сипія Губы.

(394) Послами были Андрей Олехновичъ, Намѣстникъ Переяславскій, и Войтико Яновичъ клочко. Пріѣхали 29 іюля 1493, а выѣхали 8 іюля. 16 Сент. Клочко возвратился въ Москву за опаснымъ листомъ или проѣзже грамотою для Великихъ Пословъ. Литовскіе Сенаторы писали къ К. Ивану Юрьевичу, чтобы онъ употребилъ стараніе для заключенія мира.

(395) Дѣла Польск. Двора № 1, стр. 247.

(396) Подлиннаго договора нѣть въ Архивѣ; остался только списокъ: сообщаемъ его здѣсь.

«По Божіей волѣ и по нашей любви, Мы Александръ Божію мілостію Вел. Князь Литовскій и Русскій и Жомонтскій и иныхъ, взяли «есмя любовь и пѣчиное докончанье съ своимъ братомъ и со тьстемъ съ

«Иоанномъ, Государемъ всеа Руси, и Вел. Княземъ Володимерскимъ, и
«Московскимъ, и Новогородскимъ, и Псковскимъ, и Тферскимъ, и Югор-
«скимъ, и Пермскимъ, и Болгарскимъ, и иныхъ. Жыти мнѣ съ нимъ въ
«любви по сей грамотѣ, а быти мнѣ съ нимъ вездѣ за-одинъ, и добра
«снѣ ему хотѣти и его землямъ вездѣ, гдѣ бы ни было; а ему мнѣ добра
«хотѣти и нацимъ землямъ вездѣ, гдѣбъ ни было; а кто будетъ мнѣ
«другъ, то и ему другъ; а кто мнѣ недругъ, то и ему недругъ: а кто
«будеть ему другъ, то и мнѣ другъ; кто будетъ ему недругъ, то и мнѣ
«недругъ. А быти ти, брате, на всякаго моего недруга со мною вездѣ за
«одинъ и на Татарь; а мнѣ на всякаго твоего недруга быти съ тобою
«вездѣ за-одинъ, и на Татарь. А пойдуть ли, брате, Татарое на напы
«Украйные мѣста и Князь нашимъ и Воеводамъ нашимъ Украинымъ,
«нашимъ людемъ, сослався да боронитися имъ съ одного. А гдѣ тебѣ,
«моему брату, будеть моя помочь надобѣ на всякаго твоего недруга, и
«на Татарь, и тебѣ ко мнѣ послать, и мнѣ тебѣ помочь дати; а такожъ
«коли твой помочь мнѣ будеть надобѣ, и мнѣ къ тебѣ послати, и тебѣ,
«моему брату, мнѣ помочь дати на всякаго моего недруга и на Татарь.
«А коли пришлешь ко мнѣ про помочь, а мнѣ къ тебѣ будеть въ ту
«пору помочи не лѣзѣ послати, ино то тебѣ отъ меня не въ измѣну; а
«также коли язъ къ тебѣ пошли про помочь, а тебѣ ко мнѣ будеть въ
«ту пору помочи нелзѧ послати, ино то мнѣ отъ тебя не въ измѣну. А
«въ вотчину памъ, брате, въ твою, во всѣ твои Великіе Княжества, и
«въ Новгородъ Великій и во Псковъ и во вся Новгородская и во Псков-
«ская мѣста не вступатися ничѣмъ, также во Тферь и во вся Тферскай
«мѣста не вступатися мнѣ ни чѣмъ, и блости и не обидѣти, ни подъ-
«искывать подъ тобою и подъ твоими дѣтми всее твоое отчина, Вели-
«кихъ Княжествъ; а рубежъ Новгородскимъ волостемъ. Лукамъ Вели-
«кимъ и Ржевѣ, и Холмскому погосту, и Велилѣп Лопастицамъ и Бунцу,
«и инымъ Волостемъ, всей землѣ Новгородской съ Литвою, и съ Поло-
«чины, и съ Видбилины, и съ Торопчаны, землѣ и водѣ по старому ру-
«бежу; а Пскову, отчинѣ твоей, рубежъ съ Литвою, землѣ и водѣ, по
«старому рубежу; также и Тфери, отчинѣ твоей, и всей Тферской землѣ
«рубежъ съ Литвою по старому рубежу; также и въ брата твоего, въ
«Княжу Борисову отчину, мнѣ, Великому Князю Александру, не всту-
«пятися, и во Ржеву съ волостми по озеро по Орлинце на полы, по
«Озеро по Плотинце, по Красной Борокѣ, по Боранью рѣчку на верхъ
«Бѣлѣйки, по Бѣлѣйкѣ на Поникль съ Поники на верхъ Сижки, съ Бе-
«резы на Мокъ, со Мху на верхъ Осуги.... А по которая мѣста вѣдали
«Волостели Осугу при Великомъ Князѣ Кестутѣ, и моимъ Волостелемъ
«потому же вѣдати; а тебѣ, Вел. Кн. Ивану, не вступатися.... Также
«мнѣ не вступатися въ вашу отчину въ городъ Вязму, и въ города и въ
«волости... ии Князей мнѣ Вяземскихъ къ себѣ не пріимати, также и
«Федора Блудова и Александрова Борисова сына Хлещенского, и Княжа
«Романова Фоминского, и ихъ браты и братаничевъ, и Юрьева доля
«Ромейковича, и Княжа Феодорова мѣста Святославича, тѣи вотчины всѣ
«твои, Великого Князя Ивановы и твоихъ дѣтей. Такоже мнѣ не всту-
«пятися у васъ въ Олексинѣ и въ Тѣшыловѣ, и въ Рославль, и въ Ви-
«невъ, и во Мстиславль, и въ Торусу, и въ Оболенскъ.... де и въ Ко-
«зельскъ, и въ Людимескъ, и въ Серенескъ, и во всѣ наши Украиные
«мѣста.... А Князи Новосилаские, Одоевские и Воротынские, и Переяшиль-
«ские, и Бѣлевские всѣ твои Великого Князя Ивановы и твоихъ дѣтей
«и съ своими отчинами къ вашему Великому Княжеству.... а мнѣ не
«пріимати ихъ съ ихъ отчинами. Также ми и вѣ Мещеру, въ вотчину
«твою, не вступатися и не пріимати ихъ; а тебѣ, Вел. Кн. Ивану, въ
«вотчину мою, во всѣ мои Великіе Княжества, не вступатися, ни въ Смо-

«ленскъ и во вся Смоленская мѣста, ни въ Любутескъ, ни во Мченескъ, ни во Брянскъ, ни въ Серпъбескъ, ни въ Лучинъ, ни въ Мосалескъ, ни въ Дмитровъ, ни въ Жулинъ, ни въ Лычино; также и въ Залидовъ, и въ Бышковичи, и въ Опаковъ по Угру, ни во вся мои Украиные мѣста, и что къ нимъ потягло, не вступатися ничѣмъ и блюсти и не обидѣти... «А Мѣзецкіе Князи, К. Михайло Романовичъ и Княжы Ивановы дѣти Феодоровича Говдыревъсково, Кн. Василей и Кн. Феодоръ, служать тебе Вел. Кн. Ивану и твоимъ дѣтимъ, и съ своими отчинами, что ихъ «должны въ городѣ въ Мѣзецку и въ волостехъ: а мнѣ, Вел. Кн. Александру, ихъ не обидѣти и не пріимати ихъ и съ ихъ отчинами: а что «служить мнѣ Мѣзецкіе Князи, К. Федоръ Сухой, да К. Василей. К. Феодоровы дѣти Андреевича, и тѣ Князи въ Мѣзецку вѣдають свои отчины, «должны свои; а тебѣ ихъ не пріимати съ ихъ отчинами: а что у теби «въ пятствѣ Мѣзецкіе Князи, К. Семенъ Романовичъ и К. Петръ Феодоровичъ, и тебѣ тѣхъ Князей отпустити въ Мѣзельскъ на ихъ отчину, «и они кому хотятъ, тому служать и съ своими вотчинами.... и учнуть «служити мнѣ, ино ихъ тебѣ и твоимъ дѣтимъ не пріимати и съ ихъ «вотчинами; а учнуть служити тебѣ и твоимъ дѣтимъ, ино ихъ мнѣ не пріимати. А Кн. Вел. Иванъ Васильевичъ Рязаньской и братъ его К. Феодоръ и съ своими дѣтими и съ свою землю въ твоей сторонѣ въ «Великого Князя въ Ивановѣ; а мнѣ, Вел. К. Александру, ихъ не обидѣти, ни въ землю ми въ ихъ не вступатися, и въ чемъ мнѣ Кн. Вел. Иванъ Рязаньской и братъ его К. Феодоръ съгрубять, и мнѣ о томъ «прислати къ тебѣ Вел. К. Ивану, и тебѣ то мнѣ направити. А которые «Князи служуть мнѣ, Вел. К. Александру, съ своихъ вотчинъ, и тебѣ и твоимъ дѣтимъ ихъ блюсти и не обидѣти; а которые Князи служать «тебѣ и твоимъ дѣтимъ съ своихъ отчинъ, и мнѣ ихъ блюсти, а не обидѣти; а которой иметь обидѣти Князей Служебныхъ своего брата, и «намъ о томъ сослать судей, и они тому учинять исправу безъ перевода; а Князей намъ Служебныхъ по та мѣста па обѣ стороны съ вотчинами не пріимати. А что у меня Вел. Кн. Александра вашихъ израицѣ дѣти, Княжы Ивановы дѣти Можайсково и Княжы Ивановы дѣти Шемякина и К. Ивана Ярославича, также и К. Михайло Борисовичи. «Тоерский, и К. Михайловъ сынъ Андреевича, К. Василей. и мнѣ на «ваше лихо ихъ не отпращати никудѣ; а пойдутъ отъ меня прочь изъ «земли, и мнѣ ихъ опять не пріимати, а быти ми съ тобою, съ своимъ «братьемъ, и съ твоими дѣтими на нихъ вездѣ за-одинъ. А о земляхъ и «о водахъ и о всѣхъ обитыхъ дѣтѣхъ на обѣ стороны межы нась судъ «вопечь впередъ отъ сего нашего докончанья; а судьямъ нашымъ судити цѣловавъ крестъ. А что учнится въ нашей любви межы нашими «людьми и вашими, ино тому всему судъ: Волостели наши съѣхався да «учинить тому исправу безъ перевода; а про то намъ нелюбя не дергати, а суженого не посужати; а суженое, заемное, положеное, порученное дати; а холопа робу, должника, поручника, тата, разбойника, бѣглца, рубежника по исправѣ выдати. А посломъ нашимъ по нашимъ землямъ на обѣ стороны путь часть безъ всякихъ заѣлокъ; а гостемъ снашымъ по нашимъ землямъ на обѣ стороны ёздити безъ рубежа и безъ всякие пакости; а твоимъ гостемъ Ноугородцомъ изо всей Новогородскіе земли въ моихъ земляхъ, во всей моей отчинѣ, торговати «безъ пакости; также и моимъ гостемъ изо всей моей отчинѣ въ Новгородѣ Великомъ торговати съ Новогородци безъ пакости; а Псковскому «послу и гостю изо всей твоей отчины изо Псковскіе земли путь чистъ «во вся мои земли, въ мою отчину; а гостю Псковскому торговати во «всѣхъ моихъ земляхъ въ моей отчинѣ безъ пакости по старой пошлине «ко всякимъ гостемъ: также изъ моихъ земель въ твою отчину во Псковѣ.

«послу и гостю путь чистъ во Псковскую землю изо всей моей отчины, а гостю торговати во Псковѣ безъ пакости по старой пошлини со вся-
кимъ гостемъ; а судъ съ моими землями отчинѣ твоей Пскову на обѣ
стороны держати по старинѣ. Также моимъ гостемъ изо всѣхъ моихъ
земель торговати въ твоей отчинѣ во Тферской земль безъ пакости; а
твоимъ гостемъ изъ твоей отчины изъ Тферскіе земли торговати во
всѣхъ моихъ земляхъ безъ пакости. А придетъ Божія воля къ тому,
дастъ ми Богъ дѣти, а менѣ Богъ возметъ съ сего свѣта, а ты останешъ
живъ, и тебѣ, братѣ, вочини моей подъ моими дѣтьми блести, а не
собидѣти, ни вступатися во всѣ наши Великіе Княжества, ни въ Смо-
ленскъ, ни во вся Смоленская мѣста, ни во вся наши Українныя мѣ-
ста не вступатися, ни подыскивати всѣхъ нашихъ Великихъ Княжествъ,
А придетъ Божія воля, возметъ Богъ тебя съ сего свѣта первіе, а язъ
остану живъ, и ми подъ твоими дѣтьми вашия отчины блести, а не
собидѣти, ни вступатися во всѣ ваши Великіе Княжества, и въ Новго-
родъ въ Великій, и во Псковъ, и во вся Ноугородская и во Псковская
мѣста, также и во Тферь и во вся Тферская мѣста и во всѣ ваши
Українныя мѣста не вступатися.... А на томъ на всемъ мы Александъ
Божію милостию Вел. К. Литовскій и Русскій и Жомонитскій и иныхъ
нѣловалъ есмь крестъ къ брату своему и ко тьстю ко Иоанну Государю
Всеса Руси и Вел. К. Володимерскому и Московскому, и Новогород-
скому, и Псковскому и Тферскому, и Югорскому, и Перымскому, и Бол-
гарскому, и иныхъ, по любви въ правду; а по сей намъ грамотѣ правити».

(397) «Даль имъ по шубѣ по собольей, отласы на нихъ золотомъ; да
по ковшу по серебряному по великому. А отъ Вел. Княгини по шубѣ
по горностайной по голой; а отъ Вел. Княжны по шубѣ по собольей
по голой».

(398) «Да приказалъ К. Вел. съ ними къ В. К. къ Олександру пок-
лонъ, а дѣти В. Князя и внуки человите; да были у В. Княгини, а
Княжна была тутъ же». Выѣхали Февр. 11, быдъ у Государя 11 разъ
на посольствѣ, да трижды у стола.

(399) Пріѣхавъ въ Вильну 18 Апр. на третій день ови поднесли
Александру обручальные дары.

(400) «Да молвите отъ насть брату, и зятю нашему, чтобы учинилъ
нась для, велиль бы нашей дочери, а своей Вел. Княгинѣ поставити
церковь нашего Греческаго Закона на переходѣ у своего двора у ее
хоромъ, чтобы ей близко къ церкви ходити, а его бы жалованье къ
нашней дочери намъ добро слышети» (стр. 254).

(401) Дѣла Польск. Двора стр. 390 и 434.

(402) Тамъ же, стр. 440. См. также *Ros. Виз. л.о.* Т. XIV, стр. 1—21.

(403) Вопреки нашимъ Каталогамъ Митрополитъ и Ходыкевичу, Симеону, Киевскому Митроп., преемникъ Мисасловъ, скончался въ 1488 году. Его мѣсто застуپилъ Іона Глезна. «Въ лѣто 7003 (1495) събрашась Епи-
скопи, Володимерскій Васынъ, Полоцкій Лука, Туровъскій Васынъ,
Луцкій Іона, и поставиша Митрополитомъ *Макарія* Архамандрита, по-
рекломъ Чортъ, Киеву и всеа Руси, а до Патріарха по благословеніс
«послаша Старца Деонисея и Германа Діакона Икона» (см. Архив.
Кіев. Лѣш. № 70).

(404) Дѣла Польск. Двора стр. 330. Съ сими жалобами пріѣзжали
отъ Александра въ Москву, 13 Авг. 1494, Маршалокъ Янъ Литоворъ,
Хребтовичъ, да Писарь Адамъ.

(405) Дѣла Польск. Двора стр. 449—473. Станиславъ Петришковичъ,
внукъ Стромиловъ, пріѣхалъ въ Москву 15 Mai, а выѣхалъ 24.

(406) Дѣла Польск. Двора стр. 473—482.

(407) Тамъ же стр. 482—486.

(408) Въ Ноябрѣ 149 Ioannis посыпалъ Константина Малечкина къ Менгли-Гирею съ убѣжденіемъ не принимать никакихъ мирныхъ условій отъ Литвы, а въ Маѣ 1495 извѣстилъ его о союзѣ съ Александромъ. Отвѣтъ Менгли-Гиреевъ см. въ Крым. Дѣлахъ стр. 463.

(409) Дѣла Польск. Двора № 1, 496—522.

(410) См. выше, стр. 234.

(411) Дѣла Польск. Двора № 1, г. 1496, стр. 529—539.

(412) Тамъ же, стр. 539—554. Тогда Ioannis посыпалъ въ Вильпу Михайла Кляпика Ярошкина съ Подъячимъ Тимоѳеемъ Микузинимъ (19 Мая 1496).

(413) Тамъ же, стр. 552.

(414) Тамъ же, стр. 555—558. Съ сею грамотою пріѣхалъ (въ Ноябрѣ 1496) въ Москву Алексѣй Семичовъ, Дворянинъ находившійся при В. Княгинѣ Еленѣ.

(415) Дѣла Крым. № 1, стр. 477—496. Звенецъ поѣхалъ 11 Сент. 1496.

(416) См. Никон. Лѣт. 132, и между моими Кенигсбергскими бумагами отношенія Ливонского Магистра 1492 и 1493 годовъ къ Нѣмецкому Ордену, № 728 и 729. О продолженіи перемирия сказано: denn sie (Ливонские Рыцари) iczt mit den von Muschcow uff x lar sich gefriedet und mit dem Grossfuersten uss Littawen den ewigen Frieden besworn und vernewet haben.

(417) In horrendo flagiti (См. Кранц. Wandal. стр. 327).

(418) Никон. Лѣт. стр. 141. Дѣла Польск. Двора № 1, стр. 564: «и въ тѣхъ городѣхъ Нѣмцы черезъ крестное цѣлованье и черезъ персмирные грамоты нашымъ людемъ много лиха и убытковъ починили».

(419) Кельхъ стр. 153.

(420) Гадебушъ Тв. I Abschn. II, стр. 247. Вел. К. посыпалъ въ Новгородъ Дьяка Василья Жука и Даниила Мамырева, чтобы опечатать товары Ганзейскихъ купцевъ (см. Продолженіе Нестор. Лѣт. 336).

(421) Дѣла Цесарскія № 1, л. 106: «Память Юрию (Траханіоту) и «Михайлу». Били ему (Вел. Князю) чоломъ Ноугородскіи купци, а скаживаются, что приходитъ въ Новгородъ соль медь отъ Нѣмецъ неполно, «того дѣля, что въ Новѣгородѣ въсю нѣть. Въ ласту приходить 90 пудовъ «Московскихъ, а въ иномъ менши; а напередъ того въ ласту приходило по 100 пудовъ и по 20. А медь приходить не полонъ же, бочка по 9 пудовъ... а напередъ того приходила бочка по 10 пудовъ.... Пошлиники Новгородскіе нынѣ вѣсчего на Нѣмцѣхъ не емлють: емлють на купцѣхъ, кто у нихъ купить; а Великого же Князя въ отчинѣ во Псковѣ «у Нѣмецъ соль и медь вѣсять и вѣсче на Нѣмцѣхъ емлють: ино лжи «нѣть отъ Нѣмецъ.... А Колыванцы и Ругодивцы сами у заморскихъ «купцовъ изъ кораблей соль и медь вѣсять, а Ноугородскими купцомъ у «себя продаютъ соль и медь, вѣсять же и вѣсче на нихъ емлють: и «они въ одномъ Новѣгородѣ хотятъ безъ вѣсу продавати».

(422) Въ Архив. Розради. Книгѣ л. 12 на обор.: «На зговорѣ съ «Нѣмцы Костянтина Григорьевъ сына Заболоцкой, да Михайло Кляповъ, да Дьяки Кулешинъ, да Волкъ Курицынъ, а съ ними дѣтей Боярскихъ и гостей 19 человѣкъ». Келеръ въ Ганзейской Хроникѣ пишетъ слѣдующее: «Послы съ обѣихъ сторонъ долго спорили о назначеніи мѣста для переговоровъ. Московскіе хотѣли, чтобы имъ выдали тѣхъ Нѣмцевъ, которые въ Ригѣ и въ Ревелѣ осудили пѣсколько Россіянъ на казнь; а Ганзейскіе требовали свободы четырехъ Нѣмецкихъ купцевъ, заключенныхыхъ въ Новѣгородѣ: ибо въ Ливонскихъ городахъ освободили всѣхъ Россійскихъ плѣнниковъ. Сие требованіе не было уважено. Тогда сказали Московскому посламъ, что, согласно съ ихъ желаніемъ, Россіямъ дозволяется имѣть церковь въ Дерптѣ и въ Ревелѣ: но они хо-

тѣли сице казни упомянутыхъ четырехъ купцовъ, по тому что имъ не выдаются судей Ревельскихъ и Рижскихъ. Между тѣмъ началась ссора «Великаго Князя съ женою и съ сыномъ: послы Московскіе уѣхали». Гадебушъ г. 1489, стр. 254.

(423) *Никон. Лѣт.* 142—Крапцъ. *Wandal.* 327—Кельхъ 153—Гадебушъ 250.

(424) См. Арина L. Chr. 158.

(425) См. Сарторія въ *Gesch. des Hans. Bund.*

(426) См. Далина *Gesch. des R. Schw.* II, 632.

(427) См. выше, примѣч. 366.

(428) См. Архив. *Ростов. Лѣт.* л. 572. «А въ Степени тогда былъ Посадникъ Яковъ Асанас. Брюхатой, да Василій Опимаховичъ, и учили сильно дѣляти надѣлъ Священники и лазили многажды на сѣни и въ Вѣчіи, и хотѣли Поповъ кнутомъ избезчествовати, Иоанна Рожественского и Андрея... въ одныхъ рубахахъ стояли на Вѣчи; и иныхъ всѣхъ из-«сромотиша». См. также *Архив. Лѣт.*, л. 154, и Розрядная Книги. Въ большомъ полку находился К. Щепя, въ передовомъ К. Петръ Никитичъ Оболенской, въ правой руцѣ Петръ и Василій Борисовичи: а у Воеводы Новгородского, Якова Захарьевича, въ передовомъ Иванъ Андр. Лобанъ-Колычевъ, въ правой руцѣ Федоръ Конст. Беззубцевъ, въ лѣвой К. Тимофеи Александ. Тростенской. Они воевали Шведскія владѣнія отъ Сент. до Рождества (въ 1495 году). Подъ Выборгомъ убить изъ пинцали Иванъ Андреевичъ Субота-Плещеевъ.

(429) См. Далина II, 636.

(430) Государь выѣхалъ изъ Москвы Окт. 24, а прїѣхалъ въ Новгородъ Ноібря 17 (въ 1495 г.). О свитѣ его см. Архив. Розр. Книгу л. 6.

(431) Воеводы пошли Генв. 17. Въ большомъ полку К. Василій Ко-сой съ Андреемъ Федор. Челядиниымъ, въ передовомъ К. Ростовск. съ К. Иваномъ Михайл. Рѣпнею, въ правой руцѣ Дмитрій Васил. Шеинъ съ Григориемъ Федоровичемъ (внукомъ Давидовымъ), въ лѣвой Семенъ Карповичъ съ Андр. Иванов. Коробовымъ. См. Далина II, 637.

(432) *Архив. Лѣт.* 156 на обор.: «а се имъ (рѣкамъ) имена: Кемъ, «Торна, Колоконъ, Овлуй, Сиговая, Сиѣжна, Гавка, Путашъ». Въ *Архив. Лѣт.*: «Извоевали Полну рѣку да Торнову, да Сиѣжну; добра по-имали много, а полону безчисленно; а ходили съ Двины моремъ Акія-«номъ, да черезъ Мурманской Носъ».

(433) См. Далина II, 638, и *Архив. Лѣт.* л. 159. Стокгольмъ называнъ въ сей лѣтописи *Стеколиномъ*, а Сванть Стуръ Княземъ *Стефаномъ Кстуромъ*. Онъ пришелъ Авг. 19.

(434) Въ *Архив. Лѣт.* л. 166 на обор.: «Тое же зими (1500) Февр. «приде посолъ на Москву отъ Дацкого Короля Ивана Каплянъ, име-«немъ Иванъ... Тоя же весны, Апр. 2, послалъ Кн. Вел. къ Дацкому «Королю посольствомъ Юрия Мануиловича Грека, да Дьяка Третьяка «Долматова, да и Дацкого посла Капляна съ ними же отпустиль... Прі-«идоша Авг. (1501) отъ Дацк. Короля Юрий Старой да Третьякъ, да съ «ними вмѣстѣ Дацкого посоль Давыдъ». Въ *Архив. Лѣт.*: «Они пришли «на Двину около Свейскаго Королевства и Мурманскаго Носу, мимо Со-«ловецкой монастырь на Двину; да съ собою привели Якова разбойника «Нѣмчина самъ третей».

(435) Далина II, 642.

(436) Дѣла Польск. Двора № 1, стр. 563, въ отвѣтѣ Александрову послу 1497 года: «Напредъ сего Свейскіе Господареве и Воеводы ихъ «и Свейская земля присыпали о перемириехъ и о иныхъ дѣлахъ въ нашу «отчину въ Вел. Новгородъ... а и нынѣ Свейской Воевода и Свейская «земля пришли въ нашу отчину, въ В. Новгородъ, къ наимѣнъ На-

«мѣстникомъ бити челомъ о перемирье, и напи Намѣстники ємлють съ «ними перемирье, какъ будеть пригоже, по тому, какъ бывало у нихъ «напередъ того».

(437) Въ Маѣ 1496 года пришла вѣсть въ Москву о нападеніи Мамука, Шибанзака Царя, на Казань: «а измѣну чинять Казансkie Князи «Калеметъ, да Уракъ, да Садыръ, да Агышъ». Въ началѣ Сент. Ряполовскій вышелъ изъ Казани. — Мамукъ умеръ на возвратномъ пути въ Погайскую землю.— Въ Апрѣлѣ 1497 года воззвели Летифа на престоль. См. *Никон. Лѣт.* стр. 146 и *Архив.* л. 157.

(438) См. *Дѣла Крымск.* № 1, стр. 536—546.

(439) Тамъ же, стр. 570—604.

(440) См. выше.

(441) Посольство его въ Крымск Дѣлахъ № 1, стр. 496—536. Онъ выѣхалъ изъ Москвы 11 Сент. 1496, вмѣстѣ съ К. Иваномъ Звеницомъ, отправленными къ Менгли-Гирею. Въ свитѣ Плещеева находились Костя Оксентьевъ, Подъячій Родя Кудолжиковъ, толмачъ Кудашъ и Лука Сокольникъ.

(442) Вотъ подлинный переводъ Балзетовой грамоты:

«Богъ! — Великоименитой Хумаюнъ (птица) Балзидъ Султанъ Мухаммедовичъ нынѣ въ своей земли Божію милостью Анатолейской и Румской земли, Бѣлого моря и Черного моря, и Караманскій и Меншего Рима, и иныхъ многихъ земль Государь, Султана Махаммеда Царя сыны, Султанъ Баазидъ; и всяя Русія, и Вѣсточной и Польской и иныхъ многихъ земль Князь Иванъ. Къ моему порогу послать ты въ частіе добродѣя своего посла, отъ своего правого сердца чистого, доброго человѣка Михайла. Посольства его путь до меня дошелъ, мене какъ видѣлъ, и твою грамоту полную мнѣ далъ, и язъ се взявъ приложилъ къ своему сердцу, и что въ той грамотѣ написано было, и что твой посолъ своимъ языкомъ говорилъ отъ тебя, то до меня дошло отъ твоего праваго сердца, и разумѣль есми, единачества со мною хочешь, каковъ бы ты ко мнѣ, таковъ бы язъ къ тебѣ, и по семт межи бы насы послы наши ходили чисто; и гости свои въ мою землю отпушай, и пришедъ увидять нашу правду къ тебѣ и тебѣ скажутъ. Что о тѣхъ гостехъ писалъ ты ко мнѣ пережъ сего, о всемъ твой посолъ и твоя грамота вѣдомо мнѣ дала съ правдою, и познавъ язъ то нынѣ, твоему посолу своимъ языкомъ говорилъ и грамоты свои къ тебѣ послалъ, и онъ тебѣ мои рѣчи скажеть и грамоты подастъ; а твой посолъ мнѣ по попылнѣ службу полну учинилъ; а нынѣ у мене посолъ твой отпросился назадъ; и язъ его отпустилъ въ свою страну, и онъ отъ меня и пошоль. Дай Богъ, твой посолъ по здорову дошолъ до тебя. Мое здоровье и дружбу и любовь тебѣ скажеть, отъ меня тебѣ великой поклонъ; и кто мнѣ другъ, и тебѣ другъ, и тому великой поклонъ. А писантъ по конецъ мысяца Речедюль Мюрачедъ, девять сотъ втораго лѣта въ Константинѣ градѣ. (*Переводъ Молника Шамахийского*). — *Дѣла Крымск.* стр. 522. Плещеевъ возвратился 27 Февр. 1498.

(443) «Того же лѣта (1497) Авг. прииде на Москву В. Княгиня Рязан. Анна, и Князь стрѣле ее на Вспольѣ за Болвановъемъ со внукомъ и съ дѣтми, такожь Вел. Княгини Софья съ снохою, съ Вел. Княгинею Еленою и съ Боляринами, и пребысть В. К. Анна на Москвѣ до Крещенія, и отпустилъ ее К. Вел. съ великою честю и со многими дары, и проводиль ее К. Юрии до Угрѣши; и отпустилъ ее К. Вел. наборѣ свадьбы для: дала она тогда дочь свою за К. О. И. Бѣльскаго; а свадьба была на Рѣзани Генв. 1».

(444) *Архив. Ростов.* *Лѣт.* л. 569: «Онъ (Василій) свѣдалъ отъ Діака отъ Ф. Стромилова то, что отецъ его хочеть жаловать Вел. Княженіемъ.

«внука своего, и нача думати Князю Василію вторый Сатанинъ предо-
«теча Афанасій Ропченокъ; бысть въ думѣ той и Діакъ О. Стромиловъ
«и Поярокъ, Руновъ братъ, и иные Дѣти Болярскіе; а иныхъ тайно къ
«цѣлованію приводиша на томъ, что Князю Василію отъ отца своего
«отъѣхати, Великаго Князя казна пограбити на Вологдѣ и на Бѣлѣзерѣ,
«и надъ Княземъ Дмитріемъ, надъ внукомъ, израда учинити. И свѣ-
«давъ то и обыскавъ Ки. Вел. злую ихъ мысль, и велѣль измѣнниковъ
«казнити. Казниша ихъ на Москвѣ-рѣцѣ по-ниже мосту шестерыхъ: Ае.
«Ропченку руки да ноги и голову, а Поярку руки и голову, а О. Строми-
«лову, да Володимеру Елизарову (Гусеву), да Князю Палецкому-Хрулю,
«да Щавію Скрябина сына Стравина, тѣмъ головы отсѣкли, Дек. въ 27
«день.... И въ то время опалу положиль на жену свою, на Софію, о томъ,
«что къ ней приходиша бабы съ зелемъ, и обыскавъ тѣхъ бабъ лихихъ,
«Ки. Вел. велѣль ихъ казнити».

(445) См. *Воскресенск. Лѣт. II*, 39 и 140—*Новогород. Лѣт.* стр. 62,
и сей *Исторіи* Т. III, стр. 208.

(446) См. *Никон. Лѣт.* стр. 156.

(447) См. Архив. *Ростов. Лѣт.* л. 569 на обор.—Сю такъ называемую Августову крабию можно видѣть въ нашей Оружейной Палатѣ.—Герберштейнъ (R. M. Comment. стр. 16) пишеть, что коронованному Дмитрію за Великокняжескимъ торжественнымъ обѣдомъ, въ исполненіе древняго обряда, подали блюдо сельдей *Переславскихъ*: симъ напоминалось новому В. К., что Москва и Переславль должны быть всегда неразлучны подъ его скипетромъ.

(448) Герберштейнъ (стр. 7) говорить объ ней: *Aiunt Sophiam hanc
fuisse astutissimam, cuius impulsu Dux multa fecit.*

(449) См. выше, стр. 142.

(450) То есть, Иоанна и Стефана Молдавского.

(451) Въ *Степен. Книгу II*, 160: «Вел. Князь испыта подробно вся
«прежде бывшая *крамолы*, ихъ же ради повелъ К. С. Ряполовскаго каз-
«нити», и проч. Въ *Архангельск. Лѣт.* стр. 173: «К. Вел. понималъ въ
«измѣнѣ К. Ивана Юрьевича и сына его, да К. С. Ряполовскаго».—Въ
Синод. Лѣт. № 365, л. 513 на об., сказано, что тогда же, въ Апрѣль,
Государь приказалъ взять подъ стражу К. Гасилья Ромодановскаго и
Андрея Коробова Тверитянина.

(452) См. сей *Исторіи* Т. V, примѣч. 254, подъ годомъ 1418. Въ
Родословныхъ Книгахъ мать К. Ивана Юрьевича несправедливо име-
нуетя Анною.

(453) См. сей *Исторіи* Т. V, стр. 320.—Ряполовскіе происходили
отъ Стародубскихъ Князей: см. *Родослов. Книгу II*, 76.

(454) См. Архив. *Ростов. Лѣт.* 569 на обор. К. Иванъ Юрьевичъ
скончался въ томъ же 1499 году, а сынъ его, К. Василій Косой, въ 1500:
см. *Послужной Списокъ Бояръ въ Трудахъ Волы. Рос. Собрания*, I, 226.

(455) Въ *Степен. Книгу II*, 160: «внукъ своеѧ не радѣти нача».—
«Въ *Псков. Лѣт.* Графа Толстаго: Послаша Посадниковъ... и по 3 Боя-
«рнина съ Конца бити челомъ.... который бы былъ Великій Князь на
«Москвѣ, той бы намъ былъ Государь.... И В. Князь опалился: чи не
«воленъ я во своеѧ внукъ и въ своихъ дѣтехъ? Ино кому хочю, тому
«дамъ Княжество.... Посадники Григорія Хрусталова да Федора вса-
«дилъ въ костерь, а Посадника Стефана отпустиль... Того же лѣта при-
«ѣхалъ Владыка Генадей Мая въ 30 д. во Псковъ, и Псковичи (ему)
«соборовать не дали: ты-де хощешь молити Бога за Князя Великого Ва-
«силы: ино наши Посадники поѣхали о томъ къ Вел. Кн.» и проч.
Иоаннъ, убѣжденный ихъ смиренными извиненіями, выпустиль Посадни-
ковъ въ Сент. 1499 и присдалъ къ Псковитянамъ своего Боярина Ив.

Чеботова съ объявленіемъ прощенія за дерзость: «и Псковичи честь ему подаваша отъ хлѣба и отъ меда много; а на отвѣтъ дали ему поминка «10 рублей».

(456) См. Эрбелот. Bibl. Orient. II, 426.

(457) «Тое же зими (1499) марта приде посолъ отъ Шамахеysкаго Государя, отъ Махмуда Салтана, Салтанъ Махметева сына, внука Ширваншина, именемъ Шебепдинъ, и посольство правиль о любви».

(458) См. выше, прим. 104, и дѣла Крымск. стр. 615. Грекъ Дмитрий и Голохвастовъ поѣхали изъ Москвы въ Мартѣ

(459) См. Крым. Дѣла стр. 622 и 639. Посоль Кафинскій, Конюшій Салый, съ толмачемъ и съ Дворянами прїѣхалъ въ Окг. 1499 года. Тогда же возвратился изъ Крыма и К. Семенъ Ромодановской, а Голохвастовъ 6 Февр. 1500. Въ 1501 году Вел. Кн. послалъ въ Кафу Андрея Семен. Кутузова, убитаго на возвратномъ пути Азовскими Татарами (Дѣла Крым. стр. 895). Въ Сент. сего года былъ въ Москвѣ Кафинскій посолъ Алакозъ: съ нимъ вмѣстѣ отправился къ Султану Шихъ-Зодѣ Алексѣй Яковл. Голохвастовъ, требовать, чтобы Азовскіе разбойники были наказаны и все пограбленное ими возвращено (см. тамъ же, стр. 879—894).

(460) Въ Архангельск. Лѣт. 141: «Того жь лѣта (1465) велѣть Князь Вел. Василию Скрябѣ Устюжанину Югорскую землю воевати, а шли съ нимъ хотячіе люди, да Кн. Василій Вымскій Ермоличъ съ Вымичи и съ Вычегжаны; а пошла рать съ Устюга Мая въ 9 день.... и полову много вывели и землю за Вел. Кн. привели», и проч. Стр. 142: Того жь лѣта (1467) Вятчанъ 120 человѣкъ ходили на Богуличи, да съ ними «Пермяки Богуличи воевали, а Князя Богуловскаго Асыку на Вятку привели».— Стр. 160: «Того жь лѣта (1481) Андрей Мишиневъ съ шилыши и съ Устюжаны ходили въ Великую Перму, да побили Богуличъ подъ «Чердынемъ», а на Каму шедши, да встрѣтили гостей и Тюменскихъ Татаръ, да пограбили».

(461) «Ивана Ивановича, а съ ними Устюжане и Вологжане, Вычегжане, Вымичи, Сысоличи, Пермяки.... Юмшанъ убѣжалъ.... Шли мимо Тюмень въ Сибирскую землю..., а отъ Сибири по Иртышу.... А пошла рать съ Устюга Мая 9, а пришли на Устюгъ на Покровъ; а въ Югрѣ «номерло Вологжанъ много, а Устюжане всѣ вышли. Тое же весны (1484) «пришли съ человѣтъмъ Князи Богульские и Югорские, Богульский Юмшанъ да Калпа, а Сибирскій Князь Лишникъ, а Югорскій Пыткай, а «Большой Князь Югорской Молданъ: того съ тобою напередъ Курбскій привель, и Князь Великій данъ на нихъ уложилъ, да отпустилъ въ свое яси». Архан. Лѣт. 160. Въ Синод. Лѣт. № 365: «Поимаша (Салтыкъ и Курбскій) на рѣцѣ на Оби Князя Молдана и Княжихъ Екмычеевыхъ «двою сыновъ.... Того же лѣта (1484) приходили къ Вел. Кн. отъ Богуловскаго Кн. Юмшана, Асыкына сына, бити человѣмъ о опасѣ шурину его «Богулатинъ Юрга, да Сотникъ его Богулатинъ Анфимъ, а печаловался «о немъ Владыка Филоеевъ Пермскій, и Кн. Вел. опасъ даль, и послалъ «Владыка съ Вел. Князя опасомъ къ Юмшану слугу своего Леваша. «Того же лѣта приходилъ къ Вел. Кн. бити человѣмъ Богулатинъ Кн. Пыткай съ поминки съ великими отъ Князей Кодскихъ, отъ Лаба да отъ «Чапгила, и отъ всее земле Кодские и Югорские, да били человѣмъ о по-«лоненыхъ Князехъ, о Молданѣ съ товарищи, и Кн. Вел. отпустилъ ихъ «во свою землю, да и Пыткай печалованіемъ Владыки Филоея, да Володимера Григорьевича Ховрина. Тое же зими Генв. 4 (1485) Князи Кодские, Молданъ съ дѣтми, да Пыткай, да Сонта, да Пыткай имали «миръ подъ Владычнимъ городомъ Устьымскимъ за вси свои земли съ «Князями Вымскими, съ Петромъ да съ Федоромъ, да съ Вычегодскими «Сотникомъ, Алексѣемъ Казакомъ, да со Владычнимъ слугою съ Лева-

«тому, на томъ, что имъ лиха не смыслити, ии силы не чинити надъ «Пермскими людми, а Вел. Князю правитись во всемъ; а крѣость ихъ, «со золота воду пили, и пошли въ свою землю Февр.... Авг. 18 пріиде «ко Владыцѣ Филоею на усть Выми по опасу Богульскій Кн. Юмшанъ, «а съ нимъ Богуличи, тесть его Калба да Ломотко. Сент. въ 1 пойде съ «ними Филоею къ Вел. Кн. бити челомъ», и проч.

(462) См. Архив. Розрядную Книгу л. 16 и 23 на обор. «Хоженіе «Воеводы Князя Петра Федоровича Ушатаго, да К. Сем. Фед. Курбского, «да Василья Ивановича Заболоцкаго-Бражника на Югорскую землю, на «Кулу и на Гогуличи. Послали Кн. Вел. Петра Федоровича, да подать «ему Дѣтей Боярскихъ Вологжанъ, а пошли до Пиноковскаго волоку рѣ- «ками 2000 верстъ, да тутъ си сождали съ Двиняны да съ Важаны, и «пошли съ Ильина дни Болодою рѣкою 150 верстъ, съ Оленья броду на «многія рѣки ходили, и пришли въ Печеру рѣку... и сождались К. Петръ «ко Княземъ Семеномъ, да съ Васильемъ Ивановом... и пошли съ Печеры «на Введеніе...шли до Камени двѣ недѣли, и туто развелись Воеводы: «К. Петръ да К. Семенъ (пошли чрезъ) Камень щелью; а Камени въ «оболокахъ не видишь; коли вѣтрено, ино оболока роздирастъ; а длина «его отъ моря до моря», и проч.

(463) См. Гербершт. стр. 64. Кн. Симеонъ Курбский былъ еще живъ, когда Баронъ Герберштейнъ находился въ Москвѣ. Сей Воевода рассказывалъ ему, что онъ 17 дней взбирался на горы и никакъ не могъ перейти черезъ ихъ вершину, именуемую *столпомъ*.

(464) Гербершт. Rer. Mosc. Comment. стр. 63.—Иоанинъ еще и прежде сего назывался въ титулѣ Княземъ Югорскимъ.

(465) См. сей *Исторію* Т. III, стр. 92.

(466) См. сей *Исторію* Т. I, примѣч. 300.

(467) Агалака (въ 1499 году) подвѣтъ Казанскій Кн. Уракъ. Бѣльской предводительствовалъ въ конной рати большімъ полкомъ, Кн. Симеонъ Романовичъ Ярославскій передовыми; въ правой рукѣ былъ Юрій Захарьевичъ, въ лѣвой Дмитрій Васильевичъ Шеинъ; а съ судовою ратью Кн. Иванъ Александровичъ Сузdalской Борбашъ, Михайло Константиновичъ Беззубцевъ, Андрей Васильевичъ Сабуровъ и Семенъ Карповичъ.—Ногайскіе Мурзы осаждали Казань въ 1500 году. «Царь же повелѣ «около города нарядити острогъ, и по вся дни выходя бой творяху.... и «Ногай вскорѣ пошли прочь».

(468) Дѣла Польск. Двора № 1, стр. 558—567, въ посольствѣ Зенка, прѣѣхавшаго къ намъ въ Мартѣ 1497.

(469) Тамъ же, стр. 568—574, въ посольствѣ Ивана Сапѣги, 13 Іюня 1497. Турковъ было за Душемъ 60,000. Отъ голода и мора они потеряли 40,000 человѣкъ.

(470) Тамъ же, стр. 580—596, въ посольствѣ Боярина Петра Григорьевича Лобана-Заболоцкаго и Дьяка Ивана Волка. Въ Русск. Лѣт. Лѣвова: «и Александръ сотвори лесть: самъ возвратися, а Князей Русскихъ съ силою своею послалъ къ брату своему Албрехту на помощь».

(471) Тамъ же, стр. 654—675, въ Мартѣ сего года ѣздилъ въ Литву нашъ Бояринъ К. Василий Васильевичъ Ромодановскій.

(472) Дѣла Крымск. № 1, стр. 622—638, г. 1499, и стр. 691, г. 1500.

(473) Дѣла Польск. Двора № 1, стр. 585—590, г. 1498.

(474) Кромерь, стр. 440: *Helena.... Graecorum schismati dedita, ab instituto Ecclesiae Romanae abhorret.*—Государь получилъ извѣстіе о гоненіи нашей Вѣры въ Литвѣ отъ Вяземскаго Намѣстника, Кн. Бориса Оболенскаго, а сей Кн. отъ Подьячего, Федора Шестакова, бывшаго при Еленѣ. См. Дѣла Польск. Двора № 1, стр. 676—684. Okolo

сего времени Елена занемогла: Александръ уведомилъ о томъ Вел. Князя, чрезъ Дьяка Горемыку: см. тамъ же, стр. 685—687.

(475) Въ Архив. *Кiev. Лѣт.* г. 7005: «Мая въ 1 день убили безбожные Татарове Переокопскыи Преосвящ. Митропол. Киевскаго и всяя «Руси, Архіеписк. Макарія, порекломи Чорта, въ селѣ Скриголовѣ, на «Бичи рѣцѣ, за 5 миль отъ Мозыря; ту его нагнаша, невѣдущю о нихъ «никомуждо, и всѣхъ, еже съ нимъ, побиша, а иныхъ въ плѣнъ побрали... «съгрѣшихомъ бо отъ ногъ и до главы... Побѣхать былъ до Кіева хотя «помощи церкви Божьей Софії, разореной тымъ же Агаряны прежде.. «Никогда бо сіе случися въ Русской земли, яко пышъ тому Архіерею «Божію отъ поганыхъ». Въ *Русск. Лѣт.* Львова стр. 178: «Пріѣзжалъ «(посоль) изъ Литвы (въ 1483 г.) отъ Митрополита, иже здѣ Чернецъ «бывалъ, его же Сатаною зовутъ за рѣзвость, и шедъ въ Царьградъ, ста «въ Митрополиты. Король же посади его въ заточеніе. И сказа (посоль) «отъ него Вел. Князю, яко много мощей везохъ къ тебѣ, Король все «взялъ къ себѣ. Кн. же Вел. держа того Шана долго, и отпустивъ рекъ: «не подымати рати съ Королемъ за сіе».—Въ Архив. *Кiev. Лѣт.*: въ «лѣто 7006 (1498) Мая въ 30 Вел. Кн. Александръ Литовскыи даде «Митрополью Киевскую и всяя Руси Іосифу Епископу Смоленскому съ «Епископию Смоленскюю».—*Русской Временнику Ч. II*, 188: «на него же «(Іосифа) Богъ послалъ недугъ разслабу, и въ томъ недугъ и поставленъ «бысть на Митрополію, и пребысть въ томъ сану едино лѣто, и живота «измѣнися».

(476) По крайней мѣрѣ требовали ихъ благословенія, Въ Архив. *Кiev. Лѣт.* г. 1495: «Той же осени прииде изъ Царяграда отъ Патріарха «Нифонта посолъ, келейникъ его, Старецъ Исафъ, и Митрополита Киевскаго Макарію послы съ нимъ Деонисей Старецъ, а Германъ Діаконъ, и принесоша листы благословленіи подъ великими печатами оловянными Вел. Князю и Вел. Книгинѣ, и Митрополиту, и Епископомъ, и Княземъ, и Бояропъ, и всѣмъ православ. Христіаномъ; токмо прирече Патріаршъ посолъ Епископомъ, да не поставите потомъ Митрополита, аще не прежде «отъ настъ благословеніе берете, кромѣ великое нужда. Они же рекоша: «мы не отмещемся древныхъ обычаяхъ Сборныхъ Церквѣ Цареградцкія и благословенія отца нашего, Патріарха, но за нужю сътворихомъ се, яко же и прежде настъ сътвориша брасія наша Епископи при Вел. Князѣ «Витовѣ, поставиша Митрополитомъ Григорія Цемицлава».

(477) Райналд. *Annal. Eccl.* г. 1501, № 37.

(478) См. *Никон. Архив. Лѣт.* годъ 150, также Дѣла Польск. Двора № 1, стр. 733—736. Бѣльскій выѣхалъ къ нац. 12 Апр.

(479) См. Дѣла Польск. Двора № 2, стр. 737—748. Станиславъ прѣхалъ Апр. 23.

(480) См. Дѣла Крымск. стр. 733.

(481) Въ Апрѣль 1500. Іоаннъ извѣстилъ Менгли-Гирея, что К. Семенъ Иваловичъ поддался намъ съ Черниговскимъ, Стародубомъ, Гомельмъ, Любичемъ; К. Василий Шемякинъ съ Рыльскимъ и Новынгородкомъ Сѣверскимъ; Князья Трубецкіе съ городомъ Трубецкимъ, Посальскимъ, а Бѣльской съ своею отчиною (см. Дѣла Крымск. № 2, стр. 733).

(482) Дѣла Польск. Двора № 2, стр. 54.

(483) Въ Розряд. Кнігахъ: «Посыпать Кн. Вел. къ Путивлю и ко «Брянску Царя Магметь-Аминя, а съ ними Боярь и Воеводы: въ боль- «шомъ полку Яковъ Захарычъ, въ правой рукѣ М. Тимоѳе. Алексан. Тро- «стенскій, въ передовомъ К. Иванъ Мих. Рѣпнинъ, въ сторожовомъ Петръ «Мих. Плещеевъ, въ лѣвой К. Василий Семенъ Михъ-Ряполовской». — См. еще Гербершт. *Comment.* и Сгриков. *Литовскую Хронику*.

(484) Сей Юрій, братъ Якова Захарьевича, быль отецъ Романа Юрьевича, дѣдъ Никиты Романовича и Царицы Анастасіи Романовны, первой супруги Царя Ioanna Васильевича, прадѣдъ Филарета, пррапрадѣдъ Михаила.—У Юрія въ правой рукѣ быль К. Феодоръ Ивановичъ Стригинъ и Воевода племянника Ioannova, Феодора Борисовича, К. Иванъ Хованской-Ушакъ; въ передовомъ Иванъ Щедра Вельяминовъ и Князъ Турунинъ, Василій и Владіміръ Борисовичи; въ лѣвой Петръ Ирановичъ Житовъ и К. Ивана Борисовича, племянника Ioannova, Воевода Облязъ-Вельяминовъ.

(485) См. Стриков. Хрон. кн. XXI, гл. 5.

(486) Польскіе Родословы производятъ Константина отъ Данілова брата, Василія, сказывая, что у Василія быль сынъ Даніиль, у Даніила Василій, у Василія Феодоръ, у Феодора Василій, у Василія Иванъ, у Ивана сей Константинъ (Корона Polska, przez Kaspra Niesieckiego, подъ именемъ Ostrog, стр. 511). Яблоновскій въ своихъ генеалогическихъ таблицахъ даетъ Даніилу Васильевичу Острожскому сына Романа, Роману Василія, Василью Симеона и Феодора (Энгеля Gesch. von Halitsch., стр. 610—611, таблица № 11). Но мы знаемъ по современной Волынской лѣтописи, что у Василія Романовича, брата Короля Даніила, быль только сынъ Владіміръ, который умеръ бездѣтнымъ (см. сей Исторіи T. IV, стр. 149).

(487) Корона Polska подъ именемъ Ostrog, стр. 514: Domi Numa religiosus, torris Romulo non inferior, и проч. Сей Легатъ быль Пизонъ.

(488) Архив. Разрядн. Книга, л. 19: «Въ большомъ полку Бояринъ и Воевода К. Данило Васильевичъ Щеня, да Бояринъ К. Семенъ Ивановичъ Ярославской; въ правой рукѣ Бояринъ К. Осипъ Андр. Дорогобужской, да К. Феодоръ Васил. Оболенской, да К. Петръ Иван. Стригинъ, да съ Татаръ К. Иванъ Мих. Воротынской; въ передовомъ Бояринъ К. Мих. Федор. Гелюшевской, да К. Петръ Васил. Оболенской, да К. Волод. Борисовичъ Туренинъ-Оболенской; въ сторожевомъ Бояринъ Юрій, да Иванъ Васил. Шадра; въ лѣвой рукѣ К. Володимеръ. Андр. Микулинской, да Дм. Вас. Кипдыревъ, да Петръ Иван. Житовъ. А по вѣстямъ присланы на прибавку отъ Государя по К. Даниловѣ отпискѣ К. Семенъ Роман. Ярославский, да Дмитрий Васил. Шеинъ, а вѣль К. Семену быть въ большомъ полку со К. Даниломъ, а Дмитриекъ въ передовомъ на Княже Петрово място Оболенскаго».

(489) Архив. Розрядн. Книга, л. 21: «Бояринъ Юрій Захар. писаль «къ Вел. К. что ему въ сторожевомъ полку быти не мочно: то мнъ стеречи Князя Данила. И Кн. Вел. къ нему прислать со К. Константиномъ Ушатымъ: Гораздо ли такъ чинишъ? Говоришъ, тебѣ не приложе «стеречи Князя Данила: меня и моего дѣла? Каковы Воеводы въ большомъ «полку, тако чинять и въ сторожевомъ: ино не соромъ тебѣ», и проч. Вел. К. приказалъ напомнить Юрію, что знаменитый Бояринъ Федоръ Давидовичъ въ свое время не стыдился предводительствовать сторожевымъ полкомъ.

(490) Герберштейнъ Reg. Moscov. Com. 7 Стриков. пишеть (кн. XXI, гл. 7): «Острожскій пойде къ Смоленску... и взя съ собою Воеводу Смоленского Кипшу и вся Смолянинъ... и поимаша единого отъ войска Московского именемъ Германа, иже прежде убѣже до Москвы (бѣ Дьякомъ у Богдана Сопѣги): той повѣда, яко Воевода Москов. съ малымъ людомъ подъ Дорогобужемъ стояль, и со третій день прїодоша къ нему друзіи Воеводы.. и не совѣтова, дабы сразитися... Обаче Литва, не имуще ему вѣры, повелѣша обѣсити (повѣсить) его; а сами поиодша, и прешедше село Лопачино, а не дошедши рѣки и села Вѣдроши, въ 10 поприщахъ отъ войска Москов. сташа, гдѣ увѣдѣша истинно, яко «Москвы много и ожидаютъ Литвы. Константинъ сотворивши совѣтъ съ

Воеводы, придоша тѣсными лѣсами и блатными путемъ, и сразиша ся.. «Москва уступивши вспять за рѣку Ведрошу къ своимъ великимъ полкомъ... въ Москву 40,000 конныхъ, кроме пѣшихъ, а Литвы пол-четыре «тысячи». Но другимъ извѣстіямъ силы были равныя: Герберштейнъ приписываетъ нашу побѣду не числу воиновъ, но искусству Воеводы, которые умѣли скрыть засаду и во время употребить онную. Въ *Москов. Лѣт.* (въ Синодальной книжѣ подъ титуломъ: *О древностяхъ Рос. Государства*, Т. I, л. 193 на обор.): «убили (Литовскихъ) большихъ людей 5000, а съ меньшими вѣхъ человѣкъ съ пол-осмыми тысячами побили».

Въ ветхомъ же *Синод. Лѣт.* № 365, л. 517: «а убилиихъ Литвы и «Ляховъ больши тридцати тысячъ». Въ первомъ именованы плѣнники, Пруцкіе Князья, К. Юрий Михайловичъ, К. Богданъ Одишсовъ, К. Богданъ Горинской, К. Олехно Масланской, К. Михайло Глушонокъ-Гла-зыничъ, К. Тувешъ Татаринъ, Иванъ Муникъ, Староста купецъ Смоленскихъ и множество другихъ. По *Ростов. Лѣт.* число ихъ простиралось до 500 или болѣе. Въ *Арханг. Лѣт.*: «И срѣтошась обоя полки о «рѣкѣ о Тосни, и стояша много дній, и Литва перелѣзла по мосту, и «бывашъ до 6 часовъ, имающеся за руки, и въ трупу конь не скочить.. и мало ихъ утече, занеже Вел. Князя сила пѣшая зашли да мостъ по «склы на Тоснѣ».

(491) Стриковскій: «Повѣдано бѣ, яко имъ руцѣ назадъ оловомъ за- «литы и ноги окованы; егда бо не можаше и доброю, тогда тяжкою «неволею и въ вѣрности ко крестному цѣлованію Московскій Князь при- «нуждалъ, еже по сему, аще и отъ неправаго сердца, сотвори умыслынѣ, «и бѣ одаренъ Княжъскими имѣніи въ Москвѣ, и велія браши съ Татары «имѣти и побѣждадъ». Въ *Арханг. Лѣт.*: «Князя Острожскаго окованъ «посла (Іоанія) на Вологду, и велѣли его не нужно держати и пощти и «кормити довольно; инымъ Княземъ и Папомъ кормити по полуденѣ на «день, а Острожскому по четыре алтына на день... а своимъ Воеводамъ «воздадъ честь и дары и жалованья».

(492) Въ Розряди. Книгѣ Бекетова и другихъ: «И Кн. Вел. при- «сла го здоровоѣ спрашивали Петра Плещеева; а велѣно ему перво то- «ворить Князю Данилу Васильевичу, да К. Осипу Дорогобужскому».

(493) Въ Розряди. Книгахъ сказано, что сраженіе было на рѣкѣ Подмѣ, па Тешковѣ полѣ. Въ *Синод. Лѣт.* № 110, л. 86: «Посыпалъ «Кн. Вел. своихъ братаничевъ... да Боярина Андрея Федор. Намѣстн. «Новгородскаго, да Кн. Александра Володимер. Ростовскаго, Намѣстн. «Псковскаго; они же Торопецъ взяша, и волости около Полотска и Ви- «тебска, поплѣниша, а людей многихъ мечеви предаша». Въ *Лѣт. Псков.* Графа Толстаго: «Прислалъ Кн. Вел. во Псковъ, чтобы отчина моя по- «служила на Александра Короля, а называли его Милостивымъ... и Пско- «вичи порубивши съ 10 сохъ конь, а съ 40 рублей конь и человѣкъ «въ доспѣхъ, або были пѣши люди». Они, взявъ Торопецъ, черезъ 11 недѣль возвратились.

(494) См. *Дѣла Крымск.*, № 2, стр. 789.

(495) К. Иванъ Семеновичъ Кубенской съ Федоромъ Кушелевымъ, съ Подъячимъ и толмачами поѣхали изъ Москвы въ Авр. 1500, Иванъ Григорьевъ Мамоновъ 11 Августа, К. Федоръ Ромодановской 11 Марта въ 1501 году. Первый, доѣхавъ наконецъ до Тавриды безъ бумагъ, пра- вицъ писольство на память Ромодановскій, выкупленный въ Кафѣ тол- мачемъ Султанскимъ за 70 рублей, также немедленно отправился къ Менгли-Гирею. — Здѣсь въ первый разъ упоминается въ лѣтописяхъ о *Козакахъ Азовскихъ*: «Въ лѣто 7008 Сент. (1499) придоша Татарове Ор- «динскіе Казаки и Азовскіе подъ Козельскъ и взяша сельцо Олешню; и «К. Ив. Переимышльскій и Одоевскіе Князи ихъ побиша, а иныхъ изы-

«мати и приведоша на Москву.—И придоша па нихъ (на Кубенскаго) «Татарове, Азонские Казаки, Угу Черкасъ да Коробай, и грабиша ихъ».

(496) Въ донесеніи Ромодановскаго къ Государю (Дѣла Крымск. № 2, стр. 820): «Воевали Царевичи въ Литов. землѣ Хмѣльникъ, да и посадъ сожгли, да Вишневецъ, да Кременецъ, да Березынъ на Стырѣ рѣцѣ; да въ Ляцкой землѣ взяли городъ Рубешовъ, и сожгли, да городъ Люй на Бугу на рѣцѣ, да городокъ Белзу, да Лвовъ, да Бойской на Скале на рѣцѣ, да Холмъ, да Люблинъ, да Красной Ставъ посадъ сожгли, да въ Литов. землѣ воевали Берестъ и посадъ сожгли: а съ города окунь взяли; да воевали Каменецъ Литовской, да Володимерецъ, да Луческъ, да Бряславль; а полону, сказываютъ, взяли съ 50,000 душъ: а пришли Царевичи по Николинѣ дни, а люди многіе по Рожествѣ пришли».

(497) Дѣла Крымск. № 2, стр. 729: «Послалъ есми» — говорить Иоаннъ Менгли-Гирею — «къ Волошкому Воеводѣ своего Діака земскаго Микиту (въ 1500 году), а съ нимъ послалъ есми къ Воеводѣ его чело-вѣка Петра», и проч.

(498) Стриков. Хрон. кн. XXI, гл. 7.

(499) Менгли-Гирей прислалъ къ Вел. К. (въ 1500 году) списокъ грамоты, полученной имъ отъ Александра. Въ ней сказано: «если онъ «намъ, зятеви своему, слова своего, докончанія и присяги не дръжалъ: «чи бы пакъ онъ имѣль тебѣ то долго держати? а онъ што и браты «своей роженой подѣлалъ также чрезъ присягу свою, и какою ихъ смер-тию уморилъ? и инымъ сусѣдомъ своимъ то чинить» (Дѣла Крымск № 2, стр. 762).

(500) Менгли-Гирей пишетъ къ Иоанну: «ко мнѣ съ пустыми рѣчами «посыпаетъ (Александръ), а въ Орду послалъ, и мои люди того въ «Азъвѣ видѣли» (см. тамъ же стр. 758). Стефанъ Молдавскій (въ 1501 году) вызывался быть посредникомъ между Вел. Княземъ Литовскимъ и Менгли-Гиреемъ; но послѣдній никакъ не хотѣлъ заключить мира безъ своего друга, Иоанна (см. тамъ же, стр. 20).

(501) Мамоневъ писалъ къ Государю: «Сказывалъ Куртка» — чело-вѣкъ Менгли-Гирея, юздиншій въ Польшу — «что К. В. Александръ «ко брату своему, къ Королю Польскому, послалъ на дву возѣхъ серебра «намытываю жолныреі пѣшихъ къ Смоленску» (см. тамъ же, стр. 817).

(502) Гадебушъ Liv. Jahrbiich. Th. 1, стр. 253, 255.

(503) Тамъ же, стр. 256.

(504) Посломъ Владислава Венгерскаго былъ Постельничий Матвѣй Цезелицкій, а Короля Албрехта Александра Скорута (см. Дѣла Польск. Двова № 2, 55—61). Нарбутъ привезъ письмо отъ Троицкаго Воеводы, Яна Забережскаго, къ Иоанну Боярину, Якову Захарьевичу, въ коемъ онъ именемъ всего Литовскаго Сената убѣждалъ его стараться о заклю-чении мира.

(505) Стриков. Хрон. кн. XXI, гл. 7.

(506) Супруга Александрова, Елена, какъ иновѣрия, не могла быть коронована: см. Кромера, стр. 440.

(507) Въ Разрядѣ Книгахъ: «Мая въ 14 день (1501) въ разрядѣ на-писано, въ рѣчи Ноугоцкымъ Намѣстникомъ, К. Семену Роман. да Ивану Андр. Колычеву Лобану съ Ярцомъ Зайцовымя: будеть дѣло отъ «Литвы, ино бы толъ Намѣст. К. Семень, а быти съ Великого Князя «Сыномъ, съ В. К. Васильемъ. Въ большомъ полку К. Вел. Василій Ива-«новичъ, да съ пимъ Намѣстн. К. Семенъ; въ правой рукѣ К. Иванъ «Буйносъ, Княжъ Александровъ сынъ Хохолковъ-Ростовской, К. Иванъ «Гундоръ; въ передовомъ К. Иванъ Тулупъ, да Михаила Андр. Колы-«човъ; въ сторожевомъ Игнатій Образецъ; въ лѣвой рукѣ Иванъ да Ва-«силей Григорьевы дѣти Морозовы». Въ лѣтописяхъ: «А въ Новѣгородѣ

«велъль (Государь) быти Владыкѣ Генадію, да Намѣстнику Ивану Андр. «Лобану-Колычову, да Дворецкому Ивану Мих. Волынскому, да съ ними «Дьяку Сумороку Вокшерину, да Дворцовому Дьяку Ермоль».

(508) Сыномъ Юрия Лугвеневича. Въ Розряд Книгахъ: «А Оедпя «Крылова изъимали, и посады пожгли; а Мих. Ижеславской, де Якушъ «Костевинъ, да Осташій Дашиковъ утекли въ городъ. А въ больш. полку «со Княземъ Стародубскимъ и съ Шемячичемъ были К. Алексан. Во- «лодим. Ростовской, да Семенъ Иванов. Воронцовъ: въ передовомъ К. «Петръ Семен. Риполовской-Добанъ, да К. Иванъ Мих. Воротынской; въ «правой рукѣ Григорей Федор.; въ лѣвой Иванъ Васил. Жукъ; въ сто- «рожевомъ К. Василій Васил. Ромодановской». Получиша отъ Воевода, извѣстіе о побѣдѣ, Вел. К. отправиль къ нимъ Ивана Микулина Яраго съ изъявленіемъ милости; приказалъ Ростовскому и другимъ Воеводамъ быть къ себѣ, а Воротынскому и Риполовскому остатися въ Стародубѣ.

(509) Въ Псков. Лѣт. Графа Толстаго сказано, что Нѣмцы остан- новили 25 судовъ Псковскихъ съ товаромъ и людей 150. Далѣе: «По- «слыша Псковичи въ Юрьевъ Олексѣя судью, чтобы гостя отпустили; и «Алексѣя пріяли, а гостя не отпустили; и другаго посла пріяша, отпу- «тившъ Олексѣя, и посольство пословаша на Щѣчи отъ Нѣмецъ, чтобы «наша святыни отдали и мощей и татибу, что крали Петра и Павла. «И Псковичи третьяго посла послана, и Нѣмци втораго посла отпустили «съ тѣмъ же посольствомъ, а третьяго пріяша. И Новогородскіи Намѣст- «ники своего посла послана, и того пріяша, а товаръ изъ учановъ вы- «везоша на Юрьевъ, а гостей въ погребъ посажали».

(510) См. Руссова, Кельха, Арнта, Гадебуша подъ г. 1501. Илл- тенбергъ, готовясь къ походу, извѣстилъ Вел. Магистра Нѣмецкаго, что онъ будетъ около 15 Авг. на границѣ Российской, прибавляя о Королѣ Александрѣ: up welche Tut sick vick de Here Groit. (Литовск.) mit den sinen vormuge unses Bundes an gelegenen Finden unns doreh Viande Lande so dat onerkomen under egen verfolgend mirt, и проч. См. между моими Кенигсбергс. бумагами № 716.

(511) См. Псков. Лѣт. Графа Толстаго. Вел. Ки., исполния просьбы Псковитянъ, прислали къ нимъ сперва Шуйскаго, а черезъ недѣлю К. Данила Пенка. «И жили во Псковѣ 3 недѣли, а Псковичамъ много про- торы: овса 100 зобницъ, а сѣна 100 стоговъ; да кое на колачи, кое на «хлѣбы 25 рублей на одинъ день». Псковитяне 4 раза посыпали въ Москву съ требованіемъ защиты.

(512) См. Руссова, Кельха, Арнта.—Въ Архив. Лѣт.: «Тое же осени «послали Кн. Вел. Воеводу своихъ, Кн. Данила Александ. Пенка и «синахъ». Въ Розряд Книгахъ сказано въ одномъ мѣстѣ: «въ большомъ «полку К. Дан. А. Пенко да со Пскова велѣть ити Намѣстнику своему «К. Ивану Горбатому, со Псковичи». Въ другомъ мѣстѣ: «въ большомъ «полку Ки. Л. А. Пенковъ, да Кн. Василей Васильевичъ Шуйской, въ «правой рукѣ Иванъ Борисовичъ Захаринъ, да К. Андр. Кропотка, да «К. Ив. Гундоръ большой; въ передовомъ Кн. Ив. Тулупъ, да Мих. Андр. «Колычевъ, да К. Федоръ; въ лѣвой Петръ Борисов. Захаринъ, да Иванъ «да Василей Григорьевичъ Поплевинъ; въ сторожевомъ К. Ив. Буйносъ «Ростовской, да Образецъ Симской».

(513) Въ Псков. Лѣт. Г. Толстаго сказано, что войско наше высту- «нило изо Пскова 22 и 23 Авг.; что другое, состоящее изъ добровольныхъ «людей, отправилось на лодкахъ, но ничего ни сдѣлало; что Псковитяне «начали битву, и потерявъ 20 человекъ, убили множество Нѣмцевъ и «Чуди; что сраженіе сдѣлалось общимъ; что Псковитяне, видя своего «Воевода, Посадника Ивана Теншина, убитаго, обратили тыль; что Москви- «тияне слѣдовали ихъ примѣру. «Изборянне, выскоча изъ Изборска, какъ

бѣжали мимо, и грабиша быто Московское и Псковское», и проч. Тамъ же означены день и мѣсто. Въ другихъ лѣтописяхъ: «Срѣтоза ихъ (нашихъ Воеводы) Нѣмцы, многіе люди, безвѣстно на Сиринъ, и потоп-таша ихъ Нѣмцы, понеже Вел. Князя Всеводы не успѣли воорудитися; и на томъ бою убили изъ пушки Ив. Борисовича Бороздина, а иныхъ «немногихъ» людей побиша... И К. Данило отойде и ста во Псковъ». Ливонскіе Историки, Руссовъ и Кельхъ, сказываютъ только, что сраженіе было въ нашихъ предѣлахъ 7 Сент. (см. ниже), вмѣсто 27 Авг.; другие же (Арнть, Гадебушъ) несправедливо полагаютъ оное близъ Могольма, въ трехъ миляхъ отъ Везенберга и въ двухъ отъ Финскаго залива.

(514) См. *Псков. Лѣт.* Гр. Толстаго, гдѣ сказано: «Поидоша (Россіяне) противу Нѣмцевъ по другую сторону Великой рѣки, и ту бишася «много на бродахъ, и придоша Нѣмцы къ Острому городку, и начаша «бити пушками и огненные стрѣлы пущати Сент. въ 7» (см. выше, примѣръ 513) «и пѣтнину домъ Св. Николы и огнемъ выжготи... и того дни «прочь отойдоша... къ Изборску, и ночеваша, а назавтре пойдоша прочь «и западоша (скрылись въ засадѣ); а Изборяне придоша на станъ, и «удариша (на нихъ) Нѣмцы западные и гнаша за ними до самыи «стѣны, и всѣхъ изсѣкоша, а иныхъ руками яша, 130 человѣкъ».

(515) Въ *Псков. Лѣт.* Гр. Толст.: «Того же времени Нѣмцы съ Литвою совокупишаася, а быти было имъ вмѣстѣ подо Псковомъ, и Панъ «Черникъ не посыпалъ: подъ Опочкою услышашъ, что Нѣмцы выжгли «Островъ; а Литва мало не взяла Опочки: Спась ублоде». О болѣзни Нѣмцевъ см. Руссова, Кельха, Арнта.

(516) Въ *Архив. Лѣт.* и въ другихъ: «И Кн. Вел. постъ послалъ «К. Данила Васильевича Щеню, да К. Вас. Васильев. Шуйскаго въ «большомъ полку, въ передовомъ Кн. Александра Васильев. Оболенскаго, «да Петра да Василья Борисовыхъ; въ правой К. Михайла Телятевскаго, «да К. Володимера-Микулинскаго, да Петра Житова; въ сторожевомъ «Ив. Андр. Лобана Колычева, да Игнатья Образпа, да Андр. Короба: «а въ лѣвой К. Михайла Карамыша, да К. Ив. Щетину Оболенскаго, «да Дмитрея Киндырева со многими людми Нѣмецъ воевати Ливонскіе «земли... Воеводы же Вел. Кн., два Князя Данила» (т. е. Щеня и Пенко) «съ товарищи начаша пѣтнити», и проч.— Плеттенбергъ въ исходѣ Ноября «вторично писаль къ Вел. Магистру Нѣмецкому о семъ владеніи Россіяне, соединенныхъ съ Татарами (mirecklichen Tall Tataren), о разлитіи водъ и худыхъ дорогахъ; so vick der gelykene by Menschen Dechtissen nre gehort, и проч См. между моими Кенигсб. бумагами № 717,

(517) См. Руссова и Кельха.

(518) *Архив. Лѣт.* и въ другихъ: «И внезапу лучися имъ (Воеводы) бой великъ Ноября въ 24, на третью часу ночи: придоша Нѣмцы безвѣстно съ стороны со многою силою, съ пушками и съ пищальми, и Божю милостію Воеводы Вел. Кн. одолѣша: овѣхъ побиша, «и иныхъ поимаша, а множество ихъ утече», и проч. Въ *Псков. Лѣт.* Гр. Толстаго: «Посла Вел. Кн. своего Воеводу К. Ал. Оболенскаго съ «силою Московскою и Царя Тотарскаго (Магметь-Аминя) съ Татарами.... «а взяша собѣ Воеводы (Московскіе) праву руку, а Псковичи лѣвую, и «усышиавши Воеводы, что подъ Гелменемъ сила Юрьевская, и изъяс-«чивши си и пойдоша на нихъ, и на первомъ ступицѣ убіенъ К. Оболен-«скій за Св. Троицу.... и биша поганыхъ на 10 верстъ, и не оставиша «нихъ ни вѣстоноши; а не саблями свѣтлыми сѣкоша ихъ, но биша ихъ «Москвичи и Тотарове аки свиней шестероперы, и идоша мимо Юрьевъ «и Ругодивъ къ Ивангороду; а Псковичи трупъ наѣхаша на 3 денъ, а «не вѣдаша того бою, и выйдоша вси здрави». См. также Руссова,

Кельха, Арнта. Плеттенбергъ отъ 28 Дек. изъ Вейсенштейна писаль къ Вел. Магистру Нѣмецкому, что онъ вышелъ наконецъ съ войскомъ въ поле, но не могъ нигдѣ *dominare* Россіянъ и долженъ былъ остановиться; что они между тѣмъ осадили Гельмстѣ, и что иѣкоторые Рыцари съ людьми набранными въ Гарріи, въ Вирландіи и съ дружиною Епископа Дерптскаго хотѣли отразить ихъ 24 Ноября, убили тысячи двѣ непріятелей, но сами также потерпѣли уронъ (so ist des Bischi ps Volk enen Dach toworn in der Nacht van den Vianden bedrangt und bith to Helmede vor dem Slotte erslagen worden). См. мои Кениг. бумаги № 718.

(519) марта 9 «убили Ивана Андреев. Лоб. Колычова, да Михайлъ «Смолка, Иванова сына Слизнева и иныхъ 20 человѣкъ: понеже тогда «съ Иваномъ Андреев, были не многіе люди, а Нѣцы пришли многіе «люди». Въ Кенигсб. бумагахъ, № 719 и 720, въ донесеніяхъ Ландмаршала и Командора Ревельскаго къ Магистру, описано сie нападеніе Ливонцевъ: первый жегъ и грабилъ семь дней около Краснаго; а второй хвалился побѣдою, одержанною имъ при Иванѣ-городѣ надъ 1600 латниками Московской конницы, de all woll gewapprent, geharnschet unde schône geszurget wesen... meystre Decyll Beuaregn. Нѣцы убили 200 человѣкъ и гнались за бѣгунами до города Ямы; возвратились отъ усталости и сожгли предмѣстіе Иванигорода.—Въ Псков. Лют. Гр. Толстаго: «Марта въ 17 пришли Нѣцы ко Красному городку, и въ Коройбуру «волость взяша, и головъ посѣкоша много, а въ городѣ притужно было, «и Богъ ублюде, и завѣщаша церковь поставить Св. Пятницу; а Нѣмъ-«домъ видѣлося за Синею рѣкою на горѣ отъ часовни Св. Георгія сила «велика... и побѣгоша... а Псковскіе Воеводы не пособиша имъничимъ же».

(520) Иванъ Мамоновъ писаль къ Вел. Кн. въ Іюнь 1501: «Сказываютъ Государь, что Орда нынѣча худа... прикочевала къ Дону за тѣмъ, «что Муртоза нынѣ въ Тюмени, а съ Муртозою Азика Кн.; а Тюмень и «Черкасы Ордѣ недруги; и тамъ ся Орда отвесля блюдетъ: за тѣмъ тамъ «и не пахали». (Дѣла Крым. № 2, стр. 818). Выкупленный изъ неволи посолъ нашъ, Кн. Ромодановскій, догнавъ Менгли-Гирея на Ярышъ, извѣстивъ Государа, что сей Ханъ думалъ воевать Литву, по принужденью былъ ити на Ахматовыхъ сыновей, чтобы не допустить ихъ до соединенія съ Литвою. Самъ Менгли-Гирей писаль къ Вел. К. изъ своего стана при Кобыльей Водѣ: «Шихъ-Ахметъ и Сеидъ-Махмутъ къ Дону «пришли, на Кандаузскомъ песку возитись хотить.... Десять тысячъ че- «ловѣкъ посадивъ на конь, къ намъ пришли... въ судѣхъ пушки и пищали «пришлеши, только славы дѣла, имъ бы было» (стр. 824). Иоаннъ 7 Авг. послалъ Магметъ-Аминъ съ Нордоулатовыми Улусами и К. Ноздроватаго, вѣльмъ имъ взять съ собою Воеводъ Ризанскихъ, Великой Княгини и К. Феодора (см. Розряди. Книги г. 1501). Иванъ Мамоновъ, находясь въ походѣ съ Менгли-Гиреемъ, писалъ: «Шигъ-Ахметъ Цары съ Сеидъ-Мах- «мутомъ Царемъ Базарь раздѣлиль.... и не дошодъ Дону, да разбранивъ «съ Шигъ-Ахметемъ, Сеидъ-Махмутъ отъ него воротился, да пошоль къ «Асторхани... а рати, сказываютъ, съ Шигъ-Ахметемъ и съ Салтаны и «со Князьями конныхъ и пѣшихъ тысячи съ двадцать, а послы Литов- «ской и Польской съ ними, да перешодъ Донъ, да тутъ себѣ учинилъ крѣ- «пости: а Менгли-Гирей дошолъ Орды Шихъ-Ахметя въ Середу передъ «Оспожиннымъ загоныемъ, да противъ ихъ крѣпость учинилъ» (стр. 836). Менгли-Гирей 7 Авг. приславъ гонца въ Москву требовать себѣ «корму» и людей, а чрезъ 5 дней увѣдомилъ Иоанна о своемъ отступлении, говоря: «корму у насъ нестало, а слышелъ есми, гдѣ Шихъ-Ахметю Мусинъ Кия- «жей сынъ Шихимъ Мурза ъдеть.... Шихъ-Ахметъ охудѣль, и ты бы «Казаковъ своихъ послалъ Улусовъ его вострати и животину отгонити... Въ борзыхъ днехъ того нашего недруга дастъ памъ Богъ, чаемъ. Молвя.

«жиковиною запечатавъ, ярлыкъ послалъ есми, мѣс. Іюля въ 18 день». — Авг. 30 Вел. Кн. писалъ къ Менгли-Гирею (стр. 842): «Шихъ-Ахметъ «пришелъ къ нашихъ Князей отчинѣ, къ Рыльску, и наши Князи К. Семенъ Иван. и К. Василей Шемячичъ и наши Воеводы со многими людми «спошли противъ ихъ». Стриковскій въ своей Хроникѣ пишеть ложно, что Шигъ-Ахметъ имѣлъ 100,000 воиновъ, разбилъ Менгли-Гирея, опустошиль владѣнія Московскія до Брянска, и взяль Новгородъ Сѣверскій съ другими мѣстами, отдалъ ихъ Александрову поэлу, Пану Михайлу Халецкому. Менгли-Гирей въ Генв. 1502 года уведомилъ Ioannina, что Ахматовы сыновья зимують близъ устья Семи (или Сейма), около Бѣлогорода, и что онъ велѣлъ жечь степи (стр. 855; см. еще стр. 926). Въ Мартѣ Вел. К. отправилъ въ Тавриду послы Алексея Заболоцкаго и приказалъ сказать Хану: «Хотѣлъ есми къ тебѣ послати и судовую рать съ пушками и съ пищальми» (когда Менгли-Гирей стоялъ на Тихой Соснѣ) «и сми нынѣ рати своей къ тебѣ послати не лѣзъ, за тѣмъ, что нашъ не-другъ Литовской, снялся съ Нѣмцы, стонить противъ насъ».

(521) См. Кромера de Reb. Polon. стр. 440.

(522) См. тамъ же.

(523) Дѣла Крым., въ Посольствѣ Заболоцкаго, стр. 868: «Сего лѣта присыпалъ ко миѣ Азика К. братанича своего Камбарама, съ тѣмъ, чтобы язъ (Ioannъ) Азику къ себѣ взяль, а Азикъ бы моимъжалованіемъ своего Юрта доставити; да и о Сеитъ-Махмутѣ Царѣ говориль, чтобы изъ къ себѣ взяль.... Приказалъ есми, чтобы ко миѣ пошли, твоего для дѣла да и своего».

(524) Дѣла Крымск. стр. 867, и Архив. Лѣт. 173. Сей посолъ, Князь Хазъ Согерь, прѣѣхалъ въ Декабрѣ съ людми шурина Менгли-Гиреева, Тевекеля, Улусника Шихъ-Ахметова.

(525) Въ Архив. Лѣт.: «тое же зими, марта (1502), отпустилъ К. Вел. послы Большиѣ Орды, да съ нимъ своего послы, Давыда Лихарева Исленичего о любви же».

(526) См. Архив. Лѣт. 174, и Дѣла Крым. стр. 332. Іюня 28 съ сюю вѣстю возвратился изъ Крыма Федоръ Михайловъ сынъ Кисслевъ, посланный туда 7 Окт. 1501; а 3 Іюля прѣѣхалъ въ Москву посолъ Менгли-Гиреевъ съ грамотами.

(527) См. Дѣла Крым. стр. 957. 16 Окт. 1502 года послалъ Вел. К. въ Тавриду Ивана Ипкитина Берсена Беклемишева, приказавъ къ Менгли-Гирею: «Коли Шихъ-Ахметъ Царь отъ нашего недруга отъ Литовскаго отстанетъ, а брату моему Менгли-Гирею лиха не учнетъ чинити, и язъ, «уповая на Бога, хочю ему Азтороканіи доставати». Передъ тѣмъ были въ Москвѣ Шигъ-Ахматовы послы, Чатыrbai и Аллагъяра. Царемъ Астраханскимъ былъ тогда дядя Шихъ-Ахметовъ, Аблекеримъ (см. тамъ же, стр. 987).

(528) См. Дѣла Крым. г. 1504, въ письмѣ Менгли Гиреевомъ къ Вел. К., стр. 1100.

(529) См. тамъ же, въ письмѣ Вел. К. къ Менгли-Гирею, 20 Авг. 1504.

(530) См. Стрик. Хрон., кн. XXII, гл. 3, 4 и 6. Шихъ-Ахметъ умеръ послѣ 1505 года. — Объ Астраханскихъ Царевичахъ см. ниже, примѣч. 609, г. 1502.

(531) Александръ въ 1502 году предлагалъ Хану Крымскому миръ весьма выгодный, уступая ему нѣкоторыя мѣста, обязывался ежегодно присыпать дары, изъявляя желаніе помириться и съ Вел. К., говоря въ письмѣ къ Менгли-Гирею: «Ино сколько лиха межъ насъ ни будетъ, «а Ивану Князю, взяль Литовская вотчина, не продержати; а мнѣ взявшіи «Московскую отчину не продержати». Менгли-Гирей прислалъ сюю грамоту къ Ioannu. См. Дѣла Крым. стр. 98.

(532) Въ наказѣ послу Берсеню Беклемишеву сказано: «язь (Ioannt.) «быть Абдылъ-Летифа пожаловалъ посадилъ на Казани, и онъ мнѣ по- «чалъ лгати, и ни въ какихъ дѣлѣхъ не учѧлъ управы чинити, да и земль «Казанской учѧлъ лихъ быти, и язъ его того дѣли съ Казани свѣтъ и «держу у себя». Дѣла Крым. стр. 1007.

(533) *Архив. Лѣтн. г. 1502, л. 173:* «Тое же зимы, Генваря, послать «К. Вел. въ Казань К. Вас. Ноздроватаго, да Ивана Телешова, вельможъ «поимати Царя... а на Казань пожаловалъ Магметъ-Аминя, да и Царицу «ему даль, невѣску его Алегамовскую; а со Царемъ послать въ Казань «К. Семена Борисов. Суздалскаго, да К. Василья Ноздроватаго». Въ *Архив. Лѣтн.:* «К. Вел. вельможъ К. Казанскому Калемету поимати Царя; онъ же «пріѣхалъ съ Москвы въ веснѣ на полѣ водѣ, Царя поималъ, да сковалъ «въ жесть къ Москвѣ послать; а К. Вел. на Казань послать Магметъ- «Аминя Царя: онъ же пріѣхавъ въ Казань, да К. Камелеша убиль, а «на Вел. К. гнѣвъ держа».

(534) См. Дѣла Крым. стр. 1029 и 1030. «Тебѣ, надѣюсь, вѣдомо»— пишетъ Менгли-Гирей—въ Эндустанской землѣ *Кериденемъ* зовутъ одно- «рогъ звѣрь, и рогъ его о томъ дѣлѣ надобенъ, у кого на руѣ будетъ, «какъ ёдаки то лизати, и въ той ёствѣ что лихое землѣ будеть, и тому «человѣку лиха не будетъ. Слышишь есми *Кериденевъ* рогъ въ Хань-Ды- «каровѣ казнѣ есть, и просити послать есми, и онъ двѣ жиковини (два «перстня) нарядивъ послать ко мнѣ», и проч.

(535) См. тамъ же, стр. 1021.

(536) Въ *Архив. Лѣтн. г. 1503, л. 174:* «Апрѣля 11 опашися Кн. «Вел. на внука своего и на его матерь, и отъ того дни не вельможъ ихъ «поминати въ охтеняхъ и на литияхъ, ни шариати Великими Княземъ, «и вельможъ ихъ посадити за приставы... Апр. въ 14 день пожаловать сына «своего, Василья, посадить на Великое Княжение, на Володимерское и «Московское всея Руси». Въ *Архив. Лѣтн. стр. 174:* «А внука своего «посадить въ камень, и жесть на него возложиль». Въ томъ же Лѣто- «писцѣ сказано послѣ, что Димитрій былъ окованъ уже при Вас. Ioан- «новичѣ.—Въ ветхомъ *Синод. Лѣтн. No 365, л. 519* на об.: «за нѣкое ихъ «прегрѣщеніе съ очей сосла и въ крѣпости посади до ихъ смерти».

(537) Дѣла Крым., стр. 967, 1009, 1131.

(538) Елена погребена въ Вознесенскомъ монастырѣ. — Въ *Переписной Книгѣ Архива Посольскихъ Дѣлъ* означена *тетрадка*, а въ ней написано, какъ стеречи виука: нѣть сомнѣнія, что это былъ наказъ В. К. Ioанна, данный надзирателямъ Димитрія. Къ сожалѣнію, сія книжка утратилась послѣ 1614 года.

(539) Въ грамотѣ Вел. К. къ послу Заболоцкому, Юли 1502: «Мнѣ сказывали, что Стефанъ Воевода нашихъ пословъ да и мастеровъ къ «намъ не отпустить, ни денегъ, ни платья, ни копей имъ на путь не «дасть» (Дѣла Крым. стр. 942).

(540) См. Кантемирову Исторію Оттоманской Имперіи.

(541) 14 Юля. Въ большомъ полку съ Димитріемъ Воевода К. Василий Даниловичъ Холмскій и Яковъ Захарьевичъ; въ передовомъ К. Симеонъ Ioанъ Стародубскій. К. Вас. Иван. Шемячичъ, К. Алекс. Владим. «Ростовскій, К. Михайло Каравашичъ; въ правой рукѣ К. Федоръ Борисов. «Волоцкой, К. Федоръ Иван. Бѣльской, Димитрій Васил. Шеинъ; въ лѣ- «вой К. Федоръ Иван. Ризанской, Воевода Москов. К. Василій Мнихъ «Стрига-Ряшоловскій, К. Ив. Михайл. Рѣпні; въ сторожевомъ К. Ив. Борис., К. Михайло Федор. Телятевской, К. Фед. Васил. Телепенъ, К. Констан. Ярославской. Выступили въ походъ изъ Воронцова. См. Розряд. Книги.

(542) Дѣла Крым., стр. 964: «Смоленска не взяли за тѣмъ, что привела великая рать, ино корму не стало». Такъ долженъ быть сказать посолъ Беклемишевъ Менгли - Гирею. Дмитрій возвратился въ Москву 23 Октября.

(543) Стриков. (кн. XXI, гл. 7) пишетъ: «Староста Жмодскій со всѣю Литовскою, также Черный Чехъ со всѣми ипоземцы, прешедше рѣку Днѣпръ, подъ Оршу иде съ Татарами Заволоскими: что слыша К. Дмитрій, вскорѣ побѣже къ Москвѣ; а Литва ста на горахъ, и бѣ тамо чрезъ всю есенъ». Король Александръ, въ письмѣ своимъ къ Магистру хвалился счастливыми вылазками Смоленскихъ Воеводъ, изъявляль опасеніе, чтобы они не сдалися отъ голода и заразы, производимой множествомъ гниющихъ мертвыхъ тѣлъ подъ стѣнами (см. мои Кенигсб. бумаги, № 721).

(544) См. Дѣла Крым. стр. 992 и Розряд. Книги. Въ большомъ полку находились Князья Стародубскій, Шемякинъ, Александръ Володим. Ростовскій; въ правой рукѣ Бояринъ и Воевода К. Васил. Семенов. Одесской и Вел. Княгини Рязанской Воевода Яковъ Захарьевъ; въ передовомъ Бояринъ и Воевода К. Ив. Семенов. Одоевской-Сухорукъ, К. Ив. Мих. Воротынскай и Брянскай Намѣстникъ, Ив. Васил. Жукъ; въ лѣвой Бояринъ и Воевода К. Ив. Мих. Оболенской Рѣши и Воевода К. Федора Рязанскаго, Чавка Васильевъ Дурной; въ сторожевомъ К. Васил. Васильев. Ромодановской.

(545) Герберштейнъ въ Comment. стр. 85.

(546) Въ Продолженіе Нестор. Лицоп., стр. 344: «Прідоша Нѣмцы и Мастерь со многими воинствомъ и стояша подъ Изборскомъ, и биша стѣны многими пушками, и градъ разбина, и оттолѣ поідоша за Великую рѣку подъ градъ Псковъ, и стояша подъ градомъ, и стѣны биша многими пушками и пицальми, и граду не доскѣша ничтоже». — Въ Псков. Лиц. Гр. Толстаго: «Пріиде Мастерь Сент. во 2 день ко Изборску, и городка Богъ ублюде... а стояли подъ городкомъ одну ноицъ... «Того же мѣсяца въ 6 день пришли (Нѣмцы) на Завеличье, и Псковичи зажгоша посадъ, и вышли противъ ихъ... и биша пушками на городокъ на Кромъ, а дѣтинца Богъ ублюде... и пошли на бродъ къ Выбушу, и Псковичи противу ихъ, да много билися съ ними на броду, и перебро-дилися Нѣмцы къ Полоницу и къ стѣнѣ лѣзли... и стояли на Полонице 2 дни и прочь отошли... А ждала Псковская сила Москов. Воеводъ во Пескахъ по два дни... а Нѣмцы выжгоша мость на Черехѣ, и пойдоша въ бродъ, куда они поганіи не бывали... и ожгоша Псковичи около Полонища посады и Гремячю гору».

(547) Въ Продолженіе Нестор. Лицописца, стр. 344: «И Кн. Вел. послалъ Воеводъ своихъ, въ большомъ полку Боярина К. Данила Васильев. Щено, да Боярина К. Ив. Васил. Шуйскаго, да К. Бориса Иванов. Тулупова (или Тебетуланова); въ правой рукѣ Бояр. К. Осипа Андр. Дорогобужскаго да Окольничего Петра Иванов. Житова; въ передовомъ Боярина К. Василья Васил. Шуйского, да К. Петра Семен. Рязановскаго Лобана; въ сторожевомъ Окольничего Семена Карповича, да Мих. Семен. Колычева; въ лѣвой рукѣ Бояр. К. Володим. Андр. Минекулинскаго, да К. Семена Ромодановскаго со множествомъ воинства (изъ Новагорода) во Псковъ противу Нѣмецт. Нѣмцы же убоявшеся отступиша отъ града за 30 поприщъ. Воеводы же Вел. К. обойдоша ихъ отъ града Изборска, и срѣтоша съ Нѣмци на озерѣ на Смолинѣ и учиниша имъ бой м. Сент. въ 13 день, и бишася, и розыдоша обоя; и на томъ бою убила К. Федора Кропотича (Александровича Кропоткина), да Григор. Дмитр. сына Давидовича, да Юрья Тимофеева сына Юрлова (Плещеева) и иныхъ многихъ Дѣтей Боярскихъ, а Нѣмецъ па-

«доша безчисленно; и оттолѣ Нѣмцы отыдоша во свояси, а Воеводы Вел. Е. разыдоша и съ своимъ воинствомъ къ собѣ». — Въ *Архив. Лит.*: «И Воеводы доидоша ихъ (Нѣмцевъ) на Смолинѣ, и сказаша Воеводамъ: «Данило Шекинъ, да Лева Харламовъ, что Нѣмцы бѣжать, а люди многіе «Вел. К. изъ полковъ погониша, а полки изрушили, и кошевыхъ (обоз-
ныхъ) людей Нѣмецкихъ многихъ побили, и пришли на полки Нѣмецкие, «а Нѣмцы стоять исполчася, и Вел. Князя людей не много избили, ко-
торые пришли изрывкою, а сами ся отстали, потому что у Вел. К. Воево-
водъ полки ся изрушили». Въ *Псков. Лит.* Гр. Толстаго: «И погнаша
Воеводы Вел. Князей и Псковичи, и погнаша Нѣмцевъ въ озеровахъ
на *Мошники*, и Нѣмцы кошь свой поставши опричь, и мозвиша:
«толькѣ де Русь ударится на кошь, и мы-де выйдемъ изо Псковской земли;
«а толькѣ же де и на насть, ино туту намъ головы покласти своя. И Пско-
вичи первое удариша на кошь, и потомъ Москвичи, и начаша межи
«себя дратися о бытъ Нѣмецкомъ, а Чудь кошевую всю присѣкоша, и
Нѣмцы въ то время сступиша съ Москвичи и со Псковичи, и бысть
сѣча, а не велика, и К. Псковскій Ив. Горбатой нача загибати Пско-
вичъ, чтобы не бѣхали розно; а они вси по закустовью, и начаша ему
«Псковичи прозвище давати *Опрыможъ* и *Кормихномъ*: аще бы не толькѣ
«Г. Кн. Иванъ велѣлъ стѣну деревянную поставить около полонища и
«брдѣй, ино все тобъ дымомъ взялося и до старой стѣны». — Гербершт.,
стр. 83, пишеть, что Нѣмцы, малочисленные и тяжело вооруженные, не
могли гнаться за Россіянами, которые ободрились, снова напали на пѣ-
хоту Орденскую, состоявшую изъ 1500 человѣкъ, и разбили ону: что
отъ измѣны Гаммерштетовой погибло около четырехъ сотъ Ливонскихъ
иѣшьшихъ воиновъ; что остальные вмѣстѣ съ конницею благополучно возвращались въ свою землю. Онъ самъ видѣлъ Гаммерштета въ Москвѣ при
Дворѣ Василья Ioannovica. — Ливонскіе Историки пишуть, что у Ма-
гистра было 7000 всадниковъ, 1500 Нѣмецкихъ солдатъ, 5000 Курлянд-
скихъ, Летландскихъ, и нѣсколько сотъ Эстонскихъ крестьянъ: что пѣ-
ни-
ники сказали ему о числѣ Россіянъ, которые показались въ двѣнадцати
толпахъ; что Магистръ привель ихъ въ беспорядокъ дѣйствіемъ своей
артиллери; что нашихъ убито 40,000, а Ливонцевъ 400 пѣшихъ, нѣ-
сколько всадниковъ, Капитанъ Matvij Perpauerъ, Поручикъ Генрикъ,
брать его, и Пропорщикъ Конрадъ Шварцъ (см. Руссова, Кельха, Арита
и Гадебуша).

(548) См. Дѣла Польск. № 2, стр. 64—67.

(549) Петръ, Воевода Ланчинский: Станиславъ Глѣбовичъ Марша-
локъ: Войтекъ Яновичъ, Кухмистеръ Королевинъ; Янъ Бучицкій, Под-
чашій; Петръ Врицымовскій, Стольникъ Кракопскій; Иванъ Сапѣга, Пи-
сарь Королевскій, и Канцлеръ Королевинъ (см. тамъ же, стр. 67—69).

(550) Сей отвѣтъ Ioannovъ находитъся въ Дѣлахъ Крым. № 2, стр. 998.

(551) Плеттенбергъ, увѣдомляя Вел. Магистра Нѣмецк. о возвра-
щеніи своихъ пословъ изъ Москвы, говоритъ: *sue van dem Grossfursten
zur Moscaw und seinen Herrn vil Widderwertigkeith, Frevel und
Schmaheit, umb der Vorbuntnisse willen zwischen Konig. Majest.
und uns gescheen, das durch nu die Russischen Lande im Fursten-
thume zu Lettawen einzunemen vorhindert is, geleden und gehad
haben* (см. мон Кенигсберг. бумаги № 740). Онъ называетъ сie переми-
ре жалостнымъ и постыднымъ для Короля. Тогдашній мирный Плет-
тенберговъ договоръ съ Вел. К. состоялъ изъ 54 статей, но утратился.
Знаемъ только, что Епископъ Дерптскій обязывался въ ономъ платить
дань Россіи. Ливонскіе и въ особенности Дерптскіе земледѣльцы (какъ
пишутъ) исконы давали Новугороду и Пскову известное количество меду

и воску (см. Арига *Lichland. Chr.* 177). Важность сего обстоятельства увидимъ въ царствованіе Иоанна IV.

(552) См. Дѣла Крым., стр. 1050, 1054, 1055, 1128. Иванъ Беклемишевъ (см. выше, примѣч. 527) не доѣхалъ до Тавриды: Царевичъ Ногайскій, Ахметъ, сынъ Мамукоы, напалъ на него близъ Оскола и пленилъ многихъ бывшихъ съ нимъ людей: Беклемишевъ ушелъ обратно въ Москву. Въ Сент. 1503 Вел. К. отправилъ къ Менгли-Гирею Ивана Иванова Ощерина. Кромѣ пословъ, съ обѣихъ сторонъ ѻздили гощы съ письмами.

(553) Дѣла Польск., № 2, стр. 69—70. Послами были Бояринъ и Окольничий Петръ Мих. Плещеевъ, Бояръ и Дворецкой Конст. Григорьевъ. Заболоцкой, Окольничий Мих. Яков. Яропкинъ, и Дьякъ Никита Моклоковъ. Ихъ сослали въ Троки.

(554) Дѣла Польск. № 2, стр. 70—71.

(555) Тамъ же, стр. 82. Иоанъ посыпалъ тогда къ Еленѣ Дьяка Губу-Моклокова, который долженъ былъ таить свое порученіе отъ мужа ея. Она велѣла сказать родителю, что есть дочери у *Маркграфа*; есть и другія невѣсты въ Германіи, и проч.

(556) Она скончалась въ девятомъ часу дня, 7 Апр. 1503.

(557) Гербершт. стр. 7: *Aunt Sophiam haec suisse astutissimam, cuius impulsu Dux multa fecit.*—Кранцъ въ Wandal. стр. 297: *ingeniosa, ut ferebant, mulier.*

(558) Онъ выѣхалъ изъ Москвы 21 Сент. 1503, а возвратился въ Ноябрѣ.

(559) См. *Ros. Вып.ов.*, II, 408, или *Собрание Государствен. Грамотъ*, I, 389.

(560) Собр. *Государ. Грамотъ*, I, 397: «Сынъ мой Юрый съ братьею по своимъ Удѣломъ въ Московской землѣ, и въ Тферской денегъ дѣлати не велять, а деньги велитъ дѣлать сынъ мой Василей на Москвѣ и во Тфери. А откупы вѣдаеть сынъ мой Василей; а въ откупѣ у него мон дѣти Юрый съ братьею не вступаются... А которые есми города и волости подаватъ дѣтямъ своимъ, Юрью съ братьею въ Удѣлы, а тинули душегубствомъ къ городу къ Москвѣ: и тѣ города и уѣзы и волости тѣхъ городовъ тинуть душегубствомъ къ городу къ Москвѣ, по старинѣ; а дѣти мои, Юрый съ братью, въ то не вступаются».

(561) Тамъ же, стр. 393: «Благословляю сына своего Василья и дѣтей своихъ меньшихъ въ Москвѣ годомъ Князь Костянтиковскимъ Дмитреевича, что быль данъ брату моему, Юрью, да годомъ Княжымъ Петровскимъ Дмитреевича, что быль данъ брату моему, Андрею Меньшому, да годомъ Князь Михайловскимъ Андреевича; а дрѣжигъ сынъ мой Василей и мои дѣти меньшия на тѣхъ годѣхъ на Москвѣ своихъ Намѣстниковъ, перемѣния 5 лѣтъ по годомъ. А что быль брату моему орису въ Москвѣ годъ Князь Ивановской Андреевича, и тотъ годъ приходилъ брата моего Борисовымя дѣтемъ обѣма дрѣжати на Москвѣ своего Намѣстника на шестой годъ, и братаничъ мой Иванъ ту полгоду даѣть мнѣ, и язы ту полгоду даю сыну своему Василью, и братаничъ мой Федоръ съ сыномъ съ моимъ съ Васильемъ тотъ шестой годъ дрѣжать по полугоду».—О собственности и наслѣдствѣ меньшихъ сыновей см. тамъ же, стр. 397.

(562) Ка. Ризанский умеръ 29 Мая: «а сынъ его Иванъ остался по-
«пупата года».

(563) Анна Ризанская скончалась въ Апрѣлѣ, на Святой недѣлѣ въ Среду, въ 6 часу дня. Имя ея невѣстки, Агриппы, извѣстно намъ по дѣламъ Архивскимъ. На примѣръ, въ 1502 году Вел. К., отпустивъ назадъ Кафинского посла Алакоза, съ своимъ чиновникомъ, Яков. Телешовымъ, черезъ Рязань, велѣть поклониться *Великой Княгинѣ Аграфенѣ*.

и сказать: «Отпустилъ есмь судномъ посла Турецкого до Старой Рязани; «а отъ Ст. Рязани ѿхати ему Иронею вверхъ, а изъ Ирона къ Иранову, «а изъ Ирановой Хунтою вверхъ до Переяловки до Ряского полы. И «ты послала бѣ 130 человѣкъ его проводити до Переяловки, да Переялою Ряскимъ полемъ до рѣки до Рясы; а деверю твоему, К. Федору, «вельми есми послати 70 человѣкъ.... А сколько имъ будеть надобѣ ко «ней и телегъ, и ты бѣ имъ дала два жеребья; а Князю Федору вельми «есми дати треть.... И ты бы у Алакоза десяти человѣкомъ ослободила «(позволила) панятись Козакомъ, а не лучшими людемъ... Занежъ твоимъ «людемъ служилимы, Бояромъ и Дѣтимъ Боярскимъ и сельскимъ, быти «всѣмъ на моей службѣ; а торговымъ людимъ лучшимъ и серединимъ и «чернымъ быти у тоби въ городѣ.... а ослушается и пойдеть кто (на «Донъ), ихъ бы вельма казнити.... а не учнешь казнити, ино ихъ мнѣ «вельми казнити и продавати». См. Дѣла Крым. г. 1502 въ посольствѣ Голохвастова.

(564) *Ros. Видѣо. II, 300*, или *Собр. Госуд. Грамотъ I, 344*. Сохранилась только грамота договорная между Василемъ и Юриемъ, писанная 16 Июня 1504. Въ ней сказано: «А Орды, Господине, вѣдати и знати тобѣ, «Великому Князю (Василію)... а въ выходы ми (Юрию) въ Ординьские и «въ Крымъ, въ Астрахань, и въ Казань, и во Царевичевъ городокъ «(Касимовъ) и въ иные Цари и въ Царевичи, которые будутъ у тоби «въ землѣ, давати ми тебѣ по тому, какъ отецъ нашъ въ своей духовнѣй грамотѣ написалъ». Внизу подпись: «Смиренный Симонъ Митрополитъ всен Русіи».

(565) Иосифъ Волоцкій въ своей книгѣ о ереси: «Они же (еретики) «убояшася казни и начаша клятися вси: Архіепископъ же Генадей ять «вѣру покаянію ихъ, и дастъ имъ ослабу, и яко пріиша ослабу, и аbie вси на «бѣгство устремишаися, ини въ Литву, ини же въ Нѣмцы и въ иныя грады».

(566) См. *Никон. Лѣт. VI, 138* и *171*.

(567) Казнь совершилась 27 Дек. 1503. Некрасу отрѣзали языки, а послѣ сожгли его въ Новѣгородѣ, также и брата Кассіanova. Иосифъ Волоцкій пишетъ: «Они же (еретики) таковую свою бѣду видя, вси начаша «каятыся... а Божественная Писанія повелѣваютъ на покаяніе пріимати «по своей воли, а не по нужи кающихся», и проч.

(568) *Степен. Книга, II, 155*.

(569) Дѣла Польск., № 2, стр. 73—74.

(570) Тамъ же, стр. 73—78. Отъ насъ въ 1504 году ѿздилъ въ Поздышу Константина Замыцкій, съ кречетами, съ бѣлками и съ сухою «рыбою» для Елены; а въ 1505 Раҳманинъ Тюленинъ и Подъячій Григорій Чеслюковъ. Отъ Короля были въ Москвѣ гонецъ Матвѣй Куницевичъ въ 1504, Посланникъ Дьякъ Залуцкій и Дворянинъ Богданъ Долгирдовичъ.

(571) См. Дѣла Цесарск. Двора № 1, л. 129. Онъ называется въ сихъ бумагахъ Юдокъ Кантиргерь, Картингиръ, а послѣ Герtinge, Герtingъ. Пріѣхалъ въ Москву 2 Іюля.

(572) Дѣла Цесар. Двора № 1, л. 137: «Лѣта 7013 Іуп. 16 прислали «изъ Новагорода Намѣстники К. Данило Васильев. и К. Вас. Шуйской «грамоту: Государь и В. К! холоши твои Данило да Васюкъ Шуйской «челомъ біютъ. Прислаль къ намъ съ Иванягорода К. Костантинъ Федоровичъ грамоту Цесарскаго Короля... и тое у насъ перевести некому», и проч. К. Констант. Ушатой писалъ къ Новогородскимъ Намѣстникамъ: «Прислаль ко мнѣ Юшть Римскаго Цесаря посолъ, чтобы язъ выслать «къ нему Дмитрія Щербатово на рѣку, а Дмитрій (слова Юштовы) «языку нашему умѣть и меня знаеть, а язъ тутожъ буду па рѣкѣ, да «и грамоту дамъ ко Государемъ, Рускимъ Царемъ... И напередъ того «тотъ Юшть былъ посольствомъ у Государей, Вел. Князей».—Гартингеръ

пишеть въ своихъ посольскихъ рѣчахъ къ Иоанну. «А вѣльъ бы Ваше величество писати по-Латынски, зане же не могутъ разумѣти письма Русскаго; а были пѣкоторые разумѣющіе языки Русской, тѣхъ не стало: такжѣ и Юрыя Делатора не стало».

(573) См. *Дѣла Польск. Двора* № 2, стр. 71—72. Дѣянье Моклоковъ былъ посланъ къ Королю Александру требовать, чтобы онъ дозволилъ послу Датскому бѣхать изъ Москвы черезъ Литву. Малетъ пишеть, что Король Датскій не согласился выдать дочери за Василья (*Histoire de Dan. кн. VI, г. 1500*).

(574) Гербершт. *Comment.* стр. 18.—Въ Родосл. Книгахъ: «Въ лѣто 6838 прииде изъ Орды Князь Четь, а во крещеніи Захарія, а у Захаріи сынъ Александръ, у Александра сынъ Димитрій Зерпо, а Димитріевы дѣти Иванъ да Константинъ Шея, да Лимитрій, а у Ивана Димитріевича Зернова дѣти Федоръ Сабуръ, да Иванъ Годунъ».

(575) Въ первой годь сего царствованія. Василий женился 4 Септ. 1505. Митрополитъ вѣнчаль его въ Успенскомъ Соборѣ.

(576) См. *Казан. Лѣт.* гл. 12. Сія Царица названа женою болышицею, то есть, первою женою.

(577) См. тамъ же.

(578) Въ *Казан. Лѣт.* сказано, что Татары 30 дней приступали къ Нижнему; а по другимъ лѣтописямъ онишли на третій день.

(579) См. *Казан. Лѣт.* Татаръ было 60,000, какъ онъ говоритъ.

(580) Въ 1500 году онъ раздалъ имъ Новогородскія земли.

(581) О семь пишуть Олеарій и Флегчерь, которой было Англійскимъ посломъ въ Москвѣ при Федорѣ, сыне Царя Иоанна Васильевича, и написалъ книгу *Of the Russe Common-Wealth*.

(582) Древнейшая изъ Розрядныхъ Книгъ, мнѣ известныхъ, начинаясь съ 6979 или 1471 года.

(583) См. выше, примѣч. 489.

(584) Въ *Продолженіи Нестор. Лѣт.* стр. 343: «Пожаловашеся (Димитрій) отцу своему: многіе дѣти Боярскіе подступали подъ градъ и въ волости отѣзжая грабили безъ его вѣдома, а его не послушаша. За то К. Вел. воспалися на тѣхъ, и многихъ повелъ испоимати, да казнити, по торгу вода кнутъемъ бити, а многихъ въ тюрму пометати».

(585) Гербершт. *Comment.* стр. 8: *Slephanus, crebro in conviviis eius mentionem faciens, diceret: illum domi sedendo et dormitando imperium suum augere, se vero pugnando quotidie vix limites defendere posse.*

(586) См. въ *Труд. Вольнаю Рос. Собраниј послужный списокъ Бояръ*, 217—229.

(587) Мы говорили о томъ въ описаніи Посольствъ.

(588) См. Петрееву *Musskow. Chron.* стр. 165. Онъ называетъ его *Grotzdyn*. Въ лѣтописцѣ Латухинскомъ, которой у меня, сказано: «Сей бо Вел. Кн. Иоанъ, именуемый Тимоѳеемъ Грозныемъ». См. также *Ядро Рос. Исторіи*.

(589) См. Гербершт. стр. 8.

(590) Въ *Лѣт. Русск. Львова* стр. 199: «Тое же зимы (г. 1488) «Архимандрита Чудовскаго были въ торгу кнутъемъ, и Ухтомскаго Кн. «и Хомутова, про то, что здѣлали грамоту на землю послѣ Князь Андр. «Васильев. Вологодскаго кончины, въ кої написали, яко бы онъ Аль-«дрей дать къ Спасову монастырю на Каменное».

(591) *Hist. Polon.* кн. XIII, стр. 587: *Dux Jwan magni animi et factivitatis erat vir.* См. также Кромера, стр. 445.

(592) Гербершт. стр. 8. См. также Петрея *Musskow. Chron.* стр. 165—169.

(593) Солинякъ въ Hist. de Pologne, кн. XV, г. 1479.

(594) Дѣла Крым., стр. 99, 169, 170. Къ Жиду Захаріи Скарѣ были посланы двѣ грамоты, одна въ 1484, а другая въ 1487 году. Таманскій Князь, Захарія Гайгуренъ, въ Окт. 1487 присыпалъ изъ Крыма въ Москву на Латинскомъ языке письмо съ Армениномъ Богданомъ, говоря: «Посылаю сего человѣка къ Осподарству твоему, да повѣстъ моихъ бѣдъ прошлыхъ: шоль есмь найти Осподарствія твоего, и на пути мене Стефанъ Воевода ограбилъ, да и мучилъ мя только что не до конца; также мя отпустилъ нагово, и тово ради есмь не могъ ити къ Осподарству твоему, но и назадъ есмь хотѣлъ воротитися.. Аще Осподарство твое вѣсочетъ пріяти единого слугу аки мене, есмь хотяющъ и готовъ, токмо слышаша ради великихъ добротъ и хвалу, юже имѣши по всемъ земли... Пріиду съ всѣмъ ли своимъ домомъ или нынѣ «преже мнѣ единому съ нѣкими малыми людьми?» и проч. Кто былъ сей Князь? не племени ли Козарскихъ Хановъ? имя кажется Азіятскимъ.

(595) См. выше, въ описании первого Императорского посольства.— Въ грамотахъ къ Еврею Скарѣ и въ другихъ: «Божію милостію Господарь Рускіе земли, Великій Князь Иванъ Васильевичъ, Царь всея Руси» (Дѣла Крым. стр. 169).

(596) См. сей Исторіи Т. II, стр. 282, и Т. V, стр. 404.

(597) См. Баера въ Origin Russ.— Въ нашемъ переводе Св. Писанія вмѣсто Cæsarъ говорится Кесаръ; а Царь есть совсѣмъ иное слово.

(598) См. сей Исторіи Т. I, примѣч. 302. Вопреки Татищеву, я нигдѣ не находилъ имени Бѣлой Россіи до временъ Иоанна III.

(599) Въ Никон. Лѣт. VI, 130: «К. Вел. послалъ Тверскіе земли писати по-Московски въ сохи».

(600) См. въ Архивѣ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ, подъ № 5. Книгу Помѣстного Приказа. На примѣрѣ: «Деревня Ольховецъ: Еська Степанковъ, Ермачко Елекинъ, съять ржы 6 коробей, а сѣна косять 20 копенъ: двѣ обжи. Стараго дохода двѣ гривны, четыре денги; двѣ «короби ржы, три короби овса, полкороби пшеницы, полкороби ячнени, а ключнику полкороби ржы, два сыра, двѣ лопатки бораны, двѣ «горести лѣну». Въ другомъ мѣстѣ: «Дохода съ обѣихъ деревень» (съ четырехъ тяголъ) «пять денегъ, а изъ хлѣба пятнаша, два сыра, двѣ овчины, дву горести лѣпу, возъ сѣна». Иные давали и хмѣль.—Сія Книга писана не въ 1677 году, какъ замѣтилъ кто изъ Архивскихъ чиповниковъ на ея перенеслѣтѣ, а безъ сомнѣнія или при Иоаннѣ Василіевѣ. I или при его сыне, Василіи: первое даже вѣроятнѣе. Вотъ доказательства:

1) Вездѣ говорится о Великомъ Князѣ; нигдѣ неѣтъ имени Царя въ Титулѣ.

2) Упоминается о родонаачальникахъ фамиліи Коновницыныхъ, Александрѣ и Расиліи, *тодашнихъ* помѣщикахъ Новогородскихъ: отъ нихъ до малолѣтства Петра I было въ семье родѣ шесть поколѣй (см. печатную Родослов. Книгу, II, 97): слѣдственно прошло лѣтъ около двухъ сотъ

3) Упоминается еще обѣ Ильѣ, сына Квашни, тогдашнемъ помѣщикѣ бывшихъ деревень Марѣи Исаковой Борецкой: прадѣдъ сего Ильи выѣхалъ изъ Литвы около 1340 года во времена Иоанна Калиты (см. въ Синод. библіот. Родослов. Книгу подъ № 461, л. 125).

4) Сей Илья Квашнинъ означенъ *первымъ* владѣльцемъ бывшихъ Марѣиныхъ деревень, описанныхъ на Государя въ 1478 году. Гдѣ владѣльцы уже перемѣнялись, тамъ сказано, кто именно послѣ кого владѣль.

5) Говорится о рубляхъ Новогородскихъ, коихъ уже не было при сыне Царя Иоанна, Феодорѣ.

6) Сказано о нѣкоторыхъ деревняхъ, что онѣ *тянутъ судомъ и всѣми пошлиными по старину* ко Искову: Василій Іоанновъ, уничтожилъ сію старину.

7) Письмо сей книги древнѣ XVII вѣка и сходно съ письмомъ Иоаннова времени.

(601) Въ духовномъ завѣщаніи Иоанна: «Ставятся гости съ товаромъ иноземци и изъ Московскія земли... на гостиныхъ дворѣхъ; а дѣти мои «у моего сына у Василья въ тѣ дворы въ гостиные и въ тѣ пошлины «не вступаются». См. Собр. Г. Г. или Древн. Рос. Видѣю.

(602) См. тамъ же.

(603) Дѣла Крым. стр. 907, 913, 914, въ росписи вещей, отнятыхъ Татарами, Азовцами и Кафинцами у нашихъ людей. На примѣрѣ: «Копыла, Боброва браты, самаго взяли Татаровъ, коли Кубенскаго грабили, «а съ ними взяли сороковъ собольихъ и горностаевъ и бѣлки, и шубъ «бѣльихъ, и черевъ рысихъ, и однорядокъ Лунскихъ, и шубъ горль ли «сыхъ, и зубецъ рыбыхъ, и коней и мериновъ, всего на 1364 рубли.. «и холстовъ и юфтей на 50 рублей... Ортема да Мартына Котельни «ковыхъ не стало въ Азовѣ, а рухлядь свою приказали Олешунѣ Сели «ванову полшестъ десять косяковъ бези, да 11 литръ шолку Бурского, «да пя 30 рублей жеччугу, да полтора косяка тафты Бурскіе червчатые».

(604) См. сей Исторіи Т. 1, примѣръ 310.

(605) Тамъ же, примѣръ 391.

(606) Т. 11, примѣръ 134.

(607) Въ духовн. завѣщаніи Иоанна: Сына своего Василья благо «словлю крестъ Животворящие древо въ рацѣ Цареградской, да крестъ «Петровъ Чудотворцевъ; а Юрью крестъ золотъ Борисоглѣбской; а Димитреа крестъ золотъ Шарамшина дѣла; а Семена крестъ золотъ Михайловской Владычены; а Андрея икона золота Распятъ, дѣлана финифтомъ «съ каменьемъ и съ жемчуги. А что есми далъ своей казны Юрью, «Дмитрею, Семену, Андрею, и то есми поклаль въ ларци; а у тѣхъ лар «цовъ печать моя», и проч. Сіи ларцы стояли у Казначея Дмитрия Владимира, у Печатника Юрия Дмитріева Грека, у Дѣлаковъ Данилки Мамырева и Гишки Моклокова; а ключи были у сыновей Иоанновыхъ.

(608) См. выше, примѣръ 324.

(609) Въ Продолженіи Нестор. Лѣтописца, стр. 339: «Въ лѣто 7006 «Кн. Вел. Окольничимъ и всѣмъ судіямъ уложилъ судъ, судити Бояромъ «по судебніку Володимира Гусева». Сей Судебникъ былъ намъ извѣстенъ только по нѣкоторымъ статьямъ его, переведенныхъ на Латинскій языкъ Герберштейномъ: *Ordinationes a Ioanne Basilii Magno Duce, anno mundi 7006 factae (Rer. Moscov. Commem. стр. 38)*. Но въ 1817 году, стараниемъ нашего знаменитаго, просвѣщенаго Любителя Древностей, Государственного Канцлера, Графа Николая Петровича Румянцова, нашелся современный списокъ Иоанновыхъ законовъ. Вотъ начало: «Лѣта 7006, «м. Сент. (въ 1497 г.) уложилъ К. В. Иванъ Васильевичъ вси Руси съ «дѣтми своимъ и съ Бояры о судѣ, како судити Бояромъ и Окольничимъ... а на судѣ быти у Бояръ и у Окольничихъ Діакомъ, а посоловъ «отъ суда и отъ печалованія не имати... не мстити, ни дружити никому. «А какой жалобникъ къ Боярину придетъ, и ему жалобниковъ отъ себе «не отсылати, а давати всѣмъ управа... а котораго жалобника не при «гоже управити, и то сказати Вел. Князю, или къ тому ею послати, «которому которые люди приказаны вѣдати» (изъ сего мѣста можно заключить, что тогда уже существовали Приказы). Далѣе: «А имати Боярину въ судѣ отъ рублеваго дѣла на виноватомъ 2 алтына, а Діаку «8 денегъ» (следственно 20 денегъ или десятую долю рубля): «а будетъ «дѣло выше рубля или ниже, имати по тому росчету. А досудятся до «поля, а у поля не стоявъ помирятся, и Боярину и Діаку по тому рос «чету... а Окольничему и Діаку (его) и Недѣльщикомъ пошлины полевыхъ «нѣть». Кромѣ Бояръ, имѣвшихъ судную власть въ Москвѣ и въ дру-

гихъ областяхъ, главнымъ распорядителемъ поедиkovъ былъ Государевъ Окольничий. *Недѣльщикомъ* именовался приставъ, который ъздила за обви-
ненными и представляла ихъ въ судъ. «А у поля стоять помирятся,
«Окольничему четверть (рубля) и Діаку 4 алтыны съ деньгою» (сверхъ
извѣстнаго платежа Боярину и Дьяку его) а Недѣльщику четверть, да
«Недѣльщику же вѣсчего 2 алтына» (за *заязаніе*, за представление отвѣт-
чика). «А побиются на поли въ заемномъ дѣлѣ или въ бою (въ дракѣ),
«и Боярину съ Діакомъ взяти на убитомъ (побѣжденномъ) противень
«противу исцева» (то же, что береть истецъ) «а Окольничему полтина,
«а Діаку четверть, а Недѣльщику полтина, да вѣсчего 4 алтыны. А по-
«биются на поли въ пожегѣ, или въ душегубствѣ, или въ разбои, или въ
«татбѣ, ино на убитомъ исцево доправити, да Окольничему полтина да
«доспѣхъ, а Діаку четверть, а Недѣльщику полтина, да вѣсчего 4 алтыны:
«а самъ убитый въ казни и въ продажи Боярину и Діаку» (то есть, имъ
отдавалось его имѣніе, которое они дѣлили по вышеозначенной соразмѣр-
ности). «А доведуть на кого татбу, или разбой, или душегубство, или
«ябедничество, или иное лихое дѣло, и будеть *вѣдомой* лихой, и Боярину
«того велѣти казнити смертною казнью, а исцево доправити; а что ся
«останеть, ино то Боярину и Діаку... А не будетъ, чѣмъ исцево заплати-
«ти, и Боярину лихого истцу въ его гибели не выдати, а велѣти его
«казнити смертною казнью Тіуну В. К. Московскому да Дворскому»
(следствію симъ чиновникамъ поручалось исполненіе казни). «А госу-
«дарскому убийцѣ» (убийцѣ господина своего) «и коромолику» (мятеж-
нику, измѣнику) «и церковному татю и головоному» (кто людей крадеть,
уводить, похищаетъ: *plagiarius* у Герберштейна, *Selavendieb*, *Menschen-
dieb*; а не смертоубийца, какъ изъясняетъ Татищевъ) «и подымашку»
(описка вмѣсто *подметчика*: см. Судебникъ Царя Иоанна и Гербершт. Р.
М. С. 39) «и зажигальнику жибота не дати... А котораго татя поимаютъ
«впервые, ино его казнити торгою казнью, да исцево доправи, да судѣй
«его продати; а не будетъ, чѣмъ исцево заплатить, ино его, бывъ кну-
«тѣемъ, да исцу выдать головою, а судѣй не имати ничего на немъ. А
«поимаютъ вдругые, ино казнити... а не будетъ у татя съ исцеву ги-
«бель, ино его исцу въ гибели не выдати: казнити его смертною казнью.
«А на кого взмолвить Дѣтей Боярскихъ человѣкъ 5 или 6 добрыхъ, по
«крестному цѣлованью, что онъ татъ, ино на томъ взяти исцеву гибель
«безъ суда. А съ поличиньемъ его приведутъ впервые, а взмолвить на
«него человѣкъ 5 или 6, что онъ татъ *вѣдомой*, и прежде того крадывать,
«ино того казнити... А на кого татъ взмолвить, ино того опытати, бу-
«деть *прочной*», (описка вмѣсто *прирочной* или *порочной*) «человѣкъ съ
«домомъ» (описка вмѣсто *съ доводомъ*)... Слѣдуетъ уставъ судейскихъ поши-
линъ: съ рубля за *правую грамоту* Боярину 9 денегъ *отъ печати*.
Дьяку за подпись алтынъ, Подъячему за написаніе 3 денги; за холопью
отпискную то же; за *докладной списокъ* Боярину алтынъ, Дьяку 4 денги,
Подъячему 2 денги, (а если *докладъ* былъ предложенъ Вс. Князю и дѣ-
тятъ его, то Государевъ Печатникъ бралъ 9 денегъ, а Дьякъ алтынъ); за
безсудной спискою Печатнику алтынъ, Дьяку то же, Подъячему 2 денги;
за срочными Дьяку 2 денги. *Правую грамоту* называли ту бумагу, кото-
рая давалась оправданному въ судѣ: *докладныи списокъ* описание или
предложеніе дѣла, или экстракти: безсуднымъ обвиненіе того, кто не явился
къ суду; *срочными* тѣ грамоты, въ коихъ означался срокъ для суда. Да-
лѣе: «А котораго обвинить Бояринъ не по суду (несправедливо) и гра-
моту правую на него съ Діакомъ дастъ, ино та грамота не въ грамоту,
«а взятое отдать назадъ: а Боярину и Діаку въ томъ пени нѣтъ; а
«сисемъ судъ съ головы» (см. сюю статью въ Судебникѣ Царя Иоанна,
у Татищ. стр. 12). Даѣе запрещается Намѣстникамъ и Валостелямъ

освобождать и выдавать рабовъ безъ суда Боярскаго. О Недѣльщикахъ сказано, что имъ дается приставная грамота, съ которой они должны хѣтъ за отвѣтчикомъ. Далѣе: «Отъ приставныхъ имати Нѣ-«чательнику у Недѣльщиковъ по ъздѣ: съ которые приставные рубль Нѣ-«дѣльщику, и Діаку отъ подписи взяти алтынъ у Недѣльщика съ рубля, «а Печатнику алтынъ же... а будеть въ приставной искѣ меньше «ъзду, и Діаку тѣхъ приставныхъ не подписывать; а безъ Недѣльщи-«ковъ Діакомъ приставныхъ не подписывать же. А колько вытей» (ча-стей, дѣль, порученій) «въ приставной ии будеть, и Недѣльщику ъздѣ «одинъ до того города, въ которой приставная писана: а хоженого на «Москвѣ, площенаа (площадного), Недѣльщику 10 денегъ, а на правду «(на судь) вдвое, и отъ поруки поминковъ не имати имъ; а ъздѣ емлеть «до котораго города, а на правду имъ имати вдвое». Слѣдуетъ указъ объ ъзда. Недѣльщикамъ давали за посылку отъ Москвы до Калуги рубль до Вязмы 2 рубли, до Звенигорода 2 гривны, до Козельска рубль съ чет-вертью, до Переяславля 20 алтынъ, и такъ далѣе. «А ъздити имъ са-«мимъ съ приставными, или своихъ племянниковъ и людей послыати; а «урочниковъ» (собирающихъ уроки или нени? см. *Русск. Правду*) не посыпяти. А въ которомъ городѣ ожидаетъ Недѣльщикъ, ино ему съ при-«ставными въ томъ городѣ не ъздити». Изъ слѣдующаго видно, что Недѣльщикъ пыталъ воровъ и могъ отвѣтчиковъ давать на поруку. Ему предписывалось быть безпристрастнымъ, безкорыстнымъ и проч. Далѣе: «А въ который городъ или волость прѣѣдѣтъ Недѣльщикъ, и ему при-«ставная явити Намѣстнику или Волостелю: а будуть оба исца того го-«рода, и ему обоихъ поставити предъ Намѣстникомъ... А Бояромъ или «Дѣтемъ Боярскимъ, за которыми кормленія съ судомъ Боярскимъ, су-«дити; а на судѣ у нихъ быти Дворьскому и Старостѣ и лутчимъ лю-«дямъ; а безъ Дворского и безъ Старосты и безъ лутчихъ людей Намѣстникомъ и Волостелемъ не судити... А имати ему (Намѣстнику, Во-«ярину), оже доишется ищезъ своего, по грамотамъ; а не будеть гдѣ гра-«моты, и ему имати противу исцева: а не доишется ищезъ своего, а бу-«детъ виноватъ ищезъ, и ему имати на ищезъ съ рубли по 2 алтына, а «Тіуну его по 8 денегъ». Слѣдующее доказываетъ, что судебные поединки были и въ волостяхъ. Далѣе: «А съ холопа и съ робы отъ отпустные «имати Боярину и Сыну Боярскому, за которыми кормленія съ су-«домъ съ Боярскимъ, отъ печати съ головы по полутретья алтына, а «Дѣику по 3 денги; а Тіуну его на кормлениѣ холопу правыя грамоты «безъ доклада государя» (т. е. его начальника или Боярина) «и отпуст-«ныя не дати. А положить кто отиускную безъ Боярского докладу и «безъ Дѣячей подписи, или съ городовъ безъ Намѣстнича докладу и та «отпустная не въ отпустную, опроче тое, что государь (господинъ хо-«лона) своею рукою напишетъ... Намѣстникомъ и Волостелемъ, кото-«рые дръжать кормленіе безъ Боярского суда, и Тіуномъ Вел. Князя «и Боярскимъ Тіуномъ холопа и робы безъ доклада не выдати и от-«пустные не дати, а тати и душегубца не пустити, а всякаго лихого «человѣка безъ докладу не продати, ни казнити, ни отпустити. А при-«ставомъ (Недѣльщикамъ) Намѣстничимъ по городомъ имати хоженое и «ъздѣ по грамотѣ, а гдѣ иѣть грамоты, и ему хоженое имати въ городѣ «по 4 денги, а ъздѣ на версту по дензѣ... Аще кто попадеть пристава «по Намѣстнику и по Волостелю, по Боярина и по Сыну Боярскому... «и имъ къ сроку отвѣчивати хѣтъ... А кого послухъ послушствуетъ въ «бою, или въ грабежю, или въ заемѣхъ, ино судити на того волю, на «комъ ищутъ: хощеть на поле съ послухомъ лѣзетъ, или, ставъ у поля, «у креста положить, (чего) на немъ ищутъ, и истецъ безъ цѣлованія «свое возметъ, и отвѣтчикъ полевые пошлины заплатить, а вину емъ.

«убитые нѣть» (т. е. не наказывается, какъ побѣжденный). «А не стоятъ, съ поля, у креста положить, и онъ судіамъ пошлину по списку заплатить, а полевыхъ ему пошлины нѣть. А противу послуха отвѣтчикъ будеть старъ, или малъ, или безвѣченъ, или Попъ, или Чернецъ, или Черница, или жонка, ино противу послуха паймитъ панити вольно, а по послуху наймита нѣть... а послухъ не пойдетъ предъ судью, ино на томъ исцово и убытки взяти; а съ праветчикомъ о сроцѣ тому послуху судь. «А послухъ не говорить передъ судьями въ исцевы рѣчи» (согласно съ истцемъ) «и истецъ тѣмъ и виновать. А на комъ чего взыщетъ жонка, или дѣтина малъ, или кто старъ, или немощень, или чѣмы увѣченъ, или Попъ, или Чернецъ, или Черница, или кто отъ тѣхъ въ послушествѣ будеть кому, ино наймита панити вольно. А исцемъ или послуху цѣловати» (присягать) «а наймитомъ битися; а противу тѣхъ исцѣ или отвѣтчику наймитъ же, а восхочеть и онъ самъ... А кто кого поимаетъ, приставомъ въ бою, или въ лавѣ (въ брани), или въ зайдѣхъ, и на судь сити не воскотятъ, и доложа судіи помирятся; а суды продажи на нихъ нѣть, опроче бѣду и хожепого. А наймить не дослужить своего урока, пойдеть прочь, и онъ найму лишенъ». Смысл закона о купѣ, наследствѣ, земледѣльцахъ, холопяхъ, и проч., мы предложили въ текстѣ Исторіи. Выпишемъ только нѣкоторыя мѣста. «А который Христіанинъ (земледѣлецъ) поживеть за кимъ годъ, да пойдетъ прочь, и онъ платить четверть двора; а 2 года поживеть, и онъ полдвора платить; а 3 годы поживеть, и платить $\frac{3}{4}$ двора; а 4 годы, и онъ весь дворъ платить» (т. е. рубль)... А гдѣ отхожіе пожни (сѣнокосъ), ино поженному государю не городится: городить тотъ всю огороду, чья земля ораная сѣкъ пожни... Кто между переореть или перекоситъ, ино Волостелемъ или «Посельскому имати на томъ за боргъ» (вѣроятно на харчѣ: у Татищева заборомъ) «по 2 алтына; и за рану (убытокъ, вредъ) присудять посмотря по человѣку, и по ранѣ, и по рассужденію... А которые земли за Преставомъ въ судѣ, и тѣ земли досуживать, а пересудчикомъ пересудъ имати на виноватомъ 2 гривны; а меньше рубля пересуда нѣть. А съ списка съ судного и съ холопа и съ земли пересуда нѣть; а съ поля со всякого пересудъ. А списокъ оболживить кто, да пошлется на правду, ино въ томъ пересудъ; а Подвойскымъ праваго десятка 4 деньги на виноватомъ... А вѣдѣти прокликать по торгомъ, чтобы судьямъ и приставомъ посуду не сулили... а послушствуетъ послухъ лживо, не видѣвъ, ино на томъ послухѣ гибель исцева вся и съ убыткы. А къ полю прѣдѣсть Окольничей и Діакъ, и вѣспросити исцевъ, ициен и отвѣтчиковъ, кто за ними стряпчей и поручники, и тѣмъ вѣдѣти и стояти, а досиѣху си дубинъ и ослоповъ стряпчимъ, и поручникомъ у себя не держати» (изъ сего несправедливо заключали, что и бойцы сражались у насъ только ослопами и дубинами). «А которые имутъ опришніе (посторонніе) съ поля стояти, и тѣхъ отслати прочь; а не пойдутъ, и на тѣхъ исцово доправити и съ пошлиными, да дати ихъ на поруку, да поставити передъ Вел. Княземъ».

(610) Сие обстоятельство и слѣдующее взято изъ Герберштейна R. M. C. 39.

(611) Извѣстныхъ намъ по Олегову договору съ Греками и Правдѣ Русской (см. Т. I и Т. II).

(612) См. выше, примѣч. 324.

(613) «Того же лѣта (1504) поставиша на Москвѣ решотки по улицамъ». Павелъ Іоанній въ описаніи древней Москвы говорить: *upaqueaeque regis regio foribus, cancellisque sepitur.*

(614) См. Ядро Рос. Исторіи. стр. 216. Древнѣйшіе изъ чужеземцевъ, бывшихъ въ Россіи, согласно пишутъ, что народу Московскому доз-

чалилось пить вино только въ нѣкоторые дни (см. Флетчера и Олеарія).

(615) Въ духовномъ завѣщаніи Иоанна: «Сынъ мой Василей въ своемъ Вел. Князенъ дрѣжитъ ямы и подводы на дорогахъ по тѣмъ мѣстамъ, где были ямы и подводы на дорогахъ при миѳѣ». См. выше прим. 362.

(616) Строков. Хрон. кн. XXI, гл. 1.

(617) Лѣла Польск. Двора № 1, стр. 684: «Память Ивану Мамонову. Пытати ему въ Вязмѣ Ки. Бориса, въ Вязму кто непрѣзжикъ валь ли болень изъ Смоленска тою болѣстью, что болячки мечются, а словеть Французска, а будто въ винѣ ее привозил; да и къ Смоленску о томъ опытати, ешо ли та болѣсть есть или иѣть: да о томъ къ Вел. Кн. отписати; да и въ Вильнѣ о томъ пытати, есть ли ешо та болѣсть или иѣть».

(618) См. выше стр. 11. Въ нѣкоторыхъ лѣтописяхъ: «Въ лѣто 7000, сирѣчъ начало осьмыхъ тысячи мѣсяца Сентябрь, повелѣніемъ Вел. К. Ив. Вас. всея Руси того ради сидошаши на Соборѣ къ Москвѣ Пресосвѧти. Зосима Митроп., Генадій Архіеп. Вел. Новаграда и Искова, Тихонъ Архіеп. Ростовский и Ярославский, Ниѳонтъ Еписк. Сузальскій и Тарускій, Симеонъ Рязанскій и Муромскій, Василий Тферскій, и Кашинскій, Авраамій Коломенскій и Каширскій, Прохоръ Сарскій и Половинскій, Филоѳей Пермскій, и Архимандриты и Игумены, и весь Освѧщеній Соборъ, и начаша Св. Миротворный кругъ», и проч.

(619) Въ подлинникѣ: «О лѣтѣхъ же и о времени нѣсть наше искати, но подобаетъ намъ молити Господа о устроеніи всего міра и о благо-состояніи Божіихъ Церквей, и о пособлениі и укрѣплѣніи благовѣрн. и христолюб. Вел. Кн., Ив. Васильевича, всея Руси Самодержца, и о здравіи его», и проч. Даѣте: «Въ лѣто 7001 повелѣно бысть отъ Господиша, отца нашего, Зосима Митроп. всея Руси, мнѣ Генадію, Архіепископу Вел. Новагорода и Пѣскова, учинити Пасхалію на осьмую «тысячу», и проч. См. выше, примѣч. 7.

(620) Синод. Лѣт. № 365, л. 509: «Въ лѣто 7001, Ноября въ 27. Зосима Митрополитъ на Москвѣ соборнѣ изложилъ Пасхалію на 20 лѣтъ; прислалъ на Вологду Владыцѣ Филоѳею Чермъскому и Вологодскому за своею подписью, а Филоѳею такожъ соборнѣ велѣль о томъ «поискати; и Владыка пообыскавъ, ино пришли по Митрополичи жъ Пасхаліи, и послалъ къ Митрополиту свою Пасхалію на 19 лѣтъ за своею «подписью за Чермъскою».

(621) См. выше, примѣч. 617.

(622) См. въ Синод. бібліот. книгу въ четвертку подъ № 79, л. 31. Тамъ сказано: «Въ Царство Вел. Кн. Ив. Васил., всея Руси Самодержца, Соборъ быль о земляхъ церковныхъ, Святительскихъ и монастырскихъ. Симонъ Митрополитъ всея Руси со всѣмъ Освѧщен. Соборомъ первое сіе послана писаніе къ Вел. Кн. съ Ділкомъ съ Леващемъ:

«Говорити Вел. Князю Ив. Вас. всея Руси отъ Симона Митр. всея Руси и отъ всею Освѧщ. Собора Ділку Леващу:

«Отецъ твой, Господине, Симонъ Митрополитъ и весь Освѧщ. Соборъ говорить, что отъ первого благочестиваго, Святаго и равнаго Апостоломъ Великаго Царя Константина... и матери его Елены, да и по нихъ... Святители и монастыри грады и властіи и села держали», и проч. Даѣте: «Такоже, Государы, и въ нашихъ Русійскихъ страшахъ при твоихъ прародителяхъ, при В. К. Владимірѣ, и при его сынѣ, Вел. К. Ярославѣ... даже и до сѣхъ мѣстъ Святители и монастыри грады и властіи, слободы и села имѣли, и суды и управы, и пошлины и оброки и дани церковныя держали по Божественнымъ велѣніемъ и установлениемъ, и по правиломъ Св. Апостоль и Св. Отецъ, и Христолюб. Царей и по твоихъ прародителей, В. К. Владиміра и его сына, В. К. Ярослава, и установлению и утвержденію, яко же тамо въ ихъ установлениі подлинно

«писано есть... И нынѣ Святители и монастыри земли держать, а отдавати ихъ не смѣютъ и не благоволять», и проч. Слѣдуетъ сказаніе о томъ, что Андрей Боголюбскій дать церкви Владимицкой. Даѣшь: «Мнози и отъ нечестивыхъ и нечестивыхъ Царей въ своихъ Царствахъ отъ Св. церквей и отъ свящ. мѣстъ ничего же не имаху, и недвижимыхъ вещей «не смѣли двигнути, и судити или поколебати... и зѣло по святыхъ церквяхъ побораху не токмо въ своихъ странахъ, но въ Русійскомъ вѣщемъ Царствіи, и ярлыки давали», и проч.

(623) См. въ Синод. библіот., подп. № 529. Книгу о древностяхъ Рос. Государства, I, 327, и Древ. Рос. Вавилон. XIV, 206. Сей Соборъ былъ въ Сент.

(624) Архив. Лѣт. л. 176 и 177 на обор. и Руск. Лѣт. Львова стр. 280, гдѣ сказано: «нача мзду имати совѣтомъ своего любовника, «Дьяка Михаила Иванова сына Алексеева Гостенка». Геннадій сверженъ въ Іюнѣ 1504 года, а скончался въ третій годъ своего заключенія.

(625) См. ниже, примѣч. 629, годы 1464 и 1497.

(626) См. тамъ же, г. 1492, и выше примѣч. 104.

(627) См. ниже, примѣч. 629 въ разныхъ годахъ.

(628) Въ 1493 году, какъ видно изъ послужнаго списка Бояръ Ioаннова времени. См. Древ. Рус. Вавилон. Т. XIII, и Бекетова Розряд. Кн. У Дружки были поддатень, Окольничий Иванъ Чеботь, и два разсыльника. Коверъ Княжай (а въ другомъ спискѣ колпакъ) держаль Николай Ангелою, перемѣняясь съ Иваномъ Бариновымъ. Дьяки назначали совѣтниковъ, корогваниковъ, фонарниковъ. Одни чиновники стояли у словоў мѣстного, другіе несли подушки въ церковь, шли передъ камками и слали ихъ подъ ноги жениху съ невѣстою. Конюшій Гриди Аѳанасьевъ ъѣдалъ на жеребцѣ; у него было 15 человѣкъ Дѣтей Боярскихъ. Попъ Аѳанасій стоялъ съ крестомъ у постели. У саней Софіинъхъ шли Бояре Греки Димитрій, Юрій и Юшко Малой, любимецъ Василіевъ, о коемъ мы упоминали въ описаніи женитьбы сего молодого Вел. Князя. Въ заключеніи сказано: «А что отъ Вел. К. и отъ Вел. Княгини да-ровъ Кн. Василью Даниловичу Холмскому было, и то записано на Ка-«зениномъ Дворѣ». — Феодосія скончалась 19 Февр. 1501. См. подробнѣе извѣстіе о свадебныхъ обрядахъ въ VII Т.

(629) Я нашелъ ихъ въ библіотекѣ Троиць Сергіева монастыря при одной лѣтописи въ четвертку стариннаго письма. Вотъ начало: «Господи «Іисусе Христе! помилуй мя раба своего грѣшнаго, Аѳанасія Микитина «сына. Се написахъ грѣшное свое хожденіе за три моря: первое море «Дербенское или Дорія Хвалитская; второе море Индійское, Дорія Инду-«станьская; третье море Черное, Дорія Стембульская. Пойдохъ отъ Св. «Спаса Златоверхаго съ его милостью отъ Вел. Кн. Михаила Борисо-«вича и отъ Владыки Генадія Тверскихъ: пойдохъ на низъ Волгою и «придохъ въ монастырь къ Св. и Живоначальной Троицѣ, Св. Мучени-«ковъ Борису и Глѣбу, и у Игумена ея благословивъ у Макарія. Изъ «Колязина поїдохъ на Углечъ, съ Углеча на Кострому ко Кн. Александру съ писою грамотою, и Кн. Вел. отпустилъ мя всемъ Руси добро-«вольно, и на Плесо въ Новгородъ Нижний къ Михаилу къ Киселеву къ «Намѣстнику и къ Пошлинику Ивану Сараеву пронустили добровольно: «а Василей Папинъ проѣхалъ городъ, а язъ ждалъ въ Новгородѣ 2 не-«дѣни посла Татарского Ширваншина Асамбека; а ъѣхалъ съ кречеты «отъ Вел. К. Ивана, а кречетовъ у него 90. И поїхалъ съ нимъ на «низъ Волгою, и Казань есмі, и Орду, и Усланъ, и Сарай, и Берекзаны «проѣхали добровольно, и вѣѣхали есмі въ Бузанъ рѣку, и ту наѣхали «нась три Татарини поганыи и сказали намъ ложныя вѣсти: Кайсанъ «Солтанъ стрежетъ гостей въ Бузанѣ: а съ нимъ 3000 Татаръ. И по-

«соль Ширваншии Асанбекъ дать имъ по одноряты, да по полотну,
«чтобы провели мимо Азтархань, и они вѣсть дали въ Азторохани
«Царю, и язъ свое судно покинуть, да полѣзъ есми на судно послово
«съ товарищи. По мѣсячу ночи парусомъ Царь насть видѣть, и Тата-
«рове насть кликали: не бѣгайте! и Царь послать за нами всю свою
«Орду, и по нашимъ грѣхомъ насть постигли на Бузунѣ: застрѣли у
«насть человѣка, а мы у нихъ двухъ застрѣли, и судно наше меньшее
стало на езу, и они его взяли часа того, да разграбили, а моя руки идѣ
свсѧ въ меньшемъ суднѣ; а болѣшимъ есмѧ судномъ дошли до моря, ино
«стали на усть Волы на мели, и они насть тутъ взяли, да судно есмѧ
свадѣ тянули до езу, и тутъ судно наше большее взяли и 4 головы
свзяли Рускіе а насть отпустили голыми головами за море, а вверхъ
насть не пропустили вѣсти дѣла, и пошли есмѧ къ Дербенти дѣвѣмъ суды:
«въ одномъ суднѣ послоль, а Русаковъ насть 10 головами, а въ другомъ
6 Москвичъ, да 6 Тверичъ; и встала фурстовина на морѣ, да судно
меньшее разбило о берегъ, и пришли Кайтаки, да людей поймали
свсѣхъ.—И пришли есмѧ въ Дербентъ, и ту Василей (Папинъ) по-зло-
«зову пришелъ, а мы пограблены: и былъ есмѧ челомъ Василью Папину
«да послу Ширвану, что есмѧ съ пимъ пришли, чтобы ся печаловаль
людехъ, что ихъ поймали подъ Тархы (Гарки) Кайтаки. И Асанбекъ
«печаловался и єздилъ на гору къ Ширвантѣбегу... И Ширвантѣбегъ
«этого часа послалъ къ шурину своему Алильбегу, Кайтаческому Князю,
что судно съ мое разбило подъ Тархы, и твон люди пришель людей
«поимали, а товаръ ихъ пограбили, и ты бы меня дѣля люди ко мнѣ
«прислалъ и товаръ ихъ собраль, зане же тѣ люди посланы на мое имя:
«а что тобѣ будеть надобѣ, и ты ко мнѣ пришли, и я тобѣ, своему брату,
«за то не стою. И Алильбегъ того часа отослалъ людей всѣхъ въ Дер-
бентъ добровольно, а изъ Дербенти послали ихъ къ Ширванши, въ
«Койтуль, и били есмѧ ему челомъ, чтобы насть пожаловаль чѣмъ дойти
до Руси, и онъ насть не дать ничего. Ано насть много, и мы заплакавъ,
«да разошлись кой куды. У кого что есть на Руси, и тотъ пошелъ на
«Русь; а кой долженъ, а тотъ пошелъ куды его очи понесли; а иные оста-
лися въ Шемахѣ, а иные пошли работать къ Бакѣ».

Сего довольно для примѣра въ слогѣ. Теперь, *другими словами*, пред-
ложимъ извлеченіе:

«Я пошелъ въ Дербентъ, въ Баку, гдѣ горить огнь неугасаемый;
«изъ Баки за море въ Чебокару (Бокару), въ Сару, въ землю Мазрань-
«скую (Мазандерансскую), въ Амил (Амоль), Димованъ (Демавену), Ко-
«рю (Киеру), Кашенъ (Кашанъ), Наинъ (Наиль), Ездынъ (Ездѣ), Сырчанъ
«(Керманъ или Sirjan), Таромъ (Таремъ), Ларъ, Бендеръ, Гурмызъ (Ормустъ),
«гдѣ я взялъ первый Великий день (или Пасху), и гдѣ пламенное солнце
«сжгетъ человѣка. Тутъ пристанище цѣлаго свѣта: видишь людей и то-
«вары всѣхъ странъ: что родится на землѣ, есть въ Ормусѣ; но поши-
«лина весьма тягостна для купцевъ: берутъ изо всего десятое. Оттуда
«споѣхали мы моремъ съ конями въ Мокшатъ (Маскатъ), Кузратъ (Гу-
«зуратъ), Камбать, гдѣ родится краска далекъ (индиго): изъ Камбата въ
«Чивиль; изъ Чивиля сухимъ путемъ въ Нали (Нили), къ горамъ Индѣй-
«скимъ, въ Уми (Орманъ), въ Чонеръ, городъ на камennомъ островѣ, и
«въ Бедеръ, столицу Великаго Султана. Именую единственно большие
«города, между коими находится множество иныхъ, разстояніемъ одинъ
«отъ другаго въ десяти и менѣе verstахъ. Всъ сей Индостанской странѣ
«господствуютъ Хоросанцы. Султанъ ихъ есть двадцатилѣтній юноша,
«управляемый Боярами: онъ имѣть 300,000 воиновъ. Народъ Индѣйскій,
«сему подвластный, многочисленн., по бѣдень, особенно въ седахъ. За то
«Вельможи Хоросанскіе богаты: ихъ носятъ на серебряныхъ кроватяхъ;

«а передъ ними идуть кони украшенные золотомъ, воины, трубачи, *сви-
рельники*. Съ Султаномъ на охотѣ бываетъ всегда 10,000 всадниковъ,
«50,000 пѣшихъ, 200 слоновъ наряженыхъ въ блестящіе доспѣхи, 100
«безынъ и 100 наложницъ. Дворецъ его великолѣпенъ: нѣть камня про-
«стаго; все украшено искусною рѣзьбою и золотомъ. Для безопасности
«города всякую ночь разлѣжаетъ по улицамъ стражи съ факелами. Жи-
«тели весьма склонны къ воровству и злодѣяніямъ; а жена рѣдкая цѣ-
«ломудренна, рѣдкая не вѣдьма. Войны бываютъ частыя; главная сила
«рати состоитъ въ слонахъ, покрытыхъ доспѣхами; къ рылу ихъ и зу-
«бамъ привозятъ длинные мечи; на спинѣ же у каждого сидитъ 12
«человѣкъ съ пушками. Всадники и Воеводы всѣ Хоросанцы; пѣхота
«Индѣйская. Въ Бедерѣ торгуютъ лошадьми, камками и всякимъ това-
«ромъ; но мало годного для Русской земли, хотя и думаютъ у насъ, что
«въ Индостанѣ рай купечества. Дешевы персы и краски, шелкъ, сахаръ.
«Пошлина вездѣ большая, разбойниковъ множество. Жить здѣсь дорого:
«я издерживаю въ день 15 денегъ» (около 1½, рубля ассигнаціями). «Въ
«300 верстахъ отъ Бедера родится алмазъ, въ горѣ принадлежащей Вель-
«можѣ Меликхану: локотъ ея продается по 2000 фунтовъ золота; а почка
«хорошаго алмаза стоитъ 10 рублей... Нѣть, братья Христіане, не ѻдите
«въ Индию, если мила вамъ православная Вѣра: или сдѣлаетесь Маго-
«метанами, которые здѣсь господствуютъ, или претерпите страшныя бѣд-
«ствія. Увы! я все забылъ, не имѣя книгъ съ собою: не знаю ни праздни-
«ковъ, ни Середы, ни Пятницы. Но крайней мѣрѣ молюся Богу истин-
«ному, Вседержителю, Творцу неба и земли; иначе не призываю, вопреки
«заблужденіямъ сего народа, исповѣдающаго 84 Вѣры, согласныя въ
«споклоненіи Буту, но столь несогласныя въ правилахъ, что Индѣйцы
«разныхъ Вѣръ не хотятъ ни пить, ни есть вмѣстѣ, и не совокупляются
«бракомъ между собою». Нашъ древній путешественникъ называетъ Вѣ-
«рами гражданскія степени, или *Касты* Индѣйцевъ. Продавъ въ Бедерѣ
«своего жеребца, онъ ѻзилъ въ *Индѣйскій Ерусалимъ*, и пишетъ что ісе
«каменное зданіе величию будеть съ полъ-Твери; что на стѣнахъ его
«вырѣзаны дѣянія Брамы, представленнаго въ видѣ обезьяны, съ хво-
«стомъ, съ десницаю простертую, какъ у статуи Царя Густиніана въ Кон-
«стантинополѣ, и съ кошемъ въ лѣвой рукѣ; что передъ нимъ стоитъ не-
«обыкновенной величины быкъ, вырѣзанный изъ чернаго камня, съ позо-
«лотою; что народъ, осыпал его ивѣтами, лобызаетъ въ копыто, и проч.
Описавъ войну Султана Бедерскаго съ Нандерскимъ, въ которой будто
бы сражалось болѣе миллиона людей, нашъ путешественникъ отправился
въ Дабуль, Индостанскую гавань, куда привозятъ лошадей изъ Мизора,
Аравіи, Хоросана, Туркестана. За два червонца панивъ для себя мѣсто
на Индѣйской Тавѣ или кораблѣ, онъ вышелъ на берегъ въ Ормузъ, и
поѣхалъ сухимъ путемъ черезъ Ларъ, Ширасъ, Ездѣ въ Испагань, Ка-
шанъ, Саву, Султанію, Таврисъ, Требизонтъ и Кафу.

Въ Вокрессенской летописи, отысканной Гм. Строевымъ (чиновни-
комъ служащимъ въ Архивѣ Пиостр. Кол.) подъ годомъ 6983 (1475) ска-
зано слѣдующее: «Того же году обрѣтохъ написаніе Оенона Тферитина
«купца, что былъ въ Индїи 4 годы, а ходилъ, сказывается, съ Васильемъ
«съ Панинымъ; азъ же опытахъ, коли Василей ходилъ съ кречаты по-
«сломъ отъ В. К., и смазаша ми, за годъ до Казанскаго похода при-
«шелъ:» сѣдѣствію въ 1468?

Дополнительная выписка изъ летописей.

Годъ 1462: «Поставленъ бысть Архіепископомъ Ростову Трифону
«Архимандритъ Спасскій Московскій Маія въ 13; а прииде въ Ростовъ
«въ 23.—Скопившееся (во Псковѣ) Попове некупній, биша челомъ Пскову,

«чтобы пятому Собору быти... и повелъша быти у Похвалы Св. Гогородица да у Покрова, да у Св. Духа за Домантовою стѣною. Заложиша «(во Псковѣ) церковь кам. у примостила на Запсковья Св. Козмы и Даміана К. Володимеръ Андреевъ и Посадникъ Степениный Зиповей Михайловичъ... Псковичи заложиша иной городокъ новъ на Володчинѣ горѣ, ии нарекоша Володимерецъ. Поставиша церковь Св. Николы. Задѣлаша «Псковичи присло стѣны на Крому отъ Велкія рѣки, и врата на рѣку «урядиша подѣлъ Велкую рѣку отъ Кутнаго острова и до Смердыхъ «воротъ, какъ съ другой стороны вдѣлано прежде, также въ вышину отъ «Псковы рѣки... Поставиша (въ Новѣгородѣ) перковъ кам. Св. Дмитрія «на Славковѣ улицы на старой основѣ; свящаль Архиеп. Іона Окт. 26».

Г. 1463: «Во градѣ Ярославлѣ, въ монастыри Св. Спаса, обрѣтены «быша мони К. Федора Ярослав. и сыновъ его, Константина и Давыда, «подъ церковью тою въ подклѣтѣ цѣлы вси. Архиманд. же Христофоръ «монастыря того взять ихъ оттолѣ съ великою честію, принесе во храмъ «Спаса и положи въ единъ гробъ и ризы Чернеческіи новы положи на «нихъ, понеже во Мнишескомъ чину преставишиася; и бляху отъ нихъ «многа чудеса и исцѣленія.— Іона, Епископъ Пермскій, крести Великую «Пермь, и Князя ихъ» (вѣроятно, Михаила, взятаго послѣ въ пленъ войскомъ Московскими) «и церкви поставилъ, и Игумены и Чопы... Изнача «Псковичи дѣлати стѣну на Крому перси въ Домантовѣ стѣнѣ; совершиша церковь Козмы и Даміана; помостиша мостъ чрезъ Великую «рѣку. Бысть во Псковѣ темяньдорогъ, по 60 денегъ рублевах гривенка».

Г. 1464: «Марта 4 ѡеодосій Митроп. поставилъ иѣкоего Йерусалимскаго Іосифа, брата Патріарха Йерусалимскаго, Митрополитомъ въ «Кесарії Филипповы; а той Патріархъ Йерусалимскій пошоль быль на «Москву милостины ради, понеже бо бѣ истома имъ отъ Египетскаго «Салтана, и не дошедь преставиша въ Кафѣ, и той Іосифъ хотѣ быти «на его мѣсто, и тако поставиша и иде отъ Митроп. нашего, много собравъ милостины, и не дойде своея земли». (Въ *Посланіи Рос. Митропол.*, л. 99, есть письмо Митроп. къ Новгородцамъ и Псковитянамъ о семъ Іосифѣ: тамъ сказаю: «Приде къ намъ отъ Господня гроба Іосифъ Протосингель, возвѣща онаго пришедшаго съ небеси страшного труса.... не пощаде раздѣлить церкви Св. Воскресенія, иже надъ Св. гробомъ, ии перковый лобъ впадъ внутрь скрушилъ; и слыша о томъ Салтанъ «Египетскій, и хотя разорити храмъ и на мѣстѣ томъ поставить свою «изгнѣть. Онъ же Йоакимъ Патріар. много плакався, проша, да окунь «возметъ... и едва сталь на полтести тысячи златыхъ Венедицкыхъ, и въ «томъ поручники много Христіанъ; данъ же и закладъ, много святости «церковныя», и проч.)— .. Кн. Псковскій Ив. Александ. и Посадникъ «Степен. Алексѣй Васильев. заложиша градъ новъ деревянъ на Сини «рѣки и нарекоша Красной городецъ. Мѣс. Іуля бысть дождя много и «вода велика, а хлѣбъ дешевъ (во Псковѣ): зобница ржи по 17 денегъ, «а овса по 7, а пудъ соли по 3 денги».

Г. 1465: «Прибѣжа на Москву Ефимей Епископъ Брянскій и Черниговскій, покиня свою Епископию, и даша ему Суждаль и Колугу и «Торусу. Окт. въ 5, въ 1 часу нощи, мѣсяцъ гибль, и второй часъ весь... «Покрыша (во Псковѣ) церковь Св. Софіи желѣзомъ и всю церковь; «преставиша Посадн. Максимъ во Иноческомъ чину, и сынъ его Симеонъ, «и Посадн. Юрий Тимоѳеев.; присло стѣны отвалишася у Крома отъ «рѣки Псковы, и того же лѣта и сдѣлаша; бысть пожаръ на Запсковья «Мая въ 16, и погорѣ монастырь и церковь Св. Ильи; совершиша перси «у Крому Авг. въ 30, а дѣлаша 80 мужей паймитою по 3 лѣта, а взаша «175 рублей, и колокольницу на стѣнѣ на персехъ поставиша ко Св. Троицѣ; почаша крыти храмъ Св. Троицы доски: покрыша Св. Воскре-

«сеніе жеъзомъ и всю церковь въ Домантовѣ стѣнѣ; почаша подпisy-
свати церковь на Мелетовѣ; подписанша притворъ Св. Троицы спереди
«отъ стороннихъ дверей. Авг. въ 9 Исковици съ посажаны, своихъ хо-
ромовъ блoudчи, заложиша стѣну древину отъ Великой рѣки отъ мона-
стыря отъ Покрова да и до Исковы, а отъ Исковы на Запсковыи за-
ложиша отъ Григоричей горы до Великой рѣки, до Св. Варлама; а дѣлаша
сами посажаны своимъ запасомъ и поставиша тую стѣну въ едину не-
дѣлю. Той же осени, Окт. 6, прїѣха во Исковъ Архіеп. Юна, и срѣ-
стоша его со кресты за новою стѣною, и соборовавъ у Св. Троицы, и
«Сенадикъ чтоша, и пѣта многая лѣта, и злыя проклятия. Окт. въ 19
загорѣлося на Усоеѣ у старой стѣны, въ Бараусовѣ дворѣ, и погорѣ
«весь Исковъ, а загорѣлося въ лягомо; а Владыка съѣхаль на Сщетную
«гору, и поѣхъ Окт. въ 24».

Г. 1466: «Апрѣля въ 8 преставися Васильянъ, Епископъ Сарайскій.
«Нереставися Княжъ Петрова Князя Дмитріевича Донского, жила долго
«въ Черницахъ и въ Схимѣ на Москвѣ у Вознесенія, нареченная во
«Минищескому чину Ефросинья. Заложиша (во Исковѣ) церковь кам.
«Похвалу Св. Богородицы на Романовѣ, и 16 Іюня загорѣлося въ Куз-
«нецкой улицѣ отъ Климентія кузнецца и погорѣша Полонинце и до Ро-
«жества до монастыря, и церквей погорѣ 12, а горѣло отъ Великія рѣки
«по Лужскій Костерь и ко Исковѣ рѣкѣ, и Богъ ублюде Св. Троицы: въ
«томъ мѣстѣ переметаша хоромы. Того же лѣта покрыша верхъ у Св.
«Иерусалима жеъзомъ; того же Авг. въ 1 повѣсиша колоколь на перехъ
«на новой стѣнѣ: свершиша церковь на Романовѣ; побиша лобъ у Св.
«Троицы жеъзомъ; бысть хмѣль дорогъ во Исковѣ, зобница по полтинѣ
«и по 10 денегъ».

Г. 1467: «Апрѣля 14 родися К. Вас. Иванов. Рязанскому сыни Иванъ
«на Москвѣ. Заложиша (во Исковѣ) церковь кам. на Полонинѣ, Св. Воз-
«несеніе; а хмѣль то лѣто во Исковѣ дешевъ, по 18 денегъ зобница ржи,
«а овса по 8, а соли пудъ по 3 деньги, а меду по семи пудъ за полтину;
«только хмѣль сильно дорогъ, по 60 денегъ ползобенье, только не велико
«время. Отписася своей Епископыи Архіеп. Ростов. Трифонъ Авг. въ 6:
«бѣ бо болеть, и сойде въ монастырь ко Спасу. Обновлена бысть на Мо-
«сквѣ церковь Вознесеніе Вел. Княгинею Марью Вас. Васильев. Тем-
«наго; заложила ту церковь Вел. Княгиня Евдокія Дм. Иванов. Дон-
«скаго прежде сего за 60 лѣть, и при ней не много сдѣлано, понеже того
«лѣта преставися; по многихъ же лѣтѣхъ нача ту церковь совершати
«Вел. К. Софья Вас. Дмитріев., и соверши по кольцу, но верху не сведе;
«по многихъ же пожарѣхъ и сводомъ двинувшимся, а внутри все твердо
«бляше: Вел. же К. Марья восхотѣ разобрать и новую поставити, и по-
«мысливъ о семъ Вас. Дмитріев. Ермолинъ съ мастера, и не розобраша,
«но изгорѣлое камене обломаша и своды разбиша, и сдѣлаша новымъ
«каменемъ и кирничемъ, яко всѣмъ дивитися. Но ября 3 священа сія
«церковь Филиппомъ Митроп. Дек. 10 поставленъ Ростову Архіеп. Васильянъ
«Рыло; прежде бытъ Игуменъ Троицкой».

Г. 1468: «Февр. 15 Устюгъ Кремль весь сгорѣль. Заложиша (во
«Исковѣ) въ монастырѣ на Красномъ дворѣ церковь камен. Св. Пантеле-
«имона Апр. въ 16, а взиша отъ нея дѣла своего мзду 30 рублей у
«Чернцевъ. Той же веснѣ весь Исковъ подѣлиша по два пригорода на
«два пригорода на вси Концы, коемужъ Концу къ старымъ пригородамъ
«новый жеребемъ дѣлили а ималъ жеребей К. Василей, К. Федора Юрьев.
«сынъ, съ престола. Мая въ 23, во второмъ часу нощи, загорѣся посадъ
«на Москвѣ у Николы у Мокрого, и много дворовъ безчислено сгорѣ,
«верхъ по рву и за Богоявленскую улицу, мимо Висяковыхъ дворъ по
«Иванъ Св. на пяти улицахъ, а отъ Св. Ивана на подоль по Васильев-

«ской лугъ; да на Большую улицу на Вострой конецъ по Кузьму и Даміана; вѣтрею было и истомно въ городѣ. Поставлена Вел. Князьемъ церковь обѣтиная Симеонъ Дивногорецъ. Бысть дождь все лѣто, 4 мѣсяцы, и много по полю хлѣба погнило, а траву водою отнило, и ржей многіе не засѣяли. Авг. 4 бысть гибель мѣсяцу. Бысть морь великъ на кони. «Родися К. Василью сынъ Петръ. Срубиша на Волзѣ городокъ Романовъ. «Бывшій Архіеп. Трифонъ преставиши Дек. 30 и положенъ бысть въ Ярославль въ монаст. Св. Спаса».

1469: «Пять Соборовъ (во Псковѣ) и все Священство написавъ граммоту изъ Номоканона и въ ларь положиша о церковныхъ вещехъ» (во время ихъ ссоры съ Архіеп. Новгородскимъ) «а надъ собою въ правители па Вѣчѣ предъ всѣмъ Псковомъ посадили Попа Андрея Козу Св. Михаила, а другова съ Завеличья Харитона Попа Успенія, и восташа клеветницы на Попа Андрея, и бѣжа въ Новгородъ ко Владыцѣ, и Генв. 22 прїеха Владыка, и встрѣтиша его со крестами, и призвавъ скъ собѣ въ Пустынскій дворъ, нача спрашивати о грамотѣ крѣпостной... и не даша ему, и поѣзда свой на Священникахъ побравъ, поѣхъ Февр. въ 5. Здѣлаша великия врата каменные (во Псковѣ) и костерь наверху «большой выше старыхъ по конецъ мосту Запсковскаго, а все дешево, са со всѣхъ сторонъ мирно и тишина велика. — Начаша (въ Повѣтѣ «городѣ) тополици садити на Славковѣ улицы. Авг. въ 30 бысть бури сильна, и градъ и громъ, и страхъ велий. Тоя же осени прїехать во Псковъ «посоль отъ В. Ки., именемъ Селиванъ, такожъ отъ Митрои. Глѣбъ съ «Митрополичею грамотою, а глаголи такъ, чтобы есте, сынове, тое «управление церковное на своего Архіеписк. положили... Весьже Псковъ «благословеніе его и своего Государи, Вел. Князя, слово пріали, а крѣпость дарную вынемше подали Генв. въ 5. — Дек. 21 у гроба Митрои. «Петра отроквица слѣна прозрѣ; также испѣѣтъ человѣкъ иѣкій изъ Рязаніи странной, имѣ руку прикорчену и къ ребромъ приrostшую».

Г. 1470: «Марта 13 бысть громъ и молнія и дождь великъ. Апрѣля въ 15 по Вечерни въ 12 часовъ бысть знаменіе въ солнцѣ, явился кругъ «на небеси единимъ краемъ посреди неба, а другой спустился къ Засаду, и половина круга того изнутри червлена, а около зелено до половины круга вверхъ по краемъ, икоже бываетъ дуга на небеси тѣмъ «цвѣтствъ: а другая половина бѣла; а подъ кругомъ тѣмъ даѣ дуги тѣмъ «же образомъ, снизу зелено, а внутри червлено, а концы дугъ до самаго «Запада; внутри же ихъ на сереткѣ солнце сущее ихъ близъ къ Западу идяше, а межи дугъ подъ самымъ кругомъ яко два рога, единъ концомъ «на Югъ, другой на Сѣверъ, а межи ихъ яко солнце сіяше свѣтло, а «стояще надъ сущимъ солнцемъ прямо, а на нихъ отъ того солнца, иже «межи рогъ, промежъ дугъ по обѣ стороны по солнцу, противъ сущаго «солнца. И такъ 2 часа біяше видѣти; и потомъ кругъ и дуги изгибоша. «А тѣ три солнца необычныи сидиша вмѣсто, и бысть едино, и идяше «за сущимъ солнцемъ новыше его и зайдоша вмѣстѣ, прежде сущее, а то «необычное за нимъ. Около же круга, иже былъ посреди неба, по обѣ «сторонѣ его новыше бѣло, вверхъ не снideся, а внизъ до полукруга «концы ихъ. Сie же знаменіе видѣли мнози на Москвѣ, въ прочихъ же «градѣхъ не видѣли. — Тоя же веснѣ (во Псковѣ) бысть вода велика, и «наполниша рѣки и озера. Мая въ 21 бысть во всю нощь громъ и «молнія, и тресну громъ вельми, и молнію у Св. Пантелеимона (въ «Псковѣ) въ монастыри на Красномъ дворѣ на иконахъ золото пожгло, «а въ церкви ходила стрѣлка, и тою же молнію зажже церковь въ Ситиѣ, «и Богъ вѣсты, сколько погибло Христіянъ, и храмовъ и древесъ пожгло. — «Того же мѣсяца женился К. Андрей Васильев. Углецкій на Москвѣ. «поняль у К. Романа Мезецково дщерь Елену, а вѣничалъ ихъ въ Прѣ-

«чистой Филипп Митроп. Тараканъ кунецъ заложилъ себѣ (въ Москвѣ) «палаты коричневые у градной стѣны у Фроловскихъ воротъ, единаго лѣта «и сведе. — Юны 24 (во Псковѣ) предь вечеромъ бысть грохотъ, громъ «съ молниею силенъ, и на Званицѣ у Коровы гридницы 7 человѣкъ мол- «нію опали, и бысть дождь прарудомъ; а тѣхъ 4 человѣка отволочили, «и три до смерти сразило; а въ гриднице которые не были, а ти добры «здоровы. Свершиша (во Псковѣ) церковь въ монастырь Св. Никиты, а «взяша мастера 20 рублей сребра.—Того же лѣта Авг. въ 1, исходищу «второму часу, загорѣся на Москвѣ внутри города на подолѣ, близъ Царя «Константина и Елены, отъ Богданова двора Носова. и до вечерни вы- «горѣло все и за рѣкою многіе дворы погорѣли, а головни и бероста да- «лече носило, много верстъ; а К. Вел. тогда былъ на Коломенѣ: остался «въ городѣ только дворъ К. Ивана Юрьев., да братаничевъ его два двора, «да Орины Алексѣевы: оттолѣ бо вѣтеръ тянула. Преставися Гона, Епи- «скошъ Пермскій. Того же лѣта (въ Новѣгородѣ) на Федоровѣ улицы изъ «тополы воды канало много, отъ верха и изъ сучья; помостиши мостъ «новъ, отъ Лубянкѣ во весь Конецъ Плотницкой; а на Славковѣ улицы «поставиша гридницу нову среднюю».

Г. 1471: Тоя же зимы бысть снѣжно и бурно, а веснѣ по рѣкамъ «воды мало. Марта 23 преставися Княгини Инока Мареа Ростовская, и «положена у Рожества Богородицы въ монастыри. Тоє же весны Про- «хоръ поставленъ бысть Епископомъ Сараю. Отъяли невѣгласи мздомима- «тели (во Псковѣ) на Вѣчъ землю и воду отъ Св. Троицы, Апрѣля въ 7, «Матутину землю, его прадѣда Нѣжатина даши, Посадника, и въ тыя «часы, еще и Вѣче не поспѣло разойтись, загорѣся за стѣной того же «Матуты двора, а той Матута прежде того за 4 мѣсяцы преставися, и «въ пяти мѣстѣхъ загоралося. Намостиши мостъ (во Псковѣ) на новомъ «мѣстѣ, на Черехѣ рѣки, а даша мастерамъ 18½ рублей. Тоє же весны «жениши К. Бористъ Васильев. у К. Мих. Холмскаго, поняль Княжну «Ульяну. Преставися К. Алекс. Федоров. Ярославскій, Апрѣля 17, и «положенъ въ Ярославли у Св. Спаса въ монастыри. Априля конецъ «светла и Мая нового быша морози велицы по 9 утру, а обиные Богъ «убилють, а дубие молодое и ясенѣ и папортъ вся мразь призюби. Бысть «на Яковлѣ улицы (въ Новѣгородѣ) пожаръ и середь Борковѣ улицы и «до Козмодемьянѣ, и 4 церкви огорѣ, и того же лѣта 2 церкви отъ грома «сгорѣша, конецъ Прусской улицы, Илья Св., а другая Св. Федоръ въ «Ракомѣ. Потрясся на Москвѣ земля Авг. въ 29» (сказано въ Арханг. и Новогород. Лѣт.). «Той же осени бысть пожаръ въ Новѣгородѣ, отъ «Вареской улицы отъ берега и до Лубяници, и 2 церкви огорѣша, Св. «Иоанна у Нѣмецкаго Двора и Св. Георгія въ Торгу, Нѣмецкій Дворъ «горний погорт. Ноябр. 8 поставленъ Еписк. Перми Филоѳей. Ноябр. въ «27 бысть гибель лунѣ. Дек. 8 поставленъ Рязани Еписк. Феодосій, «Архиманд. Чудовской, а на поставлениѣ были Архиеп. Ростовскій, Еписк. «Суздалскій Ефимій, Коломенскій Геронтій, Сарскій и Пермскій. Погорѣ «градъ Острѣвъ, пригородъ Псковскій. Попы невкупніи биша чоломъ «Пскову о шестомъ Соборѣ. Тогда же и лѣнную грамоту подраша, вы- «спемше изъ ларя, и бысть всѣмъ радость велия: съ восьми бо годъ она «была въ ларю, да много Христіаномъ изтомы и убыtkовъ въ тыи вре- «мена было. Бысть въ Новѣгородѣ всякаго блага обильно и хлѣбъ дешевъ».

Г. 1472: «Той же зимы преставися въ Литвѣ Григорей Митр. въ «Новѣгородцѣ. Юля въ 22 въ 3 часъ нощи загорѣся на Москвѣ на Но- «садѣ у Воскресенія на рѣѣ и горѣло всю ночь и назалѣтре до обѣда, «единыхъ церквей 25 сгорѣло, по берегу до Вадвиженія на Востромъ «концѣ, да по Васильевской дугѣ и по Кулишку, а вверхъ отъ Воскре- «сенія по рву по Вознесеніе на рѣѣ, да по Ярѣ, да Богоявленіе ка-

«менное, да по Воскресенье па Дмитровской улицѣ, да по Св. Евпатія си по Кузину; бысть буря, и огнь метало дворовъ за восемь большихъ, и съ хоромовъ верхи срывало; истомно бѣ внутри града, но вѣтеръ стянузъ съ града, и самъ Вел. К. тамъ и по многимъ мѣстомъ стоять со многими Дѣтьми Боярскими, объѣзжая вскорѣ и повелѣвая гасити и разметывати. — Чомазана бысть известью церк. Иоаннъ Вел. на Нестринѣ дворѣ (въ Новѣг.); а на Княжи дворѣ свершиша гридину каменную. Сент. 9 загорѣся на Яневѣ улицѣ (въ Новѣг.), и погорѣ побережье все и за Данъславлю улицу и городной стѣны отъ берега полѣтора прѣла, и Гребельскій мостъ, и Гребля до Вел. мосту, и з церкви «огорѣша Св. Владимиръ и Св. Димитрѣй на Данълавлѣ улицѣ, и Св. Кирилль предѣль у Св. Дмитрія».

Г. 1473: «Тоѧ жъ весны около Св. Николы въ Опоческомъ Концѣ (во Нековѣ) каменемъ одѣлавъ и врата каменныи изрядивъ, и садомъ яблонями насадили. Іюля въ 25 поставленъ на Епископью Коломенскую Священномонашку Никита Семешкову, сынъ Архангельского Протопопа, икона на Москвѣ. Того же мѣсяца обрѣтоша во церкви Св. Спаса Княг. Марію Вел. К. Симеона Иванову, во Мнишескомъ чину Фетишию, въ тѣлѣ непреклону ничьмъ же, толико риза истѣ; и посла К. Вел. по Игуменью Алексѣевскую, и повелѣ возложити на ю новыи сризы. — Человѣкъ иѣкій во градѣ Москвѣ, ходивъ по обычаю къ селу скудельницу, иже имѣютъ граждане на погребеніе страннѣи: имѣютъ же обычай то погребеніе дѣлать въ Четвертoku седьмыи недѣли по Насѣцѣ; тамо поютъ Панихиды; и сей помянутый боленъ идяше, и творя сто, что и людие: стары ямы засыпая, а новы выкапываю; и нечаянно упалъ иль тѣснотѣ парода, ибо несъ изъ новой ямы на старую землю: соглохъ и онѣмѣль... и нача прикладывати ко всѣмъ гробомъ (въ Успенскомъ Соборѣ), и яко же къ Феогностову приложися, и проглагола и прослышиа.. и сказаша Митрон. Геронтію и В. Князю. Они же невѣріемъ одержими быша, не повелѣща звонити и всему городу славити его.. и задѣлаша монси его (Феогностовы) и покрова на гробницѣ ие положиша; и иныѣ въ пебреженіи гробъ его».

Г. 1474: «Ноября въ 9 Вел. Князя Ловчей Григорей Перхушковъ єздилъ на поле и видѣлъ знаменіе на небѣ два солнца въ 2 часу дни: «сущее солнце идяше своимъ путемъ, а другое необычное сънше того, и свѣтло велими бѣлостію; а лучей отъ него не баше; видѣлъ же то не содинъ Григорей, ио и съ нимъ бывши.—Въ Позѣгородѣ и на Устюзѣ моръ бысть на люди, и поставиша единаго дне на Устюзѣ церковь «Воскресеніе надъ рвомъ, и преста моръ».

Г. 1475: «Апр. 23 по вечерни (въ Москвѣ) взошла туча, и бысть громъ велики съ полудни, а морозы и студень до 8 Мая, и пошли до єжди на всякъ день. Іюня 10 загорѣся за рѣкою на Москвѣ близъ церкви Николы Борисова, и погорѣ много, и та церковь. Сент. 12 въ полночи загорѣлось на Москвѣ на посадѣ за Неглинною межъ Николы и Всѣхъ Святыхъ, и тѣ церкви погорѣша, а 27 Сент. погорѣль совсѣмъ сна Арабатъ Пикифоръ Басенокъ: точю главами выметашася.—Сент. 30 въ 2 часъ дни гибло солнце; треть его изгиба, и бысть яко мѣсяцъ «въ розѣхъ». На Москвѣ же сего не видѣлъ никто, а на Коломнѣ и въ «предѣлѣхъ ея.—Преставися прежде бывший Феодосій Митрон. въ Сергѣевѣ монастырѣ; туже и положенъ.—Окт. въ 4 часъ дни загорѣся на Москвѣ внути города близъ воротъ Тимоѳеевскихъ: Князь же Вел. «самъ прииѣдъ со многими людьми, угасиша, и оттолѣ пойде К. Вел. «за столъ, и часа того загорѣся внути же града близъ Никольскихъ воротъ къ 5 часъ дни, межъ Введенія и Козмы и Дамілна, и выгорѣ мало не весь градъ, по Вел. Князя дворъ да по монаст. Спасской, да

«по Князь Михайловъ Андреевъ дворъ, а Подоломъ по Феодоровъ дворъ Давидовича, и едва угасиша въ З часъ нощи: понеже самъ К. Вел. пристояль со многими людьми. Единыхъ перквей кам. 10 обгорѣ, а деревяныхъ сгорѣ 12, да два застѣнка у Архангеля разметаша, Воскресеніе да Акилу.—Той же зимѣ (въ Новогор. Лѣт.) нѣкоторыи Философове начаша пѣти: Господи помилуи! а другіи: Осюди помилуи!»

Г. 1476: «5 Февр. во 2 часу дни бысть гибель солнцу и тма велика, яко и человѣкомъ другъ друга въ лице не видѣти; и того бысть не долго. Людямъ страхъ бысть великъ. А на той же недѣли въ нощи свѣтъ блистать на небеси.—Тое же весны почаша дѣлати въ Сергиевѣ монаст. церкви Св. Троица кирпичная другая на мѣстѣ деревяныхъ церкви Исковскими мастера. Того же лѣта здѣлана бысть колокольница въ Ростовѣ Архиеп. Васильнощь. Марта 10 въ З часу нощи нача гибнти мѣсяцъ. Прииде изъ Царяграда въ Литовскую землю Митроп. Спиридонъ, родомъ Тверитинъ, поставленъ на мѣдѣ Патріархомъ, а по велѣніемъ Турскаго Царя. Апр. въ 11 бысть знаменіе въ солнцѣ въ 1 часъ дни: восшедшу ему нельми ясну, по нашему же зраку, яко видѣхомъ его изъ Москвы, яко же бѣ взошло ровно съ верхомъ храма иперукотвореніаго образа, иже въ монаст. Андрониковѣ; бѣ же кругъ солнца велими великъ, яко дуги образомъ червлено, зелено, багряно, желто; далече же отъ него лучи сіяющи по сторонамъ два, единъ наимѣрѣнъ аки за Св. Илью подъ сосною, а другой за Св. Никитою за Яузою; третій же лучь высоко надъ солнцемъ; а въ томъ же кругѣ стояше межи ихъ яко рогъ: бѣста бо отъ него яко 2 рога, единъ направо, а другій налево, но было повыше же того луча, иже рогъ тѣхъ, дуга бѣ образомъ, но верхомъ ко кругу, иже около солнца, а концы ея простерлися до среди неба; цвѣты же ея яко же въ дождѣ дуга бы вѣасть видѣти. Сие было до исхода 2 часа. На Св. недѣли погорѣ въ полѣ на Прѣской улицѣ (въ Новѣг.) и на Чудинцовѣ и на Легощи, и до Иоанна Богослова, и городной стѣны выгорѣ полтретья прязла.— Авг. 31 въ 1 часъ нощи бысть громъ ужасент и въ монаст. на Симоновѣ сл. церкви верхъ синило стрѣлкою, и по церкви хода, много мосту erwalo, и стѣну преднихъ дверей прорази, и иконы побило, а икона «Одигитрия на поклонѣ на лѣвой сторонѣничѣмъ же повреди.— Септ. 3 сгіблъ мѣсяцъ въ нощи о полнѣ лунѣ. Сент. 26 сгорѣла на Москвѣ церковь Вознесенія на рѣ. Того же мѣсяца горѣло въ Новѣг. Вел., и церкви, и люди горѣли, и не помнить на себя такова пожара, 15 церквей сгорѣло, а 3 каменные разсыпалися, а надъ городомъ яко солнце красно стояло. Сія же осень суха была и студена; рѣка стала Поябрь въ 12, а на Введеніе дождь былъ, а оттолѣ морозовъ великихъ нѣсколько, а снѣгу не бывало.—Погорѣ монаст. каменій на Кубенскомъ езерѣ, церковь со всѣмъ узорочьемъ и съ книгами, и съ кузию, и келии.— Той же зимы прѣѣхавши Слобожане изъ Кокшинской волости, учили быть челомъ всему Искову, чтобы освободили имъ Новогородцы у рѣчкѣ «у Лодѣ» поставить городъ, и Исковъ на Вѣчѣ освободилъ, и грамоту далъ, что имъ запасы запасая на томъ мѣстѣ класти, гдѣ быти городу; и того же лѣта посланы Посадниковъ и Бояръ своихъ изо всѣхъ Концовъ окладати города Городча у рѣчкѣ у Лодѣ въ Кокшинской волости. Той же осени Исковъ вспалився испродаивъ Опочанъ, а взялъ 100 рублей, да далъ К. Ярославу, что они повѣсили татя коневаго, а безъ повелѣнія Исковскаго.—Владыка Феофиль прѣѣха во Исковъ Дек. 24, часы повелѣ своимъ мастеромъ самозонные поставить на Сианто-горскому дворѣ, а тыя часы самъ же Владыка съ своимъ Бояриномъ Автономомъ присла въ домъ Живопачальныя Троицы... и жилъ во

«Псковъ весь свой мѣсяцъ: иные же Владыки такъ всего мѣсяца въ «свои приѣзды не живали».

Г. 1477: «Генв. въ 9 снѣгъ пошелъ, а не много, а на пять не было его во всю зиму.—Преставися Епнск. Генедей Тверскій.—Февр. въ 16 въ 7 часъ иоици (въ Москвѣ) сгорѣла у Михайлова Чюда трапеза, да Архимандричья келья Гепадіева. марта въ 20 въ 7 часъ иоици «загорѣлся дворъ Князя Андрея Менишево и згорѣша дворы обѣихъ «Князей Ондреевъ; а которые дворцы малые около ихъ Поповъ Архангелъ, «а тѣ разметаша: пристояль бо самъ К. В. и сынь его, понеже не успѣ «лещи еще К. В. послѣ Стоянія Канона Андреева.—Мая въ 1 день въ «15 часъ дня преставися Игуменъ Пафнутий обители Рожества Богоматери на рѣкѣ Поротѣ, близъ града Боровска за 2 версты; самъ же и «состави обитель ту, пришедъ изъ монаст. Высокого изъ Боровска: прежде «бо тамъ игуменизъ при Князѣ тамошняго отчика К. Василы Ярославича... и въ обители Богоматеря церковь воздвигъ древину, потомъ же «камену, и подписалъ чудно вельми, и украси иконаами и книгами, яко «дивитися и Самодержецъ Рускія земли нашей.—Мая въ 31 морозъ «вельми велика былъ, и всяки овощи побило и садове и все обилье.— «Сдѣланъ бысть верхъ церкви на Симоновѣ, иже громъ сразилъ, а дѣлалъ мастеръ Венеціанский другій, не той, иже большую церковь Пречистыя ставить.—Декабря 6 поставленъ бысть во Тверь на Владычество Священномъноскъ Василий Архиманд., Князъ Ивановъ сынъ Васильевъ. Стригинъ Оболенского».

Г. 1478: «Тоя же весны Госиѣръ Старецъ началь строити монастырь «на Ламскомъ Волоцѣ въ пустыни.—Тоя же зимы бысть моръ въ Вел. «Новѣг.: мриху бо старыя мужи и жены и молодыя дѣтки: выкопають «яму, ино въ ту яму положать 2 и 3 и 10 человѣкъ.—Преставися въ «Новѣг. Намѣстникъ К. Ив. Васильевъ. Оболенской-Стрига, и привезоша «его оттуда, и положенъ въ Судалѣ у Спаса въ Ефимьевѣ монаст. какъ «самъ повелѣлъ.—Бысть брань межъ Митрон. и Васынномъ Архиеп. Ростовскими о Кириловѣ монаст.: начать бо Геронтій отнимати отъ Ростов. «Епископы, научаємъ Княземъ Михайлому Андреев. Ти бо Чернцы «Кирил. монаст. превознесшесъ высокоумiemъ и богатствомъ, не восходѣша быти подъ правдами Ростов. Епископовъ, и научиша К. Михайла... «и даде Митрон. грамоту, что Князю Михаилу вѣдати монастырь. Архіепископъ же бильт чоломъ Вел. Князю и нача суда просити по правилѹмъ «съ Митрополитомъ. К. же Вел. посла взяти грамоту и повелѣ Собору «быти всѣмъ Епископомъ и Архимандритомъ на Москвѣ и даде судъ «Архіепископу на Митрон. Митрополитъ же убоясь суда и умоли Вел. «Кн.—и умири ихъ, и указа вѣдати по старинѣ. Се же зло бысть отъ «Игумена Нифонта и отъ новыхъ Чернцевъ и отъ прихожихъ смутовъ; «а старые Старцы не хотѣша того.—Преставися Зосима Соловецкій, а «Саватей Соловецкій преставися въ лѣто 7937.—Кн. Вел. прислаѧ «гоща на Устюгъ къ Намѣстнику Петру Федорову. Челядину, а вѣльмъ «ставити городъ Устюгъ новой, а старой развалити. Ноября 13 бысть «вода велика (во Псковѣ) и много шкоты учиниши по Великой рѣкѣ «около города и по водостемъ, а мимо городъ несло внизъ запасъ ко- «зодыя и дровъ, ово сѣнныя стоги; да въ другой рядъ ледъ сталъ.... и «Дек. 7 бысть оттесель и вода болши первой, да и ледъ снесло, и мнози «жас шкоты учинило, и въ третіе ледъ сталъ наборѣ неровень какъ «хоромы, и до устей до озера, а Христіане добры здоровы.—Дек. 26 «иоицю, по Великаго Князя войнѣ (Псковской) иоицю бысть громъ «и молія».

Г. 1479: «Юля въ 14 заложилъ Вел. Кн. церковь камен. Ioanna «Златоустаго, а древинную разобрать; бѣ же та церковь изначала строен-

«ніе гостей Московскихъ, да уже нача оскудѣвати монастырь той: К. же Вел. Игумена учини у тое церкви въ Соборѣ подъ Воскресенскимиъ Игуменомъ загородскихъ Ноповъ прокъ сего, егда обѣтъ положилъ: по-снаже имя его нареченно бысть Гена. въ 27; а въ застѣнкѣ той церкви сповѣлъ церковь другую учинити Апостола Тимоѳея: въ той бо день ро-дился; а ту разобранную церковь древ. повелъ поставить въ своемъ монастырѣ у Покрова въ садѣхъ, первую малую разобрали.—Шильтники садумали на Устюзъ Андрей Мишневъ, да безъ вѣдома Вел. Ки. Емчу взяли. Сент. въ 9 въ 6 часовъ иоющи загорѣся Москва внутри града у церкви Петра Чудотворца на Угрѣшскомъ дворѣ: бѣ бо повария за гра-домъ подъ стѣною, и отъ того кровля градная загорѣся, а людемъ сия-щимъ, и кричаша изъ зарѣмы: градъ горить! и горѣ подоломъ по Владычены дворъ Коломенского, да по Оедорову Давидовича, а горою по Архангела и по Св. Иоанни и по Пречистую, да по Князю Борисову дворъ, да по Богоявленіе на Троицкомъ дворѣ и къ Никольскимъ вратомъ. Самъ Ки. Вел. и сынъ его во всю иоющи и 4 часа дни съ коней не съѣдающе, своими руками разметающе... и почта быти вѣтеръ на по-горѣлымъ мѣста, и тако преста горѣніе; на 5 же часѣ начаша въ Со-бориѣхъ церквѣхъ литургисати».

Г. 1480: «Тое же весны преставиша Коломенскій Епископъ Никита.—Разобраша старую церковь на Троецкомъ дворѣ: бѣ бо трухла вельми, ии заложиша новую.—Сгорѣ церковь Св. Николы въ Никольскомъ во Архіепископѣ въ Ростовѣ, и кресты чудотворные сгорѣша, и множе-ство кузин; а на Москвѣ у Рожества у Св. Лазаря верхъ падеся на-прасно иѣкако и страшило въ иоющи, и иконы поби, и множество въ казиѣ Вел. К. сосудовъ поби.—Окт. вт. 9 вожжеся свѣща о себѣ въ храмѣ Пречистыя у гроба Петра Чудотворца: Митрон. же молебная совершила, и вощаницу опыя сѣщи нарядивъ, послана къ Вел. К. на Угру.—Поставиша Священники (во Псковѣ) ии Домантовѣ стѣни избу Священниковъ и Диаконовъ, а даде мастеромъ 5 рублей».

Г. 1481: «Июля въ 22 поставленъ Архіеп. Ростову Іоасафу Ободен-скихъ Князей; того же мѣс. въ 29 поставленъ Коломенскій Епископъ Ге-расимъ Смѣрдовъ; а того же лѣта Симеонъ, Духовникъ Митрополита, Еписк. Рязани.—Псковичи привезоша къ Вел. К. Нѣмецкаго полону 8 колоколовъ Вельядскихъ.—Сент. 8 заложены быша 2 церкви, Архан-гела и придѣль Воскресеніе, да Акила Апостолъ (въ Москвѣ).—Быль К. Вел. въ Володимерѣ.—Андрей Мишневъ съ шильники и съ Устю-жаны ходили въ Вел. Пермь, да побили Богуличъ подъ Чердынемъ, а на Каму шедши, да встрѣтили гостей и Тюменскихъ Татаръ, да пограбили».

Г. 1482: «Заложи Ки. Вел. церковь кам. Стрѣтеніе на полѣ на Куч-ковѣ.—Иконники Денисій да попъ Тимоѳеи, да Ярецъ, да Кнашъ на-писали Дѣйсусъ вельми чюденъ въ новую церковь Пречистыя.—Окт. въ 13 священа церк. «Воскресеніе, а въ 27 Св. Апостолъ Акила».

Г. 1483: «Згорѣ икона Одигитрия на Москвѣ въ церкви Вознесенія Греческаго письма, въ ту мѣру, якоже въ Царѣградѣ здѣлана; только сликъ да окладъ згорѣ: дска цѣла, и написа Діонисій иконникъ на той же дсѣ той же образъ.—Тое же зимы случиша павечеріе Крещенія въ Недѣлю: Архиманд. Чудовскій Гешадѣ повелъ воду Богоявленскую єздни пить; въ Уставѣ же не писано о томъ. Митрон. же послана изы-сматъ его: опы же къ Вел. К. уѣжа. Митрон. же самъ иде къ В. К., и много глаголаша наинъ... К. В. выдалъ его Митрополиту: Митрон. же сковѣлъ его сковати и подъ полатою въ ледникъ посадити. К. же В. съ «Бояры выпечалова его, приводяще, егда Владыка Ростовскій Осодосій повелъ тако же мясо ясти въ павечеріе Богоявленія, зане случиша въ Суботу: Митрон. же Іона Чудотворецъ потязавъ его прости.—Апр. вт

«2 преставися Княг. Елена Князя Андрея Васильев. Углецкого.—Заложить церковь кирпичную за Яузою Св. Спаса Игуменъ Чигасъ.—Архиманд. Чудовской Генадей Гонзовъ заложи церковь у Чуда въ монастыре Алексѣя Чудотворца, да и трапезу кам.—Поставиша (во Псковѣ) церковь Аѳанасія, да Николу на Валку, да Георгія въ Печки. Посѣкоша Псковичи дворы у Посадниковъ и у иныхъ многихъ».

Г. 1483 и 1484: «Геронтій Митроп. заложи у своего двора церкви кам. Пречистыя Ризы Положеніе.—Повеліемъ В. К. начаща здати въ Вел. Новѣградъ камень по старой основѣ на Софейской сторонѣ.—Дек. въ 9 поставленъ Архиманд. Симоновской Нифонтъ Епископомъ въ Суздалъ.—Совершена (во Псковѣ) церк. Св. Духъ въ Глинѣ монастыре.—Хлѣбъ уродился послѣ Петрова дни; въ той же день почали сржи жати, а съ Ильина дни ярь.—Лѣта за два сусѣди Запсковляне, «Богоявленскій Конецъ», заложиша стѣну отъ Псковы свою треть, и сего лѣта свершена бысть, и на осень и покрыша; а той же весны сусѣди «Кузмодемеянскій заложиша стѣну отъ Великой рѣки свои 2 части до «Богоявленцовъ стѣны.—Посадиша (во Псковѣ) смердовъ на крѣпость въ «погребъ, а Посадниковъ закликаша, что грамоту новую списали и въ сларь вложили на стѣнахъ со К. Ярославомъ, а Псковъ того не вѣдѣтъ. «Посадника убили Гаврила Іюля въ 13 всѣмъ Вѣчемъ.—Въ Петрово го- «вѣніе идяше дождя много и рѣки наполнилась, аки весною, а рожь сївѣтише, и превратись много ржи на метлу и на костерь, а ярового «обиля Богъ умножи. Тогда же нѣкоему Священнику въ Велѣской во- «лости на Плотичнѣ єдутию путемъ, бысть тма, и по тмѣ облакъ сѣттель, «и гласъ невидимый глаголи: поиѣжь людемъ, дабы ся обратили. И бысть «сипо проявленіе на городкѣ на Владимирицы: Іюля въ 18 нѣкоторой дѣ- «видѣ бысть гласъ, велише молитись.... и въ ту нощь у Св. Ильи свѣща «сама загорѣлася; а Новѣгородци обрѣтоша икону Св. Бориса и Глѣба «на Волховѣ плавающю, и явись въ Новѣградъ знаменіе огъ иконы Св. Бо- «городици, идиху слезы кровавыя седьмю мѣсты. Іюля въ 24 бысть туча «страшна и громы и градъ. Сент. 5 явись на небеси (во Пск.) 3 мѣсяца: «предъ сими бо дѣнныи Туркове ильниша землю Волынскую. Тоя же «сосени Псковичи поставиша новый мостъ черезъ Пскову, а даша масте- «ромъ 60 рублей, а платиша то серебро мясники.—Тоя же зимы Пско- «вичи послала къ В. Кн. бити чоломъ, чтобы отдалъ своею нелобкы, что «казнили смердовъ, и онъ всполѣвши велѣль смердовъ отпустити, а По- «садниковъ откликати и животы отпечатати, а Князю Ярославу добити «челомъ—и Псковичи чорны люди тому вѣры не нѣша, и за недѣлю до «Рожества послана иная послы, а смердовъ не отпустя, а Посадниковъ «не откликавъ, и К. В. изполѣвши на нихъ, и на 3 день повелѣ своимъ «Бояромъ отвѣтѣ дати, какъ первымъ посломъ—и чорніи люди ни тѣмъ «вѣры не яша, рекуще: занеже сіи съгласиша по чоловитью Посадни- «ковъ, который зѣбли на Москву—и начать быти мятежъ великъ между «Посадники и Бояры и Житіими людми, понеже сіи въсхотѣша правити «слово Князя В., смердовъ отпустити, а Посадниковъ откликати, а мерт- «вая грамота, списанная на нихъ, выкинути, а К. Ярославу добити чо- «ломъ, блюдувшись казни, что безъ его повелѣнья и предъ посломъ В. «Князя смердѣ казнили, и Посадника Гаврила убили; а чорніи людми «молоди не восхотѣша, рекуще: мы прави... и послана отъ молодыхъ «людей Перха къ Вел. К.... и въ Тферской земли, въ Великое го- «вѣніе (уже въ 1485 г.), разбойники убили Перха и Лакомцова и дружину и «вметаша въ рѣку: и Псковичи послана по Велицѣ дни Посадниковъ «на Москву, и Вел. К. съ великою опалкою отвѣщалъ: аже моя вот- «чини слово мое исправить, и потому начнете ми бити чоломъ о моей «нечести.... и Псковичи вскорѣ отпустиша смердовъ, Стехна и Сырня и

«Лежня, и списанную грамоту мертвую на Посадниковъ изъ лари выкынуша, и животы и дворы отпечаташа».

Г. 1485: «Архиеп. Генадій на Масленой во Псковѣ присла свою грамоту благословеную и даде въ дарь Псковичемъ турей рогъ окованъ «златомъ, да икону Локотницу на златѣ».—Подпись пірковъ Стѣблемъ (въ Москвѣ) Долматъ иконникъ.—Апр. во 12 погорѣль градъ Москва.—Свершиша на Симановѣ трапезу камену у воротъ.—Въ сie лѣто (во Пск.) съ осени паль снѣгъ на талую землю, и потомъ биша мрази, и «зима вся бише тала, и по мхамъ и по болотамъ грязи злоты, и подъ «снѣгомъ подпрѣль корень ржаный, и по Велицѣ дни бысть ведряно и «солнечно, и потомъ студено и мокро, слоть съ морозомъ, и померже «вшедшій ржаный корень, и бысть черна земля, и потомъ не бысть дождя «до Петрова заговѣнья, а ярь сѣяна въ сухую землю, и егда помолиншася, «бысть туча, и начаша дождеве быти по мѣстомъ, и гдѣ быша, умножи «Богъ яроваго обилья... и купиша четвертку ржи по 8 денегъ, а жита «по 5, а овса зобничъ по 10 и 12 денегъ.—То же осени Владыка Генадій присла въ Псковъ Боярина своего Безсона и съ нимъ Игумена «Евфимія, иже прежде быль ларникомъ въ Псковѣ, и въ той власти много «зла народу учини... и уѣжа и постригеся; и мыслѧше Владыка того «вмѣстити Архимандритомъ въ себе мѣсто правителемъ Пскову, и веляше «описати церкви и монастыри и Поповъ; и Псковичи не вдашася въ «волю его. То же осени, въ Недѣлю предъ Вѣздвиженемъ, К. Псков-«скій Ярославъ и Посадники и Бояре ѿѣха на Москву и биша чо-«ломъ Князю Вел., что били смердовъ чрезъ его повелѣніе, и В. К. по-«жаловать, повелѣль по всей старинѣ Пскову жити. К. Ярославъ оже-«нися на Москвѣ, и приведе Княгиню въ Псковъ. И тако улиже брань «о смердахъ, и много тогда пачести учинилось, яко до 1000 рублей. И «потомъ прилучись нѣкоему Попу у Поровскихъ смердовъ найти тую грамоту, како смердамъ изъ вѣковъ вѣчныхъ Князю дань дати и «Пскову, и всякия работы по той грамотѣ имъ знати, а о той грамотѣ «всей земли смятенье бысть, что они потаивше грамоту не потягнуша «на работы, а Псковичемъ не свѣдѹши, како бысть, а смерды обол-«стиша Князю Великому и все по криву сказаша. И таковую грамоту «смердъ исторже у Попа изъ рукъ и скры. Псковичи же посадиша того «смерда на крѣпости... и начаша изъ пригородовъ и изо всѣхъ волостей «обидніи люди бити чоломъ Пскову на Намѣстниковъ К. Ярослава и на «самаго. И Псковъ събраша многыя обиды и отрядиша послы, Боярина «Андрея Семеновича Рублева и иныхъ, и биша чоломъ Князю В., и по-«вѣдаша о смердѣ, что грамоту потаилъ, и какъ намъ Государь укажеши «о томъ? и К. В. яримъ окомъ вѣзрѣвъ рече: давно ли язъ вамъ о смер-«дахъ вины отдахъ? а нынъ на тоже наступаете! И оттолѣ ни единия «жалобы на Ярослава не пріять, и отвѣтъ дати: се язъ посыдаю по васъ «ужъ своя Бояры и прикажи имъ о всѣхъ вашихъ дѣлѣхъ. Посадники «приѣха во Псковъ Іюля въ 8» (уже въ 1486 году).

Г. 1486: «Ген. въ 19 прѣѣха во Псковъ Архиеп. Генадій, а съ нимъ «Бояръ много... и пребысть 3 недѣли, пришедъ на Вѣче народъ благо-«словиши, и многа словеса учительная простеръ, вдасть грамоту, и отъ-«ѣха прочь. Срубленъ градъ Володимеръ, а рубиль дѣлъ Василей Ма-«мыревъ.—На Ільинъ день гибло солнце все на многъ часъ.—Авг. 31 «священа (въ Москвѣ) церковь Ризъ Положенія».

Г. 1487: «Бысть (во Пск.) градъ великъ съ яблоко садовое.—Бысть «моръ великий въ Псковѣ, и поставиша 2 церкви, Св. образа Іисуса, да «Св. Мученицу Анастасію.—Того же лѣта Князь Окт. 4 Яросл. преста-«виси во Псковѣ и положиша его у Св. Троїца; та же и Княг. его и «сынъ преставися, и положены у Св. Ивана Предтечи на Завеличъ.

• Постави (Литовскій) Митрополитъ Симеонъ Епископомъ Васьяна Владимерю и Берестью. Поѣха изо Пскова на Москву сынъ К. Ярослава, «Константина, Окт. 5».

Г. 1488: «Февр. 13 присла Вел. К. во Псковъ Намѣстника, Симеона Романовича, Княземъ, и цѣлова крестъ на Вѣчи по Плошинной граммотѣ.—Поставиша градъ новъ на Вѣльозерѣ въ Карголомѣ отъ стараго за 10 верстъ. — Предъ Вел. днемъ въ сѣняхъ у Вел. Кн. громко изъ народа закричалъ изъ Спасова монастыря Галичанамъ, глаголи: горить «Москвѣ на Великѣ дни! Кн. же Вел. яко урова вѣлъ его поимати и на Угрѣшу его послѣ къ Николѣ. Глаголютъ же, яко гости свѣданные носились изъ града, боящеся пожара. Сбыться же его слово. — Авг. 13, въ 9 часу дни, загорѣлося (въ Москвѣ) Благовѣщеніе на Болотѣ и по горѣло до Кулишки, мало не до Всѣхъ Святыхъ, до Покрова въ Садѣхъ, да по Пеглину, а церквей згорѣло 42.—Бысть знаменіе (во Псковѣ) у Св. Николы на прудѣ».

Г. 1489. «Генв. 15 Владыка Ростовскаго Иасафа оставилъ Епископію и поставилъ Тихона, иже прежде былъ Архимандр. у Спаса въ Ростов.— «Мая въ 16 преставиша Коломенскаго Владыку Герасимъ въ Пафнутьевѣ пустынѣ. Авг. 9 свинцена церковь Благовѣщенія на Вел. Князя Дворѣ на Сѣняхъ; а въ 20 день Василій Кесарійскій, приѣхъ у Владыки».

Г. 1490: «Повелѣніемъ Вел. К. поставленъ въ Новѣг. В. градъ каменъ; двѣ части града ставили Вел. Князя казною, а третью Владыка Генадій своею казною. — Загорѣлося (въ Новѣг.) на Великомъ мосту у город. вратъ, и церковь Богоматери на городнихъ вратѣхъ и стрѣльница сгорѣли, и изъ стрѣльницы похватило тесницу съ огнемъ и снесло на Яневу улицу, и Янева выгорѣла, и Росткина, и Хревкова, и Легоша, и Щеркова, и Розважа, и церквей въ 25. — Поставленъ на Коломну Епископомъ Аврамій, Игumenъ Угришской. Ноября въ 8 въ Новѣг. Вел. въ 4 часъ ноши явися знаменіе лѣтнаго Востока до лѣтнаго Запада, на сѣверной странѣ промежъ Востока и Запада, доспѣлося «небо свѣтло аки заря ведреная свѣтла вечерняя, а въ зарѣ той столпы аки лучи солнечные, и освѣтиша весь градъ и поля аки пожарь силенъ, и сходишаася столпы и расходилися многажды въ ноши той часа 3 и больше, да изгибли; а послѣ 3 столпы великии и высокіи явилися, да стояли 13 часовитъ, и како уже времени быть заутрени, пришли облаци съ Востока, да ту свѣтлость помрачили; потомъ взошла заря по своему обычаю, и Богъ свѣтъ даль: а изъ Юрѣва монаст. видѣли какъ бы страшній пожарь и чаяли, что градъ весь горить.—Устюжане и Двиняне на службѣ на лежачай на Костромѣ были, а отборщикъ Семенъ Болтанъ, и билися Устюжане съ Костромичи.—Погорѣ на Устюзѣ посадъ отъ Скомороши мовини и Собори. церковь Авг. 1; и били челомъ Устюжскіе Попы В. Князю о погорѣвшій церкви Успенія и въ книгахъ Дыляки поискали, кто ставилъ изначала оную; и нашли лѣта 6905 Еписк. Ростовскаго Григорія на Устюзѣ поставилъ церк. деревяну вельми велику Успенію, и по тѣмъ книгамъ К. В. велѣлъ Архиеп. Ростов. Тихону поставить на Устюзѣ Собор. церк. такову же, и грамоту Попомъ сдалъ къ Тихону, и Владыка того лѣта не послалъ мастеровъ, а у Устюжанъ бревеній было мало припасено, и послалъ Владыка мастера Алексея Вологжанина съ своимъ Дылякомъ съ Иваномъ съ Вискуномъ послѣ Покрова 2 недѣли спустя, и онъ церковь заложилъ не по старинѣ крестьчату, и срубилъ до шти рядовъ, да и въ Ростовъ поѣхали; а Устюжаномъ тотъ окладъ стала не любъ, и хотѣли бить членомъ Вел. Князю, и Владыка не велѣлъ, а ялся церковь поставить по старинѣ, и прислали Алексея до 60 человѣкъ рублениковъ, и припровадили Епископии кресть-

«яне изъ Шейбохты зѣсь и береста, и заложили круглу по старинѣ о 20 стънахъ Мая въ 13 (уже въ 1492 году)».

Г. 1491: «Бысть громъ зимѣ. Генв. 9, въ 2 часъ нощи, явися звѣзда хвостата, съ Запада хвостъ ся на Востокъ съ двѣ сажени, и бысть до 6 часа нощи. Бысть знаменіе въ солнцѣ мѣс. Мая, и двѣ части изгибе, — Пріѣхаль Февр. въ 17 К. Василей Федоровичъ Намѣстникомъ во Псковъ, «а К. Симеонъ выѣхаль въ Москву.—Приходиша Татарове Завольскіи «на Волынскую землю 10,000: въ Володимери церкви пожгле, и вели-
«кую церк. Богомат. мурowanую; а людей безчисленно посыкли и полу-
«нили. И събирашася Волынци съ Ляхи, угониши ихъ не далече отъ Же-
«славля и побиша поганыхъ, и полонъ отполониша; мало утекло ихъ, и
«тыа отъ зимы измроша, не дошедши Улусовъ. Надъ Волынци Старо-
«стою бысть Луцкимъ К. Симеонъ Юрьевичъ Голшанскій. Мало напихъ
«убито, ниже и десяти; а поганцевъ 8000. — Повелѣніемъ В. Князя
«Архим. Спасскій Аѳанасій заложилъ церк. кам. на Новомъ Преобра-
«жніє.—Мая 23 згорѣль градъ Володимеръ весь, и посады, и церковь
«Пречистыя Рожества въ монастыри внутри города выгорѣ, и тлю
«Князя Вел. Александра Невскаго огорѣ; а всѣхъ церквей згорѣло въ го-
«родѣ 9, а на посадѣ 13. — Того же лѣта Июна згорѣль градъ Углечъ
«весь, дворовъ больши 500, а церквей 15. — Совершена (въ Москвѣ)
«церковь кам. на Симоновскомъ дворѣ у Никольскихъ воротъ, Введенія
«Богородицы. — Июня 5 преставися Дьякъ Вел. Князя Василей Момы-
«ревъ въ Чернїцѣхъ и въ Схимѣ, и нареченъ Варсонофей, а въ Дьякахъ
«былъ 18 лѣтъ, 8 мѣсяцевъ, а жилъ 58 лѣтъ, и положенъ у Троицы въ
«Сергіевѣ монастырѣ Июня въ 7. На Сергіеву память К. Вел. торгъ пе-
«ревезли отъ Троицы на Городокъ въ Радонежъ».

Г. 1492: «М. Февр. повелѣніемъ В. Князя Митроп. Зосима и Архіеп.
«Генадій придали изъ Митрополіи и Архіепископіи Новгородскіи церкви
«свои на Вологдѣ, въ городѣ и на посадѣ, Епископу Пермскому Фило-
«кою въ Пермскую Епископію.—Февр. приде изъ Волохъ Скуратъ Зи-
«новьевичъ, а съ нимъ посолъ Стефановъ, Мушать. — Тояжъ весны по-
«слалъ Вел. К. Дьяка своего Василья Кулешина рубити города Володи-
«мера древяна по Васильеву окладу Мамырева, и срубиша его въ 2 мѣ-
«сяца. Мая въ 17 Иванъ Спаситель Фризинъ, Капланъ постриженный
«Августинова закона бѣлыахъ Чернїцевъ, закона своего отрекся и Чер-
«печество оставилъ, женился и попяль за себя Алексѣевскую жену Сѣ-
«ринова, и К. В. его пожаловалъ селомъ» (см. выше, примѣч. 104).
«Іюля 10 приходиша Татарове, Ординские Козаки, въ головахъ Теме-
«шемъ зовутъ, а съ нимъ 120 Козаковъ, во Алексинъ на волость на Во-
«шпанъ, и пограбивъ пошлиша назадъ; и придоша поголя В. Князя, Фе-
«доръ Колтовской, да Горяинъ Сидоровъ, а всѣхъ 64, и бысть имъ въ
«полѣ бой межъ Трудовъ и Быстрые сосны, и убьено бысть людей Вел.
«Князя 40 человѣкъ, а Татаръ 60, а иные Татарове. ранены идучи, по-
«мерли на пути. — Той же осени Ноября побѣжалъ отъ В. Князя въ
«Литву Юшко Елизаровъ. — Епископъ Сарскій Прохоръ оставилъ Епи-
«скопію и сойде съ Крутицъ къ Боголіблію въ монастырь».

Г. 1493: «Снятая гора (во Пск.) погорѣ и вся церковь.—Бысть зна-
«меніе въ солнцѣ. 4 луча и кругъ за кругъ. Церковь поставила Св. Ге-
«оргія въ Острой лавицѣ.—Въ Вербную Суботу погорѣ градъ Кострома
«весь.—Священа бысть церковь Успенія Соборная на Устюзѣ Апр. 22—
«Мая въ 4 поставленъ Сиулянъ Игуменъ Угрѣшскій на Епископствѣ
«Сарское и Подонское на Крутицу. — Повелѣніемъ В. Кн. поставиша
«градъ древянъ на Лукахъ Вел. по старой основѣ. — Приходиша Тата-
«рове, Козаки Ординские, изгономъ на Рязанскія мѣста, и взяша 3 села,
«и пошлиша назадъ.—Іюля въ 16 зажже громъ верхъ маковицы большія

•тесь подъ желѣзомъ у Соборныхъ церкви Успенія (въ Моск.), а внутри церкви мало попалило на Царскихъ дверяхъ, да половина оponы згогрѣла на амвонѣ, да 2 болванца древяни разразило подъ амвономъ, а верхъ вскорѣ угасиша. Въ той же день въ Володимерѣ у Пресвятыхъ бурею крестъ сломило. — М. Сент. згорѣль городъ Рязань весь. — На Устюзѣ въ монаст. у Преображенія отъ иконы шло муро у Спаса изъ «трудей, и у Монсей и у Илія».

Г. 1494: «Поставиша церковь кам. на взвозѣ Св. Георгія, и оставиша вдовыхъ Поповъ отъ службы (во Пск.). — Апр. загорѣлося (въ Новѣг.) отъ Никиты отъ денежника из Дворищѣ, а горѣло 3 церкви, Никола да Пятница, да Борисъ и Глѣбъ; а Иванъ Великій отняли, и Маковицы до половины и Успеніе; а ряды всѣ выгорѣша до вел. мосту мало не до половины; а переняли у Лубянницы».

Г. 1495: «Поставиша церковь кам. Св. Варлаамъ на Запсковыи. Пріѣхалъ Архиеп. Генадій во Псковъ при К. Псковскому Василии Федор. Февр. въ 26, и соборовалъ, и былъ тамъ 30 дній. — Мая въ 30 преставися на Устюзѣ Иванъ Юродивый. — Приходиша Татарове Переекопъскіи, сынъ Царевъ Менгли-Гиреевъ, въ Волынскую землю, и мало не добыши града Корца, и уби ихъ пѣколяко К. Симеонъ Юрьевичъ, Староста Луцкій, Маршалько Волынской земли, съ Литвою и съ Волынци. Преставися Еписк. Луцкій Іона: бѣ бо тогда моръ въ Литовской земли и въ Лятской и въ Волынской и по инымъ странамъ; насы же Богъ избавилъ (т. е. Кіевлянъ). Поставленъ Епископомъ граду Луцку Кирилъ Архиманд. Приходиша въ Волынскую землю сынове Крымскаго Царя... и церкви и монаст. Св. Николы въ Жидычинѣ съжгоша, и обогнаша К. Семена Юрьевича и Пана Василья Христо-вича, Намѣстника Володимерскаго, и К. Константина Острозкаго и всѣхъ Волынцевъ въ градѣ Ровномъ, и начаша Татаровѣ пріѣзжати къ граду; наши же не видѣвшіе, яко множество ихъ, и рекоша къ себѣ: «сторожи что мужско; и выѣхаша противу ихъ предъ място, и бившись крѣпко... и выступиша множество Татарь, и К. Сементъ вѣзвратися въ градѣ; и Половцы же място съжгоша, и мало нѣчто съ града скупа вземише, и съ плѣномъ вѣзвратиша въ свойсн.—Той же осени Вел. К. Александру и Король Польский Ольбрехтъ снимались въ Парыцевѣ, никто же не вѣсть, чего ради; слышахомъ бо сами отъ пѣкоторыхъ Вельможъ, яко и Панове ихъ Рада о семъ не вѣдали».

Г. 1496: «Пріиде въ землю Волынскую Переекопскій Епонча Солстанъ, и множество Христіянъ плѣни, и въ Лядской земли не мало.—Зима лютая бысть, мрази и снѣги велики, а на веснѣ половодіе зѣло велико, и не помнить таковой воды. — Іюля въ 29 бысть пожаръ на Устюзѣ, загорѣся церк. Успеніе изнутри въ 3 часа нощи, и згорѣ со всѣми иконами и съ кузню и съ книгами, и не сняли и замка; згорѣша на площади и Борисъ и Глѣбъ, Прокопей Св. и Егорей, Козма и Даміанъ, и дворцовъ много.—Преставися К. Псковской Васил. Федор. пріѣхавъ съ войны Свейской; а К. В. прислаль К. Алекс. Володим. Ростовскаго на Княженіе во Псковъ Марта 24. Бысть пожаръ во Псковѣ, заражеть Чюхно, а послаша его Нѣмцы; изымаша его на Крому и сожигаша Апр. во 12.—Сент. въ 18 священа бысть церковь Преображенія въ монаст. на Новомъ Митропол. Симономъ при Архимандритствѣ Аѳанасія Щедраго.—Дек. 18 поставленъ на Круглицу Епископомъ Ефимей Старецъ отъ Троицы изъ Сергіева монаст., а на Рязань Протасій».

Г. 1497: «Послаль К. В. ко Стефану Воеводѣ въ Волохи Ивана Ощерина, да Луку Волошенина лѣта 7004; отпущенъ же назадъ, и на пути подъ Теребовліемъ пограбилъ ихъ Японча Салтанъ, Крымск. Царя

«сынъ, съ своими Козаки: они же возвратиша къ Стефану. Стефанъ же послалъ къ Царю Менгли-Гирею: Царь же повелъ то обыскати; они же, сыскавъ мало, отослаша... и придаша на Москву л. 7005 Авг.; а съ ними прииде посолъ изъ Волховъ Иванъ Питаро, и отпустиль его К. В. Сент. З. Да съ тѣмъ же посломъ придоша къ В. К. Игуменъ Паисея да З Старцы изъ Св. Горы милостыни ради, и К. В. милостынею издоволилъ, и на иные монастыри послалъ: понеже бо изъ старины тотъ монаст. Св. Пантелеймона въ Св. горѣ строеніе баше прежнихъ Великихъ Князей Русскихъ сотъ Вел. Володимера.—Марга во 2 приходиша Татарове и съ Турки въ Волынскую землю, и около Кремяница съ 400 душъ плѣниша, и собраша К. Михайло. Острозкій съ своими людми, и угна ихъ за Полоцкимъ и изби ихъ всѣхъ, и плѣниъ возврати, благодарственный пѣсни Богу воспѣвавая. Того же лѣта придоша Татарове Переокольскыи и множество поплѣниша во Олевской волости и въ Мозырской, и угониша ихъ К. Михайло да К. Констант. Острозкій съ Дворянами Князя Вел. въ Суботу по Велицѣ дни въ земли Брясловской на Сороцѣ рѣцѣ на Кошилавскихъ селищаахъ, а другихъ верхъ Умы рѣки у могили Пѣтуховы, и избиша всѣхъ до конца: убили Царевича Акманлу, а всѣхъ 340, а нашихъ 1 человѣкъ. — Того же лѣта пойде Вел. Кн. Александръ со всѣми вои Литовскими и Рускими, Жемонитскимъ и иными, противъ Царя Переокольскаго, и стоя въ Жеславли, и оттолѣ пойде до Брясловла, и тамо городъ заруби, и опять возвратиася въ свою землю; а Царь не смѣ ополчиться противъ его. Того же лѣта Король Польской Озбрахть ходи въ землю Волоскую со всими вои, и много зла вои его сътвориша церквамъ и образомъ: срамъ и писанію предати; и взя миръ съ Волоскумъ черезъ брата своего послы Короля Ческого и Угорского Владислава, и возвратиася въ свою землю, и которой дорогою повелъ ему пойти Волоскій, туда не восходитъ пойти, и пойде просто до Снявина по Буковину, и придоша Волоховѣ и Туркове на него, и много отъ вои «его» убиша: а самъ Король въ тотъ часъ бѣ боля. Тогожъ году преставиася Епископъ Володимерскій» (въ Волыніи).

Г. 1498: «Апр. въ 26 паль сиѣгъ въ полкоѣни, а лежалъ до Бориша дни, а на Борищъ день шелъ дождь, и нача быти тепло, и учали пахати.—Хлѣбъ былъ дорогъ во Псковѣ; четвертка по 9 денегъ, овсяная, по 4 денеги, а жита, по 6, а пшеницы зобница по 50, а соли мѣхъ по полсорока денегъ».

Г. 1499: «Іюня въ 12 преставиася Еписк. Крутицкой Евфимей.— «Іюля въ 14 поставленъ на Епископью Сарскую на Крутицу Трифонъ Игumenъ Богоявленскій, а на поставлениіи его сѣдѣль съ Митропол. на ѿмѣсть К. Великій Дмитрій Ивановичъ и Владыкъ пять.—Сент. придоша Татарове Ординскіе Козаки и Азовскіе подъ Козельскъ и взяли сельцо Олешну, и К. Иванъ Переокольскій да Одоевскіе Князи да Петровы дѣти Плещеева, Василей да Иванъ, догонивъ ихъ побиша, а иныхъ изымаша и приведоша на Москву».

Г. 1500: «Ногорѣ Запсковье на ѿминѣ недѣли, а горѣло отъ Жирковскаго всхода до Толокинской улицы.—Тоѧ же весны прииде къ В. К. посолъ Волоскій, именемъ Федоръ Исаевъ, Намѣстникъ Хотенскій.—Авг. въ 17 на осьмомъ часу дни загорѣся на Москвѣ на большомъ посадѣ и ногорѣ отъ Москвы рѣки и до Неглинной и пущечной избы и Рожественской монастырь.—Бысть пожаръ во Псковѣ, Окт. 6, и 2 костра поставиша на Запсковъ и на устьи Псковы рѣки. Пскови вичи порубивши, съ 10 сохъ конь, а съ 40 рублей конь и человѣкъ въ доспѣхъ, або были пѣши люди, и поѣхаша на Литву Княземъ Великимъ въ пособіе».

Г. 1501: «Выѣхалъ К. Псковской Александръ Волод. на Москву
«Марта 24, и пріяша Псковичи К. Ивана Ивановича на Княженіе
«Апр. 24. — Апр. Еписк. Филофей Пермскій оставилъ Епископію и
«спріиде въ Кириловъ монастырь. — Апр. въ 23 у гроба Св. Максима
«Уродиваго Богъ простилъ человѣка имущаго ногу прикорчену. — Пове-
«слѣніемъ В. К. разобраша старую церковь Чудо Св. Арханг. на Москвѣ,
«юже бѣ совершилъ Св. Алексѣй Митроп. въ лѣто 6873, и заложиша
«новую при Архимандр. Феогностѣ. — Тоя же осени преставися Еписк.
«Коломенскій Аврлій. Бысть лѣто все не погоже, бури великие, и хлѣбу неродѣ; а
«то непогодье стояло и до Николина дни».

Г. 1502: «Мая въ 1 поставленъ на Епископію Коломен. Игуменъ
«Никонъ изъ Павловой пустыни, а Мая въ 5 на Епископію Пермскую
«Игум. Никонъ отъ Св. Діонисія съ Глушицы. — Пріодоша къ Вел. Князю
«служити два Царевича изъ Астрахани, Исупъ Салтанъ, Ягупъ Салта-
«новъ сынъ, да Шигавліяръ Салтанъ, Бахтѣяръ Салтановъ сынъ, браты-
«ничи Ахмана Царя Большая Орды. — Повелѣніемъ Вел. Князя постав-
«ленъ бысть древяный В. Новгородъ по старому спу, и стрѣльницы дре-
«вянныя, а старыя каменныя разбили».

Г. 1503: «Генв. Тихонъ Ростовъ за немоющю оставилъ Архіепи-
«скопію, и сойде въ монаст. къ Борису и Глѣбу на Устью. — Пріѣхалъ
«во Псковъ К. Дм. Волод. Ростовской Мая въ 6. — Сент. 6 священа ц.
«Архістр. Михаила на Москвѣ Митрополитомъ и Архіеп. Генадіемъ. —
«На Устюзѣ погорѣ посадъ и 4 церкви, Св. Никола, Рожество, Св. Аѳа-
«насій и Варвара. — Тоя же осени преставися Княг. Уліана, К. Бориса
«Васильевича Ноября, и К. Федоръ Борисовичъ женился послѣ ее, а
«брать его, К. Иванъ Бор., на свадьбѣ его разболѣлся и преставился, и
«положиша его въ Госифовѣ монастырѣ. — Слитъ колоколь на Москвѣ
«большой, а дѣлать Петръ Фрязинъ, а мѣди въ немъ 550 пудъ, кромѣ
«олова».

Г. 1504: «Повелѣ В. Князя на Вознесеньевъ день Архим. Митро-
«фанъ на Андronиковѣ монастырѣ заложилъ трапезу кирпичну. — Разо-
«брала старую церк. Козмы и Даміана въ Москвѣ противъ Михайлова
«Чюда и заложиша новую. — Городъ сгорѣлъ Чердынь, и Князь Матеїй
«Михайловичъ Великопермскій поставилъ городъ на Почкѣ новой. — Ёздили
«Посадники Псков. къ Вел. Князю о Ржевскомъ дѣлѣ».

Г. 1505: «Въ Понедѣльн. на Страстной рать пришла безъ вѣсти изъ
«Тюмени на Вел. Пермь, Кулукъ Салтанъ, Ивака Царсь сынь, съ
«братью и съ дѣтьми, города не взяли, а землю Нижнюю извоевали, въ
«Усольѣ на Камѣ Русаковъ вывели и высѣкли, и Князь Василей Ко-
«тверъ на полѣ водѣ въ погоню послалъ Русаковъ въ судѣхъ и дognали
«ихъ въ Сылѣ на перевозѣ заднюю заставу, да и побили».

Конецъ Примѣчаній VI Тома.

СТР.

ОПИСАНИЕ РИСУНКОВЪ,

приложенныхъ къ шестому тому

„ИСТОРИИ ГОСУДАРСТВА РОССІЙСКАГО“.

Рисунокъ первый: Общий чертежъ Московіи или Московскою Государства, составленный барономъ Ситимундомъ Герберштейномъ, въ половинѣ XVII вѣка.

Чертежъ этотъ весьма замѣчательнъ, какъ первая карта Россіи, по которой иноzemцы могли получить, хоть приблизительно-вѣрное, понятіе обѣ отдаленномъ и могущественномъ государствѣ, въ которое несложно было проплыть. Предусмотрительный Герберштейнъ, зная, какъ всѣ подробности о Московіи интересуютъ европейцевъ, помѣстилъ на каймѣ своей карты: а) наверху: три различные способы путешествія, которыми ему пришлосьѣ ходить до Москви и по Москви; б) на право и на лѣво: различное оружіе, употребляемое въ Москви; в) внизу: видъ степи съ курганами и фигура буйвола и зубра, неизвѣстныхъ въ Европѣ XVII вѣка.

Рисунокъ второй:

Въорсъ:—видъ Старо-Ладожской крѣпости и части р. Волхова, съ плывущими по рѣкѣ стругами, которые идутъ подъ парусами и на веслахъ.—Въ углу картины: народная пляска (мужчины и женщины пляшутъ; въ сторонѣ гудочникъ играетъ на гудкѣ, а рядомъ стоитъ женщина и бьетъ въ бубенъ).

Внизу:—Сельскія народныя забавы. Путешественникъ-иноzemецъ, составившій этотъ рисунокъ, нанесъ на него то, что его должно было особенно поразить, а именно: скаканье на доскѣ и круговыя качели. Были разбросаны избы, съ высокими вышками; нѣкоторыя изъ нихъ съ трубами; другія—безъ трубъ(курины).

Рисунокъ третій:

Въорсъ: домъ богатаго Московскаго боярина, въ городѣ Москвѣ (видъ со двора). Путешественникъ-иноzemецъ изобразилъ тотъ домъ, въ которомъ онъ самъ жилъ съ посольствомъ. Прямо видны ворота, выходящіе на улицу. О-бокъ стѣны дома поднимаются *переходы* (крытыя лѣстницы: къ другой сторонѣ его ведеть блое, крытое крыльцо).

Внизу: Способъ передвиженія по рѣкамъ въ древней Руси, при помощи бичевы, которую тянуть по берегу.

Всѣ эти 4 рисунка заимствованы изъ путешествія Олеарія.

Рисунокъ четвертый:

1) Древніе часы (или часомы), какъ ихъ называли у насъ въ XVI и XVII в.в.), нѣкогда помѣщавшия надъ главными Кремлевскими воротами. Стрѣлка помѣщена вверху (подъ изображеніемъ солнца), надъ движущимся циферблаторомъ, на которомъ цифры часовъ обозначены славянскими буквами. 2) Воинъ въ юшманѣ (иначе: юшманъ), т. е. кожаной или сермяжной бронѣ, съ нашитыми на ней металлическими бляхами. Шапка на немъ войлочная, стеганая, съ металлическою стрѣлкою для защиты лица отъ ударовъ. 3) Желѣзные налокотники (часть воинскаго вооруженія). 4) Колчанъ для стрѣль—кожаный, тисненый. 4) Налучко—вмѣстительце для лука. Колчанъ и налучко вмѣстѣ назывались *саадакъ*, и носились на боку, либо привѣшивались къ сѣдлу. 5) Боевая палица. 6) Стрѣла. 7) Сулица (копье). 8) Лукъ. 9) Воинъ въ желѣзномъ шлемѣ съ желѣзною бармицею (сѣткою), которая должна защищать шею отъ ударовъ. Бармица застегнута подъ борою запонкой.

40,-

WYSZA SZKOŁA
PEDAGOGICZNA W KIELCACH
BIBLIOTEKA
098289

Biblioteka WSP Kielce

0258794